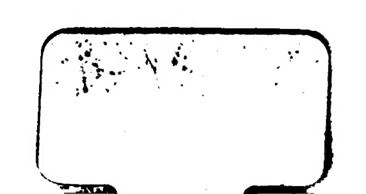

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
·ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·
ЛИТЕРАТУРЫ.
1871
12
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 12-я.
ДЕКАБРЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Digitized by Google

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1871.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I-XVI стр.

Въ январьской книгѣ наступающаго года печатается повѣсть Ив. С. Тургенева: «Вешнія воды».

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

III *).

Проявленія скептицизма.

Разсматривая эпоху отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, и изслѣдуя въ ней элементы, приготовлявшіе къ современной намъ преобразовательной эпохѣ и потому предполагавшіе отрицаніе системы, построенной на оффиціальной народности, мы должны остановиться прежде всего на личности Чаадаева, которая въ этомъ отношеніи была однимъ изъ самыхъ любопытныхъ проявленій описываемой эпохи. До сихъ поръ личность Чаадаева оставалась въ общихъ понятіяхъ не вполнѣ ясною и стояла очень одиноко въ исторіи нашего умственнаго развитія, несмотря на все то, что было писано до сихъ поръ о Чаадаевѣ, и въ пользу его, и противъ него [1]). Въ самомъ дѣлѣ, откуда выросло

---

[1]) См. выше: май 233, сент. 301 стр.

*) Между прочимъ и у насъ (см. выше, іюль, 172 стр. и сент., 9 стр.) была помѣщена біографія П. Я. Чаадаева; печатая ее, какъ матеріалъ, сообщающій много новаго и интереснаго и вмѣстѣ ярко освѣтившій различныя стороны времени и личности, мы оговорили необходимость возвратиться къ исторической оцѣнкѣ личности Чаадаева, что и составляетъ содержаніе настоящей статьи. — *Ред.*

то содержаніе, какимъ удивлено было русское общество въ извѣстномъ «Философическомъ письмѣ»? Откуда развился тотъ неумолимый скептицизмъ относительно русской жизни, который нежданно высказался среди самодовольнаго общества и повлекъ за собой такія суровыя репрессаліи? Какъ явились несомнѣнные католическіе вкусы Чаадаева? Какое вліяніе оставилъ онъ, и оставилъ ли, въ нашей литературѣ и общественныхъ понятіяхъ? Рѣшать вполнѣ эти вопросы еще мудрено теперь, когда недостаетъ для этого самаго фактическаго матеріала, да и время еще очень къ намъ близко... Поэтому, мы имѣемъ въ виду только общую характеристику мнѣній Чаадаева и сочиненій его, которыя, за исключеніемъ «Письма», до сихъ поръ еще вовсе не были извѣстны на русскомъ языкѣ.

Прежде всего, характеръ умственнаго движенія, развившагося въ описываемые годы, может указать, что скептицизмъ Чаадаева относительно русской жизни и исторіи вовсе не былъ вещью случайной; не трудно увидѣть, что онъ стоитъ въ тѣсной родственной связи съ такъ-называемымъ «западнымъ» направленіемъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (хотя и не сливается съ нимъ), и естественно ожидать, что должны быть также и историческіе антецеденты, объясняющіе его собственное первое появленіе. Сколько бы мы ни отдали на долю личнаго ума, свѣтлой проницательности, открывающихъ новую мысль, новую точку зрѣнія, такія явленія въ умственной жизни не бываютъ вообще явленіями единичными, анекдотическими. Если Чаадаевъ находилъ вниманіе къ своимъ теоріямъ, если онъ произвелъ впечатлѣніе, имѣлъ своихъ защитниковъ и враговъ въ кругу лучшихъ умовъ того времени,—о чемъ мы имѣемъ столько свидѣтельствъ,—это значило, что въ его идеяхъ, какъ ни были они своеобразны, былъ общій историческій элементъ, который и связывалъ его съ теченіемъ развитія. И чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, и ревность защитниковъ съ одной стороны, и вражда съ другой, тѣмъ больше силы надо признать за этимъ историческимъ элементомъ.

Въ чемъ же состояла эта историческая связь, и ка́къ шло развитіе самого Чаадаева? Біографія Чаадаева, какъ мы сказали, еще имѣетъ много пробѣловъ, отчасти весьма существенныхъ [1].

---

[1]) Въ дополненіе къ біографіи, составленной М. И. Жихаревымъ, мы сочли нелишнимъ собрать библіографическія указанія тѣхъ свѣдѣній о Чаадаевѣ, какія намъ встрѣчались въ литературѣ:

1836. «Телескопъ», т. 34, № 15, стр. 275—310: «Философическія письма».

1843. «La Russie en 1839», par le marquis de Custine. Seconde éd. 4, стр. 370—374.

Такой пробѣлъ въ особенности представляетъ именно та пора его жизни, когда его взгляды впервые сложились въ опредѣленную религіозную философію, на которой онъ основывалъ и свою философію исторіи. Поэтому, и теперь остаются не вполнѣ ясны тѣ вліянія, которыя дѣйствовали на него въ эту пору, и наконецъ опредѣлили его умственную физіономію.

Историческая роль Чаадаева опредѣляется вообще тѣмъ, что

1843. Paul de Julvecourt, «Le faubourg St.-Germain Moscovite. Les Russes à Paris». 2 vol.

1847. Haxthausen, «Studien über die innern Zustände etc. Russlands». Berlin 1847—1852. III, стр. 3.

1853. Herzen, «Du developpement» etc., стр. 94—96, и затѣмъ отдѣльныя воспоминанія въ П. Зв., гдѣ перепечатано и «Письмо» Чаадаева (т. VI, 1861, стр. 141—162).

1854. «Раутъ», Н. Сушкова, М., стр. 294, 295, 365.

1856. «Моск. Вѣдом.» № 46, 17 апрѣля (извѣщеніе о смерти Чаадаева).

— «Современникъ» № 7, отд. 5, стр. 5 (некрологъ Чаадаева, г. Лонгинова).

1858. «Московскій универс. благор. пансіонъ», Н. Сушкова, стр. 19, также въ Приложеніяхъ, стр. 18, стр. 26—29 (письмо Ч. къ кн. Вяземскому о книгѣ Гоголя «Выбр. мѣста» и пр., 1847).

1860. Сочиненія Дениса Давыдова, ч. 3, стр. 142 (письмо Давыдова къ Пушкину о Ч.).

1860. «Русскій Вѣстникъ», № 5, Соврем. Лѣтоп., стр. 21—25, замѣтка о предыдущемъ, г. Лонгинова.—Тамъ же, № 18, Соврем. Лѣтоп., стр. 153.

1860. «Tendances catholiques dans la société russe», par le P. J. Gagarin, въ Парижѣ и Наумбургѣ (изъ журнала Correspondant).

1861. «Библіограф. Записки», № 1, стр. 1—18. Статья о Чаадаевѣ и нѣсколько его писемъ, между прочимъ письмо къ Жуковскому, отъ 21 мая 1851.

1861. «Полн. Собр. Сочин. Хомякова», I, стр. 720—721.

1862. «Oeuvres choisies de P. Tchadaïef, publiées pour la première fois par le P. Gagarin». 208 стр.

1862. «Р. Вѣстн.», № XI, стр. 119—160: Воспоминанія о П. Я. Ч., г. Лонгинова (въ концѣ два французскія письма Ч. къ Шеллингу).

1862. Записки Якушкина, стр. 51, 59—60.

1863. «Р. Архивъ», стр. 871—873 (извѣстіе о парижскомъ изданіи).

1865. «Р. Вѣстн.», августъ, стр. 547.

1866. «Р. Архивъ», № 7, письмо Ч. къ кн. Вяземскому (то же, что у Сушкова, Моск. Унив. Панс.).

1868. «Воспоминанія о Чаадаевѣ» Д. Свербеева (1856), въ «Р. Архивѣ», стр 976—1001.

1868. «Эпизодъ изъ жизни Чаадаева (1820 годъ)», г. Лонгинова,—тамъ же, стр. 1317 и 1328.

1870. «Р. Архивъ», стр. 676—679 (въ ст. Свербеева о Герценѣ), стр. 1579 (въ зап. Якушкина, о Мих. Чаадаевѣ).

1870. «Р. Старина», т. I, стр. 162—165 (письмо Вигеля къ митр. Серафиму о статьѣ Чаадаева), стр. 291—293 (письмо митр. Серафима о томъ же къ графу Бенкендорфу), стр. 606.

1870. «Отеч. Записки», ноябрь, стр. 30—31 (въ статьѣ г. Скабичевскаго).

1871. Богдановича, Ист. ц. Импер. Александра, V, 508—512.

онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ дѣятелей въ литературѣ, развитіе которыхъ принадлежало десятымъ, двадцатымъ годамъ,—времени наполеоновскихъ войнъ и либеральнаго движенія. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ звеньевъ, которыя связали ту эпоху съ эпохой тридцатыхъ годовъ, связали два направленія, два характера мысли, которыя въ сущности были мало похожи одно на другое. Извѣстно изъ его біографіи, что первое образованіе Чаадаева шло тѣмъ путемъ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ оно шло тогда, да и теперь, вообще у аристократической молодежи. Это было образованіе легкое, свѣтское; довершеніе этого образованія было уже его собственнымъ дѣломъ. Одаренный задатками сильнаго ума и пытливости, онъ очень рано вступилъ въ жизнь; очень рано началась для него и та пора, когда складываются впервые понятія и убѣжденія, и естественно, что, при живости ума, онъ долженъ былъ въ особенности увлекаться появившимися интересами и вмѣстѣ подпадать вліянію времени и общества. Эти время и общество были оригинальныя и исключительныя: Чаадаевъ юношей вступилъ въ армію въ тревожные и богатые впечатлѣніями годы отечественной войны и походовъ въ Европу, и это время положило вѣроятно первыя основы его дальнѣйшаго развитія. Здѣсь впервые должна была произвести на него могущественное впечатлѣніе европейская жизнь, которая дала ему, оставшійся навсегда, идеалъ. Здѣсь, въ этомъ времени имѣетъ свой корень и его религіозная философія. Можно сказать, что въ цѣломъ складѣ его образа мыслей остались характеристическія черты этого времени.

Намъ не однажды случалось указывать, что въ тѣхъ новыхъ понятіяхъ, какія составлялись у людей Александровскаго времени, въ предметахъ нравственной и общественной философіи, было вообще много отвлеченнаго и идеалистическаго. Мысль не укладывалась въ строгую положительную форму, въ опредѣленное требованіе; напротивъ, всего чаще она оставалась на степени теоретическаго афоризма, идеальнаго стремленія—потому, конечно, что самые идеалы были слишкомъ новы, что дѣйствительность слишкомъ мало на нихъ походила и, не давая имъ необходимой практической опоры, по неволѣ заставляла этихъ людей опять возвращаться къ идеаламъ и теоріямъ. Такъ было не съ однимъ либеральнымъ молодымъ поколѣніемъ двадцатыхъ годовъ. Тоже было и въ планахъ самой правительственной сферы. Начиная съ первыхъ лѣтъ и первыхъ замысловъ императора Александра до послѣдняго развитія тайныхъ обществъ, всѣ идеалы общественной реформы отличаются этимъ, слишкомъ теоретическимъ построеніемъ: таковъ «Лагарповъ планъ», таковъ проектъ

Сперанскаго, таковы большей частью конституціонные и преобразовательные планы тайныхъ обществъ; таковы стремленія библейскія, масонскія. При всемъ различіи этихъ плановъ, въ нихъ проходитъ одна общая черта, — ихъ нѣсколько странное, далекое отношеніе къ русской жизни; при всемъ стремленіи бо̀льшей ихъ части служить благу народа̀, при несомнѣнно благородныхъ намѣреніяхъ многихъ личностей, — во всемъ этомъ было что-то произвольное, неприлаженное. Люди, задававшіеся преобразовательными идеалами, слишкомъ легко удовлетворялись общими положеніями и готовыми рѣшеніями и, не отдавая себѣ яснаго отчета въ русской дѣйствительности, довольствовались однимъ общимъ представленіемъ о неудовлетворительности существующаго положенія вещей. Теоріи, которыя были тогда въ ходу, были въ особенности теоріи политическія, навѣянныя европейскими вліяніями, а также возбуждаемыя первыми инстинктивными стремленіями русской жизни: эти теоріи, чрезвычайно трудныя и сложныя въ сущности, въ тоже время были очень общедоступны, какъ будто поддавались нагляднымъ рѣшеніямъ.

Реформаторы, изъ сферы правительства и изъ тайныхъ обществъ, одинаково легко брались за предметъ: подъ ихъ руками быстро создавались конституціонные планы, подкладка которыхъ заимствовалась готовая изъ европейскихъ политическихъ идей; въ то время не сомнѣвались обращаться въ подобныхъ случаяхъ прямо къ иностранцамъ, которые сами не находили въ этомъ ничего страннаго. Такъ, въ началѣ царствованія обращаются къ Бентаму съ вопросами о законодательствѣ; такъ Лагарпъ пишетъ свой планъ,—и имп. Александръ негодуетъ даже, что Сперанскій его «обрусилъ» [1]); такъ составляется тайное общество по программѣ Тугендбунда, и пишутся конституціи по англійскимъ и американскимъ образцамъ. Бо̀льшая часть людей, возымѣвшихъ тогда политическіе интересы, получили ихъ подъ непосредственными впечатлѣніями европейской жизни и посредствомъ нагляднаго сличенія русской дѣйствительности съ цивилизаціей и свободой западныхъ народовъ. Такимъ образомъ, большинство приходило отсюда не къ изученію, а къ нравственному возбужденію, къ негодованію на существующее зло, и ихъ экзальтированное чувство тѣмъ легче вѣрило въ тѣ политическія средства, которыя могли будто бы привести къ желанной цѣли. Люди, какъ Н. И. Тургеневъ, который уже тогда ясно видѣлъ, что всѣ эти конституціонныя построенія не имѣютъ никакого значенія пе-

---

[1]) См. Р. Арх. 1871, ст. Погодина о Сперанскомъ.

редъ крестьянскимъ вопросомъ, требующимъ разрѣшенія прежде всего, — такіе люди бывали исключеніемъ...

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ что не слѣдуетъ, однако, пренебрежительно относиться къ этому явленію. Основная идея и мотивы всѣхъ этихъ плановъ имѣютъ несомнѣнную цѣну въ исторіи общественныхъ понятій; ихъ пріемъ и отношеніе къ предмету, — одинаковые, какъ мы видѣли, и въ правительствѣ, и въ средѣ общества, — были дѣломъ времени. Ихъ неполнота, ихъ произвольность совершенно понятны какъ первый шагъ политическаго сознанія. Этимъ опытамъ трудно было быть лучше. Историческая потребность понята была высшими слоями образованнаго общества, и это стремленіе къ общественной свободѣ по необходимости оставалось отвлеченнымъ, потому что практическихъ указаній не давала народная жизнь, давно потерявшая всѣ признаки этой свободы, — не было и указаній научныхъ, потому что не было еще своей политической науки, и наука историческая только-что начиналась. Наконецъ, и прежняя жизнь вовсе не научала особенному вниманію къ народной жизни, къ истинному характеру дѣйствительности: девятнадцатый вѣкъ конечно гораздо меньше можно обвинить за эти эксперименты in anima vili, чѣмъ восемнадцатое столѣтіе. Нуженъ былъ цѣлый процессъ развитія, чтобы общественная мысль научилась правильному и разумному отношенію къ народу, и либерализмъ Александровскаго времени именно и представлялъ начало этого процесса.

Эта отвлеченность нравственныхъ и общественныхъ понятій того времени, объясняемая самыми условіями русской жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ была и отраженіемъ европейскихъ космополитическихъ идей. Наслѣдіе революціи, этотъ космополитизмъ, въ нашемъ либеральномъ кругу, былъ въ особенности развитъ сближеніемъ народовъ въ продолженіе наполеоновскихъ войнъ; потомъ наступившая реакція Священнаго Союза, поставивъ себѣ задачей всеобщее преслѣдованіе либерализма, опять его усиливала, и предполагая тѣсную связь либеральныхъ волненій въ разныхъ краяхъ Европы, она сама внушала либеральнымъ партіямъ, что ихъ дѣло есть общее дѣло свободы. Дѣйствительно, вліяніе этихъ космополитическихъ идей составляетъ характеристическую черту того времени, ярко обнаруживаясь и тогдашнимъ политическимъ положеніемъ Россіи, и внутренней жизнью, въ которую съ особенной силой стали проникать разнообразные отголоски европейскаго броженія, отъ крайняго піэтизма до крайняго политическаго свободомыслія. Наши либералы интересовались европейскими событіями, сочувствовали революціоннымъ вспышкамъ

двадцатыхъ годовъ, искали своихъ авторитетовъ между корифеями европейскаго либерализма и т. п. Въ ихъ образѣ мыслей составлялся извѣстный кодексъ либеральныхъ принциповъ, который они принимали несмотря на все его разногласіе съ нравами и обычаями русской жизни, принимали какъ дѣло образованности и дѣло чести. Любопытно встрѣтить, что въ этомъ кодексѣ либераловъ не послѣднюю роль играли и классическія воспоминанія: они читали Цицерона, Ливія, Тацита, и классическая цитата нерѣдко приводилась въ подкрѣпленіе мнѣній [1]).

Чаадаевъ имѣлъ тѣсныя связи съ либеральнымъ кружкомъ двадцатыхъ годовъ. По обычаю времени, мы встрѣчаемъ его въ масонской ложѣ; его коснулось и тайное общество [2]),—хотя не видно, чтобъ онъ игралъ въ немъ какую-нибудь роль: судя по его позднѣйшимъ отзывамъ объ этомъ обществѣ, онъ вѣроятно признавалъ его только въ смыслѣ дружескаго кружка и мирной пропаганды, и не сочувствовалъ никакимъ практическимъ предпріятіямъ, о которыхъ могла идти рѣчь. Во всякомъ случаѣ его сношенія съ обществомъ прервались его отъѣздомъ за границу, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ [3]). Но какъ бы то ни было, Чаадаевъ переживалъ этотъ періодъ идеальнаго и космополитическаго либерализма, въ которомъ и должны заключаться зародыши его позднѣйшихъ воззрѣній. Посланія Пушкина рисуютъ эту пору ихъ дружбы, когда Чаадаевъ являлся передъ нимъ то «мудрецомъ», то «мечтателемъ»; впослѣдствіи (въ 1830 г.) Пушкинъ читалъ въ рукописи рядъ тѣхъ писемъ, изъ которыхъ одно появилось потомъ въ «Телескопѣ», и изъ его отзывовъ объ этомъ чтеніи не видно, чтобы идеи Чаадаева поразили его какъ что-нибудь совсѣмъ новое: вѣроятно по крайней мѣрѣ, что ему не было ново ихъ критическое направленіе.

Біографія Чаадаева до сихъ поръ мало объясняетъ, откуда взялась та особенность его мнѣній, которая явнымъ образомъ выразилась въ «Философическихъ письмахъ» и которая должна была особенно увеличить раздраженіе, ими вызванное. Мы говоримъ объ его католическихъ наклонностяхъ, которыя высказывались несомнѣнно и въ историческомъ взглядѣ Чаадаева на

[1]) См., напр., въ запискахъ Якушкина.

[2]) Въ тѣхъ же запискахъ разсказывается, что Чаадаевъ согласился на сдѣланное ему Якушкинымъ предложеніе вступить въ тайное общество.

[3]) Въ одномъ изъ писемъ, писанныхъ къ нему за границу (въ началѣ 1825), упоминается интересный рядъ его друзей и знакомыхъ, о которыхъ онъ желалъ имѣть новости. Въ этомъ ряду упомянуты имена: Граббе, Алекс. Пушкинъ, кн. Вяземскій, Тургеневы, Никита Муравьевъ, кн. С. Трубецкой, Матвѣй Муравьевъ, кажется фонъ-Визины.

значеніе католицизма въ судьбѣ европейской цивилизаціи, и вообще въ его религіозныхъ понятіяхъ. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, какъ обнаруживались у него эти понятія въ жизни; онъ не былъ, какъ говорятъ, дѣйствительнымъ католикомъ, — онъ умеръ православнымъ,—но іезуитъ г. Гагаринъ говоритъ о томъ, какъ много ему «обязанъ», и какъ отношенія съ Чаадаевымъ въ тридцатыхъ годахъ «оказали могущественное вліяніе» на его будущее. Гдѣ же искать источника этихъ католическихъ наклонностей?

Извѣстно, что католицизмъ нашелъ много послѣдователей въ нашемъ высшемъ обществѣ во времена императора Александра. Историкъ іезуитовъ въ Россіи разсказываетъ, съ какимъ успѣхомъ они вели свою пропаганду, какъ толпами обращались въ католичество великосвѣтскія дамы, какъ іезуитскіе пансіоны начали дѣйствовать на самыя юныя поколѣнія. Въ іезуитскомъ пансіонѣ на три четверти было воспитанниковъ изъ семействъ высшей аристократіи. Здѣсь воспитывались люди, игравшіе впослѣдствіи значительную роль въ нашей общественной и государственной жизни, напр., Алексѣй и Михаилъ Орловы, Бенкендорфъ; здѣсь учились Голицыны, Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Волконскіе, Шуваловы, Ростопчины, Строгановы, Полторацкіе, Толстые, Вяземскіе и т. д.[1]). Рядомъ съ этимъ шли многочисленныя тайныя обращенія въ католицизмъ. Католическая пропаганда еще съ конца прошедшаго столѣтія свила себѣ прочное гнѣздо въ русскомъ высшемъ обществѣ, и русскія аристократическія имена доставили въ новѣйшее время католицизму значительный контингентъ, въ которомъ были дѣятельные пропагандисты и даже свои знаменитости: таковы имена г-жи Свѣчиной, кн. Зинаиды Волконской, Гагарина, Шувалова, Августина Голицына и т. д. Любопытный читатель найдетъ характеристическія подробности подобныхъ обращеній въ книгѣ о. Морошкина, въ біографіи Свѣчиной, въ сочиненіяхъ самихъ обращенныхъ.

Чѣмъ объяснялось это явленіе,—отчего «рвалось изъ всѣхъ силъ въ объятія латинства русское родовитое барство»? Нѣтъ сомнѣнія, что важную роль играли здѣсь тотъ недостатокъ порядочнаго воспитанія въ православномъ духѣ, то отдаленіе высшаго круга отъ русской жизни и отъ русскаго духовенства, не представлявшагося достаточно полированнымъ и свѣтскимъ, то «невѣжество» и «легкомысліе, свойственное женщинамъ нашего высшаго общества въ вещахъ самыхъ серьезныхъ», та вкрадчивость и ловкость католическихъ аббатовъ, «имѣющихъ такія

[1]) Іезуиты въ Россіи, М. Морошкина. Т. II, стр. 111, 114, 115, 127.

мягкія манеры, говорящихъ такъ вкрадчиво, такъ нѣжно и на такомъ прекрасномъ языкѣ, какъ игривый французскій» и т. д., всѣ тѣ причины, которыя приводятся о. Морошкинымъ. Но это были не единственныя причины, и выставленные недостатки русскаго барства были не единственныя вещи, дѣлавшія его доступнымъ пропагандѣ. Если говорить о ближайшихъ явленіяхъ, то самъ о. Морошкинъ приводитъ факты, представляющіе въ очень печальномъ видѣ русское духовенство конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія [1]): недостатокъ образованія былъ таковъ, что религіозное обученіе и не могло быть удовлетворительно, и даже безъ чужой пропаганды, совершенно естественно могло являться у людей, въ другихъ отношеніяхъ довольно образованныхъ, и это незнаніе своей вѣры и это отдаленіе отъ своего духовенства. Образованнѣйшіе люди изъ духовенства, какъ напр., Самборскій, поощряемый и уважаемый самой властью, были очень непохожи на своихъ сотоварищей, и были въ тоже время очень рѣдки. Слѣдовательно, вина упомянутаго отдаленія должна лежать не на одномъ исключительно «барствѣ». Съ другой стороны, удаленіе отъ народной вѣры было не единственнымъ примѣромъ удаленія отъ народной жизни. Точно также удаленіе это простиралось на множество другихъ отношеній, гдѣ такимъ же образомъ порывалась связь между однимъ классомъ — сильнымъ, богатымъ, привилегированнымъ, и другимъ — слабымъ, бѣднымъ и беззащитнымъ. Но если во всѣхъ другихъ отношеніяхъ отдаленіе отъ народа поощрялось всѣми господствующими учрежденіями и нравами, было ли удивительно, что совершалось наконецъ и это религіозное удаленіе? Словомъ, причина явленія заключалась не въ однихъ личныхъ (хотя и весьма распространенныхъ) недостаткахъ многихъ лицъ высшаго сословія, но главнымъ образомъ въ общихъ условіяхъ, напр., въ недостаткахъ самой церковности, въ учрежденіяхъ, совершенно выдѣлявшихъ высшее сословіе въ особую, ничѣмъ не связанную съ народомъ, привилегированную касту.

Шире ставитъ эти причины распространенія католической пропаганды, другой историкъ іезуитовъ, г. Самаринъ. Изображая высшую общественную среду, гдѣ по преимуществу совершалась пропаганда, г. Самаринъ говоритъ: «...Эта среда подчинялась не однимъ латинскимъ вліяніямъ. Отверстая для всего и ко всему воспріимчивая, она проникалась еще охотнѣе либеральными стремленіями, совершенно искренними, но безплодными по своей отвлеченности, и съ особенною любовью лелѣяла туманныя

---

[1]) Іезуиты, т. I, стр. 268—269.

мечты о какомъ-то будущемъ духовномъ единеніи племенъ и правительствъ, въ безразличномъ равнодушіи ко всѣмъ формуламъ вѣры. Всякое со стороны занесенное ученіе, политическое или религіозное, всякая фантазія, всякій призракъ, могли, до извѣстной степени, разсчитывать на успѣхъ и внушать сочувствіе. Конечно, одно съ другимъ не клеилось, но все вмѣстѣ ускоряло *разложеніе народныхъ стихій*, издавна начавшееся въ нашемъ дворянствѣ. Таково свойство внутренней пустоты, при легкой воспріимчивости. Повидимому, все сіяло благонамѣренностью; зародыши всевозможныхъ благихъ начинаній носились въ общественной атмосферѣ; а между тѣмъ живое, народное самосознаніе гибло. При сильно развитомъ государственномъ патріотизмѣ, терялся народный смыслъ; историческая память была какъ-бы отшибена; непосредственное ощущеніе всего пережитаго прошедшаго въ каждой минутѣ настоящаго было утрачено; народный языкъ сдѣлался какъ-бы чужимъ, своя вѣра упала на степень всякой иной вѣры.

«О вѣрѣ, въ тѣ времена, разсуждали такимъ образомъ: всѣ вѣроисповѣданія одинаково хороши... На латинца, который бы вздумалъ перейти въ православіе, высшее общество взглянуло бы также неблагосклонно, какъ и на православнаго, переходящаго въ латинство. И тотъ и другой, въ его глазахъ, прослыли бы отступниками; мало того, оно нашло бы для второго обстоятельства смягчающія вину — въ обаяніи высшей цивилизаціи и въ искренности убѣжденія, заявленной смѣлостью поступка. Этотъ взглядъ, изъ общественной сферы, перешелъ въ правительственную и прослылъ терпимостью.

«И въ эту-то дряблую и рыхлую среду, безсильную духомъ, оторванную отъ народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врѣзались іезуиты, съ ихъ строго опредѣленнымъ ученіемъ, во всеоружіи испытанной своей діалектики и вѣковой педагогической опытности. Съ какой стороны могли они встрѣтить отпоръ?..» Люди Екатерининскаго времени не имѣли голоса въ этихъ дѣлахъ; духовенство — «но въ тѣ гостинныя, гдѣ царствовали іезуиты и гдѣ графъ Местръ доказывалъ, что православная церковь отложилась отъ римской и казнена растлѣніемъ, нашихъ священниковъ не пускали; да притомъ, имъ ли, застѣнчивымъ, неловкимъ, неопытнымъ въ управленіи дамскими совѣстями, неспособнымъ даже выслушать исповѣди на французскомъ языкѣ, имъ ли было вступать въ споры и выдерживать состязанія, на которыхъ судьями были бы князья и княгини, графини и графы, подкупленные вкрадчивымъ красно-

рѣчіемъ іезуитовъ и очарованные галантерейностью ихъ обращенія?

«Дѣло обошлось не только безъ борьбы, даже безъ отпора» [1]).

Въ этихъ словахъ метко указаны нѣкоторыя черты людей и времени. Князь Голицынъ, управлявшій духовными исповѣданіями, аристократическія барыни, которыхъ дурачили іезуиты, заслуживаютъ презрительнаго отзыва, какимъ надѣлилъ ихъ г. Самаринъ. Но повторяемъ, что для болѣе вѣрной оцѣнки католической пропаганды слѣдовало бы прибавить нѣкоторыя другія черты. Князь Голицынъ, поощрявшій іезуитовъ, и великосвѣтскія барыни и аристократическіе господа, уходившіе въ католицизмъ, не этимъ однимъ заслуживали бы подобнаго отзыва,— и не переходя въ католицизмъ, большинство людей этой категоріи не много принесли бы проку своему отечеству... Г. Самаринъ намекаетъ на это, говоря о «разложеніи народныхъ стихій»,—но мы думаемъ, что другія стороны этого разложенія были едва ли не гораздо еще хуже католицизма. Были люди, не прикосновенные къ іезуитству и католицизму, которые не выиграли отъ этого ни въ личномъ, ни въ гражданскомъ своемъ достоинствѣ, и дѣйствовали не хуже тѣхъ враговъ православія и русской народности, какими были люди, описываемые г. Самаринымъ. Тотъ же князь Голицынъ, послѣ изгнанія іезуитовъ, нисколько не сдѣлался лучше и полезнѣе для русскаго просвѣщенія. За католической пропагандой, однимъ словомъ, скрывалось зло, гораздо болѣе крупное, и придавать ей слишкомъ большую важность едва ли бы не значило «бичевать маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ» и извращать историческую перспективу.

Г. Самаринъ едва ли правъ, напримѣръ, противупоставляя дѣятелямъ Александровскаго времени людей временъ Екатерины. «Терпимость», о которой идетъ рѣчь, не была въ это время совершенной новостью; она была результатомъ и Екатерининскаго времени. «Народная и церковная почва» была покинута гораздо ранѣе. О. Морошкинъ приводитъ въ своей книгѣ примѣры воспитанія *тѣхъ временъ*, и это воспитаніе конечно уже готовило прозелитовъ католицизму. Таково было воспитаніе Свѣчиной. Слѣдовательно, сущность дѣла лежала не исключительно въ этихъ людяхъ, а въ порядкѣ вещей, существовавшемъ и прежде этого: «дряблая и рыхлая среда» стала таковой еще гораздо раньше. Когда воспитался этотъ князь Голицынъ, «изучившій до тонкости и до малѣйшихъ подробностей науку

[1]) Самаринъ, Іезуиты, М. 1866, стр. 265—267.

царедворскую, — почти невѣжда въ православіи и жалкое игралище всѣхъ сектантовъ,—религіозная Торичелліева пустота», какъ его метко характеризовалъ о. Морошкинъ? Эта «Торичелліева пустота» (не только религіозная, притомъ, но и вообще умственная) образовалась въ тѣ самыя времена, которыя хочетъ возвеличить г. Самаринъ.

Терпимость, которую г. Самаринъ изображаетъ похожею на невѣжественное равнодушіе, и которая въ князѣ Голицынѣ была дѣйствительно такова, что ей мудрено сочувствовать, — эта терпимость не была однако такъ безплодна и неумѣстна. Она не ограничивалась тѣми глупыми примѣрами, какіе доставляетъ кн. Голицынъ; не забудемъ, что она была распространена отчасти и на домашній расколъ, и въ этомъ смыслѣ была элементомъ очень желательнымъ для русской народной жизни. «Терпимость» могла часто прилагаться нелѣпымъ образомъ,—это правда; но во всякомъ случаѣ она была не лишнимъ понятіемъ въ русскомъ обществѣ, которое слишкомъ мало знакомо съ нимъ даже и теперь.

Въ объясненіе успѣха католической пропаганды приводятъ еще иронически «застѣнчивость, неловкость и неопытность въ управленіи дамскими совѣстями» нашего духовенства, представляя эти качества какъ достоинство въ сравненіи съ іезуитской ловкостью и беззастѣнчивостью; но не заходила ли неопытность нашего духовенства слишкомъ далеко, если наконецъ стали оказываться подобные побѣги? Въ этомъ сравненіи есть опять болѣе серьезная сторона. Іезуиты были, конечно, аферисты, но не всѣ же католическіе духовные были аферисты, и въ русскомъ обществѣ тѣ и другіе естественно являлись съ тѣмъ положеніемъ, какое католицизмъ вообще доставлялъ своему духовенству. Въ западномъ обществѣ клерикальное вліяніе было уже давно ограничиваемо противной стороной общественнаго мнѣнія, но въ своей области, т.-е. въ большинствѣ общества, духовенство имѣло сильный авторитетъ, — съ сознаніемъ этого привычнаго авторитета оно являлось и у насъ. Общественное положеніе нашего духовенства было очень на это не похоже, и на умы легкомысленные это обстоятельство легко могло производить впечатлѣніе, которому не умѣло противодѣйствовать наше духовенство.

Наконецъ, многоиспытанная діалектика и вѣковая педагогическая опытность. На первую конечно слѣдовало отвѣчать такой же діалектикой, — и кто же виноватъ, что мало или вовсе не отвѣчали? Что касается до педагогической опытности, относительно ея существовало и образовывалось тогда общее представленіе, которое держалось и долго спустя. Можно сказать, что только новѣйшая исторія педагогіи разрушила предразсу-

локъ о педагогическомъ искусствѣ іезуитовъ; въ то время въ ней были увѣрены самымъ добросовѣстнымъ, хотя и нѣсколько простодушнымъ образомъ. Обвинять исключительно отдѣльныя лица или разрядъ лицъ, опять было бы мудрено, или исторически невѣрно. Разумовскій пускался въ разсужденія съ де-Местромъ; Разумовскій,—замѣчаетъ о. Морошкинъ,—былъ воспитанъ за границей и совершенно въ латинскомъ духѣ, но и это воспитаніе совершилось опять въ тѣ же екатерининскія времена, и Разумовскій былъ ихъ наслѣдіемъ. Ростопчинъ, который, по замѣчанію того же автора, считался вообще (да и теперь многими считается) «за самаго русскаго», былъ наилучшаго мнѣнія объ іезуитскомъ пансіонѣ. Мало того, даже Батюшковъ, другъ Жуковскаго и Карамзина, другъ Пушкина, Вяземскаго и т. д., человѣкъ, котораго мудрено обвинить въ какомъ-нибудь не-патріотическомъ недостаткѣ, восторгается лицеемъ Николя, перебравшагося въ Одессу, скорбитъ, что аббатъ имѣетъ враговъ, и утверждаетъ «по внутреннему убѣжденію», что іезуитскому лицею «надобно пожелать здравія и долгоденствія для пользы и славы Россіи»!! [1]).

Въ оправданіе собственно правительства можно сказать, что оно не остановилось исправить свои ошибки, когда убѣдилось въ нихъ.

Возражать противъ обличительныхъ положеній г. Самарина и о. Морошкина дѣло не совсѣмъ благодарное, потому что у насъ тотчасъ находятся люди, которые усмотрятъ въ этомъ чуть не отсутствіе патріотизма. Но должно, кажется, внести нѣсколько безпристрастія въ давнопрошедшую исторію, и рѣшиться признать недостатки жизни, которые сказывались въ случаяхъ, подобныхъ католической пропагандѣ. Странно объяснять эту пропаганду однимъ недомекомъ и пустотой нѣсколькихъ вельможъ, легкомысліемъ аристократическихъ барынь, и произносить карающій приговоръ исторіи только надъ этими одними людьми, неустоявшими противъ соблазна. Причины этого явленія были шире, и если оно обнаружилось преимущественно въ высшей сферѣ, то ею оно не исчерпывалось, такъ какъ самая сфера была произведеніемъ и отраженіемъ цѣлаго порядка вещей въ жизни общественной, въ образованіи и въ церковности. Потому что, дѣйствительно, странно видѣть въ этомъ явленіи исключительно только борьбу духовнаго, клерикальнаго элемента двухъ исповѣданій; на-

---

[1]) Морошкинъ, Іезуиты, II, 426—427, 475. Р. Архивъ, 1867, стр. 1523—1530. Между прочимъ о «старой партіи» читатель найдетъ страницы, чрезвычайно любопытныя у такого автора, какъ о. Морошкинъ. Іез. II, стр. 502—507.

противъ, въ ней съ значительною силой участвовало именно и то «обаяніе цивилизаціи», которое мимоходомъ называетъ г. Самаринъ.

Чтобы объяснить себѣ успѣхъ католическихъ идей, не надо забыть общаго характера времени, когда въ Европѣ все сильнѣе распространялись стремленія ко всякой реставраціи, когда религіозный вопросъ выступилъ съ особенной силой, и когда въ нашемъ собственномъ обществѣ началось особенное религіозное броженіе. Въ этомъ броженіи католическія тенденціи не были единственными; онѣ сталкивались съ тенденціями протестантскими, съ методизмомъ и всѣхъ родовъ мистикой. Въ то время, когда одни слушали де-Местра, другіе увлекались библейскимъ обществомъ, квакерами, m-me Крюднеръ, Госнеромъ и т. д.; находила своихъ послѣдователей даже Татаринова. Вопросъ оставался одно время какъ-бы открытымъ и былъ серьезенъ по степени серьезности тѣхъ, кто имъ интересовался. А этотъ интересъ былъ очень сильный; онъ увлекалъ не только князя Голицына. Библейское общество, мистицизмъ, раціонализмъ увлекали и образованнѣйшихъ людей въ новомъ поколѣніи духовенства (библейскимъ мистикомъ былъ и Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій и коломенскій), и даровитѣйшихъ государственныхъ людей, какъ Сперанскій, и людей либеральнаго поколѣнія, уже составлявшихъ свое тайное общество.

Рядомъ съ этими явленіями мы не будемъ удивляться и успѣху католическихъ идей. И то и другое были явленіями одного порядка, и хотя въ обоихъ были наивныя или нелѣпыя крайности, но съ другой стороны въ этихъ явленіяхъ было и «обаяніе цивилизаціи». Въ одномъ случаѣ дѣйствовалъ на людей нашего общества примѣръ Лондонскаго Библейскаго Общества, личности его дѣятелей, энергическіе характеры квакеровъ, примѣры знаменитыхъ людей Европы, мистическая литература; въ другомъ случаѣ дѣйствовали такіе же примѣры и знаменитости католицизма. Такъ графъ де-Местръ, другъ іезуитовъ и сотрудникъ католической пропаганды, былъ вмѣстѣ писатель европейской извѣстности, съ великимъ авторитетомъ въ католическихъ кругахъ Европы, съ которыми наша аристократія была въ давнихъ и близкихъ сношеніяхъ. И хотя де-Местръ, собственно говоря, плохо представлялъ европейскую образованность, потому что былъ реакціонеръ и обскурантъ, — но это, конечно, другой вопросъ: люди религіозные въ то время не замѣчали и не понимали этого обскурантизма.

Кромѣ того, католическая пропаганда была по преимуществу, даже исключительно французская, и въ этомъ смыслѣ она особенно

имѣла упомянутое «обаяніе». Она могла находить себѣ сильную опору въ томъ французскомъ вліяніи, которое отличало тогдашнюю нашу образованность. Вліяніе французскихъ религіозныхъ (т.-е. католическихъ) идей могло быть весьма естественнымъ дополненіемъ къ господству французскаго образованія вообще: по крайней мѣрѣ для него открывалась уже дорога господствомъ французскаго языка [1]) и французской литературы. Вопросъ о католической пропагандѣ опять сводится къ цѣлому вопросу о судьбѣ нашей образованности.

Неудивительно поэтому, что католическія идеи находили путь въ умы не однихъ легкомысленныхъ графинь или княгинь. Вліяніе ихъ и не имѣло бы для насъ особеннаго историческаго интереса, если бы ими увлекались только эти дамы; — но ими увлекались также люди болѣе серьезные, различной степени дарованій, конечно увлекавшіеся не одной ловкостью и галантерейностью аббатовъ. Разумовскій могъ быть вѣроятно причисленъ къ нѣсколько серьезнымъ людямъ; назовемъ еще кн. Козловскаго, знаменитаго въ свое время своимъ умомъ и блестящимъ остроуміемъ; одного изъ декабристовъ, Лунина; въ болѣе позднее время, В. Печерина, и проч. Точно также и дамы не всегда были только дамы пустыя и легкомысленныя. Намъ совершенно несимпатична Свѣчина, но за ней невозможно не признать ни ума, ни дарованія.

Понятно, что если католическія идеи производили впечатлѣніе на людей болѣе серьезныхъ, то вѣроятно эти люди руководились и болѣе серьезными мотивами, чѣмъ графини и княгини. Не будемъ повторять тѣхъ отрицательныхъ основаній, о которыхъ упоминали выше и которыя имѣли конечно весьма существенное значеніе. Но кромѣ отрицательныхъ основаній, на этихъ людей должна была дѣйствовать историческая сторона католицизма, его роль цивилизующая, которая была несомнѣнна въ прошедшемъ Европы и отъ которой многіе тогда ждали всего и въ настоящемъ; его удивительная церковная организація, его могущество, которое, какъ ожидали, должно было возродиться вновь, замѣчательныя личности его представителей и т. д. Возстановленіе религіи послѣ революціоннаго погрома и потомъ реставрація произвели замѣчательное распространеніе католическихъ идей, которыя снова получили

---

[1]) Какъ велико было его господство, это извѣстно. Планы преобразованія Россіи обсуждались по-французски, герои 1812-го года щеголяли французскимъ языкомъ. Мало этого. Уже въ 1830-мъ году, Пушкинъ, первый русскій писатель того времени, пишетъ къ Чаадаеву на французскомъ языкѣ: «je vous parlerai la langue de l'Europe; *elle m'est plus familière que la nôtre*»!!

роль и въ политикѣ, и въ общественной жизни, и въ литературѣ, и въ наукѣ. Литература временъ реставраціи въ особенности окрашена была этимъ католическимъ колоритомъ: Де-Местръ, Бональдъ, Ламенне́, Шатобріанъ, Мишо̀, писатели европейской славы, возвеличивали католическіе принципы въ общественной философіи, въ исторіи, съ оттѣнками, которые могли удовлетворять различнымъ вкусамъ и требованіямъ. Поэтизированье среднихъ вѣковъ, составлявшее одну изъ главныхъ особенностей романтизма и нѣмецкаго, и французскаго, было особенно на руку католицизму, и извѣстно, что это направленіе производило множество обращеній въ католицизмъ даже въ протестантской Германіи, и именно въ томъ образованномъ кругу, въ которомъ могли сильнѣе дѣйствовать теоретическія соображенія. Нѣсколько похожее дѣйствіе эта атмосфера оказывала и у насъ на тѣхъ людей, которые сближались съ тогдашними умственными интересами европейскаго общества.

Въ числѣ этихъ людей былъ и Чаадаевъ.

Къ сожалѣнію, какъ мы замѣтили, мы имѣемъ очень мало точныхъ указаній о томъ, какъ именно встрѣчался Чаадаевъ съ подобными вліяніями въ пору образованія его мнѣній. Но повидимому, послѣ первыхъ впечатлѣній европейской жизни, испытанныхъ въ теченіе наполеоновскихъ войнъ, во время петербургской жизни онъ, вмѣстѣ съ либеральнымъ кружкомъ своихъ друзей, отдавался тѣмъ великодушнымъ мечтамъ и идеальнымъ стремленіямъ, которыя наполняли ихъ нравственное существованіе и вознаграждали ихъ за тяжелыя и непріятныя испытанія дѣйствительности. Дальнѣйшіе пути этихъ друзей разошлись: одни искали удовлетворенія въ политической агитаціи, и погибли, какъ декабристы; другіе испугались опасности и уцѣлѣли, но не покинувъ любимыхъ нѣкогда мечтаній, вели въ обществѣ половинчатую жизнь, какъ М. Орловъ; иные примирились вполнѣ съ жизнью, какъ Пушкинъ;—не говоримъ о тѣхъ, которые совсѣмъ измѣнили идеаламъ и продали ихъ за наличныя выгоды. Чаадаевъ былъ изъ тѣхъ, которые никогда, кажется, не были наклонны къ политической агитаціи, но въ немъ осталась навсегда наклонность къ размышленію, исканіе отвѣтовъ на вопросы, какіе ставила этимъ людямъ сама жизнь и къ которымъ они считали возможнымъ и необходимымъ прилагать точку зрѣнія европейскаго идеала. Въ позднѣйшей перепискѣ Чаадаева съ прежними друзьями, напр. съ Пушкинымъ, М. Орловымъ, И. Д. Якушкинымъ, очевидно продолженіе давно начатыхъ бесѣдъ о тѣхъ же предметахъ, о религіи, морали, объ отношеніи науки къ откровенію, объ исторической жизни націй и т. д. По всей вѣроят-

ности, эти самые вопросы занимали его и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ заграницей послѣ 1821-го до 1826-го, и въ это время окончательно для него опредѣлились подъ новымъ усиленнымъ вліяніемъ европейской жизни, ея историческихъ памятниковъ, живыхъ представителей ея тогдашняго броженія, съ которыми онъ встрѣчался между прочимъ и лично. Это былъ разгаръ реставраціи, обновленныхъ католическихъ идей, эпоха романтизма, философской исторіи и т. п. Біографъ упоминаетъ только объ отрывочныхъ знакомствахъ Чаадаева въ европейскомъ научномъ и литературномъ мірѣ; но его знакомство съ Шеллингомъ, съ мистическимъ ученымъ Экштейномъ, впослѣдствіи дружескія связи съ французскимъ графомъ Сиркуромъ, и т. п.[1]), были конечно не случайнымъ его интересомъ. Этому времени, во всякомъ случаѣ, надо приписать образованіе его мнѣній въ томъ видѣ, какъ они выразились въ «Философическихъ Письмахъ». Развившееся въ то время стремленіе къ философскому изученію исторіи, къ объясненію жизни народовъ основными принципами, опредѣлявшими ихъ первую историческую дѣятельность, и въ частности, стремленіе къ объясненію европейской цивилизаціи, созданной христіанствомъ, развившейся на Западѣ подъ вліяніемъ католическаго единства западной Европы, опредѣляли и взгляды Чаадаева въ этомъ отношеніи.

Въ примѣненіи къ русской жизни, эти идеи довольно естественно могли вести къ тому результату, къ какому пришелъ Чаадаевъ. Кружокъ двадцатыхъ годовъ вообще страдалъ чувствомъ неудовлетворенности. Возникшія требованія нравственныя и общественныя не находили себѣ отвѣта и, какъ обыкновенно бываетъ, возбуждали тревожное исканіе выхода и раздражительное отношеніе къ настоящему. Раздраженіе становилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше дѣйствительность давала надежды на улучшеніе. Въ либеральномъ кружкѣ двадцатыхъ годовъ это раздраженіе повело къ крайней политической экзальтаціи; у Чаадаева, вѣроятно и по свойствамъ характера и по направленію мыслей, это настроеніе развивалось въ отвлеченныхъ понятіяхъ, которыя больше и больше принимали относительно русской жизни отрицательный, скептическій тонъ.

Скептическое отношеніе Чаадаева къ русской жизни, безъ сомнѣнія, тѣсно связано съ католическими идеями реставраціи, которыя были имъ восприняты, и съ высокимъ понятіемъ объ ис-

[1]) Есть намеки на его другія знакомства, напр. съ Балланшемъ, Ламенне и пр. Замѣтимъ, что между прочимъ Экштейнъ и первое время Ламенне были въ числѣ друзей г-жи Свѣчиной.

торическомъ значеніи католицизма, оставшагося чуждымъ нашей жизни. Но съ другой стороны этотъ скептицизмъ тѣсно связанъ съ прошедшей умственной исторіей нашего общества. Мы старались показать, по какимъ основаніямъ самыя католическія идеи могли проникать въ наше общество—увлекать не только людей великосвѣтскихъ, но и людей болѣе размышляющихъ, какимъ образомъ напоръ этихъ идей могъ создавать или усиливать неудовлетворенность русской жизнью. Но и внѣ этого условія, скептицизмъ имѣлъ уже свои антецеденты въ прошедшемъ. Онъ кажется въ Чаадаевѣ неожиданнымъ на первый взглядъ; онъ выражается съ такой силой, такъ много захватываетъ, что мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ его среди литературной рутины. Его появленіе будетъ однако понятно, если мы сопоставимъ его съ тѣми критическими запросами и сомнѣніями, которые давно высказывались въ литературѣ и въ жизни, съ первой русской сатиры до Новикова, Радищева, до либерализма двадцатыхъ годовъ, до Пушкина и Грибоѣдова. Въ этомъ рядѣ различныхъ ступеней общественной мысли мы въ состояніи будемъ прослѣдить постоянно возрастающій уровень идеальныхъ требованій, и если вспомнимъ при этомъ, что литература всегда далеко не вполнѣ высказывала накоплявшееся недовольство, что истинная мысль лучшихъ людей развивалась втайнѣ, про себя, и что нужно принять въ соображеніе эту скрытую, но тѣмъ не менѣе дѣйствительную работу мысли, мы найдемъ объясненіе для этой неожиданной степени скептицизма. У Чаадаева эта затаенная мысль высказалась такъ полно потому, что, предполагая писать только для ближайшихъ друзей, онъ могъ обойтись безъ умолчаній и безъ лицемѣрія. Мы будемъ обманывать себя, если станемъ считать вырывающіяся изрѣдка подобныя проявленія одной произвольной необузданностью писателя, потерявшаго дорогу, — если будемъ скрывать отъ себя эти симптомы внутренняго процесса, который происходитъ въ сознаніи общества и который можетъ служить указателемъ развитія. Мы убѣдимся въ органической законности явленія, если обратимъ вниманіе на то, что это явленіе имѣетъ какъ свои антецеденты, такъ и свои послѣдствія. Сомнѣніе Чаадаева несомнѣнно имѣло такія послѣдствія въ дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ вопросовъ, какіе были имъ затронуты. Мы упомянемъ дальше, какъ цѣнили Чаадаева замѣчательнѣйшіе люди нашей литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, люди самыхъ различныхъ воззрѣній, чувствовавшіе на себѣ дѣйствіе высказанныхъ имъ мыслей.

Переходимъ теперь къ самымъ сочиненіямъ Чаадаева. Эти сочиненія состоятъ, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ «Философическихъ Писемъ», изъ которыхъ одно первое было напечатано въ «Телескопѣ», 1836. Сколько было всѣхъ писемъ, хорошенько неизвѣстно; во французскомъ изданіи 1862 года, этихъ писемъ помѣщено четыре, изъ которыхъ послѣднее говоритъ объ архитектурѣ. Въ рукописяхъ Чаадаева осталось еще одно или два письма, которыя могли принадлежать сюда же. Затѣмъ, во французскомъ изданіи помѣщена упомянутая въ біографіи «Апологія Сумасшедшаго». Далѣе, записка, довольно длинная, адресованная къ гр. Бенкендорфу и писанная Чаадаевымъ отъ имени Ивана Кирѣевскаго послѣ запрещенія журнала «Европеецъ» (1832), который Кирѣевскимъ издавался и на второй книжкѣ подвергся запрещенію. Кромѣ того, во французскомъ изданіи помѣщено нѣсколько писемъ Чаадаева къ А. И. Тургеневу, кн. С. С. Мещерской, одно письмо къ Шеллингу и кн. И. С. Гагарину (нынѣ іезуиту). Выше, въ библіографической замѣткѣ, мы указали еще нѣсколько писемъ Чаадаева — къ кн. Вяземскому, Жуковскому, М. И. Жихареву и др.,—которыя были помѣщены въ разныхъ нашихъ изданіяхъ за послѣдніе годы. Наконецъ, существуетъ рядъ неизданныхъ доселѣ отрывковъ и писемъ Чаадаева; они печатаются въ «Вѣстникѣ Европы» [1]).

Мы сказали, что число писемъ хорошенько неизвѣстно. Первое письмо своимъ началомъ предполагаетъ уже что-то, ему предшествовавшее; во второмъ авторъ говоритъ опять о «предыдущихъ письмахъ» [2]). Пушкинъ, читавшій эти письма въ рукописи, въ своемъ письмѣ къ Чаадаеву по этому поводу (въ 1830 году) также говоритъ объ отрывочности, и нѣкоторыя замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ Чаадаеву, относятся къ предметамъ, упоминаемымъ во второмъ и третьемъ письмѣ французскаго изданія [3]).

Такимъ образомъ, литературныя права Чаадаева заключаются собственно только въ «первомъ письмѣ», которое появилось въ печати при его жизни, и разборомъ котораго мы могли бы ограничиться: все остальное могло бы быть предоставлено спеціальной критикѣ и біографіи. Но для бо́льшаго знакомства съ

---

[1]) См. начало въ ноябрьской книгѣ нынѣшняго года.

[2]) Самая помѣта времени въ письмахъ неясна: первое помѣчено 1829 г., 1 декабря; второе безъ означенія времени; третье—1829, 16 февраля.

[3]) Письмо Пушкина явилось, кажется, въ первый разъ въ сочиненіи іезуита Гагарина: Les tendances catholiques; отсюда оно перепечатано было въ «Библіогр. Зап.» 1861, и повторено въ Oeuvres Choisies, стр. 166 — 168. Подлинникъ его, если не ошибаемся, мы видѣли въ собраніи автографовъ Московскаго Публичнаго Музея.

писателемъ мы считаемъ нужнымъ остановиться и на другихъ его сочиненіяхъ, которыя хотя до сихъ поръ не видѣли у насъ печати, но въ свое время были извѣстны друзьямъ автора, имѣли свой кругъ дѣйствія. Не случись извѣстной исторіи, за «первымъ письмомъ» могли послѣдовать и другія, и авторъ могъ дать читателямъ, если не полное и систематическое изложеніе своихъ взглядовъ, то по крайней мѣрѣ бо́льшее число ихъ очерковъ, бо́льшее число примѣровъ и примѣненій своей основной мысли. И если мы хотимъ составить себѣ отчетливое понятіе о сущности мнѣній Чаадаева, мы необходимо должны упомянуть о другихъ его сочиненіяхъ, тѣсно связанныхъ съ письмомъ общей точкой зрѣнія. И это необходимо тѣмъ болѣе, что Чаадаевъ дѣйствовалъ не только какъ писатель, своимъ на минуту появившимся и вызвавшимъ бурю письмомъ, но и какъ личность, какъ представитель особаго оригинальнаго взгляда, въ кругу людей, стоявшихъ тогда впереди всего умственнаго движенія нашего общества. Въ его сочиненіяхъ, какъ и въ перепискѣ, мы найдемъ именно долю того содержанія, какое онъ тамъ высказывалъ.

Скажемъ сначала о главномъ произведеніи Чаадаева, которое однажды было уже указано г. Лонгиновымъ [1]); но для связи изложенія, нужно привести главныя черты, характеризующія автора и его настроеніе.

«Философическое письмо» обращается къ дамѣ, съ которой авторъ говорилъ о религіи, и составляетъ продолженіе начатыхъ разговоровъ. Ихъ бесѣда о религіи внесла тревогу и сомнѣніе въ ея душу: авторъ не находитъ въ этомъ удивительнаго. «Это—естественное слѣдствіе настоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы... Самыя качества, которыми вы отличаетесь отъ толпы, дѣлаютъ васъ еще воспріимчивѣе къ вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышете... Могъ ли я очистить атмосферу, въ которой мы живемъ?» Авторъ предвидѣлъ, какія страданія можетъ причинять «религіозное чувство, не вполнѣ развитое», и это вынуждало его къ умолчаніямъ...

Чаадаевъ продолжаетъ говорить о необходимости религіознаго чувства [2]), и затѣмъ прямо приступаетъ къ общему вопросу,

---

[1]) Въ его статьѣ о Чаадаевѣ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862 г.

[2]) Замѣтимъ, что эти предварительныя разсужденія, по своему тону, очень похожи на первые осторожные пріемы пропаганды. Кромѣ того, начало письма трудно не отнести къ извѣстному опредѣленному лицу — противъ чего говоритъ біографъ Чаадаева, и самъ Чаадаевъ въ одномъ изъ рукописныхъ документовъ.

Тѣмъ лицомъ, къ которому были адресованы письма, называютъ вообще г-жу Панову; но есть указаніе, кажется, не лишенное вѣроятія, что это была, напротивъ, жена М. Ѳ. Орлова, урожденная Раевская.

который и дѣлается главной темой письма. Онъ замѣчаетъ, что для души также необходимо извѣстное діэтетическое содержаніе, какъ для тѣла. «Знаю, что повторяю старую поговорку; но въ нашемъ отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости».

«Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ менѣе насъ образованныхъ, у насъ только-что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того ни другого. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что̀ у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія».

Въ этихъ словахъ уже высказана основная мысль, которая развивается въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Примѣры такого положенія вещей,—продолжаетъ авторъ,—недалеки: у насъ нѣтъ даже хорошаго распредѣленія жизни, тѣхъ обыкновеній и навыковъ, которые даютъ уму приволье, душѣ правильное движеніе.

«Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія.... нѣтъ ничего, что̀ бы привязывало, что̀ бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена, блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобъ эти замѣчанія были ничтожны. Бѣдные! Неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія?..»

У всѣхъ народовъ бываютъ періоды сильной, страстной дѣятельности, періоды юношескаго развитія, когда создаются ихъ лучшія воспоминанія, поэзія и плодотворнѣйшія идеи. Здѣсь источникъ и основаніе дальнѣйшей ихъ исторіи. «Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное влады-

чество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго»...

Какая-то странная судьба разобщила насъ отъ всемірной жизни человѣчества, и чтобъ сравняться съ другими народами, намъ надо «переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого, передъ нами—исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ».

Народы живутъ только могущественными впечатлѣніями прошедшаго на умы ихъ и соприкосновеніемъ съ другими народами. Черезъ это каждый человѣкъ чувствуетъ свою связь съ цѣлымъ человѣчествомъ. У насъ этого нѣтъ. «Мы явились въ міръ какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которою мы соединялись бы съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что̀ у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ.... Мы ростемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли....»

Обращаясь опять къ народамъ Запада, Чаадаевъ указываетъ, что всѣ они имѣютъ общую физіономію, результатъ ихъ общей исторіи, и затѣмъ свой индивидуальный характеръ. Это ихъ родовое наслѣдіе; каждое частное лицо пользуется готовыми плодами этого наслѣдія. «Теперь сравните сами: много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя какимъ бы то ни было образомъ могли бы руководствовать насъ въ жизни?» И замѣтимъ, что здѣсь дѣло идетъ не объ идеяхъ науки и литературы, но о самыхъ обыденныхъ идеяхъ жизни, о тѣхъ идеяхъ, которыя

овладѣваютъ ребенкомъ съ колыбели и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и общество. Такія идеи даетъ человѣку историческая жизнь западнаго общества. «Хотите ли знать, что̀ это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ—необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?»

Авторъ не знаетъ, можно ли вывести изъ всего этого какое-нибудь безусловное правило, но не сомнѣвается, что это общее положеніе народа отражается на духѣ каждаго отдѣльнаго лица. «Отъ этого вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше, чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что̀ ему предшествуетъ и что̀ послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство общаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая.... Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Находясь въ другихъ странахъ, и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевленны, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ».

Иностранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, особенно въ низшихъ классахъ. Но «они не видятъ, что то же самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ то же время неспособными ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріальнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія.... Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ: избави Боже! Но я говорю, что для вѣрнаго сужденія о народахъ, надобно изучить общій духъ, ихъ животворящій....»

По нашему положенію между Востокомъ и Западомъ, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ, должны бы совмѣщать исторію всего міра въ нашемъ гражданственномъ образованіи. Но на дѣлѣ можно подумать, что «общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все, чтó сообщило намъ это совершенствованіе.... Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ.... Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера.... Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, чтó бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія. Конечно, въ этомъ виновата отчасти какая-то непостижимая судьба; но неправы и люди, которыхъ содѣйствіе, во всемъ что свершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно. Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ бытіе народовъ лучше всего».

И Чаадаевъ противопоставляетъ начала нашей жизни тому движенію, которое совершалось въ Европѣ, «одушевляемой животворящимъ началомъ единства». Мы вступили въ связь съ растлѣнной Византіей, потомъ стали добычей завоевателей, и остались внѣ историческихъ идей, развивавшихся у нашихъ западныхъ братій:

«Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзало въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому не доставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра.... Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ....

«Послѣ этого, скажите, справедливо ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе,—развивавшееся такъ медленно, и, притомъ, подъ прямымъ и

очевиднымъ вліяніемъ одной нравственной силы,—съ разу, даже не затрудняясь розысканіемъ, какъ это дѣлалось?»

Чаадаевъ не соглашается съ этимъ, и утверждаетъ, что «тотъ рѣшительно не понимаетъ христіанства, кто не замѣчаетъ въ немъ стороны чисто исторической». «Но вы возразите, — продолжаетъ онъ далѣе: — развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ абиссинцы не христіане же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ японцы не образованы и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство абиссинцевъ и образованность японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, о которомъ я говорилъ сію минуту, порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?»

Въ послѣдней части письма авторъ разъясняетъ дѣйствіе христіанства на ходъ европейскаго образованія: христіанство создало особый кругъ, извѣстную нравственную сферу, которая связывала всѣ народы Европы въ одно семейство. «Чтобъ понять семейное развитіе этихъ народовъ, не нужно даже изучать исторію: прочтите только Тасса, и вы увидите, какъ всѣ они склоняются въ прахъ передъ Іерусалимомъ; вспомните, что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ они молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе». Онъ указываетъ далѣе періоды религіознаго развитія западной Европы, въ которомъ видитъ основу ея историческаго развитія: времена гоненій, распространенія христіанства, ересей и соборовъ, нашествія варваровъ, первыхъ усилій образованія, величайшее возбужденіе религіознаго чувства и упроченіе религіозной власти. Онъ указываетъ господство религіи и въ новѣйшей исторіи Европы и т. д. «Философическое и литературное развитіе ума и образованіе нравовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію, которая имѣетъ точно такое же право на названіе священной, какъ и исторія древняго избраннаго народа».

Относительно русской жизни послѣдній выводъ выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: «Итакъ, если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если, напротивъ, враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если эти

причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства; то не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами? Вотъ что́ я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода».

На этомъ мы закончимъ изложеніе письма. Мы скажемъ дальше о томъ значеніи, какое имѣло въ нашей умственной исторіи это мрачное сомнѣніе въ русскомъ прошедшемъ и настоящемъ; укажемъ внутреннюю цѣнность той положительной теоріи, которую выставлялъ Чаадаевъ рядомъ съ этимъ сомнѣніемъ, и то, что́ могло быть даже тогда сказано противъ этой теоріи, составляющей самую слабую сторону и «Письма», и всего образа мыслей Чаадаева. Теперь обратимся къ двумъ другимъ письмамъ изъ этого ряда, которыя дополнятъ для насъ общее историческое воззрѣніе Чаадаева.

Въ началѣ второго письма Чаадаевъ ставитъ эпиграфъ изъ Essai sur les moeurs, Вольтера: «Можно спросить, какимъ образомъ, среди столькихъ потрясеній, междоусобій, заговоровъ, преступленій и безумствъ, нашлось столько людей, воздѣлывавшихъ искусства полезныя и искусства пріятныя въ Италіи, а потомъ въ другихъ христіанскихъ государствахъ; этого мы не видимъ подъ владычествомъ турокъ». Авторъ выводитъ изъ своихъ предшествующихъ писемъ, какъ важно правильно понять послѣдовательность идеи въ теченіи вѣковъ, и что когда мы проникнемся той основной мыслью, что въ умѣ человѣка нѣтъ другой истины кромѣ той, какая была вложена въ него въ началѣ вещей самимъ Богомъ, то нельзя смотрѣть на движеніе вѣковъ, какъ смотритъ обыкновенная исторія. Провидѣніе, или вполнѣ мудрый разумъ, управляетъ не только теченіемъ событій, но оказываетъ прямое и постоянное дѣйствіе на умъ человѣка. Это постоянное дѣйствіе Провидѣнія доказывается чисто метафизическимъ разсужденіемъ, и совершается такимъ образомъ, что разумъ человѣка остается совершенно свободнымъ. Поэтому неудивительно, что былъ народъ, который въ особенной чистотѣ сохранялъ первыя божественныя сообщенія, и что являлись люди, какъ бы обновлявшіе первобытный фактъ нравственнаго міра. Не будь этого народа и этихъ привилегированныхъ людей, мы должны бы были предположить, что божественная идея была всегда и вездѣ одинакова: это значило бы уничтожить всякую личность и свободу, — а онѣ являются только въ развитіи умовъ, нрав-

ственныхъ силъ, знаній. Но признавая эту мысль, мы только подтверждаемъ существующій фактъ, — именно, что извѣстные народы и люди обладаютъ извѣстнымъ просвѣщеніемъ, котораго другіе не имѣютъ.

Человѣкъ шелъ всегда по указанному ему пути только при свѣтѣ истинъ, открытыхъ ему высшимъ разумомъ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать религіозное единство исторіи, и такова должна быть истинная философія исторіи, которая показываетъ намъ разумное существо подчиненнымъ тому же общему закону, какъ все твореніе.

Въ наше время человѣческій умъ облекаетъ всякій родъ знанія въ *историческую* форму. Онъ постоянно возвращается къ прошедшему, собираетъ новыя силы въ созерцаніи пройденнаго поприща, въ изученіи силъ, направлявшихъ его ходъ въ теченіи вѣковъ. Это, конечно, очень счастливый для науки оборотъ, потому, что узкое настоящее не составляетъ всей силы человѣческаго разума, и что въ немъ есть другая сила, которая, собирая въ одну мысль и времена прошедшія и времена обѣтованныя, составляетъ его истинное существо и ставитъ его въ истинную сферу его дѣятельности.

Но нынѣшняя точка зрѣнія исторіи не удовлетворяетъ разума. Несмотря на всѣ усилія критики, несмотря на то содѣйствіе, какое оказали исторіи естественныя науки, нынѣшняя наука не могла достичь ни единства, ни той высокой нравственности, какая проистекала бы изъ яснаго пониманія универсальнаго закона. Когда христіанскій духъ господствовалъ въ наукѣ, глубокая мысль, хотя и плохо связанная, бросала на эту область знанія долю священнаго вдохновенія; но историческая критика тогда едва начиналась, и событія сохранялись въ памяти людей такъ смутно, что вся ясность религіи не могла разогнать этого мрака. Въ наше время разумъ требуетъ совершенно новой философіи исторіи, которая будетъ такъ же мало походить на существующую теперь философію, какъ нынѣшняя астрономія мало походитъ на наблюденія астрономовъ древности. «Никогда не будетъ достаточно фактовъ, чтобы все доказать, и ихъ было больше чѣмъ нужно, чтобы можно было все предчувствовать, еще со временъ Моисея и Геродота». Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, служатъ эти сближенія вѣковъ и народовъ, какія дѣлаетъ тщеславная ученость? Что значатъ всѣ эти генеалогіи языковъ, народовъ и идей? Слѣпая или упрямая философія все-таки будетъ отдѣлываться отъ нихъ или своей старой теоріей о всеобщемъ единообразіи человѣчества, или своей любимой теоріей объ естественномъ развитіи человѣческаго духа, безъ всякой другой при-

чины кромѣ собственной динамической силы его природы. Извѣстно, что для этой философіи человѣческій духъ есть просто комокъ снѣга, который катится и оттого увеличивается. Но эта философія не въ состояніи открыть плана, смысла въ ходѣ вещей, подчинить этому плану человѣческій умъ и принять всѣ послѣдствія, выходящія отсюда относительно нравственнаго міра. Поэтому, излишне работать только надъ матеріаломъ фактовъ,— ихъ собрано довольно; надо стараться нравственно характеризовать великія эпохи исторіи; стараться строго опредѣлить черты каждаго вѣка, по законамъ практическаго разума. Историческій матеріалъ теперь почти истощенъ; и исторіи остается только размышлять (méditer).

Тогда исторія естественно войдетъ въ общую систему философіи и будетъ впредь ея составною частью. Многое тогда перейдетъ отъ исторіи на долю романистовъ и поэтовъ; но многое займетъ болѣе высокое и яркое мѣсто въ новой системѣ. «Эти вещи стали бы получать свой характеръ истины не отъ одной хроники; но точно также, какъ въ тѣхъ аксіомахъ естественной философіи, которыя открыты были опытомъ и наблюденіемъ, но которыя геометрическій разумъ свелъ въ формулы и уравненія, — такъ здѣсь печать достовѣрности сталъ бы съ тѣхъ поръ налагать разумъ нравственный». Такова будетъ, напр., та мало понятая эпоха (не по отсутствію данныхъ и памятниковъ, а по отсутствію идей), какую представляетъ начало христіанства, или то время, которое за нимъ послѣдовало и о которомъ философскій фанатизмъ дѣлалъ такое ложное представленіе. Гигантскія фигуры, теперь затерянныя въ толпѣ историческихъ лицъ, выступятъ изъ окружающей ихъ тѣни; между тѣмъ какъ многія другія славы, которымъ люди долго оказывали нелѣпое или преступное уваженіе, навсегда упадутъ. Такова будетъ судьба многихъ лицъ библейской исторіи, и многихъ знаменитыхъ людей древности: Моисея и Сократа, Давида и Марка-Аврелія. Люди узнаютъ разъ навсегда, что Моисей указалъ людямъ истиннаго Бога, тогда какъ Сократъ завѣщалъ имъ только малодушное сомнѣніе; что Давидъ есть совершенный образецъ священнѣйшаго героизма, тогда какъ Маркъ-Аврелій есть только любопытный примѣръ искусственнаго величія и наружной добродѣтели. Катонъ не будетъ возбуждать удивленія своей бѣшеной добродѣтелью, и, съ другой стороны, имя Эпикура избавится отъ тяготѣющаго надъ нимъ предразсудка, и его память получитъ новый интересъ. Имя Аристотеля будетъ произноситься почти съ отвращеніемъ, имя Магомета съ глубокимъ почтеніемъ. Наконецъ, быть можетъ, родъ позора будетъ связанъ съ великимъ именемъ

Гомера, и приговоръ, произнесенный Платономъ по религіозному инстинкту противъ этого развратителя людей, не будетъ больше считаться одной изъ его утопическихъ выходокъ, но примѣромъ удивительнаго предугадыванія мыслей будущаго... «Всѣ эти идеи, которыя до сихъ поръ едва коснулись человѣческаго ума или только лежали безъ жизни въ нѣсколькихъ независимыхъ головахъ, тогда безвозвратно войдутъ въ нравственное чувство человѣческаго рода и сдѣлаются аксіомами здраваго смысла».

Однимъ изъ важнѣйшихъ уроковъ этой исторіи будетъ то, что она установитъ въ памяти людей относительное значеніе народовъ, исчезнувшихъ со сцены міра, и наполнитъ сознаніе народовъ существующихъ чувствомъ того назначенія, которое они призваны исполнить. Каждый народъ, ясно понявъ прошедшія эпохи своей жизни, пойметъ должнымъ образомъ и свое настоящее и свою будущую задачу. Такимъ образомъ, у всѣхъ народовъ явится истинное національное сознаніе, которое составится изъ извѣстнаго числа положительныхъ идей, очевидныхъ истинъ, выведенныхъ изъ ихъ воспоминаній,—глубокихъ убѣжденій, господствующихъ болѣе или менѣе надъ всѣми умами и ведущихъ всѣхъ къ одной цѣли. Національности, вмѣсто того, чтобъ раздѣляться, будутъ соединяться для одного гармоническаго результата, и, быть можетъ, народы протянутъ другъ другу руки въ истинномъ чувствѣ общаго интереса человѣчества, который будетъ не что иное какъ хорошо понятый интересъ каждаго народа.

Это не будетъ то космополитическое будущее, о которомъ мечтаетъ философія. Народы должны, напротивъ, составить свою домашнюю мораль, отличную отъ морали политической; должны узнать себя какъ индивидуумовъ, сознать свои пороки и добродѣтели, исправить сдѣланныя ошибки и утвердиться въ добрѣ. Таковы первыя условія усовершенія массъ: онѣ должны ясно понять свое прошедшее, чтобы найти силу дѣйствовать на свое будущее.

Историческая критика не будетъ только дѣломъ любознательности. Она станетъ строгимъ судьей всякой славы, всякихъ величій прошедшаго; она разрушитъ всѣ фантомы, всѣ ложные образы, загромождающіе человѣческую память, чтобы изъ прошедшаго, представленнаго въ его истинномъ свѣтѣ, вывести извѣстныя заключенія для настоящаго и съ увѣренностью взглянуть на будущее.

Наконецъ, самымъ важнымъ урокомъ этой исторіи будетъ то, что люди не будутъ увлекаться безсмысленной системой механическаго усовершенствованія нашей природы, которое опро-

вергается опытомъ всѣхъ вѣковъ, и узнàютъ, что, напротивъ, человѣкъ, предоставленный самому себѣ, всегда шелъ путемъ безконечнаго упадка, и что если нельзя отвергать извѣстныхъ періодовъ прогресса, высокихъ порывовъ мысли, какіе бывали у всѣхъ народовъ, то мы не видимъ у нихъ однако постояннаго и непрерывнаго движенія впередъ. Такое движеніе есть только въ томъ обществѣ, къ которому мы принадлежимъ; правда, мы приняли то, чтò прежде насъ открыто было умомъ древнихъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы наше общество достигло своего нынѣшняго состоянія безъ того историческаго явленія, которое совершилось внѣ естественнаго хода человѣческихъ идей, внѣ всякой связи событій, т.-е. безъ *христіанства.*

Если мы обратимся къ тому, чтò предшествовало этому явленію, мы увидимъ, что древній міръ не имѣлъ въ себѣ никакого принципа прочности. Чтò сталось съ глубокой мудростью Египта, прелестной красотой Іоніи, суровыми добродѣтелями Рима, ослѣпительнымъ блескомъ Александріи? Не воздвигалъ ли человѣкъ зданія, чтобы оно только превратилось въ прахъ? Не поднимался ли онъ такъ высоко, чтобъ только тѣмъ ниже упасть? — Не заблуждайтесь: не варвары разрушили древній міръ. Это былъ сгнившій трупъ; они только развѣяли его прахъ по вѣтру.... Паденіе Римской имперіи приписываютъ порчѣ нравовъ и происшедшему изъ нея деспотизму. Но въ этой всеобщей революціи дѣло шло не объ одномъ Римѣ: погибала цѣлая цивилизація. Египетъ фараоновъ, Греція Перикла, второй Египетъ Лагидовъ, вся Греція Александра, простиравшаяся за Индъ, наконецъ самое іудейство, когда оно эллинизировалось, все это слилось въ римской массѣ и составило одно общество, представлявшее собой всѣ предыдущія поколѣнія, заключавшее всѣ нравственныя и умственныя силы, какія до тѣхъ поръ развились въ человѣческой природѣ. Такимъ образомъ, не имперія, а цѣлое человѣческое общество было уничтожено, и опять возобновилось съ этого дня. Новое общество было создано христіанствомъ, и созданіе не было дѣломъ человѣческимъ: все было сдѣлано *мыслью истины.* Непосредственное дѣйствіе этого событія, новыя силы, новыя потребности имъ созданныя, то удивительное уравненіе умовъ, которые стали «желать истины и способны принимать ее», въ какомъ бы они ни были состояніи, все это отмѣчаетъ то время поразительнымъ характеромъ провидѣнія и высшаго разума.

Это—новое общество и новая цивилизація.

Громадное превосходство этого новаго общества надъ древнимъ не было достаточно оцѣнено, потому что въ мірѣ видѣли

отдѣльныя государства. Но не видѣли того, что въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ это новое общество представляло настоящую федеральную систему, которая была нарушена только реформаціей; что до тѣхъ поръ народы считали себя однимъ обществомъ, раздѣленнымъ географически, но единымъ нравственно; что долго у нихъ не было другого публичнаго права, кромѣ постановленій церкви; что ихъ войны считались междоусобіями; что двигали ими одни интересы. Исторія среднихъ вѣковъ есть буквально исторія одного христіанскаго народа. Вольтеръ очень вѣрно замѣчаетъ, что мнѣнія бывали причиной войнъ только у однихъ христіанъ, — это было потому, что царство мысли не могло утвердиться въ мірѣ иначе, какъ давая самому принципу мысли всю его реальность. Если реформація нарушила этотъ порядокъ вещей, и уничтожила единство, — то нельзя сомнѣваться, что придетъ время, когда черты, раздѣляющія народы, опять изгладятся, и первоначальный принципъ общества обнаружится снова, въ новой формѣ, и съ большей энергіей, чѣмъ когда либо....

Въ этомъ-то европейскомъ семействѣ и нужно изучать истинный характеръ новаго общества, а не въ той или другой странѣ: здѣсь находится истинный принципъ прочности и прогресса, отличающій міръ новый отъ міра древняго. Такъ, несмотря на всѣ испытанные имъ перевороты, это общество не только не потеряло ничего изъ своей жизненности, но съ каждымъ днемъ его силы возрастаютъ. Ни арабы, ни турки, ни татары не могли его уничтожить, и только укрѣпили его. Исторія древняго міра была, собственно говоря, непродолжительна, и однако сколько обществъ погибло въ древности въ этотъ короткій періодъ, между тѣмъ какъ въ исторіи новѣйшихъ народовъ мѣняются только географическія границы, а самое общество и народы *остались неприкосновенны*. Изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, уничтоженіе американскихъ населеній, уничтоженіе татаръ въ Россіи только подтверждаютъ эту мысль. Такъ близится и паденіе Оттоманской имперіи; затѣмъ придетъ очередь другихъ не-христіанскихъ народовъ. Таковъ кругъ всемогущаго дѣйствія истины: то оттѣсняя народы, то обнимая ихъ въ свою окружность, этотъ кругъ постоянно расширяется и приближаетъ насъ къ возвѣщеннымъ временамъ.

Сила христіанскаго общества заключается именно въ томъ, что оно одно дѣйствительно одушевляется интересомъ мысли, и это самое составляетъ усовершаемость новѣйшихъ народовъ, въ которой находится тайна ихъ цивилизаціи.

Удивительно равнодушіе, съ какимъ смотрятъ обыкновенно на

новѣйшую цивилизацію,—между тѣмъ ясное пониманіе ея есть уже и разрѣшеніе соціальной задачи. Въ самомъ дѣлѣ, эта цивилизація содержитъ въ себѣ результатъ всѣхъ протекшихъ вѣковъ, и будущіе вѣка будутъ только ея результатомъ. Никогда масса идей, распространенныхъ на поверхности міра, не была такъ сосредоточена, какъ въ современномъ обществѣ; никогда въ жизни человѣческаго существа одна мысль не обнимала такъ всей дѣятельности его природы, какъ въ наше время. Мы наслѣдовали все, когда-либо сдѣланное людьми; нѣтъ точки на землѣ, которая была бы изъята отъ вліянія нашихъ идей; во всей вселенной есть только одна умственная сила; и такимъ образомъ всѣ основные вопросы нравственной философіи необходимо заключены въ одномъ вопросѣ о новѣйшей цивилизаціи.... Между нами никогда не будетъ ни китайской неподвижности, ни греческаго упадка; еще менѣе можно представить себѣ полное уничтоженіе нашей цивилизаціи. «Стоитъ оглянуться кругомъ себя, чтобы въ этомъ убѣдиться. Нужно было бы, чтобы весь земной шаръ былъ перевернутъ вверхъ дномъ, чтобы повторился переворотъ, подобный тому, который далъ ему его настоящую форму, чтобы нынѣшняя цивилизація была разрушена. Если только не произойдетъ второго всемірнаго потопа, невозможно представить себѣ полнаго разрушенія нашего просвѣщенія. Если, напримѣръ, будетъ поглощено цѣликомъ одно изъ двухъ полушарій,—того, что уцѣлѣетъ отъ нашей цивилизаціи въ другомъ полушаріи, довольно будетъ, чтобы обновить человѣческій духъ».

Въ заключеніе письма, авторъ объясняетъ, что если вліяніе христіанства на развитіе нынѣшней цивилизаціи до сихъ поръ было мало оцѣнено, то виной этого были протестанты. Онъ возстаетъ противъ упорства протестантовъ, которые не находятъ христіанства уже со второго или съ третьяго вѣка, или находятъ только въ той степени, сколько было необходимо, чтобъ оно не разрушилось совсѣмъ; въ среднихъ вѣкахъ они видятъ язычество, которое было хуже, чѣмъ въ древнемъ мірѣ; взамѣнъ того, незаслуженнымъ образомъ и ошибочно превозносятъ такъ-называемое возрожденіе наукъ и т. д. Чаадаевъ надѣется, что эта исторія будетъ нѣкогда освѣщена совершенно иначе, и замѣчаетъ въ сноскѣ, что съ тѣхъ поръ какъ это было написано, Гизо въ значительной степени исполнилъ эту надежду [1]). И что же сдѣлала эта реформація, столько восхваляемая протестантами? Она возвратила міръ въ разрозненность (désunité)

---

[1]) Онъ разумѣетъ именно Cours d'histoire moderne, читанный Гизо въ 1828 году и изданный въ тридцатыхъ годахъ.

язычества, и если ускорила движеніе ума, то отняла у человѣчества высокую и плодотворную идею всеобщности. Протестантскія церкви отличаются страннымъ духомъ разрушенія и какъ будто стремятся уничтожить другъ друга, — къ чему же имъ таинство евхаристіи, зачѣмъ соединяться съ Спасителемъ, если люди раздѣляются другъ отъ друга?

Чаадаевъ становится на сторону католицизма, защищаетъ папство, какъ олицетвореніе единства. Не входя въ это изложеніе, мы приведемъ только общую точку зрѣнія: «Развѣ таково ученіе Того, кто пришелъ на землю, чтобы принести въ нее жизнь, и кто побѣдилъ смерть? Развѣ мы уже на небѣ, что можемъ безнаказанно отвергнуть условія нынѣшней экономіи? И эта экономія не есть ли только соединеніе чистыхъ мыслей разумнаго существа съ необходимостями его существованія? А первая изъ этихъ необходимостей есть общество, соприкосновеніе умовъ, сліяніе идей и чувствъ; только тогда, когда удовлетворяется эта необходимость, истина дѣлается живою, и изъ области умозрѣнія нисходитъ въ область реальнаго; только тогда она изъ мысли дѣлается фактомъ, получаетъ наконецъ характеръ силы природы, и дѣйствіе ея становится также несомнѣнно, какъ дѣйствіе всякой другой естественной силы. Но какъ сдѣлается все это въ обществѣ идеальномъ, которое существовало бы только въ ожиданіяхъ и въ воображеніи? Вотъ невидимая церковь протестантовъ, — дѣйствительно невидимая какъ ничто» [1])...

Мы не будемъ останавливаться подробно на третьемъ письмѣ, которое занято развитіемъ тѣхъ же мыслей. Все письмо состоитъ изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, гдѣ Чаадаевъ говоритъ сначала о древнемъ искусствѣ, которое онъ обвиняетъ въ чувственномъ матеріализмѣ, затѣмъ характеризуетъ тѣ личности, которыя были имъ упомянуты прежде: Моисея, Давида, Сократа и Марка-Аврелія, Эпикура, Магомета, наконецъ Гомера. Одного

---

[1]) Полная мысль Чаадаева, кажется, достаточно ясна въ слѣдующей тирадѣ, которую онъ пишетъ по поводу протестантства: «La réformation a enlevé à la conscience de l'être intelligent la féconde et sublime idée d'universalité. Le fait propre de tout schisme dans le monde chrétien est de rompre cette mystérieuse *unité*, dans laquelle est comprise toute la divine pensée du christianisme et toute sa puissance. C'est pour cela que l'Eglise catholique jamais ne transigera avec les communions séparées. Malheur à elle et malheur au christianisme, si le fait de la division est jamais reconnu par l'autorité légitime! Tout ne serait bientôt derechef que chaos des idées humaines, mensonge, ruine et poussière. Il n'y a que la fixité visible, pour ainsi dire palpable, de la vérité, qui puisse conserver le règne de l'esprit sur la terre» etc. Стр. 83. Это единство есть, конечно, папство.

послѣдняго эпизода будетъ достаточно, чтобы показать взглядъ Чаадаева на искусство и поэзію классическаго язычества.

«Вопросъ о томъ вліяніи, какое имѣлъ Гомеръ на человѣческій духъ, есть теперь вопросъ рѣшенный. Теперь очень хорошо извѣстно, что̀ такое гомерическая поэзія; извѣстно, какъ она способствовала опредѣленію греческаго характера, который въ свою очередь опредѣлилъ характеръ всего древняго міра; теперь знаютъ, что эта поэзія замѣнила собой другую поэзію, болѣе высокую, болѣе чистую, отъ которой остались только обрывки; знаютъ также, что она поставила новый порядокъ идей на мѣсто другого порядка идей, который родился не изъ почвы Греціи, и что эти первобытныя идеи, вытѣсненныя новой мыслью, удалившіяся или въ мистеріи Самоѳракіи, или въ тѣнь другихъ святилищъ утраченныхъ истинъ, существовали съ тѣхъ поръ только для небольшого числа избранныхъ или адептовъ [1]); но чего не знаютъ, мнѣ кажется, это — того, что̀ Гомеръ можетъ имѣть общаго съ нашимъ временемъ, что̀ еще остается отъ него во всеобщемъ пониманіи.... Для насъ, Гомеръ остается только Тифономъ или Ариманомъ настоящаго міра, какъ онъ былъ имъ въ томъ мірѣ, какой былъ имъ созданъ. Въ нашихъ глазахъ, гибельный героизмъ страстей, грязный идеалъ красоты, необузданная любовь къ земному, все это идетъ къ намъ отъ него. Замѣтьте, что въ другихъ цивилизованныхъ обществахъ міра никогда не было ничего подобнаго. Только греки вздумали идеализировать и обоготворить порокъ и преступленіе; такимъ образомъ, поэзія зла была только у нихъ и у народовъ, наслѣдовавшихъ ихъ цивилизацію. Въ среднихъ вѣкахъ можно ясно видѣть, какое направленіе приняла бы мысль христіанскихъ народовъ, еслибы она вполнѣ отдалась той рукѣ, которая вела ее.... Поэзія гомерическая, послѣ того какъ на древнемъ Западѣ она отвела теченіе мыслей, которыя привязывали людей къ великимъ днямъ творенія, сдѣлала то же и на новомъ Западѣ; перешедши къ намъ съ наукой, философіей, литературой древнихъ, она такъ отождествила насъ съ ними, что въ настоящую минуту мы все еще висимъ между міромъ лжи и міромъ истины. Хотя теперь и очень мало занимаются Гомеромъ и конечно мало его читаютъ, его боги и герои тѣмъ не менѣе оспариваютъ почву у христіанской мысли. Потому что дѣйствительно, въ этой поэзіи совершенно земной, совершенно матеріальной,

[1]) Въ примѣчаніи Чаадаевъ указываетъ на тѣсную связь Гомера съ греческимъ искусствомъ, и на неважность, въ этомъ случаѣ, вопроса о томъ, существовала или нѣтъ самая личность Гомера.

есть удивительная увлекательность, чрезвычайно пріятная для порока нашей природы, увлекательность, которая ослабляетъ фибру разума, держитъ его глупо прикованнымъ къ своимъ фантомамъ и очарованіямъ, убаюкиваетъ и усыпляетъ его своими могущественными иллюзіями». Только глубокое нравственное чувство, исходящее изъ христіанской истины, можетъ освободить насъ отъ этого рокового заблужденія. «Что касается до меня, я думаю, что для нашего полнаго возрожденія въ смыслѣ откровеннаго разума, намъ нужно еще какое-нибудь великое покаяніе, какое-нибудь всемогущее искупленіе, вполнѣ ощущаемое всѣмъ христіанскимъ міромъ, испытываемое всѣми какъ великая физическая катастрофа на поверхности нашего міра; безъ этого, я не понимаю, какъ мы могли бы избавиться отъ грязи, которая все еще оскверняетъ нашу память».

Въ заключеніи письма Чаадаевъ опять возвращается къ русской жизни:

«Вотъ мы въ концѣ нашей галлереи. Я не сказалъ вамъ всего, что̀ хотѣлъ вамъ сказать, но надо кончить. И знаете ли что̀? Въ сущности, мы, русскіе, не имѣемъ ничего общаго съ Гомеромъ, съ греками, римлянами, германцами; все это совершенно намъ чуждо. Но что вы хотите! надо говорить языкомъ Европы. Наша экзотическая цивилизація такъ придвинула насъ (nous a adossés) къ Европѣ, что хотя у насъ и нѣтъ ея идей, у насъ нѣтъ другого языка, кромѣ ея языка: итакъ, намъ приходится говорить имъ. Если небольшое число привычекъ ума, преданій, воспоминаній, какія у насъ есть, если наше прошедшее не привязываютъ насъ ни къ какому народу на землѣ, если мы въ самомъ дѣлѣ не принадлежимъ ни къ одной изъ системъ нравственной вселенной, то своей общественной поверхностью мы принадлежимъ однако міру Запада. Эта связь, правда очень слабая, не соединяя насъ съ Европой такъ тѣсно, какъ воображаютъ, и не давая намъ чувствовать во всѣхъ пунктахъ нашего существа великое движеніе, которое тамъ совершается, — эта связь ставитъ однако наши будущія судьбы въ зависимость отъ судебъ европейскаго общества. Такимъ образомъ, чѣмъ больше мы будемъ стараться амальгамироваться съ ней, тѣмъ будетъ для насъ лучше. Мы жили до сихъ поръ совершенно одни; то, что̀ мы узнали отъ другихъ, осталось на нашей внѣшности какъ простое украшеніе, не проникая во внутрь нашихъ душъ; въ настоящее время силы *верховнаго общества* (société souveraine) такъ увеличились, его дѣйствіе на остальную долю человѣческаго рода такъ расширилось, что мы скоро будемъ унесены во всеобщемъ вихрѣ, съ душой и тѣломъ. Вѣрно то, что мы

конечно не можемъ долго оставаться въ нашей пустынѣ. Поэтому будемъ дѣлать все, что́ можемъ, для того, чтобы приготовить путь новому поколѣнію. Мы не можемъ оставить ему того, чего у насъ не было: вѣрованій, воспитаннаго временемъ разума, рѣзко очерченной личности, мнѣній, развитыхъ въ теченіе долгой умственной жизни, одушевленной, дѣятельной, обильной результатами, — оставимъ имъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько идей, которыя, хотя и не были найдены нами самими, но будучи передаваемы такимъ образомъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, будутъ все-таки имѣть въ себѣ долю традиціоннаго элемента, и по этому самому будутъ имѣть нѣсколько больше силы, больше плодотворности, чѣмъ наши собственныя мысли. Этимъ способомъ мы заслужимъ у потомства, мы не пройдемъ на землѣ безполезно».

Для опредѣленія мнѣній Чаадаева за время, предшествовавшее появленію его статьи, могло бы служить и упомянутое письмо къ гр. Бенкендорфу по поводу запрещенія журнала «Европеецъ». Писанное отъ имени издателя этого журнала, Кирѣевскаго, оно, безъ сомнѣнія, заключало въ себѣ и мысли самого Чаадаева. Это было въ 1832 году, когда Кирѣевскій, вернувшись изъ-за границы, былъ еще поклонникомъ западныхъ идей и когда между имъ и Чаадаевымъ могло быть въ этомъ смыслѣ много общаго. То, что́ говорится въ этомъ письмѣ о либерализмѣ двадцатыхъ годовъ, ошибочность котораго была понята, о различіи условій и народнаго характера, не допускающемъ у насъ прямого введенія западныхъ учрежденій, о желаніяхъ въ настоящемъ, состоявшихъ въ усиленіи образованія, въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, въ развитіи религіознаго элемента — все это могло быть, и вѣроятно было, мнѣніе Кирѣевскаго и мнѣніе самого Чаадаева.

Перейдемъ теперь къ послѣднему значительному его произведенію, къ «Апологіи Сумасшедшаго», чтобы закончить обзоръ главнѣйшихъ сочиненій Чаадаева. Написанная по поводу извѣстнаго событія, «Апологія» отдѣлена отъ писемъ промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ, и представляетъ съ письмами нѣкоторую разницу, которую надо объяснить, кажется, двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, едва ли сомнительно, что «Апологія» написана подъ давленіемъ преслѣдованія, которое обрушилось на Чаадаева и повидимому оставило въ немъ навсегда впечатлѣніе. Съ другой стороны, произошло съ теченіемъ времени естественное развитіе мнѣній: прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были написаны «Письма»; прежнее горькое чувство улеглось, смѣнилось отчасти новыми мыслями, и авторъ, возвращаясь къ

темѣ своихъ «Писемъ», послѣ возбужденной ими бури, могъ хладнокровнѣе отнестись къ предмету, о которомъ прежде говорилъ въ иномъ настроеніи. Но при всемъ томъ, «Апологія» есть въ своемъ родѣ произведеніе также весьма замѣчательное. Авторъ дѣлаетъ въ немъ извѣстныя уступки, соглашается признать извѣстныя преувеличенія въ своихъ прежнихъ словахъ, говоритъ теперь безъ прежняго абсолютнаго и уничтожающаго скептицизма, — по всей вѣроятности искренно, вслѣдствіе того, что въ его мнѣніяхъ дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ явилось больше спокойнаго размышленія; въ двухъ-трехъ мѣстахъ мы найдемъ также вещи, написанныя какъ будто намѣренно въ извѣстномъ условномъ предохранительномъ смыслѣ: —но въ то же время Чаадаевъ не уступаетъ ни на минуту той публикѣ, которая напала на него съ своимъ дикимъ ожесточеніемъ; напротивъ, «Апологія» есть новая инвектива противъ этой публики, высказанная съ полнымъ убѣжденіемъ и полнымъ чувствомъ своего достоинства. Вообще, «Апологія» остается любопытнымъ, талантливымъ произведеніемъ, которое, по многимъ чертамъ своего содержанія — надо сказать къ сожалѣнію — не устарѣло и до сихъ поръ.

Указавъ, въ началѣ статьи, слова апостола Павла о любви, повелѣвающей вѣрить и терпѣть, авторъ замѣчаетъ, что катастрофа, такъ странно исказившая его умственное существованіе, была въ сущности результатомъ зловѣщихъ криковъ одной части общества при появленіи страницъ, правда ѣдкихъ, но заслуживавшихъ не такого пріема.

«Правительство, — говоритъ Чаадаевъ, — въ сущности только исполнило свой долгъ; можно даже сказать, что строгость, употребленная противъ насъ въ эту минуту, не имѣетъ ничего чрезвычайнаго, потому что, конечно, она далеко не превзошла ожиданій многочисленной публики. Что́ же, въ самомъ дѣлѣ, надо было сдѣлать правительству, самому благонамѣренному, какъ не сообразоваться съ тѣмъ, что́ оно искренно считаетъ серьезнымъ желаніемъ страны? Что же касается до криковъ публики, это совсѣмъ иное дѣло. Есть разные способы любить свое отечество: напримѣръ, самоѣдъ, который любитъ родные снѣга, дѣлающіе его подслѣповатымъ, дымную юрту, гдѣ онъ проводитъ скорчившись половину своей жизни, протухлый жиръ своихъ оленей, окружающій его вонючей атмосферой, конечно онъ любитъ свою родину не такъ, какъ англійскій гражданинъ, гордый учрежденіями и высокой цивилизаціей своего славнаго острова; и безъ сомнѣнія было бы очень жалко, еслибы намъ приходилось еще любить нашу родину на манеръ самоѣдовъ. Любовь къ отече-

ству есть вещь прекрасная, но еще прекраснѣе любовь къ истинѣ... Правда, что мы, русскіе, всегда бывали довольно беззаботны о томъ, что̀ истинно и что̀ ложно. Поэтому, не слѣдуетъ очень сердиться на общество, если оно было живо затронуто нѣсколько ѣдкой апострофой, обращенной къ его слабостямъ. Поэтому, увѣряю васъ, я вовсе не досадую на эту милую публику, которая такъ долго меня баловала: я стараюсь отдать себѣ отчетъ въ моемъ странномъ положеніи хладнокровно, безъ всякаго раздраженія...»

«Я никогда не искалъ популярности и овацій толпы; я всегда думалъ, что родъ человѣческій долженъ идти только вслѣдъ за своими естественными главами, помазанниками Бога; что онъ можетъ идти впередъ по пути своего истиннаго прогресса только подъ руководствомъ тѣхъ, кто тѣмъ или другимъ образомъ получилъ отъ самого неба миссію и силу вести его; что общее мнѣніе (la raison générale) вовсе не есть абсолютно справедливое мнѣніе (la raison absolue), какъ это думалъ одинъ великій писатель нашего времени; что инстинкты большинства бываютъ безконечно болѣе страстны, болѣе узки, болѣе эгоистичны, чѣмъ инстинкты отдѣльнаго человѣка; что такъ-называемый здравый смыслъ народа вовсе не есть здравый смыслъ; что истина выходитъ не изъ шумной толпы; что ее нельзя представить цифрой; наконецъ, что умъ человѣческій во всей своей силѣ, во всемъ своемъ блескѣ всегда обнаруживался только въ одинокомъ мыслителѣ». Авторъ не хочетъ разбирать, какъ случилось, что онъ очутился вдругъ передъ гнѣвной публикой, и переходитъ къ объясненію своей точки зрѣнія, ставя центральнымъ предметомъ спорнаго вопроса европейскую цивилизацію и Петровскую реформу. Слѣдующее мѣсто о Петрѣ Великомъ можно считать первымъ категорическимъ и яснымъ заявленіемъ того образа мыслей и того взгляда на реформу, которые становились тогда основаніемъ мнѣній цѣлой школы и спорнымъ пунктомъ, рѣзко раздѣлившимъ эту школу отъ славянофильской.

«Уже триста лѣтъ Россія стремится слиться съ западомъ Европы, извлекаетъ оттуда всѣ самыя серьезныя свои идеи, всѣ благотворнѣйшія знанія, всѣ живѣйшія наслажденія. Въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія она дѣлаетъ лучше. Величайшій изъ нашихъ царей, тотъ, который, говорятъ, началъ для насъ новую эру, которому, говорятъ, мы обязаны своимъ величіемъ, своей славой, и всѣми благами, какими теперь владѣемъ, отрекся, полтораста лѣтъ тому назадъ, отъ древней Россіи передъ лицомъ цѣлаго міра. Онъ смелъ своимъ могущественнымъ дуновеніемъ всѣ наши учрежденія; онъ вырылъ пропасть между нашимъ прошедшимъ

и нашимъ настоящимъ, и бросилъ въ нее кучей всѣ наши преданія. Онъ отправился въ страны Запада самымъ малымъ, и возвратился къ намъ самымъ великимъ; онъ преклонился передъ Западомъ и всталъ нашимъ повелителемъ и законодателемъ. Онъ ввелъ въ нашъ языкъ слова Запада; свою новую столицу онъ назвалъ именемъ Запада; онъ бросилъ свой наслѣдственный титулъ, и принялъ титулъ Запада; наконецъ, онъ почти отказался отъ собственнаго имени, и много разъ подписывалъ свои верховныя рѣшенія именемъ Запада. Съ этого времени, постоянно обращая глаза на страны Запада, мы, такъ сказать, только вдыхали въ себя воздухъ, приходившій оттуда, и питались имъ. Должно сказать, что наши государи, которые почти всегда вели насъ за руку, которые почти всегда вели страну на буксирѣ, безъ всякаго участія съ ея стороны, государи сами налагали на насъ нравы, языкъ, одежду Запада. По книгамъ Запада мы выучились называть имена вещей. Нашей собственной исторіи научилъ насъ человѣкъ изъ странъ Запада; мы переводили литературу Запада, мы учили ее наизусть, мы украшались его обрывками; и наконецъ мы были счастливы, что походили на Западъ, мы хвалились, когда онъ хотѣлъ считать насъ между своими.

«Надо согласиться, что оно было прекрасно, это созданіе Петра Великаго,... глубоко было сказанное имъ слово: видите ли тамъ эту образованность, плодъ стольких трудовъ, видите ли эти науки, эти искусства, которыя стоили столько пота стольким поколѣніямъ! все это—ваше, съ условіемъ, что вы освободитесь отъ своихъ суевѣрій, что вы отвергнете свои предразсудки, что вы не будете ревнивы къ своему варварскому прошедшему, что вы не станете хвастаться вѣками своего невѣжества, что ваше честолюбіе будетъ состоять въ томъ, чтобы усвоить себѣ труды всѣхъ народовъ, богатства, пріобрѣтенныя умомъ человѣческимъ на всѣхъ широтахъ земного шара. И этотъ великій человѣкъ трудился не для одной своей націи... Зрѣлище, которое онъ представилъ вселенной, когда, покинувъ царское величіе и свою страну, онъ скрылся въ послѣднихъ рядахъ цивилизованныхъ народовъ,—развѣ это зрѣлище не было новымъ усиліемъ человѣческаго генія выйти изъ тѣсной ограды родины, чтобы утвердиться въ великой сферѣ человѣчества? Таковъ былъ урокъ, который мы должны были воспринять: мы дѣйствительно имъ воспользовались, и до сихъ поръ мы шли тѣмъ путемъ, который указалъ намъ великій императоръ. Наше громадное развитіе есть только исполненіе этой великолѣпной программы. Никогда народъ не былъ менѣе пристрастенъ къ

самому себѣ, чѣмъ народъ русскій, какъ создалъ его Петръ Великій, и никогда другой народъ не получалъ болѣе славныхъ успѣховъ на пути совершенствованія. Высокій разумъ этого необыкновеннаго человѣка въ совершенствѣ угадалъ, какой долженъ былъ быть нашъ исходный пунктъ на дорогѣ цивилизаціи и умственнаго движенія міра. Онъ увидѣлъ, что намъ почти совсѣмъ недостаетъ историческихъ данныхъ, и что намъ нельзя утвердить нашего будущаго на этомъ безсильномъ основаніи; онъ очень хорошо понялъ, что намъ, поставленнымъ лицомъ къ лицу съ древней цивилизаціей Европы, послѣднимъ выраженіемъ всѣхъ прежнихъ цивилизацій, не зачѣмъ задыхаться въ нашей исторіи, не зачѣмъ влачиться, подобно народамъ Запада, черезъ хаосъ національныхъ предразсудковъ, узкими тропинками мѣстныхъ идей, по ржавой колеѣ туземнаго преданія; что намъ надо было свободнымъ порывомъ нашихъ внутреннихъ силъ, энергическимъ усиліемъ національнаго сознанія, взять сразу тѣ судьбы, которыя намъ были предназначены. Поэтому онъ освободилъ насъ отъ всѣхъ этихъ антецедентовъ, которые загромождаютъ историческія общества и затрудняютъ ихъ путь; онъ открылъ нашъ умъ для всѣхъ великихъ и прекрасныхъ идей, какія существуютъ между людьми; онъ передалъ намъ Западъ весь, какимъ сдѣлали его вѣка, и отдалъ намъ всю его исторію за исторію, все его будущее за будущее».

Чаадаевъ утверждаетъ дальше, что всего этого Петръ не могъ бы сдѣлать, еслибы имѣлъ дѣло съ націей, имѣющей богатую исторію, рѣзко очертившійся характеръ, глубоко вкоренившіяся учрежденія; съ другой стороны, такая нація не потерпѣла бы, чтобы у нея отнимали ея прошедшее. Но этого не было: Петръ имѣлъ передъ собой бѣлую бумагу, а если нація была такъ послушна его волѣ, значитъ, въ ея прошедшемъ не было ничего, что̀ могло бы узаконить сопротивленіе...

«Наши фанатическіе славяне,—продолжаетъ онъ,—въ своихъ различныхъ поискахъ, быть можетъ, будутъ иногда откапывать предметы любопытства для нашихъ музеевъ, для нашихъ библіотекъ; но, кажется, позволительно сомнѣваться, чтобы они успѣли когда-нибудь извлечь изъ нашей исторической почвы чѣмъ можно было бы наполнить пустоту нашихъ душъ, чѣмъ конденсировать неопредѣленность (vague) нашихъ умовъ. Взгляните на средневѣковую Европу: нѣтъ событія, которое не было бы тамъ въ нѣкоторомъ смыслѣ абсолютной необходимостью, которое не оставило бы глубокихъ слѣдовъ въ сердцѣ человѣчества. И почему это? Потому, что за каждымъ событіемъ вы находите идею, потому что средневѣковая исторія есть исторія мысли

новѣйшихъ временъ, которая стремится воплотиться въ искусствѣ, въ наукѣ, въ жизни человѣка, въ обществѣ.... Я знаю, что не всѣ исторіи имѣютъ строгій, логическій ходъ исторіи этой удивительной эпохи;... но вѣрно то, что таковъ истинный характеръ историческаго развитія.... Съ жизнью народовъ бываетъ почти также, какъ съ жизнью индивидуумовъ. Всѣ люди жили, но только человѣкъ геніальный или человѣкъ, поставленный въ извѣстныя особыя условія, имѣютъ настоящую исторію. Положимъ, напримѣръ, что народъ, по стеченію обстоятельствъ, не имъ созданныхъ, по дѣйствію географическаго положенія, не имъ выбраннаго, распространяется на громадномъ протяженіи страны, не имѣя сознанія о томъ, что онъ дѣлаетъ, и что въ одинъ прекрасный день онъ окажется народомъ могущественнымъ, — это будетъ конечно удивительный феноменъ, и можно будетъ удивляться ему сколько угодно: но что же, по вашему, должна сказать о немъ исторія? Въ сущности, это фактъ чисто матеріальный, фактъ такъ сказать географическій, въ огромныхъ размѣрахъ безъ сомнѣнія, но и только. Исторія возьметъ его, занесетъ его въ свои лѣтописи, потомъ закроется за нимъ, и кончено. Истинная исторія этого народа начнется только съ того дня, когда онъ будетъ охваченъ той идеей, которая ему довѣрена, которую онъ призванъ осуществить, и когда онъ начнетъ выполнять ее съ тѣмъ постояннымъ, хотя скрытымъ инстинктомъ, который ведетъ народы къ ихъ предназначенію. Вотъ моментъ, который я призываю въ пользу моего отечества всѣми силами моего сердца, вотъ задача, которую мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы взяли на себя, мои любезные друзья и сограждане, которые живете въ вѣкѣ, высоко поучительномъ, и которые теперь такъ хорошо показали мнѣ, какъ вы живо воспламенены святой любовью къ отечеству».

Послѣ этой иронической фразы, Чаадаевъ возвращается къ предмету съ другой стороны,—и говоритъ о той школѣ, которая утверждала, что намъ вовсе не зачѣмъ учиться у Запада, что мы принадлежимъ Востоку и что наше будущее на Востокѣ [1]).

Начавъ съ того, что міръ издавна раздѣленъ между Востокомъ и Западомъ, Чаадаевъ характеризуетъ цивилизаціи восточную и западную ихъ извѣстными отличительными чертами.

---

[1]) Обратимъ пока вниманіе читателя, что въ 1829-мъ, и даже въ 1837-мъ, когда вѣроятно была написана «Апологія», Чаадаевъ не могъ имѣть въ виду собственно славянофильскую школу, какъ она понималась въ сороковыхъ годахъ и которая тогда только-что образовывалась; многія черты относятся и къ ней, но главнымъ образомъ къ школѣ оффиціальной народности. Ср. замѣчанія г. Свербеева, въ «Р. Архивѣ».

«Но вотъ является новая школа. Не хотятъ больше Запада, хотятъ разрушить дѣло Петра Великаго, хотятъ снова въ пустыню. Забывая то, что Западъ сдѣлалъ для насъ, и неблагодарные къ великому человѣку, который насъ цивилизовалъ, къ Европѣ, которая насъ научила, эти люди отвергаютъ и Европу и великаго человѣка, и въ своемъ поспѣшномъ жарѣ, этотъ новѣйшій патріотизмъ провозглашаетъ насъ любимыми дѣтьми Востока. Какая намъ была надобность, говорятъ, искать просвѣщенія у народовъ Запада? Развѣ среди насъ не было всѣхъ зародышей общественнаго порядка, безконечно лучшаго, чѣмъ порядокъ Европы? Отчего не предоставили дѣла времени? Оставленные намъ самимъ, нашему ясному уму, плодотворному принципу, скрытому въ нѣдрахъ нашей могущественной природы, и особенно нашей священной религіи, мы скоро превзошли бы всѣ эти народы, преданные заблужденію и лжи. И въ чемъ намъ было завидовать Западу? Его религіознымъ войнамъ, его папѣ, его рыцарству, его инквизиціи? Прекрасныя вещи въ самомъ дѣлѣ! И развѣ Западъ есть отечество науки и всѣхъ глубокихъ вещей? Извѣстно, что это Востокъ. Возвратимся же на этотъ востокъ, къ которому мы вездѣ касаемся, откуда мы недавно извлекали наши вѣрованія, наши законы, наши добродѣтели, все, что сдѣлало насъ могущественнѣйшимъ народомъ на землѣ. Древній Востокъ падаетъ: развѣ не мы его естественные преемники? Отселѣ между нами будутъ сохраняться эти удивительныя преданія, между нами осуществятся всѣ тѣ великія и таинственныя истины, храненіе которыхъ было поручено Востоку отъ начала вещей.—Вы понимаете теперь,—продолжаетъ Чаадаевъ,—откуда пришла буря, которая недавно разразилась надо мной, и вы видите, что среди насъ, въ національной мысли совершается настоящая революція, страстная реакція противъ просвѣщенія, противъ идей Запада,—противъ того просвѣщенія, противъ тѣхъ идей, которыя сдѣлали насъ тѣмъ, что мы есть, которыхъ плодъ есть сама та реакція, то движеніе, которыя теперь толкаютъ насъ противъ нихъ. Но на этотъ разъ толчокъ не идетъ сверху. Напротивъ, никогда, говорятъ, въ высшихъ областяхъ общества память нашего царя-реформатора не уважалась больше чѣмъ теперь. Итакъ, инціатива вполнѣ принадлежитъ странѣ. Куда поведетъ насъ этотъ первый фактъ эманципированнаго разума націи? Богъ знаетъ! Но когда любишь серьезно свое отечество, нельзя не быть тягостно поражену этимъ отступничествомъ нашихъ наиболѣе образованныхъ (avancés) умовъ отъ вещей, которыя сдѣлали нашу славу, наше величіе; и мнѣ кажется,

хорошій гражданинъ долженъ стараться, сколько можетъ, объяснить это странное явленіе».

Чаадаевъ объясняетъ затѣмъ, что хотя мы и находимся на востокѣ Европы, но тѣмъ не менѣе никогда не принадлежали Востоку, что наша исторія не имѣетъ ничего общаго съ Востокомъ, что характеръ нашей жизни иной,—что мы просто страна сѣвера, и по идеямъ, и по климату очень далекая отъ долины Кашемира и береговъ Ганга. Нѣкоторыя наши провинціи сосѣдятъ съ Востокомъ, но нашъ центръ вовсе не тамъ.

«Истина въ томъ, что мы еще никогда не разсматривали своей исторіи съ философской точки зрѣнія. Ни одно изъ великихъ событій нашего національнаго существованія не было точно характеризовано, ни одна изъ нашихъ великихъ эпохъ не была откровенно оцѣнена; отсюда всѣ эти странныя фантазіи, всѣ эти утопіи прошедшаго, всѣ эти мечты невозможнаго будущаго, которыя мучатъ теперь наши патріотическіе умы. Нѣмецкіе ученые открыли нашихъ лѣтописцевъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; потомъ Карамзинъ разсказалъ намъ звучнымъ языкомъ дѣянія и подвиги нашихъ государей; въ наше время, посредственные писатели, неловкіе антикваріи, нѣкоторые неудавшіеся поэты, не владѣя ни наукой нѣмцевъ, ни перомъ знаменитаго историка, усиливаются нарисовать или возстановить времена и нравы, о которыхъ никто между нами не сохранилъ ни воспоминанія, ни любви: такова сущность нашихъ трудовъ по національной исторіи. Надо согласиться, что изъ всего этого мудрено извлечь серьезное предчувствіе судебъ, насъ ожидающихъ». Но намъ теперь нужно именно строгое и искреннее изслѣдованіе важнѣйшихъ историческихъ моментовъ народной жизни, гдѣ эта жизнь высказывалась во всей своей глубинѣ,—потому что здѣсь-то и заключается будущее. Если эти моменты рѣдки—признайте это, «не отталкивайте истины, не воображайте, что вы жили жизнью народовъ историческихъ, тогда какъ погребенные въ вашей неизмѣримой гробницѣ вы жили только жизнью ископаемыхъ». Но если вы встрѣтите моменты, когда нація дѣйствительно жила, когда билось ея сердце, если васъ обступала народная волна, — тогда размышляйте, изучайте, и вашъ трудъ не будетъ потерянъ: вы увидите, чѣмъ можетъ быть ваше отечество въ великіе дни, чего оно должно ожидать въ будущемъ. Такимъ моментомъ авторъ считаетъ моментъ, когда народъ, послѣ смутъ междуцарствія, самостоятельнымъ порывомъ своихъ силъ вновь основалъ порядокъ и возвелъ на престолъ новую династію.... «Видно изъ этого,—говоритъ Чаадаевъ,—что я далеко

не требую, какъ утверждали, что слѣдуетъ уничтожить всѣ наши воспоминанія».

«Я сказалъ только и повторяю, что пора бросить ясный взглядъ на наше прошлое, и бросить не за тѣмъ, чтобы извлекать изъ него старыя сгнившія реликвіи, старыя идеи, которыя пожрало время, старыя вражды, которыя давно покинулъ здравый смыслъ нашихъ государей и народа,—но чтобы знать, что̀ намъ думать о нашихъ антецедентахъ. Вотъ что я пытался сдѣлать въ трудѣ, который остался неконченнымъ, и къ которому должна была служить введеніемъ статья, такъ странно возбудившая національное тщеславіе. Конечно, была нетерпѣливость въ выраженіи, крайность въ мысли; но чувство, господствующее во всемъ отрывкѣ, нисколько не враждебно отечеству: это—глубокое чувство нашихъ слабостей, выраженное съ болью, съ горестью, и только.

«Повѣрьте, я больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, люблю свое отечество, желаю ему славы, умѣю цѣнить высокія качества своего народа; но справедливо также, что патріотическое чувство, меня одушевляющее, создано не совсѣмъ по тому способу, какъ то, чьи крики разрушили мое спокойное существованіе... Я не умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что время слѣпыхъ амуровъ прошло, что теперь прежде всего мы обязаны отечеству истиной. Я люблю свое отечество такъ, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его. Признаюсь, у меня нѣтъ этого блаженнаго (béat) патріотизма, этого лѣниваго патріотизма, который устроивается такъ, чтобы видѣть все въ лучшую сторону, который засыпаетъ за своими иллюзіями и которымъ, къ сожалѣнію, въ наше время страдаетъ много нашихъ хорошихъ умовъ. Я думаю, что если мы пришли послѣ другихъ, то для того, чтобы дѣлать лучше другихъ, чтобы не впадать въ ихъ ошибки, въ ихъ заблужденія, въ ихъ суевѣрія.... Я считаю, что наше положеніе счастливое, если мы съумѣемъ имъ воспользоваться... Этого мало: я имѣю глубокое убѣжденіе, что мы призваны рѣшить бо̀льшую часть задачъ соціальнаго порядка, завершить бо̀льшую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ...»

Чаадаевъ возвращается опять къ мысли о выгодности нашего положенія, позволяющаго намъ пользоваться готовымъ историческимъ опытомъ другихъ народовъ, пользоваться, не будучи связанными ни традиціей, ни общественною порчей. «У насъ нѣтъ этихъ страстныхъ интересовъ, этихъ готовыхъ мнѣ-

ній, этихъ утвердившихся предразсудковъ; мы приходимъ съ дѣвственными умами навстрѣчу къ каждой новой идеѣ. Въ нашихъ учрежденіяхъ,—свободныхъ созданіяхъ (oeuvres spontanées) нашихъ государей или слабыхъ слѣдахъ порядка вещей, воздѣланнаго ихъ всемогущимъ плугомъ; въ нашихъ нравахъ—странной смѣси неловкаго подражанія и обрывковъ давно изжитаго соціальнаго быта; въ нашихъ мнѣніяхъ, которыя все еще тщетно стараются установиться о самыхъ мелкихъ вещахъ,—ничто не противодѣйствуетъ непосредственному осуществленію всѣхъ благъ, какія Провидѣніе предназначаетъ человѣчеству... Исторія (т.-е. прошедшее) не принадлежитъ намъ больше, это правда, но наука намъ принадлежитъ; мы не можемъ начинать сначала весь трудъ человѣческаго ума, но мы можемъ участвовать въ его дальнѣйшихъ трудахъ; прошедшее уже не въ нашей власти, но будущее наше. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что большая часть міра угнетена своими преданіями, своими воспоминаніями: не будемъ завидовать ограниченному кругу, въ которомъ онъ хлопочетъ; несомнѣнно, что въ сердцѣ большей части націй есть глубокое чувство совершившейся жизни, которое господствуетъ надъ жизнью настоящей, упрямое воспоминаніе о протекшихъ дняхъ, которое наполняетъ нынѣшніе дни. Оставимъ ихъ бороться съ ихъ неумолимымъ прошедшимъ».

Чаадаевъ опять указываетъ ту чрезвычайную выгоду, что для насъ, не связанныхъ исторіей, не существуетъ, какъ у западныхъ народовъ, неизмѣнной необходимости, что мы можемъ измѣрять каждый шагъ, который намъ предстоитъ, обдумывать каждую идею, которая касается нашего разума. «Намъ позволено,—говоритъ онъ,—надѣяться на благосостояніе еще болѣе обширное, чѣмъ то, о какомъ мечтаютъ самые пламенные служители прогресса; и чтобы достигнуть до этихъ окончательныхъ результатовъ, намъ нуженъ только одинъ верховный актъ той высшей воли, которая заключаетъ въ себѣ всѣ воли націи, которая выражаетъ всѣ ея стремленія, которая уже не разъ открывала ей новые пути, развертывала передъ ней новые горизонты, и низвела въ ея разумъ новое просвѣщеніе» [1]).

«Что же,—спрашиваетъ затѣмъ Чаадаевъ,—развѣ я предлагаю своему отечеству дурное будущее? Находите вы, что я вызываю для него не славную судьбу?» Но Чаадаевъ соглашается наконецъ, что онъ преувеличилъ свои требованія и отъ прошедшаго:

---

[1]) Невольно припоминается при этомъ тотъ скептикъ двадцатыхъ годовъ, который считалъ необходимымъ для Россіи второго Петра Великаго.

«Да, было преувеличеніе въ этомъ своего рода обвиненіи (réquisitoire), направленномъ противъ великаго народа, вся вина котораго въ концѣ концовъ была только въ томъ, что онъ былъ заброшенъ къ послѣднимъ предѣламъ всѣхъ цивилизацій міра, далеко отъ странъ, гдѣ естественно должно было собраться просвѣщеніе, далеко отъ очаговъ, гдѣ оно блистало въ теченіе вѣковъ; было преувеличеніемъ не признать того, что мы пришли въ міръ на почву, не тронутую и не оплодотворенную предыдущими поколѣніями, гдѣ ничто не говорило намъ о протекшихъ вѣкахъ, гдѣ не было никакого слѣда новаго міра; было преувеличеніемъ не отдать ея доли этой церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утѣшаетъ за пустоту нашихъ лѣтописей, которой принадлежитъ честь каждаго подвига мужества, каждаго прекраснаго самоотверженія нашихъ отцовъ, каждой прекрасной страницы нашей исторіи; наконецъ, быть можетъ, было преувеличеніемъ на минуту опечалиться о судьбѣ націи, изъ нѣдръ которой родилась могущественная натура Петра Великаго, универсальный умъ Ломоносова и граціозный геній Пушкина.

«Но затѣмъ надо согласиться также, что фантазіи нашей публики удивительны.

«Вспомнимъ, что вскорѣ послѣ злополучной публикаціи, о которой идетъ рѣчь, на нашей сценѣ играна была новая пьеса [1]). И надо сказать, что никогда нація не подвергалась такому бичеванію, никогда страна не была влачима по землѣ такимъ образомъ, никогда не бросали въ лицо публики такой грязью, и никогда, однако, не было болѣе полнаго успѣха. Неужели же серьезно думающій человѣкъ, глубоко размышлявшій о своемъ отечествѣ, о своей исторіи, о характерѣ народа, будетъ осужденъ на молчаніе, потому, что ему нельзя будетъ устами комедіанта высказать патріотическое чувство, его гнетущее? Чтò же дѣлаетъ насъ такими внимательными къ циническому уроку комедіи, и такими подозрительными къ серьезному слову, идущему до сущности вещей? Надо сказать, это — потому, что у насъ есть теперь только патріотическіе инстинкты; что мы еще очень далеки отъ сознательнаго патріотизма старыхъ націй, созрѣвшихъ въ умственномъ трудѣ, просвѣщенныхъ знаніями, размышленіями науки; что мы любимъ наше отечество еще по способу тѣхъ юныхъ народовъ, которыхъ еще не мучила мысль, которые еще отыскиваютъ принадлежащую имъ идею, еще отыскиваютъ роль, какую они призваны исполнить на сценѣ міра

[1]) Говорится конечно о «Ревизорѣ».

что наши умственныя силы еще не упражнялись на вещахъ серьезныхъ; что, однимъ словомъ, трудъ ума до сего дня почти не существовалъ у насъ...

«Обдѣланные, отлитые, созданные нашими государями и нашимъ климатомъ, мы только въ силу покорности стали великимъ народомъ. Просмотрите съ начала до конца наши лѣтописи, вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое дѣйствіе власти, постоянное вліяніе почвы, и почти никогда не найдете дѣйствія общественной воли. Во всякомъ случаѣ, справедливо также сказать, что, отрекаясь отъ своей силы и отдавая ее въ руки своихъ повелителей, уступая природѣ своей страны, русскій народъ обнаруживалъ высокую мудрость, что онъ признавалъ, такимъ образомъ, высшій законъ своихъ судебъ: странный результатъ двухъ разнородныхъ элементовъ, котораго онъ не могъ не признать, не вредя своему существу, не подавляя самаго принципа своего возможнаго прогресса»...

«Апологія» осталась неконченной. Вслѣдъ за переданнымъ нами, поставлена II глава, въ первыхъ строкахъ которой Чаадаевъ приступаетъ, повидимому, къ подробному изложенію своей теоріи, и въ началѣ ея останавливается на одномъ господствующемъ фактѣ нашей исторіи, который обнаруживается въ ней постоянно, который составляетъ существенный элементъ нашего политическаго величія и настоящую причину нашего умственнаго безсилія. «Этотъ фактъ—есть фактъ географическій».

Возвратимся къ первой статьѣ Чаадаева.

Въ своемъ общемъ смыслѣ статья Чаадаева имѣла то любопытное историческое значеніе, что, явившись въ періодъ полнѣйшаго развитія системы оффиціальной народности, она выставила самое крайнее противорѣчіе этой системѣ. Во все продолженіе этого періода не было никѣмъ другимъ высказано такого рѣзкаго, мрачнаго, безпощаднаго приговора надъ русской дѣйствительностью и ея прошедшимъ: здѣсь собралось столько горькаго чувства, столько неотразимаго сознанія въ недостаткахъ русской жизни, сколько не было ни у кого еще изъ дѣятелей нашей умственной жизни,—и сколько авторитетъ, привыкшій къ панегирику, вѣроятно даже не считалъ возможнымъ.

О силѣ этого протеста можно судить по послѣдствіямъ, которыя онъ повлекъ за собой. Мы готовы признать вмѣстѣ съ Чаадаевымъ, что правительство въ своей мѣрѣ послѣдовало только общему голосу, было даже умѣреннѣе его требованій и не удовлетворило его ожиданіямъ. Можно повѣрить, что меньше

оскорбилось правительство, слишкомъ увѣренное въ истинѣ своихъ началъ, чѣмъ та масса, которая жила непробуднымъ убѣжденіемъ, что міръ ея — наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Для такихъ людей всякое сомнѣніе есть святотатство, и таковымъ именно была сочтена статья Чаадаева [1]): она самымъ рѣшительнымъ образомъ разрушала національное самомнѣніе, и для тѣхъ, кто по своему умственному развитію способенъ былъ разсуждать, она была еще непріятнѣе и досаднѣе тѣмъ, что въ ея обвиненіяхъ чувствовалась правда.

Переходя къ содержанію статьи, мы должны сдѣлать оговорку. При чтеніи статьи Чаадаева, намъ теперь съ перваго взгляда видны слабыя стороны его теоріи и натянутость нѣкоторыхъ ея примѣненій; историческіе вопросы, здѣсь разбираемые, довольно уже знакомы теперь въ нашей литературѣ, и писателю не такъ легко достанется нѣсколько фантастическій или преувеличенный выводъ. Въ то время эти вопросы были новы, и выводы тѣмъ больше производили впечатлѣнія.

Выше мы говорили отчасти о томъ, откуда шелъ этотъ скептицизмъ Чаадаева. Существенный и ближайшій его источникъ былъ тотъ же, изъ котораго исходило движеніе двадцатыхъ годовъ: глубокое впечатлѣніе европейской цивилизаціи и гражданственности, и сознаніе того, какъ неизмѣримо отстала отъ нихъ русская дѣйствительность. Чаадаевъ былъ свидѣтелемъ порывовъ тайнаго общества, и былъ также свидѣтелемъ ихъ полной безуспѣшности и вмѣстѣ неумѣнья. Католическое доктринерство, вывезенное имъ изъ-за границы или тамъ усовершенствованное, придало его теоретическимъ требованіямъ ту нетерпимую исключительность, которая должна была еще больше усилить въ немъ недовѣріе къ русскому содержанію. Наконецъ, вернувшись въ Россію, онъ долженъ былъ подвергнуться новымъ впечатлѣніямъ, которыя окончательно привели его ко взглядамъ «Письма». Онъ не нашелъ своихъ лучшихъ друзей; время перемѣнилось такъ, что сначала ему не съ кѣмъ было подѣлиться мыслью; характеръ общества измѣнился настолько, что умственный интересъ не находилъ въ немъ мѣста; наконецъ одиночество и хандра собрали въ воображеніи Чаадаева всѣ мрачныя стороны русской жизни, и они съ неслыханной до тѣхъ поръ горечью высказались въ «Письмѣ». Чаадаевъ вѣроятно справедливо въ своей «Апологіи» указывалъ на болѣзненное настроеніе, въ которомъ была писана его статья: его мысль и его чувство были до болѣзненности раздражены.

Скептицизмъ Чаадаева завершилъ собою все, что́ высказы-

---

[1]) См. характеристическую переписку объ ней въ Р. Старинѣ.

валось отрицательнаго въ русскомъ обществѣ и литературѣ. Люди тайнаго общества отвергали настоящее всѣми силами; Пушкинъ въ молодости сталъ какъ будто сатирическимъ органомъ тогдашнихъ либераловъ и изображалъ разочарованіе Онѣгина; Грибоѣдовъ написалъ филиппики своего Чацкаго; неизвѣстный авторъ письма 1824 г., о которомъ намъ случалось говорить, уже высказывалъ объ умственномъ состояніи русскаго общества мысли, которыя очень родственны съ мыслями чаадаевскаго «Письма». Если мы соберемъ всѣ эти симптомы сомнѣнія, которые высказывались у наиболѣе мыслящихъ людей того времени — мы найдемъ, что скептицизмъ Чаадаева имѣетъ свою родословную. Чаадаевъ только возвелъ эти сомнѣнія въ систему, распространилъ ихъ на прошедшее (либералы уже не вѣрили въ историческія картины Карамзина), и наконецъ далъ своей системѣ доктринерное основаніе...

Историки нашей литературы любятъ указывать въ нашемъ національномъ характерѣ ту готовность къ самообличенію, яркія доказательства которой они видѣли въ непрерывающемся рядѣ сатиры, со временъ Кантемира. Надобно сказать, однако, что когда Чаадаевъ поставилъ эту готовность въ серьезное испытаніе, она оказалась не такъ велика[1]). Оказывалось, что общество, которое дѣлало уже имена Кантемира, фонъ-Визина, Державина, Крылова, наконецъ Грибоѣдова, Пушкина и пр. предметами своей гордости, не могло вынести *этого* обличенія. Чаадаевъ въ «Апологіи» самъ указываетъ странное явленіе, что вслѣдъ за проклятіями его «Письму», эта самая публика выслушивала и превозносила «Ревизора», гдѣ русская жизнь вовсе не была польщена. Причина понятна: искусство имѣетъ свои привилегіи — и вмѣстѣ съ тѣмъ, наша художественная литература, даже у самого Гоголя, никогда не открывала этой отрицательной стороны жизни въ такой наготѣ, въ такой безусловной ясности. Въ самомъ Гоголѣ, который былъ вершиной сатирической литературы, глубокую безотрадность теоретическаго смысла его поэзіи можно было понять только пристально вдумываясь въ нее: масса видѣла только одну отдѣльную картину и слишкомъ легко теряла общій смыслъ за шуткой, которая напоминала ей смѣшные водевили. Гоголь въ «Разъѣздѣ» превосходно изобразилъ впечатлѣнія отъ комедіи въ большинствѣ публики, и въ концѣ концовъ истинный смыслъ произведенія пришлось

---

[1]) Передъ тѣмъ, «Горе отъ ума» также казалось долго невозможнымъ въ нашей печати. Много другихъ цензурныхъ вопросовъ того времени такимъ же образомъ возводились на степень вопросовъ государственной важности.

объяснять самому автору. «Письмо» Чаадаева не представляло ни малѣйшаго смягчающаго элемента: оно дѣйствовало всей желчью и силой своего содержанія. Всѣ несообразности и бѣдность русской жизни, какія отдѣльными чертами уже давно бросались въ глаза людямъ, ставившимъ для своего общества идеальныя цѣли, — всѣ эти тяжелыя мысли, накопившіяся многими рядами разочарованій, были собраны здѣсь въ одномъ фокусѣ.

«Письмо» Чаадаева, также какъ и его «Апологія» (вѣроятно извѣстная въ свое время только дружескому кругу) поразительны до сихъ поръ серьезностью своего тона: каковы бы ни были ихъ ошибки, для насъ уже видныя, эти произведенія рѣзко выдѣляются своимъ тономъ изъ массы литературы. Это — уже не та условная литература, которая съ ребяческой важностью занималась отведенными ей предметами и если обращалась къ предметамъ дѣйствительно серьезнымъ, то только ставя ихъ въ приличное отдаленіе отъ русской современной жизни; это — совсѣмъ иной уровень, иная складка мысли, — тотъ уровень, въ которомъ (повторяемъ: даже предполагая ошибки въ содержаніи) чувствуется прочное созрѣваніе общественной мысли.

Мы не будемъ говорить о томъ, насколько былъ правъ Чаадаевъ въ своемъ мрачномъ изображеніи нашего національнаго характера и нашей дѣйствительности, — и предоставимъ судить объ этомъ читателю. Въ «Апологіи» самъ Чаадаевъ признаетъ, что въ «Письмѣ» были преувеличенія и крайности; но, быть можетъ, и смягченіе этихъ крайностей мало измѣнило бы неутѣшительную сущность его мнѣній.

Обратимся къ «Письму», какъ оно представлялось въ тогдашнихъ условіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что масса общества, вооружившаяся противъ Чаадаева, обнаружила большое малодушіе и умственную несостоятельность. Біографъ Чаадаева разсказываетъ, что около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, гдѣ бы не говорили про чаадаевскую статью, что люди всѣхъ слоевъ и категорій общества, — которыхъ очень характеристично пересчитываетъ біографъ, — соединились въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію; что студенты московскаго университета изъявляли, какъ говорятъ, желаніе съ оружіемъ въ рукахъ мстить за оскорбленіе націи. Только небольшое просвѣщенное меньшинство находило статью высоко замѣчательной и собиралось отвѣчать на нее научно-критическимъ опроверженіемъ.... Чаадаевъ справедливо говоритъ въ «Апологіи», что эту бурю произвела ребяческая непривычка къ мышленію, — и дѣйствительно, такой страхъ передъ противорѣ-

ріемъ, такая нетерпимость къ иному мнѣнію не свидѣтельствуютъ объ умственной зрѣлости. Вся опасность (если кто видѣлъ опасность) выставленныхъ мнѣній легко могла быть устранена одной свободой ихъ обращенія и ихъ обсужденія со стороны другихъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства сдѣлали это невозможнымъ, — и изъ этого являлся новый элементъ затаеннаго недовѣрія умовъ, умственная дѣятельность общества еще лишній разъ была запугана.

Свобода критики, безъ сомнѣнія, вскорѣ открыла бы слабыя стороны Чаадаева. Какъ бы ни взглянула критика на его изображенія настоящаго, она конечно *и тогда* увидѣла бы капитальныя ошибки въ построеніи его системы, въ самомъ основномъ представленіи Чаадаева о европейскомъ прогрессѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже съ точки зрѣнія безусловнаго признанія европейскаго прогресса, какой держится Чаадаевъ, его положенія далеко не выдерживали критики. Его историческая теорія могла быть вѣрна развѣ только до XV-го столѣтія, когда еще господствовало превозносимое имъ церковное единство западной Европы: протестантизмъ, организовавшійся съ XVI-го столѣтія и разорвавшій это единство, былъ результатомъ того же развитія, послѣдовательнымъ явленіемъ того же прогресса, и не только не былъ упадкомъ европейской умственной жизни, а напротивъ новымъ ея возбужденіемъ. Папское единство въ прежнемъ смыслѣ было не только поколеблено, но просто разрушено навсегда и безвозвратно: новое религіозное движеніе не было отдѣльной сектой, какихъ было много и въ которыхъ можно допускать извѣстную долю индивидуальнаго произвола, а напротивъ обширнымъ движеніемъ, которое увлекло не какія-нибудь отдѣльныя части общества, а цѣлыя націи. Протестантизмъ вводилъ новый умственный принципъ, отъ котораго уже не можетъ отказаться исторія религіознаго развитія, — принципъ частнаго сужденія, слѣдовательно освобожденія мысли, и этотъ принципъ составлялъ съ тѣхъ поръ столь необходимую черту европейскаго прогресса, что онъ проникаетъ всѣ направленія мысли и господствуетъ въ европейской наукѣ, какая бы ни была она — католическая или протестантская. Католической церкви уже скоро пришлось бороться съ научной мыслью, осуждать ученіе Коперника, осуждать Галилея, осуждать множество другихъ ученій, наполнять безконечный каталогъ Индекса, и однако въ концѣ концовъ, противъ воли, покоряться этой проклинаемой ею наукѣ. Открытія XV—XVI-го вѣка, вмѣстѣ съ Возрожденіемъ и Реформаціей начинающія новую исторію умственной жизни Европы, потомъ раціонализмъ и скептицизмъ XVII-го и XVIII-го

столѣтій, совершались конечно вовсе не въ духѣ католицизм —но тѣмъ не менѣе они были господствующими явленіями е ропейскаго прогресса, которыми и опредѣляется его современн характеръ, — не только не поддерживающій католическо-па скаго единства, но положительно его отвергающій.

Чаадаевъ чувствовалъ несовмѣстимость подобныхъ явлені съ его теоріей, и мы видѣли, какъ строго онъ съ своей точ зрѣнія осуждаетъ и Возрожденіе и протестантизмъ.

Однимъ словомъ, въ ряду направленій европейскаго мышле нія теорія Чаадаева являлась тѣсной католической доктрино которая была скорѣе теоріей реакціонной, чѣмъ теоріей про гресса. Въ нашей литературѣ европейское умственное движені было однако настолько знакомо, что уже и въ то время про тивъ Чаадаева могли быть приведены достаточно сильные арг менты съ этой чисто исторической точки зрѣнія.

Подобнымъ образомъ, — въ какомъ бы видѣ ни представл лись тогда мнѣнія Чаадаева о русской современности, — про тивъ него и тогда могли быть приведены достаточно сильны возраженія объ исторической сторонѣ дѣла: ему могли, межд прочимъ, отвѣчать то самое, что самъ онъ высказалъ потомъ в своей «Апологіи». А главное, ему могли возражать въ том непрямо высказанномъ, но предполагаемомъ пунктѣ, будто б для Россіи былъ необходимъ именно тотъ путь цивилизаці какой выражался католическимъ единствомъ. Ему и тогда могл бы сказать, что если самое это единство оказалось историческ несостоятельнымъ и было подорвано, то естественно слѣдовал что русскому народу, для его европейскаго воспитанія, не был необходимости обращаться къ принципу, пережитому и покида мому самой Европой, а напротивъ, надо было остеречься его.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя и даже гораздо болѣе энергиче скія возраженія были бы выставлены противъ Чаадаева въ серьезно литературѣ, еслибы онъ не подвергся иному обличенію. Противни Чаадаева не захотѣли начинать литературнаго спора, когда прежд ихъ въ это дѣло вступилась власть [1]): не будь этого, стать Чаадаева вызвала бы конечно самую оживленную полемику - разумѣя не ругательства квасныхъ патріотовъ и прислужников что̀ явилось бы, конечно, прежде всего и въ наибольшемъ коли чествѣ, но полемику со стороны лучшихъ дѣятелей литера туры. Публика могла бы убѣдиться, что существованіе Россі

---

[1]) Біографъ Чаадаева видитъ особенное великодушіе въ томъ, что Хомяков отказался отъ подобнаго спора. Хомяковъ, конечно, только исполнилъ то, что треб валось литературнымъ приличіемъ.

не подвергалось отъ статьи Чаадаева опасности, а для людей съ серьезными мнѣніями открылась бы борьба мнѣній, которая могла быть не лишена самыхъ оживляющихъ интересовъ, — потому что статья Чаадаева давала для этого богатый матеріалъ. Но полемика не состоялась...

Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ біографа, «безусловно сочувствующихъ и совершенно согласныхъ (съ Чаадаевымъ) не было ни одного человѣка», и этому легко повѣрить: не говоря о большинствѣ, которое не понимало даже возможности подобныхъ вопросовъ, люди самые передовые, которые вполнѣ могли понимать отрицаніе Чаадаева, никакъ не могли войти во всѣ его аргументы и выводы. Нечего говорить, что начинавшаяся славянофильская школа самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовала бы противъ подобнаго нарушенія ея идеальныхъ святынь. Люди другого лагеря точно также не приняли бы историческихъ выводовъ Чаадаева. Герценъ, чрезвычайно высоко ставившій Чаадаева по его умственно возбуждающему значенію, вѣроятно отвергалъ его послѣдніе выводы въ то время также рѣшительно, какъ впослѣдствіи.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ никакихъ отзывовъ людей этого рода о статьѣ Чаадаева, высказанныхъ въ то время. Осталось, сколько мы знаемъ, только письмо Пушкина отъ іюля 1830 года, и повидимому относящееся только къ послѣднимъ двумъ «Письмамъ» Чаадаева, — по крайней мѣрѣ о первомъ здѣсь ничѣмъ не намекается. Пушкинъ говоритъ объ историческихъ мнѣніяхъ Чаадаева, которыя были для него новы, но не говоритъ ничего объ отрицательномъ изображеніи русской жизни: онъ могъ не знать перваго письма, гдѣ о томъ идетъ рѣчь, но могло быть, что этотъ взглядъ былъ уже знакомъ Пушкину и о немъ была рѣчь прежде, или что Пушкинъ, по прежней привычкѣ къ свободнымъ бесѣдамъ подобнаго рода, не находилъ въ этой сторонѣ «Письма» ничего особеннаго и непозволительнаго. Отзывъ Пушкина во всякомъ случаѣ любопытенъ, какъ отзывъ человѣка того же поколѣнія и тѣхъ же преданій. Онъ замѣчаетъ отрывочность статьи и предполагаетъ, что изложеніе связано съ предшествовавшими разсужденіями, для читателя неизвѣстными.... «Потому, — продолжаетъ онъ, — первыя страницы нѣсколько темны, и я думаю, что вы сдѣлаете лучше, если замѣните ихъ простымъ примѣчаніемъ, или сдѣлаете изъ нихъ извлеченіе [1]). Я готовъ былъ также замѣтить вамъ безпорядокъ и отсутствіе

[1]) Трудно сказать, къ какому именно письму можетъ относиться это замѣчаніе: было ли въ рукахъ Пушкина одно только письмо, или весь рядъ ихъ.

метода во всей статьѣ, но подумалъ, что это — письмо и что *этотъ родъ* извиняетъ и уполномочиваетъ и эту небрежность и это laisser aller. Все, что̀ вы говорите о Моисеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, что̀ ни является портретомъ и картиной — все широко, блестяще и грандіозно. Со *взглядомъ* вашимъ на исторію, *мнѣ совершенно новымъ*, я однакожъ не могу всегда согласиться; напримѣръ, я не понимаю ни вашего отвращенія къ Марку-Аврелію, ни вашего предпочтенія Давиду, псалмамъ котораго удивляюсь и я, если только они имъ написаны. Не вижу я также, отчего сильная и наивная живопись Гомера возмущаетъ васъ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему мнѣнію великій историческій памятникъ. Все, что̀ представляетъ кроваваго Иліада, развѣ не находится также и въ Библіи? Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, то-есть въ папѣ. Не въ идеѣ ли оно Христа, которая есть и въ протестантствѣ? Первая идея была монархическою; потомъ сдѣлалась республиканскою. Я дурно выражаюсь, но вы понимаете меня»....

Любопытно, что Пушкинъ видѣлъ въ письмахъ не только теоретическое содержаніе, но и художественное произведеніе — извиняетъ недостатокъ метода формой письма, восхищается картинами. Историческій взглядъ Чаадаева совершенно для него новъ, хотя пріемъ этотъ былъ знакомъ и тогда людямъ, изучавшимъ нѣмецкую философію; католической точки зрѣнія Пушкинъ также не замѣтилъ. При всемъ томъ, Пушкинъ вѣрно оцѣнилъ понятіе о христіанскомъ единствѣ, составляющее основу мнѣній Чаадаева, — и хотя, повидимому, не чувствовалъ связи между идеализмомъ Чаадаева, явно католическимъ, и его мнѣніями о Гомерѣ или Маркѣ-Авреліи, но не соглашался съ этими крайними приговорами.

Если Пушкинъ, не занимавшійся философско-историческими вопросами, тѣмъ не менѣе угадывалъ основную ошибку Чаадаева, безъ сомнѣнія ее совсѣмъ ясно поняли бы дѣятели новаго поколѣнія, болѣе изучавшіе эти вопросы. Вообще, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что точка зрѣнія Чаадаева нашла бы и тогда свой противовѣсъ: католическая теорія удержаться не могла.

Тѣмъ не менѣе, статья Чаадаева была событіемъ. Мы не будемъ говорить объ его значеніи и вліяніи тѣми, немного гиперболическими выраженіями, какія употребляетъ его біографъ, но вліяніе Чаадаева во всякомъ случаѣ несомнѣнно. Его статья, прочитанная всѣми, кого интересовалъ предметъ, долж-

на была произвести на людей размышляющихъ сильное впечатлѣніе. Это была одна изъ тѣхъ немногихъ вещей нашей литературы, въ которыхъ говорила не литературная рутина, не мелочное переливанье изъ пустого въ порожнее; здѣсь говорили серьезная мысль и сильное чувство, направленныя на коренной вопросъ національнаго существованія. Чаадаевъ ошибался въ своей теоріи, — но, за исключеніемъ этой ошибки, въ его статьѣ оставались тѣ нѣсколько поразительныхъ страницъ, которыя посвящены русской дѣйствительности. Въ этихъ страницахъ и заключалась вся сила его мысли. Точка зрѣнія Чаадаева была поразительна именно своимъ отрицаніемъ современности, дѣйствительнаго положенія вещей. Въ этомъ отношеніи она шла наперекоръ всѣмъ принятымъ мнѣніямъ, и особенно наперекоръ всѣмъ самообольщеніямъ. Можно сказать, что ея отрицаніе шло даже дальше всего того, что̀ могло быть въ мнѣніяхъ самыхъ передовыхъ людей того времени: какъ ни относились они критически и недовѣрчиво къ нашей умственной жизни, къ нашему общественному положенію вещей, ни у кого изъ нихъ не было этого безпощаднаго указанія общественныхъ, даже національныхъ слабостей, никто не указывалъ съ такой уничтожающей рѣзкостью на младенчество нашей цивилизаціи, на младенчество нашего сознанія. Нечего говорить о томъ, насколько Чаадаевъ непримиримо расходился съ начинавшейся тогда славянофильской школой. Но главнымъ образомъ точка зрѣнія Чаадаева была полной противоположностью тѣмъ взглядамъ, какіе принадлежали системѣ оффиціальной народности: здѣсь статья Чаадаева была сочтена оскорбительнымъ для чести Россіи пасквилемъ, преступленіемъ, святотатствомъ. И не могли конечно иначе судить о ней люди, для которыхъ всѣ вопросы были уже рѣшены, которые утверждали, по-французски: «le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer»... Чаадаевъ въ «Апологіи» не совсѣмъ ошибался въ своихъ предположеніяхъ о томъ, изъ какихъ слоевъ общества направилось сильнѣйшее озлобленіе противъ него... Теперь извѣстно, что первое озлобленное обвиненіе поднялъ противъ него извѣстный Вигель.

Противорѣчіе заявлено было открыто, и отсюда такой взрывъ въ массѣ общества, который не имѣетъ другого подобнаго въ исторіи нашей литературы. И здѣсь историческое значеніе произведенія Чаадаева: заявленіемъ своихъ идей онъ открывалъ путь для критическаго сознанія.

Своимъ суровымъ обличеніемъ недостатковъ русской жизни,

высотой указанныхъ имъ требованій европейской цивилизаці
Чаадаевъ, какъ немногіе другіе, способствовалъ уничтоженію тог
національнаго самообольщенія, которое издавна было одной из
главнѣйшихъ помѣхъ нашему образованію. Выставляя высокі
идеалъ общечеловѣческой цивилизаціи, Чаадаевъ побуждалъ об
щество возвысить и свои стремленія; почти отчаяваясь въ рус
ской жизни, Чаадаевъ тѣмъ самымъ долженъ былъ вызыват
реакцію живыхъ силъ, къ какому бы онѣ лагерю ни принадле
жали...

Въ наше время значеніе Чаадаева нѣсколько забыто. Не
давно было высказано мнѣніе, что письмо Чаадаева не оказал
особенно глубокаго вліянія въ нашей литературѣ и осталос
безслѣдно. Едва ли такъ. Замѣтимъ прежде всего, что истори
ческая роль Чаадаева заключается не въ одномъ этомъ «Пись
мѣ», погибшемъ едва увидѣвши печать. Въ тогдашнихъ услові
яхъ сильное умственное вліяніе могло совершаться и внѣ ли
тературы, и въ этомъ смыслѣ положеніе Чаадаева можно срав
нить съ положеніемъ Станкевича, — собственно литературна
роль послѣдняго была совершенно незначительна, но извѣстн
между тѣмъ, что люди его кружка согласно ставили его гла
вой школы, по его чисто личному вліянію. Имя Чаадаева съ
неменьшимъ правомъ войдетъ въ исторію умственнаго развитія
нашего общества.

Это вліяніе Чаадаева началось съ Пушкина [1]) и продолжа
лось въ полной силѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, осо
бенно въ тѣхъ кругахъ, западномъ и славянофильскомъ, кото
рые въ литературѣ сороковыхъ годовъ играли господствующу
роль. Выраженія, въ которыхъ говоритъ о немъ Герценъ, могутъ
служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того значенія, какое онъ
придавалъ Чаадаеву. Герценъ могъ нѣсколько преувеличиват
это значеніе, могъ ошибаться о нравственномъ характерѣ Чаа
даева, но во всякомъ случаѣ личность, которая своимъ умомъ
и мнѣніями могла оказывать впечатлѣніе на такого требова
тельнаго судью, не могла быть незначительной. Мы приведемъ
дальше слова другого замѣчательнаго человѣка того времени,
изъ которыхъ видно, что такое же значеніе придавали Чаадаеву
и въ совершенно противоположномъ лагерѣ. За Чаадаевымъ

---

[1]) Объ ихъ отношеніяхъ достаточно было сказано біографомъ Чаадаева. Тонъ
ихъ отношеній виденъ и въ приведенномъ нами письмѣ Пушкина; оно оканчивается
такъ: «Пишите же мнѣ, мой другъ, еслибы даже вамъ пришлось бранить меня. Лу
ше — говоритъ Экклезіастъ — слушать наставленія мудраго, нежели пѣсни безумца».
Это во всякомъ случаѣ не былъ только одинъ «культъ дружбы».

оставалась память его статьи и онъ дѣятельно участвовалъ своими мнѣніями въ тѣхъ бесѣдахъ и спорахъ, которые въ то время пріобрѣли важное образовательное значеніе и въ которыхъ, за отсутствіемъ нѣсколько свободной литературы, велось развитіе идей и опредѣлялись мнѣнія.—Приведенныя нами «Письма» и «Апологія» раскрываютъ намъ подробности его образа мыслей, который, не имѣя дѣйствія въ печатной литературѣ, ярко высказывался въ этихъ живыхъ личныхъ столкновеніяхъ и борьбѣ мнѣній.

Здѣсь этотъ образъ мыслей пріобрѣталъ несомнѣнное вліяніе. Поставленный между двумя партіями, существенно идеалистическими, скептицизмъ Чаадаева относительно русской жизни былъ конечно ближе къ той, которая настаивала на принципахъ европейской цивилизаціи, но онъ служилъ для обѣихъ сильнымъ возбужденіемъ къ провѣркѣ понятій и къ послѣдовательной логикѣ. Онъ подавалъ примѣръ независимости мысли, потому что, несмотря на малодушныя уступки въ минуту страха, онъ сохранялъ сущность своихъ мнѣній, и, какъ извѣстно изъ разсказовъ, въ сороковыхъ годахъ общій тонъ его былъ таковъ же, каковъ онъ былъ въ тридцатыхъ годахъ. Онъ былъ готовъ съ остроумной насмѣшкой, когда національное самомнѣніе впадало въ свои крайности, онъ оживлялъ споръ и освѣщалъ предметъ съ новой, неожиданной стороны. То время, тридцатые и сороковые года, особенно занято было стремленіемъ опредѣлить философскія начала національной жизни и доказать ихъ исторически, и мнѣнія Чаадаева безъ сомнѣнія содѣйствовали расширенію историческаго интереса, которому предназначено было произвести цѣлый переворотъ въ историческихъ понятіяхъ. Мы указывали еще въ письмахъ Чаадаева 1829 г. его понятія о необходимости историческаго изученія. Историческая критика, по его понятіямъ, должна была стать высокой умственной силой: она должна была «уничтожить всѣ историческіе фантомы, разрушить всѣ ложные образы, для того, чтобы представивъ уму прошедшее въ его истинномъ свѣтѣ, она могла вывести изъ него какія-нибудь несомнѣнныя заключенія для настоящаго, и съ увѣренностью обратить взглядъ на безконечныя пространства, которыя развертываются передъ нею». «Только возвращаясь (историческимъ изученіемъ) къ своимъ протекшимъ существованіямъ,—говоритъ онъ тамъ же,—массы и отдѣльныя лица научатся исполнять свои предназначенія; только въ ясномъ пониманіи прошедшаго они найдутъ силу дѣйствовать на свое будущее». «Серьезная мысль нашего времени,—говоритъ онъ въ «Апологіи»,—требуетъ именно суроваго размышленія, искрен-

няго анализа тѣхъ моментовъ, гдѣ жизнь обнаруживалась у народа съ большей или меньшей глубиной, гдѣ его общественный принципъ выказался во всей своей истинѣ,—потому что здѣсь будущее, здѣсь элементы его возможнаго прогресса». Этого и доискивались въ слѣдующія десятилѣтія наши историки; за столкновеніемъ ихъ теорій Чаадаевъ слѣдилъ съ особеннымъ интересомъ. Было бы конечно слишкомъ большимъ преувеличеніемъ видѣть въ немъ преобразователя историческаго метода, какъ видитъ его біографъ; но косвенное и возбуждающее вліяніе его не подлежитъ сомнѣнію.

Это требованіе исторической критики, но въ особенности глубокое сознаніе недостатковъ прошедшаго и настоящаго и указаніе на высокое превосходство европейской цивилизаціи, составляютъ сущность возбужденій, внесенныхъ Чаадаевымъ. Его крайнее сомнѣніе относительно русской жизни было той точкой перелома, откуда начинался новый періодъ въ нашемъ умственномъ развитіи, перелома, которому въ литературѣ художественной соотвѣтствуетъ появленіе сатиры Гоголя. Въ дѣятельности, какъ и въ личномъ характерѣ Чаадаева было много недостатковъ; въ его понятіяхъ было много ошибочнаго,—но эти недостатки не должны приводить насъ въ заблужденіе объ его значеніи. Въ дѣятельности каждаго историческаго лица смѣшиваются подобнымъ образомъ ходъ общей исторической идеи съ его личными свойствами, наклонностями и мнѣніями: въ концѣ концовъ частное и индивидуальное отпадаетъ какъ шелуха, и остается общій основной результатъ, составляющій историческое пріобрѣтеніе и заслугу лица. Въ данномъ историческомъ моментѣ мы находимъ обыкновенно и концы прошлаго, и задатки будущаго. Наконецъ, чтобы судить подобнаго рода недостатки и ошибки мнѣній, необходимо брать ихъ въ связи съ общими условіями: Чаадаевъ находилъ, что нашимъ умамъ вообще недостаетъ основательности, логики, и онъ былъ правъ, потому что дѣйствительно ни одна мысль, касавшаяся общественныхъ отношеній, не находила у насъ правильнаго и полнаго логическаго развитія. Многообразныя стѣсненія, связывавшія нашу умственную жизнь и приводившія къ этимъ послѣдствіямъ, отразились и въ самыхъ построеніяхъ Чаадаева: предоставленный личнымъ силамъ, безъ возможности открытаго развитія своихъ понятій, безъ провѣрки, безъ правильной критики, Чаадаевъ, рядомъ съ высокими идеальными требованіями, съ глубокимъ пониманіемъ дѣйствительности, впадаетъ въ самыя странныя заблужденія, которымъ не могли ни малѣйшимъ образомъ сочувствовать самые горячіе его поклонники. Они принимали его общія указанія, но

отвергали тѣ его объясненія, которыя отзывались его личнымъ мистицизмомъ...

Мы упоминали о томъ, какъ высоко ставилъ Чаадаева Герценъ, писатель той школы, съ которой Чаадаевъ соглашался въ высокомъ представленіи объ европейской цивилизаціи и во враждебномъ отношеніи къ исключительной національности, этой «географической добродѣтели», отличавшей славянофиловъ и школу оффиціальной народности. Любопытно, что почти съ неменьшей симпатіей относились къ Чаадаеву люди, которые по всему характеру своихъ понятій должны были быть и были его заклятыми теоретическими противниками. «Почти всѣ мы знали Чаадаева,—говорилъ Хомяковъ въ засѣданіи московскаго общества любителей русской словесности, 28 апрѣля 1860, — многіе его любили, и, можетъ быть, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его противниками. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце, — таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали: но въ такое время, когда, повидимому, мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что онъ и самъ бодрствовалъ и другихъ побуждалъ, — тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ: «живъ курилка». Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга. Еще болѣе дорогъ онъ былъ друзьямъ своимъ какою-то постоянною печалью, которою сопровождалась бодрость его живого ума... Чѣмъ же объяснить его извѣстность? Онъ не былъ ни дѣятелемъ-литераторомъ, ни двигателемъ политической жизни, ни финансовою силою, а между тѣмъ имя Чаадаева извѣстно было и въ Петербургѣ и въ большей части губерній русскихъ, почти всѣмъ образованнымъ людямъ, не имѣвшимъ даже съ нимъ никакого прямого столкновенія»... Хомяковъ, съ своей точки зрѣнія, приписываетъ извѣстность Чаадаева тому, что онъ жилъ и умственно дѣйствовалъ въ Москвѣ—потому что, «гдѣ бы ни былъ центръ государственный, Москва не перестала и никогда не перестанетъ быть общественною столицей русской земли». Москва, конечно, способствовала обширной извѣстности Чаадаева тѣмъ свойствомъ создавать себѣ авторитеты, о которомъ упоминаетъ біографъ Чаадаева: но авторитетъ, пріобрѣтенный въ силу этого свойства, не составлялъ бы еще большой славы—лучшій источникъ извѣстности Чаадаева былъ безъ сомнѣнія въ томъ, что когда прошелъ первый пылъ негодованія противъ него, общество снова обратило на него свою благосклонность по тому чувству, которое въ «сгущающемся сумракѣ»

того времени отдавало уваженіе проявленіямъ независимости и протеста: эти проявленія составляли такую рѣдкость и потому производили такое впечатлѣніе, что извѣстность распространялась даже въ «губерніи» и человѣкъ интересовалъ даже тѣхъ, кто «не имѣлъ съ нимъ никакого прямого столкновенія». О причинахъ значенія Чаадаева въ кругу литературномъ мы говорили.

Матеріалы, печатаемые въ «Вѣстникѣ Евр.», открываютъ новыя черты его отношеній и мнѣній, которыя еще требуютъ біографическихъ разъясненій отъ людей, его знавшихъ и въ которыя мы, поэтому, не будемъ теперь входить. Здѣсь опять являются передъ нами и его сильныя, симпатическія стороны и его недостатки: во всякомъ случаѣ любопытны здѣсь черты его образа мыслей и отголоски тогдашнихъ литературныхъ событій, и не разъ, въ этихъ письмахъ и отрывкахъ проглядываетъ высокое понятіе о своемъ достоинствѣ, въ такомъ тонѣ, какъ онъ говорилъ о себѣ въ «Апологіи»: — «Я не умѣю любить свое отечество съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ запертыми устами. Я нахожу, что можно быть полезнымъ отечеству только подъ условіемъ ясно его видѣть; я думаю, что прошло время слѣпыхъ амуровъ, что теперь мы прежде всего обязаны своему отечеству истиной. Я люблю свое отечество такъ, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его». — Мы не скажемъ, что Чаадаевъ не имѣлъ права на эти слова, и немного было людей въ нашей литературѣ, за которыми можно признать такое право.

А. Пыпинъ.

НАГОРНЫЙ КЛЮЧЪ

Посв. П. М. Ковалевскому.

На заоблачныхъ горахъ —
На холодныхъ высотахъ,
Родила меня та мгла,
Что съ земли къ звѣздамъ плыла;
Но, — пригрѣтый выше тучъ
Лаской божьяго луча,
Я растаялъ въ чистый ключъ,
И едва-едва журча,
Роюсь змѣйкою живой
Подъ лавиной снѣговой.
Кто, ты — нѐдругъ или другъ?!
Чуть затихнетъ вѣтерокъ,
Преклони во мнѣ свой слухъ,
Чтобъ хоть ты подслушать могъ,
Какъ въ могильной тишинѣ
Словно плачетъ по веснѣ
Молодой мой голосокъ.
Слышишь ли, какъ я ропчу,
Какъ я вырваться хочу
Изъ-подъ власти ледяной
Этой выси мнѣ родной.
Погоди, когда-нибудь
Выбьюсь я на вольный путь!
На долину я сойду,
Водопадомъ упаду,
Засверкаю жемчугомъ,
Покачусь живымъ ручьемъ....

Буду жажду утолять —
Ваши силы обновлять....

—Не мечтай еще пока,
Прежде силъ своихъ спросись:
Та долина далека,
И дорога не легка
Черезъ эти кручи, внизъ....
Знай и вѣдай напередъ,
Что, протачивая лёдъ,
Много встрѣтишь ты преградъ:
Скалы гребнями торчатъ —
И я знаю, между скалъ
Темный въ бездну есть провалъ.
Какъ легко тебѣ упасть
Въ эту каменную пасть!
И тогда, — несчастный ключъ!
Какъ бы ни былъ ты кипучъ,
Оросятъ твои струи
Первобытные слои
Черныхъ трещинъ и тѣснинъ —
Этихъ адскихъ котловинъ,
Гдѣ весь вѣкъ горятъ одни
Лишь подземные огни.
Не тебѣ ихъ одолѣть!
Будешь рваться и шипѣть,
И, боюсь я, сгинешь ты —
Сгинутъ всѣ твои мечты.

—Я и самъ того боюсь...
Но что значитъ этотъ страхъ?!
Развѣ я остановлюсь
Замерзать на высотахъ?
Развѣ я не сознаю
Цѣль далекую мою?
Силъ моихъ не истребятъ
Ни провалъ, ни самый адъ.
И въ провалѣ, и въ аду
Я товарищей найду;
Вмѣстѣ съ лавой огневой,
Вмѣстѣ съ пепломъ и золой,
Я, чтобъ небо увидать,
Буду землю колебать,

На просторъ когда-нибудь
Потайной пророю путь.
У какой-нибудь горы
Я сгущу мои пары,
Надъ дымящимся жерломъ
Встану темнымъ я столбомъ,
Буду грозно клокотать,
Сѣрнымъ пламенемъ дышать,
И меня сопровождать
Будутъ молніи и громъ.
Но едва лучистый видъ
Неба взоръ мой прояснитъ,
Я не въ грёзахъ, на яву,
Синей тучкой поплыву,
Засверкаю жемчугомъ,
Упаду косымъ дождемъ....
Буду жажду утолять
Ваши силы обновлять....

Я. П. Полонскій.

ФРАНЦІЯ и ФРАНЦУЗЫ
ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Изъ путешествія.

V *).

Разоренье.

Ужасна бываетъ война, но еще ужаснѣе то, что память о ней слишкомъ скоро исчезаетъ, охотно забываютъ ея жестокія послѣдствія и даже стараются о нихъ не думать. Вотъ почему объ ужасахъ войны слѣдуетъ собственно говорить гораздо болѣе послѣ войны, нежели во время ея, когда еще незасохшая кровь громко говоритъ сама за себя. Давно ли кажется плачъ стоялъ въ цѣломъ народѣ, давно ли отчаяніе достигало своихъ крайнихъ предѣловъ, давно ли кровь струилась изъ всѣхъ ранъ, которыхъ такъ много, слишкомъ много, было на тѣлѣ изнуренной, измученной Франціи! Кто могъ бы въ самомъ дѣлѣ сказать, прислушиваясь немного позже къ тому безсмысленному словоизверженію, которое происходило въ національномъ собраніи, какъ будто бы не было болѣе серьезныхъ заботъ, болѣе крупныхъ интересовъ, чѣмъ ничтожныя страстишки враждебныхъ—не партій даже, а просто личностей; кто можетъ сказать, чтобы эта страна была, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, театромъ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые наполняли трепетомъ Европу.

---

*) См. выше: апр. 864; май, 317; іюнь, 697; іюль, 303 стр.

Полно, такъ ли, не ошибаетесь ли, развѣ можетъ народъ такъ скоро придти въ себя, оправиться послѣ такого страшнаго погрома, какой пришлось испытать Франціи; вы ошиблись, говоря: «нѣсколько мѣсяцевъ назадъ», когда слѣдовало сказать: нѣсколько лѣтъ назадъ!

Да, въ самомъ дѣлѣ, пожалуй и можетъ показаться, что Франція уже оправилась и почти забыла свое горе, свои печали, свои несчастія. Франція опять та же, какою была она прежде; она обрѣла, по безсмертному выраженію Тьера, свою армію, она обрѣла свою славу, она обрѣла все то сонмище износившихся государственныхъ людей, которые столько разъ уже принимались спасать страну и столько разъ приводили ее на край гибели. Наружность обманчива: Франція не та, какою она была прежде. Между 15-мъ іюлемъ 1870-го года и 15-мъ іюлемъ 1871-го года лежитъ бездна, которую правительство «маленькаго» Тьера не въ силахъ будетъ засыпать пепломъ и развалинами Парижа и трупами казненныхъ фанатиковъ коммуны. Эти развалины, эти трупы только углубили ту пропасть, которая отдѣляетъ Францію, нервно хватающуюся за старыя, поколебавшіяся отъ времени основы, отъ той Франціи, которая стремится выдти на тотъ свѣтлый путь обновленной политической и соціальной жизни, обѣщающей впереди обѣтованную землю.

Раны, нанесенныя Франціи, не излечены, а только залечены. Ихъ наружный видъ способенъ обмануть неопытный глазъ, поверхностный взоръ, но всмотритесь пристальнѣе, дотронитесь до больного мѣста, и васъ самихъ покоробитъ отъ боли, которую вы причините паціенту однимъ прикосновеніемъ. Франція чувствуетъ мучительную боль отъ своихъ ранъ, но она скрываетъ, не показываетъ этого, напротивъ, она силится улыбаться и отводитъ глаза всѣмъ тѣмъ, кто смотритъ на нее, зрѣлищемъ своей внутренней какъ бы парламентской борьбы. Раны залечены, страданія не бросаются въ глаза, все, кажется, приняло свой нормальный, обыденный видъ, а до того, что дѣлается въ сердцѣ страны, что́ думаютъ тѣ, которые потеряли своихъ отцовъ, братьевъ, сыновей и мужей, которые потеряли все свое состояніе, все, что накоплено трудомъ многихъ лѣтъ, до всего этого кому какое дѣло. Этого не видно,—слѣдовательно, разсуждаютъ многіе, этого и нѣтъ. И отсюда немудрено вывести и заключеніе, что война, въ концѣ концовъ, вовсе не такое страшное бѣдствіе, какъ о томъ толкуютъ, что нечего слѣдовательно и говорить такъ много объ этомъ бичѣ, объ этомъ организованномъ разбоѣ и убійствѣ и т. п. Все это фразы, фразы и фразы, ска-

жутъ весьма многіе, воображая, что этимъ они сказали нѣчто весьма глубокомысленное.

Такъ могутъ думать только люди, нелюбящіе останавливаться передъ народными бѣдствіями, или французскіе патріоты въ видѣ тѣхъ, которые составляютъ «деревенское большинство» національнаго собранія. Я не могу забыть того тона самоувѣренности и вмѣстѣ крайняго легкомыслія, съ которымъ меня убѣждалъ тогда одинъ французъ, стыдившійся бѣдственнаго положенія отечества, что въ сущности Франція не такъ потерпѣла отъ войны, какъ это думаютъ другія націи.

— Еслибы только не уступка Эльзаса и Лотарингіи, говорилъ онъ мнѣ, еслибы не отторженіе отъ насъ этихъ двухъ провинцій, то меньше чѣмъ черезъ годъ мы забыли бы вовсе объ этой войнѣ. Франція такъ богата, что довольно было бы нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы окончательно изгладить всѣ ея слѣды, и мы могли бы даже воздвигнуть памятникъ въ честь этой войны, избавившей насъ отъ проклятой имперіи.

— Мое мнѣніе, отвѣчалъ я ему, то, что до тѣхъ поръ пока вы будете разсуждать такимъ образомъ и успокоивать себя такими дешевыми утѣшеніями, до тѣхъ поръ вамъ всегда будетъ грозить опасность, что васъ бросятъ въ новую и новую войну, и вы постоянно будете служить только слѣпымъ орудіемъ всевозможныхъ интригановъ.

Всѣ подобныя разсужденія не серьезны, все это шутки, все это игра словъ. Слѣды войны не изглаживаются въ нѣсколько мѣсяцевъ, и если они не поражаютъ болѣе людей, то только потому, что люди не хотятъ смотрѣть на нихъ и отворачиваютъ свои глаза. Вотъ почему я вовсе не особенно склоненъ извиняться передъ читателемъ, что эту послѣднюю главу моего разсказа я даю уже въ то время, когда Франція «ожила», когда Франція измѣнилась и «воскресла» въ рукахъ тщеславнаго старика, воскресла два раза: послѣ войны съ Германіею и послѣ войны съ коммуною. «Illustre vieillard», какъ именуютъ Тьера, увѣнчанъ лаврами, но не на лаврахъ почиваетъ Франція. Плохо ожила она, плохо исцѣлилась и плохо воскресла. Разсказъ о бѣдствіяхъ Франціи долго останется потому своевременнымъ, такъ какъ долго не уляжется ненависть, долго не простынутъ горячіе кровавые слѣды вторженія милліонной нѣмецкой арміи въ самое сердце злополучной Франціи.

Еслибы «деревенское», или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ сказать «антиреспубликанское» большинство національнаго собранія постоянно живо представляло себѣ тотъ образъ унылой, разоренной Франціи, который произвелъ на меня такое потря-

сающее впечатлѣніе, не говоря уже о томъ, какъ велики были физическія и нравственныя страданія этой страны, то, быть можетъ, черствое сердце этихъ холодныхъ интригановъ смягчилось бы, и они не разыгрывали бы вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ ту жалкую комедію, которая, породивши собою уже одну трагедію, быть можетъ, въ близкомъ будущемъ, породитъ и другую, одинаково, если не болѣе, страшную.

Достаточно было проѣхать по Франціи, чтобы убѣдиться, какъ мало вязалось поведеніе пошлыхъ комедіантовъ національнаго собранія съ положеніемъ по-истинѣ трагическимъ, въ которомъ находилось все населеніе, цѣлая страна. Мнѣ пришлось на обратной дорогѣ изъ Бордо въ Парижъ перейти прямо отъ сцены бордоскаго театра, гдѣ сыпались слова и громкія фразы, къ картинамъ дѣйствительнаго разоренія и опустошенія, произведеннаго войною. Впечатлѣнія эти были тѣмъ сильнѣе, что они слѣдовали тотчасъ за впечатлѣніемъ, полнымъ горечи и отвращенія, вынесеннымъ изъ того національнаго собранія, которое было и есть настолько цинично, что поставило своимъ девизомъ, сдѣлало своею мнимою цѣлью: уврачеваніе ранъ, нанесенныхъ войною, исцѣленіе и умиротвореніе страны. Одна мысль неотступно преслѣдовала меня во время странствія изъ Бордо черезъ Орлеанъ въ Парижъ, и изъ Парижа сквозь строй нѣмецкой арміи въ Ліонъ, и наконецъ, оттуда черезъ Швейцарію въ покоренный Страсбургъ—это мысль о томъ, что для того, чтобы Франція могла снова подняться послѣ страшнаго погрома, ей нужно не собраніе старыхъ шутовъ и интригановъ, а собраніе, составленное изъ людей, въ которыхъ дѣйствительно горѣлъ бы огонь патріотизма, словомъ, тѣхъ людей, которые въ настоящее время преслѣдуются въ національномъ собраніи шумною и самою недостойною бранью монархическихъ заговорщиковъ.

Я покидалъ Бордо съ невѣроятно тяжелымъ чувствомъ, чуть не съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ отходишь отъ постели умирающаго, да въ добавокъ еще, умирающаго не въ сознаніи, а въ какомъ-то бѣшеномъ сумасшествіи. Да и какъ могло быть иначе послѣ засѣданій 28-го февраля и 1-го марта, которыя на вѣки будутъ служить укоромъ Франціи, на вѣки покрыли позоромъ ту страницу исторіи, въ заголовкѣ которой будетъ стоять 1871-й годъ. Тутъ, а ни въ чемъ иномъ, заключается истинный позоръ, истинный стыдъ этого рокового года.

Consummatum est! мрачно произносили всѣ газеты, облекшись въ трауръ, окаймляя бѣлый листъ черною рамкою. Consummatum est! повторяли всѣ голоса какимъ-то взволнован-

нымъ, больнымъ, раздраженнымъ голосомъ. Дѣйствительно, все было кончено, или казалось все конченнымъ въ ту минуту; что̀ было дѣлать? Бѣжать, бѣжать, забыть войну, забыть миръ, забыть Бордо, Францію, цѣлый міръ. Занавѣсъ спущенъ; того, что случилось, не перемѣнишь; нужно было уходить и забыться среди собственной семьи, собственныхъ мелкихъ интересовъ, чуждыхъ великимъ интересамъ цѣлаго народа. И люди уходили, и люди бѣжали, но напрасно думали они забыться. Чтобы забыться, имъ нужно было перестать думать, перестать слышать, словомъ, перестать жить.

На улицѣ, то и дѣло, слышались отрывистыя фразы:

— Vous partez?

— Si, je pars! je rentre à Paris! И слова эти сопровождались такими жестами, которые говорили: что̀ мнѣ здѣсь больше дѣлать, драма сыграна, больше нечего ждать!

Масса народа стремилась въ Парижъ, въ тотъ Парижъ, который геройски вынесъ страшное испытаніе — пятимѣсячную осаду, въ тотъ Парижъ, который всегда велъ за собою всю Францію, и который превратился въ свѣтлый центръ цѣлаго свѣта. Всѣмъ хотѣлось поскорѣе увидѣть этотъ городъ, очищенной отъ накопившихся, впродолженіи 20-ти лѣтъ, гнилыхъ язвъ второй имперіи; Парижъ преображенный, Парижъ, принесшій покаяніе и доказавшій на дѣлѣ, что онъ способенъ на всевозможныя жертвы. Парижъ—эта Мекка цивилизованнаго міра, неудержимо привлекалъ къ себѣ всѣхъ, которые покинули его нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, передъ началомъ осады, и возвращались теперь съ трепетомъ, не зная, что они найдутъ тамъ, что ихъ тамъ встрѣтитъ. Сколько было женъ, которыя покидали своихъ мужей, остававшихся въ осажденномъ городѣ, чтобы защищать его, и возвращавшихся теперь въ страхѣ невѣдѣнія, что сталось съ ихъ близкими въ эти длинные пять мѣсяцевъ, казавшіеся вѣчностью, пять мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ не доходило никакихъ извѣстій, никакихъ вѣрныхъ слуховъ о томъ, живъ человѣкъ или умеръ. Сколько было женщинъ, сколько было матерей, женъ и сестеръ, которыя пріѣзжали въ этотъ многострадальный городъ, бросались во всѣ лазареты, во всѣ ambulances, и нигдѣ, нигдѣ не находили своихъ сыновей, братьевъ и мужей. Пропали безъ вѣсти, убиты ли, ранены ли, умерли ли отъ голода, отъ холода, кто знаетъ, пропали, и нѣтъ слѣдовъ. Сколько было и мужчинъ, оставившихъ въ Парижѣ своихъ женъ, дѣтей, любовницъ, покидавшихъ Парижъ, чтобы становиться въ ряды армій, чтобы драться съ врагомъ, и которые теперь стремились въ Парижъ, думая найти любимую женщину, любимаго ребенка, и не находили. Смерть подкосила

ихъ, смерть отъ нужды, отъ лишеній. Все бѣжало изъ Бордо, я слѣдовалъ за общимъ теченіемъ. За часъ до отъѣзда вошелъ я въ послѣдній разъ въ національное собраніе, гдѣ шли скучныя, безцвѣтныя, томительныя пренія, какъ-бы говорившія собою: Франція и ея бѣдствія сами по себѣ, и мы то же сами по себѣ! Съ такимъ тяжкимъ впечатлѣніемъ я отправился на дебаркадеръ. Грустно было оставаться въ Бордо, но не весело было и покидать его. Въ головѣ невольно рождался вопросъ: что я увижу на пути въ Парижъ, наконецъ, въ самомъ Парижѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ враждебною побѣдоносною арміею.

— Я не завидую вамъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ еще старыхъ друзей, я не завидую вашей поѣздкѣ. Я не хочу возвращаться въ Парижъ прежде, чѣмъ доступъ въ него сдѣлается свободнымъ, прежде, чѣмъ на дорогѣ не будутъ попадаться эти толстые, здоровые, чисто одѣтые и вмѣстѣ грубые и нагло смотрящіе на васъ пруссаки. Я плакалъ отъ бѣшенства, горячо добавилъ мой пріятель, когда мнѣ приходилось встрѣчаться съ нѣмецкими отрядами, когда я сравнивалъ этихъ сытыхъ, опрятныхъ людей съ нашею жалкою, несчастною, измученною, въ лохмотьяхъ и безъ сапогъ арміею. Я не хочу больше этого зрѣлища, я не вернусь туда прежде, чѣмъ зараженный пруссаками воздухъ совсѣмъ очистится.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ его другой, я бы хотѣлъ, напротивъ, чтобы всѣ, отъ мала до велика, чтобы всѣ насмотрѣлись на это зрѣлище, чтобы всѣмъ остался на долго памятенъ этотъ видъ нашихъ враговъ, надменно обращающихся съ побѣжденными; быть можетъ, тогда мы сдѣлались бы лучше, мы исправились бы и постигли бы наконецъ, что до тѣхъ поръ, пока мы будемъ попадать въ сѣти Наполеоновъ или вручать власть «деревенскому большинству», этому сборищу династическихъ сторонниковъ, до тѣхъ поръ мы не обезпечены отъ подобнаго зрѣлища и постоянно будемъ попадать то въ одно болото, то въ другое. Я искренно жалѣю, добавилъ онъ съ печальною улыбкою, что побѣдоносная непріятельская армія остановилась на серединѣ Франціи и не пошла далѣе, не заглянула на югъ. Быть можетъ, тогда будущее наше было бы болѣе надежно.

— Я знаю эту теорію, возразилъ первый:—чѣмъ хуже, тѣмъ лучше; но только я думаю, что хуже быть уже не можетъ! Чаша испита до дна.

— О, еслибы вы были правы, но я вовсе въ этомъ неувѣренъ! Мы разбиты пока однимъ врагомъ внѣшнимъ, а что вы скажете, если насъ одолѣетъ еще врагъ внутренній, если Франція

честная, Францiя будущаго снова станетъ рабынею Францiи сгнившей, Францiя прошедшаго!

— C'est impossible!

— А нацiональное собранiе, а вся эта челядь «деревенскаго большинства», если она восторжествуетъ...

— Тогда, тогда... бѣжать изъ Францiи, бѣжать изъ Европы, потому что вся Европа превратится въ казармы...

Быть можетъ, долго бы продолжался этотъ разговоръ, въ которомъ было столько же горечи, сколько и сознанiя великой исторической роли Францiи, еслибы мы не подъѣхали къ дебаркадеру.

Народу тьма. Давка. Едва можно протолкаться къ кассѣ.

— Paris, Paris, Paris! только и было слышно у кассы.

— Когда мы тамъ будемъ? спрашивалъ я.

— Qui sait, qui sait, отвѣчали мнѣ; demandez aux Prussiens! Мы ихъ рабы: вздумается имъ пропустить насъ безостановочно, мы будемъ завтра рано утромъ, нѣтъ, ну такъ вовсе не будемъ.

Всѣ ѣхали, что называется на-легкѣ, безъ багажа, съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ, точно собирались сдѣлать небольшую прогулку. Поѣздъ былъ безконечный, и что не могло не поражать при видѣ всей толпы, отправлявшейся въ Парижъ, это полное отсутствiе военной формы. Глазъ до такой степени привыкалъ въ самое короткое время видѣть всякаго взрослаго человѣка, отъ юноши до старика, то въ формѣ нацiональной гвардiи, то въ формѣ garde mobile, то въ иной какой-нибудь формѣ, что теперь, когда всѣ почти преобразились, одѣвъ на себя статское платье, было какъ-то странно смотрѣть на этотъ мирный характеръ костюмовъ. Въ самомъ Бордо уже съ того дня, когда предварительныя условiя мира были приняты, большинство сбросило съ себя военную форму, и даже тѣ, которые сохраняли ее, вызывали злобную насмѣшку.

— Вотъ всѣ мы таковы, вотъ нашъ характеръ, говорили французы, наслаждаясь самобичеванiемъ; форма—это для насъ забава; мы заключаемъ позорный миръ и въ это же самое время мы щеголяемъ краснымъ околышкомъ или красными лампасами. Мы дѣйствительно актеры, и правы тѣ, которые насъ такъ называютъ: наша страсть—это сцена, маскарадъ, тутъ мы въ своей сферѣ.

Безъ сомнѣнiя, въ этихъ словахъ была и есть своя доля правды; но въ какомъ же народѣ нѣтъ своихъ пороковъ, и что̀ значили бы на свѣтѣ достоинства, еслибы не было также и недостатковъ. Давно уже какой-то остроумный писатель сказалъ, что совершенство скучно, а французы ничто такъ не ненави-

дять, какъ скуку; вотъ почему, еслибы у нихъ не было недостатковъ, имъ нужно было бы ихъ изобрѣсти.

— Все это такъ, такъ, отвѣчалъ мнѣ мой пріятель, когда я старался отвѣчать шуткой на его раздраженіе, но все-таки вы сами говорите въ душѣ, что намъ нужно быть болѣе серьезными, иначе мы окончательно погибнемъ.

— Смотрите, указывалъ я ему на толпу, развѣ весь этотъ людъ не серьезенъ, развѣ такъ....

— Еще бы, отвѣчалъ онъ мнѣ, вы хотѣли бы, чтобы люди смѣялись, когда черезъ нѣсколько часовъ они встрѣтятся съ врагомъ, когда черезъ нѣсколько часовъ они почувствуютъ, что они не господа въ своей собственной странѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно сказать, что вся толпа, отправлявшаяся въ Парижъ, имѣла какой-то мрачный, точно погребальный характеръ. Не было слышно шутокъ, не было смѣха, который всегда громко раздается на всякомъ поѣздѣ. Не было однимъ словомъ того entrain, который составляетъ характерную черту, бросающуюся въ глаза, когда разъѣзжаешь по желѣзнымъ дорогамъ Франціи. На всемъ лежалъ какой-то отпечатокъ безпокойства и утомленія. Раздался первый звонокъ, всѣ начали занимать свои мѣста, каждый старался пріютиться около своего знакомаго, и въ этотъ разъ я чувствовалъ какъ-то особенно сильно одиновость и невольно роптадъ, что не было ни одного знакомаго на всемъ поѣздѣ. Я роптадъ тѣмъ болѣе, что дорогу въ Парижъ я долженъ былъ бы сдѣлать съ однимъ изъ самыхъ остроумныхъ людей, съ человѣкомъ безспорно весьма талантливымъ и честнымъ, именно съ знаменитымъ Рошфоромъ. Только за полчаса до отхода поѣзда прибѣжалъ на станцію одинъ изъ друзей Рошфора и объявилъ, что онъ сдѣлался внезапно сильно боленъ и потому не можетъ ѣхать. Рошфоръ дѣйствительно заболѣлъ и опасность была уже такъ велика, что черезъ три дня распространился слухъ о его смерти. Двѣ-три радикальныя газеты появились въ траурѣ и съ десятокъ поспѣшили напечатать его некрологъ, въ которомъ воздавали ему должное, изображая ту благородную и смѣлую роль, которую онъ принялъ на себя въ послѣдніе два-три года существованія имперіи. И лучше было бы, еслибы онъ дѣйствительно тогда умеръ. Для того, чтобы къ человѣку относились съ большею справедливостью, почти необходимо, чтобы смерть свела его со сцены, гдѣ дѣйствуютъ живые люди, или по крайней мѣрѣ претендуютъ на то, что они живые. Будущее, разумѣется, отнесется справедливѣе и къ Рошфору, и если ему по справедливости откажутъ въ томъ, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь значеніе какъ политическій дѣя-

тель, то за нимъ тѣмъ не менѣе будетъ признанъ серьезный памфлетическій талантъ, и если про него не скажутъ никогда, чтобы онъ былъ роднымъ братомъ Поль-Луи Курье, то тѣмъ не менѣе не скажутъ, чтобы онъ вовсе не принадлежалъ къ его семьѣ. Я досадовалъ на болѣзнь Рошфора не столько изъ благородной любви къ ближнему, сколько изъ чувства недостойнаго эгоизма. Мнѣ хотѣлось поближе взглянуть на этого человѣка, который заставилъ о себѣ говорить такъ много. Я видѣлъ его разъ или два, но этого было слишкомъ мало, чтобы составить себѣ о немъ вѣрное понятіе. Чтобы немногими словами передать то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, я скажу, что это фельетонистъ блестящій, полный остроумія, но тѣмъ не менѣе фельетонистъ. Трудно себѣ представить, поговоривъ съ нимъ полчаса, чтобы онъ могъ вести серьезный разговоръ, и когда видишь и говоришь съ нимъ, то кажется просто невѣроятнымъ, чтобы этотъ самый человѣкъ произносилъ еще въ старомъ законодательномъ корпусѣ такія серьезныя рѣчи и чтобы онъ съумѣлъ вести себя съ такимъ тактомъ, съ какимъ велъ себя въ національномъ собраніи. Это человѣкъ, который въ полчаса времени успѣетъ сказать двадцать остроумныхъ «словъ», сдѣлаетъ двадцать поверхностныхъ, но мѣткихъ характеристикъ всевозможныхъ личностей, успѣетъ опредѣлить положеніе не только каждой отдѣльной крупной личности, но и цѣлаго хода событій. Говоря съ нимъ, вы присутствуете при блестящемъ фейерверкѣ, отъ котораго у васъ остается, рядомъ съ запахомъ сѣры или пороха, вмѣстѣ съ тѣмъ и воспоминаніе о видѣнной вами красивой огненной звѣздѣ. Большая популярность вовсе не вскружила ему голову и во всемъ своемъ обращеніи онъ держитъ себя какъ нельзя болѣе просто и безъ всякой рисовки. Когда вопросъ заходитъ о политикѣ, онъ выказываетъ большую скромность и далеко не дѣлаетъ изъ себя политическаго человѣка, напротивъ, онъ какъ-бы извиняется въ томъ, что судьба заставила его играть политическую роль.

Я живо помню разговоръ между Рошфоромъ и однимъ изъ самыхъ молодыхъ депутатовъ крайней лѣвой, разговоръ происходившій въ тотъ самый день, когда Рошфоръ подалъ въ отставку отъ званія депутата, мотивируя ее тѣмъ, что онъ не можетъ признавать законнымъ то національное собраніе, которое наложило руки на цѣльность Франціи, добровольно уступая Эльзасъ и Лотарингію.

— Позвольте мнѣ васъ поздравить, говорилъ молодой депутатъ Рошфору, ваше поведеніе въ національномъ собраніи выше всякой похвалы!

— Adressez vous à Gambetta! было ему отвѣтомъ, я тутъ ни при чемъ, это Гамбетта научилъ меня какъ дѣйствовать, ma parole d'honneur que ce n'est pas moi, c'est Gambetta, vous savez s'il est fin!

Рошфоръ говорилъ это съ такою искренностью, что ему нельзя было не вѣрить; очевидно было, что его поведеніе внушено ему было Гамбеттою, и та наивность и простодушіе, съ которымъ онъ разсказывалъ объ этомъ, дѣлаютъ ему, конечно, только честь.

Присутствуя при этомъ разговорѣ, мнѣ захотѣлось узнать мнѣніе Рошфора о Гамбеттѣ, и я предложилъ ему прямо этотъ вопросъ. Онъ нисколько не стѣснился этимъ вопросомъ и также прямо отвѣтилъ на него, какъ онъ былъ ему предложенъ.

— Vous voulez que je dise mon opinion sur Gambetta, la voici! Большой умъ, большой талантъ, большая хитрость, —все это вмѣстѣ означаетъ: великая роль въ будущемъ!

— И вы не думаете, прервалъ его молодой депутатъ, что этотъ человѣкъ измѣнитъ своимъ убѣжденіямъ и сдѣлается ренегатомъ?

Рошфоръ задумался на минуту и отвѣчалъ:—Нѣтъ, я не думаю! Пальца въ ротъ конечно ему не слѣдуетъ класть, но онъ далъ намъ, далъ республикѣ слишкомъ большой залогъ своей преданности ей, чтобы ему выгодно было когда-нибудь измѣнить республиканскимъ убѣжденіямъ!

Конечно, одного часового разговора было слишкомъ мало, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ этомъ человѣкѣ, котораго судятъ одинаково несправедливо какъ тѣ, которые видятъ въ немъ политическаго дѣятеля, такъ и тѣ, которые видятъ въ немъ только водевилиста и больше ничего. Если онъ былъ водевилистомъ, въ чемъ нѣтъ, конечно, ничего дурного, если онъ былъ фельетонистомъ, въ чемъ одинаково нѣтъ ничего преступнаго, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и авторъ «la Lanterne», которая займетъ свое мѣсто въ исторіи политическихъ памфлетовъ. Событія сдѣлали изъ него впродолженіи одной минуты знамя борьбы со второю имперіею, и этого достаточно, чтобы человѣкъ этотъ перешелъ въ исторію, несмотря на цѣлый градъ брани и злобныхъ насмѣшекъ, которыми его преслѣдовали и продолжаютъ преслѣдовать. Вотъ почему мнѣ хотѣлось посмотрѣть поближе на человѣка, который заставилъ своими памфлетами говорить о себѣ цѣлую Европу, и я не могъ не сѣтовать на судьбу, что она лишила меня этой возможности, тѣмъ болѣе, что теперь я очутился одинъ послѣ нѣсколькихъ недѣль,

съ утра до вечера проведенныхъ въ постоянно мѣняющемся кружкѣ людей.

Печально простился я съ провожавшими меня друзьями и усѣлся въ темный уголъ вагона. Отдѣленіе было полно, все мужчины и почти все старики. Не успѣлъ раздаться свистокъ, не успѣлъ тронуться поѣздъ, какъ всѣ сидѣвшіе въ отдѣленіи тотчасъ вступили въ разговоръ. Нужно ли говорить каковъ былъ этотъ разговоръ? О чемъ могли говорить эти люди, все французы, какъ не о войнѣ, о національномъ собраніи; о будущемъ Франціи, будущемъ близкомъ конечно, виднѣющемся уже на горизонтѣ. Не стану я, разумѣется, передавать этого разговора, онъ впередъ уже вамъ знакомъ: это тѣ же жалобы на судьбу, на людей, на самихъ себя, это тѣ же опасенія за будущее и то же презрѣніе къ національному собранію. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ разговорахъ, двое-трое говорятъ, остальные слушаютъ изрѣдка вставляя свое слово. Меня заинтересовалъ одинъ высокій господинъ съ красивымъ лицомъ, большою сѣдою бородою и сѣдыми волосами. Лицо умное, энергичное. Онъ бранилъ все и всѣхъ, бранилъ орлеанистовъ, бранилъ легитимистовъ, бранилъ бонапартистовъ, и главное, на чемъ свѣтъ стоитъ бранилъ республиканцевъ. Съ озлобленіемъ говорилъ онъ о Тьерѣ, съ озлобленіемъ говорилъ о Трошю, Жюлѣ Фаврѣ и комп., но съ одинаковымъ озлобленіемъ говорилъ и о Гамбеттѣ, что приводило въ рѣшительное негодованіе моего сосѣда, тоже старика съ сѣдыми волосами и съ однимъ всего глазомъ, очевидно самаго рѣшительнаго республиканца, радикала. Споръ принималъ ѣдкій, раздражительный тонъ, казалось, каждую минуту готовый перейти уже въ серьезно непріятное столкновеніе, несмотря на умиротворящее вмѣшательство другихъ спутниковъ. Господинъ съ красивымъ лицомъ и сѣдою бородою, такъ яростно нападавшій на всѣхъ и преимущественно на республиканцевъ, заинтересовалъ меня. Я недоумѣвалъ, къ какой же партіи онъ-то самъ принадлежитъ, и потому, послѣ двухъ-трехъ часового разговора, я рѣшился вмѣшаться и, со всею подобающею иностранцу скромностью, обратился къ нему съ вопросомъ.

— Скажите пожалуйста, спросилъ я его, я слушаю васъ съ большимъ вниманіемъ и большимъ интересомъ и никакъ только не могу разрѣшить себѣ вопроса, къ какой партіи принадлежите вы сами, такъ какъ вы нападаете почти съ одинаковою силою на всѣ?

— Вы иностранецъ?

— Да!

— Eh bien, je vais vous dire! On me connait bien, moi, произнесъ онъ рѣзко, je suis un vieux républicain!

Странный республиканецъ, подумалъ я невольно, и продолжалъ слушать ѣдкій разговоръ, такъ часто прерывающійся восклицаніемъ: Allons donc!

Я видѣлъ уже многихъ республиканцевъ, нападавшихъ съ яростью на республиканцевъ же, но этотъ поразилъ меня своею особенною рѣзкостью, и фраза: «on me connait bien, moi!» показалась мнѣ изъ ряда вонъ по самоувѣренности и по меньшей мѣрѣ нескромности. Изъ разговора я скоро увидѣлъ, что это какой-то скульпторъ и должно быть пользующійся нѣкоторою извѣстностью, такъ какъ въ этомъ разговорѣ онъ постоянно упоминалъ имена Тьера, Шанзи, Жюля Фавра и другихъ, какъ имена своихъ хорошихъ знакомыхъ. Онъ передалъ намъ свое столкновеніе съ Тьеромъ, столкновеніе, которое настолько характеристично, что я смѣло могу въ свою очередь передать его разговоръ, который я въ Парижѣ уже слышалъ отъ нѣсколькихъ другихъ лицъ.

— Когда я узналъ, разсказывалъ онъ, что Франція предана, что Парижъ капитулировалъ, я былъ не въ отчаяніи, но въ бѣшенствѣ. Въ припадкѣ этого бѣшенства я схватилъ глину и сталъ лѣпить женщину, которая должна была изображать собою республику. Она вышла грозная и гнѣвная, съ разсвирѣпѣвшими глазами и съ фригійской шапкой на головѣ. Когда я окончилъ ее, друзья мои, которые видѣли ее, остались очень довольны. Чтобы оставить по себѣ воспоминаніе въ Бордо, я послалъ эту женщину для того, чтобы она была поставлена въ залу національнаго собранія. Пусть смотрятъ на нее, пусть образъ грозной республики носится передъ представителями народа.

— Однако ваше произведеніе не вдохновило ихъ! замѣтилъ одинъ изъ спутниковъ, сидѣвшій въ углѣ.

— Не вдохновила, отвѣчалъ скульпторъ, потому что они не видѣли ее передъ собою!

И онъ разсказалъ намъ при этомъ, какъ Тьеръ, войдя въ залу передъ засѣданіемъ, увидѣлъ гнѣвное изображеніе республики и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы бюстъ былъ вынесенъ изъ залы.

— Унесите, унесите ее, передразнивалъ скульпторъ разбитый старческій голосъ Тьера:—votre république est trop farouche pour nous! vous faites de la politique, mon cher, et encore de la politique radicale!

— А что вы думаете объ этомъ человѣкѣ, вы, который лично знаете его?

— Чтó я думаю? Vous allez le voir ce petit bonhomme! какъ онъ все приберетъ къ рукамъ и какъ онъ устроитъ свои дѣлишки съ своимъ тоненькимъ пронзительнымъ голоскомъ!

Мнѣ захотѣлось узнать кто этотъ «старый республиканецъ», какъ онъ самъ себя именовалъ, и потому я постарался разговориться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя его характеристики, опредѣленія значенія того или другого лица, какъ, напр., Тьера, чтó я привелъ, мнѣ казались очень мѣткими и удачными.

Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что онъ женатъ на дочери Жоржъ-Санда; но все это меня не подвигало впередъ, и я напрасно ломалъ себѣ голову, чтобы догадаться кто сидитъ передо мною. Мое недоумѣніе продолжалось бы можетъ быть весьма долго, еслибы послѣ длиннаго разговора, послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ, и главное проведенныхъ въ дорогѣ, гдѣ люди, какъ извѣстно, такъ быстро сближаются, послѣ того, что онъ разспросилъ меня кто я, и что я, и чѣмъ я занимаюсь, и зачѣмъ во Франціи, онъ наконецъ не обратился ко мнѣ съ любезнымъ приглашеніемъ быть у него въ Парижѣ и вмѣстѣ съ нимъ съѣздить къ нему въ мастерскую, гдѣ похозяйничали пруссаки. Онъ имѣлъ свою мастерскую въ одной изъ прелестныхъ окрестностей Парижа, именно въ Ангьенѣ, занятомъ непріятелемъ. Онъ написалъ свой адрессъ въ моей записной книжкѣ, и я прочелъ его имя. Это былъ одинъ изъ весьма извѣстныхъ французскихъ скульпторовъ, именно Клезингеръ. Онъ не могъ безъ бѣшенства говорить о томъ, что сдѣлали нѣмцы въ его мастерской. Онъ заставлялъ меня предвкушать то, что я самъ долженъ былъ увидѣть своими собственными глазами черезъ нѣсколько можетъ быть часовъ.

— Вообразите себѣ, передавалъ онъ, что моя мастерская опустошена. Почти десять лѣтъ изъ моей жизни они вычеркнули, потому что они уничтожили мои работы десяти лѣтъ.

— Не уничтожили все-таки, защищалъ я нѣмцевъ, они вѣроятно украсятъ вашими произведеніями берлинскіе или другіе музеи!

— Mais non, mais non! кричалъ Клезингеръ. Это бы еще ничего, какъ ни тяжело было бы это, но я все-таки помирился бы, я зналъ бы, что мои произведенія не погибли, я, наконецъ, могъ бы увидѣть ихъ хоть въ Германіи, я бы простилъ имъ это. Но въ томъ-то и бѣда, что они отправили къ себѣ только то, что я считаю самымъ плохимъ, они отправили тѣ произведенія, которымъ я не даю никакой цѣны, которыя мнѣ не было бы жаль, еслибы они и погибли; но лучшія мои вещи, тѣ статуи, надъ которыми я работалъ просто цѣлые года, эти

статуи они поломали, у одной отколотили руки, у другой голову. Ah! ce sont des brigands! горячо добавилъ онъ; и еще говорятъ, что они цѣнятъ искусство! Я безъ ужаса не могу подумать о томъ, чтò я найду у себя въ мастерской!

Дѣйствительно, мастерская Клезингера была въ полномъ смыслѣ слова опустошена. Онъ не нашелъ въ ней ни одной, буквально ни одной цѣльной статуи, ни одной нетронутой работы. Часть его произведеній просто исчезла, и ихъ постигла самая еще лучшая доля: они уѣхали въ Германію; другія же валялись переломанныя, безъ рукъ, безъ ногъ, безъ головъ, точно раненные въ кровопролитной битвѣ. Цѣлый домъ, гдѣ помѣщалась его изящная и роскошная мастерская, былъ опустошенъ точно также. Всѣ цѣльныя вещи были упакованы въ ящики и отправлены въ Германію. Разсказъ, надъ которымъ такъ смѣются, будто бы нѣмцы были особенно падки на бронзу, на часы, вовсе не шутка, не остроумная выдумка, не насмѣшка, а самая дѣйствительная изъ дѣйствительностей. Все, что было у Клезингера бронзы, часовъ, канделябровъ, все это уѣхало въ Германію. Крупныя вещи, диваны, столы, однимъ словомъ, мебель, были просто переломаны и разбросаны. Но что особенно возмущало Клезингера, это то, что его лучшія комнаты умышленно были превращены въ помойную яму, въ которую сбрасываютъ всевозможныя нечистоты.

— И это, восклицалъ онъ въ негодованіи, называется цивилизованнымъ народомъ, и это называется уваженіемъ къ искусству! И я еще, подстрѣливъ двухъ пруссаковъ, упрекалъ себя за жестокость!

Клезингеръ, несмотря на свои довольно почтенныя лѣта, поступилъ въ garde mobile и дрался въ арміи Шанзи.

Разговоръ продолжался часть ночи, разговоръ полный интереса, такъ какъ каждый изъ участвующихъ въ немъ, за исключеніемъ, разумѣется, меня, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ или другомъ дѣйствіи громадной пьесы, которой имя: война. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ докторъ и не выходилъ изъ Метца до его капитуляціи, другой дрался въ арміи Федерба, третій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ, принадлежа къ тому несчастному французскому флоту, который оказался какимъ-то миѳомъ, и т. д. Каждый передавалъ тотъ или другой эпизодъ изъ своихъ воспоминаній, каждый дѣлился своими впечатлѣніями, и эти общіе разсказы дорисовывали въ моемъ умѣ ту картину Франціи, которую я и стараюсь въ свою очередь представить передъ вами. Наконецъ, разговоръ сталъ стихать, участвовавшіе въ немъ мало по малу отступали; мы продолжали нашъ путь

безъ особенныхъ волненій, точно въ обыкновенное время, такъ какъ ничто не напоминало намъ, что враждебная армія стоитъ такъ близко и въ страхѣ держитъ все населеніе. Мы еще не видѣли пока ни одного нѣмецкаго солдата. Не то было на другой день, когда мы проснулись рано по утру. Машина засвистѣла, мы стали медленно подходить къ станціи, и прежде чѣмъ мы успѣли остановиться, прежде чѣмъ я успѣлъ выглянуть изъ окно, въ вагонѣ раздалось восклицаніе:

— Ah! les Prussiens!

Трудно передать вамъ, сколько различныхъ чувствъ соединялось въ одномъ этомъ словѣ: les Prussiens! Была тутъ и злоба, и досада, и ненависть, и сознаніе своего собственнаго безсилія, но одна нота звучала съ особенною силою въ этомъ словѣ, это—нота боли, мучительной боли видѣть свою страну побѣжденною, видѣть какъ «чужіе» суровые побѣдители распоряжаются у васъ какъ господа, видѣть ихъ надменное обращеніе, ихъ надменный взглядъ, какъ-бы взглядъ властелина на своего раба. Нужно правду сказать, въ этомъ взглядѣ, въ этомъ суровомъ обращеніи чувствовалось чрезвычайно много несправедливаго презрѣнія.

Поѣздъ остановился. Я вышелъ вмѣстѣ съ немногими изъ вагона. Это была послѣдняя станція предъ Орлеаномъ. На платформѣ чинно сидѣли нѣмецкіе солдаты, именно прусскіе. Глядя на нихъ, можно было подумать, что ихъ ведутъ на парадъ, до такой степени все на нихъ было съ иголочки, все блестѣло, начиная съ каски до послѣдней маленькой пуговицы на мундирѣ. Тутъ же разгуливали три, четыре офицера, вытянутые, перетянутые, въ бѣлыхъ перчаткахъ, со стеклышкомъ въ глазу, высокіе, здоровые ребята, съ выпуклою грудью, украшенною орденами. Еслибы ихъ увидѣть въ первый разъ подъ вечеръ, можно было бы подержать пари, что они отправляются на балъ. И, Боже мой! какіе презрительные взоры бросали они на насъ грѣшныхъ. Каждый изъ нихъ безъ сомнѣнія воображалъ себя Юпитеромъ или по крайней мѣрѣ героемъ, которому не было, нѣтъ и не будетъ равнаго на землѣ. Французы большею частью сидѣли въ вагонахъ и не выходили на платформу, очевидно не желая сталкиваться съ гордыми побѣдителями. Достать что-нибудь на станціи, хотя бы чашку кофе, не было возможности, нельзя было даже войти въ комнату, потому что на всѣхъ дверяхъ была прибита надпись: «входъ воспрещенъ». Вокругъ этой станціи не дрались, это было очевидно, потому что стѣны и крыша были совершенно цѣлы, но за то кромѣ стѣнъ и крышъ ничего не осталось. Внутри все было перебито, все переломано. Я

заглянулъ въ одну большую комнату, черезъ разбитое окно, и тогда я понялъ, что значитъ опустошать. Маленькаго примѣра было достаточно, чтобы уразумѣть, что дѣлалось вездѣ, гдѣ проходилъ непріятель. Въ стѣнахъ этой комнаты было вдѣлано нѣсколько зеркалъ — ни одно не было цѣло. Всѣ остались на мѣстахъ, но всѣ были разбиты. Обои со стѣнъ висѣли лохмотьями, на полу были подѣланы большія дыры. Стоявшая тутъ мебель представляла самый плачевный видъ. Покрышка была содрана и разорвана, дерево было сломано, даже потолокъ не остался цѣлъ, должно быть молодцы забавлялись, бросая въ него грязью. На такомъ ничтожномъ примѣрѣ, какъ комната станціи желѣзной дороги, какъ-то лучше понимаешь что значитъ слово: опустошеніе. Опустошеніе, разореніе и заключается именно въ этомъ уничтоженіи всего, что попадается на пути: амбаръ, лачуга, сарай — все превращается въ развалины. Въ Орлеанѣ разрушено нѣсколько красивыхъ зданій, въ Парижѣ двѣ, три улицы съ роскошными палаццами; но что́ это значитъ въ сравненіи съ тысячами жилищъ бѣдныхъ несчастныхъ и тѣмъ не менѣе опустошенныхъ и разоренныхъ! А казалось бы, что разорять, опустошать нечего! война нашла что́ и разорила, и опустошила. Не въ большихъ городахъ, а въ селахъ и деревняхъ познаешь, что значитъ варварское веденіе войны. Пускай лучше бомбардируютъ и истребляютъ всевозможные Парижи, но пускай не трогали бы жалкихъ деревенскихъ жилищъ. Разрушенныя лачуги, говорятъ, куда больше, чѣмъ разрушенныя палаты. А между тѣмъ разрушеніе послѣднихъ вызываетъ проклятія, крики ужаса, негодованія, отвращенія, а разрушеніе первыхъ кажется такъ просто и естественно, что о немъ не стоитъ и толковать.

Страшною поучительною картиною, въ этомъ отношеніи, можетъ служить вся дорога отъ Орлеана до самаго Парижа, дорога, представляющая собою сплошное, непрерывающееся опустошеніе. Начиная отъ станціи, на которой я въ первый разъ увидѣлъ прусскихъ солдатъ, и вплоть до Парижа, на всемъ пути не видишь ничего иного, какъ разрушенные дома, развалившіеся заборы, заброшенныя поля, да еще одно украшеніе: то тутъ, то тамъ промелькнетъ мимо васъ большой деревянный крестъ. Еслибы вы сидѣли все время въ вагонѣ и ни разу не вышли, не заговорили бы съ тѣмъ или другимъ человѣкомъ, и даже вовсе не знали, что въ этой странѣ свирѣпствовалъ бичъ войны, то вы остались бы въ недоумѣніи и пришли въ невольный ужасъ: жилища превратились въ развалины, поля въ кладбища. Какъ ни страшенъ этотъ внѣшній видъ дороги отъ Орлеана до Парижа, дороги, усѣянной крестами, но впечатлѣніе отъ этого

пути еще усиливается во сто кратъ, если вамъ удастся побродить по этимъ развалинамъ, по этому оригинальному и безконечному кладбищу безъ ограды, а еще болѣе, если вы заговорите съ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ, кто на самомъ себѣ вынесъ всѣ бѣдствія непріятельскаго разоренія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что та обстановка, при которой пришлось встрѣтиться съ живыми слѣдами только-что окончившейся рѣзни, усиливала впечатлѣніе, производимое повальнымъ опустошеніемъ. Обстановка эта заключалась, главнымъ образомъ, въ тѣхъ нѣмецкихъ войскахъ, которыя попадались на каждомъ шагу въ такомъ обиліи, и жили среди развалинъ всѣмъ довольные, веселые, торжествующіе и громко распѣвая патріотическія военныя пѣсни. Веселая пѣснь, среди всеобщаго горя и унынія, производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе, особенно на первыхъ порахъ. Потому, быть можетъ, мнѣ врѣзались въ память тѣ два-три часа, которые мы провели въ Antrais, небольшомъ мѣстечкѣ близъ Орлеана. Съ одной стороны, разграбленная и разоренная станція, съ другой—нѣсколько домиковъ съ вырванными окнами, съ оторванными дверями, пустынные, одинокіе. Куда скрылись тѣ, которые жили въ этихъ домахъ, бѣжали, или убиты, или разстрѣляны, кто знаетъ, да и зачѣмъ знать? Поѣздъ остановился на нѣсколько минутъ, а стоитъ часъ, другой, третій. Отчего? Никто не можетъ объяснить. На станціи солдаты, громко разговаривающіе, смѣющіеся; въ нѣсколькихъ шагахъ большой артиллерійскій паркъ, оберегаемый непріятельскими часовыми. Нѣсколько французовъ ходятъ тихо, молчаливо, и поразителенъ этотъ контрастъ между молчаливыми и печальными побѣжденными и шумящими и веселыми побѣдителями. Жестоко рѣжетъ ваше ухо громко раздающаяся нѣмецкая военная пѣсня на французской землѣ, вчужѣ вамъ становится неловко, тоскливо, обидно за этотъ смѣхъ среди печали, за эту пѣснь, распѣваемую побѣдителемъ какъ-бы въ насмѣшку надъ побѣжденными. Я не могъ разобрать словъ этой пѣсни, но должно быть что-нибудь въ родѣ Wacht am Rhein, или другого патріотическаго гимна. Я подошелъ къ тому мѣсту, откуда раздавалось это грубое пѣніе и увидѣлъ человѣкъ сорокъ солдатъ, распѣвавшихъ на всевозможные голоса. Понятно, пѣніе это какъ нельзя болѣе законно и естественно съ точки зрѣнія побѣдителя, но нужно было слышать его, чтобы понять, какое тяжелое впечатлѣніе оно производило на всѣхъ слушавшихъ его.

Тутъ въ первый разъ съ такою отчетливостью понялъ я, что значитъ побѣжденная страна, побѣжденный народъ, въ первый разъ сдѣлалось мнѣ вполнѣ ясно, какъ глубоко оскорбительно и

унизительно видѣть побѣдителей, распоряжающихся господами въ странѣ побѣжденныхъ. Одинъ видъ солдатъ, гордыхъ, самодовольныхъ, смотрящихъ съ пренебреженіемъ на побѣжденныхъ, вызываетъ раздраженіе, злобу, какое-то инстинктивное отвращеніе, и я охотно вѣрилъ одному изъ моихъ спутниковъ, когда онъ говорилъ мнѣ:

— Вы не повѣрите, вы не можете даже понять, чтò я испытываю, глядя на нихъ,—это такое чувство, которое кажется невозможно передать. Видъ ихъ меня давитъ, уничтожаетъ, не знаешь куда укрыться, хоть бы провалиться сквозь землю,—все кажется лучше, нежели видѣть ихъ и слышать ихъ пѣсни. Я знаю, что эти солдаты не виноваты, что они поютъ отъ скуки, что имъ гораздо пріятнѣе было бы сидѣть у себя дома, чѣмъ распоряжаться у насъ; но тѣмъ не менѣе я чувствую къ нимъ такую ненависть, и къ себѣ, ко всѣмъ намъ такое презрѣніе, которое нельзя передать словами. Счастливы вы, что не знакомы съ этимъ чувствомъ, и никогда не желаю я вамъ съ нимъ познакомиться. Вы проклянете вашу жизнь.

Я безусловно вѣрилъ его словамъ. Если мнѣ, постороннему, иностранцу, было такъ глубоко антипачно зрѣлище этой солдатчины на чужой землѣ, то что же, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ чувствовать французъ!

Солдатская патріотическая пѣсня продолжала громко раздаваться, храброе нѣмецкое воинство продолжало, разгуливая вдоль поѣзда, громко смѣяться и дѣлать свои замѣчанія относительно путешественниковъ, а мы все стояли и не трогались съ мѣста. Отчего, что за причина нашей продолжительной стоянки?

— Мы не знаемъ, отвѣчали французы, насъ «они» не пускаютъ, говорятъ, чтобы не трогались съ мѣста.

«Они» не пускаютъ! На каждомъ шагу «они» даютъ чувствовать свою власть, каждую минуту показываютъ, что «они» побѣдители. Послѣ того какъ увидишь побѣдителя среди побѣжденныхъ, нельзя уже болѣе удивляться, что люди подстрѣливаютъ, рѣжутъ, взрываютъ на воздухъ; удивляешься гораздо болѣе тому, что такіе случаи бываютъ слишкомъ рѣдко, когда они должны были бы повторяться каждый день, каждый часъ, каждую минуту. Ненависть не къ врагу, но къ побѣдителю, остающемуся въ странѣ и заставляющему чувствовать его власть, есть самое понятное, самое человѣческое чувство.

Послѣ двухъ-трехъ часовъ намъ сдѣлалась извѣстна причина, по которой мы стояли на мѣстѣ и не трогались далѣе: мы ждали Фридриха-Карла, который долженъ былъ проѣхать впереди насъ. Онъ ѣхалъ изъ Тура въ Орлеанъ. Но зачѣмъ

ждали мы Фридриха-Карла—это оставалось для насъ совершенно непонятнымъ, потому что мы могли проѣхать двадцать разъ, и дорога въ Орлеанъ была совершенно свободна. Досада тѣмъ болѣе одолѣвала насъ, когда мы должны были убѣдиться, что ожиданіе Фридриха-Карла было только пустымъ предлогомъ, чтобы держать насъ на мѣстѣ. Мы убѣдились въ этомъ, когда въ теченіи того времени, когда мы стояли, прошли нѣсколько поѣздовъ съ нѣмецкими солдатами, которые, проходя мимо насъ, оглашали воздухъ громкими криками, пѣснями и смѣхомъ. Французы только нетерпѣливо пожимали плечами или бормотали сквозь зубы, и рѣдко только у кого-нибудь вырывалось громко слово проклятія, слово ненависти. Нельзя конечно передать всѣхъ тѣхъ мелочей, которыми нѣмцы давали чувствовать французамъ, постоянно напоминали имъ, что они здѣсь господа и только они одни. Обращеніе съ побѣжденными было самое надменное, самое грубое.

— Мы долго простоимъ здѣсь? спрашивалъ какой-то молодой французъ у нѣмца, разгуливавшаго важно по платформѣ.

— Сколько будетъ нужно и сколько мы захотимъ, отвѣчалъ нѣмецъ довольно порядочно по-французски.

— Такимъ образомъ мы не скоро доберемся до Парижа!

— Будьте счастливы, что мы васъ пускаемъ еще проѣзжать; мы могли бы васъ вовсе не пускать.

— Да, но вѣдь если приняты предварительныя условія мира, довольно сдержанно возразилъ молодой французъ, то едва ли вы бы имѣли право насъ не пускать.

Нѣмецъ,—это былъ прусскій офицеръ,—посмотрѣлъ на него взглядомъ преисполненнымъ презрѣнія, и пожавъ плечами отошелъ, ничего не отвѣтивъ.

— Brute! Animal! проговорилъ злобно молодой французъ и весь вспыхнулъ.

— Gardez votre dignité et ne leur parlez pas! остановилъ его другой французъ, нѣсколько постарше; они насъ побѣдили, мы сами въ этомъ виноваты, съумѣемъ же по крайней мѣрѣ съ достоинствомъ переносить наше положеніе и не будемъ безсильно браниться.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, хотя принцъ Фридрихъ-Карлъ насъ не обгонялъ, нѣмецъ отдалъ приказъ, чтобы мы шли далѣе, и мы медленно тронулись съ мѣста.

— Ну, если мы такъ будемъ ѣхать и послѣ, обратился ко мнѣ Клезингеръ, который всѣ два-три часа упорно молчалъ, то мы и завтра не будемъ въ Парижѣ.

Невеселая это была дорога. Остановки на каждомъ шагу,

остановки неизвѣстно для чего; на пути встрѣчались постоянно разоренныя деревни; то и дѣло, что насъ обгоняли другіе поѣзды съ нѣмецкими войсками и каждый разъ повторялась та же сцена съ криками, хохотомъ, пѣснями, такъ тяжело дѣйствовавшими на всѣхъ ѣхавшихъ вмѣстѣ со мною. Дорогу изъ Бордо въ Парижъ мы разсчитывали сдѣлать въ тринадцать, много четырнадцать часовъ, а между тѣмъ время это уже прошло, а мы были еще очень и очень далеко до Парижа. На маленькихъ станціяхъ, гдѣ мы останавливались, нечего и говорить, что невозможно было достать что бы то ни было, а между тѣмъ всѣ начинали ощущать сильную потребность что-нибудь выпить или съѣсть. На одной станціи намъ предложили черный кофе, но безъ молока и безъ хлѣба, и какъ было ни грустно помириться съ такимъ питаніемъ, но дѣлать было нечего. Проѣхавъ еще двѣ-три станціи, или вѣрнѣе, можетъ быть, будетъ сказать, протащившись, мы остановились въ мѣстечкѣ Артенэ, вблизи котораго происходила жестокая битва, извѣстная подъ именемъ сраженія при Куломье. Артенэ, это довольно значительное село съ каменною церковью, съ каменными домиками, село опустѣвшее и страшно пострадавшее, такъ какъ не только вокругъ него, но и въ немъ самомъ дрались нѣсколько разъ, и оно, то и дѣло, что переходило отъ нѣмцевъ къ французамъ и отъ французовъ къ нѣмцамъ.

Въ Артенэ намъ объявили, что мы снова будемъ стоять, и какъ предлогъ объявили опять проѣздъ Фридриха-Карла.

— Que diable emporte ce Frédéric-Charles! вырвалось у одного француза, и я думаю, что всѣ, бывшіе въ этомъ поѣздѣ, весьма охотно бы съ нимъ согласились.

Фридрихъ-Карлъ въ самомъ дѣлѣ преслѣдовалъ насъ въ это путешествіе. Въ одномъ мѣстѣ его ждали, потому что онъ долженъ былъ обогнать, въ другомъ, потому что, какъ говорили, онъ завтракалъ, и завтракъ этотъ къ нашему крайнему неудовольствію продолжался слишкомъ долго, нѣсколько часовъ подъ рядъ. Тѣмъ болѣе оно могло быть для насъ обидно, что мы не только не завтракали въ это время, но буквально не находили ничего перекусить. На разрушенной станціи Артенэ не было ничего. Нечего было дѣлать, нужно было отправляться въ деревню, просить не дадутъ ли намъ что-нибудь за какія угодно деньги. Насъ нѣсколько человѣкъ отправилось на поиски. Приходимъ къ одному домику, обращаемся, повидимому, въ хозяйкѣ и просимъ нѣсколько яицъ, хлѣба, вина, однимъ словомъ, предъявляемъ самыя скромныя требованія.

— Ah, messieurs, je n'ai rien à vous offrir, было намъ от-

вѣтомъ,—у меня ничего нѣтъ въ настоящую минуту, рано поутру у меня все взяли. Идемъ дальше, все тотъ же отвѣтъ: у насъ, ничего нѣтъ! Каждое утро пруссаки, стоявшіе въ селеніи, забирали все, чтó было у жителей, такъ что сколько мы ни ходили, мы все-таки не достали не только ничего мясного, но не достали и пары яицъ.

— Дайте наконецъ хлѣба! просили мы.

— Хлѣба у насъ нѣтъ, но если вы хотите, вотъ у меня есть вино, возьмите.

Нечего было дѣлать, мы взяли вино. Безъ сомнѣнія я весьма грустно провелъ бы этотъ день, еслибы одинъ молодой французскій офицеръ не предложилъ мнѣ кусокъ большого сухаря, который у него сохранился въ мѣшкѣ. Я никакъ не могу сказать, чтобы сухари эти были особенно вкусны, и какъ я ни былъ ему благодаренъ, но все-таки выразилъ ему сожалѣніе, что они должны были довольствоваться во время войны подобною пищею.

— Если бы и такая пища была у насъ всегда въ то время, то мы были бы счастливы, но случалось такъ, что все бы отдалъ за такой солдатскій сухарь, а сухаря все-таки не было.

Такимъ образомъ, стаканъ краснаго вина и солдатскій сухарь—вотъ вся та пища, которую удалось добыть въ этотъ день, и то еще благодаря любезности офицера. Быть можетъ, впрочемъ, онъ не былъ бы такъ великодушенъ, еслибы его раненая рука не заставляла его страдать и не лишала его всякаго аппетита.

Я вспоминаю объ этомъ днѣ и объ этой скудной пищѣ, чтобы показать вамъ только, въ какомъ состояніи находились въ это время французскія деревни, испытавшія бѣдствіе нашествія. Разореніе такъ велико, что за деньги нельзя добыть пару яицъ. Мѣстечко Артенэ находилось, дѣйствительно, въ самомъ жалкомъ положеніи. Мнѣ кажется, что нужно видѣть это опустошеніе, чтобы понять, чтó значитъ разоренье, нашествіе непріятельской арміи, что значитъ война. Если тогда злоба одолѣвала меня, если Фридрихъ-Карлъ съ своими завтраками, если пруссаки своими распоряженіями, точно направленными къ одному, чтобы давать чувствовать ихъ господство, приводили меня въ негодованіе, то теперь я могу чувствовать къ нимъ только одну благодарность, такъ какъ большіе города никогда не показали бы мнѣ такой картины опустошенія, какую увидѣлъ я въ этотъ день на пути отъ Бордо въ Парижъ, и главнымъ образомъ вокругъ Орлеана, гдѣ происходили ожесточенныя битвы.

Первое впечатлѣніе, которое нельзя было не испытать тотчасъ какъ только поѣздъ остановился въ Артенэ, было самое

тяжелое. У самой станціи, въ десяти шагахъ виднѣлся небольшой пригорокъ съ деревяннымъ крестомъ. Мы подошли поближе и увидѣли, что это была могила нѣмецкихъ солдатъ, убитыхъ въ одной изъ многочисленныхъ и кровавыхъ стычекъ, происходившихъ около и въ самомъ селеніи. На черномъ крестѣ было написано бѣлыми буквами: «Hier ruhen sanft 270 deutsche Krieger. 1870». Спятъ спокойно! Недурное придумано слово! Поневолѣ спишь «спокойно», когда иначе нельзя, а еслибы могли они только спать не спокойно, еслибы могли они потревожиться и подняться изъ могилъ, какія бы проклятія услышалъ отъ нихъ свѣтъ, и какъ многіе почувствовали бы себя не «спокойно» отъ этихъ проклятій.

Мы пошли дальше, встрѣтили еще такой же черный деревянный крестъ съ бѣлою надписью, гласившею опять, что въ этой могилѣ, подъ этимъ крестомъ, спятъ «спокойно» нѣсколько сотъ убитыхъ. Разница въ надписи была небольшая, вмѣсто 270-ти стояла другая цифра, нѣсколько побольше и вмѣсто словъ: «нѣмецкихъ воиновъ» стояли другія слова: «нѣмецкихъ героевъ». Подумаешь, какое въ самомъ дѣлѣ утѣшеніе убитымъ, что ихъ чествуютъ именемъ героевъ. Съ какою радостью, еслибы могли они только, отказались они отъ этого эпитета «героевъ», лишь бы не спать имъ «спокойно». Пройдутъ нѣсколько мѣсяцовъ, годъ, другой, снесена будетъ эта могила, сгніетъ деревянный крестъ съ написаннымъ на немъ словомъ: «герои», какъ сгнили уже ихъ трупы, и останутся отъ этихъ «героевъ» только раздробленныя кости, которыя пойдутъ на удобреніе французской почвы. Вотъ вся награда этихъ героевъ, которые заснули «спокойно», изъ-за чего?... Боже, какая насмѣшка, какая злая насмѣшка надъ людьми!

Всѣ почти подходили къ этой могилѣ, и я нарочно прислушивался къ тому, какъ выразится чувство французовъ при видѣ этого креста, подъ которымъ зарыто было нѣсколько сотъ нѣмцевъ. Я ждалъ, что злоба и ненависть скажется и тутъ, но я ошибался. Глубокое молчаніе стояло вокругъ этой могилы и только у одного изъ стоявшихъ тутъ вырвались слова:

— Pauvres diables! произнесъ отрывисто французъ, чтó имъ до того, что мы побѣждены! вотъ вся ихъ награда, сказалъ онъ, указывая на черный крестъ.

— Что-жъ! у нашихъ убитыхъ нѣтъ и того; сколько сброшены въ яму и никогда никто не узнаетъ, гдѣ они и похоронены.

— Bah! pour ces pauvres diables ce n'est pas une grande consolation! замѣтилъ первый и отошелъ въ сторону.

Мы отправились бродить по деревнѣ, разспрашивая о томъ, о другомъ, вступая въ разговоры о нашествіи, о пруссакахъ, о всемъ томъ, чтó выпало на долю несчастныхъ жителей Артенэ. Большею частью, мы получали въ отвѣтъ отрывистыя фразы, восклицанія.

— Ah! grand Dieu! nous sommes ruinés, complétement ruinés! жаловался старикъ, угрюмо сидѣвшій около своего простреленнаго въ двадцати мѣстахъ дома.

— Vous ne savez pas, cher monsieur, comme ils sont méchants; oh! ils sont bien méchants, ces prussiens! тихимъ и трусливымъ голосомъ говорила женщина, боясь, что ее какъ-нибудь подслушаютъ.

— Des brigands! monsieur, des brigands! sans pitié; ils nous ont fait bien bien du mal! со слезами на глазахъ проговорила пожилая уже женщина.

Эта женщина имѣла полное право называть ихъ разбойниками; у нея разстрѣляли сына двадцати лѣтъ. Не забыть мнѣ, какимъ голосомъ сказала она:

— Ils ont fusillé mon fils! Только мать любимаго сына можетъ найти въ себѣ такой голосъ.

Напрасно старался я разспросить ее какъ, какимъ образомъ, за что былъ разстрѣлянъ ея сынъ, я ничего не могъ отъ нея добиться, кромѣ слезъ, да отрывистыхъ звуковъ: les brigands, les brigands!

Сколько мнѣ ни приходилось слышать разсказовъ о различныхъ эпизодахъ войны, разсказовъ, передаваемыхъ очевидцами, дѣйствующими лицами въ этой кровавой драмѣ, но никогда разсказы людей развитыхъ, образованныхъ не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ простой безыскусственный разсказъ одного крестьянина о томъ, чтò пришлось вынести Артенэ за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ, и что ему лично пришлось видѣть и испытать.

— Въ одинъ день, 10-го октября, Артенэ три раза переходилъ изъ рукъ французовъ къ пруссакамъ и потомъ опять къ французамъ. Вы можете себѣ представить, разсказывалъ крестьянинъ, каково было наше положеніе. Ужасное, отчаянное положеніе! Приходитъ двадцать-пять тысячъ человѣкъ! Подавай имъ сейчасъ вина, хлѣба, а откуда намъ взять, и ничего не хотятъ слышать! А у насъ нѣтъ больше ни вина, ни хлѣба, ничего у насъ нѣтъ. Да и какъ быть, когда у насъ все уже было двадцать разъ взято, отобрано, и мы сами не имѣли, чтó ѣсть. Приходятъ свои, французы приходятъ, и требуютъ себѣ пищи, мы отдаемъ. Вы думаете легко накормить двадцать ты-

сячъ человѣкъ! Возьмутъ все, что̀ есть, и кончено. Не успѣли уйти французы, смотримъ, опять идутъ войска, не французы уже, а эти проклятые пруссаки. То же требуютъ: чтобы было черезъ два часа или меньше столько-то хлѣба, вина, яицъ, мяса, всего потребуютъ. А у насъ уже ничего нѣтъ. Говоримъ мы, что у насъ ничего нѣтъ, что сейчасъ французы были, все взяли. Что̀ же вы думаете, продолжалъ крестьянинъ, ничего не хотятъ слушать, ничего знать не хотятъ.

— Что же вы дѣлали? доставали?

— Откуда же доставать, когда нѣтъ! Дѣлайте, что хотите, мы говорили имъ, а у насъ ничего нѣтъ. Что же вы думаете? схватятъ эти проклятые пруссаки нѣсколько человѣкъ и говорятъ: не будетъ черезъ часъ того, что̀ мы требуемъ, разстрѣляемъ. Откуда достать, достать негдѣ. Возьмутъ и разстрѣляютъ. Ah! vous pouvez pensez, si le pays était heureux! съ озлобленіемъ прибавлялъ крестьянинъ.

Трудно было просто вѣрить подобному разсказу, и передавай его кто другой, невольно явилась бы въ головѣ мысль: прибавлено, прикрашено, драматизировано! Но когда говорилъ это крестьянинъ и говорилъ съ такою простотою, съ такою искренностью, то приходилось вѣрить, что подобный разбой, подобныя звѣрства дѣйствительно совершались.

— Вы думаете это все, что они разстрѣляютъ нѣсколько человѣкъ и этимъ удовольствуются—вовсе нѣтъ. Разстрѣляютъ, а потомъ еще накинутся на дома и все уничтожатъ. Сами ищутъ хлѣба или вина,—а вмѣстѣ съ тѣмъ все ломаютъ, раздираютъ, уничтожаютъ. Все что̀ ни находили, все брали, все тащили, платье, бѣлье, все обирали. Найдутъ одѣяла, простыни—все заберутъ, ничего не оставятъ. А что ужъ имъ не нужно, возьмутъ и сожгутъ. И слова нельзя имъ сказать, подумаютъ, что мы бранимъ ихъ, начинаютъ драться, бить чѣмъ попало. Никто не знаетъ, что̀ это за люди, да и не люди вовсе!

— А правда ли это, спросилъ его Клезингеръ, что нашимъ вы отказывали въ пищѣ, ничего не давали, а пруссакамъ поставляли все.

— Мы то нѣтъ, а другіе, быть можетъ, и дѣлали такъ. Если бы мы такъ поступали, то насъ бы не разстрѣливали. Ну, если по сосѣдству услышатъ, что эти «проклятые» разстрѣливаютъ, то испугаются. Свои спросятъ хлѣба, скажешь нѣтъ, ну поищутъ, и уйдутъ, свои-то не разстрѣливали, поневолѣ спрячешь отъ своихъ, чтобы было что̀ дать пруссакамъ.

Объясненіе, данное крестьяниномъ, было какъ нельзя болѣе наивно, и вмѣстѣ въ немъ чувствовалась правда. Мнѣ сдѣлался

понятенъ тотъ фактъ, о которомъ я столько слышалъ, и который, самъ по себѣ, не могъ не возмущать. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, французы отказываютъ французамъ въ томъ, въ чемъ не отказываютъ своимъ врагамъ — нѣмцамъ. Самъ по себѣ такой фактъ возмутителенъ, но когда подумаешь, что одни за отказъ въ пищи разстрѣливали, была ли пища и ее скрывали, или ее въ дѣйствительности не было, а другіе уходили и не разстрѣливали, то очевидно, что страхъ быть разстрѣляннымъ заставлялъ крестьянъ своимъ отказывать, для того, чтобы было что дать ихъ врагамъ. Быть можетъ можно сказать, что такой страхъ не обнаруживаетъ особеннаго героизма въ народѣ, но между героизмомъ и бо́льшимъ расположеніемъ къ непріятельской арміи, чѣмъ къ своей собственной, еще огромная разница.

Что нашествіе нѣмцевъ принесло пользу крестьянскому населенію тамъ, гдѣ оно его коснулось, пользу въ томъ отношеніи, что оно ему раскрыло глаза и показало что значитъ отеческое правительство одного человѣка, въ этомъ невозможно сомнѣваться, къ несчастью только польза эта — заплачена слишкомъ дорогою цѣною. Тотъ самый крестьянинъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по всей вѣроятности, вотировалъ въ пользу имперіи, теперь съ бѣшенствомъ говорилъ о Бонапартѣ и разсуждалъ съ большимъ смысломъ о всемъ томъ, что́ привело Францію на край гибели.

— Notre administration nous a perdus, съ жаромъ говорилъ крестьянинъ изъ Артенэ; l'armée n'avait ni munition, ni vivres. Сколько разъ солдаты прибѣгали къ намъ массами, говоря: мы должны были уступить, мы не могли держаться, нечѣмъ стрѣлять! Всѣ они были измученные, ободранные, голодные! Ah, ces gens-lá faisaient pitié a voir! со вздохомъ произносилъ разсказщикъ.

— Ну, а нѣмцы? что-жъ они, всегда были такіе какъ теперь, сытые, одѣтые, обутые? спрашивали его.

— Eh, eh! pas toujours, pas toujours! Если бы послѣ битвы при Куломье Орель де-Паладинъ послалъ къ намъ десять, пятнадцать тысячъ человѣкъ, тогда всѣ эти тридцать тысячъ баварцевъ положили бы оружіе и сдались въ плѣнъ. Они были въ изнеможеніи, не могли больше идти, когда прибѣжали сюда. Измученные бросали оружіе, падали какъ мертвые и спали. А! добавилъ онъ, насъ было слишкомъ мало, а то бы они не ушли отсюда живыми.

— Но дѣвушекъ, женъ вашихъ они не трогали, спросилъ его мой спутникъ.

— Pour cela non! ils n'aiment pas cela, отвѣчалъ крестьянинъ. Dieu merci! они только грабили, жгли, рубили; on dirait

que ces gens-là n'ont autre chose dans la tête que la destruction,—и при этомъ онъ указывалъ намъ на характерныя черты этого повальнаго разрушенія всего, чтó попадалось только на встрѣчу.

Трудно повѣрить, напр., тому, что около Артенэ нѣтъ ни одного цѣлаго дерева, каждое дерево подрублено или въ корнѣ или въ серединѣ, гдѣ придется.

— Это чтó значитъ, спросилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ нѣсколько деревьевъ подрубленныхъ.

— C'est toujours ces bandits! только для того, чтобы сдѣлать побольше зла! Идутъ и рубятъ, идутъ и рубятъ! c'est une peste et rien de plus!

Эти подрубленныя деревья мнѣ приходилось встрѣчать всюду и дальше; очевидно, что подрубливаніе деревъ точно также входило въ систему разрушенія и разоренія Франціи, которую съ такимъ искусствомъ выполняли непріятельскія арміи, принадлежавшія къ самой цивилизованной, какъ они сами себя называютъ, націи въ цѣломъ мірѣ.

Все, чтó приходилось слышать, все, чтò приходилось видѣть, приводило къ одному убѣжденію, что девизомъ нѣмецкаго народа въ этой несчастной войнѣ были слова: безпощадное истребленіе всего, что попадается на пути.

«На то и война», быть можетъ, скажете вы! но едва ли эти слова могутъ служить оправданіемъ тому систематическому грабежу, систематическому разрушенію, которое съ такимъ успѣхомъ практиковалось сынами добродушной и философской Германіи.

Проходивъ нѣсколько часовъ по Артенэ и пресытившись картиною опустошенія, я вернулся къ поѣзду, но оказалось, что мы еще мало стояли и должны простоять еще нѣсколько времени. Сколько—никому не было извѣстно, на то воля великодушныхъ побѣдителей. Со всѣхъ сторонъ только и слышались что проклятія, отъ которыхъ разумѣется никому не было ни тепло, ни холодно. Нужно было безпрекословно повиноваться и по лицамъ французовъ я могъ судить, какъ невыносимо тяжело должно быть сознаніе, что я у себя дома и мною все-таки распоряжаются, мнѣ приказываютъ, и я долженъ подчиняться этимъ приказаніямъ.

Прождавъ, неизвѣстно для чего, болѣе четырехъ часовъ, мы наконецъ двинулись далѣе. Картина мало измѣнялась. Тѣ же необработанныя, незасѣянныя поля, тѣ же развалившіеся дома, тѣ же разоренныя деревни, все также мрачно, также уныло смотрѣло все кругомъ. Казалось вся страна въ запустѣніи, точно

вымерло все, точно люди бѣжали послѣ страшной чумы. Жизнь нигдѣ и ни въ чемъ не сказывалась. Срубленныя деревья, оборванныя повсюду телеграфныя проволоки, валявшіеся на дорогѣ столбы, вотъ что бросалось въ глаза на пути въ Парижъ, и чѣмъ мы болѣе приближались къ нему, тѣмъ картина все становилась мрачнѣе. Да и какъ могло быть иначе, когда мы ѣхали по мѣстности, бывшей свидѣтельницею лютой, ожесточенной борьбы.

— Вотъ смотрите, сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ, указывая на огромное поле: здѣсь происходила жестокая бойня! это Toury! Дѣйствительно, необозримое поле разстилалось передъ нами и посерединѣ его возвышалась могила съ огромнымъ крестомъ. Не сотни уже похоронены были здѣсь, не сотни были сброшены въ общую яму. Живо рисовались въ воображеніи тѣ страшныя мучительныя сцены безсмысленной смерти стольких несчастныхъ жертвъ человѣческой глупости.

— Эта дорога—кладбище! произнесъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, указывая на такъ часто попадавшіеся кресты.

Трудно было съ этимъ не согласиться! Только видъ такого кладбища производилъ куда болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ обыкновенное кладбище, на которомъ покоятся люди, умершіе естественною смертью.

Я думалъ, что мы уже благополучно доберемся до Парижа, какъ часахъ въ двухъ отъ него нашъ поѣздъ снова остановился, и намъ опять объявили, что неизвѣстно когда двинемся далѣе. Изъ вагона выйти было мудрено, вѣтеръ рвалъ во всѣ стороны, крупныя капли уже не дождя, а какого-то ливня, били въ окошки, мартовская изморозь пробирала насквозь, однимъ словомъ, самая ужасная погода увеличивала еще болѣе и безъ того мрачное расположеніе духа. Терпѣніе наше подвергалось серьезному испытанію; то, что приходилось видѣть и слышать въ этотъ длинный переѣздъ, не могло дѣйствовать успокоительно, и досада стала выходить наружу. Человѣкъ двадцать или тридцать выскочило изъ вагоновъ и отправилось объясняться съ нѣмецкимъ офицеромъ. Каково было это объясненіе, я не знаю, но результатъ его былъ тотъ, что къ намъ въ вагонъ сталъ долетать неистовый крикъ этого офицера. Онъ кричалъ по-нѣмецки, требовалъ, чтобы всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ и самымъ грубымъ образомъ сталъ громко браниться.

— Цѣлую ночь я васъ здѣсь продержу, кричалъ разсвирѣпѣлый нѣмецъ, сопровождая свою угрозу бранью на нѣмецкомъ языкѣ.

Для бо́льшаго устрашенія, очевидно, онъ отдалъ приказаніе,

чтобы нѣмецкіе солдаты, стоявшіе на этой станціи, собрались немедленно; и дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ солдатъ пятьдесятъ стояло передъ нашимъ поѣздомъ съ угрожающимъ видомъ.

Malheur aux vaincus! вотъ все, что можно было сказать, слушая этотъ грубый крикъ, который, въ двухъ часахъ отъ столицы Франціи, въ самомъ сердцѣ страны, не могъ не рѣзать самымъ чувствительнымъ образомъ уха.

Обидно, тяжело было присутствовать при этой сценѣ, особенно когда въ умѣ проскользала мысль, что подобныя сцены повторяются ежеминутно на всемъ огромномъ пространствѣ, занятомъ непріятелемъ.

— Если нужно много собственнаго достоинства, много благородства, чтобы умѣть вести себя по-человѣчески побѣдителю, то побѣжденные должны имѣть много мужества, чтобы спокойно и съ достоинтствомъ переносить пораженіе. Мы же, съ горечью добавилъ Клезингеръ, не съумѣли побѣдить, а теперь не умѣемъ вести себя какъ должны вести себя побѣжденные. Мы не умѣемъ обезоруживать ихъ нашею гордостью.

Угроза продержать насъ цѣлую ночь на станціи не осуществилась. Поѣздъ двинулся, и мы безостановочно уже ѣхали до Парижа. Давно уже стемнѣло, когда мы подъѣзжали къ этому новому «вѣчному» городу, и приближаясь къ нему, едвали кто-нибудь могъ отдѣлаться отъ того чувства волненія, которое трудно было не испытывать при мысли, что снова увидишь тотъ городъ, который всегда такъ щедро бросалъ изъ себя на всѣ стороны яркій свѣтъ, тотъ городъ, который впродолженіи пяти мѣсяцевъ съ удивительнымъ мужествомъ выносилъ грозную осаду.

Машина издала оглушительный свистъ, и нашъ поѣздъ вошелъ въ хорошо знакомую gare d'Orléans.

— Paris! громко прокричали кондукторы, и я еще разъ убѣдился, что въ этомъ звукѣ есть что-то необыкновенно привлекательное, что-то чарующее для человѣка, не постигшаго великаго откровенія о гниломъ Западѣ и гнилой Франціи по преимуществу. Парижъ! развѣ онъ пересталъ быть свѣтлымъ центромъ Франціи, самою яркою звѣздою западнаго міра, западной цивилизаціи!

Былъ уже одиннадцатый часъ вечера, когда мы пріѣхали въ Парижъ. Толпа народа ждала нашего поѣзда. Въ этой толпѣ были люди, которые впродолженіи шести мѣсяцевъ жили и не знали что̀ сдѣлалось съ ихъ близкими. Крики радости, счастья свиданья, громко раздавались среди залы, и рядомъ съ этою ра-

достью въ глаза кидалось и горе. Я видѣлъ, какъ зарыдала одна женщина, когда къ ней подошелъ какой-то господинъ. Чтó онъ сказалъ ей — не знаю, но невеселое извѣстіе сообщилъ онъ ей. Плачутъ подчасъ и отъ радости, но отъ радости такъ, какъ рыдала эта женщина, — такъ не рыдаютъ. Не трудно впрочемъ и догадаться, что долженъ былъ онъ сказать. «Убитъ вашъ мужъ», «убитъ вашъ сынъ», все это сдѣлались такія обыкновенныя фразы, что безъ боязни ошибиться можно сказать, что и этой женщинѣ была сказана одна изъ такихъ обыкновенныхъ фразъ.

Я вышелъ, чтобы нанять извощика и былъ оглушенъ криками:

— Une voiture à bras! Monsieur, une voiture à bras!

Сначала я не разслышалъ словъ à bras и принялъ предложеніе одного изъ нихъ.

— Гдѣ же ваша карета?

— Voilà monsieur, voilà! и онъ указалъ мнѣ на небольшую ручную телѣжку.

— Какъ? значитъ у васъ нѣтъ кареты!

— Mais oui monsieur, une voiture à bras!

Я объяснилъ ему, что мнѣ нужна настоящая карета съ лошадью, а не ручная телѣжка.

— Этого вы не найдете; этого нѣтъ больше въ Парижѣ, если только вы не хотите платить сто франковъ!

Я осмотрѣлся кругомъ. Каретъ дѣйствительно не было ни одной, за то стояло множество ручныхъ телѣжекъ для вещей. Я пришелъ въ истинное уныніе. Усталому отъ дороги отправляться пѣшкомъ на другой конецъ города было не особенно весело, но дѣлать нечего, я поневолѣ подчинился необходимости. Я уже бросилъ свой мѣшокъ на телѣжку и приготовился странствовать, какъ Клезингеръ, стоявшій возлѣ меня, указалъ мнѣ на ѣхавшую вдали коляску.

— Крикните погромче, у васъ болѣе молодой голосъ, онъ васъ услышитъ!

Я крикнулъ чтó было силъ, и маленькая коляска подъѣхала къ намъ.

— Ah! vous avez la chance, проговорилъ владѣлецъ voiture à bras.

— Rue Helder! проговорилъ Клезингеръ.

— Vingt francs, monsieur!

— Voyons, voyons!

— C'est comme vous voulez, monsieur, съ великимъ достоинствомъ отвѣчалъ кучеръ, желая уже уѣхать отъ насъ.

Дѣлать было нечего, нужно было дать двадцать франковъ

этой единственной коляскѣ. Къ намъ подошла еще одна молодая женщина и умоляющимъ голосомъ просила насъ взять ее съ собою и подвезти къ ея дому. Мы усѣлись такимъ образомъ всѣ трое и отправились, сами удивляясь нашему счастью.

Какъ различны были тѣ два впечатлѣнія, которыя сопротивопоставлялись теперь въ моемъ умѣ! Я сравнивалъ тотъ Парижъ, который я оставлялъ три года назадъ, Парижъ шумный, веселый, ярко освѣщенный, Парижъ, въ которомъ жизнь кипѣла, и жизнь самая разнородная, Парижъ, сосредоточившій въ себѣ, вмѣстѣ съ гнилью второй имперіи, сокровища знанія, образованія, созрѣвшіе уже элементы высшаго политическаго и соціальнаго развитія,—я сравнивалъ блестящій и гордый Парижъ съ тѣмъ спокойнымъ, тихимъ, но великимъ по своему мужеству городомъ, который пришлось увидѣть теперь при совершенно иныхъ обстоятельствахъ.

Я затрудняюсь передать то странное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Парижъ въ первый день пріѣзда. Все какъ будто то же, и вмѣстѣ съ тѣмъ все не то. Я узнаю тѣ же улицы, тѣ же дома, узнаю тѣ же кафе, тѣ же магазины, а вмѣстѣ все это носитъ другой видъ, другой характеръ, точно не тѣ улицы, не тѣ дома, не тѣ кафе и магазины. Парижъ поразилъ меня своимъ мрачнымъ, угрюмымъ видомъ. Не было еще одиннадцати часовъ, когда коляска наша одиноко неслась по парижскимъ улицамъ, и улицы эти были уже мрачны, пустынны. Газъ, который горѣлъ въ этотъ вечеръ всего въ первый разъ, горѣлъ какъ-то боязливо, робко, точно боясь освѣтить Парижъ своимъ яркимъ свѣтомъ. Фонари не были зажжены всѣ, одни горѣли, другіе нѣтъ, въ магазинахъ было темно, большинство кафе закрыто, а главное, что поражало, это страшная, непривычная пустота на улицахъ.

Нельзя было не чувствовать, что это не тотъ старый, веселый Парижъ, что это другой Парижъ, Парижъ грустный, задумчивый, страдающій. И было отчего ему быть грустнымъ и задумчивымъ! На улицахъ все тихо, спокойно, городъ казалось заснулъ мертвымъ сномъ, чтобы пробудиться конечно съ новыми, удесятеренными силами. Коляска остановилась передъ знакомымъ отелемъ. Ворота были уже заперты.

— Есть у васъ комната? спросилъ я.

Знакомый garçon посмотрѣлъ на меня, вглядѣлся, узналъ и удивленнымъ голосомъ сказалъ:

— Вотъ ужъ васъ не ждалъ я увидѣть теперь!

— А комната-то есть?

— Oh! autant que vous desirez! И не давъ мнѣ вздохнуть,

ведя меня по лѣстницѣ, сталъ немедленно говорить о томъ, какъ измѣнились времена, что я не узнàю Парижа, что Парижъ est devenu serieux, прибавляя при этомъ, et il y avait de quoi! Тутъ же объяснилъ онъ мнѣ, что онъ всего три дня какъ вернулся снова въ отель, что онъ дрался, былъ два раза раненъ, и что никогда Парижъ бы не сдался, еслибы Трошю, Жюль Фавръ, «et toute cette canaille» любили бы республику, но что всѣ они измѣнили, продали и напрасно только мучили Парижъ, такъ какъ капитуляція была давно рѣшена.

— Ah, monsieur, закончилъ онъ, j'ai honte de vous regarder en face, nous devons rougir pour notre pays.

Какъ были, такъ и остались фразерами, подумаетъ быть можетъ при этомъ какой-нибудь читатель. Пора бросить, читатель, эту старую банальную пѣсню о французской фразѣ. Пора догадаться, что не совсѣмъ все то фраза, что говорятъ французы, когда изъ-за этой «фразы» люди проливаютъ свою кровь, жертвуютъ своею жизнію, какъ умѣютъ жертвовать ею французы. Дай Богъ, чтобы и у другихъ было побольше такой «фразы», авось тогда на свѣтѣ прибудетъ свободныхъ людей и убудетъ рабовъ.

Мнѣ не хотѣлось оставаться въ комнатѣ и я вышелъ поскорѣй на бульвары, думая встрѣтить тамъ знакомую картину. Я жестоко ошибался. Мракъ, темнота, безлюдье еще болѣе поражали на бульварахъ, чѣмъ на остальныхъ улицахъ, болѣе потому, что съ понятіемъ бульваровъ какъ-бы соединялось понятіе о толпѣ, шумѣ и яркомъ свѣтѣ. Какая перемѣна! Я прошелъ по самымъ шумнымъ и люднымъ бульварамъ, по самому бойкому мѣсту отъ Café Tortoni до Café de Madrid, и всюду меня преслѣдовалъ все тотъ же унылый, печальный видъ. Ни одной кареты, ни одного омнибуса по улицамъ; тамъ, гдѣ такъ трудно было перебѣжать съ одной стороны бульвара на другую, какъ тѣни блуждали люди, не обезпокоиваемые экипажною ѣздою. Нѣкоторые кафè были отворены, большая же часть была закрыта, но и открытыя смѣло могли запереть свои двери. Въ этихъ кафé было слишкомъ просторно. Нѣсколько женщинъ, которыя должны были мелочною продажею самой себя добывать свое пропитаніе, сидѣли въ этихъ кафé, и изрѣдка только черезъ-чуръ громко сказанное слово или взрывъ какого-то искусственнаго смѣха, рѣзкимъ диссонансомъ раздавались въ воздухѣ и странно поражали слухъ. Я вошелъ въ одинъ изъ тѣхъ ресторановъ, гдѣ въ обыкновенное время, около полуночи, всѣ залы бывали биткомъ набиты народомъ, думая хоть тутъ встрѣ-

тить большее оживленіе. Ни одной души. Все пусто, и только хозяйка сидѣла на диванѣ и разговаривала съ garçon'ами.

— У васъ никого нѣтъ? Что это значитъ, или ужъ поздно?

— О нѣтъ! у насъ давно уже никто не бываетъ! Вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ мы сидимъ сложа руки.

— Зачѣмъ же у васъ открыто, зачѣмъ освѣщено?

— Я и сама не знаю. Каждый день открываемъ съ надеждою, что вотъ можетъ быть сегодня будетъ перемѣна, а перемѣны все нѣтъ.

— Non, non, Paris n'est plus le même, вотъ тотъ припѣвъ, который такъ часто слышался послѣ и который въ первый же вечеръ я услышалъ во второй или въ третій разъ.

Пока мнѣ приготовляли поужинать, я разговорился съ хозяйкой, или вѣрнѣе, она одна говорила, а я только слушалъ.

— Вы не можете себѣ вовсе представить, говорила она, что̀ мы здѣсь выстрадали. Мы страдали отъ холода, страдали отъ голода; вотъ посмотрите какой хлѣбъ мы ѣли, и при этомъ она дала мнѣ кусокъ чернаго хлѣба, сдѣланнаго изъ муки, перемѣшанной съ соломою. И это еще хорошій, разсказывала она, этотъ хлѣбъ мы ѣли за двѣ недѣли до сдачи, а что было въ послѣдніе дни, я уже и не говорю. Того хлѣба нельзя было въ ротъ брать, я не могла ѣсть, лучше голодала. А все для чего? для того, чтобы сдаться на капитуляцію. Ужъ лучше тогда было бы начинать съ того. Ah! nous étions vendus et trahis!

Эти послѣднія слова были одинаково общимъ припѣвомъ парижанъ. Они не могли переварить мысли, что вынесли пятимѣсячную осаду, столько страданій только для того, чтобы пруссаки вступили въ ихъ городъ. Только измѣной, подкупомъ могли объяснить они себѣ этотъ стыдъ, это униженіе.

— Вы должны были, спросилъ я, много потерять въ это время, вся торговля остановилась...

— Кто объ этомъ можетъ говорить, прервала она меня, что мы потеряли; спросите лучше, что потеряла Франція! Кто могъ думать, что мы дойдемъ до того! Les français sont lâches, они получили только то, что̀ заслуживали, прибавила она съ горячностью.

Слова эти, которыя я услышалъ отъ француженки, меня нисколько не удивили. Мнѣ приходилось уже встрѣчаться, приходилось бесѣдовать со многими женщинами самыхъ различныхъ положеній, и я долженъ сказать, что всѣ онѣ были настроены чрезвычайно высоко. Женщины въ эту критическую минуту вели себя, быть можетъ, чтобы не сказать навѣрное, много лучше мужчинъ. Съ необыкновеннымъ мужествомъ переносили онѣ все-

возможныя испытанія. Онѣ не падали духомъ, онѣ не удерживали своихъ мужей, сыновей, отцовъ и братьевъ, напротивъ они поддерживали ихъ и такъ сказать воодушевляли ихъ. Но нигдѣ конечно эти женщины не вели себя съ такимъ мужествомъ и благородствомъ, какъ въ Парижѣ, въ это тяжелое время осады.

— Les femmes ont été admirables! говорилъ мнѣ одинъ изъ самыхъ молодыхъ депутатовъ, бывшій помощникомъ мэра въ одномъ изъ парижскихъ округовъ, разсказывавшій о томъ, что ему приходилось лично видѣть. А видѣть ему приходилось не мало. Этотъ же отзывъ я слышалъ и отъ всѣхъ другихъ, на мнѣніе которыхъ я смѣло могъ полагаться.

Безропотно онѣ переносили всевозможныя лишенія, всевозможную нужду. Имъ приходилось по цѣлымъ часамъ стоять на холоду, на морозѣ, чтобы получить немного риса или изрѣдка кусочекъ лошадинаго мяса, или, наконецъ, отъ времени до времени небольшое количество дровъ, нѣсколько полѣнъ. Дома онѣ ходили за дѣтьми, потомъ бросались въ лазареты, на перевязочные пункты, подбирали раненыхъ, закрывали глаза умирающимъ. Онѣ видѣли, какъ умирали ихъ собственныя дѣти, какъ умирали ихъ ближніе отъ тяжелыхъ ранъ, онѣ теряли все, что для нихъ дорого было на свѣтѣ, и никогда никто не слышалъ отъ нихъ жалобы; онѣ не высказывали желанія, чтобы Парижъ сдался, напротивъ, онѣ хотѣли лучше видѣть Парижъ сожженнымъ, чѣмъ отданнымъ непріятелю. Страшныя сцены пришлось испытать въ особенности тѣмъ, кто жилъ на лѣвомъ берегу Сены, куда въ послѣднее время стали долетать бомбы, которыя словно нарочно поражали дѣтей. Сколькимъ матерямъ приносили ихъ дѣтей израненыхъ, убитыхъ, и онѣ крѣпились, поддерживаемыя любовью къ своей несчастной родинѣ. Много разсказовъ и разсказовъ самыхъ достовѣрныхъ приходилось мнѣ слушать, но передавать ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста.

Это было всеобщее установившееся мнѣніе, что женщины, и особенно парижскія женщины вели себя съ необыкновенною энергіей, необыкновеннымъ мужествомъ. Онѣ не находили достаточно презрительныхъ словъ, чтобы клеймить тѣхъ, которые не принимали участія въ войнѣ, онѣ съ отвращеніемъ говорили о пораженіи Франціи и съ негодованіемъ о заключенномъ мирѣ. Французскія женщины выказали въ послѣднихъ событіяхъ, по всеобщему признанію, самый высокій патріотизмъ, и я не могъ не вѣрить тому, когда мнѣ самому приходилось слышать такія слова:

— Я потеряла двухъ сыновей въ этой войнѣ, но я охотно

согласилась бы потерять еще и тѣхъ двухъ, которые у меня остались, лишь бы Франція не заключала такого позорнаго мира.

И эти слова говорились совершенно простою женщиною, не получившею никакого образованія!

Говорилъ ли я съ женою простого работника, какъ приходилось мнѣ говорить, говорилъ ли я съ женою литератора, говорилъ ли съ актрисою, съ какою бы женщиною ни приходилось встрѣчаться, я постоянно слышалъ одно и то же и не могъ не убѣдиться въ справедливости тѣхъ, которые съ такою горячностью восхваляли энергію и мужество французскихъ женщинъ.

Выйдя изъ ресторана я еще разъ прошелся по мрачнымъ бульварамъ «новаго» Парижа, и этотъ «новый», или обновленный Парижъ казался теперь еще дороже, чѣмъ прежде, къ нему невольно чувствовалось бо̀льшее уваженіе.

Я все-таки думалъ, что то тяжелое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Парижъ въ первый вечеръ, значительно измѣнится, когда я увижу его при дневномъ свѣтѣ, среди всяческихъ дѣлъ и заботъ трудовой жизни. Чуть свѣтъ поднялся я на ноги, желая поскорѣе посмотрѣть все ли цѣло, все ли на своемъ мѣстѣ.

Я не стану много говорить о внѣшнемъ видѣ Парижа, какъ онъ представился мнѣ въ первые дни послѣ первой осады, немедленно вслѣдъ за выступленіемъ изъ него пруссаковъ, которые «осквернили», какъ говорилось, мужественно сопротивлявшійся Парижъ.

Днемъ на парижскихъ улицахъ было конечно несравненно бо̀льшее движеніе чѣмъ вечеромъ, но все-таки далеко не то, какъ бывало оно прежде. Въ первые дни моего пребыванія въ Парижѣ, т.-е. въ первые два-три дня, экипажей не было вовсе, за исключеніемъ омнибусовъ, и то въ значительно сокращенномъ количествѣ, ходившихъ съ десяти часовъ утра до девяти вечера. Когда я спросилъ, что за причина этого отсутствія экипажей, то получилъ самый простой отвѣтъ:

— Всѣ почти лошади съѣдены, а новыя не могли быть еще приведены.

Причина весьма законная, хотя и довольно оригинальная. Такъ или иначе, но эта первая черта, бросавшаяся въ глаза, производила странное впечатлѣніе. Парижскія улицы безъ экипажей — это зрѣлище, къ которому глазъ никакъ не можетъ привыкнуть. Другое, что бросалось въ глаза, это безконечное количество огромныхъ вывѣсокъ чуть не на всѣхъ домахъ, бѣ-

ныхъ вывѣсокъ съ черными или красными буквами:—Ambulance militaire, Ambulance nationale;—вотъ во что превратились всѣ лучшія дома въ Парижѣ. Одни отдавали свои дома подъ ambulance ради истиннаго желанія подать помощь, другіе—изъ предосторожности, основательно надѣясь, что домъ, на которомъ красуется вывѣска ambulance и развѣвается флагъ съ краснымъ крестомъ, всегда останется неприкосновеннымъ. Смѣло можно сказать, что Парижъ превратился въ одну обширную ambulance и только мало по-малу стали исчезать эти вывѣски. Помимо этого бросалось въ глаза огромное количество полотняныхъ и другихъ вывѣсокъ съ надписью: Cantine nationale, Ravitaillement и т. п. Всѣ стѣны точно также были заклеены афишками, объявленіями объ этомъ ravitaillement. Тамъ распредѣлялись съѣстныя приношенія Англіи, тутъ приношенія Бельгіи, всѣ посылали въ Парижъ что могли, потому что никто въ это время такъ страшно не нуждался въ пищѣ какъ Парижъ, столько времени голодавшій.

Если на всѣхъ почти большихъ частныхъ домахъ и на большинствѣ общественныхъ зданій прибиты были вывѣски: ambulance, то вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ можно было прочесть и другое, это слова: Liberté, égalité, fraternité. Я скажу безъ преувеличенія, что не было ни одного общественнаго зданія, на которомъ слова эти не были бы написаны черными буквами. Слова эти красовались на всѣхъ церквахъ, начиная отъ Notre-Dame, Маделены, и кончая самыми маленькими церквами. Даже на строгомъ St. Sulpice и тамъ нарисованы были эти противныя современной католической церкви, но самыя христіанскія изъ словъ. Liberté, égalité, fraternité сурово легли на зданіе Тюльери, Пале-Ройяля, Ратуши, на зданія всѣхъ министерствъ и даже на зданіе новой оперы, гдѣ черныя буквы какъ-то не гармонировали съ изобиліемъ позолоты.

— Ah, vraiment on abuse de cette liberté-là, сказалъ мнѣ какой-то господинъ, сидѣвшій около меня на имперіалѣ омнибуса.

— Но кто же это написалъ, кто разрисовалъ этими словами всѣ зданія?

— Кто? Это правительство 4-го сентября, это Трошю, Фавры, Пикары, которые думали пріобрѣсти популярность путемъ этого дешеваго республиканизма.

Помимо этой надписи на дворцахъ были еще и другія надписи. На зданіи Елисейскаго дворца, Тюльери, Пале-Ройяля большими буквами было написано: propriété nationale, какъ

бы для того, чтобы успокоить народъ, что отнынѣ это его собственность, и что если дворцы составляютъ національную собственность, то не можетъ быть сомнѣнія, что онъ дѣйствительно «peuple souverain». Но этотъ народъ «фразы» не довольствовался подобными надписями, онъ зналъ, что какъ лёгко написать эти слова, также легко ихъ и стереть, и потому взялся за оружіе, чтобы на дѣлѣ, въ дѣйствительности, онъ могъ быть названъ: peuple souverain. Правда, оружіе выбили изъ его рукъ, но кто рѣшится утверждать, чтобы то было надолго.

Во всевозможныхъ надписяхъ не было недостатка, всѣ стѣны были исписаны ими и тотъ же тюльерійскій дворецъ носилъ еще одну надпись на своемъ фронтонѣ: République française démocratique une et indivisible! Надписи не спасли Тюльери, онъ сдѣлался жертвою пламени. Всѣ театры точно также превратились изъ императорскихъ въ національные. Слово impérial было вытерто и наскоро написано national. На одномъ театрѣ Одеона я увидѣлъ пустое мѣсто. Impérial стерто и не замѣнено ничѣмъ другимъ. Одинъ пріятель, проѣзжавшій вмѣстѣ со мною мимо театра, остроумно замѣтилъ:

— Смотрите, какъ директоръ Одеона предусмотрителенъ: онъ знаетъ, какъ легко у насъ республика смѣняетъ имперію, королевство республику, и потому предпочелъ оставить пустое мѣсто. Республика ему кажется непрочна, и онъ ждетъ, чтó нацарапать: снова ли «императорскій» или для разнообразія «королевскій»!

О прострѣленныхъ крышахъ, о пробитыхъ стѣнахъ разумѣется нечего и говорить. Все это такъ незначительно, что смѣло можно сказать, что бомбардированіе Парижа не оставило никакихъ наружныхъ слѣдовъ. Что значитъ разрушенная часть сорбоннской церкви или пробитая бомбами крыша Пантеона въ сравненіи съ разрушенными улицами Парижа, съ уничтоженіемъ Ратуши, Тюльери и другихъ зданій, погибшихъ отъ пожаровъ, вызванныхъ опьяненіемъ фанатизма, отчаяніемъ и местью людей, увидѣвшихъ всѣ свои планы уничтоженными и мечты неосуществившимися. Они допускали это безплодное разрушеніе, такъ какъ для нихъ сознаніе, что тотъ идеалъ, которому они въ жертву приносили свою жизнь, еще разъ гибнетъ въ цѣломъ морѣ крови, равнялось сознанію гибели цѣлой Франціи.

Не своими пробитыми зданіями поражали парижскія улицы. Онѣ поражали отсутствіемъ оживленія, своимъ сердитымъ, мрачнымъ видомъ. Куда дѣвались всѣ блестящіе магазины? Въ тѣхъ окнахъ, гдѣ на сотни тысячъ, на милліоны было выставлено

бриллiантовъ, рубиновъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, теперь были выставлены съѣстные припасы. Маленькiя, небогатыя улицы Парижа не представляли такой рѣзкой перемѣны, но за то богатые кварталы были мертвы въ полномъ значенiи этого слова. Роскошная аллея Champs Elysées имѣла самый унылый, печальный видъ. Всѣ дома заперты, окна заколочены, и трiумфальная арка заставлена лѣсами изъ боязни, что пруссаки при своемъ трiумфальномъ шествiи въ Парижъ разобьютъ великолѣпные барельефы, вѣщающiе о побѣдахъ Наполеона I-го надъ Пруссiею. Затѣмъ ни одного экипажа и полное безлюдье, точно все вымерло и Champs Elysées превратились въ настоящiя Елисейскiя поля. Чудная площадь Согласiя или, какъ прежде она называлась, площадь революцiи, казалась еще болѣе торжественною среди полной тишины, среди тяжелаго спокойствiя. Всѣ статуи, обвитые чернымъ крепомъ, угрюмо смотрѣли на свою бѣдную сестру — статую Страсбурга, всю обвитую въ черный двойной крепъ и покрытую отъ головы до ногъ вѣнками изъ иммортелей. Ничто такъ рѣзко не говорило о траурѣ, о нацiональномъ траурѣ, какъ эта молчаливая, величественная площадь съ обвитыми чернымъ крепомъ статуями Марсели, Лiона, Бордо и другихъ главныхъ городовъ Францiи. Одна эта площадь своимъ мрачнымъ, величавымъ видомъ, своею нѣмою печалью говорила о бѣдствiяхъ страны, о бѣдствiяхъ Парижа лучше и убѣдительнѣе всякихъ описанiй. Кто ее видѣлъ прежде, шумную, блестящую, ярко освѣщенную и кто ее увидѣлъ бы теперь, молчаливую, спокойную въ своей красотѣ и вмѣстѣ мрачную, тотъ понялъ бы, какое тяжелое время переживаетъ этотъ вѣчно готовый жертвовать собою для блага Францiи, для блага человѣчества, многострадальный Парижъ. Онъ забылъ веселье, онъ забылъ радости, онъ забылъ свою безпечную жизнь, и старые прiюты разгула, всяческихъ забавъ и увеселенiй, прiюты попоекъ, шумныхъ пировъ, и прiюты разврата онъ превратилъ теперь въ прiюты для больныхъ, раненыхъ, умирающихъ, въ прiюты для страждущихъ и бѣдствующихъ, которыми такъ богатъ былъ вышедшiй изъ ада Парижъ.

Тамъ гдѣ прежде ярко горѣли слова: Bal Bullier, теперь развѣвался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ; слова Salle Valentino замѣнились словами Secours aux blessés. Парижъ принесъ свое покаянiе, онъ очистился отъ грѣховъ своихъ, и хотя печальный и мрачный, но онъ заставлялъ теперь любить себя еще болѣе горячо, и главное, вынуждалъ къ себѣ то уваженiе, которое невольно чувствуешь къ величiю скорби.

Стоитъ ли, можете вы спросить меня, говорить теперь о

томъ, какой видъ имѣлъ Тюльери, когда весь этотъ дворецъ превратился въ груду развалинъ, или даже не развалинъ, а пепла?

Мнѣ кажется, что именно теперь, когда Тюльери болѣе не существуетъ, особенно интересно взглянуть на тотъ видъ, который представляло это старое историческое зданіе до окончательнаго погрома.

Входъ въ Тюльери былъ строго воспрещенъ. Весь дворъ, весь садъ Тюльери были превращены въ лагерь; сотни палатокъ были раскинуты на всемъ большомъ пространствѣ, занимаемомъ Тюльери, такъ что по внѣшнему виду онъ походилъ уже гораздо болѣе на великолѣпную казарму, чѣмъ на императорскій роскошный дворецъ.

Я разумѣется никогда не прошелъ бы во внутрь, еслибы не Robert Halt, извѣстный романистъ, который, въ качествѣ члена коммиссіи для разбора бумагъ второй имперіи, работалъ въ Тюльери.

— Если вы любите историческія воспоминанія, сказалъ онъ мнѣ, вы останетесь довольны. Пойдемте.

Мы вошли. У параднаго подъѣзда, который такъ недавно оберегался всевозможными часовыми, конными и пѣшими, теперь стояла цѣлая куча національныхъ гвардейцовъ и громко бесѣдовала о послѣднихъ засѣданіяхъ національнаго собранія. Громкій смѣхъ раздавался среди этой кучи, но какими словами, какими насмѣшливыми замѣчаніями вызывался онъ, разслышать было нельзя. На парадномъ дворѣ валялись тюфяки, кровати, развѣшаны были платья, бѣлье.

— Величіе фиглярской имперіи! во что ты превратилось! невольно сказалъ я.

— Когда величіе, замѣтилъ мнѣ моей пріятель, создано деспотизмомъ, властью, узурпированною у народа, рано или поздно, но оно всегда оканчивается трескучимъ паденіемъ. Исторія Франціи служитъ тому лучшимъ доказательствомъ!

На лѣстницѣ, на роскошной мраморной лѣстницѣ сидѣли теперь, развалившись, нѣсколько солдатъ.

— Смотрите, обратился ко мнѣ мой путеводитель, вотъ это та парадная лѣстница, на которой такъ недавно могущественный Наполеонъ встрѣчалъ коронованныхъ гостей, являвшихся къ намъ, чтобы повеселиться!

Лѣстница была вся заставлена кроватями, завалена солдатскимъ платьемъ, грязныя тряпки валялись на ступеняхъ.

— Куда же ведетъ эта лѣстница?

— Въ парадныя комнаты, превратившіяся теперь въ покои страданій и смерти!

Великолѣпныя залы получили теперь болѣе достойное назначеніе: онѣ превратились въ обширный лазаретъ.

Мы вошли въ комнаты бывшаго императора. Въ первой комнатѣ, въ пріемной, гдѣ каждое утро толпилась цѣлая ватага украшенныхъ лентами и орденами, довольныхъ собою императорскихъ лакеевъ, все было заставлено всевозможною мебелью, книгами, бумагами, однимъ словомъ, это было настоящее царство безпорядка. Слѣдующая комната, вся обитая дорогою матеріею, была, нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, кабинетомъ Наполеона. Въ комнатѣ было разставлено нѣсколько столовъ, заваленныхъ бумагами, у всѣхъ стѣнъ стояли большіе шкафы, точно также, наполненные бумагами. Здѣсь сидѣло человѣкъ десять различнаго народа въ самыхъ неимператорскихъ костюмахъ, сидѣло и работало. Это были члены коммиссіи для разбора бумагъ.

— Tiens! voila une lettre de l'empereur! воскликнулъ какой-то господинъ, когда мы входили въ бывшій императорскій кабинетъ. Всѣ почти повскакали съ своихъ мѣстъ, думая, что нашли интересное письмо.

— Oh! la belle! говорилъ другой, вытаскивая изъ ящика одного изъ столовъ какой-то женскій портретъ.

— Mais c'est elle, c'est elle! воскликнулъ кто-то, называя одну изъ любовницъ опозореннаго императора.

— Voyez vous, mon cher, les choses d'ici-bas, comme elles sont, проговорилъ, обращаясь ко мнѣ, Robert Halt, совершенно серьезно, и мнѣ казалось, что на эту минуту въ его воображеніи рисовалась какая-нибудь сцена изъ ненаписаннаго, но всегда готоваго романа жизни.

Мы прошлись по всѣмъ, такъ недавно наряднымъ, комнатамъ Тюльери и вездѣ видѣли ту же картину безпорядка, пустоты, но этотъ безпорядокъ и пустота далеко не казались непріятны. Въ этомъ безпорядкѣ, въ этой пустотѣ скрывалось истинное величіе.

— Народъ прошелъ по этимъ комнатамъ, говорилъ мой спутникъ, онъ прошелъ мимо этой роскоши, мимо этого золота, и самъ нищій, самъ забитый и голодный, онъ не набросился на это золото, онъ ни до чего не коснулся, ни къ чему не притронулся. Его справедливое негодованіе не искало себѣ удовлетворенія въ разореніи, онъ опасался даже одной мысли, что революцію назовутъ грабежемъ и разбоемъ. Народъ спокойно вступилъ во владѣніе тѣмъ, что́ ему принадлежало по праву и что отнынѣ составляетъ его неотъемлемую собственность!

— На сколько мѣсяцевъ? спросилъ я.

— Ахъ! вы правы, если хотите уязвить насъ; мы дали вамъ на это полное право! Но будьте же великодушны и не смѣйтесь, когда мы пишемъ на зданіи: propriété nationale, на томъ самомъ зданіи, которое черезъ нѣсколько мѣсяцовъ, какъ вы говорите, сдѣлается добычею какого-нибудь Badinguet. Но къ чему смѣяться? то, чтò дѣлается искренно, съ полною вѣрою, то не должно вызывать смѣха,—ужъ скорѣе сожалѣніе. Да, впрочемъ, мы и его не хотимъ. Ну что-жъ, быть можетъ снова здѣсь поселится какой-нибудь преступникъ; но мы, добавляетъ уязвленный, не то, чтò другіе, мы умѣемъ и раздѣлываться съ ними; но я все-таки надѣюсь, что положенъ конецъ, и Тюльери не сдѣлается снова притономъ всяческихъ интригъ и разврата.

Онъ не ошибался. Тюльери не можетъ «снова» сдѣлаться подобнымъ притономъ, и онъ могъ бы смѣло сказать, что никто болѣе не поселится въ роскошномъ дворцѣ.

Его послѣднимъ обитателемъ былъ народъ. Его послѣдними жильцами были тѣ несчастные больные и раненые, которые стояли у оконъ роскошныхъ залъ, составляя какой-то дикій и рѣзкій контрастъ своими измученными, изстрадавшимися лицами, своими бѣлыми саванами, съ архитектурною красотою стараго дворца. Народу не везетъ. До тѣхъ поръ пока Тюльери служилъ роскошнымъ жилищемъ сильныхъ міра, онъ спокойно переживалъ всѣ невзгоды, но въ ту самую минуту, когда онъ впервые получилъ полезное назначеніе, онъ сдѣлался жертвою пламени. Тюльери покаялся, онъ долженъ былъ быть пощаженъ. Друзья народа не должны были его сожигать. Для тѣхъ, кто ненавидѣлъ Тюльери послѣ 4-го сентября, сгорѣлъ дворецъ Тюльери. Для тѣхъ же, кто видѣлъ его послѣ, когда онъ превратился въ обширную больницу, сгорѣлъ не дворецъ, а пріютъ для пострадавшихъ. Мы назначили себѣ rendez-vous въ café de Madrid и я, размышляя о судьбѣ Тюльери и его обитателей, отправился бродить по Парижу.

Если я скажу вамъ, что при взглядѣ на парижскія улицы живо чувствовалось мрачное настроеніе всего населенія, вы быть можетъ скажете, что это только плодъ воображенія, что это говорится для красоты слога, но что въ дѣйствительности трудно поймать на улицѣ, на площади народную думу. Вы жестоко ошибаетесь. На этихъ улицахъ, на этихъ площадяхъ, вы сплошь и рядомъ наталкиваетесь на группы людей, на сборища, среди которыхъ шли оживленные разговоры, шумныя пренія о политическомъ состояніи, о бѣдствіяхъ страны, о горькой участи народа. Прислушиваясь къ спорамъ, къ разговорамъ вы вынесли бы ко-

нечно болѣе ясное понятіе объ общемъ настроеніи, чѣмъ читая десятки газетъ и брошюръ. Я долго не забуду одной сцены, которая поразила меня своею оригинальностью. Сцена была самая обыденная въ то время, но какъ живо указывала она на лихорадочное, до-нельзя возбужденное состояніе людей. Пройдя всю улицу Rivoli, я вышелъ на площадь Бастиліи. Издали уже виднѣлась Іюльская колонна, вся отъ подножья до вершины покрытая цвѣтами, убранная вѣнками изъ иммортелей, съ большимъ траурнымъ, чернымъ знаменемъ, скрывавшимъ голову генія свободы. Около колонны толпилась густая масса народа. Я подошелъ ближе и сталъ прислушиваться. Среди толпы стоялъ какой-то юноша лѣтъ двадцати, съ открытою головою, и мягкимъ симпатичнымъ голосомъ пѣлъ про бѣдствіе своей родины. Нестройны и незамысловаты были стихи современнаго трубадура, но они трогали слушателей, потому что въ сердцѣ каждаго больно отзывалось каждое слово о страданіяхъ отечества, каждый чувствовалъ на самомъ себѣ удары судьбы. Его пѣніе постоянно прерывалось слабыми восклицаніями, какъ будто слушавшіе его думали вслухъ:

— Ah! oui, oui, il a bien raison, il faut des efforts et des efforts pour nous relever.

— C'est vrai, il n'y a rien a dire, l'Alsace et la Lorraine ne sont plus à nous! Nous devons bien travailler maintenant! и т. д. и т. д.

Онъ пѣлъ про условія мира, про вступленіе въ Парижъ пруссаковъ, про національное собраніе, и въ стихахъ его звучало эхо того недовольства, негодованія, той злобы, которую чувствовалъ парижскій народъ къ національному собранію.

Кончивъ пѣть про одно, онъ начиналъ пѣть про другое, вызывая постоянное одобреніе толпы. Чтобы дать вамъ понятіе, каковы были эти стихи, я приведу нѣкоторыя строфы, по нимъ вы уже увидите, съ одной стороны, что вызывало одобреніе, съ другой,—что современный трубадуръ по красотѣ стиля и изяществу вовсе не опередилъ средневѣковыхъ трубадуровъ:

Il faut leur céder l'Alsace
Et puis la Lorraine aussi;
De plus voilà ce qu'on dit:
Pour satisfaire ce vorace,
Il faut donner cinq milliards
Pour contenter ces pillards.

Затѣмъ слѣдовало воззваніе къ тому, чтобы поскорѣй была собрана вся требуемая контрибуція, съ цѣлью такимъ образомъ поскорѣе освободиться отъ непріятельскаго нашествія.

Новый трубадуръ пѣлъ также куплеты, въ которыхъ осмѣивалъ національное собраніе, Тьера, Жюля-Фавра. Стихи, въ которыхъ онъ пѣлъ о засѣданіи 1-го марта, т.-е. того засѣданія, въ которомъ приняты были условія мира, вызывали злобный смѣхъ:

L'assemblée verse des larmes
Qu's'en est une inondation;
L'mot capitulation
Veut dir'faut poser les armes.
Enfin l'mal est conjuré,
Jules Favre et Thiers ont pleuré.

Конечно, только въ эпоху крайняго возбужденія и недовольства, когда каждое слово протеста, какъ бы слабо и дурно оно ни было высказано, находитъ всюду одобрительный отголосокъ; конечно, только въ такую эпоху парижскій народъ могъ по цѣлымъ часамъ стоять и слушать такого рода пѣніе новаго трубадура.

Простоявъ около часа въ этой толпѣ, я хотѣлъ уже уходить, когда увидѣлъ цѣлую процессію, приближающуюся къ Іюльской колоннѣ. Это былъ какой-то батальонъ національной гвардіи, сопровождаемый толпою мальчугановъ. Процессія эта приближалась къ колоннѣ. Нѣсколько человѣкъ вышло изъ строя, и держа въ своихъ рукахъ черное знамя, подошли къ самому пьедесталу колонны и укрѣпили на немъ свое траурное знамя. Такихъ черныхъ, трехцвѣтныхъ, покрытыхъ траурнымъ тюлемъ, наконецъ красныхъ знаменъ была цѣлая масса на колоннѣ, которую почти не было видно изъ-за цвѣтовъ и флаговъ.

— Что значитъ эта процессія? спрашивалъ я.

— Voyez vous, отвѣчали мнѣ, всѣ батальоны національной гвардіи послѣ капитуляціи Парижа покрыли трауромъ свои знамена или даже просто замѣнили трехцвѣтныя одноцвѣтнымъ: чернымъ. Эти-то знамена теперь, когда миръ заключенъ, они, какъ бы протестуя, несутъ къ Іюльской колоннѣ. Дѣлу это конечно не поможетъ, но вѣдь и вреда не можетъ принести!

На такія и подобныя сцены вы постоянно наталкиваетесь, бродя по улицамъ Парижа, и эти сцены живо указывали вамъ на внутреннее состояніе населенія города. Сегодня вы слышали трубадура, завтра встрѣчали или патріотическую процессію, или большую толпу народа съ ораторомъ посерединѣ, который ѣдко критиковалъ все національное собраніе, министерство, Тьера, говорилъ о томъ, какъ должны вести себя граждане и т. д. Одинъ разъ пришлось мнѣ натолкнуться на такую толпу, сзади которой два импровизованныхъ оратора спорили объ интерна-

ціоналѣ: одинъ нападалъ, другой защищалъ и проповѣдывалъ его. Нападавшій доказывалъ, что хотя члены интернаціонала и честные люди, но утописты, и при этомъ читалъ цѣлую лекцію изъ исторіи соціальныхъ идей во Франціи.

— Toujours des utopies, des utopies, горячо воскликнулъ защищавшій, а я нахожу, что то, что́ дѣлается теперь, весь существующій порядокъ, это — утопія, да еще самая дурная, самая отвратительная утопія!

Публика разсмѣялась и стала расходиться. Общественное настроеніе сказывалось вездѣ и во всемъ: заходили ли вы въ какое-нибудь публичное собраніе, заходили ли вы въ судъ, въ театръ или другое увеселительное заведеніе. Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Парижѣ театры и нѣкоторыя увеселительныя заведенія стали мало по малу открываться, но лучше, кажется, было бы имъ и не открываться, такъ все въ нихъ было скучно и пустынно.

Вездѣ господствовала одна и та же мысль: нашествіе и необходимость возрожденія. Каждый день, разумѣется въ различныхъ частяхъ города, происходили réunions publiques; но сказать объ одномъ все равно, что сказать о всѣхъ, потому что и публика и рѣчи были вездѣ почти одинаковы. Съ особеннымъ интересомъ отправился я на одно изъ такихъ réunions publiques. Интересъ, собственно говоря, былъ двоякій. Во-первыхъ, интересъ возбуждаемый вообще тѣмъ, что зовется réunion publique, т.-е. чѣмъ-то особеннымъ, непривычнымъ, особенно привлекательнымъ, какъ привлекательны вообще для человѣка всѣ запрещенные плоды. Вкусить этого плода такъ сладко, такъ заманчиво, особенно когда знаешь, что вкусить его можно только какъ бы украдкой, тайкомъ, на чужой сторонѣ. Мнѣ кажется, что одни лицемѣрные люди могутъ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Затѣмъ, помимо этого интереса,—интересъ присутствовать на такомъ réunion publique въ данную минуту, въ минуту погрома страны. О чемъ станутъ бесѣдовать ораторы, что́ вызоветъ одобреніе, и что порицаніе? Народу было много. Зала полна. На очереди стоялъ вопросъ, какъ дѣйствовать, чтобы на будущее время лишить нѣмцевъ возможности втереться во французскую жизнь, во французскую торговлю, во французскія семьи, фабрики, заводы, магазины и т. п.

— Мы должны сдѣлать такъ, громко ораторствовалъ какой-то господинъ, чтобы мы не были болѣе обманываемы, чтобы не попадались въ западню, чтобы мы не раскрывали нашихъ объятій иностранцамъ, которые проникаютъ въ нашу промышленность, во всѣ наши дѣла, мало того, въ наши семьи, про-

никаютъ для чего? для того, чтобы дѣлаться шпіонами, и чернымъ предательствомъ благодарить насъ за наше глупое радушіе. Закроемъ для нѣмцевъ наши фабрики и заводы, наши конторы и магазины, будемъ отнынѣ опасаться ихъ какъ чумы, потому что у нихъ нѣтъ другой цѣли, какъ вывѣдывать, высматривать что̀ дѣлается у насъ, чтобы потомъ имѣть возможность болѣе успѣшно вредить намъ. Кто былъ для насъ самымъ свирѣпымъ врагомъ? именно тѣ, которые болѣе всѣхъ были обязаны намъ, которымъ мы открывали наши дома, которыхъ мы вводили въ наши семейства, отъ которыхъ у насъ не было секретовъ, не было тайнъ, съ которыми мы обращались лучше, чѣмъ съ своими согражданами. Пора положить этому конецъ. Мало той антипрусской лиги, которая устраивается теперь, той лиги, которая исключаетъ нѣмцевъ изъ всей нашей промышленной жизни, дадимъ себѣ обѣтъ избѣгать всякихъ соприкосновеній съ нѣмцами. Но этого мало, этимъ мы ничего не достигнемъ. Parmi nous il y aura toujours assez des lâchés, чтобы вступать съ ними въ дѣла, чтобы предпочитать собственную выгоду выгодѣ нашей родины. Мы должны преслѣдовать нашею ненавистью не только нѣмцевъ, но еще болѣе тѣхъ изъ насъ самихъ, которые будутъ заводить сношенія съ нашимъ врагомъ, который внесъ къ намъ смуты и разореніе. А! воскликнулъ ораторъ, —я не говорю, они были правы до тѣхъ поръ пока существовала имперія, вызвавшая ихъ на бой, но когда имперію смѣнила республика, когда мы предлагали, когда мы просили, чтобы война остановилась, когда мы хотѣли заплатить имъ за весь тотъ вредъ, который могъ быть имъ причиненъ, они не соглашались, они желали вызова имперіи и они воспользовались этимъ вызовомъ, чтобы ограбить и задушить насъ. Они достигли одной своей цѣли—они ограбили насъ, но они не достигли другой, они не могли задушить насъ, они не могли лишить насъ жизни. Мы живы, да, мы живы, и они узнаютъ это, потому что наступитъ и нашъ часъ, наступитъ часъ мести!

Громкія рукоплесканія и оглушительный крикъ: да, мы живы! былъ отвѣтомъ на эту восторженную патріотическую рѣчь.

Выступилъ другой ораторъ.

— Нужно много смѣлости, чтобы выходить въ настоящую минуту говорить передъ вами, началъ онъ. Но сознаніе нашего глубокаго паденія и вмѣстѣ горячая любовь къ нашей окровавленной и несчастной родинѣ заставляетъ меня бравировать ваше негодованіе. Да, негодуйте, но дайте мнѣ сказать вамъ, что я съ печалью, съ отчаяніемъ смотрѣлъ, какъ вы рукоплескали моему предшественнику. Чему вы рукоплескали? призыву къ мести

къ новой войнѣ. Неужели вамъ еще мало пролитой крови, неужели вамъ мало страданій? Я думалъ, что вы пресыщены кровью и звѣрствомъ, но вы ненасытны.

Легкій ропотъ и звуки: oh! oh! пробѣжали по залѣ.

— Дайте докончить мнѣ мою мысль, продолжалъ ораторъ. Я точно также утверждаю, что Франція жива еще, я вѣрю въ будущность моей дорогой родины; но пусть же, господа, это будущее будетъ велико и славно не войнами, не рѣзнею, не местью и ненавистью, пусть оно будетъ велико прочною свободой и теплою любовью ко всѣмъ народамъ и даже къ нашимъ врагамъ.

— Non! non! раздалось въ залѣ и только нѣсколько слабыхъ голосовъ: très bien! поддержали оратора.

— Наша любовь, продолжалъ ораторъ, обезоружитъ враждебные намъ народы, а наша свобода послужитъ наказаніемъ для враждебныхъ намъ деспотовъ. Пускай вашимъ девизомъ будетъ отнынѣ не ненависть и вражда, напишите на вашемъ знамени: «любовь и свобода». Свобода политическая, свобода соціальная!

Среди всеобщей тишины сошелъ ораторъ съ трибуны. Не слышно было одобренія, но не слышно было и порицанія.

— Кто это, спросилъ я.

Мнѣ назвали какую-то фамилію и при этомъ господинъ, пожимая плечами, прибавилъ: c'est un membre de l'Internationale! Чтобы быть справедливымъ нужно сказать, что первый ораторъ несравненно болѣе выражалъ собою мнѣніе большинства французовъ, нежели второй, да и странно было бы, еслибы оно было иначе. Когда нація только-что вышла изъ страшной войны, которая ее разорила, умалила ея значеніе и, главное, оторвала отъ нея два-три милліона французовъ съ двумя провинціями, тогда слишкомъ мудрено было бы требовать, чтобы страсть не затемняла разсудка, и чтобы ненависть не вытѣсняла любовь. Страшная ненависть—вотъ что чувствовалось и слышалось вездѣ, во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, во всѣхъ рѣчахъ и разговорахъ. Всѣ стѣны Парижа были заклеены однимъ объявленіемъ, одною афишкою, однимъ воззваніемъ, призывавшемъ всѣхъ французовъ приступить къ образовавшейся «Ligue antiprussienne». Эта антипрусская лига во всѣхъ городахъ Франціи имѣла своихъ представителей, которые старались объ ея распространеніи.

Каждый человѣкъ имѣлъ «свою идею» о средствахъ возрожденія Франціи и нѣкоторыя изъ этихъ «идей» не были лишены оригинальности. Вотъ, напр., «идея» прокурора французской республики о томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы

поднять нравственный уровень Франціи. Эта идея была по истинѣ прокурорская, и заключалась она въ томъ, чтобы почаще примѣнять смертную казнь. Я вошелъ какъ-то въ Cour d'assises. Судился какой-то человѣкъ за покушеніе на убійство. Быстро окончилось судебное слѣдствіе и судъ приступилъ къ преніямъ. Я, разумѣется, былъ далекъ отъ мысли, что буду присутствовать при политическомъ спорѣ о паденіи Франціи, о непріятельскомъ нашествіи и т. п., и о томъ, какъ помочь бѣдѣ. Каково же было мое удивленіе, когда прокуроръ началъ свою рѣчь съ того, что сталъ говорить о паденіи Франціи, о томъ, что пониженіе нравственнаго уровня французскаго общества привело къ чужеземному нашествію, къ страшному униженію видѣть ворота Парижа въ рукахъ враждебной арміи.

Невольно думалъ я о томъ, чтó изъ всего этого выйдетъ и куда онъ хочетъ привести несчастныхъ присяжныхъ.

— Какое же средство, воскликнулъ прокуроръ, поднять Францію изъ той грязной ямы, въ которую она упала, какое средство поднять нравственный уровень народа и предотвратить на будущее время возвращеніе всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя мы созерцаемъ въ настоящую минуту.

Ну, ну, какое же это такое средство, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ услышать.

— Средство это, продолжалъ прокуроръ, заключается въ томъ, чтобы вы заглушили въ себѣ безплодную, вредную жалость къ преступникамъ, чтобы вы карали преступленія со всею строгостью, и чтобы васъ не пугала болѣе смертная казнь, которой я прошу у васъ въ настоящую минуту.

О прокуроры! хотѣлось воскликнуть мнѣ, всѣ вы одинаковы, у всѣхъ васъ своя особая логика, вы открыли философскій камень, вы изобрѣли универсально исцѣляющее средство — строгость наказанія. Вы неисправимые утописты!

Политическій споръ становился интересенъ. Защитнику была дана богатая тема, которою онъ и воспользовался съ большимъ успѣхомъ.

— Да, Франція низко упала; да, общественный уровень низко опустился, отвѣчалъ онъ, если мы дозволили, чтобы врагъ проникъ въ сердце Франціи, если національное собраніе рѣшилось подписать такой унизительный миръ; но не путемъ смертной казни можно поднять Францію, не путемъ смертной казни можно снова сдѣлать ее передовою націею цѣлаго свѣта. Имперія съ избыткомъ казнила людей, и эта имперія погубила насъ, заключилъ защитникъ и опустился на свое мѣсто.

Наступила очередь предсѣдателя, который долженъ былъ

произнести присяжнымъ послѣднее напутственное слово. Мнѣ приходилось и прежде бывать во французскихъ судахъ, я зналъ ту недостойную для предсѣдателя роль обвинителя, которую играли всегда французскіе предсѣдатели судовъ, и потому приготовился выслушать горячее слово въ подмогу прокурору. Велико было мое удивленіе, когда я услышалъ отъ предсѣдателя такія слова:

— Вы выслушали прокурора, вы выслушали защиту. Нельзя не согласиться съ первымъ, что Франція находится на краю гибели, что мы должны напрячь всѣ наши силы, чтобы поднять ее изъ той пропасти, въ которую ее столкнули послѣднія событія. Всѣ мы должны понять, что только святымъ исполненіемъ нашего долга, упорнымъ трудомъ мы можемъ возвратить Франціи ея прежнее положеніе. Все это справедливо! Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ не согласиться, воскликнулъ онъ, съ тѣми благородными словами, съ которыми обратилась къ вамъ защита, какъ не согласиться, что не путемъ смертныхъ казней страна можетъ достигнуть своего возрожденія.

Я просто не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда предсѣдатель сталъ продолжать на эту тему, всѣми своими силами поддерживая защиту. Чтобы это случилось, во Франціи должна была произойти коренная перемѣна. Война приносила уже тѣ немногіе изъ своихъ добрыхъ плодовъ, которые находятся въ ея распоряженіи. Не одно зло сдѣлали нѣмцы Франціи, если они подѣйствовали на организмъ французскихъ предсѣдателей судовъ. Это засѣданіе суда еще болѣе убѣдило меня, что вопросъ политическій, политическая страсть до того поглотила собою всѣ остальные интересы общественной жизни, что достаточно одной искры, чтобы снова разбросать повсюду страшное пламя. Совершенно естественно и какъ нельзя болѣе понятно, чтобы въ дѣлахъ политическихъ, тогда когда вопросъ идетъ о такъ-называемыхъ политическихъ преступленіяхъ, чтобы въ этихъ случаяхъ судебныя пренія принимали характеръ политическихъ дебатовъ; странно было бы иначе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вина человѣка, обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, заключается только въ томъ, что его идеи, его убѣжденія расходятся съ идеями и убѣжденіями существующаго правительства. Республиканецъ, проповѣдующій горячо свои мысли въ государствѣ монархическомъ, есть преступникъ, но лишь только форма мѣняется, республика заступаетъ мѣсто монархіи, то этотъ преступникъ становится по преимуществу человѣкъ «порядка». Въ политическихъ преступленіяхъ все условно, все относительно, потому естественно, что и дебаты въ политическомъ процессѣ носятъ по преиму-

ществу политическій характеръ. Но когда по поводу самаго обыкновеннаго преступленія, какой-нибудь кражи или убійства ради корыстной цѣли, прокуроромъ, защитникомъ и предсѣдателемъ произносятся политическія рѣчи, тогда это доказываетъ одно, что политическая струна въ обществѣ натянута до послѣдней возможности и готова лопнуть каждую минуту.

Выходя изъ суда, гдѣ разбиралось самое обыкновенное убійство, мнѣ казалось, что я выходилъ изъ политическаго клуба.

Изъ суда отправимтесь прямо въ одно изъ увеселительныхъ заведеній Парижа, ну хоть въ театръ или какой-нибудь публичный балъ, напр., въ извѣстное парижское Casino, за неимѣніемъ другого, такъ какъ всѣ Мабили, Бюлье, Валентино были закрыты. Въ театрѣ, въ одномъ изъ самыхъ любимыхъ парижскихъ театровъ, именно Gymnase, даютъ Frou-Frou. Воскресенье, слѣдовательно театръ долженъ быть набитъ биткомъ. Вы входите и видите, что зала на половину пуста.

— Какъ у васъ мало сегодня народа, говоришь женщинѣ въ черномъ платьѣ, замѣняющей капельдинера.

— Mais pardon, monsieur, отвѣчаетъ она, сегодня у насъ много народа; войдите въ другіе открытые театры и вы увидите что тамъ совсѣмъ пусто.

На этомъ отвѣтѣ успокоиваешься. Въ театрѣ тишина. Актеры вяло играютъ, зрители вяло смотрятъ, аплодисментовъ вовсе не слышно. Но вотъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ произноситъ фразу, въ которой дѣлается французамъ упрекъ за легкомысліе; этого довольно, публика оживляется, начинаетъ лихорадочно рукоплескать, точно почувствовался какой-то зудъ въ рукахъ. Потомъ снова все смолкаетъ, опять та же вялость, та же тоска.

— Нѣтъ, невольно говоришь себѣ, не веселиться сошлись сюда эти люди, на умѣ у нихъ не веселье, не радость, а горе, печаль!

Самому становится грустно и выходишь изъ театра недовольный, что туда зашелъ.

Зайдемте теперь въ Casino. На афишѣ стоитъ огромными буквами: Bal! Но гдѣ же та шумная обычная толпа, которая наполняетъ огромныя залы; гдѣ тотъ смѣхъ, подчасъ естественный, подчасъ искусственный, который обыкновенно неумолкаетъ среди этой толпы; гдѣ тотъ цѣлый легіонъ женщинъ во всевозможныхъ нарядахъ красныхъ, желтыхъ, синихъ, созданныхъ нарочно фантазіею для того, чтобы привлекать къ себѣ вниманіе; гдѣ тѣ бѣшеные танцы, которые сначала поражаютъ, потомъ отталкиваютъ, гдѣ однимъ словомъ обычная, знакомая картина парижскаго публичнаго бала? По длинной зеркальной залѣ какъ

тѣни медленно двигаются нѣсколько человѣкъ, точно совѣсть ихъ мучаетъ, зачѣмъ пришли они въ этотъ домъ веселья, когда родина ихъ не успѣла залечить своихъ глубокихъ ранъ. Они не находятъ веселья. Оркестръ играетъ все тѣ же старыя веселыя вещи, тотъ же Штраусъ, тотъ же Оффенбахъ, но что за превращеніе—они потеряли свою веселость; смычки двигаются вяло, оркестръ разучился играть, и отъ всей этой веселой музыки вѣетъ необыкновенною тоскою. Женщины одѣты всѣ въ черномъ и ведутъ себя такъ чинно, такъ прилично, что вовсе потеряли свое отличительное свойство, свой особенный парижскій характеръ. Напрасно оркестръ порывается играть кадриль, вальсъ, никто не становится въ пары, никто не хочетъ кружиться.

— Уйдемте, уйдемте, ради Христа, отсюда, сказалъ мнѣ мой старый знакомый, вѣчно веселый студентъ Латинскаго квартала, если вы не хотите, чтобы я повѣсился. C'est idiot, произнесъ онъ, качая головою:—такъ повѣсить носы, и что они этимъ помогутъ! напротивъ, на душѣ невесело, ну такъ смѣйся, веселись!

— А если не хочется смѣяться и веселиться?

— Ну, такъ пусть принуждаютъ себя смѣяться и веселиться, или пусть убираются вонъ, а то вѣдь это какія-то похороны. Un joli bal, ma foi!

— Чего же вы-то не смѣетесь и не веселитесь?

— Потому что я бѣшусь, отвѣчалъ онъ, бранясь.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ довольно часто попадающихся французскихъ типовъ, которые ставятъ себѣ въ какой-то point d'honneur никогда не быть мрачнымъ, а напротивъ, вѣчно веселымъ, безпечнымъ, что вовсе не мѣшаетъ имъ ни глубоко чувствовать, ни искренно печалиться, сохраняя внѣшнюю веселость. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ отразилась перемѣна, происшедшая во Франціи, на этомъ мірѣ публичныхъ баловъ, на томъ несчастномъ слоѣ общества, который долженъ прибѣгать къ мелочной торговлѣ своимъ существомъ, чтобы подчасъ добывать себѣ роскошь, а подчасъ и просто кусокъ хлѣба.

Я высказалъ это моему пріятелю.

— Сдѣлайте одолженіе, не лицемѣрьте, отвѣчалъ онъ улыбаясь: вамъ просто хочется поближе взглянуть вонъ на ту молодую женщину, которая сидитъ въ углу печальная, но печальная вовсе не потому, пожалуйста не воображите, что la patrie est en danger, а просто потому, что вѣроятно завтра нечего ѣсть. Ну, будьте искренны и согласитесь со мною, что у васъ вовсе нѣтъ другой цѣли. Пойдемте, пойдемте, я отъ этого никогда не прочь,—и мы направились къ тому углу, гдѣ сидѣла молодая женщина.

Разговору было не трудно, разумѣется, завязаться, и разговоръ этотъ поразилъ меня однимъ—это своею искренностью и отсутствіемъ фальши.

— Ah, oui, nous ne sommes plus les mêmes, отвѣчала она на упрекъ моего пріятеля, зачѣмъ у нея такой печальный видъ.

И дѣйствительно у этого міра было такъ много причинъ измѣниться и перестать быть тѣмъ, чѣмъ былъ онъ прежде.

— Ma foi, говорила она, je n'ai pas le coeur à être gaie! и этимъ словамъ можно было смѣло вѣрить. Иностранцы, составлявшіе ихъ главный доходъ, исчезли; многія изъ нихъ, чтобы существовать, должны были приняться за непривычный трудъ, учиться работать; наконецъ, такъ многія изъ этого міра на себѣ испытали несчастія за послѣднее время: одна оплакивала любовника, другая брата, отца, и т. д. Все это вмѣстѣ взятое должно было отрезвительно подѣйствовать и на этотъ слой общества.

Конечно, многія принимали на себя печальный видъ изъ приличія, но развѣ ужъ и этого одного было мало; другія же имѣли серьезныя причины быть печальными.

— Зачѣмъ же вы пришли сюда?

— Нужно же куда-нибудь дѣваться, я и пришла; только кажется, лучше было бы, еслибы и не приходила.

Она разговорилась; стала разсказывать о времени осады, о всѣхъ страданіяхъ, которыя испытала она, и разсказъ этотъ носилъ на себѣ печать особенной оригинальности.

— А! говорила она, пока у меня было нѣсколько денегъ, я ничего не замѣчала, cela m'amusait même; но потомъ, когда деньги всѣ вышли, другихъ достать было неоткуда, о да, тогда я страдала и стала ненавидѣть нѣмцевъ, правительство и всѣхъ тѣхъ, которые не шли драться. Я просто измучилась и хотѣла даже умереть. Только за обѣдъ, завтракъ, даже за кусокъ хлѣба, который бы мнѣ далъ первый попавшійся, я готова была бы.... Она остановилась, и мы слишкомъ хорошо поняли, что она хотѣла сказать!!!

Что удивительнаго, что среди этихъ женщинъ встрѣчались потомъ такія, которыя, доведенныя до отчаянія страданіями, нищетою, возбужденныя смертью своихъ близкихъ, своихъ любовниковъ, не помня себя, съ разбросанными волосами, съ разодранными платьями, въ рубищахъ, почти голыя, шли и разносили повсюду пламя, наслаждаясь пожарищемъ, истребленіемъ. Быть можетъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ пробуждалось сознаніе ихъ глубокаго паденія, но при невозможности подняться, ими овладѣвала одна страсть, страсть мести, разрушенія! Многія изъ

этихъ несчастныхъ имѣли право напомнить своимъ судьямъ слова Христа, слишкомъ извѣстныя, чтобы ихъ приводить.

Переворотъ, вызванный войной съ нѣмцами, подѣйствовалъ на всѣ классы, на всѣ слои общества, за исключеніемъ того меньшинства, которое никогда ничему не можетъ научиться и никогда не можетъ ничего позабыть. Натянутое до послѣдней возможности настроеніе Парижа постоянно возбуждалось, съ одной стороны, ненавистью къ нѣмцамъ, съ другой ненавистью и презрѣніемъ къ тѣмъ людямъ, къ тому національному собранію, которое узурпировало учредительную власть. Если это натянутое, возбужденное настроеніе Парижа чувствовалось вездѣ, на каждомъ шагу, съ кѣмъ бы вы ни заговорили, куда бы вы ни вошли, то что болѣе естественнаго какъ то, что это возбужденное настроеніе съ особою силою отзывалось на журналистикѣ.

Парижская журналистика въ первые дни послѣ заключенія мира представляла собою чрезвычайно характерное явленіе. Газетъ, журналовъ, листковъ цѣлая тьма, но только немногіе изъ этой тьмы были популярны, читались всѣми, друзьями и недругами, и среднимъ сословіемъ и рабочимъ населеніемъ. Газеты, пользовавшіяся такою популярностью принадлежали по преимуществу къ крайнимъ мнѣніямъ; эти газеты были: «Le mot d'ordre», органъ Рошфора, «le Vengeur», органъ Феликса Піà, «le Cri du peuple»—Жюля Валлеса, и наконецъ «le Rappel», вдохновляемый Викторомъ Гюго и редактируемый его сыномъ. Газеты старыя, журналы существовавшіе во времена имперіи, какъ-то стерлись, померкли и потеряли свое вліяніе. «Siècle», «Temps», «Avenir National» уступили мѣсто «Rappel'ю», «Mot d'ordre», «Vengeur'у». Когда вся общественная жизнь находится въ состояніи крайняго возбужденія, тогда, естественно только тѣ органы и могутъ имѣть успѣхъ, которые, слѣдуя общему теченію, выражаютъ собою и поддерживаютъ это возбужденіе. Органы умѣренные, органы «золотой середины» всецѣло господствуютъ только тогда, когда общество находится въ состояніи затишья, невозмутимаго спокойствія.

Эти органы «золотой середины» старались всѣми силами поддерживать правительство Тьера, какъ существующее уже: одни, съ оттѣнкомъ болѣе республиканскимъ, въ тайной надеждѣ, что онъ установитъ добрую буржуазную республику, другіе, съ монархической окраской, уповая на то, что, убѣдившись въ невозможности надолго сохранить за собою званіе президента республики, онъ устроитъ дѣла такъ, что республика незамѣтно, безъ особеннаго переворота, превратится въ монархію. Но рядомъ съ этими умѣренными органами, въ данную минуту потерявшими

всякое вліяніе, по одну сторону стояли журналы чисто реакціоннаго свойства: одни, открыто поддерживавшіе бѣлое знамя съ Генрихомъ V, другіе проповѣдывавшіе, что разбитая бурями Франція должна искать себѣ тихаго пристанища въ твердой, но просвѣщенной и подлаженной къ требованіямъ жизни, монархической власти какого-нибудь достойнаго человѣка; и одни имѣли при этомъ въ виду кого-нибудь изъ Орлеанскихъ принцевъ, другіе же, не смѣя произносить имени Бонапарта, прикрывали до поры, до времени, это завѣтное имя довольно прозрачною, впрочемъ, вуалью. Да, были и такіе журналы, были они въ ту самую минуту, когда съ особенною силою чувствовалось все то непоправимое зло, которое причинила Франціи вторая имперія. Нужно ли этому удивляться? Удивляться этому значитъ удивляться тому, что подлость еще не покинула міра и что продажные и подлые писатели не перевелись въ журналистикѣ. Подобные писатели есть въ любой прессѣ любой страны; есть они во Франціи, конечно, какъ существуютъ они и въ Германіи, какъ процвѣтаютъ они и вездѣ. Да и какъ, спрашивается, имъ не быть, когда такіе журналисты всячески покровительствуются въ то самое время, когда честные всячески преслѣдуются. Удивляться, собственно говоря, слѣдуетъ не тому, что при извѣстныхъ условіяхъ есть подлые журналисты, удивляться, наоборотъ, слѣдуетъ другому, что не перевелись еще всѣ честные. Подлость заманчива и часто она увлекаетъ людей, которые при большей твердости, при большемъ характерѣ могли бы всю жизнь остаться честными писателями. Но искушеніе велико: съ одной стороны полное спокойствіе и всѣ выгоды матеріальныя, съ другой постоянная тревога, преслѣдованія, и человѣкъ мало по малу, самъ того не замѣчая, скользитъ и падаетъ наконецъ въ помойную яму. Много такихъ писателей было во времена имперіи; имперія, правда, исчезла, но не исчезли ея деньги, которыя по прежнему поступали въ карманы журналистовъ. Слѣдовательно, причины отрекаться отъ своихъ старыхъ привязанностей имъ не было, и если они не заявляли громко своей приверженности, то только потому, что не хватало смѣлости. Такіе писатели всегда трусливы и боязливы какъ зайцы.

По другую сторону органовъ «золотой середины» стояли журналы крайней, органы радикальной партіи, которые вели отчаянную борьбу съ правительствомъ, несмотря на то, что оно громко именовало себя республиканскимъ.

— Намъ нужно дѣло, а не слова, мы пресыщены фразами о свободѣ до того, что самое это слово сдѣлалось для насъ

подозрительнымъ; мы васъ знаемъ, говорили они людямъ, составлявшимъ правительство, мы знаемъ, какіе вы республиканцы; всѣ вы думаете только о томъ, какъ бы задушить республиканцевъ, потому что никого, никакихъ бонапартистовъ даже вы не ненавидите такъ сильно, какъ ненавидите честныхъ республиканцевъ. Перестаньте играть комедію, сбросьте маску, кричали они, и ведите открытую игру, а не передергивайте картъ. Насъ, республиканцевъ, вы ненавидите больше даже, чѣмъ нашихъ враговъ, и если вы могли бы, вы охотно бы отдали насъ на съѣденіе пруссакамъ. Прогоните ихъ прочь, обращались они къ народу, и возьмите власть въ ваши руки, иначе они снова поработятъ васъ и еще разъ, и быть можетъ, окончательно погубятъ. Народъ! остерегайся одинаково заступниковъ Генриха V, сторонниковъ Орлеановъ, лакеевъ Бонапарта, однимъ словомъ, всѣхъ монархистовъ, но еще болѣе опасайся всѣхъ прикидывающихся, притворныхъ республиканцевъ, не попадай въ ихъ сѣти, потому что это сѣти того же порядка, основаннаго на лжи и произволѣ. Не попадайся въ эти сѣти, потому что попасться въ нихъ означало бы для тебя снова добровольно заковать себя въ цѣпи политическаго и соціальнаго рабства, это значило бы еще разъ уничтожить своими руками работу 1789, 1830, 1848, 1870 гг. Вотъ въ сущности эссенція того, что говорилось радикальною прессою, говорилось при всякомъ удобномъ случаѣ, вотъ что проповѣдывалось ею съ необыкновенною горячностью, съ большою живостью, остроуміемъ и нерѣдко истиннымъ талантомъ. У этихъ органовъ не было достаточно насмѣшки надъ «деревенскимъ» національнымъ собраніемъ, не хватало презрѣнія къ Тьеру, Фавру, Пикару, Трошю и остальнымъ людямъ той же категоріи. Они казнили своихъ враговъ, враговъ республики, своимъ словомъ, казнили нравственно, въ ожиданіи пока эти враги не казнятъ ихъ самихъ гильотиною, казнятъ физически. Осязательное доказательство тому, что именно это направленіе отвѣчало настроенію массы населенія, можно видѣть въ томъ неимовѣрномъ количествѣ многихъ газетъ, журнальчиковъ, ежедневныхъ, еженедѣльныхъ изданій, иллюстрацій, каррикатурныхъ листковъ, которые издавались въ Парижѣ и находили себѣ сбытъ по преимуществу въ рабочихъ кварталахъ.

Многія изъ этихъ изданій по своему внѣшнему виду, по языку, по пріемамъ поражали своимъ анахронизмомъ. Этотъ видъ, языкъ, пріемы, они заимствовали изъ времени великой революціи, и какъ всякое подражаніе, такъ и это, было несравненно слабѣе и производило довольно непріятное впечатлѣніе. Не говоря о названіяхъ, заимствованныхъ изъ отдаленнаго времени, какъ-то

«La Grande Motion du père Duchêne», «la Carmagnole», «la Bouche de fer», многіе изъ этихъ журналовъ, какъ, напр., «Père Duchêne» подражали въ самой манерѣ писанія, но это подражаніе ограничивалось, по преимуществу, частымъ употребленіемъ словъ, которымъ вовсе не мѣсто въ печати. Всѣ эти журналы лѣтосчисленіе вели съ французской революціи и календаремъ ихъ былъ календарь революціи. Въ своихъ заголовкахъ они не ставили, напр., 8-е февраля 1871, а печатали: 20 Pluviose an 79, или 8-е марта, а непремѣнно 17 Ventôse an 79.

Подобныя черты могутъ, до извѣстной степени, показаться ребяческими, но онѣ оправдываются тѣмъ, что внѣшнія отличія особенно поражаютъ народъ и какъ бы прямо говорятъ, прежде чѣмъ становится извѣстно содержаніе журнала, что такой-то журналъ принадлежитъ къ органамъ радикальнымъ.

Радикальная пресса употребляла всѣ свои усилія, чтобы народъ не обманывался насчетъ намѣреній національнаго собранія и тѣхъ людей, которые стояли во главѣ правительства; она неустанно заботилась о томъ, чтобы не дать задремать народу и поддерживать его возбужденное состояніе.

— Только тогда, говорили они, когда народъ не станетъ дремать, только тогда, когда онъ безсмѣнно будетъ стоять на стражѣ республики, только тогда республика, быть можетъ, не будетъ задушена.

— Но излишнее возбужденіе можетъ тоже оказаться фатальнымъ!

— Неправда, говорили люди, принадлежавшіе къ этой прессѣ, бѣда Франціи заключалась всегда въ томъ, что послѣ моментальной вспышки народъ терялъ энергію, опускалъ руки, засыпалъ на время, а враги его пользовались этимъ сномъ, чтобы связать его по рукамъ и по ногамъ. Пускай же лучше, до тѣхъ поръ, пока республика не утвердится, пускай народъ будетъ въ возбужденномъ состояніи. Излишекъ возбужденія не вредитъ, между тѣмъ, какъ недостатокъ его чистое бѣдствіе для Франціи.

И вотъ, чтобы держать этотъ народъ въ возбужденномъ состояніи, радикальная пресса не переставала кричать что̀ есть силъ: народъ! будь на сторожѣ, тебя обманываютъ, ты окруженъ врагами!

На подмогу слову являлись каррикатурные листки, которые давали народу живые образы его страданій, его бѣдствій, его враговъ. Если иныя каррикатуры и надписи къ нимъ были не изящны и не остроумны, за то другія не могли не поражать и не затрогивать самыхъ больныхъ мѣстъ глубокихъ ранъ. Во всѣхъ каррикатурахъ, во всѣхъ иллюстраціяхъ, что̀ бросалось

больше всего въ глаза, это самобичеваніе, насмѣшка надъ Францією, надъ французами, насмѣшка такая злая, какой не придумалъ бы никакой нѣмецъ. Сегодня появился номеръ съ мастерскимъ рисункомъ, на которомъ изображалась Вандомская колонна, и къ ней прикована Францiя въ образѣ женщины, скрученной цѣпями, и внизу надпись:

Ah! qu'on est fier d'être Francais,
Quand on regarde la colonne!

Въ другой разъ, окрестности Парижа разоренныя, истребленныя, и по нимъ мчится конь съ двумя сѣдоками: одинъ изъ нихъ изображаетъ Вильгельма, другой смерть съ страшнымъ мечемъ истребленія въ рукахъ, и подъ этимъ стихи, гдѣ Франція изображается слабою, ничтожною, которую можно безнаказанно грабить и разорять.

Однимъ словомъ, во всемъ и вездѣ радикальная журналистика дышала ненавистью, ненавистью непримиримою къ двумъ врагамъ: внѣшнему, наполнившему Францію развалинами и грудою труповъ, и внутреннему, желающему покорить послѣднюю надежду на будущее, послѣднее достояніе измученнаго народа — свободу. Пресса не создавала, конечно, этой ненависти, вся ея роль заключалась въ томъ, что она поддерживала эту ненависть, которою и безъ того воодушевлено было парижское населеніе и по преимуществу рабочіе классы.

Поддерживать эту ненависть было не нужно, потому что и пруссаки и національное собраніе дѣлали все, чтобы не дать ей уснуть. Пруссаки — своимъ присутствіемъ и поведеніемъ вблизи Парижа, а національное собраніе и вышедшее изъ него правительство — своими необдуманными и дикими мѣрами.

Для того, чтобы понять, что должны были чувствовать парижане къ нѣмцамъ, нужно было видѣть ихъ въ Сенъ-Дени или Сенъ-Клу.

Я отправился туда съ однимъ французомъ, человѣкомъ молодымъ, горячимъ, которому хорошо были извѣстны всѣ эти мѣста, вокругъ которыхъ приходилось драться нѣсколько разъ съ непріятелемъ.

Мы усѣлись на имперіалъ одного изъ вагоновъ, чтобы лучше видѣть окрестности и тѣ форты, около которыхъ проходитъ желѣзная дорога. Говорить о томъ, что представляла собою дорога отъ gare St. Lazar до Сенъ-Клу, разсказывать вамъ о картинѣ всеобщаго разрушенія, о взорванныхъ мостахъ, о развалившихся домахъ, о запустѣлыхъ садахъ, когда-то богатыхъ деревьями, теперь вырубленныхъ, говорить обо всемъ этомъ, значило б

только повторять то, о чемъ мнѣ приходилось уже говорить. Не знаю, что должны были испытывать французы при видѣ этого отвратительнаго опустошенія, но я знаю, какъ больно было мнѣ, чужому, проѣзжать по всѣмъ тѣмъ хорошо знакомымъ мѣстамъ, гдѣ много разъ случалось проводить цѣлые дни въ пріятельскомъ кругу, по тѣмъ мѣстамъ, которыя такъ недавно были полны жизни и которыя теперь только своими нѣмыми развалинами говорили, что здѣсь когда-то жили люди. Какою кровавою эпопеею обогатилась бы исторія, если бы эти развалины могли передать все то, чему они были свидѣтелями.

Всю дорогу до Сенъ-Клу, со всѣхъ сторонъ, только и слышались восклицанія:

— Regardez moi ça!

— Mais c'est incroyable!

— Oh! là, là!

— Ah! grand Dieu! И все въ этомъ родѣ. Что̀ было злобы, бѣшенства, негодованія, отчаянія во всѣхъ подобныхъ восклицаніяхъ, я не съумѣю вамъ передать. Разговоръ не вязался, люди могли выражать свои чувства одними звуками, отдѣльными словами, проклятіями.

— Вотъ тамъ дрались! вотъ здѣсь дрались! говорили мнѣ, указывая на различные пункты, въ направленіи Монтрету, Шампиньи и т. д.

Издали показали мнѣ фортъ Issy, и въ бинокль были отчетливо видны сгорѣвшія казармы и полуразрушенныя укрѣпленія.

Десятки разъ приходилось ѣздить по этой дорогѣ, но на все то, на что̀ теперь смотрѣли съ такою жадностью, прежде не обращали никакого вниманія. Мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу это грозное укрѣпленіе, которое зовется Монъ-Валерьенъ, на которое всѣ смотрѣли теперь съ такимъ любопытствомъ.

— Il fallait un Trochu pour le rendre! вырвалось у какого-то блузника, когда мы проходили мимо Монъ-Валерьена.

— C'etait son plan à lui! отвѣчалъ другой, и всѣ засмѣялись тѣмъ смѣхомъ, который такъ тяжело слышать.

И какъ могли они смѣяться иначе, когда многіе изъ тѣхъ, которые ѣхали теперь вмѣстѣ съ нами, ѣхали отыскивать въ различныхъ деревняхъ свои жилища, свои дома, вмѣсто которыхъ тамъ многіе находили однѣ груды развалинъ, и лишь самые счастливые находили свои дома не разрушенными, а только опустошенными.

— Все, что̀ вы ни видите, все это ничто по сравненію съ

тѣмъ, что вы увидите здѣсь, сказалъ какой-то господинъ, когда мы останавливались передъ небольшой горой, это Сенъ-Клу.

— Ну ужъ лучше быть не можетъ, сказалъ кто-то.

— Vous allez voir!

И въ самомъ дѣлѣ онъ не обманывалъ. То, чтó мы увидѣли, превосходило все видѣнное до сихъ поръ. Сенъ-Клу, цѣлый городъ, и городъ довольно большой, болѣе не существовалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Нужно было пройти по длинной улицѣ, чтобы приблизиться къ зàмку, развалины котораго «красовались» издали. Но какъ пройти по этой улицѣ? Вся она была загромождена грудами камней, обвалившихся стѣнъ. Идти по этой улицѣ значило подвергаться нѣкоторой опасности, потому что нога постоянно проваливалась въ кучи мусора, камней, однимъ словомъ того, что осталось отъ двухъ стройныхъ рядовъ домовъ этой улицы. Каждую минуту падали обломки стѣнъ, такъ что всѣ спѣшили какъ можно скорѣе выбраться изъ этихъ развалинъ. Вмѣсто домовъ стояли теперь полуразвалившіяся стѣны, и не подумайте, что я преувеличиваю, когда я скажу вамъ, что на всей этой улицѣ не осталось не только ни одного цѣлаго дома, но ни одной хорошо сохранившейся стѣны. Я не стану говорить, чтó за вздохи, чтó за восклицанія раздавались на этихъ развалинахъ. Вы живо себѣ можете представить, чтó при подобной картинѣ должны были чувствовать французы.

— Но не весь же городъ превращенъ въ пепелище, съ какимъ-то отчаяніемъ спрашивали различные голоса.

— Весь, весь, они ничего не оставили, все сожгли.

Мы шли дальше, и дальше все то же, вездѣ однѣ развалины, вездѣ однѣ груды камней. Если безмолвны были эти развлины, за то не безмолвны были тѣ люди которые какъ тѣни блуждали по пепелищу своихъ жилищъ, не зная теперь куда преклонить свою голову.

— У меня былъ свой домъ, свое хозяйство, съ плачемъ разсказывала одна женщина небольшой группѣ людей, собравшихся вокругъ нея, а теперь я должна спать на улицѣ и ходить собирать милостыню. Эти разбойники все жгли, они приходили съ факелами и поджигали одинъ домъ за другимъ, послѣ сраженія при Монтрету. И я не одна такъ, всѣ разорены; они грабили, жгли, разрушали, у нихъ не было никакой жалости ни къ женщинамъ, ни къ дѣтямъ; они были какъ дикіе, разсвирѣпѣвшіе звѣри, и я не могу до сихъ поръ забыть того смѣха, которымъ они разражались, когда поджигали наши дома. Имъ доставляло удовольствіе видѣть страшное пожарище; ахъ! это настоящіе разбойники. Богъ ихъ накажетъ! Такія преступленія не прохо-

дать даромъ! воскликнула она, и никто разумѣется не имѣлъ достаточно жестокости, чтобы разубѣждать ее въ этой вѣрѣ въ высшую справедливость.

— Скажите, спрашивалъ я у одного старожила Сенъ-Клу, чтó такое она разсказываетъ о томъ, что пруссаки поджигали дома; развѣ не французскія бомбы французскаго Монъ-Валерьена сожгли Сенъ-Клу?

— Многіе такъ думаютъ, отвѣчалъ онъ, но это ошибка, которыхъ такъ много теперь. Французскія бомбы сожгли только зáмокъ Сенъ-Клу, стоящій на возвышеніи, самый же городъ былъ сожженъ пруссаками. Вотъ, видите ли, разсказывалъ онъ, послѣ дѣла при Монтрету пруссаки вообразили себѣ, что наши одержали побѣду и приближаются къ Сенъ-Клу; тогда они объявили жителямъ, чтобы они выбирались изъ домовъ, и дали срока три часа времени. Мэръ просилъ дать хоть шесть часовъ, но нѣтъ, не дали. Какъ прошло три часа, они и стали поджигать дома, и всѣ сожгли, только, вотъ видите, церковь одну оставили, да еще два дома пощадили, а то какъ видите!

Нѣмецкое благочестіе дѣйствительно пощадило церковь, изъ боязни разумѣется, что Провидѣніе перестанетъ оказывать помощь славному нѣмецкому воинству съ его славнымъ вождемъ. Бѣдное благочестіе! какъ зло надъ тобою смѣются твои вѣрные слуги! Выгнать женщинъ, дѣтей, сжечь ихъ дома, всюду разнести грабежъ, разрушеніе, смерть, все ничего,—за спасеніе зданія церкви отпущены будутъ всѣ прегрѣшенія.

Если съ чѣмъ-нибудь можно было сравнить Сенъ-Клу, то развѣ только съ Помпеей, съ тою только разницею, что отрытая Помпея сохранилась несравненно лучше, нежели сохранился Сенъ-Клу. Въ Помпеи вы видите цѣльныя стѣны, находите комнаты, въ Помпеи вы встрѣчаете ряды домовъ, между тѣмъ какъ въ Сенъ-Клу вы съ трудомъ можете представить себѣ, что тутъ были улицы, дома. Впечатлѣніе невыносимо тяжелое, и если можно было на минуту забыть все то горе, всѣ тѣ страданія, которыя связаны съ этими развалинами, то только тогда, когда вы смотрѣли на изумительно красивыя развалины гордо возвышавшагося зáмка. Видъ этихъ развалинъ поражалъ своею необыкновенною грандіозностью, и вы не могли бы не придти въ восхищеніе, еслибы, взобравшись по грудѣ камней въ первый этажъ экс-дворца, въ остатки того, что такъ недавно представляло собою, должно быть, великолѣпную залу, вы взглянули на разстилавшійся предъ вами видъ Парижа. Болѣе роскошныхъ развалинъ мнѣ не приходилось видѣть и развалинами этими тѣмъ простительнѣе было любоваться, что онѣ не вызывали въ

васъ нисколько сожалѣнія, никакихъ хорошихъ воспоминаній. Кромѣ зла, разврата и преступленій отсюда ничего не выходило, ничто дорогое въ жизни народа не было связано съ этимъ зàмкомъ, жалѣть его слѣдовательно было нечего, а напротивъ, погибъ зàмокъ—тѣмъ лучше, нѣсколькими дурными воспоминаніями меньше, и только! Авось новаго зàмка, для какого-нибудь новаго Наполеона, народъ догадается не построить. Пробродивъ нѣсколько времени по развалинамъ зàмка, по парку, въ которомъ вы на каждомъ шагу встрѣчали поломанныя деревья, статуи, съ отколотыми носами, руками, ногами и т. д., осколки бомбъ, зеркалъ, мрамора, золоченаго дерева какой-нибудь мебели, мы отправились назадъ, желая поскорѣй возвратиться въ Парижъ. Поѣздъ не шелъ, нужно было ждать и мы по-неволѣ снова стали странствовать по грудамъ камней. Мнѣ кажется, что эти развалины на-половину не производили бы такого тяжелаго впечатлѣнія, еслибы теперь, тутъ же съ французами, не разгуливали нѣмецкіе солдаты, всегда попарно, грубо разглядывая публику, дѣлая грубыя замѣчанія и испуская изъ себя наглый хохотъ, который такъ не вязался съ общею картиною. Быть можетъ всѣ побѣдители таковы, быть можетъ побѣда одуряетъ, деморализируетъ и лишаетъ человѣчности, но въ такомъ случаѣ всѣ побѣдители, кто бы ни были они, заслуживаютъ, чтобы къ нимъ относились съ ненавистью, съ презрѣніемъ.

Мой спутникъ и я, мы стояли въ небольшой группѣ и слушали разсказъ одного старика, который не щадилъ выраженій, чтобы передать то, что онъ чувствовалъ къ нѣмцамъ, онъ, который въ шестьдесятъ пять лѣтъ былъ выброшенъ на улицу, потерявъ двухъ своихъ сыновей. Къ нашей группѣ подошли нѣсколько человѣкъ нѣмецкихъ солдатъ; одинъ изъ нихъ, любуясь разрушеніемъ, громко расхохотался и сказалъ съ своею солдатскою удалью:

— Не попроси вы мира, мы бы вамъ всѣ ваши города искрошили!

— Что онъ говоритъ, спросилъ мой спутникъ, не понимая по-нѣмецки.

Я имѣлъ неосторожность перевести. Лицо его вдругъ передернуло, губы задрожали и онъ быстро отошелъ въ сторону отъ группы. Я послѣдовалъ за нимъ. Онъ остановился у какого-то забора, тупо смотря вдаль, на Парижъ; онъ былъ блѣденъ какъ смерть и слезы градомъ падали у него изъ глазъ.

— Говорите, что хотите, сказалъ онъ мнѣ черезъ двѣ-три минуты, что это малодушіе, да, но я не въ силахъ просто сдер-

жать себя. Я чувствую такую страшную злобу, такую бѣшеную ненависть, что, клянусь вамъ, и это не фраза, я завидую тѣмъ, кто были убиты. Что мы такое, и что у насъ въ будущемъ? Теперь мы разбиты, на каждомъ шагу мы должны испытывать оскорбленія, Франція на-половину разорена, разграблена, сотни тысячъ погибли въ бою, въ болѣзняхъ и голодѣ, и хотя бы все это научило насъ цѣнить свободу, хотя бы все это научило насъ презирать подлыхъ людей, которые захватываютъ власть, чтобы эксплуатировать этотъ несчастный и глупый народъ. О нѣтъ, ничего этого нѣтъ. Я уже вижу ту минуту, когда наша жалкая республика превратится въ еще болѣе жалкую монархію, и вся эта презрѣнная стая людей, которые стоятъ теперь во главѣ Франціи, подготовитъ реставрацію какого-нибудь Бонапарта или Орлеана. Клянусь вамъ, что есть минуты, когда я серьезно думаю, что правы тѣ, которые говорятъ, что Франція отжила свое время, что она умираетъ, que nous sommes un peuple pourri, un peuple de la décadence, воскликнулъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось истинное отчаяніе.

Я молчалъ и ни слова не отвѣчалъ, слишкомъ хорошо понимая то чувство, которое заставляло его говорить такъ, слишкомъ глубоко уважая ту патріотическую печаль, которая такъ неудержимо вырывалась наружу.

— Развѣ не ужасно видѣть всѣ эти развалины, развѣ не страшно видѣть этихъ несчастныхъ, которые все потеряли и къ ихъ горю не потеряли одного, это—ихъ жизнь, которая будетъ имъ только въ тягость. Развѣ можно безъ бѣшенства слышать, какъ эти люди смѣются. О! я увѣряю васъ, я ихъ глубоко ненавижу, я радъ былъ бы причинить имъ всевозможное зло, но, клянусь вамъ, что если мы когда-нибудь будемъ побѣдителями, мы не въ состояніи будемъ дѣлать въ Германіи все то, всѣ тѣ звѣрства, которыя они дѣлали во Франціи; да еслибъ и могли, то я бы не хотѣлъ, чтобы мы дѣйствовали какъ они, потому что это противно человѣческой натурѣ, это возмущаетъ, это заставляетъ отчаяваться въ возможности другого порядка на землѣ. Только теперь, продолжалъ онъ нѣсколько спокойнѣе, я чувствую, что родина, патріотизмъ, это не пустыя слова, если они вызываютъ у меня слезы, у меня, который воображалъ себя космополитомъ. Никогда я не думалъ, что я, членъ интернаціонала, могу такъ сильно любить мою страну и такъ сильно ненавидѣть другую.

Тотъ, который говорилъ такимъ образомъ, не долго долженъ былъ завидовать тѣмъ, которые погибли во время войны. Два мѣсяца спустя онъ погибъ то же въ бою, но погибъ не отъ нѣ-

мецкой пули, а отъ своей, отъ французской. Захваченный съ оружіемъ въ рукахъ на одной изъ баррикадъ, онъ былъ разстрѣлянъ въ тѣ дни, когда версальскія войска, воодушевляемые Тьеромъ, поражали міръ своею жестокостью, своимъ звѣрствомъ, которое не знало себѣ равного. Это былъ юноша двадцати шести лѣтъ, пылкій, страстный, горячо любившій свою родину и незнавшій другихъ, болѣе мучительныхъ страданій, чѣмъ страданія этой родины. Преслѣдуемый второю имперіею, какъ одинъ изъ главныхъ членовъ французской секціи интернаціонала, онъ, послѣ ея паденія, выказалъ большую энергію во время осады и на выборахъ въ національное собраніе получилъ болѣе шестидесяти тысячъ голосовъ. Неизбранный въ депутаты, онъ два мѣсяца спустя, когда Парижъ, защищая свои вольности и вмѣстѣ съ ними существованіе самой республики, возсталъ противъ «деревенскаго» національнаго собранія, онъ былъ избранъ въ члены коммуны.

Мы дождались наконецъ поѣзда и отправились въ Парижъ. На обратномъ пути только и было разговора, что о Сенъ-Клу, всѣ передавали свои впечатлѣнія и всѣ они были совершенно тождественны.

— А! говорилъ одинъ, еслибы движеніе 31-го октября удалось, если бы мы сбросили Трошю и учредили коммуну, тогда быть можетъ мы не смотрѣли бы на такое печальное зрѣлище.

Нужно сказать, что мнѣ приходилось говорить весьма много о парижскомъ движеніи 31-го октября, когда парижане, выведенные изъ терпѣнія неудачами и медлительностью Трошю и всѣхъ остальныхъ членовъ правительства народной обороны, требовали ихъ удаленія и замѣны новымъ правительствомъ посредствомъ коммунальныхъ выборовъ. Конечно, мнѣ приходилось слышать мнѣнія такихъ людей, которые не находили достаточно рѣзкихъ выраженій, чтобы клеймить это движеніе, но за то я слышалъ мнѣнія и многихъ другихъ лицъ, которыхъ невозможно было заподозрить въ особенномъ пристрастіи къ чисто-народному, избранному правительству, и которые все-таки говорили, что они вполнѣ убѣждены, что имѣй успѣхъ октябрьское движеніе, событія могли получить вовсе иной оборотъ.

— Я небольшой поклонникъ такъ - называемыхъ народныхъ правительствъ, что по моему означаетъ отсутствіе правительства и только страшный хаосъ и безпорядокъ, говорилъ мнѣ одинъ легитимистскій полковникъ, служившій въ парижской garde mobile; но я долженъ сказать, что какъ я ни не люблю тѣхъ людей, которые захватили бы власть въ свои руки, но я думаю, что эти люди не довели бы до подобной развязки. У нихъ бы-

ло бы больше смѣлости, отваги, а именно этого и не хватало правительству народной обороны. А въ такія минуты, какія переживали мы, если что-нибудь можетъ спасти, то только отвага, энергія.

Другія окрестности Парижа, по сравненію съ Сенъ-Клу, находились въ цвѣтущемъ состояніи, но со стороны нравственной присутствіе пруссаковъ во всѣхъ этихъ окрестностяхъ дѣйствовало на парижанъ необыкновенно тяжело и съ каждымъ днемъ увеличивало ихъ ненависть. Въ Сенъ-Дени, то же значительно пострадавшемъ, было большое число нѣмецкихъ войскъ, которыя расположились здѣсь какъ дома. Жители были прогнаны изъ ихъ домовъ, въ этихъ домахъ размѣщены были непріятельскіе солдаты и на двери каждаго дома вы могли видѣть надпись: здѣсь стоитъ столько-то человѣкъ, такой-то роты, такого-то полка. Они распоряжались разумѣется совершенно произвольно ихъ лошадьми, коровами, экипажами, всѣмъ, что попадалось; съ громкими криками, пѣснями и смѣхомъ, они катались по городу, держа жителей въ какомъ-то оцѣпенѣніи, страхѣ. Эти собирались кучками и съ невыразимою ненавистью смотрѣли на своихъ побѣдителей.

Если такое близкое присутствіе пруссаковъ питало ненависть парижанъ и постоянно усиливало ихъ раздраженіе и злобу, то, съ своей стороны, французское правительство, національное собраніе не только ничего не предпринимало такого, чтобы нѣсколько успокоить измученный и осадой и неожиданной капитуляціей и унизительнымъ миромъ городъ, но употребляло всѣ усилія, изобрѣтало всевозможныя мѣры, чтобы довести это раздраженіе, эту злобу до ихъ апогея. Едва ли ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что разсчетъ правительства былъ тотъ, чтобы вызвать революцію, задушить Парижъ и затѣмъ спокойно водворить какой угодно порядокъ. Революція была вызвана, но достигнута ли была предполагаемая цѣль, это вопросъ, который разрѣшитъ только время.

Чѣмъ же раздражало правительство безъ того раздраженный и озлобленный Парижъ? Все, что только возможно придумать, все было придумано и пущено въ ходъ, чтобы довести населеніе и преимущественно настрадавшееся рабочее населеніе до того отчаянія, которое заставляетъ хвататься за оружіе, не разбирая времени, шансовъ на успѣхъ, не останавливаясь передъ величайшими бѣдствіями. Отчаяніе не разсуждаетъ. То, что происходило въ Бордо, реакціонное національное собраніе, его отвратительныя первыя засѣданія, поспѣшность и какой-то особенный цинизмъ при соглашеніи на всѣ мирныя условія, громко

заявленная вражда къ Парижу и ненависть къ его населенію — вотъ, что вмѣстѣ съ капитуляціей, о которой населеніе узнало внезапно, вотъ что прежде всего породило ту пропасть между правительствомъ и Парижемъ, которую всѣ послѣдующія бѣдствія перваго дѣлали все глубже и глубже. Назначеніе бонапартистскаго генерала Винуа, запятнаннаго кровью декабрьскихъ убійствъ, въ качествѣ генералъ-губернатора Парижа, назначеніе другого бонапартистскаго слуги на мѣсто префекта не могло, очевидно, не возбудить всеобщаго негодованія. Въ то время назначеніе бонапартистскихъ героевъ было еще новостью, къ которой Тьеръ пріучилъ впрочемъ очень скоро. Другое назначеніе непопулярнаго клерикальнаго генерала въ начальники національной гвардіи обнаружило еще съ бо̀льшею ясностью враждебныя намѣренія правительства по отношенію къ Парижу. Каждый день наносилъ Парижу новые удары, вызывая новыя волненія. Старый порядокъ возвращается, и чтобъ никто въ этомъ не могъ сомнѣваться, генералы, по приказанію, разумѣется, Тьера, принимали, одну за другою, самыя нелѣпыя мѣры. Запрещеніе шести журналовъ, самыхъ популярныхъ журналовъ, которые по преимуществу читались въ рабочихъ кварталахъ, запрещеніе безсмысленное, нелѣпое, всегда вызывающее только еще болѣе сочувствія къ тѣмъ идеямъ, которыя преслѣдуются; затѣмъ требованіе, выраженное въ самой надменной формѣ, о немедленномъ возвращеніи оружія, прямо указывавшее на то, что правительство опасалось Парижа, не довѣряло ему и желало лишить его всякой силы, вызывало у многихъ, у большинства самыя печальныя размышленія.

— Такъ продолжаться не можетъ! говорили одни.

— Все это кончится дурно! приходилось слышать на каждомъ шагу.

— Они доведутъ населеніе до отчаянія и тогда... въ этомъ «тогда» сказывалось грустное предчувствіе всего того, что такъ скоро случилось на самомъ дѣлѣ.

Если сознаніе, что «такъ продолжаться не можетъ» было почти всеобщимъ, если всѣ хорошо понимали, что національная внутренняя политика правительства старыхъ интригановъ вызоветъ, въ концѣ концовъ, отказъ со стороны населенія, которое освободилось отъ Бонапарта вовсе не для того, чтобы подпасть подъ ферулу закоснѣлыхъ представителей буржуазіи, если, однимъ словомъ, всѣ почти носили въ себѣ тяжелое сознаніе, грустное предчувствіе новой будущей гражданской войны, то никто, не исключая и тѣхъ, которые нѣсколько дней спустя

очутились во главѣ возстанія, не могли думать и не ожидали, чтобы эта гражданская война вспыхнула такъ быстро.

Мнѣ приходилось нѣсколько разъ встрѣчаться въ Парижѣ съ нѣкоторыми изъ лицъ, игравшими видную роль во время парижской коммуны. Café de Madrid былъ точно сборнымъ пунктомъ, гдѣ почти каждый день, около трехъ часовъ дня и затѣмъ поздно вечеромъ, сходились тѣ люди, которые сдѣлались такъ скоро извѣстными всей Европѣ. Мнѣ случалось сталкиваться съ Паскалемъ Груссе, Варленомъ, Малономъ, Жоанаромъ и нѣкоторыми другими будущими членами парижской коммуны.

Эти нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ я между прочимъ назвалъ, пользовались большимъ вліяніемъ среди рабочихъ классовъ и потому, казалось, они должны были знать, еслибы только кто-нибудь зналъ о томъ, что новая революція должна была вспыхнуть такъ скоро; но они, хотя и предугадывали неизбѣжность гражданской войны, тѣмъ не менѣе вовсе не подозрѣвали такой ея близости. Еще менѣе, конечно, подозрѣвали они, что такъ скоро сдѣлаются они выдающимися дѣйствующими лицами въ той трагедіи, которая носитъ имя парижской коммуны. Я говорю трагедіи, потому что болѣе трагическаго конца по-истинѣ трудно было себѣ представить. Болѣе другихъ заинтересовали меня среди этихъ лицъ два человѣка: Паскаль Груссе и Варленъ. Первому изъ нихъ было лѣтъ двадцать шесть, второму лѣтъ тридцать.

Варленъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ интернаціонала, едва ли даже не основателемъ французскаго отдѣленія интернаціонала. Начиная съ 1866-го года, онъ подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ, замѣшанъ былъ во всѣхъ процессахъ, которые имперія возбуждала противъ интернаціонала, но всѣ приговоры, всѣ заключенія вели къ тому только, что онъ становился болѣе горячимъ и ревностнымъ членомъ интернаціонала. Красивый, съ большою черною бородою и густыми черными волосами, въ которыхъ проглядывала сѣдина, съ блестящими черными глазами, онъ производилъ своею фигурою довольно сильное впечатлѣніе. Все, что онъ говорилъ, было рѣзко, сжато, строго обдумано. Онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что республика не должна быть уступлена безъ боя, что нужно рѣшиться на всѣ крайности скорѣе, чѣмъ позволить обезоружить себя, и никакія разсужденія не могли бы заставить измѣнить его взглядъ. Я живо помню, какъ въ тотъ день, когда послѣ назначенія Ореля де-Паладина начальникомъ національной гвардіи и его угрозы, что онъ будетъ дѣйствовать строго, появился

манифестъ за подписью вновь создавшагося центральнаго комитета національной гвардіи, какъ въ этотъ день Варленъ, который былъ однимъ изъ подписавшихся на манифестѣ, съ рѣзкостью говорилъ:

— Будетъ, что̀ будетъ, а обезоружить безъ боя мы себя не позволимъ!

На всѣ возраженія, которыя ему представляли, онъ отвѣчалъ однимъ словомъ:

— Tant pis!

— Но вѣдь подумайте, населеніе раздражено, то, что вы дѣлаете, можетъ усилить его и вызвать гражданскую войну.

— Tant pis!

— А если пруссаки, которые стоятъ у нашихъ воротъ, направятъ на насъ наши же пушки.

— Tant pis!

— Они вмѣшаются въ наши внутреннія дѣла и тогда мы не выживемъ ихъ!

— Tant pis! неизмѣнно отвѣчалъ Варленъ, и кромѣ этого tant pis, которое очевидно было ему не легко произносить, отъ него нельзя было добиться другого слова.

Въ этомъ словѣ, въ этомъ лаконическомъ отвѣтѣ выражался весь человѣкъ. Рѣшимость, энергія и извѣстная доля самоувѣренности, столь необходимой для человѣка желающаго дѣйствовать, бросались въ глаза.

— Мы попали въ сильный политическій круговоротъ, но дѣлать нечего. Не мы вызывали и вызываемъ на бой, намъ бросаютъ перчатку и намъ ничего болѣе не остается какъ поднять ее. Мы поднимаемъ, но тѣмъ хуже для тѣхъ, кто ее бросаетъ. Бой завязался, быть можетъ скоро онъ приметъ болѣе суровый, страшный характеръ; но я вамъ говорю только одно, прибавилъ онъ, что чѣмъ бы ни кончилось первое открытое сраженіе, борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы не останемся побѣдителями. Наши враги будутъ нашими лучшими союзниками, они доставятъ торжество интернаціоналу.

Все это говорилось тѣмъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ, увѣреннымъ въ своихъ силахъ и въ справедливости своего дѣла голосомъ, которымъ онъ произносилъ свое «tant pis»!

Варленъ погибъ среди того страшнаго боя, о которомъ онъ говорилъ съ такою увѣренностью, онъ не пережилъ того движенія, на которое возлагалъ свои розовыя надежды. Въ тѣ дни, въ тѣ кровавые майскіе дни бѣлаго террора, когда правительство Тьера упивалось кровью своихъ несчастныхъ жертвъ и когда деревенское національное собра̀ніе превратилось въ сборище па-

лачей, Варленъ былъ разстрѣлянъ въ одной маленькой улицѣ, разстрѣлянъ безъ суда, какъ разстрѣливали тысячи людей, безъ разбора, не обращая вниманія, были ли то женщины, мужчины, взрослые или дѣти.

По свидѣтельству самыхъ отчаянныхъ враговъ коммуны, Варленъ встрѣтилъ смерть съ необыкновенною твердостью, мужествомъ, что называется «не моргнувъ глазомъ», и по всей вѣроятности въ ту минуту, когда выстрѣлы были направлены противъ него, онъ бормоталъ: tant pis!

Другой человѣкъ, имя котораго такъ скоро пріобрѣло извѣстность и съ которымъ мнѣ одинаково приходилось встрѣчаться нѣсколько разъ, былъ Паскаль Груссе, приговоренный въ настоящее время къ ссылкѣ куда-нибудь въ колоніи, съ заточеніемъ въ крѣпость. Этотъ человѣкъ принадлежалъ вовсе къ иному типу. Тонкое, умное лицо, изящныя манеры, вся фигура изящная въ высшей степени производила съ перваго раза самое пріятное впечатлѣніе и какъ нельзя болѣе располагала въ свою пользу. Когда извѣстная партія побѣждена, то нѣтъ оскорбленій, нѣтъ насмѣшекъ, которыя не были бы брошены ей въ лицо, и въ этомъ случаѣ враги не разборчивы. Одного обвиняютъ въ томъ, что онъ ходитъ въ лохмотьяхъ, другого въ то же самое время въ томъ, что онъ одѣтъ прилично; одному ставятъ въ преступленіе, что онъ живетъ въ конурѣ, другому, зачѣмъ онъ живетъ въ чистой большой комнатѣ; одинъ говоритъ дурно—надъ нимъ смѣются, другой говоритъ хорошо, его называютъ фразеромъ; одинъ живетъ съ любовницей, его называютъ развратникомъ, другой женатъ—ему даютъ имя іезуита. Однимъ словомъ, когда человѣкъ побѣжденъ, въ какую сторону онъ ни обернется, его все бьютъ и оскорбляютъ. Чтó служитъ главнымъ обвиненіемъ противъ Груссе въ любомъ пасквилѣ, въ любой грязной брошюрѣ или книжонкѣ—непремѣнно встрѣтите вы одно: Паскаль Груссе красивъ и одѣвается элегантно, слѣдовательно это ничтожный фатъ!

Вотъ ужъ когда нужно сказать, что у всякаго человѣка есть своя логика! Груссе, это по преимуществу человѣкъ отдавшійся политической дѣятельности, и если не чуждый соціальнаго вопроса, то все-таки не принимающій его слишкомъ близко къ сердцу. Въ то время, когда мнѣ приходилось встрѣчать его, онъ весь былъ поглощенъ политическимъ вопросомъ, борьбою республики настоящей съ тою фальшивою республикою, которая всегда готова сбросить съ себя свою маску и показать свой монархическій нарядъ. Груссе вовсе не фанатикъ, онъ видитъ различныя стороны вопроса, и когда онъ говорилъ о политиче-

скомъ положеніи Франціи, онъ всегда поражалъ меня ясностью своихъ взглядовъ. Онъ, точно также какъ и другіе, прочувствовалъ неизбѣжность гражданской войны, но онъ всѣми своими силами желалъ, чтобы она не вспыхнула въ то время, когда нѣмецкая армія была вблизи. Онъ не говорилъ, подобно Варлену: tant pis! когда ему представляли соображеніе, что республиканская партія будетъ поражена, если гражданская война вспыхнетъ немедленно.

— Я боюсь, говорилъ онъ при мнѣ, я боюсь одного, что мы не въ силахъ будемъ сдержать возстаніе, что правительство достигнетъ своей цѣли и вызоветъ его своими наглыми мѣрами!

— Чего же вы боитесь?

— Я боюсь потому, что я твердо убѣжденъ, что мы будемъ побѣждены теперь, между тѣмъ, еслибы гражданская война не вспыхнула прежде окончательнаго удаленія пруссаковъ, то я думаю, что исходъ тогда будетъ самый счастливый, и мы выйдемъ побѣдителями. Теперь Франція не явится на подмогу Парижу. Дѣло Парижа постараются разъединить отъ дѣла Франціи словами: развѣ истинные патріоты могутъ начинать гражданскую войну подъ непріятельскимъ выстрѣломъ! Провинціи, изъ-за боязни вмѣшательства иностранцевъ въ наши внутреннія дѣла, оставятъ Парижъ безъ помощи, и хотя онъ будетъ возбуждать къ себѣ сочувствіе всей страны, тѣмъ не менѣе сочувствіе это будетъ чисто платоническое. А между тѣмъ революція въ Парижѣ только тогда и будетъ прочна, когда она будетъ поддержана цѣлою Франціею.

Я привожу этотъ отрывокъ изъ разговора, чтобы показать, что люди, стоявшіе во главѣ возстанія, сами хорошо понимали, какъ мало имѣютъ они шансовъ на успѣхъ. Зачѣмъ же они принимали участіе, можете задать вы вопросъ. Этотъ самый вопро́съ, только тогда конечно въ иной формѣ, задалъ и я Паскалю Груссе.

— А если, тѣмъ не менѣе, гражданская война вспыхнетъ, что́ станете дѣлать вы?

— Развѣ объ этомъ можетъ быть какой-нибудь вопросъ, отвѣчалъ онъ спокойно; конечно я стану въ ряды возставшихъ, съ печалью, съ отчаяніемъ, но все-таки буду драться. Разсужденія, споры, стараніе удержать отъ междоусобной войны—все это хорошо въ то время, когда она не разыгралась, потомъ же всякія разсужденія не имѣютъ смысла. Наша партія, хотя и не слаба, но все-таки не настолько сильна, чтобы допускать еще въ ней расколъ, и если дѣло ужъ завязывается, то каждый обя-

занъ собою жертвовать, чтобы оно не теряло хоть той силы, которую можетъ имѣть. Беречь себя въ такія минуты недостойно, это значитъ или слишкомъ много думать о себѣ, или не имѣть любви и преданности къ дѣлу. Когда труба прозвучитъ, раздастся выстрѣлъ, разсуждать тогда поздно, да и какой искренній и честный человѣкъ не бросится для защиты и спасенія своихъ единомышленниковъ, забывая о томъ, что шансовъ на побѣду мало. Притомъ, добавилъ онъ, часто пораженія стоятъ побѣдъ, и неуспѣхъ сегодня служитъ лучшею гарантіею завтрашняго успѣха.

Груссе сдержалъ свое слово; лишь только вспыхнула гражданская война, онъ отдался ей цѣликомъ, съ тяжелымъ внутреннимъ сознаніемъ — невозможности побѣды. Онъ не берегъ себя и конечно не станетъ раскаяваться и теперь, отправляясь въ Каледонію или Кайенну, въ томъ, что отдался дѣлу свободы, предчувствуя, сознавая неизбѣжность пораженія. Онъ можетъ впрочемъ утѣшать себя своими же словами, напоминая себѣ, что пораженіе часто стбитъ побѣды. Впрочемъ, быть отправленнымъ въ Кайенну или Каледонію не значитъ еще исчезнуть съ лица земли. Какъ многіе изъ тѣхъ, которые были отправлены туда имперіею, возвратились оттуда, чтобы бороться противъ нея съ новыми силами.

Присутствуя постоянно при разговорахъ о возможности гражданской войны, будучи свидѣтелемъ явнаго броженія, раздраженія, самаго очевиднаго волненія, которое выражалось въ постоянныхъ сборищахъ на улицахъ, громкихъ разговорахъ о томъ, что «такъ продолжаться не можетъ», я задавалъ себѣ вопросъ: не подождать ли, покидать ли Парижъ въ такую минуту. Быть самому очевидцемъ революціи въ Парижѣ мнѣ, признаюсь, представлялось крайне заманчивымъ! Какъ совершаются крупныя народныя движенія, какъ, хотя минутно, торжествуетъ революція, какъ выражается восторгъ, какъ ведется борьба—все это не могло не интересовать въ высшей степени. Между тѣмъ, дни проходили, рѣшительнаго, опредѣленнаго не было ничего, натянутое положеніе могло продолжаться безконечно.

— Скажите, спрашивалъ я Груссе и нѣкоторыхъ другихъ, можно ли мнѣ уѣзжать спокойно?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Да въ томъ, что еслибы вы серьезно ожидали движенія на этихъ дняхъ, то я бы остался; мнѣ хотѣлось бы увидѣть въ дѣйствительности, на яву то, чтб мнѣ всегда представлялось такимъ колоссальнымъ на страницахъ исторіи, точно во снѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, если вы не можете располагать нѣсколь-

кими недѣлями или мѣсяцами, то уѣзжайте спокойно: на-дняхъ, мы вамъ ручаемся, что ничего не будетъ. Вы будете, если хотите, имѣть еще время пріѣхать. Я васъ извѣщу по телеграфу, прибавлялось въ видѣ шутки, когда здѣсь закипитъ.

Я убѣдился теперь, что когда дѣло идетъ о народномъ движеніи, то никто не можетъ ручаться когда и гдѣ оно начнется, когда и гдѣ оно кончится.

Повѣривъ тѣмъ, которые, мнѣ казалось, должны были хорошо знать расположеніе массъ, я рѣшился уѣхать.

Поѣзды ходили неправильно. Билетовъ въ Ліонъ не давали, по прямой линіи черезъ Дижонъ ѣхать было нельзя, такъ какъ пруссаки занимали эту мѣстность и не пропускали французскіе поѣзды. Нужно было, чтобы попасть въ Ліонъ, дѣлать значительный кругъ, но разбирать было нечего. Выбора не предстояло. Два-три человѣка провожали меня на станцію желѣзной дороги. Народу, преимущественно воинства всякаго наименованія, цѣлая тьма; одинъ спрашиваетъ билетъ, другой представляетъ пропускной листъ; безпорядокъ, хаосъ неописанный. Одному можно было обезумѣть отъ всей этой суеты. Наконецъ, выдали мнѣ билетъ и съ трудомъ, кое-какъ пріютился я въ биткомъ набитомъ вагонѣ.

— Смотрите же, говорилъ я, вы отвѣчаете мнѣ, вы даете слово, что скоро ничего не случится у васъ!

— Можете быть совсѣмъ спокойны, отвѣчалъ Груссе, я будущее лѣто пріѣзжаю къ вамъ, говорилъ онъ. Много путешествуя по Европѣ, ему дѣйствительно хотѣлось побывать и въ Россіи, и онъ собирался посмотрѣть на Петербургъ, Москву, Нижній и Кіевъ.

— Напишите мнѣ изъ Вѣны! говорилъ другой юноша.

— Et si vous êtes tué! сказалъ я какъ-то глупо-серьезно.

— Bah! Esperons que cela n'arrivera pas!

Тотъ, который собирался въ Петербургъ, отправился въ дальнюю ссылку, тотъ же, который шутя выказалъ увѣренность, что не умретъ такъ скоро, черезъ два мѣсяца послѣ моего отъѣзда нашелъ смерть на баррикадѣ.

Съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ я Парижъ. Тяжело опускалась надъ нимъ страшная гражданская война.

Опять нѣмецкіе солдаты, опять затянутые въ корсеты прусскіе офицеры, опять погорѣлыя станціи, разрушенныя зданія, опустошенные дома, съ вырванными рамами, безъ дверей, опять порванныя телеграфныя проволоки и срубленныя деревья, опять

та же картина—картина полнаго, чудовищнаго разоренія. Медленно двигались мы впередъ. Оставили за собою Melun, Fontainebleau, далѣе Nemours и грустно смотрѣли на насъ знакомыя мѣста, свирѣпыя тучи висѣли надъ ними.

— Ну, хотѣлось сказать, скорѣй, скорѣй, торопитесь выбраться изъ этихъ прокаженныхъ мѣстностей, дайте вздохнуть повольнѣй, дайте забыть и забыться, а то черезъ-чуръ тяжело!

Но поѣздъ, какъ нарочно, тащился еле-еле двигаясь, точно желая, чтобы это зрѣлище нашествія глубоко врѣзалось въ память французовъ.

Разговоры въ вагонѣ были какъ-то въ особенной гармоніи съ тѣмъ, что̀ разстилалось передъ нашими глазами, и все это вмѣстѣ нагоняло на насъ немилосердную тоску.

Французы подводили итогъ своимъ потерямъ и отъ этого итога становилось просто страшно. Пять милльярдовъ заплатить и уступить двѣ лучшія провинціи, которыя доставляли самый большой доходъ Франціи. Но все ли это? О нѣтъ, это только одна часть тѣхъ потерь, которыя понесла страна. Сколько мостовъ, взорванныхъ туннелей, уничтоженныхъ дорогъ поневолѣ придется возстановить. Затѣмъ нужно новое вооруженіе, строить новыя крѣпости, укрѣплять старыя, разрушенныя. Прибавьте къ этому тѣ четыре милльярда, которые стоила война самой Франціи, прибавьте еще то, что торговля была остановлена почти впродолженіи года и сколько времени не поправится. Соберите все это вмѣстѣ, и вы увидите, какой страшный вредъ причиненъ Франціи новымъ нашествіемъ.

Въ то время, когда одинъ изъ французовъ, съ какимъ-то страннымъ акцентомъ, подводилъ эти итоги, другіе видимо смутились, ничего не отвѣчали, пока наконецъ одинъ изъ нихъ не выдержалъ и не сказалъ:

— Assez, monsieur, assez! nous savons très bien que nous sommes ruinés. Подозрительность была такъ велика, что французамъ показалось, что господинъ, который такъ спокойно перечисляетъ все то, что потеряла Франція, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ скрывающимся нѣмцемъ.

— Avez vous remarqué, обратился ко мнѣ шепотомъ мой сосѣдъ, съ какимъ злорадствомъ онъ говорилъ о нашемъ бѣдственномъ положеніи.

Я сознался, что особеннаго злорадства я не замѣтилъ.

Поздно ночью только вздохнули мы свободнѣе — мы выбрались изъ владѣній нѣмецкихъ побѣдителей. Поѣздъ шелъ затѣмъ безпрепятственно и къ вечеру мы достигли Ліона, упо-

требивъ такимъ образомъ на переѣздъ изъ Парижа до Ліона вмѣсто двѣнадцати часовъ цѣлыхъ тридцать.

Правительство такъ позаботилось раздуть нѣкоторое волненіе или вѣрнѣе раздраженіе, господствовавшее въ Парижѣ, благодаря его же собственнымъ мѣрамъ, что по пріѣздѣ въ Ліонъ, съ кѣмъ ни приходилось заговаривать, каждый непремѣнно спрашивалъ:

— Ну скажите пожалуйста, что̀ въ Парижѣ?

— Въ Парижѣ ничего!

— Какъ ничего!

— Да такъ, ничего!

— Помилуйте, говорятъ что тамъ революція! Да вы-то изъ Парижа?

— Изъ Парижа.

— C'est étonnant!

Никто просто не хотѣлъ вѣрить, что въ Парижѣ еще не дерутся, всѣ прислушивались не долетитъ ли до нихъ пушечный громъ.... ну и дослушались!

Ліонъ поразилъ меня въ этотъ разъ своею непроходимою скукою! На улицахъ пусто; войдешь въ café, тамъ не стоитъ обычный гулъ, ласкающій привычное къ нему ухо, народу мало, и всѣ такъ смиренно читаютъ свои газеты или тихо играютъ въ домино.

Я отправился въ Croix Rousse, въ этотъ центръ рабочаго люда, и тамъ та же тишина, на улицахъ не раздается непрерывный стукъ станковъ, работъ нѣтъ, жизнь остановилась.

— Однако, спрашивалъ я, у васъ не особенно весело!

— Ah! monsieur, que voulez vous, c'est un triste temps!

Ліонъ много потерпѣлъ. Вся почти молодежь ушла въ армію, въ волонтеры, въ лихіе отряды Гарибальди, и какъ многіе изъ нихъ не возвратились! Городъ былъ мраченъ, точно наброшенъ былъ на него черный крепъ.

Я хотѣлъ изъ Ліона пробраться въ Бельфоръ, чтобы изъ Бельфора проѣхать въ Страсбургъ, но оказалось, что пруссаки никого не пропускали.

— Какъ же попасть мнѣ хоть въ Страсбургъ?

— Поѣзжайте черезъ Швейцарію, въ Женеву, Базель и оттуда уже проѣдете въ Страсбургъ.

Нечего дѣлать, нужно было подчиниться и черезъ Швейцарію ѣхать изъ Франціи въ «нѣмецкій» Страсбургъ.

Дорогу изъ Ліона въ Женеву и затѣмъ изъ Женевы въ Базель я провелъ въ чрезвычайно интересномъ обществѣ старика Dollfus'а, бывшаго мера Мюльгаузена, и одного юноши

лѣтъ двадцати, который пробылъ въ Бельфорѣ все время осады. Разсказъ его объ осадѣ и о томъ, что вытерпѣлъ героически защищавшійся Бельфоръ, заставилъ меня еще болѣе сѣтовать на нѣмцевъ за то, что, благодаря имъ, я не могъ попасть въ этотъ чисто мученическій городъ. Разсказъ этого юноши быть можетъ потому еще былъ особенно драматиченъ, что онъ самъ представлялъ живой примѣръ тяжкихъ страданій.

— Осада, разсказывалъ онъ, началась 2-го ноября. Черезъ нѣсколько дней, въ самомъ началѣ, я былъ тяжело раненъ, такъ что, къ отчаянію моему, не могъ болѣе принимать участія въ оборонѣ. Пуля попала въ колѣно, и попала какъ-то не хорошо. Докторъ мнѣ тотчасъ объявилъ, что нужно отнять ногу, и что этимъ только онъ надѣется спасти мнѣ жизнь. Я понялъ, что дѣло плохо и просилъ его только отвѣтить мнѣ откровенно — спасетъ ли это навѣрно меня или нѣтъ. Онъ откровенно, по-военному отвѣчалъ, что ручаться не можетъ. Я понялъ, что онъ хочетъ исполнить только свою послѣднюю обязанность, и не желая подвергать себя новымъ страданіямъ рѣшилъ, что ужъ все равно, жизнь не спасешь, и предпочелъ умереть безъ операціи. Я не далъ себѣ отрѣзать ноги, и хорошо сдѣлалъ, потому что, какъ видите, я сохранилъ ее, такъ или иначе. Въ госпиталь я не хотѣлъ идти, и меня оставили въ гостинницѣ, гдѣ днемъ и ночью за мною ухаживала прехорошенькая молодая дѣвушка. Она не отходила отъ моей кровати ни днемъ, ни ночью, et je vous avoue, произнесъ онъ улыбаясь, que cela m'a singulièrement soulagé!

Я охотно повѣрилъ, глядя на его красивое лицо, что молодая дѣвушка не отходила отъ его кровати.

— Не думайте однако, продолжалъ юноша, чтобы я былъ въ полной безопасности. Вовсе нѣтъ. Въ Бельфорѣ не было ни одного дома, который не получилъ бы по крайней мѣрѣ десять бомбъ, обыкновенно даже больше, множество было совершенно разрушенныхъ. Убивало на улицахъ, убивало въ домахъ днемъ, ночью, безостановочно. И были престранные случаи. Вообразите, я зналъ, напр., одну дѣвушку, которая была убита, сидя въ первомъ этажѣ, въ то время, когда ея родители, которые были въ верхнемъ, не были тронуты и не подозрѣвали, что внизу, подъ ними, случилось такое несчастье. Я лежалъ въ Hôtel du Tonneau d'or, въ самомъ верхнемъ этажѣ. Но не долго. Скоро онъ былъ пробитъ, и тогда меня перенесли во второй; когда этотъ былъ пробитъ меня перетащили въ первый, все ниже, ниже, а бомбы все-таки продолжали меня преслѣдовать. Наконецъ, меня нельзя болѣе было оставлять въ этомъ домѣ и порѣшили перенести

въ церковный подвалъ. Но тутъ я не могъ оставаться: лучше бомбы, лучше смерть, чѣмъ оставаться въ этомъ подвалѣ. Здѣсь было просто страшно, и я никакъ не могъ справиться съ мыслью, куда я попалъ. Я не былъ слишкомъ религіозенъ, я зналъ, что адъ—это злая выдумка, клевета на небо, и никакъ не могъ сообразить, какъ же это такъ: ада нѣтъ, а между тѣмъ я положительно въ аду.

Вольтеръ! подумалъ я, узнаю тебя въ твоемъ потомствѣ.

— Вообразите, продолжалъ онъ, я увидѣлъ здѣсь цѣлую толпу женщинъ, дѣтей, стариковъ, которые всѣ искали убѣжища, всѣ спасались отъ смерти, но смерть не выпускала ихъ изъ своихъ тощихъ рукъ, она преслѣдовала ихъ въ подвалѣ и заставляла испытывать только бо́льшія страданія. У однихъ начинался тифъ, у другихъ что-то похожее на оспу. Каждую минуту слышались крики, раздавались стоны, люди лежали въ бреду. Точно этого было мало; тутъ же были женщины, которыя рожали, и тутъ же какія-то женщины дурного поведенія, которыя смѣялись и дѣлали самыя невѣроятныя вещи. Ну развѣ это не былъ адъ, да еще такой адъ, который никогда не снился, никогда не рисовался въ фантазіи знаменитаго флорентинца. Я умолялъ, чтобы меня поскорѣе унесли, чтобы бросили на улицу, лишь бы не оставляли въ этомъ отвратительномъ подвалѣ.

— C'est épouvantable, c'est horrible! раздалось въ вагонѣ.

— О, да, это было тяжелое время, со вздохомъ произнесъ юноша. Каждый день нѣмцы бросали намъ 4,000 бомбъ; это продолжалось отъ 2-го ноября до 17-го февраля. Жители переносили это съ мужествомъ, пока была надежда быть освобожденными. Въ продолженіе трехъ дней мы слышали пушечную пальбу нашей armée de secours, и мы считали, что Бельфоръ уже освобожденъ. Люди ложились на землю, прислушиваясь, не слышно ли шума копытъ. Отчаяніе, истинное отчаяніе явилось только тогда, когда мы узнали, что наша послѣдняя надежда уничтожена, что армія наша разбита. Мы не вѣрили, намъ казалось это невозможнымъ. Мы поняли, что намъ не изъ-за чего было больше биться, да и нельзя уже было, потому что нечѣмъ было стрѣлять.

— Сколько же у васъ было убито, спросилъ Dollfus?

— У насъ погибло, отвѣчалъ тотъ, гораздо болѣе людей отъ болѣзней, нежели отъ пуль и бомбъ. Тифъ и оспа свирѣпствовали; но самое ужасное было то, что нечѣмъ было лечить. У насъ было продовольствіе, голода не испытывалъ никто, хлѣба было много, но у насъ не было никакихъ лекарствъ. Больному тифомъ или оспою давали стаканъ теплой воды и

ждали, пока онъ умретъ, чтобы бросить въ могилу. Такимъ образомъ изъ пятнадцатитысячнаго гарнизона у насъ осталась только половина, и большая часть погибла отъ болѣзней. Да, добавилъ онъ печально, многіе были согласны, чтобы взорвать Бельфоръ на воздухъ, и можетъ быть было бы лучше.

Каждый могъ только тяжело вздохнуть, когда раненый юноша окончилъ свой разговоръ и, закуривъ сигару, задумался. Правда, было о чемъ подумать, было что вспомнить. Если интересенъ былъ драматическій разсказъ защитника Бельфора, то не менѣе интересно было слушать старика Дольфюса. Болѣе семидесяти пяти лѣтъ онъ прожилъ въ Эльзасѣ, зналъ свою родину, ея жителей, какъ свои пять пальцевъ, и потому слова его и мнѣнія не могутъ не имѣть большого вѣса.

— Я хорошо знаю, говорилъ онъ, настроеніе и чувства Эльзаса, и потому я глубоко убѣжденъ, что нѣмцамъ никогда не удастся германизировать эту провинцію, такъ точно какъ и ту часть Лотарингіи, которую они забрали.

Онъ говорилъ безъ всякой злобы, тихо, спокойно, точно обдумывая каждое слово, прежде чѣмъ произнести его. Несмотря однако на свою глубокую старость, онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ розовыхъ надеждъ; такъ, онъ съ увѣренностью говорилъ о томъ, что послѣ нѣскольких лѣтъ сама Германія убѣдится, что ей нѣтъ никакой выгоды владѣть этими провинціями—предметомъ неминуемой вѣчной распри между двумя народами, и что потому, въ силу какихъ-нибудь комбинацій, она возвратитъ ихъ назадъ Франціи.

Я охотно готовъ былъ вѣрить Дольфюсу, что нѣмцамъ никогда не удастся германизировать Эльзасъ и Лотарингію, но эта вѣра еще болѣе усиливалась вслѣдствіе разговоровъ съ эльзасцами; пребываніе въ Страсбургѣ давало ей прочное основаніе.

Когда подъѣзжаешь къ Келю, то разореніе немедленно бросается въ глаза, и что болѣе всего привлекаетъ вниманіе, это взорванный мостъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ великолѣпный, а теперь разрушенный, кое-какъ на-живо поправленный, едва приноровленный къ требованіямъ желѣзной дороги. Отъ Келя до самаго Страсбурга, вслѣдствіе ли попорченной дороги, или чего другого, поѣздъ идетъ шагомъ, точно отдавая честь развалинамъ, боясь оскорбить ихъ печальное величіе свистомъ, или шумомъ скораго движенія. По дорогѣ ничего не уцѣлѣло и нѣтъ дома, который укрывалъ бы людей. Медленно проникаетъ поѣздъ черезъ обезображенныя и всюду пробитыя укрѣпленія, оставляя за собою однѣ крѣпостныя ворота за другими.

Какая тяжелая, удушливая атмосфера охватываетъ васъ, какъ только вы вступаете въ этотъ злополучный, разгромленный Страсбургъ. На улицахъ только и видишь военныхъ, солдатъ, выкидывающихъ невообразимыя штуки передъ проходящими офицерами; офицеровъ, гарцующихъ на коняхъ цѣлыми шайками и любующихся развалинами города, сдѣлавшагося ихъ добычею. А развалинъ много, развалины вездѣ. Одни дома сохранили стѣны, другіе преобразились въ груды мусора. Передъ Hôtel de Paris стояли два часовыхъ. Я остановился. Оказалось, что въ гостинницѣ жилъ генералъ Вердеръ, тотъ самый, который бомбардировалъ городъ. Нужно ли говорить, сколько проклятій падало на его голову, хотя онъ лично конечно и не былъ виноватъ въ разрушеніи города, въ бомбардировкѣ, стоившей жизни стольких людей.

— Однако вамъ счастье, вашъ отель вовсе не пострадалъ, сказалъ я гарсону, который привелъ меня въ комнату.

— Oh! que non! отвѣчалъ онъ, теперь успѣли немножко задѣлать, а то онъ достаточно пострадалъ; mais tenez, monsieur, и онъ указалъ мнѣ на уголъ моей комнаты, который былъ пробитъ бомбою.

Вся гостинница была полна нѣмецкимъ воинствомъ. Я вошелъ въ общую залу и поторопился поскорѣе оставить ее. Толпа офицеровъ сидитъ за столомъ, входитъ какой-то полковникъ или генералъ, всѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, вытягиваются и отвѣшиваютъ низкіе поклоны, на которые генералъ отвѣчаетъ легкимъ киваньемъ головы. Можетъ быть такъ и должно быть, можетъ быть выправка эта и побѣждаетъ, но, тѣмъ не менѣе, вся эта комедія производитъ отвратительное впечатлѣніе, она унижаетъ человѣческое чувство, уничтожаетъ человѣка, оставляя вмѣсто него одну машину. Когда видишь обращеніе любого нѣмецкаго офицера съ солдатами, когда слышишь тѣ крики, ту брань, которую солдатъ переноситъ безропотно, то пусть этотъ солдатъ двадцать разъ изучилъ Гомера и Горація, я все-таки скажу, что истиннаго образованія въ немъ нѣтъ, потому что истинное образованіе дѣлаетъ человѣка свободнымъ, а не рабомъ. Потому-то, конечно, истинное образованіе такъ и преслѣдуется вездѣ, гдѣ преслѣдуется человѣческая свобода. Врядъ ли нужна, впрочемъ, такого именно рода выправка, для того, чтобы побѣждать. Среди армій республики, среди тѣхъ армій, которыя поражали міръ своими побѣдами, среди сѣверо-американскихъ армій, конечно, не было и помину о такомъ рабскомъ духѣ, и тѣмъ не менѣе, эти арміи дѣлали чудеса.

Духъ, господствующій среди этихъ людей, среди побѣдителей

до такой степени рѣзко противоположенъ духу, господствующему среди побѣжденныхъ, что кажется просто невозможнымъ, чтобы Германія могла притянуть и поглотить собою завоеванныя французскія провинціи. Онѣмечить, «обезнаціоналить» французскія провинціи Германія могла бы только тогда, если бы политическое развитіе французскаго населенія было по своему уровню ниже политическаго развитія нѣмцевъ, но такъ какъ въ дѣйствительности этого не только нѣтъ, но скорѣе есть прямо противоположное, то поэтому трудно себѣ представить, чтобы нѣмецкая политика въ завоеванныхъ провинціяхъ могла увѣнчаться какимъ-нибудь успѣхомъ. Наконецъ, что постоянно, или по крайней мѣрѣ весьма долго, будетъ способствовать къ тому, чтобы всѣ попытки Германіи онѣмечить завоеванныя провинціи оставались безплодны, это та ненависть, которую поселили къ себѣ нѣмцы во время войны, ненависть столь понятная при видѣ разоренія, внесеннаго побѣдителями въ страну. Говорить ли еще объ этомъ разореніи, говорить ли о томъ разрушеніи, которому подверглась столица Эльзаса Страсбургъ. Нѣтъ, говорить объ этомъ безполезно, потому что тотъ, кто не видѣлъ этого разрушенія, тотъ никогда не составитъ себѣ о немъ понятія, сколько бы ни разсказывать о немъ. Какой прокъ отъ того, если я скажу вамъ, что два квартала, Faubourg de Pierre и Faubourg National Страсбурга, совершенно уничтожены, такъ что не осталось отъ нихъ ни одного цѣльнаго дома, ни одной стѣны; какой прокъ, если я скажу вамъ, что лучшія зданія, какъ Библіотека, Temple Neuf, Театръ и др. разрушены; что нѣтъ ни одной улицы, которая бы не носила слѣдовъ разрушенія; что всюду, куда вы ни пойдете, васъ преслѣдуютъ слѣды бомбардированія города—все это ничего не говоритъ вамъ, все это едва ли можетъ объяснить вамъ тѣ чувства, которыя питаютъ къ побѣдителямъ побѣжденные. Эти-то чувства меня интересовали по преимуществу и потому я поспѣшилъ воспользоваться тѣми рекомендательными письмами, которыми меня снабдили друзья; но я скоро убѣдился, что для того, чтобы познакомиться съ настроеніемъ населенія, съ тѣми чувствами, которыя оно питаетъ къ побѣдителю, вовсе не нужно писемъ, что для этого стоитъ войти въ любой магазинъ, въ любую лавку, заговорить съ приказчикомъ книжнаго магазина, съ извозчикомъ, аптекаремъ, съ носильщикомъ вашихъ вещей, и вы получите довольно основательныя свѣдѣнія о настроеніи массы. Ненависть вырывается наружу, ее никто не въ силахъ сдержать, она въ сердцѣ, она въ умѣ, она же и на языкѣ.

Все населеніе Эльзаса и Лотарингіи вело себя съ величай-

шимъ достоинствомъ; оно рѣзко выразило свою ненависть къ нѣмцамъ, свое нежеланіе быть присоединенными къ Германіи и твердую рѣшимость остаться французами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы мы жили въ такой вѣкъ, когда воля народа что-нибудь да значила, еслибы милліонами людей нельзя было распоряжаться, какъ безсмысленнымъ овечьимъ стадомъ, тогда никогда Эльзасъ и Лотарингія не были бы отторгнуты отъ Франціи. Населеніе употребило всѣ усилія, чтобы громко заявить свою ненависть къ побѣдителю и свою неизмѣнную любовь къ Франціи, оно торжественно протестовало противъ насилія, и только глухіе не слышали этого протеста.

Этотъ протестъ выразился въ выборахъ въ національное собраніе. Несмотря на то, что выборы эти происходили подъ высшимъ надзоромъ прусскихъ штыковъ, несмотря на то, что раздавались деньги, дѣйствовали подкупомъ, обѣщаніями, чтобы заставить вотировать за кандидатовъ, которые подставлены были нѣмецкими властями, населеніе единодушно вотировало за кандидатовъ, которые говорили, что они становятся на сторону войны до изнеможенія, и послали въ собраніе депутатовъ, съ Гамбеттою во главѣ, депутатовъ, которые такъ энергично, но вмѣстѣ безуспѣшно противодѣйствовали принятію предварительныхъ условій мира, повлекшаго за собою ненавистное присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи. И что̀ при этомъ важно, это то, что за кандидатовъ, объявившихъ себя открытыми врагами присоединенія къ Германіи, населеніе подавало голоса не только въ большихъ городахъ, но въ деревняхъ, гдѣ люди не знаютъ даже по-французски. Весьма характерная черта, которая казалось бы можетъ быть заимствована только изъ области анекдота, и которая тѣмъ не менѣе принадлежитъ дѣйствительности, заключается въ обращеніи простого народа съ нѣмцами. Крестьяне вовсе не знаютъ по-французски и говорятъ только по-нѣмецки, но для того чтобы не вступать съ побѣдителями ни въ какія отношенія и не отвѣчать на предложенные имъ вопросы, они выучились по-французски три слова: je ne comprends pas l'allemand, и когда къ нимъ обращаются на языкѣ слишкомъ понятномъ для нихъ, они отвѣчаютъ заученными словами незнакомаго имъ языка: je ne comprends pas l'allemand.

Немедленно послѣ принятія мирныхъ условій, многіе жители стали заботиться о продажѣ своихъ недвижимыхъ имѣній, и результатомъ этого было значительное пониженіе въ цѣнахъ на поземельную собственность, пониженіе на тридцать и на сорокъ процентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное возвышеніе въ цѣнѣ на имѣнія въ Вогезахъ, куда старались переселяться жители

Эльзаса. Впрочемъ не только одна поземельная собственность понизилась въ цѣнѣ, упали къ цѣнѣ дома, виллы и т. п.

Въ Страсбургѣ, Мюльгаузенѣ дома можно было покупать за пол-цѣны.

Съ одной стороны уныніе, съ другой — озлобленіе и ненависть я нашелъ въ Страсбургѣ достигшими величайшей степени. Оно и не мудрено: это было такъ скоро послѣ заключенія мира. Что меня удивило,—это полнѣйшее отсутствіе негодованія противъ Франціи и какая-то вѣра въ нее.

— Что дѣлать, приходилось мнѣ слышать, мы не можемъ обвинять Францію за то, что она покинула насъ. Она сдѣлала все, что могла сдѣлать; мы хорошо знаемъ, что впродолженіи пяти мѣсяцевъ она боролась изъ-за насъ, изъ-за насъ вынесъ Парижъ эту гигантскую осаду, изъ-за насъ умирали люди въ арміяхъ лоарской, сѣверной и восточной. Мы вѣруемъ только въ одно, что какъ только Франція поправится, она снова поднимется и освободитъ насъ, вырветъ насъ изъ рукъ нашихъ враговъ.

— Это перемиріе, говорили они, а не миръ; нѣмецкія войска занимаютъ наши провинціи, а Франція не отдала навсегда насъ Германіи. Мы служимъ только залогомъ непримиримой ненависти и будущей мести.

Съ кѣмъ бы вы ни заговорили въ Страсбургѣ, вы бы непремѣнно услышали слѣдующія слова: «Сто лѣтъ пройдетъ и все-таки мы останемся такими же французами и также будемъ ненавидѣть нѣмцевъ; но ста лѣтъ и не нужно, Франція скоро оправится и вырветъ насъ изъ нѣмецкихъ когтей. О! они могутъ сдѣлать все, что имъ угодно, они могутъ обращаться съ нами ласково или сурово, это ничто не измѣнитъ, мы также будемъ ихъ ненавидѣть, ласка ихъ была бы еще отвратительнѣе жестокости. Если они думаютъ, что они могутъ онѣмечить насъ какъ онѣмечили поляковъ, то ошибутся, мы по природѣ нѣсколько иные!»

Большая часть молодежи покидала теперь свою родину, чтобы не превратиться въ подданныхъ Германской имперіи, и главное, чтобы не быть обязанными служить въ нѣмецкой арміи.

— Notre carcasse est à présent prussienne, говорили мнѣ, mais nous sommes et resterons français!

Если передавать всѣ тѣ характерные разсказы, которые приходилось слушать, то можно было бы составить изъ нихъ цѣлый томъ, такъ какъ куда бы вы ни пришли, съ кѣмъ бы ни заговорили, каждый непремѣнно пачнетъ говорить вамъ, объ осадѣ, о нѣмцахъ, о томъ, что было, о томъ, что будетъ и т. д. Вотъ

когда можно вспомнить справедливую пословицу: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Вы заходите въ соборъ, спрашиваете о чемъ-нибудь стараго швейцара, прослужившаго въ немъ лѣтъ тридцать, онъ тотчасъ вступаетъ съ вами въ разговоръ и, глядя на прусскихъ офицеровъ, разсматривающихъ чудныя стекла, говоритъ вамъ:

— Regardez moi ces brigands! чего они смотрятъ! рады, я думаю, что могутъ похвастать, что у нихъ есть такой соборъ. Радуйтесь, радуйтесь, не долга будетъ радость!

И напрасно вы станете объяснять ему, что у пруссаковъ есть тоже удивительный соборъ, кёльнскій, онъ васъ не слушаетъ, потому что глубоко увѣренъ, что лучше и знаменитѣе собора страсбургскаго нѣтъ ничего въ цѣломъ мірѣ. И если только вы имѣли счастье ему понравиться, онъ пойдетъ въ свою комнату и вынесетъ вамъ на память кусочекъ разноцвѣтнаго стекла XII-го вѣка, осколокъ окна, разбитаго какою-нибудь шальною нѣмецкою бомбою.

Нанимаете вы извозчика, ѣдете съ нимъ двѣ минуты, онъ завязываетъ уже съ вами разговоръ и спѣшитъ объявить, что своимъ сыновьямъ, если бы они и захотѣли, онъ все-таки не позволитъ служить пруссакамъ, но что, впрочемъ, они и сами этого никогда не захотятъ, потому что его сыновья честные малые. Входите вы въ магазинъ, чтобы купить одну изъ безчисленныхъ брошюръ, составившихъ цѣлую громадную литературу, посвященную вопросу объ Эльзасѣ и Лотарингіи, съ цѣлью доказать всю фальшь историческихъ притязаній Германіи на владѣніе двумя областями, и приказчикъ, развитой и начитанный человѣкъ, какъ большая часть приказчиковъ книжныхъ магазиновъ, начинаетъ разсказывать вамъ различные эпизоды изъ исторіи осады, подчасъ полные истиннаго драматизма и приводитъ доказательства тому, что нѣмцы скоро должны будутъ убѣдиться, что если они одержали побѣду оружіемъ, то въ нравственной борьбѣ съ Эльзасомъ они останутся побѣжденными.

Борьба покореннаго населенія съ чужеземцами имѣетъ уже свои выработанныя средства, опредѣленные пути, свои такъ-сказать традиціи, и эта борьба бросается въ глаза каждому, кто вступаетъ только въ побѣжденный городъ. Эту борьбу съ самаго перваго дня началъ вести Страсбургъ, какъ и другіе города Эльзаса и Лотарингіи, и выражается она въ систематическомъ удаленіи жителей отъ всякихъ сношеній, столкновеній, даже встрѣчъ съ побѣдителями.

— Страсбургъ, говорятъ его жители, это будетъ новая Венеція!

Поведеніе же Венеціи, во время австрійскаго ига, можетъ служить примѣромъ для всякой націи, для всякаго народа, для всякаго общества, въ которомъ сильно развито чувство человѣческаго достоинства. Стараніе избѣжать пруссаковъ было всеобщее: тамъ гдѣ появлялись нѣмцы, оттуда уходили французы; вы входите въ café, и если въ немъ вы находите нѣсколько прусскихъ офицеровъ, то вы ужъ не найдете французовъ; на гуляньѣ то же самое. Напрасно полковая музыка привлекала жителей, они оставались къ ней глухи, слушали ее только одни военные. Жители облеклись въ трауръ и этотъ трауръ чувствовался во всемъ ихъ поведеніи. Ночь начиналась съ семи часовъ вечера, всѣ жители запирались у себя и болѣе не выходили. По улицамъ какъ тѣни скользили нѣмецкіе солдаты, и кромѣ этихъ воиновъ— никого. Городъ былъ мертвъ. Дѣваться некуда, поневолѣ идешь въ café. Вошелъ въ одно мѣсто: дымъ, шумъ, гамъ непроходимый—все это нѣмецкое воинство. Вошелъ въ другое—то же самое, и если что-нибудь развлекало, то это изумительныя штуки, которыя выдѣлывались, даже въ café, офицерами другъ передъ другомъ, младшими передъ старшими.

И какъ имъ только самимъ все это не смѣшно, какъ не разсмѣются они сами, думалось невольно, глядя на эту эквилибристику, дѣлавшуюся такъ серьезно, съ такою важностью.

Пиво льется ручьемъ, дымъ сигаръ рѣжетъ глаза, громкій хохотъ и неистовый крикъ раздается въ ушахъ. О чемъ же говоритъ это самое цивилизованное изъ цивилизованныхъ воинство? Это одно безостановочное хвастовство своими подвигами, это одна брань, одна насмѣшка надъ побѣжденными и нѣтъ кажется такихъ деликатныхъ словъ, которыми бы они не угощали побѣжденныхъ. Боже, какъ далеко чувство гуманности отъ этихъ людей, какъ мало въ нихъ сохранилось людского достоинства; кто бы могъ сказать, слушая эти разговоры, что все это грамотные, да какой грамотные, образованные люди; нѣтъ, мало похоже на это, скорѣй это дикая орда, незнающая удержа, и глядя на нихъ, слушая ихъ разговоры, я не удивлялся болѣе картинѣ того разоренія, разоренія систематическаго, которую я увидалъ, проѣзжая по Франціи. Война должна быть страшнымъ зломъ, если изъ людей образованныхъ она такъ скоро дѣлаетъ дикихъ звѣрей, или образованіе наше фальшивое, никуда негодное, если звѣрскіе инстинкты такъ скоро берутъ надъ нимъ верхъ. Чтобы не слушать этихъ разговоровъ, я спросилъ себѣ французскую газету, спросилъ по-французски и спросилъ довольно громко.

Еслибы вы знали сколько глазъ обратилось мгновенно въ

мою сторону, точно спрашивая: кто этотъ дерзкій, чтó вошелъ въ наше царство, царство славы, побѣды, царство мундира, завинченнаго уса и тщательно выглаженнаго задняго пробора?

Пробывъ въ Страсбургѣ два-три дня, своими глазами увидѣвъ, что значитъ покоренный городъ, завоеванная страна, я не могъ не вѣрить словамъ, которыя мнѣ такъ часто приходилось слышать отъ людей всевозможныхъ партій:

— Да, говорили они, мы должны были быть наказаны, мы должны были навсегда покончить съ нашею военною славою, которая теперь прочно и глубоко погребена; мы должны были быть наказаны за то, что въ продолженіи двадцати лѣтъ сносили это безсовѣстное правленіе, это отрицаніе всякой чести и совѣсти, мы должны были быть наказаны, и наказаны какъ слѣдуетъ — это хорошо. Мы помирились бы скоро съ этимъ, мы скоро забыли бы, en bons enfants, какими мы всегда были на наше несчастье, тотъ стыдъ, тотъ позоръ, который нанесенъ былъ намъ Пруссіею; мы забыли бы Седанъ, мы забыли бы Метцъ, какъ забыли Ватерлоо, мы заплатили бы пять, десять, пятнадцать миллъярдовъ, мы отдали бы себя въ денежное рабство, но никогда мы не забудемъ одного — Эльзаса и Лотарингіи! Поймите, что это лучшіе изъ насъ, это лучшія наши силы, это тѣ, которые постоянно боролись за нашу свободу, которые вмѣстѣ съ нами всегда проливали свою кровь, всегда были впереди, когда нужно было только жертвовать жизнію. Это была наша слава, наша гордость, и чтобы мы забыли Эльзасъ и Лотарингію, Страсбургъ и Метцъ, нѣтъ, никогда! Всѣ наши мысли, стремленія всегда будутъ направлены къ одному — къ возвращенію Эльзаса, къ возвращенію Лотарингіи. Мы заключили не миръ, а перемиріе, и чѣмъ скорѣе мы будемъ въ состояніи порвать его, тѣмъ лучше!

То правительство, которое возвратитъ Франціи оторванныя провинціи, то надолго будетъ прочно и популярно. Возвратить поможетъ только то, которое воспитываетъ свободныхъ гражданъ, а не рабовъ. Шансы болѣе, чѣмъ когда-нибудь, на сторонѣ республики.

Мнѣ невольно приходили на память слова, которыми французы проклинали свою эфемерную славу, когда я оставилъ Страсбургъ и на дебаркадерѣ этого города увидѣлъ цѣлую толпу французскихъ плѣнныхъ солдатъ, конвоируемыхъ нѣмецкими фельдфебелями и перетянутыми офицерами. Нужно было видѣть, какъ эти Юпитеры обращались съ французскими плѣнными! Что за грубость, что за отсутствіе гуманности! Каждую минуту раздаются крики, бранныя слова и только за то, что тѣ не понимаютъ нѣмецкаго языка. Ихъ толкаютъ, когда они

идутъ, набиваютъ ими вагоны, какъ сельдями; просятся выйти—не выпускаютъ. Рабовладѣльцы не могли, конечно, иначе обращаться съ черными, какъ побѣдители нѣмцы съ побѣжденными французами. Вотъ ужъ когда, по-истинѣ, можно было произнести vae victis! но съ тайнымъ упованіемъ, что произнесется когда-нибудь и vae victoribus! Въ противоположность грустнымъ остаткамъ французской арміи, возвращающимся изъ плѣна съ тяжелымъ чувствомъ сознанія своей ничтожности, неудачи, своего несчастія, тутъ толпились нѣмецкіе солдаты, возвращавшіеся на родину съ криками буйной радости, веселья, съ сознаніемъ своего торжества, своей славы. Они шли довольные, счастливые, какъ будто бы побѣда, военная слава можетъ составить счастіе народа. Какъ ни грустно это, но нужно сказать, что урокъ одной націи вовсе не служитъ урокомъ для другой, и народъ также глупо подставляетъ свою голову подъ удары меча и попадаетъ въ устроенную для него западню, какъ глупо несчастный звѣрекъ попадаетъ въ мышеловку. Франція горько платится за то, что увлеклась громкими звуками военной славы, побѣдоносныхъ лавровъ; она горько платится, что позволяла такъ долго обкрадывать себя, и обкрадывать въ томъ, что есть самаго дорогого — въ своихъ народныхъ правахъ; она приноситъ тяжелое искупленіе за то, что промѣняла свое политическое первенство на чечевичную похлебку, промѣнивая свободу на поблекшую мишуру.

Страшный разгромъ, которому подверглась Франція, неминуемо будетъ имѣть пользу, если глубже введетъ въ страну сознаніе, что только одна свобода дѣлаетъ прочнымъ благосостояніе народа,—все остальное преходяще, эфемерно! Пройдетъ безъ сомнѣнія и это опьяненіе нѣмцевъ ихъ военною славою и наступитъ для нихъ роковой день расплаты — побѣдный кубокъ на днѣ своемъ всегда содержитъ тотъ горькій осадокъ, который лишаетъ сознанія и затѣмъ съ неудержимою силою толкаетъ націю въ пропасть. Одна нація путемъ невѣроятныхъ усилій выкарабкивается изъ этой пропасти и оживаетъ, другая остается въ ней на вѣки. Франція не убита была паденіемъ въ эту пропасть; коммуна, двухмѣсячная борьба доказала, кажется, несомнѣнно одно, что нація далеко не потратила всѣхъ своихъ силъ; пускай же для Германіи ея военная слава не будетъ могилою, пускай не будетъ она могилою нѣмцевъ, могилою ихъ нравственнаго равитія.

Съ такими мыслями садился я въ одинъ изъ вагоновъ длин-

наго поѣзда, который увозилъ меня, кто знаетъ, быть можетъ надолго, быть можетъ навсегда, вонъ изъ любимой страны. Зачѣмъ скрывать, я близко принималъ къ сердцу ея страданія, я болѣлъ за этотъ народъ, которому такъ многое простится за то, что онъ такъ много и съ такою любовію служилъ всему человѣчеству. Какая страна можетъ быть чужда благодарности къ Франціи, какая нація можетъ забыть ту услугу, которую оказала ей французская нація, провозгласившая въ свою великую эпоху не права только одного французскаго народа, а «права человѣка». Несчастье вызываетъ еще большее сочувствіе, еще болѣе горячее отношеніе къ народу, потому быть можетъ, что въ несчастіи народъ становится искреннѣе и отталкиваетъ отъ себя все напускное, все непринадлежащее ему. Я сравнивалъ теперь побѣдителей и побѣжденныхъ; однихъ, тонувшихъ въ блаженствѣ и упоеніи побѣдами, другихъ, согнувшихся подъ страшною тяжестію несчастья, и еслибы нужно было стать на одну или на другую сторону, то я не задумался бы примкнуть къ побѣжденнымъ. Эти больше страдали, но за то они ближе къ истинѣ, до которой народы доходятъ путемъ невѣроятныхъ, мучительныхъ усилій. Они ближе къ истинѣ, потому что во внутрь народа глубоко проникло сознаніе, что только тотъ народъ заслуживаетъ имя народа, который въ своихъ рукахъ держитъ свою судьбу, а не полагается на тѣхъ людей, которые именуютъ себя его представителями. Тернистый путь должна была пройти Франція, прежде чѣмъ дошла до этого сознанія.

Да дошла ли? невольно задаешь себѣ вопросъ. Если не дошла, то приблизилась, отвѣчаешь себѣ, а развѣ этого мало! Въ томъ же, что французскій народъ сдѣлалъ шагъ впередъ на пути къ этому сознанію, въ этомъ убѣждало меня все то, что я видѣлъ, все то, что слышалъ во время моего путешествія по Франціи.

— А знаете,—прервалъ меня знакомый французъ, ѣхавшій вмѣстѣ со мною въ Германію, чтобы отыскать, среди плѣнныхъ, одного изъ своихъ близкихъ друзей,—я не думалъ, что я съ такимъ спокойствіемъ буду смотрѣть на нѣмцевъ. Я не чувствую къ нимъ ни малѣйшей ненависти, я только скорблю объ ихъ будущемъ. Чѣмъ они счастливы, чему они радуются, развѣ вся эта славная для нихъ война, всѣ эти славныя побѣды тяжело не отзовутся на нихъ самихъ. Война—это орудіе меньшинства противъ большинства, которое не можетъ освободиться еще изъ-подъ матеріальнаго и нравственнаго рабства, и до тѣхъ поръ пока оно не освободится, война будетъ обыкновеннымъ явленіемъ. Война выгодна для меньшинства, потому что каждый разъ она закрѣпляетъ зависимость отъ него большинства. Войны

были въ прошедшемъ, свирѣпствуютъ онѣ и въ настоящемъ, потому что какъ прошедшее, такъ и настоящее принадлежатъ ничтожному меньшинству. Эти войны прекратятся только въ будущемъ, потому что будущее принадлежитъ большинству—это неумолимый законъ исторіи, который кончится тѣмъ, что подчинитъ себѣ всѣ народы.

— Да, отвѣчалъ я ему; но мы съ вами конечно не увидимъ этого будущаго, и для насъ торжество большинства народныхъ массъ останется ничѣмъ инымъ, какъ теоріею, какъ соображеніями, которыя для однихъ могутъ быть утѣшительны, для другихъ ненавистны.

— Не говорите, возразилъ онъ. Быть можетъ, мы съ вами не увидимъ этого будущаго, но мы увидимъ его приближеніе, и глухи тѣ, которые не слышатъ уже тѣхъ громовыхъ раскатовъ, которые предшествуютъ разрушенію въ конецъ стараго, построеннаго на неправдѣ, міра. Во Франціи эти громовые раскаты зовутся революціями...

Нашъ поѣздъ вездѣ, на всѣхъ станціяхъ, встрѣчали съ необыкновеннымъ торжествомъ: съ нами ѣхало нѣсколько сотъ нѣмецкихъ воиновъ. Шумные крики восторга обезумѣвшаго отъ побѣдъ народа привѣтствовали побѣдителей. Одинъ нѣмецкій городъ слѣдовалъ за другимъ, мы ѣхали все дальше и дальше, часто встрѣчая на пути возвращающихся французскихъ плѣнныхъ. Было уже поздно, часовъ одиннадцать вечера, когда мы остановились въ Ульмѣ. Мы ожидали встрѣчнаго поѣзда. Наконецъ поѣздъ показался и издалека долетѣли до насъ звуки знакомой пѣсни. Поѣздъ этотъ былъ поѣздомъ французскихъ плѣнныхъ, пѣсня эта была марсельеза.

— Что за бѣшеный народъ! никакой дисциплины! никакого порядка! раздавались возгласы нѣмцевъ.

Въ то же самое время, когда поѣздъ этотъ подходилъ къ станціи и марсельеза все болѣе и болѣе оглашала воздухъ, на платформу выбѣжали мальчуганы съ вечернимъ нумеромъ ульмской газеты и съ громкими криками:

— Die Unruhen in Paris, die Unruhen in Paris!

— Что они кричатъ про Парижъ, спросилъ меня французъ.

— Они кричатъ, что въ Парижѣ безпокойства! Я взялъ газету и прочелъ извѣстіе о 18-мъ мартѣ.

То, чтó нѣмцы называли «безпокойства», то должно было быть названо революціею. Французъ задумался и поникъ головою.

— Погибшій народъ, говорили въ это время нѣмцы, должно быть, мы все еще мало выпустили имъ крови!

Какой страшный кризисъ переживаетъ эта несчастная страна, невольно думалось въ ту минуту, когда мысль перебѣгала отъ 15-го іюля, т.-е. отъ того дня, когда была объявлена война, къ 4-му сентября, когда армія была разбита и республика смѣнила имперію, и затѣмъ отъ 1-го марта, дня заключенія мира, къ 18-му марта — дню, когда загорѣлась отчаянная гражданская война! Кто разгадаетъ этотъ народъ, кто предскажетъ его будущее, когда настоящее такъ мрачно, такъ полно противорѣчій!

Не правы ли нѣмцы, не правы ли тѣ, которые говорятъ, что Франція погибла? О нѣтъ, не погибла та страна, не погибъ тотъ народъ, который, двѣ недѣли спустя послѣ страшной войны и невѣроятныхъ бѣдствій, рѣшается снова на всѣ лишенія, на всяческія страданія, лишь бы отстоять свободу и не уступить республики.

Франція была уже далеко. Я скоро оставилъ позади себя и Германію, Австрію, и снова очутился на русской границѣ.

Зрѣлище страданій народа, зрѣлище разоренной страны произвели на меня глубокое впечатлѣніе, которое никогда не изгладится. Что̀, думалось мнѣ, проѣзжая мимо родныхъ городовъ, деревень, селъ, лѣсовъ и полей, что̀ было бы, еслибы та нація, которая недостаточно выпустила крови изъ жилъ Франціи, захотѣла выпустить ее также изъ сердца Россіи. Побѣда заманчива, слава опьяняетъ, нѣтъ болѣе ѝдержа, давайте завоевывать еще и еще! И представилось мнѣ страшное сонмище, милліонныя нѣмецкія арміи, наполняющія Россію, убивающія, грабящія и разоряющія ее. Страхъ обуялъ меня, и невольно думалось мнѣ: что̀ же мы противоставимъ «гнилому Западу», если онъ вздумаетъ не принять за чистую монету нашу хваленую мощь, нашъ хваленый геній, нашъ знаменитый девизъ: «мы шапками молъ закидаемъ!»

Евг. Утинъ.

Конецъ.

1.

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила.

* * *

Труба пастушья поутру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;

* * *

То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила!

* * *

То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды —
О жизнь! о лѣсъ! о солнца свѣтъ!
О юность! о надежды!

* * *

И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый —
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!

* * *

То было въ утро нашихъ лѣтъ —
О счастіе! о слезы!
О лѣсъ! о жизнь! о солнца свѣтъ!
О свѣжій духъ березы!

2.

На тягѣ.

Сквозитъ на заревѣ темнѣющихъ небесъ
И мелкимъ предо мной рисуется узоромъ
Въ весенніе листы едва одѣтый лѣсъ,
На лугъ болотистый спускаясь косогоромъ.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Прерывисто свое оканчиваютъ пѣнье;
Отъ луга всходитъ паръ.... Мерцающей звѣзды
У ногъ моихъ въ водѣ явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодній листъ
Въ дубахъ зашелестѣлъ. Внезапно легкій свистъ
Послышался; за нимъ отчетисто и внятно
Стрѣлку знакомый хрипъ раздался троекратно,
И вальдшнепъ протянулъ — внѣ выстрѣла. Другой
Летитъ изъ-зá-лѣсу, но длинною дугой
Опушку обогнулъ и скрылся. Слухъ и зрѣнье
Мои напряжены, и вотъ черезъ мгновенье,
Свистя, еще одинъ, въ послѣднемъ свѣтѣ дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаивъ, скрываясь за осиной,
Я выждалъ вѣрный мигъ — впередъ на пол-аршина
Я цѣлюсь — огнь блеснулъ, по лѣсу грянулъ громъ —
И вальдшнепъ падаетъ на землю колесомъ.

Удара тяжкаго далекіе раскаты,
Слабѣя замерли. Спокойствіемъ объятый,
Вновь дремлетъ юный лѣсъ, и облакомъ сѣдымъ
Въ недвижномъ воздухѣ виситъ ружейный дымъ.
Вотъ донеслась еще изъ дальняго болота
Весеннихъ журавлей ликующая нота —
И стихло все опять, и въ глубинѣ вѣтвей
Жемчужной дробію защелкалъ соловей.
Но отчего же вдругъ, мучительно и странно,
Минувшимъ на меня повѣяло нежданно,
И въ этихъ сумеркахъ, и въ этой тишинѣ,
Какъ горестный упрекъ оно предстало мнѣ?
Былыя радости! Забытыя печали!
Зачѣмъ въ моей душѣ вы снова прозвучали?
И грустно предо мной, средь явственнаго сна,
Мелькнула дней моихъ погибшая весна!

Гр. А. К. Толстой.

ДЖОРДАНО БРУНО

Біографическій очеркъ.

Наши свѣдѣнія о жизни Джордано Бруно, одного изъ замѣчательнѣйшихъ мучениковъ мысли XVII-го вѣка въ Италіи, и о его философскихъ воззрѣніяхъ, въ послѣднее время обогатились новыми данными, вызвавшими новыя изслѣдованія въ европейской литературѣ [1]). Его попытки просвѣтить современниковъ и вывести ихъ изъ заблужденій кончились, какъ часто кончались подобныя попытки — костромъ. Но иначе и не могло быть въ тѣ времена великой общественной переработки, которую мы привыкли называть эпохой «Возрожденія». Когда старые общественные идеалы, повидимому, еще стоятъ крѣпко, а новые едва намѣчены въ сознаніи массъ, какъ нѣчто готовящееся, возможное, безъ особой цѣны и значенія — только немногія выдающіяся личности переживаютъ ихъ сознательно, открываютъ ихъ жизненный смыслъ и обновляющую силу. Такія личности обыкновенно являются одиноко: за ними нейдетъ толпа послѣдователей, они не добиваются признанія; чѣмъ уединеннѣе ихъ подвигъ, тѣмъ исключительнѣе ихъ вѣра въ стоимость новыхъ идей, они предаются имъ безъ контроля и общественной поддержки, съ страстностью легендарнаго анахорета, увлеченнаго въ лѣсъ пѣ-

---

[1]) Укажемъ, между прочимъ: *Vita di Giordano Bruno da Nola, scritta da Domenico Berti.* 1868, 1 v. — гдѣ въ первый разъ обнародованы документы венеціанскаго процесса. Въ своемъ изслѣдованіи, мы пользовались, въ качествѣ источника, извѣстнымъ изданіемъ трудовъ Дж. Бруно: *Opere di Giordano Bruno Nolano, ora per la prima volta raccolte e publicate da Adolfo Wagner.* Leipzig. 1830, 2 vv. Къ сожалѣнію мы не успѣли достать послѣдняго труда, посвященнаго Бруно-философу: Alberto Errera, I precursori Noliani. 1870.

ніемъ райской птички. Чѣмъ далѣе они сами отъ общества, тѣмъ болѣе крайне выработываются ихъ одинокія убѣжденія, тѣмъ смѣлѣе жизненные выводы, которые они дѣлаютъ изъ нихъ, въ смыслѣ соціальнаго и религіознаго обновленія. Тогда между ними и обществомъ происходитъ разрывъ. Нельзя сказать, чтобъ они явились слишкомъ рано: они только слишкомъ рано высказались, хотѣли сдѣлать обязательнымъ то, что еще смутно покоилось въ сознаніи массъ, какъ невыясненное, далекое отъ всякаго житейскаго приложенія. На всемъ этомъ они настаивали и слишкомъ быстро переходили къ заключеніямъ, иногда фантастическимъ, рѣдко оправдываемымъ, исходя отъ посылокъ, которыя, въ сущности, всякій готовъ былъ имъ уступить, но которымъ предстояло дозрѣть до осязательныхъ выводовъ цѣлымъ рядомъ поколѣній. Они — голосъ зовущаго ночью, когда нерадивыя дѣвы спятъ и не зажжены еще свѣтильники. Ихъ сторожевой окликъ нарушаетъ обычный покой и слишкомъ рано зоветъ проснуться. Оттого ихъ удаляютъ. Осуждая ихъ на казнь, толпа не даетъ себѣ отчета, что она обрекаетъ въ зародышѣ свою собственную мысль, свое будущее, на дорогу котораго они первые вступили, принявъ едва брезжущіе лучи за близость разсвѣта. Есть что-то роковое въ этомъ самоубійствѣ общественной мысли.

Если я остановился въ эпохѣ «Возрожденія» на Джордано Бруно, то потому, что онъ особенно симпатиченъ. Я говорю не о мыслителѣ, а о человѣкѣ. Какъ мыслитель, онъ для насъ отжилъ, и намъ едвали придется считаться съ нимъ. Въ исторіи знанія его имя не особенно подчеркнуто; да онъ и не былъ способенъ къ точному, аналитическому подвигу мысли. Поэтъ и пантеистъ по природѣ, онъ болѣе интересовался общими построеніями, широкими идеями космоса и мірозданія. Иногда какая-нибудь научная истина, которую откроютъ два столѣтія спустя, промелькнетъ смѣлой догадкой въ его космическія видѣнія, и открытіе Коперника, которому Бруно отдался всей душею, населитъ ихъ потомъ мірами, цѣлыми миріадами міровъ. Съ высоты его мысли, въ этой безконечной жизни земля должна была представляться ему ничтожной, ея исторія эфемерною, и страшно мелочною эта блестящая мишура, которую люди называютъ цивилизаціей. За то какой просторъ для прогресса и развитія въ этихъ безчисленныхъ центрахъ жизни, наполняющихъ вселенную! Поле будущаго не ограничено одной землею — ему нѣтъ предѣла; и Бруно вѣритъ въ эту безконечность прогресса, совершенствованія, какъ вѣритъ въ свое ученіе. «Этой философіей

мой духъ расширяется и возвышается умъ», говоритъ онъ (Candelajo, Prefaz.). Эта вѣра — краеугольный камень его ученія.

Таковъ Бруно-мыслитель — но здѣсь начинается человѣкъ. Съ этой вѣрой онъ проходитъ всю жизнь, онъ счастливъ ею и благодаритъ Бога, сподобившаго его такъ неутомимо стремиться къ свѣту. Эта вѣра поддерживаетъ его среди постоянныхъ лишеній, искупая его минутныя слабости; вмѣстѣ съ нимъ она всходитъ на костеръ, когда безсмысленная толпа глазѣла на него, не зная что творитъ, и некому было напутствовать его въ безграничность космоса. «Ступай, мой другъ, подъ сѣнь той интеллектуальной сферы, которой средоточіе всюду и нигдѣ нѣтъ окружности, — которую мы называемъ Богомъ».

I.

Джордано Бруно родился въ 1548-мъ году въ Нолѣ, отъ бѣдныхъ родителей. Бѣдность провожаетъ его потомъ всю жизнь, онъ не устаетъ бороться съ ней, вѣчно ищетъ работы въ типографіяхъ, въ частныхъ урокахъ. Ему было 38 лѣтъ отъ роду, когда написано было его письмо къ совѣту виттенбергскаго университета, гдѣ онъ, съ глубокимъ чувствомъ, благодаритъ за то, что ему, бѣдному изгнаннику, позволили преподавать приватно, чтобы удалить гнетущую нищету. Была только одна свѣтлая полоса въ его жизни, когда онъ могъ забыться на время и работать свободно: это было время его двухлѣтняго пребыванія въ Англіи. За то онъ и произвелъ тамъ лучшее, что̀ вышло изъ-подъ его пера; за то какимъ хвалебнымъ гимномъ звучатъ его слова къ Мишель-де-Кастельнѐ, французскому посланнику въ Лондонѣ, въ домѣ котораго онъ жилъ: «Ты обратилъ для меня Англію въ Италію, Лондонъ въ Нолу, въ мой блуждающій кровъ поселилъ пенатовъ». Нола, Италія, Неаполь — старыя воспоминанія не оставляютъ его ни на минуту; какъ ни отрываютъ его отъ нихъ обстоятельства, онъ всегда возвращается къ нимъ съ гордымъ самосознаніемъ итальянца. «Италія, Неаполь, Нола! страна благословенная небомъ, глава и десница земного шара, правительница и побѣдительница другихъ поколѣній — ты всегда представлялась мнѣ матерью и наставницей добродѣтелей, наукъ и всякаго гуманнаго развитія».

Нола, городокъ Счастливой-Кампаньи, лежитъ въ небольшомъ разстояніи между Неаполемъ и Казертой, въ долинѣ, которую окаймляютъ высоты С. Эльмо, С. Паоло и Казамарчьяно. Къ югу отъ нея виденъ Везувій, на сѣверъ горы Авеллы и Рокка-

ьйнола, на востокѣ плодоносные холмы Чикала, покрытые виноградникомъ.

У подножья этихъ холмовъ стоялъ домикъ, гдѣ родился нашъ Джордано. Впечатлѣнія родного пейзажа не покидаютъ его потомъ никогда: всюду онъ носитъ съ собой образъ своей милой Нолы, онъ любитъ называть себя ноланцемъ, свою философію—ноланскою, выводить въ своихъ философскихъ разговорахъ дѣйствующими лицами — своихъ знакомыхъ изъ Нолы. Еслибъ не заглавные листки того или другого изъ его изданій, легко бы повѣрить, что всѣ они писаны и печатались въ Нолѣ: такъ много въ нихъ мѣстныхъ указаній, какъ будто обличающихъ близость почвы и непосредственное впечатлѣніе. Мы какъ будто передъ собою видимъ силуэтъ Везувія и Monte Cicala, ощущаемъ пріятную терпкость мѣстнаго ноланскаго вина, и читаемъ вмѣстѣ съ Бруно забавную вывѣску аптекаря: Non qualitas, sed quantitas, не качествомъ, а количествомъ!

Бруно не только ноланецъ, онъ прежде всего истый сынъ итальянскаго юга. Документы венеціанскаго процесса изображаютъ его средняго роста, съ бородой каштановаго цвѣта. Если онъ самъ себя обрисовалъ въ антипрологѣ къ своей комедіи «Il Candelajo», то мы почти можемъ дописать себѣ его физіономію: глаза задумчивые, потерянные, какъ будто ушедшіе внутрь, въ созерцаніе мукъ ада; смѣхъ сквозь слезы (in tristitia hilaris, in hilaritate tristis); отсутствіе тѣла; характеръ раздражительный, полный упрямства и эксцентрическихъ выходокъ. Портретъ относится къ болѣе позднему времени, и краски наложены преднамѣренно ярко: во всякомъ случаѣ передъ нами совершенно южная натура, сотканная изъ однихъ нервовъ и безпокойства, способная увлечься въ надзвѣздную область въ поискахъ за отвлеченной мыслью, способная увѣровать въ нее съ страстностью юноши, чтобы вслѣдъ затѣмъ неожиданно окунуться въ житейскую грязь и разразиться гомерическимъ хохотомъ надъ какой-нибудь шутовской продѣлкой. Этой подвижности мысли отвѣчаетъ капризное движеніе рѣчи: она то звучитъ гдѣ-то въ небѣ полнымъ аккордомъ органа, побѣдой и провозвѣстіемъ, то врывается въ комнату прямо съ площади, вторя нескромнымъ кривляньямъ паяса. То она не угонится за мыслью, и тогда догоняетъ ее скачками, дробясь на тысячи брызговъ, разливаясь моремъ словъ — слово за словомъ, эпитетъ за эпитетомъ, такъ что вы устаете отъ общаго движенія.

«Кому поднесу я мой Candelajo»? говоритъ онъ въ посвященіи своей комедіи: — кому, о великій рокъ, хочешь ты, чтобъ посвятилъ я моего паранимфа, моего добраго корифея?

Кому пошлю я, что въ самые жаркіе дни каникулъ пролили на меня дождемъ неподвижныя звѣзды, что просѣяли на меня огоньки, бѣгущіе по небу, чѣмъ выстрѣлило мнѣ въ голову старшее созвѣздіе зодіака, что моему внутреннему слуху нашептали семь блуждающихъ свѣтилъ? Къ кому обратиться мнѣ?... Къ его святѣйшеству? Нѣтъ. Къ его императорскому величеству? Тоже нѣтъ. Къ его свѣтлости, его высочеству? Нѣтъ и нѣтъ!» Онъ посвящаетъ, наконецъ, свой трудъ Фатѣ-Морганѣ, шаловливой феѣ, которая на берегахъ Мессинскаго пролива пугаетъ жителей причудливыми миражами. Это какъ нельзя болѣе кстати, и читателямъ Бруно не разъ приходится вспомнить Раблэ, этого другого сына романскаго юга: та же гривуазность и рядомъ съ беззастѣнчивой площадной шуткой такое опредѣленіе божества, что Монтэнь и Паскаль взяли бы его, необинуясь, для себя.

Объ отрочествѣ Бруно мы почти ничего не знаемъ. Оно было неприглядное. Такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ поминаетъ его позже. Ему было 10 или 11 лѣтъ отъ роду, когда его отдали изъ Нолы въ Неаполь учиться діалектикѣ, логикѣ и всѣмъ тѣмъ наукамъ, какія входили тогда въ кругъ школьнаго обученія. Онъ слушалъ также на сторонѣ философскія чтенія; къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ они состояли и какъ отразились на умѣ молодого Бруно. Что могло побудить пятнадцатилѣтняго мальчика вступить въ монастырь? Желаніе ли продолжать занятія въ средѣ, которая въ это время казалось всего болѣе къ тому удобной; или внезапный приливъ религіознаго чувства повлекъ его къ шагу, къ которому, по своей живой, впечатлительной природѣ, онъ всего менѣе былъ способенъ?

Монастырь S. Domenico Maggiore, куда Бруно вступилъ послушникомъ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ церковныхъ построекъ Неаполя. Среди палаццовъ и шумной жизни города, онъ хранилъ на себѣ слѣды суроваго VIII-го вѣка. Подъ его молчаливыми сводами когда-то раздавался голосъ Ѳомы Аквинскаго, который читалъ здѣсь богословіе. Еще все полно его памятью: вотъ келья, гдѣ онъ задумалъ самую грандіозную систему религіозной философіи, какую видѣли средніе вѣка; распятіе, съ котораго, по разсказу легенды, Спаситель сошелъ для бесѣды съ «ангелическимъ» докторомъ. Внутри монастыря сады полные зелени и аромата; дворы, обведенные крытыми ходами на аркахъ. Все располагаетъ къ покою и религіозной созерцательности. Подъ этими ходами, Бруно встрѣчался не разъ съ другимъ, такимъ же молодымъ послушникомъ, какъ и онъ самъ, погруженнымъ въ чтеніе книги. Книга эта была аскетическая и называлась — «Семь блаженствъ Богородицы». Бруно посовѣто-

валъ ему бросить ее: гораздо полезнѣе, говорилъ онъ, почитать Житія св. отцевъ.

Это было непристойно и возбудило толки. Вспомнили, какъ, въ одинъ прекрасный день, тотъ же Бруно роздалъ образки святыхъ, оставивъ для себя простое распятіе; могли вспомнить и о многомъ другомъ. Такого рода начало обѣщало худой конецъ. У наставника послушниковъ уже была въ рукахъ черновая обвинительнаго акта, изъ котораго могъ выйти для Бруно цѣлый религіозный процессъ. Но монахъ передумалъ, можетъ быть, взявъ въ разсчетъ молодыя лѣта обвиненнаго — и процесса не вышло.

Бруно былъ тогда восемнадцатый годъ.

Перенесемся черезъ десять лѣтъ. Онъ уже четыре года какъ посвященъ въ священники, служилъ первую обѣдню въ монастырѣ Санъ-Бартоломмео въ Città di Campagna, странствовалъ по обителямъ неаполитанской области, и теперь снова въ Неаполѣ — наканунѣ новаго процесса. Десять лѣтъ прошли не даромъ: капризныя выходки молодого причетника грозятъ разростись до чего-то похожаго на цѣлую систему протеста. Въ комедіи «Il Candelajo», которую онъ позже напечатаетъ въ Парижѣ и написалъ теперь, въ первые годы священства, онъ не только смѣется надъ ослинымъ хвостомъ, которому генуэзцы поклоняются какъ святынѣ, надъ водой св. Петра Мартира, сѣменемъ св. Ивана, манной св. Андрея и т. п.—все его міросозерцаніе какое-то отрицательное, напоминающее «Похвалу Глупости» Эразма. Преславные плоды этой глупости (gloriosi frutti di pazzia) — вотъ чтó думаетъ онъ показать въ своей комедіи, гдѣ осмѣяны педантъ-любовникъ, педантизмъ алхимика и ученый педантизмъ. Типы неновые въ итальянской комедіи XVI-го вѣка, но во всякомъ случаѣ ново и непривычно въ устахъ молодого монаха это представленіе жизни съ точки зрѣнія педантизма, глупости, ханжества и лицемѣрія, невѣжества и тупой сносливости. Въ «Ноевомъ Ковчегѣ», другомъ поэтическомъ капризѣ Бруно, относящемся къ тому же времени, но къ сожалѣнію потерянномъ, это представленіе должно было достигать высшей степени юмора. «Ноевъ ковчегъ»—это человѣческое общество: звѣри изображаютъ людей, и всѣмъ правитъ оселъ, которому сами боги вручили кормило спасительнаго судна. «О святая глупость, святое невѣжество (O sant'asinità, sant'ignoranza). О достопочтенная тупость и благочестивая набожность! Вы дѣлаете души людей столь добродѣтельными, что передъ вами ничто умъ и всякое знаніе».

Отъ критическаго отношенія къ образкамъ и благочестивымъ

книжкамъ до такого грустнаго взгляда на жизнь вообще — разстояніе огромное. Въ промежутокъ должна была пройти цѣлая исторія внутренняго развитія и борьбы; сомнѣнія, томившія молодого послушника, выработались въ душѣ монаха въ цѣлую систему отрицаній. И въ самомъ дѣлѣ: такой фактическій протестъ, съ какимъ онъ теперь выступаетъ, не могъ обойтись безъ теоретическаго протеста, который служилъ ему подкладкой, безъ глубокаго поворота въ мысляхъ и въ нравственной оцѣнкѣ вещей. Ставъ монахомъ, Бруно пересталъ быть христіаниномъ. Онъ такъ самъ показываетъ о себѣ позже, въ отвѣтахъ венеціанскимъ инквизиторамъ. Съ восемнадцати лѣтъ, то-есть, со времени его перваго процесса, какъ мы видѣли, несостоявшагося, онъ началъ сомнѣваться въ основныхъ догматахъ церкви, въ ученіи о Троичности и Воплощеніи; по крайней мѣрѣ, онъ понималъ ихъ не по-христіански, своеобразно. Такъ Ипостась Сына онъ толковалъ какъ Разумъ Бога-Отца, Духъ Святой былъ для него — любовью, душею вселенной, источникомъ жизни въ ней разлитой; она также безсмертна, какъ матерія; отъ нея исходитъ жизнь и одушевленіе всему, чтó только обладаетъ жизнью и одарено душою. Такое философское толкованіе догматовъ сразу выводило Бруно не только за предѣлы христіанства, но и вообще всякой исторической, положительной религіи: ему казалось, что всѣ онѣ только убиваютъ разсудочную дѣятельность, не принося человѣчеству желаннаго покоя, не исправляя нравы. Полный восторженной надежды на будущее, онъ видѣлъ впереди возможность какой-то философской религіи, которая смѣнитъ всѣ положительные культы, изгонитъ въ преисподнюю обветшалыхъ боговъ, избавляя насъ отъ страха вѣчныхъ мученій. Отсюда понятно его негодованіе на религіозное воспитаніе его времени: оно наполняло дѣтскіе умы небылицами, отчего могъ только задержаться религіозный прогрессъ, къ которому онъ такъ страстно стремился.

Такъ представлялъ себѣ самъ Бруно, много лѣтъ спустя, свой первый разрывъ съ традиціей. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь примѣшалось, безсознательно для него самого, множество позднѣйшихъ чертъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ возстановить въ памяти точную исторію своего собственнаго развитія; и чѣмъ послѣдовательнѣе оно, чѣмъ болѣе мы имъ дорожимъ, тѣмъ хуже — потому что непримѣтно для насъ самихъ мы постараемся отнести къ предыдущему, чтó развилось и получило смыслъ только позже, примемся осмыслять въ виду позднѣйшихъ результатовъ такія мелочи изъ запаса нашей памяти, которыя, быть можетъ, не стояли съ этими результатами ни

въ какой связи. Такъ могло быть и съ Бруно; въ сущности, разрывъ, о которомъ онъ поминаетъ лѣтъ двадцать пять спустя, можетъ быть, не имѣлъ той теоретической прозрачности, съ какой онъ представляется намъ изъ его словъ, какъ долженъ былъ представиться ему самому, когда онъ принялся подводить итоги своей дѣятельности. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что основаніе было положено и тогда же сдѣланы были всѣ посылки для дальнѣйшихъ построеній; надо было выработаться прочному критическому взгляду на значеніе историческихъ религій вообще и христіанства въ особенности, чтобы сдѣлать возможнымъ то отношеніе къ аріанству, которое повело къ его вторичному процессу. Однажды онъ разговаривалъ съ Монтальчино, монахомъ его же ордена, родомъ изъ Ломбардіи. Дѣло шло объ аріанахъ, которыхъ Монтальчино называлъ неучами, потому что свое ученіе они не умѣютъ выразить условнымъ языкомъ школы. Бруно отвѣтилъ ему на это, что аріане если и не говорятъ языкомъ схоластики, всё же выражаютъ свою доктрину съ большой ясностью—и онъ въ нѣсколькихъ словахъ формулировалъ сущность ихъ ученія. За эту косвенную защиту ихъ догмата онъ былъ обвиненъ, и на этотъ разъ процессъ обѣщалъ быть серьёзнымъ: обвинителемъ долженъ былъ выступить не начальникъ послушниковъ, а самъ отецъ-провинціалъ. Бруно былъ уже священникомъ — тѣмъ строже будетъ судъ: его подозрѣваютъ въ ереси, въ отрицаніи главныхъ догматовъ христіанской религіи; собираются свѣдѣнія о его прошломъ, о его рѣчахъ и мнѣніяхъ, о процессѣ, который онъ чуть-было не навлекъ на себя еще будучи послушникомъ. Гроза собиралась не на шутку. Бруно рѣшился скрыться изъ Неаполя, чтобы избѣжать тюрьмы и, можетъ быть, чего-нибудь худшаго. Онъ бѣжалъ въ Римъ.

Бруно въ первый разъ увидалъ тогда вѣчный городъ. На улицахъ былъ праздникъ: праздновалась свадьба Джіакомо Буонкампаньи, изъ семейства тогдашняго папы Григорія XIII, съ графиней Ди-Сантафіоре. Бруно постучался у воротъ монастыря della Minerva, принадлежавшаго его ордену, гдѣ и былъ принятъ. Не прошло нѣсколькихъ дней, какъ его неаполитанскіе друзья извѣщали его письменно, что слѣдственное дѣло, наряженное надъ нимъ, препровождено изъ Неаполя въ Римъ, что послѣ него найдены запрещенныя книги, которыя онъ забросилъ въ виду поднимавшагося противъ него обвиненія. Это были творенія св. Іеронима съ комментаріями Эразма, и нѣкоторые труды Іоанна Златоуста, въ переводѣ того же Эразма. Бруно пользовался ими тайкомъ, потому что комментаріи издателя претили католическому пуризму; онъ не только постарался ихъ вымарать,

но и припрятать самыя книги. Но теперь онѣ найдены, обвиненіе слѣдовало за нимъ по пятамъ, процессъ можетъ начаться завтра же. Бруно рѣшился бѣжать еще разъ: улучивъ минуту, онъ выбрался изъ Рима одинъ и тайкомъ, сбросилъ рясу и, принявъ прежнее имя Филиппа, пошелъ куда глаза глядятъ. Такъ началось его долгое одинокое странствованіе по свѣту.

Пока онъ добирается до Генуи, мы постараемся изслѣдовать, какъ онъ вышелъ на этотъ скользкій путь? Какъ выработалась въ немъ та система убѣжденій, которая оставляла далеко за собой и протестъ комедіи, поднимавшійся противъ мелочей жизни, и тотъ внѣшній религіозный протестъ, характеризующій реформаціонное движеніе и непокидавшій вопросовъ догмата и внѣшнихъ историческихъ отношеній? Какъ объяснить себѣ ту высоту развитія, съ которой все это представлялось лишь преходящими формами жизни, въ виду какой-то необъятной возможности будущаго? Монастырская школа и монастырскія библіотеки не въ состояніи объяснить это развитіе; матеріалъ, который онѣ давали Бруно, былъ бѣденъ, и его выборъ исключителенъ: отрывочныя свѣдѣнія изъ разныхъ областей знанія, остановившагося на старой схемѣ семи свободныхъ искусствъ и не обновлявшагося вѣками; Аристотель и Схоластики, съ которыми Бруно тотчасъ же покончилъ; богословская космогонія Ѳомы Аквинскаго, которой Бруно противопоставилъ свое собственное поэтическое ученіе о космосѣ. Въ построеніи этого космоса участвовало все, что ему удавалось читать урывками подъ бдительнымъ монашескимъ окомъ, и къ изученію чего онъ могъ обратиться свободно лишь по выходѣ изъ монастыря. Тутъ было большое разнообразіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и понятное отсутствіе системы: вмѣстѣ съ комментаріями Эразма—Лютеръ, Меланхтонъ и Кальвинъ; Платонъ и александрійскіе неоплатоники; отцы церкви и философы итальянскаго возрожденія: Фичино, Пико делла Мирандола, Карданъ и Телезій. Сочиненія кардинала Кузанскаго имѣли на него значительное вліяніе: онъ нашелъ въ нихъ зародыши того раціонализма, въ которомъ онъ самъ пошелъ такъ далеко; они приготовили его къ принятію новаго въ то время астрономическаго ученія, за которымъ осталось имя Коперника. Послѣднему онъ отдается всецѣло, послѣ того какъ долгое время колебался относительно его состоятельности: оно не только открыло ему цѣлый новый міръ, но и заставило его усомниться въ научности старой системы мірозданія, которой опытъ перечилъ, но съ которой богословы еще продолжали носиться, опираясь на тексты Библіи. Онъ долженъ былъ не только освободить науку изъ служебнаго отношенія къ богословію, въ какомъ она до тѣхъ

поръ находилась, но, пойдя далѣе, подвергнуть критикѣ богословскую теорію, закрывавшуюся отъ науки, если ея результаты не укладывались въ установленныя рамки. Таково было отрицательное вліяніе коперниковой системы на міросозерцаніе Бруно, какъ оно отразилось на его трудахъ. Положительное вліяніе совсѣмъ другого рода. Натура Бруно была поэтическая; не то чтобы онъ писалъ стихи; онъ писалъ ихъ, но мало, онъ плохой стилистъ и вообще не обращаетъ вниманія на форму. Ему даже противны были мелкіе идеалы, которыми пробавлялась современная ему школа Петраркистовъ: «въ апрѣлѣ мѣсяцѣ влюбился Петрарка, въ апрѣлѣ же ослы обращаются къ созерцанію» (Il Candelajo, p. 28—9). Его любимая женщина—Софія, т.-е. мудрость, идеальный образъ его собственной философіи; онъ какъ будто возвращается къ строгимъ привязанностямъ стараго Данте, когда Беатриче-женщина стала для него теологіей. Однимъ словомъ, онъ поэтъ-мыслитель; онъ поэтически мыслитъ. «И меня любили нимфы»—peramarunt me Nymphae, говоритъ онъ о себѣ въ одномъ мѣстѣ, и дѣйствительно, едвали кто имѣлъ на это большее право [1]).

Такому уму система Коперника представлялась цѣлымъ поэтическимъ откровеніемъ. Открывалась масса новыхъ фактовъ, они манили къ новымъ выводамъ, и выводы становились въ свою очередь фактами, вызывая къ дальнѣйшимъ построеніямъ. Ничто не повѣрялось, аналитическому изслѣдованію почти не было мѣста; выводы и факты укладывались какъ-то сразу въ одну стройную систему, полную поэзіи и произвола, назначенную замѣнить старое, богословское созерцаніе о мірѣ и его началѣ. Множество міровъ наполняло необъятность вселенной; среди нихъ роль земли, когда-то стоявшей въ центрѣ созданія, сводилась къ микроскопическимъ размѣрамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ падала и первенствующая роль человѣка; его паденіе и искупленіе, о которомъ учило христіанство и другія религіи, переставали быть міровымъ фактомъ; его исторія, его вѣковое развитіе — что̀ это, какъ не атомъ общей жизни, который такъ долго дѣлало центромъ всего людское самолюбіе и исключительность богослова? Съ этой точки зрѣнія не только стушевывалось значеніе христіанства, но и предполагался молчаливый разрывъ съ господствующимъ міросозерцаніемъ, вытекавшимъ преимущественно изъ христіанскихъ основъ. Такова сущность того поэтическаго космоса, котораго

---

[1]) Philosophi sunt quodammodo pictores atque poetae, говоритъ онъ при другомъ случаѣ:—non est philosophus, nisi fingit et pingit; т.-е. философы—живописцы и поэты, и не философъ тотъ, кто не творитъ и не изображаетъ.

Бруно былъ деміургомъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ и самая существенная часть его философіи.

На эту поэтическую сторону его характера, на эту способность быстро переноситься отъ фактовъ къ самымъ фантастическимъ построеніямъ цѣлаго, должно было повліять его знакомство съ ученіемъ Платона и неоплатониковъ, съ видѣніями аббата Джоаккино, въ особенности съ Раймундомъ Лулліемъ. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, почему онъ такъ страстно къ нему привержень. Онъ, должно быть, довольно рано познакомился съ его ученіемъ, можетъ быть въ монастырѣ, и оно впервые вывело его изъ заключенности схоластической доктрины на мистическій просторъ мысли, который могъ показаться ему освобожденіемъ. Оттого онъ не покидаетъ его и впослѣдствіи, когда его собственное развитіе уже завело его далеко за предѣлы мистическаго протеста; онъ какъ будто дорожитъ памятью о томъ, кто первый помогъ ему выйти на этотъ путь и, связывая свое настоящее съ прошедшимъ, думаетъ осмыслить ученіе католическаго монаха всѣмъ богатствомъ своего позднѣйшаго міросозерцанія. Собственно говоря, въ ученіяхъ Луллія онъ не нашелъ ничего такого, что̀ бы не встрѣчалось ему въ другихъ мыслителяхъ того же рода болѣе яснымъ, опредѣленнѣе формулированнымъ; но въ нравственной физіономіи Луллія онъ узнавалъ самого себя. Это было поэтическое провидѣніе; оно объяснитъ намъ иначе непонятную симпатію. Луллій такой же поэтъ и утопистъ, какъ и Бруно; еслибъ Бруно родился тремя столѣтіями ранѣе, онъ былъ бы Лулліемъ; еще ранѣе—христіанскимъ мученикомъ, а позже—чѣмъ-нибудь въ родѣ Фурье.

Раймундъ Луллій родился въ 1235-мъ году на островѣ Майоркѣ. Его юность протекла шумно; онъ наслаждался жизнью и ничему не учился. На тридцать-второмъ году съ нимъ произошла внезапная перемѣна: онъ раздаетъ свое имѣніе нищимъ и, распрощавшись съ женою, удаляется на пустынную высоту Ранды. Здѣсь онъ проводитъ девять лѣтъ въ шалашѣ, построенномъ его же руками, одѣтый въ власяницу и погруженный въ молитву и созерцаніе. Онъ готовился къ подвижничеству и вышелъ преображенный. Отсюда начинается его долгая скитальческая жизнь, въ которой онъ поспоритъ съ Бруно: онъ посѣщаетъ не только европейскія страны, но Африку и Азію, проповѣдуя одну и ту же идею, на служеніе которой онъ посвятилъ себя. Разумѣется, это идея его вѣка: какъ Бруно провозгласитъ пришествіе новой философіи, которая должна придти на смѣну старому религіозному строю, такъ у Луллія одна неотвязная мысль: проповѣдь христіанства язычникамъ и религіозное нашествіе Запада на

Востокъ въ цѣляхъ пропаганды. Для этого необходимо, чтобы соединить въ одно всѣ военные ордена христіанской Европы, чтобы изъ школъ была изгнана ересь аверроизма и для восточной миссіи приготовлены дѣятели, закаленные въ богословскихъ бояхъ, искусные въ языкахъ Востока. Съ этою цѣлью самъ онъ безъ всякой помощи научился латинскому и греческому языку. Онъ считалъ себя избраннымъ божьимъ сосудомъ, пропаганду—своимъ призваніемъ; онъ даже кончаетъ мученическою смертью.

У него была другая любимая идея, которую онъ представлялъ себѣ въ услуженіи христіанской и потому проповѣдывалъ, хотя въ сущности отношенія между ними могутъ быть поняты обратно. Такъ по крайней мѣрѣ поняла ихъ церковь, и этого было достаточно, чтобы осудить временно самое ученіе. Я говорю о новой наукѣ, о которой мечталъ Луллій, о его діалектикѣ, которую онъ эмфатически называлъ великимъ искусствомъ—Ars Magna. Онъ говорилъ, что съ ея помощью можно въ самое короткое время овладѣть всѣмъ знаемымъ и научиться говорить хорошо и безъ всякаго приготовленія о какомъ бы то ни было предметѣ, извлекая изъ одного положенія безчисленное множество другихъ по тому принципу, что все заключается въ одномъ и одно во всемъ. — Это, какъ извѣстно, одинъ изъ любимыхъ афоризмовъ Бруно. — Въ сравненіи съ этой наукой всѣ другія ничто, она назначена небомъ устранить всѣ предшествовавшія, между тѣмъ какъ не предвидѣлось опасности, чтобы ее устранила какая-нибудь другая. Такъ думали поклонники Луллія, открыто утверждая, что богословы ничего не понимали въ богословіи, что доктрина Луллія возвышеннѣе и лучше ученія бл. Августина; что она—даръ божества, и пріобрѣтается не наукой, а откровеніемъ; что она универсальна и ей подчинены даже таинства христіанской религіи. Такимъ образомъ христіанство оказалось въ служебномъ отношеніи къ Великому Искусству, которое назначено содѣйствовать его проповѣди. На это непозволительное самозабвеніе философской мысли указали впослѣдствіи противники Луллія. Они указали и на многія другія еретическія положенія, между прочимъ на то, что вѣра необходима для людей необразованныхъ, необладающихъ высокимъ умомъ и потому не могущихъ познать разсудкомъ, тогда какъ на человѣка развитаго болѣе дѣйствуютъ доводы ума, чѣмъ увѣренія религіи. У Бруно эта догадка развилась, мы видѣли, въ противоположеніе всѣхъ историческихъ религій вообще — той философской религіи, которую сулило ему будущее.

Таковы точки соприкосновенія между Лулліемъ и Бруно, бо-

лѣе сходство нравственныхъ образовъ и фантастическихъ стремленій, чѣмъ сходство ученій, между которыми, чувствуется, прошли цѣлые вѣка. Бруно оставилъ намъ отличную характеристику Луллія: онъ называлъ его «грубымъ анахоретомъ, полнымъ божественнаго духа».—Мы понимаемъ, что̀ въ этомъ опредѣленіи притягивало его къ себѣ, и гдѣ онъ начиналъ чувствовать себя далеко ушедшимъ впередъ отъ средневѣкового строя мысли, такъ типично выразившагося въ «грубомъ анахоретѣ» [1]).

И при всемъ томъ намъ все же остается въ Бруно загадкой: какимъ образомъ, при всей симпатіи къ оригинальному образу каталонскаго философа, къ туманной широтѣ его взглядовъ, могъ онъ всю жизнь ошибаться насчетъ состоятельности того условнаго грубаго механизма, который зовется Великимъ Искусствомъ? Съ нимъ онъ не устаетъ возиться, онъ постоянно говоритъ о немъ, вмѣняя себѣ въ особую заслугу, что онъ вывелъ его снова изъ долгаго забвенія, упростилъ его и усовершенствовалъ. Онъ пишетъ и печатаетъ о немъ; въ Парижѣ и Цюрихѣ, во Франкфуртѣ и Венеціи, онъ толкуетъ его съ каѳедры, дѣлаетъ его предметомъ объясненій въ частныхъ бесѣдахъ. Правда, онъ сплошь да рядомъ пользуется его формулами, чтобы провести свое собственное философское ученіе, такъ что можетъ казаться, что дѣлаетъ онъ это съ понятнымъ разсчетомъ, какъ и теперь пріобрѣтается привычка писать такъ, чтобы публика читала между строками. Вѣдь философія Бруно была дѣломъ новымъ, неслыханнымъ съ оффиціальной каѳедры, она могла поразить смѣлостью выводовъ и беззастѣнчивымъ устраненіемъ укоренившихся взглядовъ; между тѣмъ къ діалектикѣ Луллія успѣли привыкнуть въ школахъ, и она дѣятельно воздѣлывалась, несмотря на временное запрещеніе, наложенное на нее церковью. Къ тому же Бруно могъ наивно увѣрять себя, что его собственная система не что иное, какъ дальнѣйшая, болѣе полная выработка лулліевыхъ положеній. Но вообще мы ничего не поймемъ въ людяхъ Возрожденія, если не сдѣлаемъ надъ собой усилія мысли и не перенесемся въ тѣмъ особымъ условіямъ развитія, въ какія они были поставлены. Представьте себѣ массу, живущую по Домострою, вѣрующую по преданію, думающую по рутинѣ; среди нея начала новаго міросозерцанія, болѣе раціональнаго отношенія къ религіи, принципы новой науки, свободы — выработываются въ немногихъ личностяхъ, въ которыхъ сознательное отношеніе къ наличному матерьялу знанія, къ его новымъ реальнымъ прі-

---

[1]) О философіи Луллія см. Las doctrinas del Doctor iluminado Raimudo Lullo, per don F. de *Paula Canaleyas*.

обрѣтеніямъ, и недовольство существующимъ строемъ мысли— вызвало потребность новыхъ построеній. Эти люди стоятъ особнякомъ, работаютъ на далекихъ разстояніяхъ; имъ не столько недостаетъ взаимнаго контроля, сколько точной науки, на результаты которой они могли бы опереться въ своемъ стремленіи — привести свое міросозерцаніе къ единству какой-нибудь органической системы. Мы понимаемъ естественность этого стремленія, и почему при данныхъ условіяхъ оно могло быть удовлетворено лишь субъективнымъ, поэтическимъ путемъ, тайну котораго эти люди унесли съ собой въ могилу. Они успѣвали мирить лулліевскую діалектику съ самыми крайними порывами философской мысли, критику соціальныхъ и церковныхъ порядковъ съ уваженіемъ къ преданію, раціонализмъ — съ вѣрой въ астрологическія бредни. Какимъ образомъ создавалось изъ этого нѣчто цѣлое, мы не знаемъ, не знали иногда и современники, и сами они едва ли были бы въ силахъ доказать его; но они чувствовали это цѣлое, потому что они одни ощущали потребность противопоставить отходящему міросозерцанію что-нибудь равносильное ему, не ряды сомнѣній и протестовъ, а такую же систему, которая объяснила бы всю совокупность жизни, чего старыя системы не могли болѣе объяснить. Чѣмъ болѣе личнаго элемента въ этихъ новыхъ системахъ, чѣмъ капризнѣе онѣ обходятся съ фактами, чѣмъ болѣе въ нихъ непонятнаго намъ самообольщенія, и чѣмъ отрицательнѣе относится къ нимъ толпа—тѣмъ страстнѣе эти люди имъ отданы, тѣмъ громче высказывается въ нихъ чувство самосознанія. Пусть не понимаетъ ихъ толпа,—они одни обладаютъ настоящимъ знаніемъ—тѣмъ знаніемъ, которое назначено обновить міръ. Оттого XV—XVI вѣкъ полонъ такихъ взрывовъ наивнаго самохвальства, какимъ мы не встрѣчаемъ примѣровъ. Стóитъ познакомиться съ какимъ-нибудь ученіемъ или мыслителемъ этой поры, чтобъ услышать отъ него, что его наука — единственная изъ всѣхъ наукъ, что его философія переживетъ всѣ другія. Въ письмѣ къ вице-канцлеру оксфордскаго университета, Бруно называетъ себя докторомъ болѣе совершеннаго богословія, профессоромъ болѣе невинной мудрости, чѣмъ какая преподается обыкновенно. Его знаютъ вездѣ, не знаютъ только варвары. Онъ будитъ спящихъ, поражаетъ кичливое и упрямое невѣжество; онъ гражданинъ и житель всего міра, предъ которымъ равенъ британецъ и итальянецъ, мужчина и женщина, епископъ и князь, монахъ и даикъ. Онъ сынъ отца-неба и матери-земли. Въ другомъ мѣстѣ онъ не прочь причислить себя къ тѣмъ «меркурьяльнымъ» людямъ, тѣмъ божественнымъ Меркуріямъ, которыхъ Провидѣніе отъ вре-

мени до времени посылаетъ на помощь людямъ. Самъ онъ «ничего не предпринимаетъ вульгарнаго, ничего такого, что̀ бы сдѣлано было другими». Это какъ будто напоминаетъ зазываніе шарлатана; такимъ по крайней мѣрѣ оно можетъ показаться иной разъ, но это торжествующій кликъ людей, успѣвшихъ выбраться на вершину и увидѣть съ ней обѣтованную землю истины, когда внизу все забыло объ обѣщаніи.

Въ Генуѣ карьера Бруно только-что начиналась, и еще предстояло выясниться многимъ чертамъ его характера, его ученія, изъ которыхъ мы попытались впередъ собрать его нравственный образъ. Но̀ таковы условія біографіи и отрывочность біографическаго матеріала, что мы рѣдко въ состояніи услѣдить въ исторіи внѣшнихъ фактовъ исторію внутренняго развитія. Мы, правда, всегда ощущаемъ необходимость предположить ихъ совмѣстность, но намъ рѣдко удается доказать ее безъ натяжекъ и произвольныхъ предположеній. Очень естественно въ такихъ обстоятельствахъ, что характеристика забѣгаетъ иногда впередъ біографіи или біографія не поспѣваетъ за характеристикой.

Въ Генуѣ Бруно остался не долго. Ему тамъ не было работы: ни большихъ типографій, ни значительной торговли книгами, ни знаменитой школы. Къ тому же въ городѣ боролись партіи, и снова показалась чума, обошедшая въ прошломъ году всю Италію. Оттого на третій день онъ выѣхалъ моремъ въ Ноли, живописный городокъ на генуэзкомъ заливѣ, неподалеку отъ Генуи. Здѣсь магистратъ и епископъ города поручили ему обученіе грамотѣ мальчиковъ за небольшую плату; предложеніе было плохое, но онъ его принялъ, побуждаемый нуждою. Рядомъ съ этимъ онъ вздумалъ частнымъ образомъ толковать нѣсколькимъ туземнымъ аристократамъ основанія космографіи, или то, что называлось тогда Сферой и обнимало самые разнообразные вопросы, напр., имѣетъ ли небо сферическій видъ или нѣтъ, какова природа его вращенія, представляютъ ли земля и вода фигуру совершеннаго шара, и какова идея міра въ божественномъ разумѣ. Въ преподаваніи Бруно всѣ эти излюбленныя положенія школы должны были преобразиться подъ вліяніемъ коперниковой доктрины, которой онъ посвятитъ впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ поэтическихъ своихъ трудовъ.

Но Бруно въ Ноли не сидѣлось. Или не по немъ были школьныя занятія, и онъ искалъ болѣе производительной работы, или онъ отдался своей страсти — видѣть все новыя лица, другія мѣстности — только черезъ пять мѣсяцевъ мы уже встрѣчаемъ его въ Савонѣ; спустя двѣ недѣли въ Туринѣ; отсюда онъ спускается по теченію По до Венеціи; затѣмъ онъ въ Па-

дуѣ, Брешіи, Бергамо, въ Миланѣ, гдѣ въ первый разъ знакомится съ Филиппомъ Сиднеемъ, бывшимъ въ тотъ годъ посланникомъ королевы Елизаветы при императорѣ. Отсюда онъ снова возвращается въ Туринъ. Онъ блуждаетъ какъ-то лихорадочно, какъ будто ищетъ установиться и не находитъ дѣятельности. Въ Венеціи школы закрыты, и типографіи еле работаютъ по случаю чумы, унесшей половину населенія. Бруно нанялъ комнату у одного служившаго въ арсеналѣ и, чтобы заработать сколько-нибудь денегъ, написалъ книгу о знаменіяхъ времени (Dei Segni dei tempi). Она была напечатана анонимно или, быть можетъ, съ именемъ Филиппа Бруно; я говорю: быть можетъ, потому что до сихъ поръ не нашлось ни одного экземпляра книги. Между тѣмъ въ показаніяхъ передъ венеціанской инквизиціей, Бруно очень ясно говоритъ объ ея изданіи; онъ сообщаетъ также, что, написавъ ее и прежде чѣмъ сдать въ печать, онъ показалъ рукопись доминиканцу, отцу Ремигію изъ Флоренціи, и что тотъ далъ одобрительный отзывъ. Книга, стало быть, была написана въ католическомъ духѣ, когда католическій монахъ могъ ее одобрить. Стало быть, Бруно еще не порѣшилъ съ своимъ прошлымъ и колеблется. Или онъ не отдавалъ себѣ отчета въ сущности разрыва, который уже произошелъ въ его сознаніи, и не знаетъ, что онъ долженъ сказаться столь же рѣзко и въ практическихъ отношеніяхъ жизни, подъ страхомъ быть непонятымъ. На эту высоконаивную черту въ характерѣ Бруно я укажу еще не разъ; она обусловлена всею сущностью его философскаго міросозерцанія.

Въ Падуѣ онъ встрѣтился съ нѣсколькими знакомыми монахами. Они начала убѣждать его снова облечь монашескую одежду, хотя бы онъ и не имѣлъ намѣренія опять вступить въ монастырь. Это было въ порядкѣ вещей въ Италіи XVI-го вѣка, когда болѣе 40,000 монаховъ жило внѣ монастырскихъ стѣнъ. Позднѣе, въ Бергамо, Бруно послѣдовалъ ихъ совѣту.

Въ концѣ 1576-го года, мѣсяцевъ восемь спустя послѣ бѣгства изъ Рима, Бруно въ первый разъ перешелъ границу Италіи. Онъ направлялся въ Женеву. Зналъ ли онъ въ эту минуту, какое долгое изгнаніе его ожидаетъ, и въ какихъ грустныхъ обстоятельствахъ ему придется увидать снова родимый край, къ которому онъ относился съ такой-горячею любовью?

Въ Женеву онъ прибылъ одинъ, одѣтый доминиканцемъ, и остановился въ гостинницѣ. Какъ только узнали въ городѣ о прибытіи итальянскаго монаха, къ нему явился одинъ изъ вождей итальянскихъ протестантовъ, Галлеаццо Каррачьоло, маркизъ Вико. Между ними завязался интересный разговоръ. Мар-

кизъ сталъ его спрашивать о причинахъ, побудившихъ его оставить Италію, и не имѣетъ ли онъ намѣренія принять вѣроисповѣданіе Кальвина. Бруно отвѣчалъ ему на первую половину вопроса; что́ до второй, то у него нѣтъ намѣренія, говорилъ онъ, принять религію города, потому что не знаетъ, какова она; если онъ сюда прибылъ, то не для чего-либо другого, какъ для того, чтобы жить на свободѣ и въ безопасности. Такого рода отвѣтъ не могъ удовлетворить его собесѣдника; они очевидно не понимали другъ друга.

Женева въ то время была полна итальянскими протестантами. Движеніе сѣверной реформаціи захватило и Италію, куда проникало урывками и контрабандой: луккскіе купцы, торговавшіе въ Ліонѣ, посылали оттуда своимъ соотечественникамъ книги французскихъ и нѣмецкихъ реформаторовъ, запрятавъ ихъ въ тюки съ товарами. Новое ученіе распространялось въ небольшихъ кружкахъ, въ городахъ, какъ, напр., въ Луккѣ, Феррарѣ, Римѣ и Неаполѣ; при дворахъ оно было дѣломъ моды. Когда начали образовываться небольшія паствы, и нѣкоторые духовные сановники, изъ недовольныхъ или энтузіастовъ, начали преклонять слухъ къ увѣщаніямъ протестантизма, тогда предержащія власти, вначалѣ довольно равнодушныя, ощутили возможность скандала—и начались гоненія. Многіе изъ итальянскихъ сектаторовъ попали на костеръ, другіе принуждены были къ торжественному отреченію; иные предпочли бѣгство за границу, гдѣ, отрѣшенные отъ неблагопріятныхъ условій среды, они тѣмъ безоглянднѣе отдались новому религіозному движенію. Въ самой Италіи это движеніе было изолированнымъ фактомъ, имъ тронулись немногія личности; въ общество, въ широкомъ смыслѣ этого слова, оно не проникло, тѣмъ менѣе въ народъ — потому что самая природа итальянскаго міросозерцанія шла въ разрѣзъ съ тѣмъ закаломъ мысли, который обусловилъ сѣверную реформу. Религіозный протестъ сѣвера не только оставался всецѣло въ предѣлахъ христіанства, но онъ никогда и не покидалъ вопросовъ, поставленныхъ его историческимъ развитіемъ: не только вопросовъ догмата, но и вопросовъ іерархіи. Онъ только думалъ возвратить то и другое къ болѣе простымъ формамъ ихъ первобытнаго установленія; его раціонализмъ не выходитъ изъ этого заколдованнаго круга; если онъ не дѣйствуетъ пальятивно, то поступаетъ какъ антикварій, для котораго всякое развитіе есть упадокъ.

Другого характера итальянскій протестъ. Чаще всего онъ не затрогиваетъ вовсе вопросовъ догмата и культа, обходя существенное и беззастѣнчиво глумясь надъ уродствами прило-

женія, надъ скоромною жизнью духовенства, проповѣдывающаго чистую нравственность, надъ кровавою проповѣдью вѣры, проповѣдующей милосердіе; однимъ словомъ, надъ противоположностью системы, передъ которой всѣ благоговѣютъ и въ которую никто не вѣритъ, и жизни, которая принимаетъ систему, чтобы жить себѣ поодаль, ее не спросясь. Система сама по себѣ, и жизнь также, это не логично, но положеніе существуетъ, оно узаконено давностью, и вся задача въ томъ, чтобы сдѣлать его удобнѣе. Таково общее выраженіе итальянскаго религіознаго протеста: религіозный индифферентизмъ, такъ ярко выразившійся въ упитанныхъ прелатахъ-эпикурейцахъ, глазѣвшихъ на комедіи Теренція, называвшихъ Христа — Юпитеромъ Optimus Maximus и воспрещавшимъ себѣ чтеніе латинскаго молитвенника, изъ боязни испортить свой цицероновскій слогъ. Присоедините къ этому лѣнивому индифферентизму болѣе логики, болѣе теоріи, дайте ему критическую подкладку — и религіозный протестъ итальянца сразу перейдетъ не только за границы догмата, но и христіанства, на такую логическую высоту, съ которой и христіанство и всѣ религіозныя системы должны были представиться индифферентными, нереходящими формами. На этой точкѣ зрѣнія стоило только явиться философскому уму, чтобы теоретическое отрицаніе очутилось положеніемъ, требованіемъ совершенно новаго религіознаго строя, новой философской догмой. На этой точкѣ зрѣнія стояли въ Италіи многіе, ею объясняется все положительное ученіе Бруно.

Сличите книги Бруно съ массой книгъ и памфлетовъ, вышедшихъ изъ протестантскаго лагеря — разница бросится въ глаза. Тамъ вы имѣете дѣло съ сектаторами: на первомъ планѣ догматъ и католичество, папа и монахи; все полно страстныхъ пререканій, видно, что ведется борьба за существованіе, что она сосредоточена вокругъ очень опредѣленныхъ интересовъ, общихъ той и другой партіи, но только понимаются они различно. Здѣсь ничего подобнаго: нѣтъ нападковъ на внѣшнія формы христіанскаго вѣроученія и церковнаго устройства, вокругъ которыхъ кипѣли тогда такіе споры: Бруно не сектаторъ, эти вопросы его не интересовали; но нѣтъ нигдѣ и открытой критики христіанства, тѣмъ менѣе — его отрицанія. Бруно имѣлъ полное право утверждать это и утверждалъ не одинъ разъ въ показаніяхъ передъ венеціанской инквизиціей. Онъ нигдѣ не говорилъ и не писалъ противъ религіи, онъ всегда ставилъ вопросы философскимъ образомъ, стараясь подойти къ нимъ со стороны разсудка и природной логики, и вина его развѣ въ томъ, что такимъ путемъ получались иногда результаты, проти-

ворѣчившіе ученіямъ христіанства. Такимъ образомъ послѣднее становилось для него въ какомъ-то подчиненіи его философіи; онъ не ратуетъ противъ него, относится къ нему если не безучастно, то съ безстрастіемъ человѣка, которому предстоитъ выборъ между различными формами, равно подлежащими отмѣнѣ. Онъ стоитъ безконечно высоко надъ этимъ требованіемъ и равнодушенъ къ этимъ формамъ, а выборъ все же надо сдѣлать. И онъ дѣлаетъ его не разъ. Когда, читая процессъ Бруно, вы замѣчаете, что онъ ищетъ оправданія, проситъ извинить невольныя увлеченія, какъ будто колеблется — вы легко припишите это минутной слабости, тюрьмѣ, нравственной пыткѣ. Но задолго до тюрьмы, когда онъ былъ на свободѣ и въ самомъ разгарѣ своей философской работы, онъ вдругъ начинаетъ совѣтоваться то съ тѣмъ, то съ другимъ — какимъ бы образомъ вернуться ему снова подъ сѣнь своего ордена, къ католической паствѣ? Въ Тулузѣ онъ толкуетъ объ этомъ съ однимъ іезуитомъ; толкуетъ въ Парижѣ. Повидимому, ничто его къ тому не принуждаетъ, и его философскія убѣжденія, казалось, должны были отдалять его отъ этого шага; съ другой стороны, мы не можемъ допустить, что въ католичествѣ онъ искалъ только удобную маску, чтобы прикрыть не-католическое содержаніе—говорилъ же онъ самъ такъ ясно, что «если во всемъ обращать вниманіе на опасности и дурныя послѣдствія—во вѣкъ не сдѣлаешь ни одного хорошаго, превосходнаго труда». И здѣсь мы находимъ объясненіе въ той наивности философской мысли, невѣдающей практики, относящейся одинаково благодушно къ «таинствамъ пиѳагорейцевъ, къ вѣроученію платониковъ, къ доказательствамъ перипатетической школы». А тутъ еще неотвязныя стремленія мистической натуры, которая такъ сильна была въ Бруно — стремленіе привязаться къ какой-нибудь видимой формѣ, къ какимъ-нибудь осязательнымъ отношеніямъ. Пока собственная система еще на воздухѣ и ничто въ мірѣ не отвѣчаетъ тѣмъ грезамъ новаго міроустройства, новыхъ историческихъ и религіозныхъ отношеній, а человѣкъ уже усталъ на поискахъ, — ему снится домашній очагъ, ровный обиходъ семейной жизни, гдѣ все такъ гармонично устроено, приноровлено къ идеѣ цѣлаго. Ему и представлялся домашній кровъ, море вокругъ Неаполя, видъ изъ оконъ отцовскаго домика въ Нолѣ, первая обѣдня. Его позднѣйшія отношенія къ католичеству объясняются не переходомъ къ христіанству—иначе почему бы ему не избрать протестантизмъ,—а воспоминаніями дѣтства и манившими изъ него призраками какого-то внѣшняго покоя. И здѣсь его философія ему не перечила. Его отношенія къ католичеству какія-то поэ-

тически-дѣтскія: онъ запрещаетъ себѣ ходить къ католической обѣдни — потому что состоитъ подъ церковнымъ отлученіемъ.

Таковъ былъ человѣкъ, стоявшій передъ Караччьоло, этимъ представителемъ той другой идеи реформы, какая создалась на сѣверѣ—черствой, узко-исключительной, безъ тѣни поэзіи, противопоставлявшей догматъ развитію.

II.

Къ несчастію Бруно, его первые шаги въ протестантскую область привели его не къ лютеранамъ, а къ кальвинистамъ — въ Женеву, самое жерло кальвинизма. Правда, самого Кальвина уже двѣнадцать лѣтъ какъ не было въ живыхъ, но Бруно могъ еще ощущать во всемъ его тайное вездѣприсутствіе; онъ могъ сравнивать Женеву съ Римомъ и найти многое такое, отъ чего онъ бѣжалъ, а многое и того худшимъ: христіанскаго Бога обращеннымъ въ библейскаго Іегову, съ десницей, поднятой чаще на кару, чѣмъ на милость; вмѣсто папской имперіи—диктатуру кальвинскаго богослова: ту же неподвижность догмата и нетерпимость свободной мысли, приведшую къ господству такой же инквизиціонной системы. Въ Женевѣ еретиковъ жгли также искусно, какъ и въ Римѣ—и костры зажигалъ самъ реформаторъ. Особенно плохо приходилось тѣмъ итальянскимъ протестантамъ, которыхъ судьба загнала въ Женеву, а итальянское «возрожденіе» пріучило къ извѣстной свободѣ философскаго мышленія. Кальвинъ желалъ быть спокоенъ относительно послѣдняго пункта и настоялъ на томъ, чтобы они подписали нарочно изготовленную формулу вѣроисповѣданія. Большинство не ужилось и бѣжало изъ Женевы — въ Польшу, Швейцарію и Германію. Бруно могло придтись тѣмъ хуже, что онъ заявилъ съ самаго начала о своемъ нежеланіи приступить къ женевскому исповѣданію. Вначалѣ ему помогали; когда въ монашеской рясѣ ему нельзя было оставаться и онъ отдалъ ее передѣлать, итальянскіе эмигранты снабдили его шляпой, плащемъ и другими необходимыми вещами. Онъ нашелъ себѣ мѣсто корректора въ одной изъ типографій; но такъ какъ его сближеніе съ протестантскимъ кружкомъ ограничивалось изрѣдка посѣщеніемъ проповѣдей, его скоро оставили помощью и онъ предпочелъ удалиться.

Его путь лежалъ черезъ Ліонъ въ Тулузу, куда онъ прибылъ въ началѣ 1577-го года. Здѣсь ему открывалось другое поприще дѣятельности, болѣе блестящее, чѣмъ должность корректора, ко-

торой онъ до тѣхъ поръ пробавлялся. Тулузскій университетъ считался вторымъ во Франціи; его посѣщали десять тысячъ студентовъ, онъ славился своими профессорами. Бруно началъ здѣсь съ частныхъ уроковъ и съ толкованія Сферы, какъ прежде въ Нолѣ, но услышавъ, что свободна каѳедра философіи, и что она открыта конкурсу, поспѣшилъ запастись докторскимъ дипломомъ и получилъ каѳедру. Это было мѣсяцевъ шесть спустя по его прибытіи въ Тулузу. Слѣдуютъ за тѣмъ два года публичнаго преподаванія. Въ первый разъ Бруно находился въ родственной ему сферѣ: онъ читалъ въ университетѣ. На публичныхъ диспутахъ вызывался защищать цѣлый рядъ вопросовъ, имъ выставленныхъ, противъ всякаго кто бы явился преломить съ нимъ копье. Такого рода діалектическіе турниры были обыкновеннымъ дѣломъ въ средневѣковыхъ школахъ и давали поводъ спорящимъ выказывать разносторонность своего знанія и свою логическую изворотливость. О наукѣ, объ успокоеніи мысли возможно-точными рѣшеніями большею частью не было рѣчи: вопросы отдѣлялись отъ земли и рѣшались на отвлеченной почвѣ силлогистической практики. Оставался побѣдителемъ не тотъ, кто лучше съумѣлъ выяснить сущность дѣла, а чей силлогизмъ былъ выточеннѣе, такъ что къ нему не было возможности подойти ни съ какой стороны. Споры были безкровные, какъ тѣ декоративныя битвы итальянскихъ кондотьеровъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ тратилось много пороху и ловкости, а въ результатѣ не оказывалось ни одного убитаго и сраженіе оставалось нерѣшеннымъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ эти школьные поединки еще оставались въ модѣ; но Бруно могъ находить въ нихъ удобное орудіе для дѣятельности пропагандиста, которая всегда его отличала. Онъ не довольствуется уединеннымъ подвигомъ мысли, онъ не успокоится, пока не научитъ ей другихъ.

Льюисъ очень удачно назвалъ его проповѣдникомъ новаго крестоваго похода, рапсодистомъ философіи. Онъ не только проповѣдуетъ словами: въ Тулузѣ началъ онъ разработывать литературно и сводить въ цѣлое основныя положенія своей философіи; ни одинъ изъ этихъ трудовъ не дошелъ до насъ, но многое было написано и еще болѣе наготовлено матеріала—иначе мы не умѣемъ объяснить послѣдующую плодовитость Бруно и ту поражающую быстроту, съ какой выходятъ другъ за другомъ его парижскія изданія. Тулуза была для него лишь приготовленіемъ къ Парижу. Тамъ онъ какъ будто пыталъ свои силы, а сюда привлекало его, что впослѣдствіи будетъ привлекать цѣлыя поколѣнія и, ранѣе, его привело Данте и Брунетто Латини. Въ Парижѣ была какая-то притягательная сила; въ XVI-мъ

вѣкѣ онъ не утратилъ значенія интеллектуальнаго центра, какимъ былъ въ средніе вѣка, какимъ остается и понынѣ.

Обстоятельства, среди которыхъ Бруно увидѣлъ Парижъ въ началѣ 1579-го года, были грустныя. Варѳоломеевская ночь пронеслась, но не пронеслись вмѣстѣ съ нею ночныя тѣни, и положеніе дѣлъ нисколько не выяснилось. Тѣ же партіи стояли другъ противъ друга, готовыя схватиться по первому вызову: партія Гизовъ, Генриха III и Наваррская. Долгія усобицы, среди которыхъ критерій права являлся поочередно на сторонѣ побѣдителя, водворили полное безправье и ожесточили народъ; его истощали налогами, а въ государствѣ никогда не было денегъ. Изъ этого темнаго царства насилія и фанатическаго отупѣнія выдавалось нѣсколько свѣтлыхъ именъ: еще живы были Монтэнь и Скарронъ, Боденъ и l'Hôpital; но они какъ-то случайно пережили эпоху, которая ихъ создала, они коренятся всѣми живыми сторонами въ цвѣтущей порѣ французскаго Возрожденія, и не связаны необходимо съ его настоящимъ. Мы страшно ошибемся, если въ памятникахъ философской мысли и поэтическихъ восторговъ станемъ искать совмѣстности съ тѣмъ или другимъ прогрессомъ общества, съ фактами его внѣшней исторіи. Событія обыкновенно опереживаютъ философскій и поэтическій синтезъ, который подводитъ итоги прошлому, вдохновляется сложившимися идеалами, формулируетъ пріобрѣтенное, прожитое. Между тѣмъ исторія можетъ уйти впередъ, общество повернуть въ сторону, и даже встать въ разрѣзъ съ современной ему философіей и поэзіей. Человѣчество живетъ быстрѣе, чѣмъ думаетъ, и сводитъ итоги, когда жизнь уже успѣла опередить только-что изготовленную формулу и готовитъ матеріалы для новаго обобщенія, которое опоздаетъ въ свою очередь. Такъ объясняется внутреннее противорѣчіе эпохъ, неустройства, соціальнаго упадка— и величаваго расцвѣта литературы и искусства, какъ съ другой стороны эпохи, полныя движенія и общественной работы, нерѣдко сопровождаются въ высшей степени бѣдными проявленіями въ области интеллектуальной дѣятельности.

Въ этой-то средѣ, полной религіознаго фанатизма и политической нетерпимости, пришлось дѣйствовать Бруно. Кругомъ него кипѣла борьба религіозныхъ партій — а его философія игнорировала религію и чуждалась интересовъ, которые защищались тогда цѣною крови. Понять его могли немногіе; во всякомъ случаѣ непонятны были возможныя послѣдствія, вытекавшія изъ его ученія, потому что глаза пріучены были къ обсужденію болѣе мелкихъ историческихъ отношеній, а страстность партій исключала широту взгляда. Этимъ непониманіемъ,

и ничѣмъ другимъ, объясняемъ мы себѣ, какимъ образомъ могъ онъ семь лѣтъ спустя, послѣ Варѳоломеевской ночи, проповѣдывать свою философію и никто не помѣшалъ ему. Онъ не касался животрепещущихъ вопросовъ, которые волновали всѣхъ и каждаго, не сторонился ни къ католикамъ, ни къ гугенотамъ— и этого было достаточно.

Въ Парижѣ онъ выступилъ сначала въ роли свободнаго лектора, какъ позже выступитъ въ Лондонѣ, Оксфордѣ, Виттенбергѣ, Прагѣ и Цюрихѣ. Онъ лучшій представитель свободнаго профессора того времени. Онъ странствуетъ изъ одного университета въ другой, и куда ни придетъ начинаетъ читать, никого не спросясь, не заискивая ничьей протекціи. Тамъ, гдѣ онъ встрѣтитъ препятствіе, какъ случилось въ Марбургѣ, онъ удаляется въ негодованіи и странствуетъ далѣе. То было счастливое время, когда университеты не были охраняемы, опекаемы, закрѣпощаемы немногими: Бруно и его сверстники свободно вступали въ нихъ, вызывали преподавателей на ученый поединокъ и сами читали и спорили передъ глазами ученаго люда всей Европы. Эти споры и это соревнованіе создало тѣхъ могучихъ гладіаторовъ науки, отъ которыхъ ведется наше научное и литературное возрожденіе.

На первый разъ Бруно выбралъ предметомъ своего преподованія тридцать божественныхъ свойствъ; но особенное вниманіе привлекли его слѣдующія лекціи, которыя онъ посвятилъ мнемоникѣ и философіи Луллія. Множество слушателей сходилось къ нему привлеченные его легкою, энергическою рѣчью и новостью идей. Законы Луллія служили ему для того, чтобы высказать свое собственное ученіе, указать на какое-нибудь остроумное приложеніе; онъ быстро переносился отъ частнаго къ общему и изъ запутаннаго лабиринта мнемоники въ область отвлеченія, метафизики и астрономіи. Онъ любилъ импровизацію и читалъ страстно, оттого увлекалъ другихъ. Его рѣчь ясная, изящная, то блестѣла метафорами, остроумными сравненіями, любопытными цитатами, то являлась загроможденной непонятными отвлеченными словами: онъ сулилъ раскрытіе великихъ истинъ, и обѣщаніе сопровождалось такими неопредѣленными, таинственными словами, которыя болѣзненно поджигали любопытство слушателей. Въ его книгахъ мы находимъ какъ будто отголоски этого капризнаго изложенія: онъ толкуетъ просто и ясно о самыхъ абстрактныхъ истинахъ, часто о такихъ, о которыхъ ему полезно было молчать, и затѣмъ принимается говорить съ таинственнымъ видомъ о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ могъ бы кричать на площадяхъ, и несмотря на это одѣ-

вается въ какую-то непроницаемость, останавливается на полусловѣ: имѣющій уши да слышитъ, желающій уразумѣть да уразумѣетъ!

Чтенія Бруно обратили вниманіе Генриха III-го, и онъ пожелалъ его видѣть. При свиданіи король обратился къ нему съ вопросомъ: пріобрѣтается ли естественнымъ путемъ или дѣло магіи — мнемоника, искусство памяти, которому онъ обучаетъ. Бруно отвѣчалъ, что память плодъ науки, и въ бесѣдѣ, завязавшейся по этому поводу, говорилъ такъ убѣдительно, что король пожелалъ испытать на себѣ состоятельность рекомендуемаго метода. Такъ завязались сношенія Бруно съ королемъ, приведшія между прочимъ къ тому, что Генрихъ предложилъ ему экстраординарную профессуру въ парижскомъ университетѣ. Еще ранѣе этого ему предлагали въ той же Сорбоннѣ ординарную каѳедру, но онъ отказался по наивному соображенію: ординарные профессора Сорбонны обязаны были ходить къ обѣдни, а Бруно не могъ обѣщать этого, потому что считалъ себя состоящимъ подъ отлученіемъ церкви, своевольно покинувъ монастырь и сбросивъ рясу.

Похвалы, которыя Бруно расточалъ Генриху III-му, и нѣкоторыя показанія венеціанскихъ посланниковъ представляютъ намъ послѣдняго Валуа въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ рисуетъ его исторія. Легко представить себѣ, изъ какого источника произошли эти похвалы и чѣмъ объяснить эти показанія. Послѣдніе Валуа были на половину итальянцы, ихъ политика внушена была политическими теоріями Италіи; при дворѣ былъ слышенъ итальянскій языкъ и въ модѣ тамошніе обычаи, а это открывало въ нижнихъ слояхъ общества доступъ самой широкой эксплуатаціи. Парижъ наполнялся изъ Италіи искателями приключеній всѣхъ цвѣтовъ, медиками, учителями фехтованія и верховой ѣзды, купцами и откупщиками государственныхъ доходовъ. Въ январѣ 1579-го года, одна итальянская компанія вела большую игру въ Луврѣ, и выиграла у короля 3,000 экю; драматическая труппа, выписанная изъ Венеціи, давала представленія при дворѣ и въ городѣ, привлекая такую многочисленную публику, какую не въ состояніи были собрать четыре любимыхъ городскихъ проповѣдника. Послѣ этого понятно, что издавая въ Парижѣ свою комедію «Il Candelajo», задуманную еще въ Италіи, Бруно могъ разсчитывать не только на итальянскую колонію, но и на болѣе широкій кругъ читателей; понятно также, почему итальянская колонія должна была смотрѣть на Генриха III-го совершенно иными глазами, и открывать въ немъ свѣтлыя стороны, исчезающія для насъ въ его

общей нравственной характеристикѣ. У Бруно ко всему этому присоединялись еще отношенія совершенно личнаго характера: въ Генрихѣ онъ видѣлъ не столько короля, сколько ученика, жаждавшаго знанія, и его закупило довѣріе, которое онъ къ нему обнаружилъ. Эта точка зрѣнія исключала всѣ другія, оттого и судъ становился невозможнымъ, и мы узнаемъ о Генрихѣ III-мъ, какъ о «великодушномъ, великомъ и могущественномъ, чья слава разносится по окраинамъ земли изъ благороднаго сердца Европы». Бруно такъ называлъ Францію.

Между тѣмъ, въ Генрихѣ не было ни величія, ни могущества, а о великодушіи не могло быть и рѣчи. Если вымираютъ расы и вырождаются семьи, то Генрихъ былъ именно такимъ выродкомъ. Это была въ корнѣ испорченная натура, безъ всякаго нравственнаго удержу, безъ нравственнаго критерія, безъ познанія добра и зла; оттого въ немъ такія капризныя противорѣчія, такіе болѣзненные переходы. Убранный, какъ женщина, въ кружевахъ и бездѣлушкахъ, онъ носилъ на шеѣ двойную цѣпь изъ золота и душистой амбры; въ ушахъ у него были серьги, изъ трехъ колецъ; и видомъ, и въ поступи, и въ манерахъ онъ напоминалъ женщину. Онъ чуждался воинскаго дѣла и тѣхъ занятій, которыя образуютъ энергическихъ дѣятелей—и наоборотъ, способенъ былъ къ удару изъ-за угла, какъ обнаружилось на убіеніи Гиза. Его общество состояло изъ молодыхъ людей, веселыхъ и распущенныхъ; съ ними онъ коротал время, расточая къ нимъ милости, неприличныя его сану и возбуждавшія въ обществѣ скандальные толки. Когда умеръ одинъ изъ его любимцевъ, онъ не постыдился устроить ему похороны съ царскою пышностью, самъ надѣлъ трауръ и остригъ себѣ волосы въ знакъ печали. Точно также по смерти прекрасной принцессы Конде, къ которой онъ питалъ нѣжную страсть, онъ облекся въ траурныя одежды, вышитыя миніатюрными мертвыми головками. И затѣмъ новыя оргіи, а за оргіями и разгульными пѣснями — псалмы, и молитвы, и хожденіе въ церковь; бальный костюмъ смѣняется похоронной одеждой Братства Смерти, и самъ король учреждаетъ благочестивыя процессіи, изъ которыхъ исключаются женщины, потому что, говорилъ онъ, гдѣ онѣ, тамъ нѣтъ истиннаго благочестія. Между тѣмъ на иной балъ или маскарадъ ему случалось тратить до 40-ка и 50-ти тысячъ франковъ.

Отъ такого человѣка нельзя было ожидать, что онъ отнесется къ Бруно съ той стороны, съ которой философъ желалъ быть понятымъ. Венеціанскіе посланники разсказываютъ, что король любилъ говорить и слушать разговоры, охотно читалъ книги по

нравственности и исторіи, и за обѣдомъ устраивалъ между присутствовавшими учеными пренія о различныхъ матеріяхъ. Это были безкровные турниры, также служившіе царской забавѣ, какъ и настоящіе; потѣшалъ, очевидно, самый процессъ стравливанія, и серьезнаго тутъ было настолько, насколько любитель пѣтушьяго боя серьезно взвѣшиваетъ силы и остроту шпоръ своего бойца. Бруно незамѣтно для самого себя очутился именно въ этой ролѣ: Генрихъ видѣлъ въ немъ ученаго оригинала, какого-то некроманта, который сулилъ ему раскрыть въ самое короткое время глубины всякаго знанія. Ясно, во всякомъ случаѣ, что король заинтересовался бруновской мнемоникой; а Бруно никогда не отдѣлялъ ее отъ своей философской системы и увлеченіе первою объяснялъ себѣ, какъ признаніе второй. Такимъ образомъ могла у него явиться идея посвятить королю трудъ, которому онъ придавалъ столь важное значеніе въ своемъ философскомъ развитіи, что долгое время колебался — печатать его или нѣтъ. «Кому неизвѣстно, августѣйшее величество, говоритъ онъ, что лучшіе дары назначены лучшимъ людямъ; болѣе цѣнные болѣе достойнымъ, а самые цѣнные — достойнѣйшимъ? Вотъ почему и этотъ трудъ, который по справедливости причисляется къ величайшимъ, какъ по достоинству сюжета, такъ и по оригинальности изобрѣтенія и серьезности доказательствъ, — обращается къ вамъ, прекрасный свѣточъ народовъ, блистающій доблестями души и высокими талантами, знаменитый, по праву заслуживающій признанія ученыхъ мужей. Вы великодушны, велики и мудры — примите благосклонно мой трудъ, окажите ему покровительство и разсмотрите со вниманіемъ».

Трудъ, на который такимъ образомъ призывалось покровительство монарха, былъ трактатъ: De umbris idearum. Съ него начинается рядъ парижскихъ изданій Бруно [1]); только третья часть De umbris посвящена искусству памяти — очевидно, приманка для короля; другія наполнены такими общими соображеніями, которыя только прикрываются темной фразой луллієвой философіи. Всѣ раціоналистическіе и пантеистическіе взгляды, развитые въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Бруно, уже формулированы въ этой книгѣ, представляющей его философію какъ-бы въ зародышѣ. Христіанство едва не названо религіей касты; съ послѣдовательнымъ ростомъ интеллигенціи удалятся и разоблачатся таинства; они только временно приноровлены къ человѣ-

[1]) Они слѣдовали въ такомъ порядкѣ: De umbris udearum; Cantus Circaeus; De compendiosa architectura et complemento artis Lulli; Il Candelajo.—Всѣ вышли въ 1582-мъ году.

ческому взгляду, которому не выдержать внезапнаго перехода отъ потемокъ къ свѣту. На эту часть книги Генрихъ вѣроятно не обратилъ того вниманія, о которомъ просилъ его Бруно; но ничто лучше не характеризуетъ тогдашнее состояніе умовъ во Франціи, завзятыхъ узкой религіозной распрей, какъ появленіе именно этой книги, посвященной королю, стало быть главѣ католической партіи. Мы понимаемъ яснѣе, почему никто не потревожилъ его лекцій — гдѣ всѣ эти мнѣнія выработались, передаваясь прямо съ каѳедры въ народъ; и если Бруно покидаетъ Францію, то вовсе не изъ-за вражды, какую могли ощутить къ нему богословы, поклонники Аристотеля, а по мотивамъ, на половину опредѣлившимъ его странствованія. Какъ истый пропагандистъ онъ любилъ бродить. И теперь мы послѣдуемъ за нимъ въ Англію, въ Лондонъ, куда онъ прибылъ въ концѣ 1583-го года, съ письмами короля къ Мишель де-Кастельнó де-Мовиссьеръ, французскому посланнику при королевѣ Елизаветѣ.

Это была самая счастливая, если и не самая покойная пора въ его жизни. Послѣ долгаго плутанія по свѣту и въ ожиданіи другихъ мытарствъ, въ Лондонѣ онъ какъ будто отдохнулъ на перепутьи. Въ домѣ Кастельнò, гдѣ онъ поселился, онъ встрѣтилъ семью, пріютившую его, какъ одного изъ своихъ, и познакомившую его, бездомнаго, съ прелестями домашняго очага. Въ первый разъ онъ обезпеченъ, доволенъ, у себя дома, въ такихъ интимныхъ, дружескихъ отношеніяхъ къ людямъ, въ какія до тѣхъ поръ никогда не становился. Это было для него новостью, и самъ онъ какъ будто растворяется, и въ серьезномъ тонѣ его рѣчи, никогда не спускавшейся ниже культа богини Софіи, начинаетъ звенѣть незнакомая дотолѣ, сердечная струнка. Онъ теперь даже сантиментальничаетъ: супруга Кастельнó, Марія Bochetel, является у него не только одаренной тѣлесной красотой, облекающей ея душу, но скромностью и привѣтливостью, которыми она приковала къ себѣ мужа и привлекаетъ всякаго, ее знающаго. У ней дочь Марія, по шестому году: она уже болтаетъ по-итальянски, по-французски, и по-англійски, такъ что не узнаешь, откуда она. Она добрая, граціозная дѣвочка и играетъ на музыкальныхъ инструментахъ такъ искусно, что поневолѣ себя спросишь, не сошла ли она съ неба. Она крестница Маріи Стюартъ, которую отецъ ея проводилъ по смерти Франциска II-го въ Шотландію, которой приверженцемъ остался и послѣ, когда Марія Стюартъ уже была плѣнницей въ Шеффильдѣ, откуда посылала въ подарокъ ко дню рожденья крестницы разныя собственноручно сработанныя бездѣлушки. О замѣчательномъ политическомъ тактѣ Кастельнò сви-

дѣтельствуетъ то обстоятельство, что эти явныя симпатіи не возбудили опасеній въ бдительной и недовѣрчивой Елизаветѣ.

Онъ впрочемъ человѣкъ бывалый: въ молодости живалъ въ Италіи, въ Римѣ, сражался при Дрё, Жарнакѣ и Монконтурѣ, ходилъ въ разныя посольства. Онъ интересовался литературой, перевелъ одинъ латинскій трактатъ Рамуса, и вѣроятно въ то самое время, когда Бруно жилъ у него въ Лондонѣ, писалъ свои мемуары въ поученіе старшему сыну Якову.

Ревностный католикъ, онъ былъ недоволенъ богословскими сходками, которыя тогда часто устраивались во Франціи для рѣшенія религіознаго вопроса; онъ говорилъ, что религія внушается смиреніемъ и вѣрой, а не диспутами; и въ то же время у себя дома онъ не только не претендовалъ на Бруно, что тотъ не являлся къ обѣднѣ, гдѣ ежедневно присутствовало все его семейство, но и не мѣшалъ ему свободно толковать о религіи. За эту свободу Бруно отблагодарилъ его посвященіемъ четырехъ сочиненій, изъ числа изданныхъ имъ въ Лондонѣ. «Здѣсь Бруно говоритъ по-своему и пишетъ о своемъ пребываніи въ Англіи, все существующее въ природѣ называя настоящимъ именемъ: хлѣбъ онъ зоветъ хлѣбомъ, вино—виномъ; чудеса для него чудеса, геройскіе подвиги онъ принимаетъ за геройскіе подвиги, обманъ за обманъ, огонь и мечъ — за огонь и мечъ. Философовъ онъ считаетъ философами, монаховъ—монахами, — а негодяевъ, шарлатановъ, мѣнялъ и паясовъ тѣмъ, чѣмъ сами они себя заявляютъ и оказываются на дѣлѣ».

Лондонская жизнь Бруно отразилась въ его сочиненіяхъ богатымъ запасомъ культурно-историческаго матерьяла. Онъ видѣлъ Англію съ разныхъ сторонъ и со многими приходилъ въ столкновеніе. Прежде всего—Англія народа: старый Лондонъ, темныя, грязныя улицы, такъ что изъ нихъ не вытащишь ногъ; дома, лишенные всѣхъ тѣхъ удобствъ, какія въ то время имѣлись въ Италіи. На Темзѣ лодочники, напоминающіе Харона, перевозятъ въ лодочкахъ кое-какъ склеенныхъ и скрипящихъ при взмахѣ весла. Населеніе англо-саксовъ съ животными инстинктами расы и вожделѣніями боксёра. Бруно упоминаетъ о мастеровыхъ и лавочникахъ, грубыхъ и неотесанныхъ, «которые смѣются тебѣ въ лицо, если узнаютъ, что ты иностранецъ, и на своемъ языкѣ назовутъ тебя собакой. Если, на твою бѣду, ты кого изъ нихъ задѣнешь, тебя тотчасъ окружитъ толпа, будто изъ земли выростутъ люди, и ты не увидишь свѣта изъ-за лѣса палокъ, пикъ, алебардъ и заржавленныхъ вилъ. Если имъ случится не пустить въ дѣло это дозволенное оружіе, отъ этого не легче: тогда идутъ въ ходъ кулаки и пинки такіе здоровые,

что лучше было бы, еслибъ васъ лягнулъ мулъ или оселъ». Самъ Бруно испыталъ однажды крѣпость англо-саксонскаго бокса, а другому итальянцу, Алессандро Читолино, переломили такимъ образомъ руку къ вящшему удовольствію толпы. Рядомъ съ народомъ ремесленниковъ — цѣлая масса бродячаго люда, безъ хлѣба и опредѣленныхъ занятій, живущая на свой страхъ и чужой счетъ, подъ покровительствомъ сильной руки. Здѣсь были обѣднѣвшіе дворяне, разорившіеся купцы, бродяги и острожники. Съ ними житье было еще хуже.

Такова Англія простонародья, Англія будущаго. А за ней Англія прошедшаго и старыхъ схоластическихъ порядковъ представлялась Бруно въ образѣ оксфордскаго доктора, неподвижно драпированнаго въ бархатъ, съ золотой цѣпью на шеѣ, съ двѣнадцатью кольцами на двухъ пальцахъ, точно золотыхъ дѣлъ мастеръ; неуклюжій и угловатый, онъ настолько же монументаленъ въ одеждѣ, какъ и въ своей наукѣ, которую не понимаетъ далѣе разъ навсегда установленныхъ формулъ. Съ этимъ людомъ онъ не замедлилъ столкнуться. Тотчасъ по прибытіи въ Лондонъ, онъ напечаталъ трудъ, вѣроятно бывшій у него на готовѣ: Explicatio triginta sigillorum. Онъ предпослалъ ему письмо къ вице-канцлеру и докторамъ оксфордскаго университета — это была его рекомендація въ Оксфордъ. Не прошло много времени, какъ мы его уже встрѣчаемъ тамъ на каѳедрѣ: кругомъ толпы слушателей, торжественный сонмъ профессоровъ отупѣлыхъ въ преданіи, а надъ ними маленькая фигурка волнуется и жестикулируетъ, и увлекается, и говоритъ какимъ-то своеобразнымъ латинскимъ языкомъ, и говоритъ такія вещи, отъ которыхъ краснѣютъ стѣны богословской аудиторіи. Онъ толкуетъ о безсмертіи души — и тѣла; какъ послѣднее разлагается и видоизмѣняется, такъ душа, покинувъ плоть, кристаллизуетъ вокругъ себя, долгимъ процессомъ, атомъ за атомомъ, образуя новыя тѣла. Природа души одинакова въ человѣкѣ и насѣкомомъ, у устрицъ и растеній, и разница проявленій опредѣляется бóльшимъ или мéньшимъ совершенствомъ тѣхъ орудій, которыми она располагаетъ въ каждомъ случаѣ. Представьте себѣ, говоритъ Бруно, что головка змѣи преобразилась въ человѣческую голову, и сообразно тому измѣнился бюстъ, языкъ сдѣлался толще и развились плечи, что по бокамъ выросли руки и изъ хвоста расчленились ноги — она стала бы мыслить, дышать, говорить и дѣйствовать, какъ человѣкъ, она стала бы человѣкомъ. Обратная метаморфоза привела бы къ противоположнымъ результатамъ. Очень возможно, что многія животныя обладаютъ болѣе свѣтлымъ умомъ и понятливостью, чѣмъ че-

ловѣкъ, но они стоятъ ниже его, потому что обладаютъ менѣе совершенными орудіями. Подумайте въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы стало съ человѣкомъ, будь у него хоть вдвое больше ума, еслибы руки очутились парой ногъ. Не только измѣнилась бы мѣра безопасности, но самый строй семьи, общества, государства; немыслимы были бы науки и искусства, и все то, что̀, свидѣтельствуя о величіи человѣка, становитъ его безусловнымъ властелиномъ надъ всѣмъ живущимъ — и все это не столько въ силу какого-то интеллектуальнаго преимущества, сколько потому, что одни мы владѣемъ руками — этимъ органомъ изъ всѣхъ органовъ.

Такихъ странностей, и много другихъ все въ томъ же родѣ, еще никогда не приходилось слышать благочестивымъ оксфордцамъ. Враги не замедлили явиться: лекціи и публичныя диспуты Бруно прекратились черезъ три мѣсяца. Въ послѣдній разъ онъ до пятнадцати разъ загонялъ завязшаго въ пятнадцати силлогизмахъ бѣднаго доктора Лисона (Leyson). Это было во время торжественнаго пріема, сдѣланнаго университетомъ польскому воеводѣ Альберту Ласкому. Мы знакомимся по этому поводу съ праздничной стороной Оксфорда, съ ея торжественной скукой и обрядностью, невыходящей изъ накрахмаленнаго жабо. Богатый польскій панъ пріѣхалъ въ Англію себя показать; его привлекала слава Елизаветы. Въ Оксфордѣ положено отпраздновать съ помпой его посѣщеніе. Доктора университета вышли къ нему на встрѣчу за городъ, и одинъ изъ нихъ, Гербертъ Вестфалингъ, говорилъ ему латинскую рѣчь, на которую Ласкій отвѣчалъ тѣмъ же. Ближе къ городу его ждалъ магистратъ, и повторились тѣ же обоюдныя привѣтствія, при чемъ каждому изъ его свиты роздано по парѣ перчатокъ.

Процессія вошла въ восточныя ворота при звукахъ музыки и громадномъ стеченіи народа. У церкви Пресв. Богородицы вице-канцлеръ университета поднесъ ему драгоцѣнную библію и свитѣ снова роздали перчатки. У церкви Спасителя деканъ, каноники и питомцы университета встрѣтили гостей и повели къ столу, великолѣпно освѣщенному особымъ свѣтомъ, полученнымъ отъ какого-то порошка. Остальная часть дня прошла въ латинскихъ рѣчахъ и преніяхъ по всѣмъ предметамъ знанія и кончилась комедіей. На слѣдующій день Ласкій присутствовалъ на чтеніяхъ въ университетѣ, а послѣ обѣда въ церкви Пресв. Богородицы на диспутѣ, на которомъ заданы были между прочимъ такіе вопросы: кто долговѣчнѣе — мужчины или женщины, и состоятельна ли вѣра въ астрологическія предсказанія? Вечеромъ ужинали въ церкви Спасителя и была представлена тра-

гедія «Дидона», при чемъ дѣйствовали хитро придуманныя машины. Утромъ на третій день одинъ изъ докторовъ держалъ рѣчь, послѣ чего воевода посѣщалъ разныя коллегіи, гдѣ тѣ же диспуты, привѣтствія въ стихахъ и прозѣ, на которыя Ласкій отвѣчалъ на разныхъ языкахъ. Въ Лондонъ онъ вернулся въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему пріема, за что Елизавета благодарила университетъ особымъ письмомъ. Лѣтописецъ Оксфорда прибавляетъ, что польскій панъ убилъ на это путешествіе все свое громадное состояніе, и впослѣдствіи его видѣли въ Краковѣ нищимъ.

Изгнанный изъ университета, Бруно обратился къ тому кружку, съ которымъ свелъ его Кастельнó. Онъ не только представилъ его Елизаветѣ, но и познакомилъ съ тѣми государственными дѣятелями, поэтами и литераторами, которые ее окружали и были ея сотрудниками въ дѣлѣ поднятія національной культуры. Здѣсь былъ Сидней и Фолько Грэвиль, — съ ними Бруно былъ особенно близокъ, и первому даже посвятилъ двѣ изъ своихъ книгъ; здѣсь были пріятели Сиднея: Дейеръ, Гарвэ, поэтъ Спенсеръ и Вильгельмъ Темпль. Бруно зналъ Уольсингема, Лэстера, Бёрлэ; онъ могъ видѣть молодого Бэкона, который уже показался при дворѣ; Шекспиръ только-что прибылъ въ Лондонъ и если не познакомился лично съ Бруно, то читалъ его книги: философскіе монологи Гамлета полны бруновскихъ идей [1]). Однимъ словомъ это былъ цвѣтъ тогдашней интеллигенціи: послѣ Англіи боксеровъ и схоластиковъ—Англія Елизаветы. Когда Бруно величаетъ Елизавету богиней-Діаной и Амфитритой — это можетъ показаться отголоскомъ стереотипныхъ эпитетовъ, обыкновенныхъ во всякой придворной литературѣ; но кружкомъ, въ которомъ онъ теперь вращается, онъ положительно очарованъ. Это прямые, рыцарственные люди, полные утонченной вѣжливости, такъ что поспорятъ съ итальянцами; гуманно-образованные, открытые всякой широтѣ мысли, какою вѣяло тогда въ Европѣ, далекіе отъ религіозной нетерпимости и предубѣжденій старой науки. Бруно могъ свободно развивать имъ свои любимыя теоріи, не нашедшія пріюта въ стѣнахъ университета; на вечерахъ у Сиднея, Грэвиля или у Кастельнó затѣвались споры. Объ одномъ изъ такихъ споровъ онъ разсказываетъ самъ. Дѣло было на обѣдѣ, въ первый день поста (giorno delle ceneri); народу было много, все англичане,

---

[1]) О вліяніи бруновской философіи на Шекспира, въ особенности на изданіе Гамлета, см. Benno Tshischwitz, Shakspere's Hamlet, стр. 49—69 и passim.

изъ итальянцевъ только Флоріо, учитель итальянскаго языка королевы Елизаветы, и Бруно. Онъ вздумалъ развивать свою любимую астрономическую теорію. Онъ сидѣлъ по правую сторону Флоріо, по лѣвую Грэвиль, а напротивъ него докторъ Нундиніусъ, поклонникъ Аристотеля и Птолемея; ему-то поручено было отъ общества возражать на доводы Бруно. Докторъ Нундиніусъ пріосанился, покачнулся два раза на креслѣ, протянулъ на столъ обѣ руки и обвелъ глазами собраніе; затѣмъ устремилъ ихъ въ потолокъ, пожевалъ губами, и сплюнувъ на сторону, началъ съ вопроса, приправленнаго тонкой улыбкой: понимаетъ ли Бруно по-англійски? Бруно отвѣчалъ, что знаетъ всего два-три слова, да и тѣ не умѣетъ произносить, хотя онъ уже годъ какъ въ Лондонѣ; но вѣдь почтенные джентльмены, съ которыми ему случалось говорить, бóльшею частью разумѣютъ по-латыни или по-французски, по-итальянски или по-испански. Разговоръ начался по-латыни. Бруно сталъ толковать о движеніи земли, о множествѣ міровъ и свѣтилъ, вращающихся вокругъ своей оси, о томъ, что на нихъ должны быть жители; говорилъ, между прочимъ, о своей теоріи пониженія горъ и увлекался безконечной перспективой вселенной.—Знайте, повторялъ онъ, что міръ безконеченъ, что это громадное ѳеирное пространство; въ его лонѣ находятся свѣтила безъ числа, точно также какъ наша земля, луна и солнце; помимо его нѣтъ другой тверди, на которую бы опирались эти великія животныя, сошедшіяся въ гармоніи міра—единственной цѣли и матеріала, въ которомъ творитъ божественная сила. Все это не только доказываетъ точное размышленіе, но и повѣдаютъ божественные глаголы, когда говорятъ, что у Всевышняго слугъ нѣсть числа, что предъ лицомъ его предстоятъ тысячи тысячъ и сотни тысячъ служатъ ему.

Оппонентъ Бруно никакъ не могъ согласиться съ этимъ толкованіемъ. Завязался разговоръ. Одинъ изъ собесѣдниковъ Бруно, докторъ Смитъ, даже поставилъ ему категорическій вопросъ: какимъ образомъ думаетъ онъ согласить свою теорію съ тѣмъ, чему учитъ насъ священное писаніе? Бруно отвѣчалъ, какъ лѣтъ пятьдесятъ спустя отвѣтитъ Галилей: еслибъ боги заблагоразсудили научить насъ теоріи вещей, законамъ творенія, мнѣ бы въ голову не пришло мудрствовать лукаво, отступая отъ откровенія; но боги предпочли научить насъ, къ нашему благу, практикѣ нравственности, какъ отличать добро отъ зла, а искать причинъ и законовъ предоставили мудрымъ людямъ. И, не довольствуясь этой выходкой, онъ принимался трунить

надъ ветхозавѣтной мудростью оксфордскихъ книжниковъ, надъ педантами и неумѣлыми меценатами; сыпалъ остроты и мѣткія замѣчанія, изумлялъ какой-нибудь ученѣйшей цитатой и рисовалъ въ юмористическомъ видѣ картину лондонской уличной жизни. Это прямо кололо въ глаза, особенно оксфордцамъ, и они подняли шумъ, когда діалоги появились въ печати (La Cena delle Ceneri), такъ что Бруно нашелся въ необходимости если не взять назадъ свою критику, — по крайней мѣрѣ дать ей болѣе мягкое, уклончивое толкованіе [1]). Пересуды однако не прекратились; съ другой стороны, и самъ Бруно расходился, въ немъ проснулся тотъ итальянскій brio, который до тѣхъ поръ слишкомъ часто сдерживала не своя, латинская фраза. Въ Лондонѣ онъ почувствовалъ себя свободнымъ, поэтому онъ и пишетъ по-своему, по-итальянски (in volgare); онъ особенно налегаетъ на это обстоятельство: въ итальянской фразѣ онъ у себя дома, онъ творитъ въ ней, и она послушно вторитъ причудливымъ движеніямъ его мысли. Потому же и въ области мысли онъ свободнѣе: онъ совсѣмъ забылъ о Луллiѣ, въ Лондонѣ онъ ничего о немъ не печатаетъ и весь отдался своему собственному философскому творчеству.

Ничто лучше не выражаетъ этотъ періодъ дѣятельности Бруно, какъ его книга: Spaccio della bestia trionfante. Это цѣлая философская поэма въ прозѣ, но поэма въ стилѣ Аріосто, полная такого же юмора, такого же капризнаго движенія; только на мѣсто героевъ и героинь карловингскаго романа являются боги: Юпитеръ и Марсъ, Венера и Юнона; юморъ основанъ на болѣе глубокой философской подкладкѣ, и критика религіозныхъ и общественныхъ порядковъ разрѣшается не хохотомъ, а грустнымъ мотивомъ и серьезнымъ, хотя часто пародоксальнымъ, требованіемъ обновленія. Оттого Бруно является здѣсь не только проповѣдникомъ мормонизма, но и тѣхъ соціальныхъ теорій, которыя отрицаютъ право личной собственности и всѣ религіи, не выключая и христіанскую, приводятся имъ передъ судъ разума и оказываются несостоятельными. Сами боги пришли къ этому сознанію. Недавно, въ годовщину своей побѣды надъ гигантами, они собрались торжественно отобѣдать на Олимпѣ, — на Олимпѣ также привыкли выражать обѣдами всякія общественныя радости. Послѣ пиршества, Венера, по обыкновенію, подошла къ Юпитеру, чтобы вмѣстѣ съ нимъ открыть балъ—такая граціозная, что въ нее влюбился бы Харонъ. Въ старые годы Юпитеръ бралъ ее лѣвой рукой за талью, сжи-

---

[1]) См. его трактатъ De la causa, principio et uno.

малъ двумя пальцами правой розовыя ея губки и цѣловалъ. На этотъ разъ, какая перемѣна! Онъ протянулъ руку и не подпустилъ къ себѣ Венеру, будто хотѣлъ сказать: не тронь меня. Лицо стараго бога стало какое-то мрачное, исполнилось какой-то елейности. «Венера, Венера!», говоритъ онъ своей дочери, «неужели тебѣ никогда не приходитъ на умъ наше положеніе и твое собственное въ особенности? Неужели ты такъ же думаешь, какъ воображаютъ о насъ люди, что у насъ старцы всегда остаются старцами, юноши не старѣются, и такъ до безконечности съ тѣхъ поръ, какъ мы были приняты на небо? Сегодня, по случаю празднества, во мнѣ обновляется память о томъ, какимъ я былъ, когда громилъ гигантовъ, осмѣлившихся нагромоздить Оссу на Пеліонъ и Олимпъ на Оссу; а теперь у меня нѣтъ даже силы бороться съ какими-то полулюдьми, и я принужденъ предоставить міръ случаю и фортунѣ: кто первый добѣжитъ, тотъ и побѣдитель, кто захватитъ, тотъ и вправѣ. Я—какъ дряхлый левъ, въ эзоповой баснѣ, котораго безнаказанно лягаетъ оселъ и надъ которымъ издѣвается обезьяна. Мои оракулы, алтари и храмы низвергнуты, и на ихъ мѣстѣ воздвигнуты алтари и статуи какимъ-то другимъ богамъ, которыхъ я и назвать стыжусь, потому что они хуже нашихъ фавновъ и сатировъ и другихъ помѣсей человѣка съ животнымъ. Уничтожены мои законы, жертвоприношенія и обряды, и учреждены другіе, столь недостойные и безобразные, что съ ними люди становятся звѣрьми, тогда какъ мы дѣлали ихъ героями. До нашего носа не достигаетъ болѣе жертвенный дымъ и если у насъ бываетъ аппетитъ, намъ остается только бродить по кухнямъ, какъ паразитамъ; наконецъ, никто не поручится намъ, что современемъ исчезнутъ и эти послѣдніе слѣды нашихъ святыхъ установленій. Я знаю по опыту, заключаетъ Юпитеръ, что міръ—какъ ретивый конь, который хорошо чувствуетъ, когда имъ правитъ слабая рука, и, презирая неумѣлаго всадника, старается сбросить его и наградить ударами копыта.

Однимъ словомъ, боги положительно состарѣлись; если они хотятъ удержаться и не испытать участи всадника, имъ необходимо преобразиться, влить новое содержаніе въ старые мѣха, возвести алтари единственному божеству, которое не старѣется и не знаетъ смерти: Разуму. Боги это поняли, и на генеральной перекличкѣ начинаютъ удалять съ неба все, что между ними было болѣе скандальнаго, напоминающаго плотскіе грѣшки и амурныя шашни, что̀ сами они возводили когда-то въ достоинство полубоговъ и помѣщали въ ряду созвѣздій. Геркулесъ и Персей, Кассіопея и Оріонъ, Кефей и Горгона, и вмѣстѣ съ

ними цѣлый сонмъ обоготворенныхъ животныхъ принуждены оставить свои посты, послѣ того какъ въ общемъ собраніи Олимпа судъ, выслушавъ рѣчи защитниковъ и обвинителей, призналъ ихъ недостойными. На мѣсто каждаго удаленнаго призывается какая-нибудь разумная сила или аллегорическая добродѣтель. Въ этомъ проходитъ все дѣйствіе трактата: оно представляется то совершающимся въ небѣ, то въ какомъ-то неопредѣленномъ пространствѣ, гдѣ богиня Разума, мадонна Софія, бесѣдуетъ со своимъ Саулино, въ которомъ скрывается самъ авторъ. Иногда разговоръ завязывается между ней и Меркуріемъ, который только-что составилъ собственноручно реестръ всему, что положено Юпитеромъ совершиться сегодня въ свѣтѣ. Что же такое? спрашиваетъ его Софія. «Онъ положилъ, чтобы сегодня къ полудню поспѣли двѣ дыни на огородѣ Францино, но чтобы сняли ихъ лишь три дня спустя, когда они никуда не будутъ годны; чтобы въ то же время Наста, жена Альбенціо, завиваясь, сожгла пятьдесятъ семь волосъ, но не обожгла бы головы и на этотъ разъ не выбранилась, а перенесла бы терпѣливо; чтобы въ то же время изъ комнаты слышно было пѣніе кукушки и прокуковала бы она 12 разъ, ни болѣе ни менѣе, а затѣмъ полетѣла бы къ развалинамъ за́мка Cicala; чтобы у Паолино, когда онъ нагнется поднять обломокъ иглы, одежда лопнула отъ натуги; если онъ скажетъ по этому поводу крѣпкое слово, то въ наказаніе его вечерняя похлебка окажется пересоленной и будетъ пахнуть дымомъ, и разобьется фіаско, полный вина; какъ быть, если онъ и на этотъ разъ выругается—рѣшимъ послѣ».—Ты никогда не кончишь, если станешь пересказывать мнѣ всѣ рѣшенія отца Зевса, замѣчаетъ Меркурію Софія. Недаромъ говорятъ мои философы, что ему некогда вздохнуть отъ множества заботъ. А сколько случаевъ дѣйствія и рѣшенія должны были пройти даромъ, пока онъ затѣвалъ и предрѣшалъ все, что ты поразсказалъ мнѣ? Сколько ушло жизни, пока ты болтаешь со мною о томъ, что̀ суждено случиться въ одной только деревушкѣ, гдѣ только всего тричетыре дома. А Нола, а Неаполь, Италія, Европа, а земной шаръ и множество міровъ, состоящихъ подъ верховнымъ руководствомъ Зевса? Меркурій вступаетъ тогда съ Софіей въ философскій разговоръ, который долженъ разсѣять ея сомнѣнія.

III.

Пока мы распространяемся о лондонской жизни Бруно, когда, казалось, онъ былъ въ самомъ цвѣтѣ силъ и дѣятельности, Зевсъ уже рѣшилъ о немъ иначе. Это былъ, безъ сомнѣнія, тотъ самый старый Зевсъ, еще непознавшій обновленія, о которомъ уже Геродотъ говорилъ, что онъ косо смотритъ на людское счастье. Мы во всякомъ случаѣ уже близки къ катастрофѣ, и я пройду быстро тѣ пять-шесть лѣтъ, которыя насъ отъ нея отдѣляютъ.

Въ концѣ 1585-го года Бруно вернулся въ Парижъ съ семействомъ Кастельнò. Здѣсь онъ жилъ и читалъ недолго; мы не знаемъ, какого характера были волненія, побудившія его оставить городъ: школьныя ли дрязги или борьба политическихъ партій. Съ іюня 1586-го года по февраль 1591-го года онъ въ Германіи, и мы можемъ здѣсь прослѣдить его маршрутъ. Въ Марбургѣ академическій совѣтъ, по важнымъ соображеніямъ, какъ онъ выразился, не допустилъ его до публичнаго чтенія; за то Виттенбергъ оказалъ ему такую философскую терпимость, какою лютеранская партія всегда отличалась передъ сторонниками Кальвина. Оттого Бруно зоветъ Виттенбергъ германскими Аѳинами и читаетъ здѣсь два года, пока и въ правительствѣ и въ университетѣ не взяла перевѣсъ кальвинистская партія, отъ которой Бруно не ждалъ себѣ поддержки. Въ апрѣлѣ 1588-го года онъ въ Прагѣ, безъ средствъ и опредѣленныхъ занятій; печатаетъ 160 положеній противъ математиковъ и философовъ своего времени, съ посвященіемъ императору Рудольфу II. Въ то время посвященія были прибыльною статьею дохода; императоръ далъ ему 300 талеровъ. Съ этими деньгами онъ двинулся далѣе: нѣсколько мѣсяцевъ остался въ Гельмштедтѣ, откуда его изгнала ссора съ протестантскими богословами; одинъ изъ нихъ, суперинтендентъ Боэціусъ, даже произнесъ надъ нимъ церковное отлученіе,—такъ, должно быть, поразили его нехристіанскіе взгляды Бруно, высказанные съ каѳедры или въ разговорѣ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ его во Франкфуртѣ, гдѣ, за исключеніемъ короткой поѣздки въ Цюрихъ, онъ и остается до своего возвращенія въ Италію.

Это блужданіе по свѣту раскрывало ему новые горизонты, знакомило съ самыми разнообразными общественными порядками, требованіями, людьми. Оно было однимъ изъ главныхъ внѣшнихъ элементовъ, опредѣлившихъ широту его взгляда, его общечеловѣческія симпатіи и то объективное спокойствіе, съ которымъ онъ относится ко всѣмъ явленіямъ жизни. Практичнѣе

онъ отъ этого не сталъ, и вся масса знанія и опыта давала пищу той способности его ума, которая развита въ немъ до какой-то болѣзненной исключительности. Онъ вѣчно стоитъ гдѣ-то надъ землею, въ области отвлеченныхъ идей, гдѣ поневолѣ мирились всѣ противорѣчія практической жизни, отрѣшенныя отъ своей почвы. Его интересуетъ абстракція, обобщеніе, широкіе взгляды. Онъ, напр., вѣрно оцѣнилъ относительное культурное значеніе кальвинистовъ и лютеранъ; онъ понялъ, что̀ было прогрессивнаго, освобождающаго въ дѣятельности Лютера, и за узкими религіозными интересами, занимавшими современную ему Германію, предвидѣлъ возможность другого будущаго, развитіе философіи и подъемъ научной дѣятельности. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не научился узнавать людей: видѣлъ въ Генрихѣ III послушнаго ученика, а въ посвященіи Рудольфу II толкуетъ о свободѣ философской мысли, которой онъ самъ всегда искалъ; о томъ, что несовмѣстно съ достоинствомъ человѣка подчинять свой разумъ чужому, что наша святая обязанность — протестовать противъ этой тираніи старшихъ, а императору Рудольфу до всего этого не было дѣла.

Франкфуртъ представлялъ въ то время удобную почву для свободной работы мысли. Международный по своему положенію, онъ былъ въ XVI-мъ вѣкѣ однимъ изъ важныхъ центровъ торговли и интеллектуальнаго общенія. На его ярмарки ежегодно съѣзжался народъ со всѣхъ концовъ Европы, и торговля книгами занимала не послѣднее мѣсто: привозились книги изъ Италіи и Франціи и обмѣнивались на произведенія нѣмецкой прессы. Такимъ образомъ не только устанавливался обмѣнъ мыслей, но интересы торговли приводили съ собою то взаимное признаніе, которое въ области идей отражалось извѣстной терпимостью. Нѣтъ ничего терпимѣе типографовъ-издателей XVI-го вѣка: сами — люди бо̀льшею частью образованные, иногда спеціалисты по какой-нибудь наукѣ, они охотно принимали у себя всякаго ученаго, какой бы онъ ни былъ религіозной окраски и философскаго убѣжденія; помогали ему деньгами и давали работу. Мы не узнаемъ ихъ въ современномъ ремесленномъ типѣ.

Къ одному изъ такихъ типографовъ попалъ Бруно; онъ пристрастился къ издательской фирмѣ Вехель, которые помѣстили его въ монастырѣ кармелитовъ, взявъ на себя всѣ расходы по его содержанію. Бруно тотчасъ же принялся работать, почти не выходя изъ комнаты; такимъ видѣлъ его кармелитскій пріоръ: цѣлый день, разсказывалъ онъ, сидитъ и пишетъ, фантазируя и выдумывая небылицы; хорошій человѣкъ, съ большимъ образованіемъ, но ни во что̀ не вѣритъ. Самъ я слышалъ, какъ онъ хвастался, что ему только захотѣть—и все человѣчество будетъ

одной религіи. Иногда, впрочемъ, этотъ оригиналъ показывался на улицѣ, заходилъ въ книжныя лавки — тогдашніе литературныя салоны; тамъ онъ пересматривалъ новыя книги, знакомился съ пріѣзжими учеными и книгопродавцами, заводилъ ученые разговоры и развивалъ свою теорію. Такъ сблизился онъ съ двумя книгопродавцами изъ Венеціи, остановившимися въ томъ же монастырѣ: Джьямбаттиста Чьотто и Джьякомо Британно. Въ одинъ прекрасный день Чьотто передалъ ему письмо отъ венеціанца Джьованни Моčениго. Молодому патрицію попалась въ руки какая-то книга Бруно о мнемоникѣ Луллія; онъ увлекся ею и теперь приглашалъ Бруно пріѣхать въ Венецію—научить его этой мудрости. Только-что передано первое письмо, какъ пришло второе: его по-прежнему звали. Бруно жадно схватился за предложеніе: давно не видалъ онъ Италіи, а теперь обстоятельства являются такія, при которыхъ, казалось, можно было вернуться безъ боязни: венеціанская республика была всегда либеральна въ дѣлѣ религіи; съ другой стороны, была надежда на покровительство сильнаго дома Моčениго. Наконецъ Бруно просто усталъ бродить. Въ одномъ изъ своихъ франкфуртскихъ трудовъ онъ говоритъ о тѣхъ немногихъ идеалистахъ, которые всю свою жизнь ищутъ мудрости, покидаютъ для нея свою страну и родимый кровъ, переплываютъ океаны, переходятъ горы и пустыни, среди голода и лишеній и безсонныхъ ночей. Онъ изобразилъ самого себя.

Въ Венеціи онъ поселился въ гостинницѣ, откуда тотчасъ же перешелъ въ домъ Моčениго. Начались занятія; Бруно вошелъ въ литературные кружки, показывался въ книжныхъ лавкахъ, ѣздилъ иногда въ сосѣднюю Падую, гдѣ поучалъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ студентовъ. О немъ стали говорить. Но дома у него не ладилось. Ученикъ его, Джьованни Моčениго, былъ человѣкъ лѣтъ 34-хъ, недалекій, скрытная и настолько же подозрительная натура, совершенная противоположность съ Бруно. Склонный ко всякому суевѣрію, онъ только и былъ способенъ отнестись къ Бруно съ той стороны, которая была въ немъ самая несущественная, хотя именно здѣсь онъ любилъ драпироваться въ непроницаемую тайну и глубокомысленно говорилъ о мнемоникѣ. Моčениго только это и видѣлъ: Бруно былъ для него волшебникомъ, онъ научитъ его чудесному искусству памяти, чему-то въ родѣ натуральной магіи; а Бруно передавалъ ему лишь кое-какіе внѣшніе пріемы, что́ самъ зналъ, т.-е. очень немногое; въ замѣнъ того онъ, по обычаю, пересыпалъ мнемоническія правила общими соображеніями своей собственной философіи. Моčениго не былъ къ этому приготовленъ, онъ ждалъ, что ему раскроютъ совсѣмъ другія тайны, а Бруно никакихъ

тайнъ ему не раскрывалъ и возвращался къ чтенію между строками, проводя свои завѣтныя мысли о религіи, о христіанствѣ и новой системѣ міра. У бѣднаго Мочениго отъ всего этого волосы становились дыбомъ; онъ схватывалъ одни вершки, пробовалъ спорить, говорилъ о ереси и кощунствѣ—Бруно отвѣчалъ, переходилъ къ насмѣшкамъ надъ старовѣрствомъ своего ученика и пророчилъ своему ученію побѣду въ близкомъ будущемъ. Страхъ начиналъ разбирать Мочениго; въ немъ родилось убѣжденіе, что гость, котораго онъ пріютилъ у себя — страшный гость, что онъ въ связи съ темной силой, обладаетъ могучими чарами. Онъ только не хочетъ объявить ихъ; надо бы пристать къ нему, попытаться вывѣдать. Съ другой стороны поднимался другой голосъ: Мочениго не вправѣ это сдѣлать, церковь запрещаетъ всякую связь съ демономъ; надо порвать ее, подумать о спасеніи души, очистить совѣсть на исповѣди—объявить обо всемъ инквизиціи, чтобы и другіе не подверглись опасности умереть духовно. Мочениго долго колебался между двумя рѣшеніями; видно, что идея доноса явилась у него не вдругъ; онъ начинаетъ собирать свѣдѣнія о своемъ учителѣ, проситъ Чьотто разузнать во Франкфуртѣ, не говорилось ли о немъ что-нибудь такое, что̀ можетъ подтвердить его подозрѣнія. Онъ какъ будто ищетъ убѣдиться. И въ Бруно происходитъ въ то же время такая же нравственная борьба. Онъ видитъ, что ему съ Мочениго дѣлать нечего, что имъ не ужиться; онъ то собирается ѣхать назадъ въ Германію, то совѣщается съ доминиканцемъ Доменико да-Ночера: онъ приготовилъ большой трудъ о семи свободныхъ искусствахъ, гдѣ полагалъ выяснить свое ученіе, приведя его къ единству системы; думаетъ повергнуть его къ стопамъ его святѣйшества папы—онъ любитъ ученыхъ людей, извинитъ его увлеченія и позволитъ носить рясу, не вступая въ орденъ. Это, можетъ быть, старое колебаніе, или въ самомъ дѣлѣ случай съ Мочениго открылъ ему глаза на возможность столкновенія съ католическими властями, если не на возможность доноса? И затѣмъ онъ снова думаетъ ѣхать. Эти колебанія еще болѣе раздражали подозрительность Мочениго. Онъ рѣшился дѣйствовать. 21-го мая, Бруно объявилъ ему, что ѣдетъ во Франкфуртъ; произошелъ крупный разговоръ, со стороны Мочениго были угрозы. На слѣдующій день, ночью онъ вошелъ въ сопровожденіи своего слуги и нѣсколькихъ гондольеровъ въ комнату Бруно, когда тотъ уже спалъ, и, подъ предлогомъ какихъ-то переговоровъ, повели его въ горницу въ верхней части дома, гдѣ онъ и провелъ ночь взаперти. Между тѣмъ дано было знать инквизиціи. Утромъ 23-го числа она послала въ домъ Мочениго своего капитана, который перемѣстилъ заклю-

ченнаго въ нижній этажъ, откуда ночью того же дня его перевели въ тюрьму инквизиціи.

Начался процессъ. Спрошены были свидѣтели, какіе были на лицо; но дальнѣйшее слѣдствіе основалось почти исключительно на словесныхъ и письменныхъ показаніяхъ Мочениго. Эти показанія интересны: они убѣждаютъ насъ, какъ мало онъ былъ способенъ понять общіе принципы бруновскаго ученія; его поразили одни факты, отдѣльные отзывы о христіанствѣ, значеніи чудесъ и т. п. частныя положенія, которыя система, можетъ быть, слишкомъ нецеремонно освѣщала, но которыя имѣли смыслъ *только* въ средѣ самой системы. Въ эту связь онъ никогда не проникалъ, и потому дѣлаетъ выборку только этихъ фактовъ, отзывовъ и положеній. Въ такомъ голомъ перечнѣ они не только должны были поразить судей, но поразили самого Бруно. Онъ никогда не представлялъ ихъ себѣ въ этой связи и потому ищетъ теперь поставить ихъ на то мѣсто, какое они имѣли въ его теоріи. Такимъ образомъ онъ смягчаетъ рѣзкость иныхъ обвиненій, другія положительно отвергаетъ; чаще всего онъ винится въ томъ, что приходилъ къ антихристіанскимъ выводамъ, не вслѣдствіе невѣрія или предвзятости, а потому что слишкомъ безраздѣльно довѣрялъ логикѣ, отдавался свободному развитію своей философіи. Въ этомъ его грѣхъ: онъ никогда не думалъ разрывать съ христіанствомъ, съ церковью; онъ нѣсколько разъ, еще въ Венеціи, помышлялъ о возвращеніи въ лоно католичества. Онъ даже кончаетъ чѣмъ-то въ родѣ торжественнаго покаянія, готовъ смириться, исправиться, показать на себѣ примѣръ обновленія—если ему будетъ оставлена жизнь.

Онъ еще хотѣлъ жить и надѣялся на милостивый вердиктъ венеціанскаго суда. Можетъ быть, это было только внѣшнее признаніе, а внутренно творилось другое, и готовилась знаменитая фраза, оставшаяся за Галилеемъ — eppur si muove! — За то, когда въ теченіи процесса ему приходилось говорить о своей философіи, онъ не знаетъ двойственности и ничего не скрываетъ: напротивъ того, онъ настаиваетъ, повторяется, развиваетъ, что̀ могло показаться неяснымъ, хочетъ быть опредѣленнѣе, вразумительнѣе, какъ будто передъ нимъ не отцы-инквизиторы, а студенты Оксфорда или Сорбонны. Онъ увлекся, до забвенія всей обстановки, тѣмъ, что̀ было дѣломъ всей его жизни, чѣмъ поступиться было для него немыслимо. Онъ такъ простъ и спокоенъ, что иногда становится страшно. Въ XVI-мъ вѣкѣ нѣтъ другой такой философской исповѣди; это вмѣстѣ съ тѣмъ и исповѣдь цѣлой жизни.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это дѣло въ Венеціи, еслибы папа и римская инквизиція, которой слѣдствіе передава-

лось по мѣрѣ того, какъ собирались показанія, не потребовали Бруно въ Римъ. Венеціанское правительство отнеслось-было къ этому требованію, какъ нарушающему его верховныя права; но въ Римѣ настаивали: Бруно не венеціанскій подданный; онъ — монахъ и ересіархъ и потому подлежитъ вѣдѣнію папы; еще ранѣе того онъ судился въ Неаполѣ и Римѣ; указано было на нѣсколько прецедентовъ, когда подсудимые въ подобныхъ случаяхъ были переданы Венеціей въ руки римскаго трибунала. Коллегія Прегадовъ собиралась нѣсколько разъ для обсужденія этого вопроса; спрошенъ былъ прокураторъ Контарини. Онъ отвѣчалъ, что проступки Бруно по отношенію къ ереси—очень важные, хотя въ другихъ отношеніяхъ это—одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ и свѣтлыхъ умовъ, какіе можно встрѣтить. Тѣмъ не менѣе онъ заключалъ, что слѣдуетъ исполнить желаніе его святѣйшества, какъ дѣлалось въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ, въ январѣ 1593-го года, Бруно былъ переведенъ изъ венеціанской тюрьмы въ тюрьму римской инквизиціи.

Здѣсь мы теряемъ его изъ виду на семь лѣтъ. Что дѣлалось съ нимъ въ этотъ долгій промежутокъ — неизвѣстно, и только можемъ представить себѣ на основаніи общихъ свѣдѣній, какія имѣемъ объ обыкновенномъ ходѣ инквизиціоннаго дѣлопроизводства. Онъ долженъ былъ подвергнуться новому, болѣе подробному допросу; надо было собрать свѣдѣнія о его жизни за границей, его сношеніяхъ съ протестантами, наконецъ о его книгахъ, особенно итальянскихъ, которыя въ Италію почти не проникали. Все это требовало много времени, даже при обычномъ ходѣ дѣла; случалось также, что о преступникѣ забывали. За допросомъ слѣдовали увѣщанія, имѣвшія цѣлью привести виновнаго къ добровольному сознанію своей грѣховности; затѣмъ его оставляли одного съ самимъ собой, чтобы услышать его отреченіе, присутствовать при его колебаніяхъ и, въ сомнительномъ случаѣ, снова начать допросы. Все это повторялось не разъ; должно было повториться и надъ Бруно. Мы узнаемъ, что и здѣсь онъ также колеблется и не ровенъ себѣ, какъ въ Венеціи: онъ то проситъ отсрочки и обѣщаетъ покаяться, то, когда срокъ прошелъ, выходитъ съ той же непоколебимой вѣрой въ свое философское ученіе; и затѣмъ онъ снова обѣщаетъ, чтобы снова возвратиться къ самому себѣ. Только когда страхъ неминуемой смерти предсталъ передъ нимъ, онъ сталъ спокоенъ и всѣ колебанія исчезли. Когда ему объявили смертный приговоръ, онъ произнесъ съ увѣреннымъ видомъ и угрожающимъ движеніемъ памятныя слова къ своимъ судьямъ: «Вы испытываете болѣе страха, произнося приговоръ, чѣмъ я, слушая его».

Семнадцатое февраля 1600-го года былъ днемъ его казни

Во второй разъ Бруно увидѣлъ Римъ, и снова онъ былъ такой же праздничный, какъ и въ первый. Праздновался юбилей; пятьдесятъ кардиналовъ съѣхались въ городъ, по улицамъ движется пестрая толпа паломниковъ, сошедшихся ко гробу апостоловъ искать внутренняго мира и отпущенія грѣховъ. На этомъ праздникѣ христіанской любви и всепрощенія сожженъ былъ на площади человѣкъ, толковавшій о міровой любви, движущей всѣмъ созданіемъ. Онъ умеръ на кострѣ спокойно, не проронивъ ни одного стона.

Изъ толпы смотрѣлъ на эту казнь нѣмецкій ученый Шоппе, извѣстный подъ именемъ Sciopрius: одинъ изъ тѣхъ тупыхъ, задорныхъ эрудитовъ, какихъ много встрѣчалось между хористами Возрожденія. Вернувшись домой, онъ тотчасъ же отписалъ обо всемъ своему пріятелю, Конраду Риттерсгаузену, такому же, какъ онъ, ученому мужу. Сюжетъ представлялся блестящій, и Шоппе не могъ воздержаться отъ реторическихъ вожделѣній: онъ такъ и трактуетъ его, безъ тѣни участія, безъ доли пониманія. Письмо, напечатанное въ 1621-мъ году, долгое время служило единственнымъ документомъ о послѣднихъ годахъ и казни Бруно. Лишь въ недавнее время обратили вниманіе на письмо Бренгера къ Кеплеру и на отвѣтъ Кеплера, отъ 1608-го года, гдѣ встрѣчаются указанія на послѣднее обстоятельство. Между 1608-мъ годомъ и 1600-мъ, т.-е. годомъ казни, о ней не говорится ни полслова, такъ что естественно могло родиться сомнѣніе—точно ли Бруно былъ сожженъ? Иные даже утверждали, что онъ сожженъ in effigie, что казнь была совершена только надъ его изображеніемъ. На вопросы, недавно обращенные по этому поводу къ хранителямъ ватиканскаго архива, послѣдовалъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что Бруно былъ дѣйствительно судимъ, какъ значится въ актахъ; но какой приговоръ надъ нимъ произнесенъ—о томъ ничего неизвѣстно; еще менѣе извѣстно — былъ ли этотъ приговоръ приведенъ въ исполненіе. Такой человѣкъ, какъ Бруно, могъ умереть на площади, среди бѣлаго дня, въ городѣ, куда, какъ нарочно, сошлись на этотъ разъ люди со всѣхъ концовъ Европы — и о его смерти не сохранилось ни одного современнаго извѣстія, кромѣ случайнаго письма Шоппе, и прошло цѣлыхъ восемь лѣтъ, когда появилось первое, столь же случайное указаніе!

Ал. Веселовскій.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ

и

ЭКСПЕДИЦІЯ 1853 ГОДА.

VII *).

Наши отношенія къ японцамъ и аинамъ были не одинаковы, и приходъ русскихъ на Сахалинъ произвелъ различныя впечатлѣнія на его обитателей. Японцы видѣли въ немъ уничтоженіе своего господства на островѣ и можетъ быть потерю богатыхъ промысловъ. Увѣреніямъ нашимъ, что мы пришли защищать ихъ отъ американцевъ, конечно они не вѣрятъ. Силъ у нихъ не было, чтобы помѣшать нашей высадкѣ; все что они могли сдѣлать, это увѣдомить свое правительство, для чего и послали парусную джонку съ 13-ю япон. матросами на Мацмай. Но аины были рады нашему приходу, такъ какъ надѣялись, что мы прогонимъ японцевъ или перебьемъ ихъ, и тѣмъ освободимъ отъ ненавистнаго для нихъ ига. Устрашенные японцы отдавали намъ все, что отъ нихъ спрашивали, даже посылали свои лодки, чтобы перевозить наши вещи съ корабля, а черезъ трое сутокъ послѣ нашего прихода они всѣ убѣжали. Аины, худо повиновавшіеся оставшемуся старшинѣ своему, преданному японцамъ, начали воровать водку изъ сараевъ и открыто разграбили бы все, если бы не видѣли, что это мнѣ не нравится. Порядокъ немного установился. Бывшій въ экспедиціи на Сахалинѣ, г. Орловъ, встрѣтилъ

*) См. выше: окт. 732, нояб. 161 стр.

у Найпу бѣжавшихъ японцевъ и уговорилъ ихъ возвратиться въ Томари, обѣщая, что русскіе имъ ничего не сдѣлаютъ. Они воротились, когда второе русское судно «Иртышъ», приходившее въ Томари, удалилось отъ береговъ. Увѣрившись, что русскіе не хотятъ ни убивать ихъ, ни брать въ плѣнъ, японцы поселились въ своемъ домѣ. Первоначальныя ихъ дѣйствія противъ насъ были не совсѣмъ дружелюбны. Они подговаривали аиновъ не продавать ничего русскимъ, говоря, что весною японцы ихъ выгонятъ и тогда убьютъ тѣхъ аиновъ, которые приносили что-нибудь или служили русскимъ. Аины, видя, что, несмотря на ихъ просьбы, мы не убиваемъ японцевъ, и приписывая это вѣроятно тому, что мы трусимъ ихъ, начали бояться угрозъ японцевъ, и если продавали намъ, то всегда скрытно, рыбу и другіе предметы, прося не говорить японцамъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (въ Сусуѣ и Ричтогѣ) даже не хотѣли принимать Рудановскаго, объѣзжавшаго берегъ для описи, или всѣ убѣгали при его пріѣздѣ. Я нѣсколько разъ строго выговаривалъ японцамъ, но получалъ всегда отвѣтъ, что аины лгутъ. Наконецъ, я объявилъ имъ, что мы звали ихъ придти въ Томари, жить дружно съ нами; если этого они не хотятъ, то лучше пусть уходятъ изъ Томари. Слова мои подѣйствовали на нихъ; старшины ихъ явились ко мнѣ съ подарками и увѣреніемъ въ дружбѣ. Просили, чтобы я не вѣрилъ аинамъ, которые хотятъ нарочно вооружить русскихъ противъ нихъ. Послѣ этого дружескія сношенія возобновились, конечно безъ довѣрія. Казакъ Дьячковъ, по приказанію моему, ежедневно ходилъ къ японцамъ; они очень полюбили его и просили чтобы онъ ходилъ почаще къ нимъ, обѣщая его выучить аинскому языку. Люди наши сдѣлали японцамъ молотильную машину.

Аины, въ неизвѣстности будущей судьбы своей, остаются въ ожиданіи, кто пересилитъ весною, — русскіе или японцы. Они желаютъ успѣха русскимъ потому, что надѣятся, что они все-таки добрѣе японцевъ и не будутъ ихъ бить. Есть конечно и такіе, которые желаютъ успѣха японцамъ,—это живущіе въ ихъ домѣ слугами и любовницы японцевъ изъ аинокъ. Помощи же или нападеній отъ аиновъ нельзя и ожидать: ихъ роль чисто пассивная. Конечно, если бы русскіе начали драться съ японцами и одолѣли бы ихъ, то аины рады бы были подоспѣть отмстить, чтобы броситься на побѣжденныхъ японцевъ, и перерѣзать ихъ. Пока они боятся и насъ и японцевъ, но теперь, послѣ моего открытаго выговора японцамъ, съ охотою намъ приносятъ свѣжую рыбу, не скрываясь отъ японцевъ. Японцы то же доставляютъ намъ рыбу, уголь и зелень. Мы, ко-

нечно, платимъ хорошую цѣну. Въ виду такихъ нашихъ отношеній на Сахалинѣ, я постараюсь разъяснить вопросъ — какъ слѣдуетъ дѣйствовать намъ, въ настоящемъ нашемъ положеніи, для исполненія предположенной цѣли завладѣть островомъ, не только не возбудивъ непріязни къ намъ японцевъ и аиновъ, но и заведя съ ними торговыя сношенія. Мы видѣли выше, что интересы и желанія двухъ этихъ народовъ совершенно различны,—одни хотятъ удержать свое вліяніе и власть на островѣ для сохраненія выгодъ рыбной промышленности и отчасти мѣны пушныхъ, другіе — сбросить съ себя эту власть и, если можно, отмстить за дурное обращеніе съ ними. Итакъ, чтобы доказать японцамъ, что наше присутствіе на Сахалинѣ нисколько ни повредитъ и не помѣшаетъ ихъ рыбнымъ промысламъ, мы должны оставить аиновъ по прежнему въ ихъ рабствѣ и тѣмъ возбудить, хоть и неопасную для насъ, ненависть послѣднихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ признать Сахалинъ принадлежностью японцевъ, а ихъ полными властелинами надъ жителями его. Съ другой стороны—если взять на себя управленіе островомъ и защищать аиновъ отъ японцевъ, запретивъ имъ бить ихъ или принуждать ихъ къ работѣ за произвольную плату, то это значитъ отнять отъ нихъ всѣхъ работниковъ, потому что аинъ изъ одной уже ненависти не пойдетъ наниматься къ японцамъ въ работники, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ другого рода средства пріобрѣтать всѣ нужныя для него вещи отъ манжуровъ. Остается выбрать среднее—не вмѣшиваться пока въ частныя отношенія японцевъ съ аинами, держа только первыхъ въ боязни, что, если они открыто начнутъ дурно поступать съ аинами и бить ихъ понапрасно, то аины придутъ жаловаться къ русскимъ и упросятъ заступиться за нихъ. Я и старался держаться этого невыгоднаго полусредства, невыгоднаго потому, что аины, несмотря на ласки наши, несмотря на то, что мы съ выгодою для нихъ покупаемъ приносимые ими продукты или мѣха, питаютъ недовѣріе къ намъ и можетъ быть досаду. Чтобы имъ удовлетворить, надо, если не перебить японцевъ, то по крайней мѣрѣ собрать всѣхъ аинскихъ старшинъ и японцевъ и объявить, что островъ Сахалинъ есть не японская, а русская земля, и потому аины объявляются свободнымъ народомъ, и что если японцы прибьютъ кого-нибудь изъ аиновъ, или отнимутъ насильно что-нибудь отъ нихъ, или заставятъ безъ условной платы работать, то я накажу японцевъ. Подобное объявленіе есть, какъ я выше объяснялъ, уничтоженіе рыбныхъ промысловъ для японцевъ, а по законамъ ихъ, такъ и полное изгнаніе съ Сахалина, если объявить его русскою землею. Если законы эти измѣнятъ, то современемъ, разумѣется,

японцы могутъ привозить работниковъ съ Мацмая. Но эти слова, «измѣнить законъ», не существуютъ въ словарѣ японскаго правительства. На японцевъ нашъ, такъ сказать, вооруженный нейтралитетъ имѣетъ только въ томъ отношеніи хорошее вліяніе, что они перестали думать, будто мы пришли съ намѣреніемъ ихъ прогнать съ острова и овладѣть имъ. Но въ будущемъ они видятъ неминуемое изгнаніе ихъ, несмотря ни на какія увѣщеванія и увѣренія наши. Одинъ изъ нихъ, со слезами на глазахъ, говорилъ нашему казаку, что худое время пришло для японцевъ. Они признаютъ, что русскіе добрый народъ, но понятно, мысль, что имъ придется, или оставить свои промыслы, или производить ихъ подъ присмотромъ, такъ сказать подъ глазами русскихъ, должна быть непріятна для нихъ. Итакъ, вотъ наши настоящія отношенія къ жителямъ Сахалина. Отношенія эти невыгодны и неудобны и потому продолжаться долго не могутъ; но трудно измѣнить ихъ, т.-е. принять рѣшительно чью-нибудь сторону изъ двухъ враждующихъ народовъ, или взять на себя строго дѣйствующую власть надъ обоими и тѣмъ, такъ сказать, сравнять ихъ, не дозволяя между собою рѣзаться; я полагаю, что подобныя дѣйствія наши были бы вредны, потому что они уничтожили бы всякую надежду и въ японцахъ и въ аинахъ на возвращеніе прежняго свободнаго быта. Къ этому я долженъ прибавить, что всѣ 13 японцевъ, живущихъ въ настоящее время въ Томари, — простые работники и, по словамъ аиновъ, неимѣющіе права возвращаться на Мацмай, слѣд., вѣроятно они или преступники, или бывшіе по какому-либо случаю на чужой землѣ и за это изгнаны изъ отечества. Нѣкоторые изъ людей нашихъ говорятъ, что одинъ изъ этихъ японцевъ былъ въ Камчаткѣ и знаетъ по-русски; другіе утверждаютъ, что это неправда; сколько я ни старался вырвать отъ него признаніе, но не могъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни сдружились съ этими японцами, мнѣніе ихъ, конечно, слишкомъ мало уважается, чтобы имѣть замѣтное вліяніе на дѣйствія правительства Японіи.

VIII.

Занятіе какой-либо страны предполагаетъ какую-нибудь цѣль, и цѣль эта обусловливаетъ средства, необходимыя для достиженія ея. Какая была цѣль правительства нашего при занятіи острова Сахалина, и какимъ путемъ предполагало оно достигнуть ея?—разрѣшеніе этого вопроса, конечно, должно служить правиломъ для дѣйствій Сахалинской экспедиціи. Цѣль занятія

Сахалина не была высказана въ предписаніяхъ отъ правительства; было объяснено только, что право владѣнія островомъ предоставляется Р. А. К. *). Средства, назначенныя ей отъ правительства, состояли изъ 100 ч. матросовъ камчатскаго экипажа, иркутскихъ, якутскихъ и камчатскихъ казаковъ и 50,000 р. с. денегъ. Компанія назначила отъ себя одно судно, матеріалы для построекъ и товару для торговли на 12 т. р. Экспедиція, предписаніемъ генерала-губернатора, подчинена была капитану 1-го ранга г. Невельскому, съ предоставленіемъ ему выбрать пункты для высадки. Насчетъ отношеній къ жителямъ острова, въ этомъ предписаніи, § 2-й, сказано: «Находящихся на южной части Сахалина японскихъ рыбаковъ не только не тревожить, но оказавъ имъ самое дружеское расположеніе, удостовѣрить, что мы занимаемъ островъ Сахалинъ въ огражденіе онаго отъ иностранцевъ и что съ нашею помощью и защитою, они, японцы, могутъ безопасно продолжать тамъ свой промыселъ и торговлю».

Мы стали въ главномъ японскомъ селеніи, между ихъ строеніями. Слѣдствіе выбора этого пункта показано выше, въ описаніи отношеній нашихъ съ японцами и аинами. Постараемся разобрать, какія причины могли побудить выборъ занятаго нами пункта. Я выше сказалъ, что въ предписаніяхъ насчетъ занятія острова, кромѣ выписаннаго выше параграфа, ничего не было сказано, никакой другой инструкціи для дѣйствій и цѣлей не дано; слѣд., начальнику экспедиціи приходилось руководствоваться тѣми данными, которыя ему удастся собрать на мѣстѣ, и такъ какъ дѣло шло о столкновеніи на островѣ съ японцами, то принять во вниманіе ихъ положеніе въ занимаемой странѣ и вообще все, что намъ извѣстно объ этомъ народѣ и его правительствѣ. Кромѣ этого надо было взять въ соображеніе то, что мнѣ могло быть извѣстно о нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ Японіи. Данныя эти, сколько я знаю, были слѣдующія.—Сѣверной части Сахалина, гдѣ живутъ гиляки, было сдѣлано краткое описаніе лейтенантомъ Бошнякомъ еще во время зимней экспедиціи его въ этой странѣ для отысканія розсыпей каменнаго угля. Далѣе, къ югу отъ гиляковъ, кочуетъ извѣстное намъ только по слуху племя ороковъ; за ними, южнѣе, начинаются жилища аиновъ и японцевъ. Отъ гиляковъ извѣстно было, что у японцевъ на Сахалинѣ крѣпости нѣтъ, что ихъ джонки приходятъ съ раннею весною, что ими начальствуетъ офицеръ, и что аины находятся въ работѣ у японцевъ, и поэтому не любятъ ихъ. Для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній былъ посланъ на Сахалинъ,

*) Т.-е. Росс. Амер. Компаніи.

до отправленія дессанта, офицеръ Орловъ съ предписаніемъ пройти до мыса Крильона и тамъ ожидать нашего судна. Но порученіе это по обстоятельствамъ не было исполнено. Объ Японіи, ея правительствѣ и силахъ извѣстно изъ соч. Головнина и другихъ писателей, — что государство это имѣетъ до 5,000,000 жителей, что управляется императоромъ съ властью неограниченною, что числительныя военныя силы его и матеріальныя средства велики, но что двухсотлѣтнее внутреннее спокойствіе, миръ съ сосѣдями и природная трусость дѣлаютъ Японію несравненно слабѣе даже самаго безсильнаго европейскаго государства и едва способною не только для нападеній, но для обороны своей земли противъ серьезной экспедиціи европейцевъ, и что, наконецъ, японскій флотъ чисто торговый и дурной постройки и потому неспособенъ къ защитѣ противъ нашихъ судовъ. Основной законъ этого государства есть неизмѣняемость, освященная временемъ и религіей государственныхъ постановленій. Главное изъ этихъ постановленій есть недопущеніе иностранцевъ въ Японію и японцевъ на чужую землю.

Это есть основаніе, такъ сказать, существованія государства и власти правительства его. Измѣненіе этого правила должно имѣть слѣдствіемъ коренной и полный переворотъ во внутреннемъ существованіи Японіи. Поэтому надо предполагать, что только сила можетъ заставить правительство Японіи измѣнить вышесказанный законъ. Но мирными средствами европейцы могутъ надѣяться получить дозволеніе присылать условленное количество судовъ въ Нангасаки, подвергаясь всѣмъ притѣснительнымъ мѣрамъ для торговли, которыя японцы наложили на голландцевъ. Вотъ все что можетъ знать и заключать офицеръ начальствующій экспедиціею. Что же касается до политическихъ отношеній Россіи къ Японіи, извѣстно, что дѣлались попытки, по случаю плѣна капитана Головнина, завести торговыя сношенія съ Японіею, но безуспѣшно. Въ настоящее же время посланъ въ Японію адмиралъ Путятинъ для переговоровъ съ ея правительствомъ, а американцы хотятъ силою заставить себѣ открыть порты. Ясно, что мысль занять Сахалинъ имѣетъ связь съ послѣдними обстоятельствами, ибо занятіе его полезно въ отношеніи завязанія торговли съ японцами и необходимо для предупрежденія иностранцевъ овладѣть этимъ пунктомъ, находящимся на границѣ японскихъ и нашихъ владѣній. Сверхъ того, островъ этотъ по положенію своему служитъ дополненіемъ При-Амурскаго края, присоединеніе котораго такъ необходимо для Россіи. Рѣшившись занять Сахалинъ, правительство назначило совершить это подъ торговымъ флагомъ Р. А. К.—Это даетъ

наружный видъ экспедиціи чисто торговый. Число людей, назначенное для экспедиціи показываетъ, что не предполагалось возможности военныхъ дѣйствій и необходимости защиты острова противъ Японіи или другой какой-либо политической націи. 100 человѣкъ эти назначались конечно для защиты нашего торговаго поселенія отъ туземныхъ дикарей или японскихъ рыбаковъ, и число это слишкомъ достаточно для достиженія этой цѣли. Слѣдовательно, при выборѣ пункта слѣдовало руководствоваться не тою мыслью, чтобы силою принудить японское правительство уступить намъ островъ, съ разсчетомъ, что необходимость заставитъ ихъ пріѣзжать на промыслы на русскую землю Сахалина, и слѣд. противъ воли завести съ нами прямыя сношенія. Выборъ пункта съ подобнымъ разсчетомъ не соотвѣтствовалъ ни предполагаемымъ намѣреніямъ правительства, ни средствамъ экспедиціи. Если намѣреніе правительства было не возбуждать противъ насъ японскаго правительства, съ которымъ ведутся переговоры, то не слѣдовало становиться въ центрѣ рыбныхъ промысловъ японцевъ и тѣмъ такъ прямо задѣть одинъ изъ самыхъ важныхъ интересовъ ихъ. Если же надо было дѣйствовать рѣшительно и открыто, не заботясь о возможности попытокъ японскаго правительства удержать за собою островъ, пославъ на него военную силу, то тогда средства, которыми располагаетъ экспедиція, конечно недостаточны, какъ бы ни были трусливы японцы, которые, и именно поэтому, если разъ рѣшатся защищать островъ, то постараются замѣнить храбрость многочисленностью.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, въ чемъ состоятъ наши военныя средства,—60 матросовъ и казаковъ, изъ которыхъ большая часть не только не стрѣляли изъ ружья, но даже не держали его въ рукахъ, изъ 8 неподвижныхъ корабельныхъ пушекъ съ сотнею ядеръ и изъ одной четырехвесельной шлюпки. Для постройки жилищъ и укрѣпленія — два осеннихъ мѣсяца да четыре—суровой зимы. Къ этому должно было быть еще принято во вниманіе извѣстное намъ обстоятельство, что правительство Японіи увѣдомлено о нашемъ приходѣ и силахъ, и что суда наши не могутъ предупредить японскихъ — послѣднее обстоятельство не могло и не должно было быть неизвѣстнымъ начальнику экспедиціи. Поэтому, мысль, при выборѣ пунктическаго ключа позиціи, для отнятія острова силою отъ японцевъ, была завладѣть центромъ ихъ промышленности и главнымъ селеніемъ, служащимъ мѣстопребываніемъ чиновниковъ ихъ правительства. Ключъ позиціи нашей на Сахалинѣ есть тотъ пунктъ, занятіе котораго не могло бы тревожить японскихъ рыбаковъ, но который былъ достаточно близокъ къ нимъ, чтобы дѣйствіемъ

торговли и частыхъ сношеній повелъ бы къ неукоснительному распространенію нашего вліянія на весь островъ и на завязаніе торговли съ самими японцами. Пунктъ этотъ есть какое бы то ни было мѣсто, находящееся въ двухъ и трехсуточномъ переходѣ отъ послѣдняго къ сѣверу поселенія японцевъ. Занятіе селенія Нойоро или устья р. Кусуной повидимому лучше всего повело бы насъ къ предположенной цѣли. Мѣста эти находятся на границѣ трехъ племенъ населяющихъ островъ: гиляковъ, ороковъ и аиновъ, и находятся въ 2-хъ или 3-хъ суточныхъ переходахъ отъ Малки, одного изъ главныхъ селеній японцевъ. Пункты эти, поэтому самому, выбраны манжурами и гиляками, какъ мѣста мѣны съ аинами и японцами. Слѣд., ставъ тамъ, мы бы владѣли центромъ торговли, и конечно присутствіе наше имѣло бы рѣшительное вліяніе надъ всѣми туземцами, а частыя сношенія съ японцами исподоволь приготовили бы народъ этотъ и правительство къ открытію торговли съ нами. Я не знаю еще мѣстности этихъ пунктовъ. Въ морскомъ отношеніи мы можемъ выбирать только мѣсто, гдѣ суда наши могли бы съ удобностью разгружаться, потому что закрытыхъ гаваней или бухтъ удобныхъ для стоянки большихъ судовъ на Сахалинѣ нѣтъ. Всѣ бухты его осмотрѣны, но обыкновенно онѣ имѣютъ на высотѣ мысовъ глубину достаточную развѣ только для японскихъ джоновъ. Бухта Томари также имѣетъ невыгоду, почему корабль «Николай», несмотря на все стараніе капитана Невельского, оставался по крайней мѣрѣ на милю отъ высоты мысовъ. Она открыта южнымъ и Ю + З вѣтрамъ, преимущественно дующимъ здѣсь. Черезъ разспросы казаковъ, бывшихъ въ экспедиціи съ г. Орловымъ и видѣвшихъ мѣста р. Кусуной, я узналъ, что мѣста эти превосходны, весьма богаты и очень удобны для поселенія. Глубина моря противъ устья р. Кусуной приближается настолько къ берегу, что судно можетъ стоять также близко къ нему, какъ и къ берегамъ бухты Томари. Рѣка сама судоходна. Не могу ручаться, чтобъ свѣдѣнія эти были бы вѣрны, но я убѣжденъ, что и въ морскомъ отношеніи, конечно, есть мѣста въ тамошнемъ краѣ, которыя не имѣютъ болѣе неудобствъ, какъ выбранная нами бухта Томари. Выборъ устья Кусуной или другого какого-либо мѣста въ этомъ краю не возбудилъ бы неприязни къ намъ японцевъ, потому что они могли бы продолжать по прежнему производить свои промыслы, не подвергаясь безпрерывнымъ столкновеніямъ съ нами по поводу аиновъ и вмѣшательствъ съ нашей стороны во внутреннюю, такъ сказать, жизнь ихъ промысловъ, вмѣшательствъ, которыя въ настоящемъ нашемъ положеніи невозможно будетъ устранить, когда японскія

джонки навезутъ множество людей (по свѣдѣніямъ, оно должно простираться—до 500 человѣкъ).

Итакъ, по моему мнѣнію, и цѣль и средства наши должны были рѣшить выборъ пункта не въ военномъ отношеніи, а по успѣху мирнаго вліянія нашего, какъ на туземцевъ, такъ и на японцевъ. Для защиты жителей острова противъ другихъ націй, все равно, какой пунктъ ни займемъ, не сила 60-ти человѣкъ защититъ его отъ нихъ, а флагъ, находящійся подъ покровительствомъ нашего правительства.

Руководствуясь мыслью овладѣть островомъ чрезъ занятіе ключа обороны острова и командованія японскими промышленными заведеніями, начальникъ экспедиціи при выборѣ мѣста имѣлъ въ виду выгоды и удобства укрѣпленія его тѣми средствами, которыми экспедиція располагала, т.-е. 60-ю ч. и 8-ю орудіями. Для этого назначенія можно занять строеніями нашими вершину и отлогость южнаго мыса бухты Томари слѣдующимъ образомъ: у подошвы мыса течетъ ручей, за нимъ идетъ ровная, гладкая площадь шириною саженей двѣсти и глубиною около версты; площадь эта окружена со всѣхъ сторонъ высокими холмами; отрасль ихъ, противоположная высотамъ мыса южнаго и идущая къ серединѣ бухты, отдѣляетъ описанную площадь отъ другой подобной же площади, ограниченной высотами сѣвернаго мыса. Южный склонъ этихъ холмовъ, раздѣляющихъ всю длину бухты на двѣ почти равныя площади и расположенный къ нашимъ строеніямъ, занятъ жилищами японскихъ и аинскихъ работниковъ и домомъ главнаго ихъ начальника. Отлогость мыса, занимаемаго нами, имѣетъ три искусственныя площадки или ступени, изъ которыхъ двѣ верхнія заняты японскими сараями. Вершина мыса свободна отъ ихъ построекъ, потому что три магазина ихъ, разбросанные по гребню высокаго берега устья, оставляютъ еще просторную площадку.

Капитанъ Невельской назначилъ поставить одну баттарею изъ 4-хъ орудій на первой половинѣ мыса, слѣд., имѣя надъ головами застроенныя двѣ и три площадки и другую на верхней площадкѣ мыса. Разстояніе между баттареями до 40 саж. Нижняя площадка составляетъ квадратъ въ 11 саженъ. Западная сторона его обращена къ морю, отстоя въ вышину отъ поверхности его на 9 саженъ. Лѣвая ограничивается уступомъ второй площадки, имѣющемъ вышины до 4-хъ аршинъ; правая ограничивается довольно крутымъ сходомъ на площадку, у самаго подножія схода течетъ ручей, пробѣгающій изъ отдаленной глубины долины, наконецъ задняя сторона застроена японскими магазинами. Итакъ, площадка эта, командуемая двумя врытыми пло-

щадками мыса и кругомъ обстроенная магазинами, можетъ быть не иначе укрѣплена какъ будучи соединена непосредственно стѣною съ строеніями верхней баттареи, а это потребовало бы огромнаго количества лѣсу, да и протяженіе сторонъ ограды простиралось бы до 170-ти саженъ,—линія, которая не можетъ быть обороняема 65 ч., т.-е. одной бойницей на $3^1/_2$ саж. длины. Кромѣ того, окруживъ стѣною японскіе магазины мы не могли бы оставить ихъ хозяевамъ—они должны были быть непремѣнно уступлены намъ, значитъ, еще было бы новое притѣсненіе имъ. Воду единственно можно только доставать изъ небольшого ручья, который можетъ быть всегда легко вдали отъ насъ отведенъ въ одинъ изъ многихъ ручьевъ текущихъ по долинѣ. Чтобы доставать воду колодезную, для этого надобно включить въ позицію нашу часть низменной площади, значитъ еще болѣе растянуть ее. Если предположить, что цѣль баттарей единственно состоитъ въ защитѣ входа въ бухту и командованія строеніями селенія Томари, тогда позиція баттарей нашихъ хороша. Но къ чему японскимъ судамъ входить въ Томари, когда они могутъ пристать, какъ и дѣлаютъ, въ различныхъ мѣстахъ залива Анивы и берега Татарскаго пролива. Съ какой стати они соберутся въ строенія, находящіяся подъ нашими выстрѣлами, если ихъ строенія разбросаны по двадцати селеніямъ. Итакъ, мѣсто, выбранное для нашего расположенія, не можетъ препятствовать привозу на островъ ни людей, ни оружія, ни пушекъ. Расположеніе это не соотвѣтствуетъ ни числу имѣющихся рукъ для укрѣпленія его, ни для защиты, а наконецъ и самая вода находится не въ расположеніи нашемъ, а только подъ выстрѣлами его, да и всегда можетъ быть отведена. А безопасность поста возможна только при условіи, чтобы крейсерствомъ судовъ нашихъ не допустить японцевъ выдти на берегъ Сахалина въ большихъ силахъ. Но крейсерство это можетъ отправиться не ранѣе конца апрѣля или начала мая, а для японскихъ судовъ Сахалинъ открытъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ. Слѣдовательно, успѣхъ нашего поселенія можетъ только разсчитывать на нерѣшительность и трусость японскаго правительства отнять у 90-ти ч. русскихъ главный источникъ продовольствія всего государства. Я не знаю характера японскаго правительства и потому не берусь судить о томъ, какъ оно будетъ дѣйствовать въ настоящемъ обстоятельствѣ. Что же касается до сравненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ занятіе на Сахалинѣ селенія Томари, и заселеній, дѣланныхъ въ земляхъ гиляковъ и другихъ племенъ Приамурскаго края, то должно признать, что обстоятельства эти совершенно различны. Тамъ прибытіе русскихъ не влечетъ за

собою никакой существенной перемѣны, чтобы вооружить противъ нихъ даже и тѣхъ, которые теряютъ какія-нибудь ничтожныя выгоды. Торговля русскихъ въ Приамурскомъ краѣ выгодна вообще для населенія, и только нѣсколько манжурскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ туда, терпятъ можетъ быть отъ соревнованія съ русскими. Но потеря барышей нѣсколькихъ мелкихъ манжурскихъ купцовъ не можетъ возбудить опасенія для Китая въ такой степени, чтобы шаткое правительство его рѣшилось противодѣйствовать. На Сахалинѣ мы отняли отъ Японіи одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ продовольствія цѣлаго населенія ея, и потому потеря береговъ залива Анивы важнѣе для Японіи, чѣмъ потеря всего Приамурскаго края для Китая.

Выше я описалъ характеръ торговли туземцевъ Сахалина и пріѣзжающихъ туда манжурско-амурскихъ гиляковъ. Я признаюсь, что о подробности и выгодѣ этой торговли я еще не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній. Многіе же аины и японцы видимо обманываютъ насъ; при отвѣтахъ ихъ столько противорѣчій, что трудно узнать кто говоритъ истину. Но вотъ что̀ можно утвердительно сказать объ этой торговлѣ.

Взаимная мѣна производится въ южной части Сахалина между японцами, аинами, манжурами и гиляками. Японцы отбираютъ пушный товаръ отъ аиновъ, произвольно платя за него, преимущественно выдръ и лисицъ, и вымѣниваютъ ихъ манжурамъ, пріѣзжающимъ лѣтомъ въ Сирануси, за шелковыя матеріи, моржевые зубы и орлиные хвосты. Японская торговля есть, какъ я выше сказалъ, спекуляція ихъ начальника и потому вѣроятно производится въ маломъ размѣрѣ. Они берутъ отъ аиновъ также и соболей для мѣны съ манжурами, а бѣлокъ скупаютъ собственно для себя. Манжуры — главные торговцы на Сахалинѣ. Они снабжаютъ жителей халатами изъ дабы, различныхъ цвѣтовъ, ножами, деревянною и мѣдною посудою, трубками, различными украшеніями изъ серебра, стекла и камней, и наконецъ соболями, такъ дорого цѣнимыми аинами. Вино и табакъ ихъ, покупаемые прежде всѣми аинами, какъ кажется, расходятся теперь только между сѣверными аинами, южные же получаютъ эти предметы отъ японцевъ, точно также и часть одежды и посуды. Манжуры берутъ отъ аиновъ за свои товары выдръ, соболей, лисицъ и бѣлокъ. Относительная цѣна ихъ слѣдующая: за выдру даютъ 10 ручныхъ саженей синей дабы, т.-е. около 25-ти аршинъ. Всякая четверть по длинѣ выдры стоитъ одного соболя, т.-е. если выдра въ 5 четвертей длины, то она равна въ цѣнѣ 5-ти соболямъ и потому за соболя аинъ получаетъ отъ манжура 2 саж. дабы и никогда болѣе 3-хъ. Цѣнъ лисицамъ я не

знаю, но 3 бѣлки цѣнятся японцами равными 1 соболю. Изъ этого видно, что самая выгодная мѣна для русскихъ есть мѣна на соболей, и потому очень легко будетъ соблюдать выгоды, не нарушивъ интересовъ манжуровъ и японцевъ, предпочтительно покупающихъ выдръ и бѣлокъ. Какъ велика промышленность туземцевъ на Сахалинѣ, трудно еще опредѣлить, тѣмъ болѣе что мы находимся въ краѣ наименѣе изобилующемъ пушными звѣрями, да и аины еще и не рѣшаются открыто начать съ нами мѣну, что показываетъ малое число пушныхъ промѣненныхъ имъ намъ,—20 соболей, 9 выдръ, 3 лисицы и нѣсколько бѣлокъ. За соболей мы платили значительно дороже манжуръ, но за выдръ и бѣлокъ дешевле; о качествѣ пушныхъ звѣрей я не съумѣю судить, но по словамъ якутскихъ казаковъ есть между соболями такіе, которые цѣнятся до 25 р. и даже до 30-ти на ярмаркѣ въ Якутскѣ. За то есть и такіе, которые мало отличаются отъ куницъ. Гиляки, пріѣзжающіе на мѣну съ аинами, такіе же торгаши, какъ и манжуры, съ тою разницею только, что они дѣлаютъ двойной оборотъ, скупая мѣха за товары, купленные ими или отъ самихъ манжуръ, или отъ русскихъ въ Петровскѣ; впрочемъ я не берусь разъяснить обороты ихъ, но я думаю, что это такъ, и потому, что аины часто говорятъ: «Сумера и Сати у непоті»; т.-е. манжуру и гиляку все равно. Бобровъ ни морскихъ, ни рѣчныхъ въ мѣнѣ никогда нѣтъ. Можетъ быть звѣрь этотъ существуетъ, въ особенности рѣчной, потому что аины, видя мой бобровый воротникъ, на вопросъ, какъ называется этотъ мѣхъ, назвали его *тусь*; но вмѣстѣ съ тѣмъ одни говорятъ, что онъ есть на Сахалинѣ, другіе говорятъ противное. Мой воротникъ старъ и нехорошъ, потому вѣроятно видъ его сбиваетъ ихъ насчетъ мѣха.

IX.

7-го января, пріѣхалъ джанчи селенія Нойоро, Сетокуреро. Его пріѣздъ и поведеніе въ селеніи нашемъ съ нами и японцами еще болѣе разъяснило мнѣ справедливость нѣкоторыхъ мыслей, выраженныхъ выше. Письмо, привезенное имъ отъ Рудановскаго съ р. Мануи объяснило цѣль поѣздки Сетокуреро (имя джанчина). Цѣль эта одна у всѣхъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ гостей аиновъ—получить подарки. Сетокуреро отличался только тѣмъ, что имѣлъ претензію на богатые подарки, на что онъ конечно имѣлъ основаніе болѣе надѣяться, чѣмъ другіе джанчины, потому что оказалъ русскимъ услуги, да и считается какъ бы старшимъ изъ всѣхъ старшинъ. Съ нимъ пріѣхало около 20-ти

аиновъ разныхъ сѣверныхъ селеній, на 10-ти нартахъ. Одинъ гилякъ, оставленный въ селеніи Нойора извѣстнымъ въ Петровскѣ торгашомъ Позвейномъ, по болѣзни своей, пріѣхалъ тоже въ Томари. Японцы сказали намъ, что это еще первый гилякъ, который пріѣхалъ въ мѣста занятыя ими. Присутствіе русскихъ уже начинаетъ производить переворотъ, котораго конецъ легко предвидѣть, какъ я уже доказывалъ выше. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, Сетокуреро спросилъ у Дьячкова, можетъ ли онъ посѣтить русскаго джанчина, и получивъ утвердительный отвѣтъ, явился ко мнѣ въ сопровожденіи всѣхъ, пріѣхавшихъ съ нимъ аиновъ и гиляка. Я принялъ джанчина съ почетомъ, усадивъ его на медвѣжьей шкурѣ. Вся комната моя наполнилась аинами. Снявъ обувь, они усѣлись на полъ: старшіе по бокамъ, джанчина, младшіе сзади его. Я сѣлъ противъ гостей моихъ на столбикѣ.

Сцена эта очень похожа была на картины, представляющія прибытіе европейцевъ въ Америку. Разсматривая лица и выраженія черныхъ глазъ пріѣхавшихъ ко мнѣ аиновъ, я невольно замѣтилъ большую разность между ними и аинами окружающихъ насъ селеній. Красивыя, здоровыя лица, густые волосы, прямые, открытые взоры, ясно отличали болѣе независимыхъ аиновъ сѣверныхъ селеній отъ ихъ единоплеменниковъ сосѣдей нашихъ, болѣзненныя лица которыхъ, изуродованныя золотушными и венерическими ранами и потерею волосъ, носятъ отпечатокъ на себѣ близкаго сношенія съ японцами, деспотизмъ которыхъ нріучилъ рабовъ своихъ къ лукаво-раболѣпной услужливости, которая такъ ясно выражается въ глазахъ, старающихся всегда избѣгать взглядовъ вашихъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, состоящихъ, какъ извѣстно, изъ наклоненія головъ и подыманія рукъ, началось угощеніе рисомъ, рыбою, изюмомъ, виномъ и чаемъ. Джанчинъ произнесъ длинную рѣчь, послѣ него другой аинъ началъ, и несмотря на то, что, какъ казалось, нѣкоторые не были довольны его рѣчью, онъ продолжалъ ее. Изъ рѣчей этихъ я и переводчикъ мой, казакъ Дьячковъ, могли только понять, что дѣло идетъ о японцахъ, о пріѣздѣ ихъ джанчина и приходѣ русскихъ на Сахалинъ. Жаль, что я не могъ понять рѣчи Сетокуреро. Судя по умнымъ глазамъ его и живости жестовъ, рѣчь эта должна быть интересная и умная. Послѣ рѣчей наступила минута общаго молчанія, и замѣтно было, что чего-то ожидаютъ мои гости. Мнѣ не трудно было отгадать, что цѣль ожиданія были подарки. Я приказалъ принести ихъ и началъ раздачу. Сетокуреро получилъ ручную сажень краснаго тонкаго сукна и большую шерстяную шаль, другіе старшины получили по одѣялу и шелковому небольшому платку, и наконецъ аины, неимѣющіе претен-

зіи на джанчиновъ, по матросской байковой, синей рубашкѣ. Кончивъ раздачу, я сказалъ Сетокурерѣ, что очень радъ его видѣть и что мнѣ пріятно знать, что онъ любитъ русскихъ, что мы пришли въ землю аиновъ съ намѣреніемъ дружно жить съ ними, но что не желаемъ ссориться и съ японцами, съ императоромъ которыхъ ведемъ теперь переговоры, и что потому, пока я не получу отвѣта съ Мацмая, я не желалъ бы вмѣшиваться въ дѣла японцевъ съ аинами и прошу поэтому аиновъ по прежнему работать для японцевъ. Потомъ сказалъ ему, что такъ какъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости, то я желаю ему дать все нужное для ихъ пищи. Мы простились и я послалъ въ юрту, занятую пріѣхавшими аинами—рису, яшной крупы, табаку, чаю и сахару. Сетокуреро былъ принятъ японцами то же съ большимъ уваженіемъ. Дьячковъ, присутствовавшій при этомъ пріемѣ, разсказываетъ, что посадивъ Сетокуреро на почетное мѣсто и угостивъ его виномъ, японцы съ знаками уваженія выслушали рѣчь его, въ которой онъ совѣтовалъ имъ не обращаться теперь худо съ аинами, когда русскіе пришли въ землю ихъ. Японцы то же дали аинамъ рису и водки. Итакъ, пріемъ, сдѣланный Сетокурерѣ казалось долженъ былъ бы удовлетворить его, но къ сожалѣнію пріемъ этотъ возбудилъ въ дикарѣ смѣлость на безпрестанныя выпрашиванія подарковъ и припасовъ отъ насъ и на грубое обращеніе съ японцами. Въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ его, онъ всякій разъ выпрашивалъ что-нибудь, такъ что уже на 80 р. было выдано ему и свитѣ его. Къ японцамъ же онъ ходилъ собственно для того, чтобы требовать вина отъ нихъ, къ которому онъ, повидимому, имѣетъ большую страсть. Разъ онъ привелъ съ собою къ намъ гиляка и посадилъ его подлѣ себя. Японцы, которымъ не позволено принимать къ себѣ гиляковъ, просили меня, чтобы я запретилъ гиляку ходить къ нимъ.

Пріѣздъ гиляка въ Томари былъ очень полезенъ для насъ; я нашелъ въ немъ проводника для почты до самаго Петровскаго зимовья. Онъ, конечно, былъ радъ случаю воротиться домой къ себѣ на готовой пищѣ и нашихъ собакахъ и получить еще плату. Я имѣлъ только одну нарту въ 10 собакъ, предполагая вторую нарту нанять вмѣстѣ съ проводникомъ. Но теперь, когда проводникомъ былъ сдѣланъ гилякъ, неимѣющій собственной нарты, я принужденъ былъ купить еще 8 собакъ съ помощью Сетокуреры, который приказалъ своимъ аинамъ отдать отъ всякой нарты по одной собакѣ. Почтѣ назначено было выѣхать 10-го января, въ субботу, но какъ я ни старался приготовить письма и бумаги къ этому дню, многое еще не было кончено, бла-

годаря частымъ посѣщеніямъ аиновъ. Наконецъ въ воскресенье, скрывшись изъ моего дому въ квартиру Рудановскаго, я тамъ кончилъ на скорую руку письменныя дѣла и послѣ обѣда отправилъ Самарина съ матросами Ларіоновымъ и Носовымъ и съ проводникомъ гилякомъ по дорогѣ къ р. Сусуѣ. Японцы, которые навѣрно не знали куда ѣдетъ Самаринъ, вышли посмотрѣть на его поѣздъ. Сетокуреро пришелъ вечеромъ ко мнѣ, чтобы сказать, что онъ самъ хочетъ на другой день ѣхать въ Нойоро. Я радовался этому потому, что надѣялся, онъ догонитъ Самарина, и такъ какъ послѣднему приказано непремѣнно заѣхать въ Нойоро, чтобы взять тамъ описи Ю.-З. берега отъ Рудановскаго, то значитъ Сетокуреро можетъ ему служить хорошимъ помощникомъ до своего селенія. На другой день Сетокуреро пришелъ рано утромъ проститься со мною. Мы простились и я еще далъ кое-какія бездѣлицы его сыновьямъ и купилъ нѣсколько соболей. Конечно, на прощанье я угостилъ виномъ аиновъ. Отъ меня Сетокуреро, снабженный нашими припасами на дорогу, отправился къ японцамъ. Японцы тотчасъ поднесли ему чашку вина. Онъ выпилъ, спросилъ другую, а потомъ и третью. Опьянѣвъ совершенно, онъ началъ ругать Мару-Яму, старшаго изъ японцевъ. Тотъ въ отвѣтъ на брань ударилъ его желѣзными щипцами по головѣ и ранилъ его до крови. Узнавъ объ этой ссорѣ, казакъ Дьячковъ тотчасъ побѣжалъ къ японцамъ и засталъ у нихъ многихъ аиновъ. Разспросивъ о случившемся, онъ совѣтовалъ японцамъ, чтобы они подарили что-нибудь Сетокурерѣ, уговоривъ его не жаловаться мнѣ. Мару-Яма тотчасъ же пошелъ къ Сетокурерѣ въ домъ и подарилъ ему японскую рубашку, два куля рису и боченокъ водки, прося его не идти жаловаться къ русскому джанчину. Но уже мнѣ дали знать. Разспросивъ Дьячкова, какъ было дѣло, и узнавъ, что Сетокуреро пьянъ и что Мару-Яма не совсѣмъ трезвъ, я послалъ сказать разсорившимся, чтобы они легли выспаться и чтобы на другое утро пришли оба ко мнѣ для объясненій. Сетокуреро кое-какъ его сыновья уложили. На другой день явился ко мнѣ любимецъ мой Асануя съ однимъ японцемъ и Сетокуреро съ старшинами селеній Кусуной и Сежерани и съ своими 4-мя сыновьями. Голова его была подвязана. Усадивъ ихъ, я сказалъ имъ черезъ Дьячкова, что я желалъ бы не вмѣшиваться въ дѣла японцевъ съ аинами, но могу это исполнить только тогда, когда японцы не будутъ притѣснять послѣднихъ, въ особенности тѣхъ, которые расположены и служатъ русскимъ; что въ Нойорѣ джанче оказалъ русскимъ услугу и что онъ пріѣхалъ въ гости къ нимъ, и потому кто обидитъ его, тотъ обидитъ и русскихъ; и поэтому, когда я узналъ,

что Мару-Яма ударилъ Сетокуреро, я хотѣлъ тотчасъ же строго разобрать дѣло, но узнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Сетокуреро былъ пьянъ, что его хорошо и съ особымъ уваженіемъ принимали японцы и что онъ напившись пьянъ началъ ругать Мару-Яму — поэтому я считаю Сетокуреро виновнымъ; но все-таки считаю, что Мару-Яма дурно поступилъ, ударивъ его вмѣсто того, чтобы пожаловаться мнѣ, и потому назначаю ему заплатить Сетокурерѣ столько, чтобы послѣдній самъ пришелъ бы сказать мнѣ, что онъ доволенъ и забываетъ обиду. Съ этимъ я ихъ выпроводилъ отъ себя, сказавъ еще наединѣ Асануѣ, что мнѣ непріятно вмѣшиваться въ дѣла ихъ съ аинами, но что я не могу терпѣть, чтобы японцы били аиновъ, пользующихся уваженіемъ и въ особенности тѣхъ, которые пріѣзжаютъ къ русскимъ, и что поэтому я непремѣнно требую, чтобы плата была дана Мару-Ямой хорошая, и что если этого не будетъ или подобное дѣло еще разъ случится, прибавилъ я строгимъ голосомъ, то чтобы японцы знали, что между нами мирныя и дружелюбныя отношенія тотчасъ кончатся.

Черезъ часъ ко мнѣ явился Сетокуреро, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ аиновъ, объявить, что онъ удовлетворенъ. Онъ получилъ еще боченокъ вина, два куля рису и много табаку, и, какъ мнѣ передалъ Дьячковъ, сказалъ при этомъ, что ударъ по головѣ пришелся выгоднымъ ему. Мы снова простились и я взялъ обѣщаніе съ него, что онъ постарается догнать Самарина и поможетъ ему если нужно. Я послалъ съ нимъ на всякій случай письмо къ Рудановскому и Самарину. Такъ кончилось посѣщеніе Сетокурера, посѣщеніе, ясно показавшее, что аины будутъ всегда причиною раздора съ японцами.

14-го января, я отправился на лыжахъ съ Дьячковымъ осматривать наши окрестности. Спустившись отъ моего дома на ю.-в., я увидѣлъ, что недалеко отъ нашихъ строеній возвышенность, на которой они стоятъ, круто спускается параллельно берегу. У подошвы этого спуска бѣжитъ ручеекъ, впадающій въ нашу рѣчку. По другую сторону ручейка опять крутой всходъ на параллельную берегу вѣтвь горы, но которая выше нашей площадки. По другую сторону этой вѣтви находится еще другая, такая же лощина съ ручьемъ и горы противоположнаго берега его еще выше описанной вѣтви.

На югѣ лощины эти ограничиваются хребтомъ, идущимъ перпендикулярно берегу. Глубина лощинъ этихъ, отъ рѣчки омывающей нашу нижнюю баттарею и принимающую ручьи ихъ, менѣе версты. Всѣ горы покрыты густымъ мелкимъ лѣсомъ, начинающимся отъ строеній нашихъ въ саженяхъ 15-ти. Надо бу-

детъ вырубить лѣсъ этотъ до половины спуска; я уже началъ вырубку по направленію къ югу, но теперь нѣтъ рабочихъ рукъ на эту работу.

15-го числа, я уходилъ далеко на лыжахъ съ Дьячковымъ, по направленію къ востоку. Предполагая еще разъ посѣтить тѣ окрестности, чтобы открыть выходъ во внутреннія долины, я оставилъ описаніе этого до будущаго времени.

17-го числа. Сегодня пришелъ ко мнѣ, въ 1-мъ часу утра, японецъ Асануя и аинъ Испонку приглашать на праздникъ, къ которому японцы уже давно готовились, часто повторяя мнѣ:—«Сизамъ анъ поро-итзинé» (у японцевъ будетъ большой праздникъ). Не надѣясь на японскую кухню и не желая сидѣть у нихъ голоднымъ, я предложилъ Асануѣ, чтобы онъ пошелъ сказать Мару-Ямѣ, что черезъ часъ я приду къ нему; Асануя, бывшій уже немного навеселѣ, никакъ не хотѣлъ вернуться на праздникъ безъ меня. Я приказалъ подавать обѣдъ и угостивъ своихъ гостей, отправился съ ними къ японскій домъ, взявъ съ собою Теленова и Дьячкова. Входъ въ него былъ обсаженъ елками. Войдя во внутренность, я увидѣлъ, что и тамъ все было убрано по праздничному. Посрединѣ пріемной залы поставлено было большое дерево, обвѣшанное продолговатыми бумажками съ надписями. Ширмы угловой комнаты, принадлежащей Мару-Ямѣ, были сняты, такъ что она была открыта во всю ширину свою. У задней стѣны сидѣлъ Мару-Яма. Я вошелъ къ нему въ комнату. Поздоровавшись съ нимъ и усѣвшись на полъ подлѣ очага я съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ украшенія комнаты. Удивительная чистота ея поразительна. Стѣны покрыты обоями съ золотистымъ отблескомъ. У задней стѣны поставлены бумажныя ширмы съ рисунками, правда, неискусными, но за то чисто отдѣланными. Свѣтъ проходитъ въ комнату черезъ бумажныя окна, задвигающіяся снизу вверхъ. Бумага наклеена на тонкомъ и частомъ переплетѣ изъ дерева. Полъ устланъ соломенными циновками удивительной бѣлизны и чистоты. Каждая циновка обшита по краямъ синею матеріею. По стѣнамъ на полкахъ, на высотѣ аршинъ 4-хъ отъ полу, разложены были куличи изъ рисоваго тѣста. Куличи эти круглые, составлены изъ нѣсколькихъ слоевъ, правильно уменьшающіяся къ вершинѣ. Надъ каждымъ куличемъ прибита была бумажка съ надписью. Я спросилъ, что̀ именно написано на этихъ бумажкахъ, и узналъ отъ Мару-Ямы, что всѣ куличи эти назначены патронамъ всѣхъ селеній, занимаемыхъ японцами на Сахалинѣ, и что на бумажкахъ надписаны названія селеній. Въ правомъ углу сдѣлано углубленіе въ стѣнѣ, въ которомъ помѣщенъ жер-

твенникъ изъ кипарисснаго дерева, на подобіе нашихъ кіотовъ. Передъ жертвенникомъ стояло множество куличей и на большомъ блюдѣ двѣ рыбы съ выгнутыми вверхъ головами и хвостами.

Мару-Яма сидѣлъ въ лѣвомъ углу, по обыкновенію на полу, поджавъ подъ себя ноги колѣнями впередъ. Передъ нимъ стоялъ четвероугольный деревянный ящикъ, вышиною около аршина, насыпанный до полна мелкимъ пескомъ. На немъ наложены были горячіе угли. У входа въ комнату поставленъ былъ такой же ящикъ для пришедшихъ со мною Теленова и Дьячкова. Всѣ японцы были одѣты по праздничному, т. е. имѣли на себѣ отъ 5-ти до 7-ми халатовъ изъ темныхъ бумажныхъ матерій на шелковой подкладкѣ. Эта роскошь, въ простыхъ рыбакахъ, можетъ объясниться только особенными выгодами, которыя они могутъ извлекать отъ сношеній съ аинами, и, можетъ быть, хорошею платою за промыслы въ отдаленномъ краѣ отъ любимаго ихъ главнаго острова Нипона. Нижняго платья, кромѣ чулковъ, а иногда узкихъ нанковыхъ панталоновъ, японцы не носятъ, такъ что развязавъ поясъ, опоясывающій халаты, японецъ въ одну минуту представится въ одеждѣ праотца Адама. Поясы у нѣкоторыхъ изъ шелковой матеріи, у другихъ изъ бумажной. Одинъ японецъ имѣлъ поясъ изъ чернаго сукна, который мы ему подарили. Сверхъ халатовъ надѣвается кофточка съ широкими рукавами, сшитыми напередъ до половины, такъ что отъ мѣста, гдѣ выходитъ рука, рукавъ виситъ на подобіе мѣшка. Японцы, выходя изъ дому, всовываютъ руки въ эти мѣшки, подавая локти назадъ, и это даетъ имъ довольно смѣшной видъ. Вообще одежда ихъ не мужественна и очень неудобна для холодной сахалинской зимы. Шея и часть груди совершенно ничѣмъ не прикрыты. Бритыя головы свои они тоже рѣдко прикрываютъ.

Когда я усѣлся у очага, началось угощеніе. При приходѣ моемъ, толстый Мару-Яма уже сидѣлъ посереди множества чашекъ, бутылокъ, подносовъ и проч., наполненныхъ различными кушаньями и напитками. Чтобы достойно угостить меня, нанесли еще различныхъ сластей и конфектъ. Красивая лаковая посуда и необыкновенная чистота и порядокъ можетъ возбудить аппетитъ и въ сытомъ человѣкѣ. Мнѣ подали на деревянномъ подносикѣ, покрытомъ краснымъ лакомъ, блестящимъ какъ зеркало, пять такихъ чашекъ, имѣющихъ видъ полоскательныхъ чайныхъ чашекъ, только меньшей формы, вмѣщающихъ въ себя не болѣе полутора стакана. Чашечки эти были прикрыты крышками. Они наполнены были различными кушаньями, приготовленными съ большимъ вкусомъ изъ рыбы, раковинъ, китовины, зелени и рису. Еслибы я не былъ сытъ, то конечно я охотно бы все съѣлъ,

что̀ мнѣ подали. Теленову и Дьячкову подали такіе же подносы, но только чернаго цвѣта. Вино теплое и холодное подавали въ лаковыхъ же чашечкахъ съ золотыми рисунками деревьевъ и цвѣтовъ. Чашечки эти вкладываются одна въ другую и потомъ вставляются въ четырехугольную подставку съ углубленіемъ на верхней сторонѣ для помѣщенія ихъ. Подставка эта то же покрыта блестящимъ лакомъ. Подаютъ вино въ фарфоровыхъ маленькихъ чашечкахъ. Сладости и конфекты подаются въ неглубокихъ четырехугольныхъ лаковыхъ ящикахъ, вставляющихся одинъ въ другой. Вся эта посуда отличной работы. Японцы очень любятъ угощать. Я, чтобы не обидѣть ихъ, попробовалъ всѣ кушанья и выпилъ нѣсколько чашекъ вина рисоваго и одну чашку чаю безъ сахару. Японскій чай хуже китайскаго; но впрочемъ, можетъ быть, здѣшніе японцы пьютъ дурной сортъ его. Во время обѣда нашего произошла въ передней комнатѣ драка между аиномъ Испонку и японскимъ поваромъ Ичую. Мару-Яма, казалось, былъ очень пристыженъ этимъ и просилъ меня, чтобы я не смотрѣлъ на эту драку. Я ему объяснилъ, что я нахожу очень обыкновеннымъ, что простые люди, выпивъ вина, дерутся, и что это вездѣ случается. Просидѣвъ часа два, я воротился домой. Бесѣда моя съ японцами была очень дружественна. Они сказали мнѣ, что хотятъ ѣхать «ору-торо», т.-е. на другой берегъ, чтобы сзывать аиновъ къ весеннимъ работамъ, и просили меня, чтобы въ отсутствіе ихъ я приказалъ русскимъ присматривать, чтобы аины не воровали изъ магазиновъ, говоря, что аины уже много украли у нихъ. Я обѣщалъ имъ это и изъявилъ желаніе, чтобы аины охотно и скоро собирались на ихъ работы. Я подарилъ Мару-Ямѣ двѣ утки, которыя служатъ лучшимъ кушаньемъ для японцевъ. При этомъ подаркѣ я замѣтилъ, что японцамъ очень хотѣлось, чтобы я самъ отдалъ утокъ Мару-Ямѣ. Когда я сѣлъ подлѣ очага, они положили принесенныя Дьячковымъ утки на подносѣ подлѣ меня и нѣсколько разъ обращались къ Мару-Ямѣ съ словами, что я дарю ему утки; онъ кланялся и утки оставались на подносѣ подлѣ меня. Понявъ въ чемъ дѣло, я взялъ поднось и передалъ его Мару-Ямѣ; онъ съ большою радостью принялъ его и поставилъ подлѣ себя, видя въ этомъ, вѣроятно, знакъ особаго уваженія къ нему.

Возвратясь домой, я надѣлъ лыжи и отправился съ Дьячковымъ осматривать окрестности. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я вернулся домой, гдѣ и узналъ, что Рудановскій пріѣхалъ изъ экспедиціи. Я очень былъ радъ этому извѣстію, потому что съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій о заливахъ Татарскаго берега, да и прибавка 16-ти собакъ для возки лѣса меня тоже радо-

вала. Скоро пришелъ и Рудановскій ко мнѣ, изъ новой квартиры своей. Мы сѣли пить чай и я сталъ разспрашивать его объ экспедиціи. Онъ выѣхалъ въ Сирараро на берегъ Татарскаго пролива, спустился съ большимъ трудомъ на югъ и осмотрѣлъ къ 8-му числу 22 залива, изъ которыхъ заливы Тохмака и Маука — хорошія гавани для зимовки небольшого числа судовъ. Гавань Тохмака наиболѣе выгодна для насъ, потому что она занята только тремя магазинами японцевъ и послѣдніе не такъ дорожатъ ею, потому что она не богата рыбою. Мѣстность Тохмака для поселенія удобна. Лѣсъ находится въ изобиліи на горахъ, окаймляющихъ берегъ. Тохмака находится въ 10-ти верстахъ отъ Мауки. Сѣвернѣе ея хотя и находятся нѣсколько японскихъ сараевъ, но по безрыбію бухтъ, у которыхъ они поставлены, дѣлаютъ ихъ малоцѣнными для японцевъ, такъ что можно считать селеніе Мауку граничнымъ пунктомъ ихъ рыбныхъ промысловъ. Нойоро находится въ суточномъ переходѣ отъ Тохмака. Итакъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, выгоднѣйшій пунктъ для нашего заселенія на Сахалинѣ есть селеніе Тохмака, находящееся въ краѣ, пользу занятія котораго я старался доказать выше. Близость «Императорской гавани» еще болѣе увеличиваетъ значеніе гавани Тохмака. Опись ея и вообще юг.-з. береговъ, до селенія Сирануси, доставлена въ селеніе Нойоро, куда по предписанію моему Самаринъ долженъ заѣхать для того, чтобы взять описи и доставить ихъ вмѣстѣ съ другими бумагами въ Петровское зимовье. Рудановскій по отсылкѣ описанія бухтъ продолжалъ путь свой къ селенію Сирануси. Селеніе это самое богатое между японскими заселеніями. Въ немъ находится главный домъ начальника японцевъ. Домъ этотъ, по описанію Рудановскаго, очень обширный и хорошо выстроенный. Полы покрыты лакомъ во всѣхъ комнатахъ, которыхъ очень много. Военной защиты въ селеніи нѣтъ, и слѣдовательно можно уже увѣренно сказать, что на Сахалинѣ японцы не имѣютъ совершенно никакихъ укрѣпленій. Изъ всѣхъ селеній Сахалина, Малка есть наиболѣе населенное. Рудановскій предполагаетъ въ немъ около 300 однихъ взрослыхъ мужчинъ. Изъ Сирануси онъ спустился еще къ югу до перевала черезъ горы къ заливу Анива. Перевалъ этотъ находится вблизи отъ мыса Крильона. Пріѣхавъ къ берегу Анива, онъ продолжалъ свой путь вокругъ него, къ нашему посту. Аины принимали его на всемъ пути съ большимъ гостепріимствомъ, исключая селенія Сирануси, гдѣ онъ едва могъ достать проводника.

Мнѣ очень пріятно, что въ настоящее время г. Рудановскій не живетъ у меня. Обѣдъ и чай мы продолжали держать

общіе, но, конечно, и это я послѣ уничтожу, если найду, что полезнѣе будетъ совершенно прекратить между нами частныя отношенія, могущія быть причиною или неумѣстныхъ разсужденій, или фамильярности.

Свою квартиру я привелъ въ нѣкоторый порядокъ. Поставивъ досчатыя перегородки, я раздѣлилъ избу на переднюю, лакейскую и собственно мою комнату. Послѣднюю обилъ японскими циновками, прикрывъ швы полосами синей дабы. Эти импровизованныя обои дали чистый и порядочный видъ комнатѣ. Диванъ, письменный столъ и табуреты, обитые синею матеріею, представляютъ, если не изящность, то, по крайней мѣрѣ, удобство. Казакъ Дьячковъ составляетъ единственную прислугу мою, потому что Кожинъ постоянно боленъ. Кухня моя очень хороша для Сахалина. Свѣжее мясо, рыба и кое-какіе продукты, съ усерднымъ приготовленіемъ Дьячкова, составляли почти всегда довольно вкусный обѣдъ. Жаль только, что я раздѣляю его съ человѣкомъ, общество котораго, даже и на безлюдномъ Сахалинѣ, для меня непріятно.

29-го января.—Какъ я предвидѣлъ, такъ и случилось. Г. Рудановскій, наконецъ, совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія. Вотъ какъ это случилось: Рудановскій, по своему обыкновенію будучи всѣмъ недоволенъ, потому что ему не позволяютъ распоряжаться такъ, какъ бы ему хотѣлось, безпрестанно намекалъ мнѣ своимъ рѣзкимъ тономъ, что ему худо служатъ наши люди, что дурно и медленно дѣлаютъ для него мебель и проч. Я мало обращалъ вниманія на эти намеки, потому что зналъ, что причина ихъ есть неугомонность и нетерпѣливость характера Рудановскаго. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что казакъ Березкинъ, данный ему въ вѣстовые, очень лѣнивъ и что онъ проситъ, чтобы я не бралъ отъ него матроса Максимова, даннаго ему на время, для приведенія въ порядокъ квартиры. Я отвѣчалъ, что согласенъ дать ему въ вѣстовые, вмѣсто Березкина, Максимова, но что обоихъ оставить не могу, потому что въ посту и безъ того недостаетъ рукъ для необходимыхъ работъ. Выслушавъ отказъ съ обыкновеннымъ своимъ выраженіемъ неудовольствія, онъ высказалъ желаніе оставить при себѣ Максимова, бывшаго уже у него на вѣстяхъ въ Камчаткѣ. Разговоръ этотъ былъ 26-го вечеромъ. На другое утро Максимовъ пришелъ къ Рудановскому съ окровавленными деснами и просилъ, чтобы онъ его удалилъ, потому что онъ боленъ цынгою. Рудановскій позвалъ Теленова и сказавъ ему, что Максимовъ боленъ цынгою, спросилъ у него, кто есть изъ здоровыхъ матросовъ. Теленовъ отвѣчалъ, что почти всѣ немного больны и

что Максимовъ притворяется и нарочно натеръ десны, и при этомъ онъ раскрылъ ему ротъ. Рудановскій ударилъ Теленова въ лицо и выгналъ его прочь. Тотъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ и передалъ то, что случилось, прибавивъ, что ему извѣстно, что Максимовъ уже прежде говорилъ, что онъ нарочно не пойдетъ служить къ Рудановскому. Погрозивъ Теленову, что я накажу его другой разъ, если онъ позволитъ себѣ дѣлать подобную невѣжливость передъ офицеромъ, какъ открыть ротъ солдату, но будучи самъ увѣренъ, что Максимовъ притворяется, я послалъ Теленова сказать Рудановскому, что, мнѣ извѣстно, Максимовъ здоровъ и что я накажу его розгами за то, что онъ отговаривается отъ службы. Призвавъ къ себѣ Максимова, я ясно увидѣлъ, что кровь потому такъ сильно текла у него изъ десенъ, что онъ ихъ растеръ. Объявивъ ему, что я его высѣку, я приказалъ ему явиться къ лейтенанту на службу. Скоро и самъ Рудановскій пришелъ ко мнѣ съ наморщеннымъ лицомъ. Я его спросилъ, что ему нужно. Онъ началъ жаловаться на то, что Теленовъ нагрубилъ ему. Зная изъ обращенія Рудановскаго съ людьми, что̀ значитъ у него слово нагрубить, я, признаюсь, не далъ вѣры его жалобѣ и потому отвѣтилъ ему, что если Теленовъ дѣйствительно былъ невѣжливъ, то за это слѣдуетъ наказать его, но что, къ сожалѣнію, онъ самъ, Рудановскій, уже исполнилъ это, ударивъ Теленова вопреки запрещенію моему. Онъ извинился, что это сдѣлалъ, говоря, что онъ оттолкнулъ Теленова изъ чувства самохраненія, потому что тотъ полѣзъ на него....

2-го февраля, я поѣхалъ съ Дьячковымъ на двухъ нартахъ, по 5-ти собакъ, осматривать заливъ Буссе. Погода стояла прекрасная. До селенія Хукуй-Когнонъ мы ѣхали довольно быстро. Въ этомъ селеніи мы остановились пить чай. Я уже осенью былъ въ этихъ мѣстахъ съ Невельскимъ, но не зналъ названія ихъ. Выѣхавъ изъ Хукуй-Когнона я скоро обогнулъ мысъ, закрывающій бухту Втосомъ. Близъ этой бухты есть небольшое озеро и рѣчка, которыя мы осматривали съ Невельскимъ, предполагая занять, мѣсто это для поселенія, но сильный прибой заставилъ насъ отказаться отъ этого намѣренія. Скоро пріѣхали мы къ бухтѣ Иноскамоной, гдѣ и остановились обѣдать. Въ селеніи Хукуй-Когнонъ я взялъ у аина Жаске собаку, а на дорогѣ къ Иноскамоною перемѣнилъ у встрѣтившагося знакомаго аина нашу больную собаку на здоровую; но не долго служила намъ она—въ Иноскамоноѣ она сбѣжала, сорвавшись съ алька. Обѣдъ нашъ, состоявшій изъ куска оленины и чаю, мы раздѣлили съ семействомъ хозяина юрты, въ которой остановились.

Семейство это состоитъ изъ одного старика, жены его, безобразной старухи, какъ и всѣ аинки, перешедшія за вторую половину жизни, двухъ дочерей и одного мальчика лѣтъ 8-ми. Мальчишка этотъ замѣчательный ребенокъ. Живые черные глаза исполнены умомъ, движенія ловки и живы. Волосы у него были подстрижены ровно, по всей головѣ довольно коротко. Казакъ Дьячковъ разсказалъ при мальчишкѣ этомъ его отцу, что онъ видѣлъ какъ тотъ вынулъ ножъ и замахнулся на большого аина за то, что тотъ хотѣлъ его заставить что-то сдѣлать. При этомъ разсказѣ мальчишка лукаво улыбался, посматривая на всѣхъ. Когда я вышелъ изъ юрты, чтобы ѣхать далѣе, аины окружили мою нарту, и между ними я увидѣлъ одну молодую, довольно красивую женщину, которая держала за плечами годовалаго ребенка совершенно голаго, а морозу было градуса четыре. Я началъ уговаривать ее пойти въ юрту и одѣть ребенка. Она смѣясь показывала, что ребенку не холодно, но видя, что я не вѣрю этому, она сняла съ плечъ шубу свою и обнаживъ себя совершенно, посадила ребенка къ себѣ на спину и уже сверхъ его снова надѣла шубу. Неудивительно, что аины легко переносятъ стужу въ своей одеждѣ, которая прикрываетъ только нѣкоторыя части тѣла. Физическое воспитаніе, даваемое имъ своимъ дѣтямъ, можетъ закалить натуру на всевозможныя непогоды, но вѣроятно многіе изъ дѣтей ихъ умираютъ, будучи не въ состояніи переносить слишкомъ нечеловѣческое воспитаніе.

Изъ Иноскамоноя я выѣхалъ въ 3-мъ часу; дорога шла все по берегу моря, или по льду. Берегъ этотъ, на всемъ разстояніи, которое я проѣхалъ, гористъ. Горы — частью изъ плитняка, частью изъ толстыхъ слоевъ гранита, покрыты лѣсомъ по верхней окраинѣ; къ морю онѣ спускаются круглыми обвалами, оставляя между подошвою своею и моремъ узкую въ сажени 2 и 3 полосу песку, наз. вообще по Охотскому морю — лайдою. Отъ Иноскамоноя берегъ принимаетъ еще болѣе суровый характеръ, но въ верстахъ пяти отъ этого селенія онъ вдругъ понижается и идетъ довольно правильною, невысокою стѣною, покрытою на верху лѣсомъ. Когда я ѣхалъ вдоль этой стѣны, два большихъ орла плавали надъ головою моею. Одинъ изъ нихъ спустился къ стѣнѣ и сѣлъ на дерево. Онъ былъ отъ меня на близкій ружейный выстрѣлъ, но къ сожалѣнію, у меня не было съ собою ружья. Вдругъ собаки мои понесли меня съ такою быстротою, что я едва успѣвалъ отталкиваться отъ глыбъ льда, между которыми вьется дорога. Скоро я увидѣлъ на берегу лисицу, возбудившую такую горячность въ собакахъ. Она вбѣжала на отлогость берега и спокойно смотрѣла на бѣгъ

собакъ. Я насилу удержалъ послѣднихъ. Онѣ хотѣли броситься на гору за лисою.

Начинало смеркаться, когда я пріѣхалъ къ селенію Читсани. Узнавъ, что въ селеніи этомъ нѣтъ землянокъ (той-тисе), я рѣшился ѣхать въ селеніе Хорахпуни, находящееся въ верстахъ 4-хъ отъ Читсани. Когда мы отъѣхали съ версту отъ Читсани, уже совершенно стемнѣло. Дорога шла по низменному берегу. Параллельно ему и недалѣе $^1/_4$ версты течетъ рѣка, по ней-то и ѣздятъ аины въ Хорахпуни. Не зная этого, мы съ трудомъ пробирались по неумятому снѣгу. Наконецъ увидѣли мы строенія—это было нѣсколько японскихъ рыбныхъ сараевъ. Селеніе Хорахпуни было еще далѣе. Подъѣзжая къ нему, я былъ удивленъ, что не слышно лая собакъ, но скоро узналъ причину этому: лѣтнія юрты, стоящія на берегу моря, были оставлены аинами, перебравшимися въ лѣсъ въ землянки. Но гдѣ эти землянки—вотъ что нужно было намъ узнать. Тропинки расходились во всѣ стороны. Вдругъ послышался съ правой стороны отъ насъ лай собакъ; мы тотчасъ повернули въ ту сторону. Собаки наши живо нашли дорогу, и почуя жилье, понеслись во всю скачь. На самой дорогѣ стоялъ столбъ. Я счастливо пронесся мимо его, но казака моего, Дьячкова, нарта ударилась объ него и разлетѣлась; сорвавшіяся собаки начали меня догонять и я вмѣстѣ съ ними подъѣхалъ къ землянкамъ. Оторвавшихся собакъ переловили, а скоро и Дьячковъ пришелъ. Онъ не ушибся и потому я, оставивъ ему озаботиться починкою разбитой нарты, самъ вошелъ въ ближайшую землянку. Послѣ скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ устроиваются аинскія землянки.

Аины не даютъ мнѣ покою цѣлый день; только что сяду что-нибудь дѣлать, непремѣнно кто-нибудь изъ нихъ явится. Теперь пришелъ старикъ, усѣлся на полу у моего стола и сто разъ повторяетъ—«пори-джончи пирика», надѣясь получить за это рюмку рому. Я продолжаю писать, отвѣчая по временамъ: «пирика, пирика».—Такъ вотъ какъ устраиваются аинскія юрты: выкапывается квадратная яма аршина въ два глубины. Для составленія стѣнъ устанавливается корбасникъ (тонкій лѣсъ). Наклонъ стѣнъ довольно пологій, и потому крыша складывается изъ особыхъ деревъ, склоняющихся со всѣхъ сторонъ къ серединѣ; въ правой сторонѣ крыши оставляется отверстіе для дневного свѣта, остальное, кромѣ входа, засыпается все землею, такъ что зимою, когда нападетъ много снѣгу, можно подойти къ отверстію служащему окошкомъ, и оттуда смотрѣть внизъ во внутрь землянки. Передъ входомъ, или лучше сказать, спускомъ въ землянку устроиваются сѣни; входъ прикрывается досчатою

дверью, аршина $1^1/_2$ вышины и столько же ширины; дверь эта отодвигается, и сходятъ въ землянку по маленькому трапу. Внутри, стѣны юрты покрыты травяными циновками. Подлѣ дверей устроенъ каминъ, труба котораго выходитъ полого въ сѣни, не поднимаясь изъ-подъ крыши; для прохода дыма въ крышѣ надъ сѣнями оставлено отверстіе. Каминъ этотъ, сложенный изъ глины, достаточно большой, чтобы надвѣшивать надъ огнемъ большіе котлы. Тяга очень сильна, такъ что хотя дрова часто вытаскиваютъ совершенно почти изъ камина, дымъ все-таки почти весь выносится въ трубу. Впрочемъ, если бы и оставался дымъ въ юртѣ, то аиновъ онъ не можетъ безпокоить, потому что они сидятъ на полу, слѣд. всегда ниже полосы дыма. Земляная юрта (той тисе) обыкновенно строится нѣсколькими семьями вмѣстѣ. Всякій хозяинъ имѣетъ свой очагъ. Очаги эти фута въ $1^1/_2$ въ □, устраиваются между столбами, поддерживающими крышу. На нихъ не кладутъ дровъ въ землянкахъ, а угли, и они служатъ не для согрѣванія, а для закуриванія трубокъ, которыя аины почти не выпускаютъ изъ рта. Въ землянкахъ довольно тепло, но за то духота невыносимая, въ особенности вечеромъ, когда отверстіе въ крышѣ закрывается. Меня усадили въ угловое отдѣленіе. Юрта, въ которой я остановился ночевать, была одна изъ самыхъ большихъ. Мнѣ очень жаль было, что я не проѣхалъ къ юртѣ джанчина Хорахпунина: юрта его находилась еще версты $1^1/_2$ далѣе въ лѣсу. Усталость, разбитая нарта и неизвѣстность, какъ именно близко находится жилье джанчина, принудили меня избрать первую попавшуюся юрту. Утѣшительный въ дорогѣ чай скоро былъ поданъ мнѣ, и я, разлегшись у очага на медвѣжьей шкурѣ, съ удовольствіемъ принялся за усладительный напитокъ для прозябшаго и усталаго путешественника. Ѣзда на собакахъ, когда самъ каюришь (правишь), почти также утомительна какъ верховая. Легкая низенькая нарта прыгаетъ черезъ бугры и неровности дороги и даетъ безпрерывно очень безпокойные толчки. Къ тому еще надо внимательно управлять ногами, чтобы неопрокинуться, да и смотрѣть за собаками, которыхъ каждая птица возбуждаетъ къ погонѣ. Аины окружили меня, съ любопытствомъ разсматривая весь мой дорожный препаратъ. Пріемъ же ихъ былъ вообще очень гостепріименъ. Гостепріимство есть необходимая черта быта народа, находящагося еще на низшей степени развитія. Невозможность брать съ собою достаточно пищи ни для себя, ни для собакъ, или какого-либо товару для платы за продовольствіе, заставляетъ дикарей, по необходимости, принять общеполезный обычай, по которому они находятъ вездѣ домъ и пищу. И такъ какъ аины

для ловли рыбы, промысловъ морскихъ звѣрей и проч.—постоянно всѣ находятся въ разъѣздахъ, то взаимное угощеніе никому не приходится въ ущербъ, а женщины остаются по всѣмъ юртамъ, управляютъ всѣ какъ бы общимъ хозяйствомъ. Во время чая пришелъ знакомый аинъ Сирибенусь. Я тотчасъ угостилъ его виномъ и чаемъ, точно такъ же какъ и всѣхъ аиновъ находившихся въ юртѣ. Сирибенусь предложилъ мнѣ провожать меня до Тоопуги и обратно въ Томари. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы рѣшили рано утромъ выѣхать въ дорогу.

Напившись чаю, я легъ спать. Утромъ рано Сирибенусь снова явился и привелъ двухъ своихъ собакъ, чтобы впречь въ наши нарты для ускоренія ѣзды, и сверхъ того взялъ часть нашего груза. Тотчасъ послѣ чая мы выѣхали. Сирибенусь ѣхалъ на своихъ 5-ти собакахъ, которыя рвались, чтобы перегнать мою нарту. Я сказалъ ему, чтобы онъ ѣхалъ впередъ, и онъ понесся съ такою быстротою, что уставшія собаки мои скоро отстали отъ него на большое разстояніе. Дорога шла по рѣкѣ, названной Рудановскимъ Паратункою; она впадаетъ въ заливъ Тоопуги, цѣль моей поѣздки. Рѣка эта шириною саженъ 15, течетъ параллельно морскому берегу. Къ устью она расширяется, образуя небольшое озеро соединяющееся съ заливомъ широкимъ, но мелкимъ каналомъ. Выѣхавъ изъ этого канала, мы направились поперегъ залива къ селенію Тоопуги. Заливъ былъ покрытъ довольно толстымъ льдомъ. Карта, сдѣланная Рудановскимъ заливу Тоопуги, кажется, вѣрнѣе картъ другихъ мѣстъ берега Анивы. Заливъ Тоопуги обширный и составляетъ почти вѣрный кругъ. Діаметръ его будетъ, по моему мнѣнію, около 4-хъ верстъ, южные берега гористы, сѣверные къ сторонѣ устья Паратунки низменны, такъ же и глубина увеличивается къ болѣе высокому берегу и уменьшается къ низменному. На горахъ южнаго берега есть хорошій лѣсъ. Въ заливъ впадаетъ, кромѣ Паратунки, еще одна рѣка у селенія Найкуру и нѣсколько маленькихъ рѣчекъ. По берегу находятся 4 селенія аиновъ — Тоопуги, Найкуру-Котанъ, Найпуру-Котанъ и Ёкуси. Первое и послѣднее я видѣлъ, къ другимъ же не подъѣзжалъ.

Японцы имѣютъ на кошкѣ, ограничивающей съ сѣвера входъ въ заливъ, нѣсколько рыбныхъ сараевъ. Одна джонка ихъ, хотѣвшая войти въ заливъ, была выброшена на кошку и теперь тамъ лежитъ на боку. Съ тѣхъ поръ японскія суда не входятъ въ заливъ и останавливаются въ морѣ сѣвернѣе входа. Переѣхавъ черезъ заливъ, мы выѣхали на берегъ и направились къ лѣсу, гдѣ находились аинскіе землянки. Оставивъ Дьячкова

въ юртѣ у джанчина готовить обѣдъ, я пошелъ съ проводникомъ аиномъ осмотрѣть входъ въ заливъ съ моря. У самаго того мѣста, гдѣ заливъ съуживается, чтобы влиться каналомъ въ море, стоятъ лѣтнія юрты селенія Тоопуги; ихъ кажется не болѣе 4-хъ, какъ и вообще во всѣхъ селеніяхъ аинскихъ. Пройдя юрты, я вышелъ къ самому каналу и, пробираясь по наносному льду, прошелъ до низменнаго мыса, отъ котораго низменный берегъ поворачиваетъ на югъ, и составляющаго оконечность канала. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по каналу теченіе не дало установиться льду, оставивъ большіе промоины, покрытыя стадами утокъ. Теченіе такъ быстро, что видно было какъ утки съ трудомъ плыли противъ него. Я полагаю, что каналъ этотъ могутъ только пароходы проходить безопасно. Море у Тоопуги не замерзаетъ, только отдѣльныя льдины носятся по немъ. На одну изъ этихъ льдинъ спустился довольно большой орелъ, грозный врагъ морскихъ птицъ. На обратномъ пути я встрѣтилъ двухъ лисицъ. Онѣ отбѣгали отъ насъ, но не въ дальнемъ разстояніи спокойно садились и безбоязненно смотрѣли на насъ.

Возвратясь въ юрту, я нашелъ тамъ походный обѣдъ мой готовымъ. Юрта была полна народомъ. Угостивъ всѣхъ чаемъ, давъ въ подарокъ джанчину одинъ шерстяной узорчатый платокъ, я поѣхалъ обратно въ Хорахпуни, заѣхавъ по дорогѣ въ селеніе Ёкуси къ знакомому мнѣ аину. Когда мы пріѣхали въ Хорахпуни въ юрту джанчина, было еще свѣтло. Джанчинъ, красивый и важный старикъ съ длинною сѣдою бородою и греческимъ носомъ — принялъ меня съ выраженіемъ радости. Мнѣ отвели уголъ подлѣ мѣста джанчина, но у особаго очага. Въ юртѣ этой не было такъ тѣсно, а потому и воздухъ былъ немножко почище. Вечеромъ всѣ аины собрались въ юрту, и мы начали пить чай. Женщины не участвуютъ въ угощеніи. На нихъ лежитъ обязанность готовить кушанье, подавать его, подкладывать безпрестанно угли на очаги и заниматься дѣтьми. Между послѣдними былъ одинъ преинтересный мальчикъ лѣтъ 2-хъ. Онъ, по обыкновенію, былъ совершенно голый. Я заставилъ мальчишку лѣтъ 10-ти играть на инструментѣ, похожемъ на нашу гитару. Голый ребенокъ, услышавъ музыку, началъ танцовать, прихлопывая тактъ маленькими рученками своими. Музыкантъ мой наигрывалъ довольно однообразную мелодію. Инструментъ его, какъ я сказалъ, похожъ на гитару, только сверху до низу ровную, вершка въ 3, безъ расширенія книзу, какъ у гитары. Пять струнъ натянуты какъ на гитарѣ, но такъ далеко отъ дерева, что нажимать ихъ нельзя для возвышенія тоновъ и

потому на инструментѣ этомъ играютъ какъ на арфѣ,—одною рукою снизу, другою сверху.

Намѣреваясь выѣхать на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, я рано улегся спать. На другой день, при прощаньи, я роздалъ подарки, давъ джанчину Хорахпуни кусокъ дабы. Знакомому джанчину Найтуни, къ которому я, проѣхавъ его домъ, не заѣхалъ, не зная что онъ ему принадлежитъ, а за которымъ я изъ Хорахпуни посылалъ нарту, чтобы привезти его, я далъ хорошій большой шерстяной платокъ. Остальнымъ аинамъ и аинкамъ я роздалъ пуговицы и ножи. Между аинками я уже прежде замѣтилъ одну молоденькую красивую дѣвушку лѣтъ 15-ти. Подойдя къ ней, чтобы отдать ей пуговицу, я засталъ ее съ накинутою только на плечи шубою, такъ что вся передняя часть тѣла отъ головы до ногъ была открыта. Она, нисколько не закрываясь, протянула руку, чтобы принять пуговицу. На возвратномъ пути я заѣзжалъ завтракать и обѣдать въ селенія Иноскамоной и Хукуй-Котанъ. Въ послѣднемъ я встрѣтилъ 2-хъ японцевъ, ѣхавшихъ въ Читсани. Къ 4-мъ часамъ я пріѣхалъ въ Томари.

7-го числа, воротились охотники наши въ постъ. Олени перешли черезъ хребты, гдѣ нѣтъ никакого жилья, и потому охоту пришлось прекратить. Мы имѣли теперь свѣжаго мяса до половины мая. Казакъ Томскій, бывшій старшимъ надъ охотниками, принесъ мнѣ книжку изъ японской бумаги, исписанную японцемъ русскою азбукою и нѣсколькими фразами. Томскій полагаетъ, что такихъ книгъ можно нѣсколько найти въ японскомъ домѣ въ Туотогѣ. Слышалъ уже разъ отъ аина, что какое-то судно было разбито у береговъ Сахалина, противъ селенія Сиретоку, и что трое изъ матросовъ спаслись и что онъ полагаетъ, что это были русскіе. Ихъ отправили, по словамъ его, на Мацмай. Попавшаяся Томскому азбука ясно показывала, что она была составлена подъ руководствомъ русскаго. Надѣясь что-нибудь открыть о судьбѣ спасшихся матросовъ и о томъ, что можетъ быть они дѣйствительно были русскіе, я хочу сдѣлать всевозможные розыски. При этомъ случаѣ надо тайно дѣйствовать отъ японцевъ, потому что если попавшіеся къ нимъ русскіе оставлены въ плѣну, то конечно они постараются помѣшать мнѣ въ моихъ розыскахъ. Поэтому я, ничего не говоря имъ, хочу съѣздить въ Туотогу и разсмотрѣть находящіяся тамъ бумаги. Болѣе внимательно разспрашивая аиновъ, я услышалъ отъ нихъ слѣдующій разсказъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, большое трехмачтовое судно подошло къ селенію Сиретоку и высадило трехъ

человѣкъ. Люди эти пошли въ лѣсъ и долго не возвращались. Съ корабля палили изъ пушекъ. Прождавъ одинъ день, корабль ушелъ, а трое матросовъ остались на Сахалинѣ. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ какъ русскій матросъ и имѣлъ бѣлье изъ холста, двое другихъ не были похожи на него ни лицомъ, ни одеждою, и имѣли вязанные подштанники. Волосы перваго были чернаго цвѣта и такъ же подстрижены какъ у нашихъ матросовъ, у другого — длинные и въ кружокъ, а у третьяго — курчавые, съ проборомъ на боку, и довольно коротко подстриженные. Возвратясь въ селеніе Сиретоку, они остались жить въ юртѣ у джанчина. Японцы, находившіеся въ Тоопуги, услышали о случившемся и дали знать въ Томари, къ своему джанчину. Тотъ пріѣхалъ въ Сиретоку на лодкѣ и взялъ пришлецовъ къ себѣ въ лодку и отвезъ въ Томари. Оттуда они были отправлены въ Сирануси и жили у тамошняго старшины. Одинъ японецъ учился языку у матроса, у котораго была дудка. Люди эти были въ то же лѣто увезены японцами на Мацмай, а японецъ, учившійся языку, остался на Сахалинѣ и жилъ въ Лютогѣ. Когда нашъ дессантъ началъ входить въ Томари, то онъ, съ другими японцами, уѣхалъ на Мацмай. По словамъ аина, у котораго жилъ казакъ Томскій, русская азбука писана была этимъ же японцемъ. Итакъ, надо полагать, что изъ оставшихся на Сахалинѣ трехъ человѣкъ съ корабля одинъ былъ навѣрно русскій, а вѣроятно и двое другихъ были изъ нашихъ. Нужно будетъ заставить нѣсколькихъ аиновъ разсказать этотъ случай, чтобы убѣдиться въ справедливости подробностей его.

Сегодня приходилъ ко мнѣ японецъ Асануя. Мы напились съ нимъ чаю, разговаривая про приходъ судовъ. Онъ меня спросилъ, въ которомъ мѣсяцѣ придутъ суда русскія. Я отвѣчалъ, что не знаю, что суда наши придутъ тогда, когда очистится заливъ отъ льда; что я слышалъ, что въ апрѣлѣ (Кіучно) нѣтъ льдовъ совсѣмъ, что тогда въ этомъ мѣсяцѣ придутъ и тѣ суда наши, которыя зимуютъ близъ Японіи, на Бонѣ-Симѣ. Онъ спрашивалъ то же, далеко ли поѣхалъ Самаринъ. Я сказалъ, что если дорога хороша, то онъ поѣдетъ въ русскую землю отвести карты Сахалина и другія бумаги.

Завтра, рано утромъ отправлюсь непремѣнно въ экспедицію въ Туотогу развѣдать о русскихъ, попавшихся въ плѣнъ къ японцамъ.

Н. В. Буссе.

СЕМЕЙСТВО СНѢЖИНЫХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *).

ГЛАВА I.

Въ послѣднее время Зина рѣшительно не узнавала себя; прежде она боялась и трепетала какого-нибудь суроваго взгляда или слова Невѣрова, волновалась, стараясь, иногда безуспѣшно, его занять или развеселить, безпокоилась, когда онъ раздражительно хандрилъ, придираясь то къ ней, то къ другимъ... Теперь было не то. Онъ положительно блѣднѣлъ, когда у Зины случайно вырывался вздохъ, или облако грусти туманило ея цвѣтущее лицо; онъ весь остывалъ и смотрѣлъ на нее со страхомъ, будто ожидая бѣды. Если она улыбалась ему,—онъ сіялъ; если она говорила, что ей весело и хорошо съ нимъ, — онъ былъ на седьмомъ небѣ; онъ угадывалъ ея шаги за три, за четыре комнаты;— онъ бросался по первому ея зову, какъ сумасшедшій: съ лѣстницы, такъ съ лѣстницы, съ горы, такъ съ горы, по грядкамъ, по клумбамъ цвѣтовъ, не разбирая преградъ...

Зина быстро развернулась; она стала смѣлѣе, сужденія ея сдѣлались опредѣленнѣе, ярче, многостороннѣе. Она жаждала знаній, допытывалась ихъ, и все безконечнѣе, разнообразнѣе становились ея бесѣды съ нимъ... Онъ никогда не скучалъ съ нею; онъ удивлялся ей, боготворилъ, былъ отъ нея безъ ума.

Разъ они сидѣли всѣ трое на террассѣ и занимались каж-

---

*) См. выше: сент. 167; окт. 660; нояб. 100 стр.

дый дѣломъ особаго рода. Саша плакала, потому что у нея сдѣлался отекъ въ ногахъ, Невѣровъ отправлялъ письма и бумаги на почту, а Зина искала по саду только-что потерянную книгу, и шла, шагъ за шагомъ раздвигая кусты. Но подойдя и взобравшись на высокую насыпь канавы, отдѣлявшую садъ отъ улицы, она вдругъ, будто услыхавъ что-то, остановилась и замерла какъ вкопанная.

Черезъ минуту послышался ея испуганный голосъ.

— Андрей Петровичъ.... Подите-ка сюда!...

Невѣровъ оттолкнулъ прочь письма, перья и чернила, и спрыгнувъ со ступеней, быстро подбѣжалъ къ ней....

— Смотри! шептала Зина, блѣднѣя и указывая вдали на какой-то приближающійся предметъ.

Невѣровъ взглянулъ и обмеръ: по дорогѣ катилъ тарантасъ, запряженный тройкой знакомыхъ свѣтло-сѣрыхъ лошадей Марьи Петровны Снѣжиной.

— Это она, за мной! сказала Зина, дрожа всѣмъ тѣломъ:— не отдавай меня ей такъ скоро!... Я не хочу! я не могу теперь уѣхать отъ тебя.... Совсѣмъ не могу!... Лучше въ гробъ живой лечь.... Слышишь ты?... Я вѣдь правду говорю!...

Она съ отчаяніемъ закинула руки за его шею.

Невѣровъ самъ былъ очень блѣденъ.

— Слушай, Зина! — вдругъ рѣшительно и торопливо заговорилъ онъ,—будь готова на всякую борьбу, я дешево тебя не отдамъ, и если она пріѣхала брать тебя отъ меня, то жестоко ошибется; мы будемъ бороться до послѣдней капли силъ. Сначала посмотримъ, чего она будетъ требовать и зачѣмъ именно пріѣхала.

Зина стояла испуганная, нѣмая, тревожная.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Черезъ минуту тарантасъ съ звономъ, громомъ и грохотомъ подкатилъ къ крыльцу, и кучеръ осадилъ лошадей.... Невѣровъ поспѣшно вошелъ въ гостинную, поздоровался съ тещей и узналъ, что она привезла къ нему больного Гришу. Изъ его полка ей дали знать эстафетой, что онъ упалъ съ лошади и разбилъ ногу и грудь; теперь она везла его въ свое имѣнье и думала пробыть въ Липовкѣ не болѣе трехъ дней.

Судьба, однако, рѣшила иначе. Въ ту же ночь сдѣлалось воспаленіе и на долго приковало Гришу къ постели.

Вслѣдствіе этого, Снѣжина цѣлыхъ три недѣли безвыходно пробыла на своей половинѣ съ Гришей, не вмѣшиваясь и не обращая вниманія ни на что окружающее: она была совершенно поглощена болѣзнью сына и не могла думать ни о чемъ

другомъ. Иногда, вмѣстѣ съ докторомъ, заходилъ къ ней Невѣровъ навѣстить больного, заглядывала въ комнаты и Зина съ Сашей, но мать такъ ревниво отстаивала свое мѣсто у постели Гриши, такъ увѣряла, что его безпокоитъ шумъ и присутствіе лишнихъ людей, — что всѣ спѣшили удаляться и предоставлять ихъ судьбѣ....

Жизнь и провожденіе времени Зины въ эти дни такъ отличались отъ жизни ея окружающихъ, она была такъ несоразмѣрно счастлива въ сравненіи съ ними, что ей было совѣстно за свои радости, и въ ея характеръ и обращеніе съ другими вкралась такая доля доброты и участія ко всѣмъ ихъ нуждамъ, что окружающіе ее невольно чувствовали въ образѣ Зины присутствіе какого-то благодѣтельнаго генія, озарявшаго ихъ лучами солнечнаго свѣта.

Поправлявшійся отъ болѣзни Гриша особенно сильно почувствовалъ доброту Зины; мать съ ужасомъ увидѣла, что онъ ищетъ общества сестры и постаралась всѣми хитростями, всѣми правдами и неправдами удалить ее изъ семейнаго кружка. Придиркамъ и преслѣдованіямъ не было конца; то посылала она ее набирать траву для Гриши, то находила что бульонъ нехорошъ, что жаркое пригорѣло.... Невѣровъ былъ въ восторгѣ отъ такого положенія дѣлъ: онъ съ утра объявлялъ, что идетъ на охоту или на заводъ и пропадалъ на цѣлый день. Заранѣе просилъ онъ Зину передать разъ навсегда всѣ ключи ключницѣ и повару и самъ отдалъ имъ приказъ исполнять всѣ распоряженія Зинаиды Павловны и никогда не приходить тревожить или спрашивать ее о чемъ-нибудь.... И такъ время шло да шло; Гриша уже бросилъ костыли, лѣтніе дни манили его на воздухъ; Невѣровъ считался на охотѣ; наступали сумерки, приходила и Зина, показывалась матери, цѣловала брата, отбирала приказанія объ ужинѣ и уходила будто на кухню.

Мать не подозрѣвала отношеній Зины къ Невѣрову; напротивъ, частыя посѣщенія Клинскаго сбивали ее съ толку, и она начинала предполагать, что Зина кокетничаетъ съ нимъ; но и это ей не нравилось, потому что дѣлалось безъ ея согласія и вѣдома,—и такъ какъ Гриша выздоравливалъ, то праздная душа ея снова возжаждала вмѣшательства въ жизнь окружающихъ ее существъ, и снова потребовала проявленій обычнаго деспотизма.

Но на этотъ разъ, она не торжествовала по прежнему: она должна была даже сознаться, что дочь ея сострадательна, добра, уважительна къ ней, что въ ея глазахъ часто свѣтится будто мягкость, будто снисхожденіе къ ней, къ матери!? Что же такое съ Зиной, и почему ей быть особенно счастливой, въ

самомъ дѣлѣ, думала мать. Она дѣвушка незамужняя, провод щая день за день какъ и всѣ, живетъ она въ домѣ у старш сестры и у зятя, на глазахъ строгой матери; не можетъ ра полагать своей жизнью, не имѣетъ никакихъ развлеченій, зава лена скучными мелочами по хозяйству.... И въ то же врем Марья Петровна чувствовала, что жизнь Зины не вяла, не бе цвѣтна, не одинока, что есть какая-то непонятная сила, кото рая проливаетъ и свѣтъ, и жизнь, и радость, и даетъ смысл всему ея существованію....

— «Что же это такое?... Откуда у нея все это? — думает Марья Петровна:—да вѣдь она живетъ какъ всѣ, ѣстъ, пьет обѣдаетъ съ нами, ложится спать при мнѣ!... Развѣ надежда н замужество? Любовь къ Клинскому?...»

Безпокойна Марья Петровна, раздражительна, будто что-т потеряла.

— «Какъ! она сама жила при родителяхъ и умирала с тоски отъ неволи;—и всѣ дѣти ея тяготились всегда родитель ской властью, какъ и быть должно, да и сама Зина болѣе сильнѣе всѣхъ!... А теперь?... Что же сталось съ нею теперь?...

И она сходитъ съ ума, напрасно ломая голову, чтобъ уг дать таинственную загадку:—откуда у Зины счастье?

— «Тутъ что-то кроется! продолжала она размышлять: — что, если увезти ее домой! Тогда мы увидимъ, пожалуй, въ чем дѣло».

Между тѣмъ, болѣе тонкій и наблюдательный глазъ мог бы подмѣтить въ расположеніи духа Зины, въ теченіи послѣд нихъ двухъ или трехъ недѣль, замѣтную перемѣну. Она стал безпокойна, озабочена, задумчива.... То она была неестественн весела, пѣла, смѣялась, шутила, то вдругъ глаза ея подергива лись туманомъ, и она вся остывала, будто передъ ея взорам проносился страшный призракъ. Оставаясь наединѣ съ Невѣро вымъ, она уже не могла такъ всецѣло и энергично, какъ прежд увлекать его своимъ разговоромъ, занимать неисчерпаемыми ост ротами, веселостью, доводить до восторга необузданной радосты своихъ ласкъ, рѣчей.... Бесѣды и свиданія ихъ понесли хара теръ сдержанности, тайной грусти со стороны Зины,—удивлен наго молчанія съ его стороны. Она видѣла это, но иначе н могло быть. На душѣ ея лежала тяжелымъ камнемъ тайна, ко торую она не смѣла повѣрить даже своему другу.

— Зина, я вовсе не вижу тебя! Куда ты все пропадаеш замѣтилъ ей разъ Невѣровъ, встрѣтившись съ нею въ са Вѣдь никто ничего не знаетъ, Зина? доспрашивался Невѣровъ.

— О, никто! уныло отвѣтила Зина.

— Ну полно, началъ онъ: — ты меня просто мучаешь; у тебя есть горе, и ты со мной не хочешь дѣлиться!... Горе должно быть то же пополамъ....

— «Дѣлить горе! думала она:—и горе пришло такъ скоро!»

Зина кончила тѣмъ, что высказала Невѣрову все, чего она имѣла основаніе бояться.... Признаніе оказалось не такъ страшно, какъ она сначала предполагала. Невѣровъ сталъ еще нѣжнѣе, мягче, ласковѣе.... Въ любовь его закралось чувство жалости, и такое сильное, что оно глубоко тронуло Зину. Онъ посовѣтовалъ ей, главное, не унывать, что бѣда совсѣмъ не велика,— что можно еще надѣяться на благополучный исходъ, — а если опасенія ея и окажутся справедливы, то онъ всегда съ нею, и будетъ помогать и руководствовать ее во всемъ.

Зина плакала на груди Невѣрова горькими слезами....

— Отчего ты мнѣ прежде всего не сказала? ласково журилъ онъ ее. Знай одно, что я съ тобою всегда, договорилъ онъ въ волненіи, стараясь ее ободрить, хотя сердце его сжималось отъ суровыхъ предчувствій, глядѣвшихъ на него во всѣ глаза.... Не унывай, прощай, будь покойна и говори мнѣ все! прошепталъ онъ, разставшись съ ней у входа въ цвѣтники.... Я войду въ домъ прежде, — ты послѣ!

ГЛАВА II.

— Ну что, много настрѣляли? спросила Марья Петровна, когда Невѣровъ явился въ гостинную съ сумкою черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ.

— Немножко!... одну кажется, отвѣтилъ онъ, открывая сумку, въ которой лежала давно уже заготовленная утка.

— Вотъ охота пуще неволи! продолжала Марья Петровна.... А Гриша вмѣсто васъ на заводѣ; я за нимъ послала къ ужину! Что, небось, устали?

Невѣровъ прилегъ въ молчаніи возлѣ нея на диванѣ. Онъ зналъ теперь горе, которое преслѣдовало и томило его Зину, и не на шутку задумывался надъ нимъ, также какъ и она.

— Саша, не надо тебѣ пускать мужа на охоту! шутила Марья Петровна:—онъ сталъ никуда негоденъ! Можно ли такъ утомляться?

Невѣрова передернуло: что это — шутка или намекъ? Не знаетъ ли она чего?

— Марья Петровна, сказалъ онъ вдругъ: я бы желалъ знать ваше искреннее мнѣніе обо мнѣ.... Вотъ вы уже меня пять лѣтъ

знаете: въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, къ худшему или лучш
я измѣнился?

Марья Петровна видимо встрепенулась.

Надобно сказать, что въ послѣднее время Невѣровъ р
отдалился отъ нея и давно не принималъ съ нею такого от
веннаго и ласковаго тона.

— Вы хотите знать мое искреннее мнѣніе о васъ, нача
она съ удовольствіемъ:—ну такъ я скажу вамъ, что въ хоз
ственномъ и житейскомъ отношеніи вы измѣнились къ лучш
му; вы стали какъ то старше, серьезнѣе, меньше вспыльчи
нежели прежде; болѣе похожи на семьянина, на будущаго от
семейства....

— Ну, давай Богъ, чтобъ вы и всегда обо мнѣ такъ ду
ли! сказалъ Невѣровъ, нѣсколько смущенный такимъ опредѣ
ніемъ себя, и въ то же время радуясь, что мать была такъ
лека отъ истины!—а именно это ему и хотѣлось извѣдать.

— Мы посидимъ послѣ ужина подольше, продолжала Мар
Петровна:—и я съ вами посовѣтуюсь и поговорю о нѣкотор
вещахъ, которыя меня разстроиваютъ и смущаютъ....

Невѣровъ навострилъ уши.

— Касательно чего? спросилъ онъ.

— Вотъ увидите!... Вы умный человѣкъ;—потолкуемъ в
стѣ и разъяснимъ, можетъ быть, кое-что!... А теперь нель
всѣ сейчасъ придутъ, и притомъ же я хочу ужинать! Са
да скоро ли ужинъ будетъ! Вели послать Зину изъ кухни!... Ч
она тамъ мѣшкаетъ?...

Въ эту минуту послышался изъ залы шумъ шаговъ и го
совъ.

— Кто это еще тамъ? Кого Богъ даетъ? вымолвила Снѣжи
идетъ Гриша и съ нимъ еще двое... Голосъ Клинскаго, Миха
Львовича, — а еще-то кто?

— Ахъ, это Власьевъ!... Здравствуйте! произнесъ Невѣро
вставая на встрѣчу гостямъ.... Наконецъ-то, Александръ И
новичъ!

Власьевъ былъ пріятель Невѣрова, человѣкъ очень нег
пый, но съ «слабостью» и высланный за что-то изъ Пете
бурга на родину. Онъ зналъ всѣ хозяйственныя дѣла и пла
Невѣрова и Зины и былъ преданъ имъ всей душой.

Власьевъ вошелъ, снимая на ходу шапку; за нимъ пока
лись Гриша и Клинскій, который съ недѣлю уже не былъ
Невѣрсвыхъ.

Оба гостя, очевидно, вернулись съ пріятельской пиру
впрочемъ, у Власьева это выражалось всегда избыткомъ весе

— Здравствуйте! говорилъ онъ, — мы несемъ вамъ цѣлую кучу новостей!—Знаете ли вы, милостивый государь, что вы революціонеръ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Невѣрову и бросая шапку на столъ.—Я сейчасъ отъ Кондратьевыхъ, и порядочный штурмъ выдержалъ за васъ; меня обозвали нищимъ, разбойникомъ, ссыльнымъ, да кажется еще воромъ, но настоящее мое званіе, въ силу котораго я наливаю вотъ эту рюмку и пью ее за здоровье Зинаиды Павловны,—какъ водится, пощадили!

Снѣжина посмотрѣла на него съ негодованіемъ и пересѣла на дальній конецъ стола, но никто не обратилъ на нее вниманія, и всѣ продолжали группироваться около Власьева.

— Ну-съ, я былъ у Кондратьевыхъ; тамъ были въ сборѣ всѣ наши землевладѣльцы и крупные тузы....

Онъ назвалъ нѣсколько знакомыхъ фамилій.

— Словомъ, весь синклитъ былъ въ сборѣ.... хоръ былъ отлично подобранъ; говорили о васъ, и о васъ! обращался онъ попеременно къ Невѣрову и Зинѣ, только-что вошедшей въ залу;— что вы умышленно подкопались подъ ихъ интересы и обдѣлали извѣстное вамъ дѣло съ мужиками, въ надеждѣ на ихъ, вашихъ сосѣдей, погибель.... А я и говорю:—Коли была на это надежда, такъ она, кажется, осуществилась!... Не повѣрите, какъ они на меня всѣ взъѣлись за это слово. — «Не бывать этому! кричатъ всѣ хоромъ, — мы не допустимъ!»

— Не бывать? вскричала вдругъ Зина, забывшись и съ сверкающими глазами поднимаясь со стула.

— Да! сочувственно отнесся къ ней Власьевъ,—каково вамъ? вамъ это дѣло близко къ сердцу, какъ и Андрею Петровичу.... вы сами писали условія, сами выдавали мужикамъ деньги.... Зина утвердительно кивала головой, къ негодованію и удивленію матери.

— Да! вы хорошо знаете, оба, положеніе нашего мужика и его заработки, продолжалъ Власьевъ, и додумались до самыхъ благодѣтельныхъ....

— Да объясните мнѣ на милость, что такое случилось? прервала его наконецъ Снѣжина; Зину-то что же тутъ мѣшаютъ? Развѣ и про нее говорятъ, что она народъ бунтуетъ?... въ ужасѣ доспрашивалась Марья Петровна, и забывъ объ ужинѣ, подошла къ Невѣрову и начала отъ него добиваться толку.

— Дѣло-то самое простое, переставъ смѣяться, началъ онъ,— прошедшій годъ вѣдь былъ неурожайный: вотъ мои пріятели и вздумали оказать благодѣяніе, дать мужику хлѣба взаймы на срокъ, а къ веснѣ чтобъ онъ отдалъ или хлѣбъ или деньги.... Ну, разумѣется заранѣе знали, что мужикъ не справится. При-

шла весна, мужику заплатить нечѣмъ. Какъ быть? Вотъ и составили эти благодѣтели въ волостномъ правленіи такого рода безбожное условіе: «буде къ рабочей порѣ денегъ или хлѣба мужикъ не представитъ, убрать ему весь хлѣбъ помѣщику даромъ, а помѣщикъ согласится подождать уплаты до Покрова.» Поняли? Каковъ капканъ? Какова штука?... Какъ на грѣхъ, весна приди, да хлѣбъ и покажи обломный. Мужикъ-то взвылъ, а баринъ чуть не на головѣ отъ радости ходитъ.... Ему и горя мало, и хлопотать заранѣе о наймѣ рабочихъ не надо! Его дѣло въ шляпѣ; но не рой яму своему ближнему, самъ въ нее попадешь! Нежданно, негаданно, мужикъ, вдругъ, въ одно прекрасное утро, а именно на дняхъ, — приноситъ помѣщику въ срокъ деньги за взятый имъ у него взаймы хлѣбъ,—и такимъ образомъ освобождается отъ всякихъ крѣпостныхъ условій и сдѣлокъ насчетъ даровой уборки хлѣба. Вотъ мои любезные сосѣди и взвыли. Сами можете понять; мужики бросились убирать собственныя свои поля, а къ помѣщикамъ не идутъ убирать ихъ хлѣбъ ни за какую цѣну. «Погоди, говорятъ, уберемъ свой, тогда и къ вашему поспѣемъ!»

— Ну да вы-то тутъ собственно при чемъ? добивалась Марья Петровна: — васъ-то какъ сюда вмѣшали?

— Какъ? отвѣтилъ Невѣровъ:—да вѣдь я же мужиковъ ссудилъ деньгами на расплату съ помѣщиками за выданный ими взаймы хлѣбъ!

— Вы? вскричала Снѣжина.

— Да!

— Вотъ какъ!... Ну такъ я вамъ скажу, что это точно не по-сосѣдски! Чѣмъ они вамъ мѣшали?

— А тѣмъ, перебилъ ее Власьевъ:—что они, по моему, затѣяли грабежъ на большой дорогѣ, и потворствовать этому грабежу было бы гадко!...

— Благородство-то ваше, я вижу, откуда идетъ! язвительно возразила ему Марья Петровна: — у васъ самихъ ни кола, ни двора, да никогда его и не будетъ, вамъ и съ пола-горя весь хозяйственный порядокъ и обычаи вверхъ дномъ ставить, а Андрей Петровичъ—помѣщикъ, членъ общества; его собственные интересы могутъ пострадать, если всѣ сосѣди на него возстанутъ!...

На эту запальчивую рѣчь Власьевъ только усмѣхался, поглаживая усы; Невѣровъ глядѣлъ на него, и собирался отвѣтить, но Зина внезапно замѣтила съ горяча:

— Не боятся они оба этого возстанія!...

— Э-т-о ч-т-о е-щ-е т-а-к-о-е? протянула въ изумленіи Марья

Петровна:—кто это коворитъ? Кому?... А!... Зинаида Павловна! И вашъ голосокъ раздался? Не къ добру!... Забыли вы, какъ съ вашей братьею справляются? Такъ я вамъ напомню!

— О! да какая же ты горячая, Зина! поджигалъ ее съ своей стороны Гриша:—что это ты въ самомъ дѣлѣ надѣлала?... Хорошенько, хорошенько еще! шепталъ онъ, подталкивая ее локтемъ.

Зина молчала; глаза ея блестѣли.

— Спасибо вамъ отъ меня, Зинаида Павловна! вдругъ явственно раздался голосъ Власьева.

— И отъ меня также! въ волненіи подтвердилъ Невѣровъ.

— О, недолго, недолго играть вамъ эту роль, Зинаида Павловна! зашипѣла Марья Петровна, будучи не въ состояніи сдерживать себя:—какъ эта роль вамъ ни нравится,—но къ сожалѣнію всему бываетъ конецъ!

— Что за нужда? съ усмѣшкою замѣтилъ Власьевъ, пожавъ плечами:—знаете ли, какъ насчетъ этого выразился одинъ знаменитый философъ, чуть ли еще не Спиноза: я вамъ сейчасъ приведу его изреченіе; оно хоть и слишкомъ красно выражено, но въ данную минуту годится.... Слушайте, прибавилъ Власьевъ, приставивъ руку ко лбу:—онъ сказалъ: минута существованія молніи завиднѣе столѣтій жизни червяка!...

— Такъ, такъ! твердилъ Гриша, въ восторгѣ потирая руки.

Невѣровъ улыбался.

— Кромѣ нелѣпости и краснобайства, я въ этой остротѣ ничего не вижу! отвѣтила язвительно Марья Петровна:—а вотъ дерзость вашу такъ я тутъ точно вижу: это вы не меня ли сравнили съ червякомъ?

— Дѣло ясное! замѣтилъ смѣясь Власьевъ.

— Нѣтъ-съ, я не червякъ, милостивый государь, слегка задыхаясь накинулась на него Снѣжина, и докажу вамъ, что я не червякъ! Не позволю я вамъ возстановлять родную дочь противъ матери.

— Ну и доказывайте, и не позволяйте! вспыхнулъ-было Невѣровъ, но Зина, сидѣвшая около, умоляющимъ жестомъ схватила его за руку, краснорѣчиво моля о молчаніи.

Настала внезапная и тяжелая тишина.

Власьевъ собирался къ себѣ во флигель, но Невѣровъ просилъ его остаться ночевать въ домѣ, и тотъ, засвѣтивъ свѣчу у лампы, отправился въ кабинетъ Андрея Петровича, чтобъ запастись на ночь чтеніемъ.

Семейство осталось въ сборѣ на балконѣ у чайнаго стола.

— Андрей Петровичъ, вдругъ сказала мать, возвышая голосъ

посреди всеобщаго молчанія: — вы знаете, что я послѣзавтра уѣзжаю къ себѣ въ Марьино?

— Нѣтъ, не знаю! отвѣтилъ Невѣровъ, окинувъ ее удивленнымъ и вопросительнымъ взглядомъ.

— Ну, такъ знайте теперь! Зина, обратилась она къ дочери:— собирайся и ты; ты то же поѣдешь со мной!

— Зачѣмъ это? спросилъ Невѣровъ нетвердымъ и измѣнившимся голосомъ.

— Какъ?... Ты Зину берешь? Ты Зину увозишь отъ меня? вступилась и Саша, выведенная изъ сладкаго забытья такою неожиданною перемѣною декорацій.

— Да! я Зину увожу отсюда! съ силою перебила мать:— потому что я вижу, ее здѣсь оставлять нельзя!... Ея нравственность портится въ этой обстановкѣ, которую вы ей здѣсь устроили!... Ея репутація страдаетъ отъ участія во всѣхъ этихъ дѣлахъ, въ которыя она бросается, очертя голову! О, да! Вы съ Власьевымъ внушили ей, что материнскія права ничего не значатъ, что роль матери — ничтожное безсиліе, на которое не стоитъ и обращать вниманія,—но я докажу вамъ, что я имѣю права на свою дочь!... Скажите пожалуйста! У дѣвушки есть свой домъ, свое семейство и она можетъ противиться возвратиться туда, по требованію матери! Да развѣ ей дома мало дѣла, что ли? И наконецъ, что же можетъ задерживать ее здѣсь? Зина! Я требую, чтобъ ты отвѣчала, что можетъ задерживать тебя здѣсь?

Зина молчала. Она была, во время этой рѣчи, блѣднѣе полотна, неподвижнѣе, безгласнѣе каменной статуи. Невѣровъ порывался встать, подойти къ ней, но прикованный проницательными взглядами матери, сидѣлъ, какъ пригвожденный къ мѣсту пытки.

— Какое трагическое молчаніе! язвительно продолжала Снѣжина. Какъ будто невѣсть что̀ дѣлаютъ съ ней!... Зина!... Я вѣдь не отстану: говори, что тебя здѣсь задерживаетъ?... Жениха у тебя нѣтъ, и надежды на жениха никакой!... Даже Клинскій предпочелъ другую!... Даже и онъ не поддался на удочку!

— Ну, прервалъ Гриша, вставая:—теперь я понимаю, отчего она хочетъ остаться здѣсь!... Съ вами жить нельзя, и я первый на ея мѣстѣ удавился бы....

Марья Петровна, при этихъ словахъ сына, побагровѣла;— но увы! что тутъ станешь дѣлать?! вѣдь это не дочь!

— А вопросъ-то однако самый простой, продолжала она, избитая вся въ красныя пятна, но дѣлая видъ, что не замѣтила

озгласа Гриши: — что можетъ здѣсь задерживать Зину? Зина! то можетъ тебя здѣсь задерживать?

О! еслибъ ужасный призракъ не стоялъ теперь передъ лазами Зины! Но призракъ былъ тутъ, ужасный, осязаемый, есокрушимый.... Онъ подламывалъ ея ноги, трепетомъ охваывалъ ея сердце, смыкалъ уста....

— Ничего! наконецъ отвѣтила она съ усиліемъ.

— А!... ну такъ и отлично! И собирайся! И поѣдемъ!... И ѣдемъ! ликовала мать, беря дрожащими руками свѣчу и дѣлая агъ съ балкона.

Невѣровъ то же всталъ, тяжело оперся на перила и постоявъ емного, вышелъ въ залу, потомъ въ корридоръ и шаги его мерли въ кабинетѣ. Всѣ разошлись, не простясь, по своимъ омнатамъ, и вскорѣ вездѣ засвѣтились огни, потомъ вездѣ похли, — но не всѣ спали въ эту ночь.

Невѣровъ вышелъ утромъ изъ кабинета съ совершенно успоеннымъ видомъ: ему казалось, что онъ наконецъ придумалъ личный планъ, который и былъ немедленно имъ сообщенъ нѣ. Онъ вознамѣрился перевезти все семейство въ Москву долго до рокового срока, — нанять тамъ два дома, жить въ номъ съ Сашей, въ другомъ помѣстить мать съ Зиной и Надей, и та еще не выйдетъ замужъ, установить ежедневныя сношенія жду обоими домами, брать гостить дѣвушекъ попеременно себѣ.... А разъ въ большомъ городѣ, онъ ручается за все.... вѣровъ съ увлеченіемъ разработывалъ этотъ планъ: поѣздка Москву на его счетъ должна имѣть надлежащій успѣхъ; будетъ поддерживать дружескія отношенія съ матерью, самъ ѣдетъ къ нимъ въ Марьино черезъ мѣсяцъ....

— Не унывай! не бойся! твердилъ съ упованіемъ Невѣровъ; три! указывалъ онъ Зинѣ на сіяющій ландшафтъ, на трубы ода, на поля, на рощи, луга, пруды и мельницы — все это е! Я всѣмъ пожертвую, все обращу въ деньги, лишь бы роить это дѣло и выкупить тебя у судьбы!

Зина качала головой съ печальной улыбкой, и не отвѣчала ги ничего. Въ самомъ дѣлѣ, все оказывалось очень просто глазахъ Невѣрова; а можетъ быть такъ было и на самомъ ; Зина и не осуждала его.

ГЛАВА III.

Тарантасъ Марьи Петровны, послѣ двухдневнаго пути, въ сумеркахъ теплаго августовскаго дня, остановился у воротъ ихъ дома.

— Вотъ и Надя! вскрикнулъ Гриша, завидѣвъ молодую, полную и бѣлую барышню, стоящую на ступеняхъ крыльца съ зонтикомъ, перчатками и шляпою въ рукахъ.... Возлѣ нея стояли два субъекта, въ видѣ охранительной стражи: одна, знакомая уже намъ Глафира Ивановна Ницкая, другая, почтмейстерша изъ города, сухая и длинная m-me Гусева....

— «Надя, здравствуй! Здравствуй, Наденька! — Мы васъ совсѣмъ заждались!—Ну какъ поживала? Здравствуйте, mesdames!—Здравствуй, бѣглянка.... Дай тебя расцѣловать!—Вотъ и Зинаида Павловна! Ну, теперь опять полонъ домъ!» слышались восклицанія съ обѣихъ сторонъ, обмѣнъ поцѣлуевъ, объятій, высаживаній и шествія по лѣстницѣ въ домъ.

— Самоваръ скорѣе! А мы только-что пришли съ гулянья.... Какъ будто знали!...

— Я вѣдь тебѣ писала, Надя, что пріѣду скоро?

— Я письма этого не получала, отвѣтила та, спѣша проводить мать въ спальню.

— Знаешь, мама, представь себѣ, начала она, быстро захлопывая дверь и становясь напротивъ матери:—вѣдь генералъ на дняхъ здѣсь у меня былъ!... три дня прожилъ!...

— Что ты?... Ну что? какъ же? съ живѣйшимъ любопытствомъ спросила мать.

— Ничего; какъ онъ только пріѣхалъ,—я сейчасъ, въ это же утро, послала нарочнаго къ Глафирѣ Ивановнѣ, чтобы она ко мнѣ пріѣхала, — да потомъ, полюбуйся, мама, какая глупая! какъ послала, тутъ и вспомнила, что вѣдь она дѣвушка, незамужняя, такъ это все равно что ничто, скажутъ еще: къ двумъ дѣвушкамъ холостые мужчины ѣздятъ!... Я сейчасъ тройку — и отчаянную записку къ Катеринѣ Семеновнѣ, разсказывала Надя съ восторженнымъ смѣхомъ надъ своимъ умомъ, находчивостью и удачными дѣйствіями:—она въ этотъ же вечеръ пріѣхала,—и вотъ, ты видишь, до сихъ поръ еще здѣсь!

— Ахъ, полно объ этихъ глупостяхъ!... Я тебя о дѣлѣ спрашиваю, съ нетерпѣніемъ перебила мать: — какъ онъ? что онъ о свадьбѣ-то говорилъ?

— Свадьба въ октябрѣ, уже нѣсколько надувшись отвѣтила

Надя; — его имянины, кажется, восьмого октября, такъ онъ въ этотъ день хочетъ!

— Въ октябрѣ?... Охъ, Надя, что-то скоро это, а у насъ еще не все готово!...

— У меня все готово, снова высчитывала Надя: — бѣлье кончено, постель то же, весь приборъ къ вѣнчальному платью уже лежитъ у меня въ коммодѣ....

— Ну, привезъ, подарилъ онъ тебѣ чего-нибудь?

— Ахъ, мама!... Не только подарить, отъ насъ требуетъ подарковъ!... Мнѣ-то ничего не говорилъ, а Глафирѣ Ивановнѣ высказывалъ:—«Они должны совѣсть, говоритъ, знать: люби брать, люби и давать!» Я просто со стыда горѣла, какъ она мнѣ это передавала....

— Да что онъ, пьянъ что ли былъ?

— Ужъ конечно! Только далъ бы Богъ кончить поскорѣе, а то ужъ я ему задамъ, старичишкѣ противному....

— Ну, ступай, Надя, къ гостямъ; ты еще съ братомъ не повидалась порядкомъ,—онъ нарочно для тебя пріѣхалъ!

Надя поспѣшно вышла и отправилась въ гостинную.

Глафира Ивановна сидѣла возлѣ Зины и что-то таинственно и внушительно ей шептала.

— Человѣкъ хорошій, не пьяница, не мотъ! Тарантасъ, свои лошади, домикъ хоть небольшой.... а есть!... Чего же тебѣ еще?

— Ну-ка, подойди ко мнѣ, Надя, я тебя невѣстой-то вѣдь еще не видалъ! говорилъ Гриша сестрѣ, обнимая ее за талью и подводя къ окну:—покажись, покажись-ка!... Ухъ! раздобрѣла и отяжелѣла же ты, чтó твой папошникъ!... Что значитъ деревенская жизнь-то!... Чай все нѣжишься да утопаешь въ пуховикахъ?... Пора, пора замужъ, а то годика черезъ два располземься такъ, что и вѣнчальное платье не скраситъ!...

— Что же мнѣ не полнѣть, братъ? замѣтила Надя, задѣтая за живое безцеремонными комплиментами брата; — совѣсть у меня чиста, въ домѣ раздору никакого не дѣлаю, въ семейство убытковъ не приношу....

— Да!... а вотъ мы грѣшные, все сохнемъ, да сохнемъ!

— Я слышала, братъ, что ты былъ очень боленъ?

— Какая ты смѣшная, Надя! Братъ, братъ! Это такъ для меня смѣшно звучитъ!

Гриша былъ не въ духѣ и до-сыта позволялъ себѣ трунить надъ Надей, къ которой никогда не имѣлъ особенной симпатіи.

Зина, между тѣмъ, избавившись кое-какъ отъ Глафиры Ивановны, пользуясь сумерками, прошла по всему дому, саду, пробралась, одинокая, на верхъ, очутилась въ своей комнаткѣ,

гдѣ она прежде жила, мечтала, была счастлива, любила Невѣрова дѣтской любовью, плакала дѣтскими слезами, страдала дѣтскимъ страданіемъ.... Какъ много ощущеній пронеслось съ тѣхъ поръ надъ ея головой, какъ много утекло жизни, этой воды, неизбѣжно текущей въ темный океанъ будущаго!... Она снова смотрѣлась въ то зеркало, которое отражало въ то время ея дѣтски-счастливое и ясное личико, которое ей казалось тогда такимъ опытнымъ, способнымъ понимать жизнь, страсти и страданія большихъ людей!... Невинная дѣвочка!... Какое она была тогда дитя!... Да вѣдь это было такъ недавно!... Неужели такъ много пережито нешуточнаго, серьезнаго!... О да! Теперь уже совсѣмъ не шутка, жизнь ее затронула, и даже уложила подъ колесо, которое вертитъ и давитъ ее съ каждой минутой быстрѣе и быстрѣе... Надо думать, надо дѣйствовать; жить фантазіями уже нельзя, гнать дѣйствительность уже невозможно!... Вѣдь *это* уже осязаемое, видимое несчастіе, съ которымъ не раздѣлаешься, какъ-нибудь такъ на авось или можетъ быть; — исходъ неизбѣженъ, ужасенъ, катастрофа не можетъ не совершиться.

Зина вскочила и въ порывѣ никогда неугасающихъ сомнѣній и надежды, встала передъ зеркаломъ, выпрямилась во весь ростъ и впилась глазами.... Она была хороша; на щекахъ игралъ легкій и пушистый румянецъ, сквозь алыя губы сквозила полнота жизни и здоровья, очертанія легкаго стана нисколько не измѣнили своихъ дѣвственныхъ линій, — только плечи стали круглѣе, шея и грудь тѣснилась въ покровахъ плотнаго платья, — она откинула густые волосы съ жаркаго лба, — и закрывъ лицо руками, поникла головою въ тяжеломъ раздумьи.... Она не плакала; она была одинока: подлѣ нея не было никого, чтобъ облегчить и помочь ей въ борьбѣ, въ страшной борьбѣ съ отчаяніемъ, муками неизвѣстности, безпрестанно грозящей опасностью болѣзненныхъ явленій, страданій, можетъ быть скандала, можетъ быть смерти, безвѣстной смерти гдѣ-нибудь на краю оврага, на днѣ колодца или пруда!... Увы! Бѣдная, жалкая, одинокая, нищая!... Давно ли она была такъ богата, осыпана всѣми дарами, любовью, счастьемъ, полезною и желанною дѣятельностью, вѣрою въ будущее, смѣлостью и силой?... Все исчезло какъ будто по злому манію волшебнаго жезла!... И всему причиной, — это....

— Зина, мама тебя зоветъ! послышался въ дверяхъ голосъ Нади, и Зина, вздрогнувъ и быстро оправивъ платье, сбѣжала съ лѣстницы.

Марья Петровна сидѣла въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, на которомъ валялись счеты и различные дѣло-

я бумаги.... Обстановка была все та же, какою знала ее Зина; акомые предметы, съ которыми она такъ давно разсталась, гдѣли на нее со всѣхъ сторонъ, все также какъ и прежде, къ будто ничего не случилось и все прошедшее было сномъ. бинетъ былъ убранъ вышиваньями обѣихъ сестеръ; было тутъ сколько эстамповъ работы самой Зины; все это толпой далекъ воспоминаній нахлынуло на нее и перенесло въ прежній, вно забытый міръ.... Вездѣ прошедшее загораживало настояе, опутывало и будто приказывало ей забыться предательимъ сномъ.

У другого стола, при свѣтѣ лампы, сидѣлъ Гриша съ Глафой Ивановной въ молчаніи; онъ очевидно все уже переговрилъ съ нею, и былъ не въ духѣ, предчувствуя, что получитъ ь матери отказъ въ деньгахъ, потому что она сидѣла со счеми въ рукахъ и, казалось, была погружена въ самыя непріятя мысли, — словомъ, обстановка въ комнатѣ была не праздчная, когда Зина переступила ея порогъ.

— Зина, обратилась къ ней мать: — мнѣ надо съ тобой рьезно поговорить. Ты слышала отъ Глафиры Ивановны, что тебя сватается Бобровъ. Тебѣ скоро девятнадцать лѣтъ, пора мужъ!

— За Боброва я не пойду! отвѣтила Зина тихо, но рѣшиьно.

— А за кого же? за Власьева что ли? обернулась на нее рья Петровна насмѣшливо.

Зина молчала.

— Отчего же ты за Боброва не хочешь идти? Чѣмъ же ь тебѣ не пара?

— Не пойду! еще рѣшительнѣе отвѣтила Зина.

— Такъ, значитъ, ты вѣчно хочешь на моей шеѣ посѣсть? ричала мать. Ни туда, ни сюда; ни въ коробъ, ни изъ коба!... Въ домѣ скучаешь, за Боброва не хочешь идти!... Ну ъ знай же, матушка, что я тó съ тобой сдѣлаю, что ты у ия толковая будешь.... Я тебя уломаю!... Вѣдь это не въ Неровскомъ домѣ тебѣ мудрить-то!... Защитникъ-то твой дало!...

Она наконецъ тронула больную струну: слезы градомъ хлыли, брызнули изъ глазъ Зины при этомъ горькомъ напомина: она зашаталась и опустилась на стулъ.

— А! Тебѣ не легко со мною, но вѣдь и мнѣ то же не гко!... Опомнилась, разсудила что ли?

— Я не пойду за Боброва, беззвучнымъ и измѣнившимся го-

лосомъ произнесла Зина, и отирая ручьемъ бѣжавшія слезы, вышла изъ комнаты. Настало долгое молчаніе.

— Нѣтъ, я уѣзжаю завтра же, я этого не выношу!... вдругъ сказалъ Гриша, быстро вставая: — это, наконецъ, возмутительно! Какъ! принуждать взрослую дѣвушку выходить замужъ насильно, когда она, слава Богу, свой умъ въ головѣ имѣетъ, свои понятія, свои вкусы, желанія....

— Она не взрослая дѣвушка, она *моя* дочь; — я могу говорить и дѣлать съ ней все что̀ хочу! хрипѣла Марья Петровна. Я знаю что̀ дѣлаю! Ей не сносить головы; ее надо замужъ поскорѣе....

— Ахъ, Григорій Павловичъ, вы еще не знаете, каково быть на мѣстѣ матери! патетически замѣтила Глафира Ивановна.

— А каково быть на мѣстѣ дочери или сына, вотъ это я знаю! съ яростью возразилъ Гриша. Когда мнѣ нужно до зарѣзу деньги, а ихъ тратятъ неизвѣстно куда!... Имѣніе все въ долгахъ, присмотру никакого, всѣ воруютъ, тащатъ изъ-подъ носа, никто ни за чѣмъ не смотритъ....

Чаша была переполнена. Марья Петровна зарыдала, закрывъ лицо руками....

— Я ли, я ли..., напрасно старалась она выговорить сквозь рыданія: — я ли его не любила, я ли для него не старалась....

— Скверность какая!... Тьфу! плюнулъ Гриша, выходя въ дверь.

— Ты что̀ это? накинулся онъ въ другой комнатѣ на Надю, съ самодовольной улыбкой охорашивавшуюся передъ зеркаломъ; — ты тутъ лошадей нанимаешь, знакомыхъ привозишь и развозишь, — а у насъ на гумнѣ хлѣбъ не обмолоченъ и скирды не покрыты, — и староста, говорятъ, каждый день пьянъ!...

— А мнѣ что за дѣло? нахально и задорно возразила Надя: я въ октябрѣ выхожу замужъ и знать ничего не хочу!.. Мое дѣло въ шляпѣ, а вы тутъ живите какъ знаете!

Она повернулась и вышла. Гриша опрокинулъ два стула, сломалъ аршинъ, и пошелъ наконецъ на деревню къ старостѣ.

А Зина, вышедши отъ матери, съ тоскою добрела до своей постели и упала на нее....

ГЛАВА IV.

Прошло нѣсколько недѣль.... Зина не могла больше убаюивать себя нелѣпыми надеждами.... Ея положеніе для нея самой ѣлалось уже несомнѣннымъ.... Но сохранять ужасную тайну ъ другихъ можно было только цѣною тяжелыхъ принужденій. на не смѣла отговариваться отъ поѣздокъ, не смѣла носить узы, хотя прежде и ходила къ ней; не смѣла ложиться, когда хотѣлось лечь, — не смѣла отказываться отъ прогулокъ, каній, выѣздовъ, которые ее не веселили, не занимали и не звлекали.... Она была вся поглощена одной мыслью о близмъ будущемъ. Случалось ли ей забыться на минуту за кний или въ разговорѣ: я погибла! вдругъ говорила она себѣ, вѣчая въ то же время громко на вопросъ собесѣдника, или одолжая слѣдить за содержаніемъ книги; ѣла ли, пила, рагала ли она, — всюду и всегда раздавался въ ней этотъ неичный голосъ, словно пароль печали и стыда: «я погибла, гибла, погибла»! Это слово было будто вырѣзано на полу, на знахъ, куда ни направлялся ея взоръ; она жила, говорила, ала сквозь какую-то призму, — тѣ слова отравляли каждое бодное движеніе ея души, звучали для нея будто смертный говоръ.... Но въ наружности ея не произошло никакой загной перемѣны; походка ея была легка, сонъ крѣпокъ, аппеъ хорошъ, — румянецъ игралъ во всю щеку, глаза горѣли кимъ и влажнымъ блескомъ; силы не убывали, напротивъ, нея не было ничего ни труднаго, ни тяжелаго.... Ей часто ходилось работать въ саду: она помогала пересаживать яблокопала заступомъ землю, таскала воду изъ колодца, а мать грѣла въ окно на ея работу, смотрѣли и другіе, и кто бы ь повѣрить, чтобъ она въ то же время страдала, имѣла нужду отдыхѣ?

Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ нравственное состояніе и ея становилось все озабоченнѣе, все темнѣе и страшнѣе.... лежала, часто не смыкая глазъ по цѣлымъ ночамъ, думая, ь и какъ она будетъ обманывать прислугу, все семейство. мысленно изощрялась во лжи, хитрости и обманѣ; — темчистое зеркало ея души и ума.... Письма ея къ Невѣрову коротки, сдержанны, она намеками сообщала ему нѣкоя подробности о своемъ положеніи; — ей было больно, ко до отчаянія называть вещь въ письмѣ по ея имени.... лось ей также не разъ, какое она имѣетъ право застанести всѣхъ тягостные плоды ея личныхъ увлеченій....

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, она стала покорна, почти подобострастна; въ улыбкѣ ея появилась какая-то заискивающая мольба; въ движеніяхъ стала замѣтно прокрадываться печальная робость и желаніе стушеваться.... но не выѣзжать, не являться въ обществѣ, — было немыслимо.

Марья Петровна ожидала каждый день Боброва, который послѣ предложенія еще вовсе не являлся, — и проводила время въ намекахъ на предполагаемую свадьбу и на всѣ выгоды и шансы счастья предполагаемаго брака. Зина вздыхала, молчала и не прекословила ей ни въ чемъ. Мать начала думать, что Зина втайнѣ желаетъ согласиться на этотъ бракъ, потому что, думалось ей, какъ можно въ самомъ дѣлѣ не желать выдти замужъ, когда минуло восемнадцать лѣтъ и когда всѣ кругомъ ея выходятъ замужъ? Заручившись этой догадкой, она отпала отъ нея какъ насыщенная піявка. Надобно было ѣхать въ городъ.

Это было въ концѣ сентября. Снѣжины всегда ѣздили къ Наумовымъ на имянины самого хозяина и оставались тамъ нѣсколько дней. Была очень бойкая дорога, но Марья Петровна и Надя, засидѣвшись въ деревнѣ, жаждали выѣхать куда-нибудь, и наканунѣ отъѣзда весь домъ поднялся на ноги, готовя господъ къ поѣздкѣ. Началась стирка, крахмаленье, глаженье, капризы и требованія съ одной стороны, грубость или трусость съ другой.... У Нади было множество нарядовъ, которыхъ еще не видали ея городскія подруги, и она везла съ собою все, чѣмъ только можно было ихъ поразить.... Туалетъ Зины былъ гораздо проще: у Невѣровыхъ она привыкла одѣваться хорошо, по домашнему, но ея простыя, изящныя платья не удовлетворяли требованіямъ городской моды. На имянины къ Наумовымъ у нея не было рѣшительно подходящаго туалета. Она начала-было уже втайнѣ надѣяться, что ее не возьмутъ въ городъ, и съ ужасомъ думала о возможныхъ послѣдствіяхъ этой поѣздки. Наканунѣ отъѣзда въ городъ, она сидѣла ни жива, ни мертва, закрывъ лицо руками и выжидая рѣшенія своей участи, которую держала въ своихъ рукахъ мать, перебиравшая, съ помощью няньки, въ сосѣдней комнатѣ весь туалетъ Зины.

— Ни одно изъ этихъ платьевъ не годится, говорила Марья Петровна: надо сшить новое; какъ ты думаешь, Варвара, поспѣетъ къ завтрашнему дню?

— Поспѣть можно! слышится неохотный отвѣтъ.

— Ну такъ пошли скорѣе за портнихой снять мѣрку; — я сдѣлаю ей то, которое было-готовила къ Надиной свадьбѣ; ты знаешь, Варвара, товаръ-то лицомъ надо показывать; слава Богу, невѣста! такіе года!... Не Бобровъ, такъ другой.... Пора, пора!

— Да такъ-то пора чтò и сказать нельзя! съ значительнымъ вздохомъ отвѣтила нянька.

Холодный потъ выступилъ на лбу Зины, — ей показалось, что эта женщина, клевретъ и довѣренное лицо матери, можетъ быть догадывается, можетъ быть проникла въ ея тайну. Она прислушалась еще нѣсколько секундъ, — нѣтъ! ничего больше; ни звука, ни движенія....

— Варвара, сходи за портнихой да позови Зинаиду Павловну сюда, мѣрку снимать! спокойнымъ тономъ приказывала Марья Петровна.

При послѣднихъ звукахъ этихъ словъ Зина уже исчезла; она была наверху, торопливо сбросила теплую шубку, которую было-надѣла отъ холоду, — достала корсетъ, дрожа отъ волненія и страха; шнурки врѣзались безъ милосердія; прерывистое дыханіе съ трудомъ выходило изъ бѣдныхъ, сдавленныхъ легкихъ.... Но подойдя къ зеркалу, она сама была поражена счастливымъ результатомъ и тотчасъ сбѣжала внизъ.

Въ коридорѣ ее встрѣтила мать и повела за собой въ спальню. Тамъ уже сидѣла нянька Варвара, вѣчно шившая чтò-то, а съ нею молодая, румяная женщина, изъ бывшихъ дворовыхъ, проживающая тутъ же съ мужемъ въ сельскомъ кабакѣ, и по старой памяти, не отказывающая бывшимъ господамъ въ услугахъ. Она была ремесломъ портниха; ея веселое, румяное лицо улыбалось широкой улыбкой самодовольства и покоя; — молодой ея станъ замѣтно пополнѣлъ и выгнулся впередъ, походка была переваливая, неровная.

— Здравствуй, Любаша, какъ поживаешь? привѣтливо освѣдомилась Марья Петровна, отвѣчая на ея вѣжливый поклонъ.

— По немножку-съ! улыбаясь и охорашиваясь говорила Любаша.

— Чтó это?! Никакъ тебя и поздравить можно? смѣялась, оглядывая ее, Снѣжина: — молодецъ!... Ужъ и готово!

— Чтó-жъ дѣлать?... стыдливо смѣялась и та. Носи, коли Богъ велитъ?

— А скоро?

— Да скоро-съ!... Вотъ послѣ Михайлова дня... Меня и то уже Агаѳонъ было и къ вамъ не пускалъ: — «бойко, говоритъ, смотри, не расшибись!...» И Любаша смѣялась довольнымъ смѣхомъ счастливой, охраняемой и любимой женщины.

А Зина стояла, сжавшись у стола, съ стянутой грудью, прерывистымъ дыханіемъ и заискивающею, жалкою улыбкою на робкихъ, трепетно дрожащихъ губахъ....

Сняли мѣрку. Мать сама распустила ей корсетъ, говоря, что нельзя такъ стягиваться.

— Однако ты пополнѣла! замѣтила она, пробуя застегнуть одно изъ ея прежнихъ платьевъ; носи корсетъ каждый день; — я вижу, что ты безъ меня тамъ, у Невѣровыхъ, распустила себя, вотъ и испортила талью.... Талья въ дѣвушкѣ главное!... Лучше въ лицѣ полнѣй, да не въ тальи!...

— Да что вы, право, барыня? вступилась Любаша: — имъ всего только подтянуться немного, вотъ и опять тоненькія!... Это не нашему брату, мужнимъ женамъ, чета!

Зина съ какой-то торопливой, смущенной улыбкой надѣвала свое платье: руки ея дрожали; на щекахъ то вспыхивалъ, то погасалъ яркій румянецъ....

— Слышишь, носи корсетъ каждый день! приказывала мать. Варвара, подавай Зинаидѣ Павловнѣ корсетъ каждый день; я ей выправлю талью....

Варвара, вмѣсто отвѣта, глубоко и значительно вздохнула.

Никто не замѣтилъ ея вздоха; одна Зина украдкой взглянула на суровое, неподвижное лицо, показавшееся ей какимъ-то злорадно насмѣшливымъ и неумолимымъ... Она обмерла. Въ глазахъ у нея потемнѣло, ноги подломились; — ей вдругъ представился, въ лицѣ старой няньки, отвратительный паукъ, вытягивающій свои тонкія лапы и готовый съ наслажденіемъ запустить ихъ въ свою жертву.... Въ головѣ у Зины все перевернулось вверхъ дномъ: ей представилось, что будто вся комната наполнилась пауками и будто всѣ они протянулись къ ней и окутали сѣрой паутиной и лицо, и руки, и грудь, и талью.... Глаза ея полузакрылись невольно и она поблѣднѣла такъ, что Марья Петровна вскричала:

— Ахъ! да что же это съ ней?... Она падаетъ!

Но Зина удержалась, опомнилась и съ страшнымъ усиліемъ воли проговорила безпечно:

— Ахъ! Я такъ угорѣла.... Да и не я одна! Вѣдь нынче первый разъ топили...

— Оттого что все сидишь у печки! накинулась на нее мать.

Зина повернулась, чтобъ идти въ дверь.

— «Боже мой! Да зачѣмъ же Варвара вздыхаетъ»! говорила она мысленно, прислушиваясь къ ей одной слышнымъ вздохамъ няньки: — «зачѣмъ, зачѣмъ она вздыхаетъ?»

Воображеніе Зины было постоянно напряжено горькими и безотрадными мыслями, оно было уже ненормально, странно настроено: отъ горя разсудокъ ея мутился; она часто видѣла на яву видѣнія, слышала голоса, чувствовала, что за плечами

ея будто кто-то стоитъ; — воспоминанія прошлаго въ цѣлыхъ картинахъ такъ живо проходили въ ея глазахъ, что она часто забывалась, готовая принять ихъ за дѣйствительность; постоянно преданная въ жертву самыхъ печальныхъ и отчаянныхъ мыслей, она, несмотря на свое желаніе, часто не могла прервать или измѣнить потокъ и направленіе этихъ мыслей, и эта мозговая, безполезная работа разстроивала и искажала въ конецъ ея доселѣ гармоническій и ясный умъ....

ГЛАВА V.

Первый человѣкъ, котораго Снѣжины встрѣтили, переодѣвшись и вышедши въ залу наумовскаго дома — былъ Бобровъ. Онъ поспѣшилъ прибыть съ сестрою, чтобъ узнать какъ идутъ дѣла, и лично осмотрѣть товаръ, который ему требовался.

Марья Петровна чрезвычайно обрадовалась, и тотчасъ же завладѣла имъ и его сестрою, въ надеждѣ въ тотъ же вечеръ обдѣлать все дѣло, и пустивъ въ ходъ неожиданность и огласку, заставить Зину согласиться на предполагаемый бракъ. Въ этомъ случаѣ она дѣйствовала со страстью, руководясь главнымъ образомъ чувствомъ вѣчной и неустанной борьбы противъ самобытности и оригинальности Зины. Ей хотѣлось имѣть наслажденіе сказать ей разъ въ жизни: — «Что-де, молъ, много взяла? кончила какъ и всѣ!...»

Къ вечеру начались танцы. Пары кружились до упаду; Зина, въ бѣломъ платьѣ, съ легкой кружевной пелеринкой на плечахъ, должна была быть изъ первыхъ, танцовать съ увлеченіемъ, съ улыбкой на губахъ, переходить изъ рукъ въ руки, не смѣя отговориться ни усталостью, ни болѣзнью... Но урвавшись изъ бальной залы, она въ полномъ изнеможеніи упала на диванъ въ маленькой гостинной, гдѣ никого не было въ эту минуту, и блѣдная, едва переводя духъ, схватившись рукою за грудь, осиливала непривычныя, нежданныя и невѣдомыя страданія... — «Что̀ это со мною, Господи Боже мой!» въ ужасѣ твердила она: — «вѣдь я не падала, не ушибалась, что̀ же это такое?... Какъ тѣсно, какъ душно!... Я точно въ оковахъ, точно въ тюрьмѣ!...» Отъ напора дыханія лопнуло два крючка вверху ея лифа: Зина поспѣшила разстегнуть еще крючекъ и воскресла: стѣсненная грудь вздохнула свободнѣе, тѣломъ овладѣла пріятная истома отдохновенія, и нѣсколько минутъ она, несмотря на нравственную пытку и страданія, — испытала блаженное и неизъяснимое ощущеніе.... Въ эту минуту къ ней подходилъ Ахматовъ.

— Куда это вы удалились, Зинаида Павловна?... заиграли вальсъ; я искалъ, искалъ васъ!... Пойдемте!

— Не могу, вымолвила Зина, натягивая пелеринку и скрывая по возможности безпорядокъ одежды:—платье изорвала, иду зашивать...

Она скользнула въ корридоръ, потомъ въ спальню, гдѣ двѣ или три барышни заняты были стягиваніемъ, для танцевъ, своихъ и безъ того уже тонкихъ талій... Зина нарочно медлила исправленіемъ своего туалета, чтобъ отдохнуть и избавиться отъ танцевъ.

— Зина! сейчасъ заиграютъ мазурку, мама велѣла тебя насильно тащить въ залу, если ты охотой не пойдешь! объявила Надя, являясь на порогѣ комнаты.

— Ты танцуешь, танцуешь? посыпались на вошедшую вопросы подругъ... Съ кѣмъ?

— Я?... Мазурку съ Соболевымъ; седьмую кадриль съ Д*, восьмую съ Ф*, lancier съ Б. и гросъ-фатеръ съ И*; — пересчитывала Надя съ важностью.

— А Гусевъ съ кѣмъ?... А Ахматовъ?

— Не имѣла нужды освѣдомляться! гордо отвѣтила Надя.

Мазурку Ахматовъ танцовалъ именно съ Зиной, возбудивъ при этомъ много желчи въ женскомъ поколѣніи...

Молодой докторъ былъ всегда внимателенъ къ Зинѣ; онъ былъ съ ней коротокъ, въ былое время, какъ съ ребенкомъ; она въ ту пору сама всегда платила ему дѣтскою довѣрчивостью,— и все это не угасло безслѣдно въ душѣ доктора, а сохранялось въ ней дорогимъ и свѣтлымъ воспоминаніемъ... Гулъ о сватовствѣ Боброва и предполагаемой свадьбѣ его съ Зиной,—расшевелилъ, раздулъ въ немъ спокойно тлѣющія искры. Желаніе лично разъяснить слухи и какое-то безпокойное, ревнивое чувство громко и вдругъ заговорило въ немъ. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета;—но достовѣрно то, что, пригласивъ Зину на мазурку и усѣвшись въ дальній уголокъ, онъ былъ въ волненіи и пристально смотрѣлъ на нее, подбирая въ умѣ слова и рѣчи для предстоящаго разговора...

Она была блѣдна той томительной, матовой блѣдностью, которую набрасываетъ непрошеная усталость на молодыя и свѣжія лица: эта блѣдность, рѣдкая гостья на лицѣ Зины, облекала ее тихою прелестью и какимъ-то ореоломъ смиренія и кротости.

— Зинаида Павловна, началъ Ахматовъ: — что думать объ этихъ слухахъ о Бобровѣ и о васъ?... Я въ этомъ случаѣ Ѳома невѣрующій, продолжалъ онъ шутя и съ невольною нѣжностью смотря на Зину.

— Вы правы! отвѣтила она искренно:—этого никогда не слу-
ится;—вѣдь не поведутъ же меня насильно въ церковь, — да
ать этого и не хочетъ; она просто желаетъ потѣшиться, пораз-
юобразить чѣмъ-нибудь свою жизнь...

— Но вамъ-то эта потѣха можетъ дорого стоить!...

— Мнѣ? произнесла Зина съ такой горькой нотой въ голосѣ,
то Ахматовъ встрепенулся:—я знаю одно, что этого никогда,
икогда *не можетъ* случиться, — значитъ, я и не безпокоюсь
ного... Притомъ же, продолжала она, невольно увлекаясь жела-
іемъ хоть сколько-нибудь подѣлиться горемъ, снѣдающимъ всю
я одинокую жизнь: — притомъ, Иванъ Николаевичъ, мнѣ такъ
ного приходится думать о своей судьбѣ и переживать такія горькія
инуты, что все остальное кажется такъ мелко, такъ ничтожно,
акъ далеко отъ меня...

— У васъ есть горе!... Это, впрочемъ, видно, замѣтилъ онъ
) вниманіемъ.

Зина тотчасъ же оробѣла: тонъ ея сдѣлался какъ-то сдер-
анъ, шутливъ; но Ахматова трудно было остановить и успо-
оить: любопытство, участіе, неясная, безсознательная мысль,
ю любовь, можетъ быть, снѣдаетъ ея молодую жизнь... И къ
му?... Не къ нему ли?... Что же тутъ невѣроятнаго?... Такъ
ного странныхъ признаковъ, намековъ?

Вся эта фантасмагорія носилась въ головѣ доктора; онъ до-
вался тайны Зины, пыталъ ее, былъ нѣженъ, смотрѣлъ на
е пристально,—не замѣчалъ ничего окружающаго, путалъ фи-
ры... Она всячески отвлекала мысль его отъ настоящей при-
ины своего горя и разговоръ, становясь все темнѣе, запутан-
е и отвлеченнѣе, началъ раздражать ихъ обоихъ сильнѣе и
льнѣе...

Къ концу мазурки, всѣ глаза въ залѣ устремились на эту
линившуюся пару, и ропотъ сплетень начиналъ проноситься
) дому.

Одна Марья Петровна упивалась устройствомъ капкана, ко-
рый она готовила въ этотъ вечеръ, въ концѣ ужина, Зинѣ,
ловившись впередъ съ хозяиномъ дома.

— Ужинать! милости просимъ! Садитесь, пожалуйста! гово-
ли хозяева, приглашая гостей къ ужину.

Были накрыты два стола, большой и маленькой... За ма-
нькой столъ отхлынула молодежь; Надя же предпочла мѣсто
оло матери, дѣлая знаки Зинѣ послѣдовать ея примѣру, но та,
) просьбѣ Ахматова и по собственному побужденію усѣлась за
ленькій, гдѣ старшихъ было меньше... Все шло своимъ че-
домъ: слышались чинные разговоры во всеуслышаніе и не-

скромный шопотъ на ухо другъ другу какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; раздавались по временамъ взрывы хохота, плоскія шутки, слова безъ смысла и значенія, споръ для спора и смѣхъ для смѣха, совершенно такъ, зря, чтобы чѣмъ-нибудь убить время и занять праздные языки и головы...

Одинъ Ахматовъ очутился вдругъ въ совершенно новой и непривычной для него сферѣ разговора: Зина разсказывала ему объ устройствѣ завода и о своей прошедшей жизни и дѣятельности тамъ, въ Липовкѣ, подъ руководствомъ и при содѣйствіи Невѣрова, и присоединяла къ этому свои взгляды и убѣжденія, вынесенныя ею изъ этой жизни и дѣятельности.... Ахматовъ жадно откликнулся на ея рѣчи, и забывъ обо всемъ окружающемъ, упивался давно неиспытаннымъ наслажденіемъ симпатичной бесѣды; глаза его горѣли; лицо сіяло одушевленіемъ; трудно было узнать въ немъ прежняго молчаливаго и вялаго доктора...

Вдругъ, въ концѣ ужина полетѣла къ потолку пробка изъ бутылки шампанскаго, налили всѣмъ бокалы и хозяинъ дома, вставъ, громко провозгласилъ тостъ:

— Здоровье жениха и невѣсты!

Все заволновалось, зашумѣло; поднялся Бобровъ, сестра его поднялась и Марья Петровна, раздался гулъ поздравленій, и вдругъ все это двинулось, направилось къ Зинѣ... Она сначала ничего не могла понять: оба они съ Ахматовымъ сидѣли совсѣмъ ошеломленные. Наконецъ, когда Боброва вытолкнули къ ней съ бокаломъ,—она сразу поняла въ чемъ дѣло и взрывъ негодованія, поднявшійся въ душѣ, залилъ все ея лицо краской; — въ первый разъ она забыла все; выпрямилась, встала, подошла прямо къ Боброву, и сказала ему твердо и спокойно:

— Я за васъ замужъ не пойду!...

Потомъ Зина обратилась къ матери съ словами:

— Это — комедія!

Марья Петровна никакъ не ожидала отъ Зины такой выходки: она разсчитывала на сцену, но дома, наединѣ... А наединѣ, она навѣрное бы восторжествовала. Теперь же, она растерялась и съ трудомъ собирала свои мысли...

Общество было чрезвычайно довольно скандаломъ... Шопотъ и хохотъ раздавались довольно безцеремонно.

Ахматовъ, во время этой сцены, быстро перебиралъ въ умѣ средства вывести Зину изъ отчаяннаго положенія и вмѣстѣ наказать всѣхъ за преждевременное торжество... У него было на то одно средство, и намѣреніе пустить въ ходъ это средство быстро зрѣло въ его умѣ... Онъ при всѣхъ подошелъ къ Зинѣ,

и наклонившись къ ней, сказалъ однако такъ, что всѣ его слышали:

— Зинаида Павловна, мнѣ надобно послѣ переговорить съ вами наединѣ!

И всѣ слышали также отвѣтъ Зины, произнесенный серьезно, безъ малѣйшаго колебанія:

— «Не надо!... нельзя!... не хочу!...»

ГЛАВА VI.

Дома Зину ожидала записка отъ Невѣрова:

«Зиночка, не обращай вниманія на письмо, которое я посылаю съ моимъ вѣрнымъ Архипомъ къ твоей матери. Третьяго дня у Саши родился сынъ. Я не пишу ей объ этомъ, чтобъ она не пріѣхала сюда сама. Черезъ недѣлю я буду у васъ въ Марьинѣ. Мнѣ удалось наконецъ найти арендатора. Я сдаю все на аренду: луга, землю, домъ, садъ и заводъ, только бы получить какъ можно больше денегъ. Остается закрѣпить все это формальнымъ порядкомъ, и тогда, въ Москву, Зина!...»

Зина читала и перечитывала эту записку; снова въ ней закопошилась надежда на что-то; скандалъ у Наумовыхъ остался скандаломъ: Марьѣ Петровнѣ было не до Зины, она получила письмо отъ генерала, который объявилъ, что онъ ѣдетъ съ музыкантами, шаферами, гостями и родными въ Марьино справить свадьбу и желаетъ видѣть свою невѣсту въ вокзалѣ желѣзной дороги.

Зина была оставлена дома, для приведенія въ порядокъ всего хозяйства и для приготовленія къ принятію гостей. Къ концу дня она легла въ диванной отдохнуть и радовалась, что она наконецъ одна, свободна, и можетъ хоть часъ провести безъ постоянной, томительной лжи...

Ей было хорошо. Ей казалось, что она уже была близка къ пристани,—еще немного потерпѣть,—а тамъ, Москва...

— Что же это такое, онъ не ѣдетъ?... думалось ей съ тоской. Неужели и сегодня онъ не пріѣдетъ?

Изъ окна ея комнаты было видно, какъ вилась лентой черная, мѣстами, точно сѣдиной, покрытая морознымъ инеемъ, дорога, и ни души не было видно на ней... Осенній, сумеречный свѣтъ проникалъ въ комнату. Глаза Зины съ напряженнымъ вниманіемъ устремились на дорогу, — потомъ стали задумчивы, опустились... Она притихла, погрузившись въ свой внутренній міръ.

Вдругъ дверь скрипнула и отворилась. На порогѣ показалась старуха нянька Варвара, въ бѣломъ чепчикѣ, въ черномъ фартукѣ, суровая, съ сомкнутыми, какъ всегда, устами, съ хитростью и непріязнью въ глазахъ.

Она вошла, притворивъ за собой дверь, потомъ подошла къ другой двери и то же тщательно затворила ее...

У Зины такъ сердце и упало во время этихъ приготовленій; она почувствовала, что холодный потъ выступилъ на лбу, и ей нельзя ни бѣжать, ни пошевельнуться.

Варвара торопливо подошла къ Зинѣ, крѣпко сжала губы и начала качать головой, не спуская съ нея глазъ.

— Что это ты, сударыня, надѣлала? выговорила она наконецъ, такимъ тономъ, отъ котораго у Зины затряслись колѣни.

— И душу и тѣло свое сгубила!... Старую няньку не обманешь!... Я, какъ ты пріѣхала, тебя сейчасъ замѣтила...

Зина была блѣднѣе мертвеца и зубы ея колотились какъ въ лихорадкѣ.

— Мнѣ ужъ и Маланья намедни говоритъ:—«Варвара Ѳедоровна, наша-то барышня!» Я говорю:—молчи, не вступайся!... Не наше дѣло! У нея мать есть, родные! Ну да развѣ закажешь говорить-то?... Чужой ротъ не огородъ... Что же ты ни словечка не проронишь, Зинаида Павловна?...

Она видимо ждала отъ Зины словечка, но та молчала, какъ приговоренная къ смерти.

— Мало ли бѣдъ бываетъ на свѣтѣ, да кабы добрые люди не выручали и жить бы нельзя было, продолжала нянька, таинственно понизивъ голосъ.—Теперь благо еще никто не знаетъ! Все можно... Только бы деньги были... А ужъ я трудовъ не пожалѣю, тебѣ это дѣльцо обдѣлаю!...

Ужасно было въ эту минуту на душѣ у Зины!... Ее словно погружали въ топкую, гнилую грязь; у нея захватывало дыханіе отъ смрада, стыда, отчаянія, въ которое повергали ее слова старой няньки... Какъ!... ея тайна, — на устахъ у прислуги, — на устахъ у женщины, которая нахально роется въ тайникѣ ея души...

— Давно бы сказала мнѣ, продолжала назидательно Варвара, я бы тебя всему научила;—ихняго брата, мужчину, щадить нечего; ну, да теперь мы поправимся!... только бы деньжонки водились!.. Хе, хе, хе!..

Нянька давно уже рѣшилась молчать и наблюдать стороной; опасно было вмѣшиваться и говорить матери о своихъ подозрѣніяхъ; кто ихъ тамъ знаетъ, господскія дѣла!

— Мы и бракъ можемъ состроить, заговорила она уже совершенно медовымъ голосомъ:—ты, можетъ быть, сударыня, боишься замужъ, этакъ, итить?.... ничего! обойдется.... Оно вѣдь только одинъ разъ проморгать, — а тамъ ужъ какъ съ гуся вода!.. Дастъ полюбовникъ приданое хорошее, такъ я тебѣ такого муженька найду, что пальчики оближешь!.. Хоть бы тотъ же Бобровъ, али вотъ землемѣръ еще,—и слова не скажутъ!.. Хочешь, няня высватаетъ?

Зина, за этимъ потокомъ грязи, не находила сначала ни одного слова въ отвѣтъ. Наконецъ, она опомнилась и растегнула поясъ. Нянька видѣла только, какъ она вынула изъ пояса, не глядя, пачку ассигнацій и подала ей, пробормотавъ сквозь стиснутые зубы:

— Молчи до тѣхъ поръ, пока мы не поѣдемъ въ Москву!

Потомъ она подошла къ двери, толкнула ее плечомъ и исчезла.

— Гордянка! прошипѣла ей нянька вслѣдъ и подошла къ окну разсмотрѣть деньги.

— Двадцать пять рублей... только!.. Нѣтъ!.. тутъ тысячами пахнетъ... Эка невидаль, двадцать пять рублей! Ну, матушка, мы еще съ тобой поторгуемся!..

Зина, между тѣмъ, безсознательно пробиралась по анфиладѣ комнатъ и, кутаясь въ бурнусъ, вошла въ сѣни и стала подъ рѣзкими порывами осенняго вѣтра, на ступеняхъ крыльца. Щеки ея пылали, глаза блуждали безъ цѣли, не останавливаясь ни на чемъ...

— «Что же теперь остается дѣлать?...»

Вотъ одинъ непрерывный, неотступный вопросъ, стоящій передъ нею.

— «Надо же на что-нибудь рѣшиться!.. Вотъ что... Подождать, подождать дня два, да хоть пѣшкомъ, но уйти, ночью... въ темнотѣ уйти, когда всѣ спать будутъ!..»

Зина рѣшительно сбѣжала со ступеней и попробовала ногами мерзлую землю. Она едва могла сдѣлать нѣсколько шаговъ, поскользнулась на гололедицѣ, чуть не упала и опять воротилась на крыльцо...

Проскользнувъ неслышно въ свою комнату, она раздѣлась и легла. Ложась, она слышала шорохъ около двери: это была Варвара; — она слѣдила за своей жертвой и караулила ее, подозрѣвая въ ней покушенія на свободу.

Половину ночи Зина не спала. Наконецъ, она погрузилась въ тяжелый, непробудный, давящій сонъ... Варвара подкралась

осмотрѣть ее ночью. Губы Зины пересохли, щеки ввалились, лицо выражало страданіе.

— За одну ночь какъ перепала! выговорила она и неслышно вышла изъ комнаты...

ГЛАВА VII.

На другое утро въ Снѣжинскую залу ввалился, веселый донельзя, женихъ-генералъ подъ руку съ Надей и матерью, которая, съ угрюмымъ видомъ и едва сдерживаясь отъ раздраженія, переносила развязныя манеры генерала... За этой группою слѣдовали два офицера, въ новенькихъ мундирахъ, очевидно приглашенные для танцевъ, потомъ сестра генерала,—богатая старуха-вдова, которой оказывался всѣми родными особый почетъ въ видахъ будущаго наслѣдства,—ея компаньонка, старая дѣва, и еще нѣсколько гостей обоего пола, родныхъ и знакомыхъ жениха... Все это хлынуло въ домъ, озябшее и голодное и начало дѣлать опустошенія въ буфетѣ и на кухнѣ.

Безпрестанно слышались требованія самовара и завтрака, водки и пирога, соленыхъ огурцовъ и варенья,—и все это обрушивалось на терпѣливыя и выносливыя плечи Зины... Но она рада была всему этому; она рада была исчезать изъ глазъ и не сидѣть съ гостями, которыхъ совсѣмъ не желала видѣть. Надя, по праву невѣсты, ни къ чему не хотѣла приступиться и только кричала на всѣхъ, что не скоро подаютъ и не въ одну секунду исполняютъ ея приказанія... Марья Петровна, измученная въ конецъ всѣмъ, что происходило въ вокзалѣ и въ гостинницѣ желѣзной дороги, расходами, произведенными на ея счетъ, наглыми требованіями жениха, который велъ себя какъ наемный рекрутъ, не щадящій хозяйскаго добра — рвалась и металась. Свадьба должна была быть черезъ три дня; къ тому времени еще подъѣдетъ Гриша съ партіей офицеровъ и музыкой для свадебнаго бала: — вездѣ надо деньги, деньги и деньги!

Она, какъ угорѣлая, послала гонцовъ къ купцамъ запродать еще необмолоченный хлѣбъ — скирдами, какъ стоитъ на гумнѣ, за безцѣнокъ, лишь бы деньги впередъ!

— Господи, вездѣ-то я одна! хваталась она въ отчаяніи за волосы: — дѣтямъ и горя мало!.. Надя! ловила она въ дверяхъ будущую невѣсту: — ты знаешь, что я хлѣбъ послала продать за безцѣнокъ? Чувствуешь ты, понимаешь, чтò твоя свадьба мнѣ стòитъ?..

— Я чувствую и понимаю только вотъ чтò, нагло отвѣтила

Надя, что выхожу замужъ и имѣю въ рукахъ дарственную запись отъ жениха на одно изъ его имѣній...

— Да вѣдь это только тебѣ!.... Мнѣ изъ этого ничего не достанется!..

— А моя часть въ имѣньи? возразила Надя такимъ тономъ, который ясно говорилъ, что ариѳметика была ей хорошо извѣстна. И она выбѣжала, хлопнувъ дверью.

Марья Петровна въ отчаяніи накинулась на Зину.

— Ступай сейчасъ въ кухню, кричала она, и присмотри тамъ за всѣмъ... А потомъ приходи въ диванную и садись тамъ за пяльцы. Хоть до поздней ночи проработай, а кончи!

«Ни слова въ отвѣтъ ни промолвила»,—вдругъ подумалось ей, и странное чувство зашевелилось въ душѣ этой женщины... Ей блеснула, какъ въ панорамѣ, жизнь ея меньшой дочери: труды, лишенія, одиночество и травля съ утра до вечера!.... За что травля?..

Марья Петровна оглянулась кругомъ... Она припомнила все, что заставила ее выстрадать напрасно! Покорность, безотвѣтность и непоколебимая доброта, замѣченныя ею за послѣднее время въ поведеніи Зины—быстро перетянули вѣсы на сторону этой послѣдней и породили неясный, но чувствуемый укоръ въ впечатлительномъ сердцѣ ея матери. Впрочемъ, сознаніе вины для разнузданныхъ и совершенно распустившихъ себя людей — все равно, что мученіе рыбы безъ воды; они мечутся, тяжело дышатъ на сухомъ берегу, но тутъ же всѣми правдами и неправдами, хитростями и изворотами, стремятся прыгнуть въ родную стихію, въ стихію произвола.

ГЛАВА VIII.

Стемнѣло. Пасмурный октябрьскій день глядѣлъ изъ оконъ: гости и хозяева собрались въ диванной, большой угловой комнатѣ, любимомъ пристанищѣ семьи, и грѣлись у затопленнаго камина, ярко пылавшаго и освѣщавшаго всѣ закоулки комнаты. Женихъ потребовалъ, чтобъ диванъ выдвинули на середину комнаты, поближе къ камину, и дремалъ возлѣ невѣсты. Мать сидѣла тутъ же, для соблюденія приличій, и занималась вязаніемъ чулка. Сестра генерала, сидя прямо на широкой и низкой козеткѣ, разсказывала одинъ анекдотъ за другимъ, на тему о частомъ разстройствѣ свадебъ почти наканунѣ брака. Два помѣщика и офицеры, прекративъ игру въ шашки по случаю тем-

ноты, то же соблазнились ея примѣромъ, и всѣ начали разсказывать другъ другу анекдоты на перебой.

— Нѣтъ, вотъ я вамъ разскажу, вы умрете со смѣху, порывался одинъ.

— Позвольте, ваша рѣчь впереди... Я еще не кончилъ!

— Да вы послушайте, вѣдь это недавно было!..

Говорившій былъ будущій шаферъ невѣсты и крестникъ жениха.

— Молчи ты! хрипло крикнулъ на него крестный... Я самъ разскажу.

— Подите-ка сюда, Иванъ Павловичъ.

Порядокъ водворился. Генералъ, охая и кряхтя, поднялся и началъ откашливаться. Но его пересохшій языкъ плохо повиновался ему...:

Въ эту самую минуту, почти у самаго крыльца, звякнулъ колокольчикъ, послышался грохотъ экипажа по замерзлой землѣ и покрикиванье кучера.

— Кто-то пріѣхалъ! сказали присутствующіе.

Зина знала ктȯ. Но она не могла тронуться съ мѣста. Сердце ея судорожно билось и волненіе совсѣмъ захватило ей духъ... Ей казалось, что она плаваетъ по воздуху и земля уходитъ изъ-подъ ея ногъ. Въ комнатахъ послышалось хлопанье дверей, шаги, визгъ ребенка, и прежде чѣмъ мать успѣла довязать спичку и встать съ дивана, дверь внезапно отворилась и въ комнату почти вбѣжала Саша Невѣрова, разстроенная, въ безпорядочно измятой одеждѣ, и какъ была, съ ребенкомъ на рукахъ, бросилась къ матери, плача, рыдая и бормоча какія-то несвязныя восклицанія.

Мать совершенно растерялась, думая, что дочь ея сошла съ ума, и никто не понималъ въ чемъ дѣло.

— Да чтȯ ты?.. Чтȯ съ тобою сдѣлалось?.. Уложите ее на диванъ!.. Охъ, что это еще случилось?..

— Несчастіе! вопила Саша:—мы сгорѣли! совсѣмъ сгорѣли! все сгорѣло!.. И домъ, и оба завода! Все сгорѣло... Недѣлю назадъ... Выѣхать не знали съ чѣмъ!.. Нищіе мы... нищіе!..

— Боже мой! А Андрей Петровичъ?

— Онъ расплачивается съ ямщикомъ! уже спокойно продолжала Саша, располагаясь на диванѣ и укладывая ребенка къ себѣ на колѣни.

Всѣ обступили ее, пораженные новостью.

— Ты родила?.... Когда? воскликнула мать, овладѣвъ внучкомъ.

— Каково же мнѣ было черезъ двѣ недѣли-то послѣ ро-

довъ этакое несчастіе пережить! слезливо начала Саша:—впрочемъ, я знала, что этимъ кончится!.. Потому, какъ же не поджечь послѣ всѣхъ пассажей моего муженька!

— Ничего не осталось?.... съ покорнымъ ужасомъ спрашивали всѣ.

— Ничего! съ унылою увѣренностью отвѣчала Саша.

Настала минутная тишина. Среди этой тишины раздались вдругъ два, три взрыда... не больше... но ихъ печальный звукъ болѣзненно потрясъ всѣхъ... Несмотря на всѣ усилія надъ собою, на всю обычную сдержанность Зины эти звуки вырвались изъ стѣсненной ея груди, вырвались—и замолкли, будто подавленные, словно убитые въ зародышѣ... Она стала, прислонясь къ косяку двери, не понимая, что творилось съ нею. Въ ней начиналось что-то странное; какое-то блужданіе мыслей, какая-то временная потеря сознанія; она не могла ни сообразить, ни измѣрить всего глубокаго, внезапно поразившаго ее несчастія. Отъ всеобщаго вниманія ее спасъ новый пріѣздъ — Гриши съ четырьмя офицерами. Зина незамѣтно ускользнула въ корридоръ и скрылась къ себѣ въ комнату.

Организмъ ея не выдержалъ; сила воли не помогала; у нея начались рыданія, глухія, беззвучныя, которыя съ силою поднимали всю ея внутренность. Она не могла остановить ихъ; это было что-то болѣзненное, непроизвольное, чего она никогда не испытывала; напрасно она кусала подушку: спазмодическія поднятія груди ея не прекращались; они овладѣли ею со всею силою припадка...

— Вотъ сюда, вотъ сюда, послышались голоса въ корридорѣ, и Зина замерла отъ страха на постели.

Мать вела Сашу отдохнуть въ свою комнату, сосѣднюю съ комнатою Зины и Нади. Послышались легкіе стоны, кряхтѣнье, скрипѣнье постели, передвиганье мебели. Сашу укладывали на пуховикъ; съ нею была мать, нянька и горничная... Двери были полуоткрыты и до Зины долетало каждое слово.

— Ты не хочешь ли покушать? слышался озабоченный голосъ матери.

— Да! я поужинаю съ вами.

— Ну, теперь ты у насъ отдохнешь!.. продолжала мать:—я тебѣ уступлю свою постель, ребенка мы въ дѣтскую,—домъ у насъ большой — всѣ размѣстимся!.. Андрей Петровичъ теперь вѣрно начнетъ хлопотать о постройкѣ новаго дома... Какъ жаль, что поѣздка-то въ Москву разстроится: мои финансы плохи; ваши теперь еще плоше... А какъ подумаешь, кто виноватъ?.. Самъ!..

во всемъ самъ виноватъ!.. Говорила я: не доведутъ до добра эти новые порядки!... Вотъ и подожгли! И вышла моя правда!

— Ну, будетъ объ этомъ! капризно перебила Саша:—позови сюда кормилицу съ ребенкомъ; я при себѣ хочу сдѣлать ему ванну,—я ужъ такъ привыкла дома лежать и смотрѣть какъ его моютъ!..

— Сейчасъ, сейчасъ! захлопотала мать.—Агаѳья, Дуняша! подите, пошлите сюда Зинаиду Павловну; скажите ей, чтобъ ванну для ребенка готовить пришла; чтобъ и бѣлья, и мыла, и полотенецъ, всего бы достала... Все у нея; ключи я ей сама нынче отъ всего отдала!..

— Слушаю-съ! Да ихъ въ гостинной нѣту; не вышли ли куда?

— Она вѣрно на кухнѣ!.. Бѣги за ней скорѣе... Да пойду и я сама.

— Мнѣ котлету горячую..... прокричала Саша вслѣдъ удалявшейся горничной. Зина слышала все до послѣдняго слова и привстала съ своей постели; но она въ то же мгновеніе опять опустилась на кровать, пораженная страшнымъ недугомъ.

Волосы встали дыбомъ на ея головѣ; она растерялась;—не хотѣла вѣрить; глаза ея блуждали, руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ...

Подойдя къ коммоду, она выдвинула ящики, выгрузила оттуда все, что тамъ было, торопливо искала чего-то, опять бросала поиски, прислушиваясь къ тому, что происходило въ домѣ, прислушиваясь къ тому, что происходило въ ней самой. Она опять торопливо схватывала все, что ей попадалось подъ руку, комкала, роняла, прятала, и вдругъ замирала неподвижно, чувствуя себя снова во власти невѣдомой, недремлющей силы...

Шаги въ корридорѣ, хлопанье дверей раздавались все громче и громче, ближе и ближе...

— Скажите пожалуйста, гдѣ Зинаида Павловна? слышался голосъ матери:—что она, больна что ли?..

Зина хочетъ бѣжать, безумно обнадеживая себя, что это простое колотье;—но шаги ея связаны,—она чувствуетъ, что не можетъ идти...

— Боже мой!.. да неужели это правда, прошептала она съ отчаяніемъ.

Она распахнула дверь своей комнаты и очутилась въ освѣщенномъ корридорѣ. Ни души.

Она осторожно заглянула въ залу: тамъ и сямъ мелькали лица, раздавались голоса, звяканье тарелокъ, ножей и вилокъ. Готовили закуску. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ и дамъ ходило

по залѣ, но Невѣрова не было между ними. Мать сновала около стола съ закуской, смотря на приготовленія и безпрестанно ворча на прислугу. Она будто ждала кого-то, смотря въ ту дверь, за которой пряталась Зина.

— «Гдѣ же можетъ быть Андрей Петровичъ?» съ возрастающимъ ужасомъ спрашивала себя Зина... Ей пришлось бы пройти черезъ всю залу, чтобы отыскать его въ кабинетѣ или въ диванной, но она медлила, стараясь привести въ порядокъ черты лица и унять дрожь, пробѣгавшую по всѣмъ ея членамъ... Страданія ея въ эту минуту возобновились, и она принуждена была опереться о притолку двери, кусая губы до крови.

Вдругъ мать направила шаги къ этой двери. Зина, ни жива ни мертва, притаилась тутъ же, въ темномъ углу.

— Ну что, ушли они въ баню? спросила мать у горничной, спѣшившей съ грудой тарелокъ изъ буфета.

— Ушли-съ! отвѣтила та; Андрей Петровичъ прислали за мыломъ!

— Спроси у Зинаиды Павловны... Да самоваръ чтобъ былъ готовъ: онъ всегда послѣ бани чай пьетъ!

Зина не вѣрила своимъ ушамъ...

— Кстати, быстро опять спросила мать: — нашли Зинаиду Павловну?

— Нѣтъ-съ; ихъ нигдѣ нѣтъ! послышался отвѣтъ.

— Что же это такое? уже тревожно замѣтила мать — куда она могла дѣваться?.. Да гдѣ Варвара?

— Варвара, ты видѣла Зинаиду Павловну? обратилась къ ней Марья Петровна вполголоса.

— Видѣла-съ! онѣ лежали на своей постели и навзрыдъ о чемъ-то плакали...

— Что же это такое?.. Больна что ли она?

— О, о, охъ, охъ, охъ! вмѣсто отвѣта вымолвила нянька и замотала головой. Голосъ ея былъ такъ таинственъ, что Марья Петровна не на шутку перетревожилась.

— Варвара, ты что-то знаешь, говори, что сдѣлалось съ Зиной?

— Какъ говорить-то? Служила я вамъ вѣрой и правдой тридцать лѣтъ, не робѣла, а теперь робость одолѣла... Не скажу!.. Сами догадаетесь!

Марья Петровна, трясясь всѣмъ тѣломъ, втащила Варвару въ одну изъ комнатъ, выходящихъ въ корридоръ и дверь захлопнулась за ними обѣими...

Зина поняла, что для нея все кончилось. Мысль о смерти, давно зрѣвшая въ ея головѣ, явилась теперь у ней съ непре-

одолимою, несокрушимою силой и завладѣла всѣмъ ея существомъ...

Поспѣшными и рѣшительными шагами она бросилась въ комнату матери, вынула изъ кармана ключи, подошла къ шкапу, гдѣ хранились лекарства и достала пакетъ. На столѣ стоялъ стаканъ и графинъ съ водою; комната освѣщалась лампадкою... Саша уснула на материной постели, кормилица сидѣла у ея ногъ и кормила грудью ребенка; движенія Зины были такъ безззвучны, обдуманны, рѣшительны, что никто не обратилъ на нее особеннаго вниманія.

Она налила воды въ стаканъ, всыпала туда мышьяку изъ пакета,—потомъ размѣшала ложечкой и—выпила.

Кормилица, незнакомая женщина, равнодушно смотрѣла на все это и даже нѣсколько разъ въ это время зѣвнула, крестя ротъ. Какая-то радость какъ будто пробѣжала по всему организму Зины. Кончено!.. ея больше нѣтъ: сзади нея пропасть и никакая погоня не возможна! А тутъ опять мучительная мысль: а что́, если она не успѣетъ умереть во́ время, когда нужно!..

Зина прислушивалась къ своей внутренней жизни:—ничего!.. Она съ ужасомъ взглянула на пакетъ; ядъ ли это? нѣтъ! глаза не обманываютъ ее: надпись ясная.

Но черезъ нѣсколько минутъ злая тоска и небывалый холодъ ясно показали ей, что она не ошиблась, что начиналось что-то ужасное... Она услышала опять шаги матери, и, выбѣжавъ изъ корридора, быстро обошла кругомъ домъ и вернулась въ диванную, гдѣ никого не было. Силы покидали ее: холодный потъ выступилъ на вискахъ; щеки покрылись смертною блѣдностью; что́-то съ невыразимою силою поднималось все выше и выше...

Зина не знала мѣры: она думала сдѣлать лучше, выпивъ больше, и ошиблась.

ГЛАВА IX.

Марья Петровна, запершись между тѣмъ съ Варварой, выслушивала донесенія старой няньки, которая разсчитывала продать матери свое молчаніе подороже и потому не вдругъ высказала ей свои подозрѣнія насчетъ Зины.

У Марьи Петровны вся кровь бросилась въ голову при словахъ няньки: это извѣстіе было для нея чудовищно; она ему не повѣрила.

— Ты врешь, врешь! Это подлая клевета! запальчиво вскричала она, трясясь отъ гнѣва.

— Извольте спросить ихъ самихъ!.. Онѣ мнѣ сами повинились:—«не сказывай, говоритъ, няня, никому!..» Конечно, другая бы стала болтать и съ дворней, и съ прислугой, ну, я же никому ни полслова!.. А передъ вами, родной матерью, мнѣ ужъ грѣхъ и стыдно умолчать.

Въ душѣ Марьи Петровны Снѣжиной разыгрывалась буря. Она все больше и больше блѣднѣла и впивалась въ Варвару пристальнымъ, но тупымъ взглядомъ...

Какъ!.... Неужели это вѣрно..... въ ея собственномъ домѣ, подъ ея присмотромъ... ея собственная дочь...

И руки ея въ бѣшенствѣ сжимались въ кулаки.

— Напрасно вы, сударыня, такъ убиваетесь!—вкрадчиво замѣтила нянька:—все это дѣло можно обдѣлать за милую душу; и ни котъ, ни кошка не узнаютъ! Первымъ дѣломъ отпустить барышню со мной на богомолье... Э! съ деньгами, да съ умомъ все можно!..

— Съ кѣмъ это? процѣживала сквозь зубы Марья Петровна. Ну, да я вытяну у нея языкъ!...... Погоди, Зинаида Павловна, отольются тебѣ мои слезы!.... Воздамъ я тебѣ сторицею за все, что̀ ты заставила меня выстрадать..... Я ее вотъ какъ согну... вотъ какъ теперь согну!

Марья Петровна, задыхаясь, ломала при этомъ все, что̀ было на столѣ, сургучи, гребни, перья; обломки отлетали въ сторону, съ трескомъ падали на полъ, на окна, на стулья...

Эти эволюціи какъ будто успокоили Снѣжину.

— Я ее теперь выручу, проговорила она наконецъ:—ну да ужъ и поклонится она мнѣ; вотъ какъ! до самой земли поклонится!.. Захочу—прощу, захочу—въ монастырь на покаяніе отдамъ! Полная моя надъ ней теперь воля!

— Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость, извѣстное ужъ дѣло! произнесла нравоучительно Варвара.

— Послушай, перебила Марья Петровна; никому обо всемъ этомъ ни гугу!.... Я тебя озолочу!... Ты давно просила у меня кабакъ на аренду для зятя: онъ твой!

— Покорно благодарю-съ! Дайте ручку поцѣловать!

Варвара ловила руку Снѣжиной, внутренно радуясь своимъ искусно подведеннымъ и выиграннымъ маневрамъ.

— Позови ее теперь сюда..... или нѣтъ! Постой, я лучше сама... Я сама пойду, сама, сама!..

Она рванулась въ дверь, испытывая нервный трепетъ во

всемъ тѣлѣ. Ноздри ея раздувались; губы вздрагивали, едва она владѣла собой...

Вдругъ ее поразили крики, суматоха...

Люди забѣгали взадъ и впередъ; на лицахъ гостей написанъ былъ ужасъ, смятеніе...

— Что̀, что̀ случилось? внѣ себя спрашивала Марья Петровна.

— Зинаида Павловна...

— Ну, что Зинаида Павловна? Да говорите же?

— Отравилась!

Марья Петровна прижала обѣ руки къ груди, будто силясь удержать колотившееся въ ней сердце.

Она вбѣжала въ диванную, гдѣ, распростертая на рукахъ Невѣрова, лежала Зина. Лицо его было искажено ужасомъ и отчаяніемъ: онъ видѣлъ, какъ напрягались всѣ жилы больной, чувствовалъ, какъ она билась въ его рукахъ, словно ее обвивали и жалили тысячу змѣй.

— Откуда она взяла яду?.... Кто далъ ей яду?.... внѣ себя спрашивала мать.

— Вы!.. рѣзко бросилъ ей Невѣровъ отвѣтъ свой въ лицо.

Мать хотѣла что-то сказать, но зашаталась и безъ чувствъ повалилась на руки сына.

Но было не до нея: всѣ суетились около Зины, предлагая разныя лекарства, совѣты, наставленія..... Слабонервныя дамы изъ гостей убѣжали и заперлись по спальнямъ, остальныя совсѣмъ растерялись и смотрѣли какъ-то дико и испуганно; на всѣхъ лицахъ были слезы.... только сестра жениха сохраняла полное присутствіе духа, распоряжалась, посылая прислугу за разными домашними средствами, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстными, но которыя то же не скоро приходили въ голову.

— Доктора, доктора! кричалъ Невѣровъ, весь блѣдный и дрожа при видѣ конвульсій, которыя искажали молодое, посинѣвшее лицо, судорожно запрокинутое на его рукахъ.

— Доктора своимъ чередомъ!.. вступался генералъ:—да покуда-то ловите каждую минуту; надо помѣшать яду идти дальше; надо его выгонять....

— Не сложа же руки сидѣть! говорили всѣ:—тутъ надо всѣ средства употреблять...

— Скорѣе!.. чего-нибудь! молилъ Невѣровъ.

— Я самъ поѣду! кричалъ Гриша.

— Мои лошади къ вашимъ услугамъ! прибавилъ генералъ.

— Одну тройку въ городъ, за Ахматовымъ, другую въ уѣздъ за Броннеромъ, — третью въ Дубасово — къ заводскому подле-

карю, судорожно процѣживая слова, говорилъ Невѣровъ... скорѣе! скорѣе!

— Дорога-то дурна! не поскачешь!.... возразилъ одинъ изъ гостей.

— Ахъ, ступайте! торопилъ Невѣровъ, хватаясь за голову.

Гриша мигомъ выскочилъ въ переднюю. Черезъ десять минутъ послышался грохотъ перваго экипажа по замерзшей землѣ, потомъ другого, третьяго...

Принесли и парное молоко; но ничто не помогало.

Глаза Невѣрова сдѣлались сухи, безъ взгляда, совсѣмъ какъ у лунатика, лицо окаменѣло.

За дверью опять послышался голосъ матери, очнувшейся въ сосѣдней комнатѣ:

— Пустите, пустите! Дайте войти!

Невѣровъ самъ отворилъ ей дверь.

— Не безпокойте больную; сидите смирно! рѣзалъ онъ ее своимъ голосомъ, какъ ножомъ.

Она съ мольбой протянула ему руки.

— Сжальтесь! вы не то хотѣли сказать?... Не я ея убійца?... Нѣтъ? Нѣтъ? Не я?.. Не я?..

Она смотрѣла на него совершенно помѣшаннымъ взглядомъ; тѣло ея дрожало какъ въ лихорадкѣ; она пряталась отъ умирающей дочери, не смѣла выступить на средину комнаты, не смѣла сдѣлать шагу далѣе двери, куда ее впустили...

Невѣровъ быстро взглянулъ на Марью Петровну, подбѣжалъ къ ней и крѣпко сжалъ ея руку.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не вы! Простите! Объ этомъ послѣ! Спасемъ ее!.. вотъ главное! вотъ что нужно!...

Мать, рыдая, захлебнулась слезами и выбѣжала изъ комнаты....

Зина на этотъ разъ слышала крикъ матери, дико посмотрѣла на всѣхъ и остановила свой взглядъ на Невѣровѣ.

Невѣровъ понялъ и подбѣжалъ къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Она ничего не знаетъ, шепталъ онъ ей, она любитъ тебя... Прости ее, прости!..

— Все равно теперь!.. Не спасете...

Она приподнялась на локтѣ и снова упала въ конвульсіяхъ...

Къ полночи послышались бубенчики, стукъ экипажа... Гриша вбѣжалъ въ комнату, за нимъ подлекарь и докторъ.... Сейчасъ пріѣдетъ еще третій...

— Мы все привезли съ собой..... Еще есть надежда, говорилъ докторъ, осмотрѣвъ больную. За дѣло, за дѣло!..

Всю ночь никто не спалъ; всю ночь кипѣла суматоха и

движеніе около больной... Въ аптекѣ, въ которую заѣхалъ докторъ по пути своемъ изъ города, — нашелся, по счастью, свѣжій препаратъ водной окиси желѣза, и всѣ приступили къ противоядію съ трепещущей надеждой.

На разсвѣтѣ пріѣхалъ Броннеръ, уѣздный врачъ, за которымъ посылалъ Невѣровъ...

Ядъ былъ изгнанъ, но у смерти вырвали какихъ-нибудь двѣ три недѣли. Только на смертномъ одрѣ Зина увидѣла себя окруженною безграничнымъ самоотверженіемъ; несмотря на физическія страданія, она, согрѣтая участіемъ всѣхъ окружавшихъ, хотѣла жить, просила жить, надѣялась жить!

— О, какъ мнѣ хорошо! въ умиленіи повторяла она:—я хочу, хочу жить; сдѣлайте, докторъ, чтобъ я жила!

— Пусть хилая, хоть болѣзненная, но только бы жила! взывала мать, бѣгая по церквамъ, простаивая на колѣняхъ у образовъ, заказывая молебны, моля неотступно о жизни дочери.....

А дочь становилась все слабѣе и слабѣе, перестала наконецъ жаловаться на боль и не говорила больше о выздоровленіи....

ГЛАВА X.

Вечеръ. Въ гостиной наумовскаго дома ярко горятъ огни; тамъ гости и карточная игра. Барышни не играютъ, ходятъ по комнатѣ рука съ рукою, не находя никакого разговора и томясь безвыходною скукой....

— Что это, Глафиры Ивановны нѣтъ; гдѣ это Глафира Ивановна? спросилъ кто-то въ свободное отъ сдачи картъ время.

— Она у Снѣжиныхъ, отозвался другой.

— Дѣла-съ, дѣла-съ!.. повторилъ третій, при этомъ имени, намекая на истощенный сплетнями сюжетъ болѣзни Зины.

Въ эту минуту вошла, съ узелкомъ въ рукѣ, сама Глафира Ивановна, а за нею и хозяинъ, почуявшій новость.

— Ну, что, откуда васъ Богъ несетъ, драгоцѣнная наша Глафира Ивановна? обратились къ ней всѣ.

— Отъ Снѣжиныхъ... Зина скончалась сегодня въ три часа утра.

Всѣ нѣсколько помолчали, нѣкоторыя дамы перекрестились, потомъ вдругъ всѣ затараторили въ одинъ голосъ:

— Пора, пора, матушка! Сокрушила она вѣдь совсѣмъ домашнихъ-то!.. Ни дня, ни ночи не знали... Всѣ, какъ есть, извелись!..

— Ну подите, возразила Глафира Ивановна:—мать и слышать не хотѣла объ ея смерти,—и теперь такъ убивается, что не приведи Богъ!..

— А ей бы надо сказать, поучительно замѣтила одна старуха:—что объ этакихъ еще грѣхъ и плакать-то! Самоубійца,—и больше ничего!..

— Зачѣмъ пошла, то и нашла! безжалостно подтвердили другія.

— Я въ ней никогда проку не чаяла... замѣтила третья,—бывало, все говорю своимъ: Люба, Маша, подальше отъ нея....

— Ну, какъ хотите, а вѣдь все дочь, родное дѣтище!.. проговорила слезливо Глафира Ивановна.

— Да, сказалъ вдругъ одинъ изъ игроковъ, мѣстный франтъ, часто танцовавшій съ Зиной на балахъ:—значитъ теперь баста!.. Наша Зинаида Павловна покойница!.... Ну, я теперь слуга покорный! Я покойницъ до смерти не люблю...

— Чтò, когда хоронить-то ее будутъ? посыпались снова холодно-любопытные вопросы.

— Послѣ завтра. Мнѣ что-то очень ее жалко! лицемѣрно проговорила Глафира Ивановна, отирая предполагаемую слезу...

— И, полноте!.. замѣтила рѣзко одна изъ кумушекъ, имѣвшая двухъ взрослыхъ дочерей:—больше ничего, какъ дурной примѣръ..

— Кого мнѣ больше всего жаль въ этòй исторіи, глубокомысленно прервала m-me Наумова:—такъ это Надю!.. Какъ это должно отозваться на ея репутаціи!.. Вѣдь можетъ же генералъ подумать, что если одна сестра такая....

— Совершенно вѣрно! отозвался изъ угла какой-то шамкающій старикашка.

— Лежитъ, такая молодая, хорòшенькая! снова сообщила Глафира Ивановна.

— А Невѣровъ чтò?

— Стоитъ передъ ней и не говоритъ ни слова...

— А Надя?..

— Надя съ генераломъ!.. Какъ шесть недѣль выйдетъ, такъ свадьбу сыграютъ!.. Задолжали они пропасть!..

— Вольно же имъ!..

— А это чтò у васъ за узелокъ, Глафира Ивановна? спросили подходя дѣвицы, уже успѣвшія вдоволь порядить и посудить между собою о свершившемся событіи.

— Это «приданое» Зинаиды Павловны, башмачки въ чемъ хоронить будутъ, отвѣтила та и начала развертывать.

— И башмаки-то какіе! разсуждали дамы:—простые кожаные!.. Тутъ бы атласные надо...

— Такіе велѣли! отвѣтила Глафира и поставила на столъ маленькія туфли съ голубыми розетками.

— Ой, Глафира Ивановна, что это вы дѣлаете?.. смѣясь и съ суевѣрнымъ страхомъ проговорилъ франтъ, отодвигаясь отъ стола. Покойницыну обувь на нашъ столъ!..

— На меня то же вотъ всѣ эти вещи такое дурное впечатлѣніе производятъ! произнесла Наумова:—не то, чтобъ отвращеніе,—а такъ какія-то мурашки по кожѣ...

И она брюзгливо отодвинула башмаки колодою картъ.

— Пожалуй еще покойница придетъ сюда за ними!... острилъ франтъ: — скажетъ «подавай башмаки!»

— Возьмите, возьмите ихъ скорѣе отъ насъ, Глафира Ивановна, вступились всѣ:—намъ это не нужно!..

— А и то сказать!... вздохнувъ сказала Глафира:—мертвое мертвымъ, а живое живымъ!..

— Да! подхватили всѣ: — вотъ давайте-ка закусимъ да въ рамсъ!.. Что золотое время попусту терять!.. Такъ, что ли, Глафира Ивановна?.. Садитесь-ка...

— Нечего дѣлать; сяду!.. лицемѣрно вздыхая, отвѣтила та.

И все пошло обычнымъ порядкомъ: и снова общество перешло отъ пустыхъ разговоровъ къ серьезнымъ занятіямъ.

Ближневъ.

Конецъ.

КУДА-ИДЕТЪ ЗООЛОГІЯ?

Специализація наукъ имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Она безспорно необходима и будетъ развиваться, по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться складъ знаній и будутъ усложняться методы изслѣдованій. Съ другой стороны, это дробленіе наукъ вредитъ общей связи знаній и тѣмъ болѣе — широкимъ и полезнымъ выводамъ, которые необходимо возникаютъ изъ этой связи. Изъ нея невольно, какъ бы сама собою, рождается мысль—то абстрактное, руководящее основаніе, безъ которой всякая наука представляетъ не болѣе, какъ сборникъ классифицированныхъ фактовъ безъ всякаго значенія. Къ такимъ сборникамъ или къ отдѣлу *конкретныхъ* наукъ Ог. Контъ отнесъ зоологію.

Къ этому ряду должна необходимо принадлежать каждая изъ обособившихся отраслей знанія въ тотъ періодъ своего развитія, когда она набираетъ только форменный матеріалъ, чтобы добыть изъ него мысль, общее руководящее начало, которое затѣмъ уже управляетъ ея прогрессивнымъ движеніемъ. Понятно, что такое состояніе не болѣе какъ временное, переходное,—это одинъ изъ фазисовъ развитія каждой науки.

Зоологія давно уже вышла изъ этого фазиса. Въ ней была и руководящая мысль, и поле для общихъ, къ сожалѣнію весьма одностороннихъ выводовъ. Въ первый разъ ясно и опредѣлительно высказалъ эту мысль Кювье. Въ настоящее время эта мысль едвали выдержитъ самую слабую критику. Тѣмъ не менѣе она была руководящею для зоологіи въ теченіи очень долгаго періода времени, болѣе потому, что она увлекала многихъ своей грандіозной цѣлесообразностью.

Въ силу этой мысли зоологія обречена была отыскивать какую-то систему животнаго царства, чрезвычайно сложную, въ высшей

степени разумную, логическую, о которой никто не имѣлъ понятія и до сихъ поръ не имѣетъ. Въ рукахъ зоологовъ были только отдѣльные звенья этой системы. И всѣ видовые типы въ каждомъ изъ этихъ звеньевъ или отдѣловъ должны были занимать строго и заранѣе указанное мѣсто. Каждый изъ этихъ видовъ игралъ извѣстную роль въ общемъ хозяйствѣ природы. Для выполненія этой цѣли были даны ему всѣ органы, была принаровлена вся его организація. Отыскивать эти частныя цѣли—эти *конечныя причины*, также входило въ задачу зоологіи.

Самое существенное, практическое неудобство этого взгляда для развитія зоологіи заключалось въ неподвижности, неизмѣняемости вида. По этому взгляду, каждый видовой типъ самой сложной организаціи явился въ ряду всѣхъ другихъ ex abrupto, какимъ-то мистическимъ путемъ, и долженъ оставаться постоянно въ томъ заколдованномъ кругу, который былъ назначенъ для него въ системѣ. Понятно, что при этомъ взглядѣ отрицалось историческое и физіологическое развитіе всего животнаго царства. Непонятно только, какимъ образомъ такой взглядъ могъ держаться болѣе полвѣка и даже въ настоящее время находить себѣ очень много защитниковъ.

Люди съ болѣе широкимъ взглядомъ, изъ современниковъ Кювье, какъ Гёте и Окенъ, понимали искусственность и нелогичность этого воззрѣнія и вполнѣ одобряли ту діаметрально противуположную теорію, которую такъ горячо защищалъ другъ-соперникъ Кювье — Этьенъ Жоффруа Сентъ-Илеръ.

Академическіе дебаты 1832-го года между этими двумя знаменитыми французскими зоологами, вѣроятно, всѣмъ извѣстны. Въ этихъ дебатахъ высказалась, со стороны Кювье, нетерпимость мнѣній, сила эрудиціи и діалектики. Со стороны Жоффруа — являлась логичность выводовъ, которые тѣмъ не менѣе, если не всѣмъ, то очень многимъ казались, за неимѣніемъ прямыхъ доказательствъ—увлеченіями фантазіи. По взгляду Жоффруа, всѣ видовые типы необходимо должны измѣняться подъ вліяніемъ измѣненій въ средѣ ихъ окружающей. Всѣ они составляютъ не болѣе какъ временныя выраженія общихъ, управляющихъ всѣми явленіями законовъ.

Но какимъ образомъ происходятъ эти измѣненія видовъ—на такой вопросъ Жоффруа не могъ отвѣтить.

Ламаркъ пытался найти здѣсь отвѣтъ. Онъ доказывалъ, что организація животныхъ можетъ измѣняться вслѣдствіе измѣненія ихъ образа жизни, ихъ привычекъ, вслѣдствіе приспособленія къ различнымъ условіямъ среды. Этотъ взглядъ встрѣтилъ еще болѣе противниковъ, чѣмъ взглядъ Жоффруа. Онъ казался

такой странной фантазіей, которая, кромѣ насмѣшекъ, ничего не заслуживала.

Но вотъ въ 1859-мъ г. появляется книга Дарвина. Она представляетъ именно тѣ доказательства, которыхъ недоставало взгляду Жоффруа, она оправдываетъ объясненія Ламарка и только даетъ имъ другое, болѣе прочное основаніе.

Ученіе или теорія Дарвина сдѣлалась настолько популярной, что было бы дѣломъ излишнимъ подробно излагать ее здѣсь. Можно напомнить только, что она построена на измѣненіи видовъ въ силу двухъ общераспространенныхъ явленій: въ *силу борьбы за существованіе*, которое уничтожаетъ всѣ тѣ слабые, неустановившіеся въ организаціи типы, которые не могутъ приспособиться къ различнымъ внѣшнимъ условіямъ и выдержать конкурренцію съ другими, болѣе подвижными типами. Изъ этого явленія неизбѣжно вытекаетъ другое — *естественный подборъ родичей* или производителей. Въ силу этого подбора, каждый типъ, такъ сказать, улучшается (въ смыслѣ силы приспособленій) *въ самомъ себѣ*, подобно тому, какъ улучшается какая-нибудь порода домашнихъ животныхъ *въ самой себѣ* искусственнымъ подборомъ производителей, наиболѣе соотвѣтствующихъ цѣлямъ, для которыхъ выводится эта порода.

Замѣчательно, что теорія Дарвина возникла въ Англіи, въ той странѣ, гдѣ Коллингъ и Бэккуэль открыли методъ искусственнаго подбора или улучшенія породы въ самой себѣ. Еще замѣчательнѣе то, что англійское общество, которое давно привыкло къ этому методу и пользовалось въ широкихъ размѣрахъ его практическимъ примѣненіемъ, съ недовѣріемъ отнеслось къ теоріи Дарвина, которая въ сущности представляетъ не болѣе какъ обобщеніе того же самаго метода. Въ этомъ недовѣріи высказалась неподвижность каждаго общества въ дѣлѣ обобщенія фактовъ, а съ другой стороны — привычка удовлетворяться самыми ближайшими, непосредственными объясненіями. Противникамъ дарвинизма какъ-то странно помириться съ тѣмъ предположеніемъ, что два какихъ-нибудь видовыхъ типа, напримѣръ, типъ вороны и галки, могли произойти изъ одного болѣе общаго типа. Въ ихъ понятіи гораздо легче укладываются представленія объ этихъ типахъ какъ о чемъ-то появившемся отдѣльно, вдругъ, — несмотря на то, что такое представленіе противурѣчитъ всѣмъ фактамъ, всѣмъ наведеніямъ и даже всѣмъ условіямъ логики.

Правда, есть вообще причины, которыя противудѣйствуютъ всякому здоровому понятію и которыя съ логикой не имѣютъ ничего общаго. Вслѣдствіе этихъ причинъ, взглядъ Кювье пред-

ставляется до сихъ поръ болѣе научнымъ и доказательнымъ, чѣмъ теорія Дарвина, даже для такого, повидимому, серьезнаго ученаго учрежденія, какъ парижская академія наукъ. Въ средѣ ея ученіе Дарвина встрѣтило самый ожесточенный протестъ, форма котораго совершенно противурѣчитъ правильному и безпристрастному отношенію къ какому бы то ни было научному вопросу. Точно также непростительно здѣсь мелочное отношеніе къ такой личности, какъ Дарвинъ.

Это человѣкъ съ положительнымъ складомъ ума. Его теорія была для него дѣломъ упорнаго, долгаго труда. Болѣе 20-ти лѣтъ онъ подъискивалъ для нея факты, и наконецъ, уже на склонѣ лѣтъ, больной, изнуренный долгими трудами и дальними путешествіями, рѣшился высказать печатно свою завѣтную мысль. Объ этой мысли, слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, что она — плодъ необдуманной фантазіи или увлеченія.

Еще яснѣе становится серьезность и сила этой теоріи, если мы бросимъ взглядъ на тѣ различные случаи, которые были вызваны появленіемъ книги Дарвина. До этого появленія взглядъ Кювье господствовалъ безраздѣльно. Въ силу этого взгляда отыскиваніе новыхъ видовыхъ и родовыхъ типовъ считалось дѣломъ вполнѣ научнымъ. Зоологія въ это время, дѣйствительно, подходила подъ рубрику, отведенную для нея Контомъ. Она на самомъ дѣлѣ представляла систематическій сборникъ фактовъ, который постоянно разростался, благодаря тому, что для этого разростанія не требовалось какой-нибудь усиленной умственной работы. Даже отыскиваніе *конечныхъ причинъ*, на которыя указывалъ Кювье, было забыто при этомъ всеобщемъ классифицированіи фактовъ. Біологія, сравнительная анатомія, физіологія, эмбріологія — все это принималось въ зоологію настолько, насколько могло послужить для постройки классификаціи. Цѣлыя ученыя общества существовали почти исключительно для собиранія новыхъ видовъ. Цѣлые ученые журналы посвящались ихъ описанію.

Съ выходомъ книги Дарвина замѣчается довольно быстрая и рѣзкая перемѣна въ этомъ одностороннемъ направленіи: описаніе новыхъ видовъ замѣтно падаетъ. Содержаніе журналовъ по систематикѣ бѣднѣетъ. Фаунистическія изслѣдованія принимаютъ другой характеръ: — они производятся въ смыслѣ ученія Дарвина. Многія ученыя работы, какъ бы наперерывъ одна передъ другой, торопятся представить факты въ пользу этого ученія. Одна монографія небольшая, но наполненная очень интересными новыми данными по эмбріологіи ракообразныхъ, из-

вѣстнаго зоолога Фрица Мюллера, носитъ короткое и вполнѣ характерное названіе — Für Darwin, «для Дарвина».

Гэккель, извѣстный ученый, іенскій профессоръ зоологіи и ученикъ знаменитаго Іоганна Мюллера, вскорѣ по выходѣ книги Дарвина отрекается отъ взглядовъ учителя и издаетъ довольно большой трудъ — два большихъ тома — Общей морфологіи, — въ которыхъ проводитъ мысль Дарвина по различнымъ явленіямъ органической природы. Правда, большую часть этого сочиненія можно назвать классификаціей фактовъ, но эта классификація имѣетъ совершенно другой характеръ. Она группируетъ не видовые типы, а формы явленій или физіологическихъ процессовъ. Хотя попытки такой группировки появлялись и прежде, но ни одна изъ нихъ не имѣла той полноты, многосторонности и того значенія, какое имѣетъ книга Гэккеля, безспорно вызванная теоріей Дарвина.

Другой германскій профессоръ уже умершій, профессоръ гейдельбергскаго университета, Броннъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія «О законахъ развитія органическаго міра» — издалъ переводъ книги Дарвина. Этотъ переводъ быстро разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Переводчикъ вовсе не принадлежалъ къ защитникамъ ученія Дарвина. Переводъ онъ напечаталъ съ своимъ собственнымъ заключеніемъ, въ которомъ къ книгѣ Дарвина относится полемически. Но за нѣсколько дней до смерти этотъ противникъ дарвинизма, вѣроятно побѣжденный множествомъ наблюденій и фактовъ, которые выступали въ защиту этого ученія, признается своимъ ученикамъ, знакомымъ, что онъ вѣритъ въ справедливость этого ученія.

Разсматривая все это движеніе въ пользу ученія Дарвина и всѣ тѣ работы, которыя теперь постоянно вызываются этимъ ученіемъ, мы не ошибемся, если предскажемъ, что съ этого ученія начинается новый періодъ для зоологіи.

Но самъ по себѣ дарвинизмъ далеко не исчерпываетъ всего содержанія науки и вовсе не является ея конечной цѣлью. Еще менѣе въ немъ можно видѣть руководящую мысль для прогрессивнаго движенія зоологіи. Онъ подготовляетъ только одно изъ основаній для этого движенія. Въ сущности, цѣль его — то же отыскиваніе классификаціи или системы царства животныхъ, только характеръ этой системы совершенно иной, а главное, другой смыслъ, другое, весьма широкое значеніе представляетъ здѣсь самая работа.

Классификація — въ смыслѣ дарвинизма — это группировка всѣхъ фазисовъ развитія, которые проходилъ весь міръ животныхъ съ первыхъ временъ его появленія. Понятно, что для работъ въ

этомъ смыслѣ необходимо непосредственное и сильное участіе физіологіи, біологіи, эмбріологіи, сравнительной анатоміи, палеонтологіи, физической географіи — однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ наукъ, которыхъ участіе прежде считалось маловажнымъ, или почти вовсе отвергалось. Въ смыслѣ этихъ работъ, каждый фактъ, какъ бы онъ ни былъ мелоченъ, — даетъ уже возможность вывода, онъ имѣетъ смыслъ, онъ связывается со множествомъ другихъ фактовъ, безъ которыхъ существованіе его становится немыслимымъ. Генеалогическая система указываетъ намъ разгадку всего существующаго, потому что она опирается на историческое прошедшее. Она указываетъ намъ на превращенія однихъ группъ въ другія во всѣхъ рядахъ организмовъ, начиная съ самыхъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ.

Разсматривая тотъ длинный путь, которымъ шло это превращеніе, мы, однако, приходимъ къ заключенію, что борьба за существованіе и подборъ родичей далеко не были единственными факторами развитія органическаго міра. Еслибы въ дѣйствительности существовали только эти два фактора, то нашъ міръ не пошелъ бы дальше самыхъ простыхъ формъ растеній и животныхъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ, даже въ нынѣ живущихъ формахъ, мы видимъ цѣлые длинные ряды всевозможныхъ комбинацій органовъ. Изслѣдуя причины этого разнообразія, мы находимъ, помимо борьбы за существованіе и подбора родичей, довольно много другихъ явленій, которыя или подчиняются этимъ факторамъ или стоятъ отъ нихъ въ сторонѣ или даже противудѣйствуютъ имъ, и во всякомъ случаѣ являются самостоятельными дѣятелями въ дѣлѣ развитія. На нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей, или такъ-называемыхъ *законовъ*, было уже давно обращено вниманіе зоологовъ, на другіе, я въ первый разъ укажу здѣсь. Но должно замѣтить, что и въ познаніе этихъ законовъ дарвинизмъ внесъ значительное улучшеніе. При теоріи неподвижности видовъ, эти законы казались также чѣмъ-то неподвижнымъ, необъяснимымъ и управляющимъ физіологическими процессами развитія. Допуская преемственное развитіе, мы можемъ теперь легко дойти до заключенія, что эти мнимые законы — не болѣе какъ особенныя проявленія тѣхъ общихъ физіолого-морфологическихъ процессовъ, которые совершаются въ каждомъ организмѣ, въ его клѣткахъ, въ разныя фазы ихъ дѣятельности и развитія.

Вообще въ формахъ клѣтокъ различныхъ тканей мы очень часто замѣчаемъ приспособленіе къ тому или другому отправленію, но еще чаще мы можемъ встрѣтить такія формы, которыя

мы не можемъ объяснить никакимъ приспособленіемъ. Въ такихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, форма и вообще строеніе клѣтки есть слѣдствіе ея химико-физическаго состава. Вліяніе-состава, имѣющее такое громадное значеніе на формы кристаллическія въ минералахъ, не можетъ утратить своего дѣйствія и въ организмахъ. Отсюда оно переносится на ткани, на органы и на цѣлую организацію.

Во многихъ группахъ комбинаціи органовъ представляютъ всѣ возможные, мыслимые случаи, и здѣсь невольно является сравненіе съ тѣми длинными рядами комбинацій, которыя представляютъ группы химическихъ соединеній или кристаллическія формы минераловъ, въ которыхъ всегда малѣйшее измѣненіе въ составѣ вызываетъ измѣненіе въ углахъ кристалла. Эту непосредственную зависимость формы отъ состава можно назвать *явленіемъ* или *закономъ моллекулярныхъ соотношеній.*

Точно также съ моллекулярными явленіями мы встрѣчаемся въ другомъ общемъ законѣ, который Гербардтъ Спенсеръ называетъ закономъ или процессомъ *интеграціи* и *дезинтеграціи.*

Масса тѣла каждаго организма съ возрастомъ увеличивается. У низшихъ, простѣйшихъ организмовъ, наступаетъ моментъ, когда вся эта масса распадается на отдѣльные, новые организмы,—другими словами—она *дезинтегрируется.* Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе онъ *интегрированъ*, т.-е. тѣмъ тѣснѣе связаны всѣ его части. Вслѣдствіе этой связи становятся ограниченнѣе способы его размноженія, онъ лишается способности отдѣлять почти всѣ части своего тѣла въ новые организмы или, другими словами, отдавать его видовой жизни.

Почти то же самое мы видимъ въ клѣткѣ. Точно также она растетъ, содержимое ея увеличивается и затѣмъ распадается на двѣ или нѣсколько новыхъ клѣтокъ. Многіе низшіе организмы мы можемъ разсматривать, какъ аггрегаты клѣтокъ, которыя не могутъ отдѣлиться одна отъ другой вслѣдствіе какой-то связывающей ихъ моллекулярной силы, какого-то сцѣпленія или притяженія, которое, вѣроятно, выработалось исподволь, черезъ длинный рядъ генерацій.

Отсюда недалеко уже до физіологическаго объясненія тѣхъ общихъ явленій или законовъ, которые называются *закономъ исчезанія гомологовъ* и *закономъ централизаціи или концентрированія органовъ.*

Не только клѣтки, но и цѣлые органы могутъ размножаться дѣленіемъ. При этомъ изъ одного органа образуются два совершенно одинаковыхъ съ тѣмъ, изъ котораго они произошли. Та-

кіе одинаково устроенные органы несутъ названіе *гомологовъ* [1]. Чѣмъ болѣе увеличивается связь между клѣтками, образующими органъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ дѣлиться, образовать гомологи. Въ силу этого явленія множество гомологовъ, которые у сравнительно низшихъ животныхъ являются отдѣльными, — у высшихъ сливаются въ одинъ органъ — *концентрируются* или *интегрируются*. Такое интегрированіе можетъ происходить вдоль, по длинной оси тѣла животнаго, или въ поперечномъ направленіи. Болѣе очевидные, рѣзкіе примѣры этихъ явленій мы встрѣчаемъ у кольчатыхъ червей и у суставчатыхъ, но эти явленія проходятъ по всѣмъ типамъ животнаго царства, до человѣка включительно.

Понятно, что концентрированный органъ выигрываетъ въ массѣ. А такъ какъ масса его есть ближайшій, непосредственный источникъ силы его приспособленій, то и эти приспособленія должны улучшаться, специализироваться сообразно вызывающимъ ихъ внѣшнимъ условіямъ. Вотъ почему концентрированіе органовъ влечетъ за собой ихъ спеціализированіе—диференцировку, или, другими словами: *раздѣленіе физіологическаго труда*. Вслѣдствіе этого явленія увеличивается число органовъ, служащихъ для разныхъ физіологическихъ процессовъ. Изъ одного органа, который у какого-нибудь низшаго типа служилъ для двухъ отправленій—развивается для каждаго изъ этихъ отправленій отдѣльный органъ.

Должно замѣтить однако, что это явленіе, само по себѣ довольно сложное, еще осложняется многими другими. Мы видимъ, что оно очень часто нейдетъ параллельно или пропорціонально съ концентрированіемъ массы органа. Нерѣдко животныя съ относительно массивнымъ тѣломъ и съ нѣкоторыми органами также значительной величины, представляютъ низшія степени осложненія, сравнительно съ другими животными небольшихъ размѣровъ. Чтобы объяснить это противорѣчіе, должно припомнить, что составъ органа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сила его возбуждаемости могутъ быть различны. Съ другой стороны, поверхность органа увеличивается гораздо медленнѣе, чѣмъ масса или объемъ его, а между тѣмъ именно на эту поверхность прежде всего

---

[1]) Очень часто мы видимъ появленіе такихъ одинаковыхъ органовъ, какъ бы независимо другъ отъ друга въ видѣ совершенно отдѣльныхъ зачатковъ. Но должно принять во вниманіе, что это явленіе—вторичное. Первоначально, у простѣйшихъ растительныхъ и животныхъ организмовъ вѣроятно всѣ гомологи происходили посредствомъ дѣленія. Затѣмъ уже, когда это явленіе укрѣпилось, когда каждый гомологъ достаточно обособился, онъ могъ получить способность самостоятельнаго развитія.

непосредственно могутъ влiять внѣшнiе возбудители или факторы, вызывающiе раздѣленiе физiологическаго труда.

Интегрированiе органовъ связывается также съ нѣкоторыми другими общими явленiями или законами. Чѣмъ выше типъ какого-нибудь животнаго, тѣмъ болѣе интегрированы его органы, т.-е. тѣмъ тѣснѣе они связаны въ одно общее, гармоническое цѣлое и тѣмъ менѣе представляютъ они самостоятельности. Разсматривая различные случаи развитiя органовъ въ различныхъ группахъ, мы встрѣчаемъ здѣсь между этими органами нѣчто въ родѣ борьбы за существованiе. У низшихъ типовъ мы очень часто встрѣчаемъ преобладанiе какого-нибудь органа надъ другими. Мы видимъ, что этотъ органъ очевидно развивается на счетъ другихъ, и такое явленiе было названо Этьеномъ Жоффруа Сентъ-Илеромъ—*закономъ органическаго равновѣсiя*. Причину этого явленiя можно отчасти объяснить медленностью приспособленiя. Пищеварительные органы какого то ни было животнаго могутъ усвоить составу его тѣла только опредѣленное количество веществъ, поступающихъ въ видѣ пищи. Притомъ, изъ этихъ уже усвоенныхъ, ассимилированныхъ веществъ организмъ можетъ удержать для своего тѣла, для своей индивидуальной жизни — то же опредѣленное количество, тогда какъ излишекъ, лежащiй внѣ предѣла этого усвоенiя— отдѣляется въ новые организмы, отдается видовой жизни. Предѣлы этого усвоенiя расширяются чрезвычайно медленно. Необходимъ цѣлый длинный рядъ генерацiй для того, чтобы величина индивидуумовъ какого-нибудь вида значительно увеличилась. Такимъ образомъ, въ каждомъ организмѣ мы видимъ извѣстный опредѣленный ростъ, который колеблется въ границахъ сравнительно незначительныхъ, видимъ опредѣленную массу вещества, а вмѣстѣ съ ней и опредѣленный запасъ силы, расходуемой на всѣ жизненные процессы, на всѣ приспособленiя. Если при этомъ мы представимъ себѣ, что какая-нибудь причина вызываетъ усиленное развитiе одного изъ органовъ, то понятно, что матерiаломъ для этого развитiя могутъ служить только тѣ вещества, которыя уже находятся въ организмѣ; очевидно, что при этомъ сильно развивающiйся органъ будетъ конкуррировать съ другими органами, захватывать отъ нихъ питательный, пластическiй матерiалъ и разрастаться прямо насчетъ ихъ.

Одинъ разъ получивши возможность развиваться насчетъ другихъ, получивши преобладанiе надъ другими, этотъ органъ, какъ паразитъ, можетъ совершенно подавить развитiе какихъ-нибудь другихъ органовъ, — въ особенности если причина, вызвавшая его усиленное развитiе, не исчезнетъ. Притокъ пласти-

ческаго матеріала или какого-нибудь выдѣляемаго вещества можетъ постоянно наростать въ такомъ органѣ вслѣдствіе наслѣдственности, вслѣдствіе одинъ разъ даннаго импульса, и такое явленіе—было названо мною *закономъ физіологической инерціи* [1]). Въ силу этого закона развитія органъ можетъ иногда достигать такихъ уродливыхъ размѣровъ, которые влекутъ за собой вымираніе цѣлаго видового типа, а можетъ быть и цѣлой группы. Такимъ образомъ можетъ быть погибъ родъ рукожаберныхъ моллюсковъ—Dawidsonia—раковины котораго очевидно разростались въ ущербъ всѣмъ другимъ органамъ. Подобный примѣръ этого явленія физіологической инерціи можно видѣть въ нынѣ-живущихъ рыбахъ изъ рода Stomias, у которыхъ рѣдкіе зубы достигаютъ такой уродливой длины, что животное не можетъ закрыть рта.

Проявляясь въ слабой степени, это явленіе представляется въ видѣ различныхъ колебаній органовъ въ силѣ ихъ развитія. Такъ мы видимъ сильное развитіе дыхательно-пищепріемнаго мѣшка или дыхательно-двигательной полости въ ущербъ органамъ пищеваренія у многихъ оболочниковыхъ моллюсковъ (Tunicata), видимъ сильное развитіе печени, вѣроятно въ ущербъ центрамъ нервной системы, у многихъ моллюсковъ (Gasteropoda) видимъ сильное развитіе ногъ и, вмѣстѣ съ ними, придатковъ желудка, въ ущербъ центральнымъ частямъ тѣла у пикногоновъ и т. д.

Это колебаніе органовъ въ ихъ развитіи, или развитіе однихъ насчетъ другихъ, можетъ выражаться въ томъ явленіи, которое Гербардъ разсматриваетъ какъ антагонизмъ между органами индивидуальной и видовой или половой жизни. Рѣзкій и поучительный примѣръ этого явленія представляетъ организація соціальныхъ насѣкомыхъ—пчелъ, муравьевъ и т. п. Здѣсь это явленіе совпадаетъ съ явленіемъ раздѣленія физіологическаго труда.

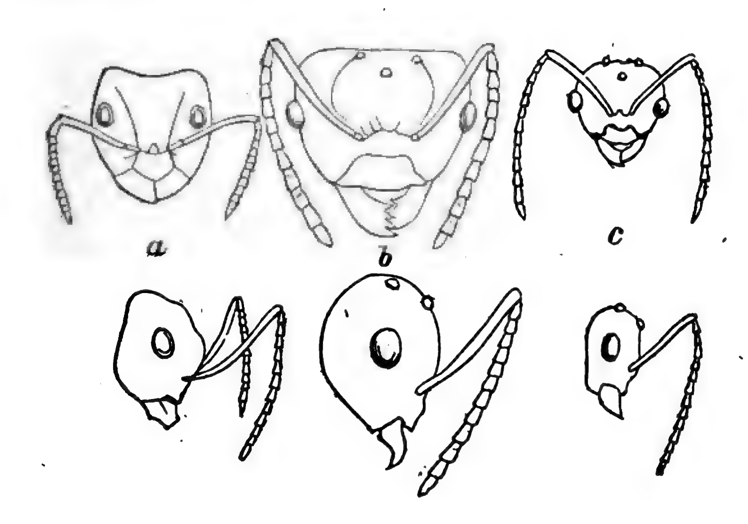
У пчелъ община состоитъ: во-первыхъ, изъ одной вполнѣ развитой самки, такъ-называемой матки или царицы; во-вторыхъ, изъ сравнительно небольшого числа только временно существующихъ, лѣтомъ, самцевъ или трутней; наконецъ, въ-третьихъ, массу общины, самую дѣятельную и вмѣстѣ съ тѣмъ интеллигенцію ея составляютъ, такъ-называемыя, рабочія пчелы или недоразвитыя самки. Всѣ главныя усилія этой общины направлены на распложеніе новыхъ членовъ и преимущественно — недоразвитыхъ самокъ, т.-е. на распложеніе самыхъ дѣятельныхъ и умныхъ членовъ. На эти усилія общину постоянно призываютъ неодолимые инстинкты или роковые, страстные рефлексы. Только въ отно-

1) Трудъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей ст. 218.

сительно немногихъ случаяхъ мы замѣчаемъ здѣсь присутствіе свободнаго соображенія или тѣхъ процессовъ, которые называются — интеллектуальными. Разсматривая отношенія этихъ способностей у трехъ членовъ общины въ связи съ устройствомъ ихъ нервной системы, я нашелъ слѣдующее [1]): наиболѣе развитой мозгъ, какъ и слѣдовало ожидать, мы встрѣчаемъ у пчелъ рабочихъ, но это развитіе совершилось въ ущербъ развитію нервной системы половыхъ органовъ. Половой нервный узелъ, точно также какъ и самые органы, находится здѣсь въ атрофированномъ состояніи. Затѣмъ, по силѣ развитія мозга слѣдуетъ матка или вполнѣ организованная самка. У ней половой узелъ развитъ значительно, за то мозгъ далеко уступаетъ въ его развитіи мозгу рабочей пчелы. Наконецъ — трутни - самцы — представляютъ еще болѣе сильное развитіе полового узла и самое слабое развитіе мозга.

Почти такое же явленіе и притомъ въ болѣе рѣзкой формѣ мы встрѣчаемъ у муравьевъ. Здѣсь неодинаковое развитіе мозга у различныхъ членовъ общины можно замѣтить даже снаружи, въ устройствѣ головы.

На прилагаемомъ рисункѣ [2]) можно видѣть, что голова рабочаго муравья представляетъ въ профиль сильную выпуклость

[1]) Изслѣдованія мои, по этому вопросу, вкратцѣ изложены въ протоколахъ второго съѣзда русскихъ естествоиспытателей.

[2]) Головы трехъ членовъ общины обыкновеннаго лѣсного муравья: въ верхнемъ ряду съ переди, въ нижнемъ ряду съ боку; усики направлены впередъ;—*a* рабочій муравей,—*b* самка,—*c* самецъ.

на томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ органъ соображенія или интеллектуальныхъ процессовъ. У самки, несмотря на ея значительно бо̀льшую величину, голова пропорціонально гораздо меньше, чѣмъ у рабочаго муравья, а главное она не имѣетъ той сильной выпуклости, которая соотвѣтствуетъ интеллектуальному органу. У самца голова развита гораздо меньше, чѣмъ у самки, и на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ помѣщаться этотъ органъ, нѣтъ никакой выпуклости.

Это совпаденіе колебанія въ развитіи органовъ или органическаго равновѣсія съ раздѣленіемъ физіологическаго труда можно видѣть даже въ относительно простѣйшихъ типахъ, и тамъ оно нерѣдко соединяется съ другимъ явленіемъ, съ *обособленіемъ индивидуальнымъ* или съ *выдѣленіемъ особи.* Въ элементарномъ видѣ это явленіе есть не болѣе, какъ процессъ дезинтегрированія. Какъ скоро организмъ не можетъ удержать всѣхъ частей, которыя онъ усвоилъ его составу — онъ по неволѣ теряетъ эти части и они отпадаютъ въ видѣ новыхъ особей. Но по мѣрѣ интегрированія организма это отпадыванье теряетъ свою силу и характеръ явленій измѣняется: образуется сложный организмъ, составленный изъ многихъ особей, связанныхъ нѣкоторыми органами, которые принадлежатъ имъ всѣмъ безраздѣльно. Является такимъ образомъ невольная ассоціація, сложный комплектъ организмовъ, которые уже не могутъ существовать отдѣльно. Такой комплектъ по большей части представляютъ сидячіе организмы, связанные общимъ стебелькомъ, составляющимъ поддерживающую и до нѣкоторой степени питающую ихъ часть. Примѣры тому мы видимъ въ полипахъ, гидроидахъ, оболочниковыхъ и др. Представляются также случаи, гдѣ такая ассоціація свободно плаваетъ, какъ въ тѣхъ же полипахъ (морскихъ перьяхъ, Pennatula), или медузахъ трубчатникахъ (Siphonophora).

Въ этихъ послѣднихъ мы ясно видимъ, какъ цѣлая такая колонія или сложный комплектъ особей дошелъ до замѣчательныхъ результатовъ раздѣленія физіологическаго труда. Здѣсь мы встрѣчаемъ на одномъ общемъ, плавающемъ стеблѣ организмы, которые служатъ исключительно для плаванія, организмы, которыхъ спеціальное отправленіе ловить для колоніи добычу, организмы, которые приспособлены исключительно для проглатыванія и перевариванія пищи, организмы, которыхъ всѣ отправленія ограничиваются размноженіемъ и т. д. Если мы примемъ во вниманіе ту относительно низкую степень осложненія органовъ, которую представляютъ намъ трубчатники, то легко поймемъ, что всѣ спеціализированныя, такимъ образомъ, особи имѣютъ типъ простыхъ органовъ. Вслѣдствіе этого всѣ такія особи те-

ряютъ характеръ индивидуальности и цѣлая колонія является какимъ-то сложнымъ экземпляромъ органовъ-особей, подобнымъ растенію, у котораго корни служатъ для питанія, листья—для питанія и дыханія, стебель—для поддержки этихъ частей и передачи питательныхъ соковъ, наконецъ, цвѣты—для размноженія.

Въ общинахъ соціальныхъ насѣкомыхъ это явленіе теряетъ свою простоту и неопредѣленность, но въ сущности принципъ и отчасти выраженіе его остаются тѣ же. Здѣсь особь вполнѣ выдѣлилась; но живя въ общинѣ, она утрачиваетъ часть своего организма, жертвуетъ мозгомъ или половыми органами для того, чтобы достичь бóльшихъ результатовъ въ работѣ цѣлой ассоціаціею. Повидимому каждый такой индивидуумъ свободенъ, но на самомъ дѣлѣ онъ неразрывно связанъ со всѣми членами общины, хотя эта связь и не является въ матеріальномъ видѣ, въ образѣ какого-нибудь поддерживающаго и связывающаго общаго стебля.

Въ сущности изъ этого явленія можно сдѣлать такой выводъ: чѣмъ болѣе выигрываетъ раздѣленіе физіологическаго труда, тѣмъ большей силы достигаетъ работа ассоціаціею, но тѣмъ болѣе проигрываетъ свобода индивидуальности.

Чѣмъ выше поднимаемся мы по рядамъ группъ животныхъ къ формамъ болѣе и болѣе сложнымъ, чѣмъ больше интегрированіе вступаетъ въ свои права, тѣмъ менѣе самостоятельности мы встрѣчаемъ въ органахъ. У болѣе сложныхъ организмовъ колебанія въ ихъ развитіи почти совсѣмъ исчезаютъ. Является гармоническое, стройное цѣлое. И можетъ быть то, что̀ мы называемъ художественными или эстетическими пропорціями въ тѣлѣ человѣка есть не болѣе, какъ выраженіе того же общаго явленія или закона, который можно назвать *закономъ пропорціональныхъ отношеній*. Полное примѣненіе этого закона едва ли можно гдѣ-либо встрѣтить и даже тѣ случаи, въ которыхъ онъ выраженъ явственнѣе, мы можемъ назвать—спорадическими. Полное пропорціональное равенство органовъ неминуемо должно произвести индифферентизмъ, однообразіе особей и уничтожить раздѣленіе труда въ какой бы то ни было формѣ его. Но на самомъ дѣлѣ этого не бываетъ и не можетъ быть, въ силу того общаго закона, по которому во всей природѣ никогда не существуетъ полнаго равенства всѣхъ условій.

Разсматривая тѣ средства, съ помощью которыхъ совершаются всѣ измѣненія, управляемыя общими законами развитія, мы видимъ, что здѣсь, точно также какъ и во всякомъ физическомъ явленіи, дѣйствующая сила можетъ или проявляться исподволь, медленно или, накопляясь мало по малу, обнаруживать свое дѣйствіе вдругъ, разомъ, и производить очень рѣзкія, неожиданныя

перемѣны. Первый способъ дѣйствія является преобладающимъ, общераспространеннымъ. Мы видимъ какъ медленно, постепенно, черезъ длинные ряды генерацій и черезъ долгіе періоды времени дѣйствуютъ борьба за существованіе, подборъ родичей и почти всѣ указанные выше факторы. Въ силу такого медленнаго дѣйствія получаются цѣлые длинные ряды всевозможныхъ комбинацій органовъ, и всевозможныя ихъ колебанія. Многіе изъ этихъ рядовъ уже исчезли, оставивъ послѣ себя, только слѣды въ пластахъ геологическихъ. Въ другихъ случаяхъ, кромѣ этихъ слѣдовъ, остатки такихъ группъ являются въ немногихъ какъ бы разрозненныхъ между собою нынѣ живущихъ типахъ. Таковы, напр., мечехвосты (Limulus) — остатки трилобитовъ, таковы современные рукожаберные, Ostracoda, Ganoidea и т. п.

Если раздраженіе или возбужденіе, дѣйствующее извнѣ на цѣлый составъ организма или отдѣльный органъ, будетъ очень медленно, но постоянно, то результатъ такого раздраженія не теряется. Измѣненія мало по малу, такъ-сказать, накопляются въ организмѣ до тѣхъ поръ, пока это накопленіе не дойдетъ до извѣстнаго предѣла, и затѣмъ достаточно одного такого же слабаго раздраженія, какими были всѣ предыдущія, для того, чтобы весь эффектъ всѣхъ прежнихъ раздраженій выразился вдругъ, разомъ, въ видѣ какой-нибудь рѣзкой перемѣны цѣлаго организма. Это явленіе можетъ идти въ двѣ противуположныя стороны: оно можетъ быть *ретроградным* и *прогрессивнымъ*. Въ обоихъ случаяхъ оно можетъ быть или частнымъ, какъ въ различныхъ аномальныхъ патологическихъ измѣненіяхъ организма, въ уродствахъ,—или общимъ, какъ, въ такъ-называемыхъ *превращеніяхъ* животныхъ, или въ случаяхъ *перемежающагося размноженія*. Это явленіе, Кёлликеръ называетъ — *разнороднымъ рожденіемъ* (Heterogenae-Zeugung), хотя лучше бы было назвать его — суммированіемъ дѣйствія организующей силы, — а еще лучше отнести его къ рубрикѣ тѣхъ общихъ физическихъ явленій, которыя извѣстны въ физикѣ подъ именемъ закона скрытой или запасной энергіи силъ.

Впрочемъ, высказывая это объясненіе, я долженъ оговориться. Едва ли оно приложимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ Кёлликеръ и его послѣдователи желаютъ видѣть законъ разнороднаго рожденія. Случаи перемежающаго размноженія мы можемъ объяснить, и притомъ съ большой доказательностью, явленіями интегрированія и дезинтегрированія. При этихъ размноженіяхъ мы имѣемъ дѣло съ случаями, то бóльшаго, то меньшаго отдѣленія особей отъ тѣла родича, т.-е. съ случаями maximum и minimum дезинтегрированія, появляющимися довольно

равильно, періодически въ цѣлыхъ рядахъ поколѣній. Maximum езинтегрированія здѣсь, какъ и вездѣ, является въ формѣ размноженія почками, а minimum—въ формѣ размноженія яйцами. очно также можно объяснить превращенія насѣкомыхъ—закономъ онцентрированія органовъ или закономъ исчезанія гомологовъ.

Какъ особенный случай колебанія въ развитіи органовъ, мы южемъ разсматривать *атавизмъ*, на который въ первый разъ казалъ К. Фогтъ. Въ силу этого закона, признаки организаціи, войственные какому-нибудь родичу низшаго типа, могутъ повтоиться снова, вдругъ, въ одномъ изъ его потомковъ, черезъ инный рядъ поколѣній, въ теченіи которыхъ этотъ первоначальый типъ значительно измѣнился и осложнился. Какъ на примѣры того явленія, можно указать на тѣ уродства, которыя являются высшихъ животныхъ, уродства, которыя у относительно низшихъ иповъ считаются явленіями нормальными. Для объясненія такого вленія можно сдѣлать слѣдующее предположеніе. Въ каждомъ азвивающемся типѣ животныхъ мы имѣемъ дѣло съ двумя ядами процессовъ. Одинъ рядъ представляетъ намъ неизмѣнное овтореніе прошлаго. Свойства организаціи, укрѣпившіяся передачей изъ одного поколѣнія въ другое, продолжаютъ повтоиться наслѣдственно. Но рядомъ съ этими свойствами идутъ змѣненія ихъ, въ силу внѣшнихъ вліяній и въ силу всѣхъ ѣхъ законовъ, на которые было выше указано. Такимъ обраомъ, мы можемъ видѣть въ каждомъ организмѣ родъ борьбы ежду явленіями консервативными съ одной стороны, и явленіями грессивными или прогрессивными—съ другой. Если послѣднія олѣваютъ первыя, то эта побѣда совершается не вдругъ. Мы идимъ рядъ колебаній въ родѣ тѣхъ, которыя представляются случаяхъ перемежающаго размноженія, поочередно смѣняюіяся maximum и minimum дезинтегрированія. Чѣмъ далѣе етъ эта борьба, тѣмъ, понятно, болѣе побѣды одерживаетъ торая-нибудь изъ сторонъ, и въ этомъ случаѣ почти всегда бѣда склоняется въ пользу явленій прогрессивныхъ. Но прежде мъ они вступятъ въ свои права и станутъ на мѣсто тѣхъ нсервативныхъ явленій, которыя они вытѣснили — эти самыя леній будутъ все-таки повторяться съ ослабѣвающей силой резъ болѣе и болѣе долгіе промежутки времени.

Я долженъ сознаться, что объясненія всѣхъ послѣднихъ леній или законовъ представляютъ много неопредѣленнаго. йствительно, за неимѣніемъ прямыхъ наблюденій трудно сказать здѣсь что-либо твердо поставленное. Случаи сюда носящіеся могутъ быть почти съ одинаковой вѣроятностью ъяснены закономъ запасной энергіи силъ, закономъ интегри-

рованія и дезинтегрированія или атавизмомъ. Ясно одно, что эти явленія могутъ переходить одно въ другое и замѣщаться одно другимъ. Здѣсь мы встрѣчаемся прямо съ той силой, которую мы можемъ назвать силой организующей, пластической, силой физіологической, силой наслѣдственности, силой приспособленія процессовъ и вообще силой моллекулярныхъ передвиженій. Въ сущности, эта сила до сихъ поръ представляется совершенно загадочною, а потому и проявленія ея для насъ еще темны и не могутъ быть поставлены въ категорію вѣрно разграниченныхъ[1]).

Одно мы можемъ утверждать несомнѣнно: количество, интензивность этой силы зависитъ отъ количества составныхъ частей организма и отъ ихъ моллекулярнаго сложенія. Каждый организмъ въ теченіи всей своей жизни не можетъ ни значительно увеличить массы тѣла, ни измѣнить его моллекулярнаго строенія. Колебанія въ величинѣ имѣютъ предѣлъ въ каждомъ видовомъ типѣ. Вслѣдствіе этого, количество силы и ея интензивность являются такъ же опредѣленными. Какъ бы мы ни кормили какое-нибудь рабочее животное—мы не можемъ увеличить его мышечную силу далѣе того предѣла, который ему положенъ отъ рожденія въ силу наслѣдственности. Какъ бы мы ни старались улучшать породу въ самой себѣ, мы не можемъ ее измѣнить далѣе того предѣла, который лежитъ въ свойствахъ организаціи цѣлаго видового типа. Отсюда прямо можно вывести такое заключеніе: каждый организмъ и каждый видовой типъ мы можемъ разсматривать какъ источникъ опредѣленнаго, унаслѣдованнаго количества физіологической силы. Эта сила, при жизни каждаго недѣлимаго, точно такъ же какъ и при жизни цѣлаго видового типа, тратится на борьбу за существованіе, на разныя приспособленія, на интегрированіе органовъ, на ихъ спеціализацію, на ихъ концентрацію и т. д., однимъ словомъ, она расходуется на всѣ тѣ явленія, которыя мы разсмотрѣли выше и въ которыхъ выражается развитіе, осложненіе вообще всѣхъ организмовъ.

Если бы трата здѣсь была равна приходу, то жизнь каждаго организма и каждаго видового типа продолжалась бы безконечно. Но въ дѣйствительности мы видимъ, что жизнь рано или поздно прекращается. У растеній—тамъ, гдѣ предѣлы ко-

---

[1]) Для объясненія силы наслѣдственности были предложены разныя теоріи, но и послѣдняя изъ нихъ — теорія *Пангенезиса*, принадлежащая Дарвину и наиболѣе удовлетворяющая требованіямъ физіологіи, едва ли справедлива. По крайней мѣрѣ опыты для ея подтвержденія дали результатъ отрицательный (см. *Francis Galton*, Experiments in Pangenesis. Proceedings of Royal Society. March. 1871; или The Ann. and Magaz. of Natural History; 1871. May, p. 372).

лебанія жизни подвержены большимъ измѣненіямъ, гдѣ нѣтъ такой степени интеграціи, какую мы встрѣчаемъ у животныхъ—и тамъ затраты силы превышаютъ ея приходъ. Несмотря на то, что нѣкоторыя деревья могутъ существовать нѣсколько сотъ лѣтъ— они все-таки старѣются, возобновленіе ихъ тканей не можетъ идти съ одинаковой быстротой и силой во всѣхъ частяхъ ихъ организма — и является смерть, какъ неизбѣжное слѣдствіе, лежащее въ прирожденныхъ свойствахъ самого организма.

Точно также вымираетъ каждый видовой типъ, оставляя послѣ себя другой, измѣненный типъ, вымираетъ потому, что всѣ физіологическія силы его израсходовались на эти измѣненія. Разсматривая многія изъ исчезнувшихъ группъ по количественному распредѣленію ихъ видовъ въ геологическихъ пластахъ, невольно приходишь къ заключенію, что эти группы имѣли такія же періодическія явленія въ ихъ жизни, какъ и каждый отдѣльный организмъ, что и для нихъ въ этой жизни существовали молодость, возмужалость и старчество. Это вымираніе типовъ можетъ вполнѣ аналогировать съ естественной смертью отдѣльныхъ организмомъ, тогда какъ смерть отъ борьбы за существованіе можно сравнить съ насильственной смертью.— Что касается до вымиранія типовъ вслѣдствіе физіологической инерціи, то и эта смерть несетъ характеръ случайности. Ее можно уравнять смерти организма отъ разныхъ болѣзненныхъ, патологическихъ причинъ.

Таковы законы, которые управляютъ всѣми явленіями развитія органическаго міра. Изъ предлагаемаго бѣглаго очерка ихъ можно ясно видѣть, что вообще наши познанія объ этихъ законахъ представляютъ много неразрѣшеннаго, проблематическаго. Но можно надѣяться, что тотъ путь, на который поставилъ зоологію Дарвинъ, именно поведетъ къ разгадкѣ этихъ общихъ явленій. Понятно, что здѣсь потратится много трудовъ упорныхъ и талантливыхъ, потребуется можетъ быть не одна жизнь такихъ многостороннихъ тружениковъ, какъ Дарвинъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ въ результатѣ мы получимъ всѣ эти законы, какъ выраженіе одного общаго закона и слѣдствіе одной общей силы.

Изслѣдованія этихъ законовъ пріобрѣтаютъ особенный интересъ, если мы вспомнимъ, что человѣкъ принадлежитъ также къ міру организмовъ и что общіе законы, управляющіе этимъ міромъ, необходимо должны захватывать также индивидуальную и соціальную жизнь человѣка. Въ этомъ случаѣ, является не сравненіе, не аналогія, но полная тожественность явленій и ихъ сопричность. Разница только въ томъ, что въ человѣкѣ, какъ въ самомъ сложномъ организмѣ, всѣ эти явленія представляются точно также сильно сложными и запутанными.

Оставляя въ сторонѣ тѣ частныя, случайныя выраженія этихъ законовъ, которыя являются въ отдѣльныхъ индивидуумахъ и которыя принадлежатъ къ области патологіи, оставляя также въ сторонѣ выраженіе этихъ законовъ въ эмбріологіи человѣка, мы посмотримъ только на тѣ случаи, гдѣ проявленіе ихъ обхватываетъ цѣлыя общества.

Каждый индивидуумъ мы должны разсматривать, какъ организмъ, обладающій извѣстнымъ, опредѣленнымъ количествомъ дѣйствующей силы, а вслѣдствіе этого и все общество является намъ комплексомъ единичныхъ, индивидуальныхъ силъ, также имѣющимъ опредѣленное выраженіе. Таковъ *зоологическій* законъ, указанный нами выше. Всѣ дѣйствія общества должны совершаться насчетъ этой силы, насчетъ ея затратъ.

На первыхъ ступеняхъ развитія каждаго человѣческаго общества мы видимъ самое простое выраженіе закона интеграціи. Семья и родъ, инстинкты размноженія являются здѣсь той связующей силой, которая, затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи замѣняется силой общественности. Нѣтъ сомнѣнія, что эта связующая сила составляетъ часть того количества силъ, которыми обладаетъ общество. При дезинтеграціи общества, когда эта сила слабѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, насчетъ ея выигрываютъ индивидуальныя силы. Но, съ другой стороны, эта дезинтеграція разрушаетъ ту связь отдѣльныхъ силъ, ту ассоціацію ихъ, съ помощью которой общество достигаетъ весьма значительныхъ и сложныхъ результатовъ.

Какъ необходимое слѣдствіе интеграціи, является раздѣленіе труда. Это тотъ зоологическій законъ, который былъ доказанъ въ политической экономіи гораздо раньше, чѣмъ замѣтили его зоологи. Тамъ гдѣ осложняются потребности общества, тамъ необходима спеціализація труда, удовлетворяющая этимъ потребностямъ. Сообразно имъ спеціализируются индивидуальныя силы, способности, взгляды, являются категоріи, кружки ремесленные, фабричные, научные, литературные и т. д Но чѣмъ далѣе идетъ эта спеціализація, тѣмъ болѣе проигрываетъ свобода индивидуальности, тѣмъ зависимѣе становится эта индивидуальность отъ цѣлаго общества и тѣмъ крѣпче связывается это общество.

Одна изъ главныхъ цѣлей каждаго развитаго общества совершенно та же, какъ и въ обществѣ пчелъ—т.-е. произведеніе наиболѣе умныхъ и дѣятельныхъ членовъ. Но никогда въ обществахъ человѣческихъ эта задача не будетъ поставлена такъ просто, элементарно и никогда раздѣленіе физіологическаго труда не выразится въ такой грубой, уродливой формѣ,—какъ въ общинахъ насѣкомыхъ.

Человѣкъ представляетъ самое полное выраженіе пропорціональныхъ отношеній органовъ, но тѣмъ не менѣе колебанія въ ихъ развитіи и здѣсь имѣютъ мѣсто. И здѣсь, точно также какъ у животныхъ, дѣйствуетъ законъ органическаго равновѣсія и одинъ органъ можетъ развиваться насчетъ другого. Только эти явленія не имѣютъ здѣсь той рѣзкой формы какъ у животныхъ, за то они представляются въ болѣе сложной формѣ, такъ какъ самые органы являются здѣсь болѣе сложными. Всѣ различные оттѣнки склада ума, всѣ одностороннія проявленія мысли въ различныхъ индивидуумахъ, мы можемъ разсматривать какъ слѣдствіе развитія однихъ органовъ нервной системы насчетъ другихъ. Въ силу этого явленія могутъ образоваться партіи, кружки людей съ одинаковымъ складомъ мозга, съ однимъ направленіемъ мысли. Но въ силу постоянно работающей силы раздѣленія физіологическаго труда, въ самыхъ этихъ кружкахъ начинается дифференцировка, обособленіе. Является бо̀льшая многосторонность въ направленіяхъ, являются новые оттѣнки взглядовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ процессомъ могутъ идти явленія, сходныя съ атавизмомъ. При развитіи каждаго общества мы видимъ борьбу между консервативными и прогрессивными явленіями, мы видимъ колебанія, которыя не рѣдко появляются правильно, періодически и захватываютъ болѣе или менѣе всѣ слои общества. Если мы допустимъ, на основаніи нѣкоторыхъ физіологическихъ и патологическихъ наблюденій, что процессы растительной жизни, процессъ пищеваренія, напримѣръ, со всѣми осложненіями гастрономическаго вкуса, могутъ совершать ихъ развитіе насчетъ дѣятельности нѣкоторыхъ частей мозга, то въ этомъ уже явленіи мы можемъ найти одно изъ частныхъ условій для постоянной борьбы и колебаній при развитіи цѣлаго общества.

Разсматривая все общество какъ сложный организмъ, собранный изъ множества органитовъ-индивидуумовъ, мы можемъ объяснить, почему въ его частяхъ нерѣдко является неравномѣрное распредѣленіе дѣйствующей общей силы и почему является избытокъ органовъ или членовъ съ одинаковымъ отправленіемъ, или гомологовъ. Всякая новая потребность, вызванная раздѣленіемъ труда, вызываетъ въ свою очередь и новую сферу дѣятельности, являются новыя фабрики, новыя отрасли промышленности и торговли и т. п. Къ этой новой дѣятельности притекаетъ избытокъ силъ, являющійся вслѣдствіе уродливой, ненормальной интеграціи и другихъ многихъ причинъ, говорить о которыхъ здѣсь было бы неумѣстно, хотя многія изъ нихъ и принадлежатъ точно также къ явленіямъ физіологическимъ или зоологическимъ. Слѣдствіемъ усиленнаго притока

является излишекъ членовъ, которые служатъ одному отправленію.

Понятно, что этотъ излишекъ рано или поздно станетъ яснымъ для этихъ самыхъ членовъ, и если общество правильно организовано, то избытокъ его силъ въ одномъ мѣстѣ всегда найдетъ примѣненіе въ другомъ; онъ пойдетъ на новое осложненіе организма, на новое обособленіе его умственныхъ или другихъ сторонъ. Вся сила здѣсь въ томъ, чтобы питаніе шло правильнымъ путемъ, чтобы силы организма не пропадали, не тратились на мелочи и чтобы передвиженіе ихъ совершалось легко и удобно.

Борьба за существованіе, имѣющая такое громадное значеніе въ развитіи всѣхъ типовъ животныхъ, играетъ точно также значительную роль и въ человѣческихъ обществахъ. Она совершается съ большей или меньшей силой не только въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ, но идетъ между цѣлыми обществами, расами, націями. Можетъ быть, всѣ захваты, которыми такъ богата древняя исторія, всѣ враждебныя стремленія современныхъ національностей и даже чувство самосохраненія, такъ сильно привитое каждой изъ нихъ, имѣетъ своимъ прямымъ источникомъ борьбу за существованіе.

Если мы примемъ это явленіе за причину гибели нѣкоторыхъ національностей, то, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ Дрэперомъ и не признать существованіе въ каждомъ обществѣ причинъ, обусловливающихъ его исчезаніе. Это явленіе точно также законно, какъ и вымираніе цѣлыхъ видовыхъ типовъ въ царствѣ животныхъ или растеній. Если приходъ силъ въ какомъ-нибудь обществѣ не покрываетъ ихъ расхода, если эти силы постоянно тратятся на новыя осложненія, на развитіе, то должно же настать время ихъ полнаго истощенія и смерти цѣлой расы, или, правильнѣе говоря, перерожденіе ея въ другую національность.

Высказывая всѣ эти положенія въ краткихъ и сжатыхъ очеркахъ, я опасаюсь, что они съ одной стороны будутъ имѣть характеръ общихъ мѣстъ а съ другой — покажутся бездоказательными. Но для изложенія этихъ доказательствъ потребовался бы цѣлый трактатъ настолько обширный, насколько вообще полны наши свѣдѣнія въ явленіяхъ не только біолого-физіологическихъ, психологическихъ, но также политико-экономическихъ и соціологическихъ. Если наши знанія относительно законовъ развитія организмовъ еще слишкомъ далеки отъ полноты и совершенства, то нельзя и требовать полнаго примѣненія этихъ знаній къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какія представляетъ

исторія развитія человѣческихъ обществъ. Вотъ почему, вмѣсто всякихъ доказательствъ, я прошу каждаго сомнѣвающагося въ полномъ тожествѣ законовъ развитія всего органическаго міра, вдуматься во всѣ тѣ отношенія, которыя представляетъ каждое общество въ различныхъ его жизненныхъ проявленіяхъ. Я не сомнѣваюсь, что каждый придетъ къ заключенію, что все совершающееся въ этой области имѣетъ непосредственнымъ началомъ чисто-физіологическіе процессы. Пища, составляющая неизбѣжный и главный источникъ жизненныхъ силъ каждаго организма, играетъ такую же роль и въ цѣломъ обществѣ. Изъ этого равенства первоначальнаго источника вытекаетъ равенство и всѣхъ послѣдующихъ явленій. Какимъ бы образомъ ни запутывались и ни маскировались эти явленія въ обществахъ людскихъ, все равно — они не могутъ освободиться отъ тѣхъ законовъ, которые обязательны для всего живущаго и развивающагося. И чѣмъ глубже зоологія будетъ входить въ частности этихъ законовъ въ явленіяхъ жизни болѣе простыхъ формъ, тѣмъ яснѣе будетъ для насъ ихъ смыслъ въ сложныхъ явленіяхъ человѣческой жизни.

Во всякомъ случаѣ всего сказаннаго, полагаю, вполнѣ достаточно для отвѣта на вопросъ, поставленный въ заголовкѣ статьи, на вопросъ—куда идетъ зоологія?

Она идетъ туда же, куда стремится каждая наука, желающая помочь обществу въ дѣлѣ его развитія. Она старается уяснить законы этого развитія и сдѣлать его сознательнымъ. Такова ея цѣль и ея руководящая мысль. Съ этой точки зрѣнія, понятно, немыслимо ея отдѣльное существованіе отъ біологіи, сравнительной анатоміи, физіологіи и эмбріологіи. Она составляетъ съ ними одно нераздѣльное цѣлое и не можетъ представляться только сборникомъ фактовъ или конкретныхъ случаевъ. И если въ общей классификаціи всѣхъ наукъ относительное ихъ положеніе можетъ измѣряться степенью ихъ утилитарности въ дѣлѣ развитія общества, то зоологія въ этой классификаціи, безспорно, должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ, подлѣ антропологіи, психологіи и другихъ основныхъ наукъ для соціологіи.

Н. Вагнеръ.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ

В) Разложеніе древняго міра и начало новаго.

Въ концѣ предшествовавшей главы *) мы сказали, что последнее государство древняго міра было завоевано собственнымъ войскомъ, собственными полководцами, и мы видѣли причины, почему ослабѣвшій Римъ позволилъ покорить себя. Мы видѣли, что процессъ внутренняго развитія Рима кончился съ прекращеніемъ борьбы между патриціями и плебеями, кончился уравненіемъ этихъ двухъ частей народонаселенія. Другой задачи бытія, другого высокаго и общаго интереса не было болѣе, возбудиться новымъ задачамъ, новымъ интересамъ было неоткуда: Римъ сталъ владыкою извѣстнаго міра и потому сталъ одиновъ. Отсутствіе общаго интереса необходимо ведетъ къ преобладанію частныхъ интересовъ; исчезъ патриціанскій интересъ, исчезъ плебейскій интересъ, слѣдовательно исчезла самая крѣпкая связь между патриціями съ одной стороны, и между плебеями съ другой. Прежде если Титъ Спурій Лонгинъ былъ патрицій, то первая мысль его была о томъ, что онъ патрицій, долженъ охранять патриціанскій интересъ, долженъ приноравливать всѣ свои дѣйствія къ этой цѣли; въ каждомъ патриціѣ онъ видѣлъ товарища, брата, съ которымъ долженъ дѣйствовать дружно, неразрывно

---

*) См. выше: янв. 76 стр.

по единству интересовъ, съ которымъ слѣдовательно долженъ сближаться, ладить, равняться. Но когда борьба прекратилась, когда нечего было больше защищать сообща, исчезъ общій интересъ, то Титъ Спурій Лонгинъ естественно переставалъ себя чувствовать частію цѣлаго, онъ становился совершенно самостоятельнымъ, и начиналъ жить особнякомъ, сосредоточивши все свое вниманіе на однихъ частныхъ интересахъ. Республиканскій Римъ палъ не отъ того, что уменьшились способности наверху, между людьми, находившимися въ челѣ управленія; напротивъ, способности увеличивались, ибо способнымъ людямъ была возможность снизу достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ; но дѣло въ томъ, что способности раздѣлились, перестали преслѣдовать одни общія цѣли, и часто люди наиболѣе способные шли противъ конституціи для достиженія частныхъ цѣлей. Вотъ почему такъ странно, и болѣе тѣмъ странно читать въ нѣкоторыхъ авторитетныхъ сочиненіяхъ возгласы противъ римской аристократіи послѣднихъ временъ республики, аристократіи, забравшей въ свои руки правительство и между тѣмъ оскудѣвшей правительственною мудростію, неспособной поддержать государство. Люди, позволяющіе себѣ эти возгласы, забываютъ, что Катилины и Цезари были аристократы, и что аристократы, изъ страха предъ Катилинами и Цезарями, прижимались къ человѣку худородному, новому, провинціалу Цицерону, величали его отцомъ отечества, что эта аристократія, которую не церемонятся называть и олигархіею, позволяла новому человѣку Цицерону играть главную роль при защитѣ древней свободы, древней конституціи, противъ посягновеній аристократовъ — Катилинъ и Цезарей. Какимъ же образомъ явился такой странный взглядъ на послѣднія времена республиканскаго Рима, откуда явились толки объ аристократіи и даже олигархіи и вредныхъ ея дѣйствіяхъ, о борьбѣ между аристократическою и демократическою партіями, причемъ не берутъ на себя труда изложить программы этихъ партій? Все это произошло отъ безнравственнаго поклоненія успѣху. Въ стремленіи къ достиженію частныхъ цѣлей, къ достиженію господства, начали получать успѣхъ люди, опиравшіеся на матеріальную силу, на войско, полководцы, и одинъ изъ нихъ, низложивши соперника, производитъ правительственный переворотъ, становится неограниченнымъ главою государства. И вотъ, историки сочли своею обязанностію не только объяснить явленіе, объяснить успѣхъ, но и оправдать его, а для этого нужно представить побѣдителя Цезаря вождемъ народной стороны, демократіи и тѣмъ возбудить къ нему сочувствіе; у противниковъ его, наоборотъ, понадобилось отнять

сочувствіе, унизить Помпея, Цицерона, унизить всѣхъ людей, стоявшихъ въ челѣ правленія, заклеймить ихъ названіемъ аристократовъ, олигарховъ и людей неспособныхъ.

Мы видѣли, что паденіе стараго республиканскаго Рима объясняется легко: когда исчезла внутренняя связь общаго интереса, когда силы распались, пошли врознь вслѣдствіе побужденій частнаго интереса, то для поддержанія государства явилась необходимость въ внѣшней связи, внѣшнемъ сосредоточеніи силъ и ихъ направленіи, что и доставила Риму военная монархія или цезаризмъ. Мы повторяемъ, что анархія ведетъ къ деспотизму; но что такое анархія, какъ не отсутствіе внутренней связи въ обществѣ, отсутствіе высшихъ общихъ интересовъ, жизнь врознь, разбродъ силъ по указанію однихъ частныхъ интересовъ. Такая анархія именно господствовала въ республиканскомъ Римѣ въ эпоху его паденія, и повела необходимо къ замѣнѣ внутренней связи внѣшнею, къ цезаризму. Но изъ сказаннаго ясно, что цезаризмъ представляетъ чрезвычайно печальное явленіе. Это не была та или другая монархическая форма, вытекшая изъ условій исторической жизни извѣстнаго народа, форма съ нимъ сросшаяся, освященная преданіями вѣковъ: это была тираннія, незаконный, хотя и необходимый захватъ власти въ одряхлѣвшемъ обществѣ, потерявшемъ внутреннюю связь и тѣмъ лишившимся способности самоуправленія; это была хирургическая повязка для соединенія раздробленныхъ частей больного организма, и повязка безполезная, ибо организмъ дряхлъ, раздробленныя части не сростутся съ помощію повязки. Такъ какъ новое правительство не имѣло никакого освященія, то оно не могло показаться на свѣтъ въ настоящемъ своемъ видѣ, должно было скрыться за старыми освященными формами, и отсюда, разумѣется, происходила ложь, противорѣчіе между формами и сущностью дѣла, что раздражало и властителя и подвластныхъ, постоянно напоминая тѣмъ и другимъ незаконность явленія. Цезарь имѣлъ неограниченную власть и не могъ объявить, что ее имѣетъ, не могъ назваться царемъ, да еслибъ и назвался, то не умѣлъ держать себя по-царски, царскихъ преданій и привычекъ не было на римской почвѣ; цезарь, сламывая всякое сопротивленіе, свирѣпствуя, истребляя лучшихъ людей для утвержденія своей власти, все же имѣлъ старыя привычки, не могъ обойтись безъ площади, безъ народа, безъ публичной жизни. Отсюда одинъ сознательно всю свою жизнь играетъ комедію и требуетъ, чтобъ рукоплескали при ея окончаніи; другой, не будучи въ состояніи играть комедіи, бѣжитъ изъ Рима на уединенный островъ; третій, не будучи въ состояніи обойтись безъ площади и на-

рода, хочетъ быть музыкантомъ, актеромъ; четвертый является философомъ, пятый занимается огородничествомъ.

И всѣ эти люди—люди строгой нравственности и чудовища разврата, безумцы и философы, музыканты и садовники, смѣняя другъ друга поодиночкѣ или цѣлыми рядами, истрачиваютъ послѣднія силы вѣчнаго города, проживаютъ послѣднія средства древней цивилизаціи; прибавить къ этимъ силамъ и средствамъ лучшіе изъ нихъ ничего не могутъ. Римъ одряхлѣлъ окончательно, одряхлѣлъ и древній міръ, одряхлѣла древняя цивилизація. Припомнимъ, какое, вслѣдствіе нашихъ наблюденій, мы получили понятіе объ этомъ древнемъ мірѣ.

Мы видѣли, что этотъ міръ распадался на двѣ половины, восточную, азіатско-африканскую, и западную, европейскую, и обѣ половины представили намъ противоложность, хотя и не безъ переходныхъ формъ (въ Финикіи). Въ восточной половинѣ мы видимъ болѣе или менѣе обширныя народныя тѣла, очень слабо развитыя, не расчлененныя, не выдѣлившія многихъ органовъ, плотныя массы, представляющія одно туловище и голову. Мы замѣтили, что въ происхожденіи такихъ народныхъ массъ преимущественно участвовала родовая форма; эти монархіи произошли изъ соединенія многихъ развѣтвленныхъ родовъ, которые, сближаясь вслѣдствіе размноженія своихъ членовъ и сталкиваясь при исчезновеніи прежняго простора, стремились прекратить свои столкновенія созданіемъ внѣшней связи посредствомъ одной общей главы, верховнаго родоначальника, ибо другой формы для связующаго начала, другой формы правительственной они не знали; при этомъ, разумѣется, усиленіе одного рода насчетъ всѣхъ другихъ и насиліе этого сильнѣйшаго очень часто должно было содѣйствовать образованію такихъ народныхъ тѣлъ, такихъ монархій. Особность родовъ и враждебность ихъ другъ къ другу условливали неспособность къ общему дѣйствію, слѣдовательно условливали необходимость сильной власти, все сосредоточивающей и все направляющей. Подлѣ этой власти мы не видимъ сословій самостоятельныхъ по своимъ средствамъ, по землевладѣнію или по богатству движимому, которыя бы стремленіемъ опредѣлить свои отношенія другъ къ другу и къ верховной власти могли сообщить движеніе народной жизни. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Востока мы видимъ раздѣленіе народа на касты; но это раздѣленіе слишкомъ рѣзко; тутъ нѣтъ ничего органическаго, это раздробленіе на совершенно отдѣльныя части, и понятно, что такое раздробленіе производило самую сильную надобность въ связующемъ началѣ; если сильная власть условливается раздѣленіемъ подвластныхъ,

то и кастность необходимо ведетъ къ деспотизму. Указываютъ н Востокѣ могущественныя жреческія сословія; но это могущест далеко не таково, какъ съ перваго раза кажется. Значені служителя религіи есть значеніе нравственное въ противоп ложность матеріальному значенію сильныхъ земли. Служите религіи тогда силенъ, когда непосредственно обращается къ нра ственному чувству народа, возбуждаетъ, поддерживаетъ его, когд онъ не только жрецъ, но и пророкъ, т.-е. проповѣдникъ нра ственности. Но извѣстно, что языческія религіи не имѣли тѣсной необходимой связи съ народною нравственностью, обязаннос жреца ограничивались священнодѣйствіемъ, жертвоприношеніем гаданіемъ, волхвованіемъ. Жрецы имѣли еще другое преимущест предъ толпою,—преимущество знанія. Но всѣ эти преимущества без пророчества или проповѣдничества, не могли дать жрецам независимости, и мы уже замѣтили прежде, что они польз вались этими преимуществами, чтобъ пріобрѣсть какъ можн болѣе матеріальныхъ выгодъ, причемъ вошли въ сдѣлки съ людьми сосредоточившими въ своихъ рукахъ матеріальныя средств стали также орудіями для усиленія и утвержденія власти этих людей.

Допуская могущество вліянія географическаго и этногра фическаго, вліянія природы и племени на судьбу народовъ, мы допустили и могущество вліянія еще другихъ, собственно исто рическихъ условій, вліянія воспитанія народнаго. Здѣсь мы ук зали могущественное вліяніе движенія, странствованія народнаго соединеннаго съ подвигомъ, съ выдѣленіемъ дружинъ, дѣятельнос которыхъ создаетъ геройскій или богатырскій періодъ въ истори народовъ. Этими явленіями характеризуется исторія европейских народовъ древности, исторія городовъ или гражданства въ про тивоположность исторіи народовъ на Востокѣ. Но и здѣсь мы видимъ односторонность въ развитіи, видимъ города безъ народа безъ страны. Еще въ Греціи мы замѣчаемъ нѣкоторое единство существуетъ представленіе общности страны и общности народной; это происходитъ оттого, что здѣсь изначала были города равно сильные, которые или боролись другъ съ другомъ или соединялись для извѣстной общей дѣятельности, и потому необходимо должны были признавать высшее единство; общая дѣятельность равно правныхъ царей вначалѣ, потомъ равноправныхъ городовъ, общая борьба ихъ съ Востокомъ укрѣпила сознаніе высшаго единства сознаніе эллинизма въ противоположность варварамъ. Но Римъ не признавая для себя въ Италіи равныхъ городовъ, не сое диняясь съ ними для общихъ дѣйствій внѣ Италіи или дл Италіи, стремясь къ владычеству надъ всѣми другими городами

и племенами Италіи, не признавалъ надъ собою высшаго, Италіи; для римлянина существуетъ только Римъ, римскій народъ, все остальное въ Италіи было чужое. Въ Римѣ городовая особность древняго европейскаго міра достигла высшаго выраженія. Попытка поставить Италію выше Рима—союзническая война—не удалась. Городъ явился владыкою міра; но именно тутъ-то, достигнувъ высшей степени матеріальнаго величія, вѣчный городъ и теряетъ то значеніе, какое городъ получилъ на Западѣ въ древности, значеніе свободной, самоуправляющейся общины, республики: онъ подчиняется цезарю; форма остается западная, городская, а сущность дѣла восточная—безправіе всѣхъ передъ однимъ и механическое сопоставленіе народностей посредствомъ завоеванія. Греко-римская цивилизація даетъ внѣшній блескъ, лоскъ этой пестрой массѣ, но не связываетъ ея частей, а по двойственности своей раздѣляетъ римскія владѣнія на двѣ большія половины, восточную и западную. Кромѣ этого раздѣленія, въ западной половинѣ находятся различныя, болѣе или менѣе сильныя, живучія національности, которыя ждутъ только перваго внѣшняго толчка, чтобъ выдѣлиться; имперія дѣйствительно дѣлится сама собою еще прежде паденія, которое есть не иное что, какъ дѣленіе окончательное. Это явленіе мы видимъ и на Востокѣ: распаденіе большихъ монархій по явственнымъ надломамъ, обозначающимъ отдѣльныя, насильственно соединенныя національности. Итакъ, древній міръ оканчивается распаденіемъ одной громадной имперіи на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Но почему же здѣсь древній міръ оканчивается? Потому что историческая сцена расширяется, являются новыя страны, бывшія до сихъ поръ за оградою исторіи, являются новые народы съ новымъ строемъ внутренней и внѣшней жизни, является новая религія.

Три группы народовъ — восточныхъ, древне-европейскихъ и смѣнившихъ ихъ ново-европейскихъ, доставляютъ намъ значительный матеріалъ для историческихъ наблюденій; но имѣя въ виду строгую научность, мы должны чрезвычайно осторожно поступать при этихъ наблюденіяхъ и не вносить въ науку выводовъ, сдѣланныхъ на недостаточномъ количествѣ наблюденій. Такъ, мы должны признать ненаучнымъ выводъ о безконечномъ прогрессѣ. Замѣтили, что древніе европейскіе народы въ своей цивилизаціи стали выше восточныхъ, а новые европейскіе народы выше древнихъ—и провозгласили безконечный прогрессъ. Но это провозглашеніе сдѣлано слишкомъ поспѣшно. Мы видѣли, что въ развитіи народа могущественно участвуютъ три условія—природа страны, природа племени и воспитаніе, т.-е.

собственно историческія условія, при которыхъ народъ начинаетъ и продолжаетъ свое бытіе; это тѣ же самыя условія, которыя дѣйствуютъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка: среда, гдѣ онъ родился и дѣйствуетъ, способности, съ какими родился, и воспитаніе, имъ полученное, принимая воспитаніе въ самомъ обширномъ смыслѣ, т.-е. какъ совокупность явленій, дѣйствовавшихъ въ томъ или другомъ смыслѣ на физическое или духовное развитіе человѣка. Превосходство древне-европейскихъ народовъ надъ восточными намъ понятно, потому что у первыхъ видимъ чрезвычайно благопріятныя природныя, племенныя и историческія условія, или условія народнаго воспитанія, поэтому сѣмена восточной цивилизаціи, упавши на добрую почву, должны были развиться сильно; также понятно намъ превосходство новыхъ европейскихъ народовъ предъ древними, потому что къ той же выгодѣ условій природныхъ и племенныхъ присоединялся запасъ древней цивилизаціи, да еще выгоднѣйшія историческія условія, лучшее воспитаніе, присоединялась общая жизнь народовъ при высшей религіи. Но мы не имѣемъ никакого права сказать, что дальнѣйшее движеніе возможно при ухудшеніи этихъ условій, что племена монгольскія, малайскія и негрскія могутъ перенять у арійскаго племени дѣло цивилизаціи и вести его дальше. Мы признаемъ любовь, уваженіе къ монголамъ, малайцамъ и települ неграмъ чувствомъ очень хорошимъ, только заявляемъ, что не можемъ результата этого чувства внести въ науку, ибо онъ не основанъ на наблюденіи, на подмѣченномъ фактѣ. Предположить, что новые европейскіе народы будутъ безсмертны и изъ выгодныхъ условій своего быта будутъ вѣчно почерпать возможность вести далѣе дѣло цивилизаціи, мы также не имѣемъ права, ибо такое предположеніе будетъ противорѣчить наблюденію надъ всѣмъ существующимъ. Мы можемъ принять только тѣ выводы, которые явились вслѣдствіе наблюденій надъ историческою жизнью народовъ. Таковъ выводъ, что въ жизни историческихъ, доступныхъ развитію народовъ, заключаются одинакія явленія, одинакіе періоды, потому что каждый народъ проходитъ извѣстные возрасты, развивается по тѣмъ же законамъ, по какимъ развивается и отдѣльный человѣкъ. Чтобъ дать своему взгляду болѣе общности и примѣнимости, мы дѣлимъ жизнь каждаго историческаго народа на двѣ половины или на два возраста, какъ тѣ же двѣ половины замѣчаемъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка. Въ первой половинѣ народъ живетъ, развивается, преимущественно подъ вліяніемъ чувства: это время его юности, время сильныхъ страстей, сильнаго движенія, имѣющаго результатомъ зиждительность, творчество политическихъ

формъ. Здѣсь, благодаря сильному огню, куются памятники народной жизни въ разныхъ ея сферахъ или, по крайней мѣрѣ, закладываются прочные фундаменты этихъ памятниковъ. Наступаетъ вторая половина народной жизни: народъ мужаетъ, и господствовавшее до сихъ поръ чувство уступаетъ мало-по-малу свое господство мысли. Такимъ образомъ, въ жизни историческихъ, развивающихся народовъ мы признаемъ два періода, періодъ чувства и періодъ мысли; разумѣется, мы такъ выражаемся для краткости, собственно мы разумѣемъ періодъ господства чувства и періодъ господства мысли. Сомнѣніе, стремленіе повѣрить то, во что прежде вѣрилось, что признавалось истиннымъ, задать вопросъ — разумно или неразумно существующее, потрогать, пошатать то, что считалось до сихъ поръ непоколебимымъ, знаменуетъ вступленіе народа во второй періодъ, періодъ мысли.

Теперь надобно опредѣлить отношеніе исторической науки къ этому явленію. Разумѣется, признаніе извѣстнаго закона должно прежде всего успокоивать, вести къ спокойному, безпристрастному наблюденію подробностей. Историку не для чего отдавать преимущество тому или другому періоду, ибо онъ имѣетъ дѣло не съ абсолютнымъ прогрессомъ, а съ развитіемъ, при которомъ съ пріобрѣтеніемъ или усиленіемъ одного начала, однихъ способностей утрачиваются или ослабляются другія. Человѣкъ возмужалъ, окрѣпъ, чрезъ упражненіе мысли, чрезъ науку и опытъ жизни пріобрѣлъ безспорныя преимущества, и между тѣмъ горько жалѣетъ о невозвратно минувшей юности, о ея порывахъ и страстяхъ, мудрецъ жалѣетъ о заблужденіяхъ, значитъ, въ этомъ пережитомъ возрастѣ было что-то очень хорошее, что утратилось при переходѣ въ другой возрастъ. Мы уже указали на значеніе періода чувства въ народной жизни, періода сильныхъ и страстныхъ движеній, періода подвиговъ, когда народъ, находящійся подъ вліяніемъ чувства, стоитъ твердо прикованный къ извѣстнымъ предметамъ своихъ сильныхъ привязанностей, онъ сильно любитъ и сильно ненавидитъ, не давая себѣ отчета о причинахъ своей привязанности и вражды; стóитъ только сказать ему, что предметъ его привязанности въ опасности, стóитъ подняться священному для него знамени, и онъ собирается, несмотря на всѣ препятствія, онъ жертвуетъ всѣмъ; чувство даетъ силу, способность совершать громадныя работы, воздвигать зданія не матеріальныя только, но и политическія; сильныя государства, крѣпкія народности, твердыя конституціи выковываются въ періодъ чувства. Но этотъ же періодъ знаменуется явленіями вовсе непривлекательными, довольно указать на обычный

упрекъ, дѣлаемый этому періоду и дѣлаемый совершенно справедливо, на упрекъ въ суевѣріи, фанатизмѣ, двухъ естественныхъ и необходимыхъ результатахъ господства чувства, неумѣряемаго мыслію. Но точно также односторонне признавать за вторымъ періодомъ безусловное превосходство надъ первымъ.

Періодъ господства мысли, который красится процвѣтаніемъ науки, просвѣщенія, имѣетъ свои темныя стороны. Усиленная умственная дѣятельность обнаруживаетъ скоро свое разлагающее дѣйствіе и свою слабость въ дѣлѣ созиданія. Чувство считаетъ извѣстные предметы священными, неприкосновенными, оно разъ опредѣлило къ нимъ отношенія человѣка, общества, народа, и требуетъ постояннаго сохраненія этихъ отношеній. Мысль считаетъ такія постоянныя отношенія суевѣріемъ, предразсудкомъ, она свободно относится ко всѣмъ предметамъ, одинаково всѣ подчиняетъ себѣ, дѣлаетъ предметомъ изслѣдованія, допрашиваетъ каждое явленіе о причинѣ и правѣ его бытія. Чувство, напримѣръ, опредѣляетъ отношенія къ своему и чужому такимъ образомъ, что свое имѣетъ право на постоянное предпочтеніе предъ чужимъ; народы, живущіе въ періодъ чувства, остаются вѣрны этому опредѣленію; но постоянная вѣрность ему ведетъ къ неподвижности. Если народъ способенъ къ развитію, способенъ вступить во второй періодъ или второй возрастъ своей жизни, то движеніе обыкновенно начинается знакомствомъ съ чужимъ, мысль начинаетъ свободно относиться къ своему и чужому, отдавать преимущество жизни народовъ чужихъ, опередившихъ въ развитіи, находящихся уже во второмъ періодѣ. Чувство старается сохранить установленныя имъ отношенія, и происходитъ борьба, болѣе или менѣе сильная, съ болѣе или менѣе сильными реакціями вслѣдствіе односторонняго, крайняго развитія борющихся началъ. Мысль, выведши народъ въ широкую сферу наблюденій надъ множествомъ явленій въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ, въ широкую сферу сравненій, соображеній и выводовъ, покинувъ вопросъ о своемъ и чужомъ, стремится переставить отношенія на новыхъ общихъ началахъ; но ея опредѣленія отношеній не имѣютъ прочности, ибо каждое опредѣленіе подлежитъ, въ свою очередь, критикѣ, подкапывается, является новое опредѣленіе, повидимому, болѣе разумное, но и то, въ свою очередь, подвергается той же участи. Старыя вѣрованія, старыя отношенія разрушены, а въ новое, безпрестанно измѣняющееся, въ многоразличные, борющіеся другъ съ другомъ, противорѣчивые толки и системы вѣрить нельзя. Раздаются вопли отчаянія: гдѣ же истина? что есть истина? Древо познанія не есть древо жизни! Народъ дѣлаетъ послѣд-

нюю попытку найти твердую почву: онъ бросаетъ различныя философскія системы, не приведшія его къ истинѣ, и начинаетъ преимущественно заниматься тѣмъ, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ человѣка: что я вижу, осязаю — то вѣрно, внѣ этого вѣрнаго ничего знать не хочу, ибо внѣ этого нѣтъ ничего вѣрнаго, все фантазіи, бредни. Сначала это направленіе удовлетворяетъ, сфера знанія расширяется, результатъ добывается блестящій, точныя науки процвѣтаютъ, ихъ приложенія производятъ обширный рядъ житейскихъ удобствъ. Но это удовлетвореніе скоропреходящее. Причины явленій, по прежнему, остаются тайными; при изслѣдованіяхъ, неизбѣжныя, безпрестанныя ошибки; повидимому, добыты богатые результаты, но, въ сущности, добыта песчинка. А между тѣмъ матеріализмъ и неизбѣжная при томъ односторонность, узкость, мелкость взгляда наводнили общество, удовлетвореніе физическихъ потребностей становится на первомъ планѣ, человѣкъ перестаетъ вѣрить въ свое духовное начало, въ его вѣчность, перестаетъ вѣрить въ свое собственное достоинство, въ святость и неприкосновенность того, что лежитъ въ основѣ его человѣчности, его человѣческой, т.-е. общественной жизни, является стремленіе сблизить человѣка съ животнымъ, породниться съ нимъ; печной горшокъ становится дороже бельведерскаго кумира, удобство, нѣжащее тѣло, предпочтительнѣе красоты, возвышающей духъ; при такомъ направленіи живое искусство исчезаетъ, замѣняется мертвою археологіею; вмѣсто стремленія поднять меньшую братію является стремленіе унизить всѣхъ до меньшей братіи, уравнять всѣхъ, поставивъ на низшую ступень человѣческаго развитія; а между тѣмъ стремленіе выйти изъ тяжкаго положенія, выйти изъ міра, источеннаго до тла червемъ сомнѣнія и потому разсыпающагося прахомъ, стремленіе найти что-нибудь твердое, къ чему бы можно было прикрѣпиться, т.-е. потребность вѣры не исчезаетъ, и подлѣ невѣрія видимъ опять суевѣріе, но не поэтическое суевѣріе народной юности, а печальное, сухое старческое суевѣріе.

Но если таковы законы развитія человѣческаго общества, то понятно, какъ должны относиться къ нимъ историкъ и гражданинъ. Историку нечего плакать надъ тѣмъ, что народъ живетъ высшею жизнію, развивается, что народъ перешелъ изъ одного возраста въ другой, изъ періода чувства въ періодъ мысли, точно также какъ историку нечего и восторгаться при этомъ переходѣ, привѣтствуя сомнѣніе, какъ начало абсолютно высшаго порядка: обязанность историка спокойно, съ возможною многосторонностію слѣдить за условіями жизни народа во всѣхъ

ея возрастахъ, представляя каждое дѣло и каждаго дѣятеля по отношенію къ тому возрасту народной жизни, въ которомъ они совершались и дѣйствовали. Что же касается обязанностей гражданина къ своему народу и государству, то они одинаковы съ обязанностями человѣка къ своему собственному тѣлу, къ своему здоровью. Каждый человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ рости, мужать, старѣть и наконецъ умереть, но это знаніе нисколько не уменьшаетъ его заботъ о томъ, чтобы прожить какъ можно долѣе и какъ можно долѣе наслаждаться хорошимъ здоровьемъ. Несмотря на то, что нашъ вѣкъ опредѣленъ, человѣкъ, находясь и въ старости, зная слѣдовательно, что конецъ близокъ, все же хлопочетъ о сохраненіи своего здоровья, о томъ, чтобы эта старость была крѣпкая и свѣжая. Такъ и гражданинъ просвѣщенный, зная, по вѣрнымъ признакамъ, что народъ его находится далеко не въ юношескомъ возрастѣ, долженъ всѣми силами содѣйствовать тому, чтобы народъ жилъ какъ можно долѣе, чтобъ самая старость его какъ можно долѣе была крѣпка и свѣжа, тѣмъ болѣе, что предѣлы жизни народовъ не ограничены такъ, какъ предѣлы жизни частныхъ людей. Зная, что въ извѣстные возрасты народной жизни господствуютъ извѣстныя начала, и что отъ односторонности, исключительности ихъ происходитъ вся бѣда, слабость и паденіе, просвѣщенный гражданинъ долженъ противодѣйствовать прежде всего этой исключительности, односторонности, умѣрять одно начало другимъ, ибо отъ этого, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ правильность отправленій народной жизни, здоровье народа, его долговѣчность.

Мы не имѣемъ права придумывать особые законы развитія народовъ, кромѣ извѣстныхъ законовъ развитія отдѣльнаго человѣка и всего органическаго. Какъ не у всѣхъ людей развитіе совершается правильно, не у всѣхъ духовное развитіе совершается соотвѣтственно физическому, нѣкоторые останавливаются на той или другой ступени, нѣкоторые умираютъ преждевременно, или родясь слабыми или встрѣчая сильныя препятствіе окрѣпленію своего организма: тѣ же самыя явленія мы замѣчаемъ и въ жизни народовъ. Китайцевъ обыкновенно называютъ народомъ, остановившемся на извѣстной ступени развитія; но на какой? Вглядѣвшись внимательно, мы заключаемъ, что этотъ народъ, несмотря на свою замкнутость, пережилъ оба возраста или періода, и періодъ чувства и періодъ мысли, и теперь живетъ въ старческомъ безсиліи, подъ господствомъ матеріализма, съ полнымъ равнодушіемъ къ духовнымъ вопросамъ, къ вопросу религіозному; религія для нихъ есть нѣчто

ринятое, требуемое съ одной стороны какъ полицейское пра-
ило, съ другой какъ общественное приличіе; нельзя неиспо-
ѣдовать какой-нибудь вѣры, какъ нельзя ходить безъ платья
о городу, платье не принимается здѣсь по отношенію къ удоб-
тву, къ теплотѣ или холоду; отъ религіи китайцамъ ни тепло,
и холодно, они никакъ не понимаютъ, какъ можно заниматься
елигіозными вопросами, тѣмъ болѣе ссориться изъ-за нихъ,
азумъ выше всего, религій много, а разумъ одинъ. «Тюрьмы,
оворятъ они, заперты днемъ и ночью, и между тѣмъ всегда
олны народу; храмы постоянно отворены, и однако никого въ
ихъ нѣтъ».

Въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ среди жрецовъ, мысль, сом-
нѣніе подточили древнія вѣрованія, и египетскій скептицизмъ
былъ переданъ Греціи, какъ мы видимъ у Геродота; египетскіе
жрецы находились въ такомъ же положеніи, какъ итальянскіе
прелаты эпохи Возрожденія: упитываясь новооткрытыми дико-
винами древней философіи, прелаты не вѣрили въ христіанскіе
догматы, но требовали, чтобы народъ оставался при прежней
вѣрѣ и при прежнемъ суевѣріи, потому что это давало доходъ
перешедшимъ въ другой возрастъ прелатамъ. То, что дошло до
насъ изъ религіозныхъ и космогоническихъ системъ Индіи, есть
результатъ философской работы, заканчивающейся буддизмомъ.
У другой отрасли арійскаго племени, такъ-называемое Зороаст-
рово ученіе носитъ также философскій характеръ и имѣетъ
значеніе реформы относительно старой религіи. Въ греческой
жизни, исторію развитія которой мы имѣемъ бóльшую возмож-
ности изучить, два возраста или періода обозначаются ясно, при-
чемъ персидскія войны можно положить границею между ними,
хотя историкъ вообще долженъ остерегаться настаивать на точ-
ность границъ между двумя направленіями. Мы видѣли, что
сильное внутреннее движеніе и раннее столкновеніе съ чужими
народами, съ образованными народами Азіи и Африки содѣйство-
вали скорому развитію грековъ, переходу изъ періода чувства
въ періодъ мысли. Мысль, разумѣется, прежде всего остановилась
на народныхъ вѣрованіяхъ, отнеслась къ нимъ критически и зая-
вила о ихъ несостоятельности, причемъ движеніе шло не изъ
собственной Греціи, а изъ азіатскихъ колоній, а это свидѣтель-
ствуетъ, что причина явленія заключалась въ знакомствѣ съ чу-
жими религіозными и космогоническими воззрѣніями. Разнорѣчи-
выя философскія системы привели къ результату, выраженному,
Анаксагоромъ: «Ничто не можетъ быть познано; ничто не мо-
жетъ быть изучено; ничто не можетъ быть вѣрно; чувства огра-
ничены, разумъ слабъ, жизнь коротка». Такой взглядъ, въ сое-

диненіи съ сильнымъ развитіемъ личности въ Греціи, повелъ къ ученію такъ-называемыхъ софистовъ. Это ученіе обличаетъ уже собственно греческое движеніе, европейскую почву, ибо прямо относится къ жизни, къ способу дѣйствія человѣка, къ его нравственности. Съ такимъ же характеромъ явилось противодѣйствіе ученію софистовъ въ школѣ Сократа, старавшейся установить поколебленную нравственную почву. Но это безспорно самое высокое выраженіе греческой мысли не достигло своей цѣли, и новое философское движеніе окончилось скептицизмомъ, какъ старыя школы повели къ ученію софистовъ. Ища твердой почвы, греческая мысль обращается къ видимой природѣ, наблюдаетъ частности и отъ нихъ восходитъ къ общимъ выводамъ. Геній Аристотеля освѣщаетъ новый путь, оружіе ученика его, Александра Македонскаго, открываетъ для греческой науки доступъ въ новыя страны. Эта наука утверждаетъ свое главное мѣстопребываніе въ древнемъ Египтѣ, но въ городѣ, построенномъ македонскимъ завоевателемъ, въ столицѣ потомковъ одного изъ его полководцевъ. Наука, въ своемъ новомъ направленіи, процвѣтаетъ при огромныхъ средствахъ, данныхъ ей Птолемеями; но это уже послѣдняя вспышка угасающаго пламени. Греческій міръ отживаетъ; вѣрный признакъ разложенія—страшная безнравственность рядомъ съ умственнымъ развитіемъ, съ научными успѣхами. Птолемеи, которыхъ за ихъ покровительство наукѣ нѣкоторые писатели хотятъ считать самыми знаменитыми изъ древнихъ государей, эти покровители науки и литературы и сами литераторы — одинъ убиваетъ своего отца и производитъ страшныя неистовства въ Александріи, другой обрубаетъ голову, руки и ноги у своего сына и отсылаетъ ихъ своей женѣ и т. п.

Въ Римѣ пуническія войны можно отмѣтить какъ время перехода изъ періода чувства въ періодъ мысли. Греки помогли римлянамъ совершить этотъ переходъ; духовныя силы римлянъ развились немедленно подъ вліяніемъ великихъ образцовъ; но это развитіе, представляя уже осенній цвѣтъ, было современно со старческимъ одряхленіемъ. Въ лучшихъ и самыхъ характеристичныхъ произведеніяхъ римской литературы — въ сатирѣ и въ страшныхъ сказаніяхъ Тацита — слышатся похоронные напѣвы. Новый періодъ народнаго развитія совпадалъ съ переходомъ отъ однихъ государственныхъ формъ къ другимъ. Греческая наука, помогшая римлянину освободиться отъ старыхъ вѣрованій и привязанностей, не указала ему новыхъ крѣпкихъ основаній, на которыхъ бы онъ могъ прочно перестроить свое старое государственное зданіе, греческая политическая жизнь,

уже окончившаяся, не представила ему въ этомъ отношеніи образцовъ.

Народы древняго міра, способные къ развитію, закончили это развитіе, отжили; всемірная имперія Рима разлагалась; надъ трупами вились орлы; новые народы дѣлили области имперіи; въ этихъ областяхъ нашли они новую религію.

При нашихъ наблюденіяхъ надъ историческою жизнію древнихъ народовъ мы не останавливались еще на одномъ, который стоялъ нравственно совершенно одиноко среди другихъ народовъ, хотя внѣшнимъ образомъ находился въ безпрестанномъ столкновеніи съ ними, стоя на дорогѣ ихъ движеній; то былъ народъ еврейскій. Причина его нравственной одинокости заключалась въ рѣзкомъ религіозномъ различіи отъ всѣхъ другихъ народовъ. Среди всеобщаго политеизма, еврейскій народъ сохранялъ вѣру въ единаго Бога, свободно сотворившаго все существующее и свободно имъ управляющаго; отъ дуализма, отъ признанія двухъ началъ, добраго и злого, отъ мучительной работы мысли надъ объясненіемъ происхожденія зла, еврейскій народъ былъ освобожденъ священнымъ преданіемъ, что зло явилось вслѣдствіе свободной воли человѣка, могшаго противопоставить свою волю, свою самостоятельность исполненію воли божіей, совершенному преданію себя въ руководство божіе. Непослушаніе, слѣдствіе сомнѣнія, недовѣрія къ словамъ Божіимъ есть паденіе человѣка, слѣдовательно, невѣріе есть паденіе, есть источникъ грѣха, зла, смерти. Богъ обѣщалъ падшему человѣку Избавителя отъ грѣха и зла, отъ смерти въ его собственномъ потомствѣ; народъ, изъ котораго долженъ явиться Избавитель, есть народъ еврейскій. Человѣкъ, отъ котораго этотъ народъ ведетъ свое происхожденіе, Авраамъ, покидаетъ свою страну, свой родъ, потому что онъ хранитъ вѣру въ единаго Бога, тогда какъ все вокругъ него, собственный его родъ заражены многобожіемъ. Адамъ палъ отъ невѣрія; никакія искушенія не могутъ поколебать вѣры Авраама; Адамъ палъ отъ непослушанія; Авраамъ готовъ изъ послушанія принести въ жертву единственнаго сына. У каждаго народа свой богъ, свои боги; Авраамъ хранитель вѣры въ единаго Бога, единаго для всего человѣчества, и потому онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ; онъ относится ко всѣмъ народамъ, о сѣмени его благословятся всѣ народы, и это отношеніе Авраама высказывается въ горячемъ сочувствіи его къ чужимъ народамъ, въ знаменитой молитвѣ его, чтобъ Богъ пощадилъ виновные города.

Авраамъ движется съ востока на западъ, въ тѣ страны, гдѣ пришельцу и съ небольшимъ родомъ, окруженному небольшимъ

числомъ зависимыхъ людей, можно было найти безопасное существованіе, именно въ тѣ страны, гдѣ обиталища уже усѣвшихся народцевъ граничатъ съ пустынею, убѣжищемъ кочевниковъ. Авраамъ, его сынъ и люди ведутъ полукочевую, полуосѣдлую жизнь, находятъ пріютъ въ чужихъ городахъ, ибо родъ не размножается: напротивъ, Авраамъ расходится съ племянникомъ Лотомъ вслѣдствіе размноженія стадъ и ссоръ между пастухами; Исаакъ расходится съ братомъ Измаиломъ, Іаковъ съ братомъ Исавомъ—примѣры, что родовыя столкновенія и распри уничтожались расходомъ членовъ рода вслѣдствіе простора, возможности разойтись. Съ Іакова начинается размноженіе рода; у него двѣнадцать сыновей; но голодъ и судьба одного изъ сыновей Іакова побуждаютъ старика, со всѣми своими, переселиться въ Египетъ. Здѣсь потомство Іакова чрезвычайно размножается; это размноженіе становится подозрительно владѣльцамъ Египта, которые начинаютъ истощать евреевъ тяжкими работами, принимаютъ мѣры, чтобъ остановить ихъ размноженіе, приказываютъ повивальнымъ бабкамъ умерщвлять младенцевъ мужескаго пола. Такія страшныя притѣсненія должны были возбудить въ евреяхъ чувство національности и особности, основанной на религіи отцовъ, вѣрѣ въ единаго Бога, столь противоположной безконечному многобожію египетскому, и въ это время евреи получаютъ боговдохновеннаго вождя, который выводитъ ихъ изъ Египта. Этотъ вождь-избавитель, Моисей, не похожъ на другихъ вождей народныхъ: онъ вовсе не герой, могучій физическою силою, самый храбрый изъ храбрыхъ. Сила Моисея чисто нравственная; первое дѣло его—дѣло патріота, слѣдствіе безсознательнаго порыва, дѣло тайное, непризнанное; услыхавъ призваніе Божіе, Моисей прежде всего сомнѣвается въ своихъ способностяхъ къ великому дѣлу, на которое призывается, выставляетъ свой важный физическій недостатокъ какъ сильное препятствіе къ налагаемому на него посланничеству; Моисей силенъ только нравственно, силенъ силою божіею. Моисей не герой, не царь и не первосвященникъ, онъ первый *пророкъ*, первообразъ цѣлаго ряда пророковъ, выставленныхъ еврейскимъ народомъ и составляющихъ отличительное явленіе его народной жизни. Колѣно, изъ котораго происходилъ Моисей, получаетъ для себя потомственное священство; но независимо отъ этого священства изъ среды народа появляются вдохновенные проповѣдники, ученіе которыхъ имѣетъ цѣлію поддержать чистоту религіи и нравственности. Такимъ образомъ, высшее, такъ сказать, званіе въ народѣ сохраняется свободнымъ отъ сословій и учрежденій, и теократія еврейская держится не левитствомъ, а пророчествомъ;

колѣно Левіино не сосредоточиваетъ въ себѣ ни политической силы, ни знанія священнаго и мірскаго. За вождемъ, выведшимъ евреевъ изъ Египта, давшимъ писанный законъ и богослуженіе, слѣдовалъ вождь-завоеватель, Іисусъ-Навинъ, покорившій для евреевъ землю обѣтованную. За вождемъ-завоевателемъ слѣдовалъ рядъ вождей-защитниковъ, ибо евреи были окружены врагами, которымъ не могли съ успѣхомъ сопротивляться вслѣдствіе внѣшняго политическаго разъединенія, отсутствія общей власти, а силы нравственныя, духовныя, ослабѣли, ослабѣла вѣра въ единаго Бога и въ Его непосредственное руководство, зараза идолопоклонства распространилась; въ злой усобицѣ цѣлое колѣно Веніаминово было истреблено. «Въ это время, говоритъ лѣтописецъ, не было царя у израильтянъ, и всякій дѣлалъ все, что хотѣлъ». Духовныя силы ослабѣли, но не иссякли; пророчество, не ограничивавшееся мужескимъ поломъ, спасало народъ въ самыя тяжкія времена. Двадцать лѣтъ сѣверныя колѣна находились подъ игомъ хананеевъ, когда пророчица Девора, имѣвшая и значеніе судьи, призвала къ оружію Варака, который побѣдами своими и свергнулъ иго. Изъ этихъ вождей-защитниковъ всего легче было явиться царю; одному изъ нихъ, Гедеону, уже предлагали царство; но онъ отказался по нравственнымъ, религіознымъ побужденіямъ. И сказали израильтяне Гедеону: «владѣй нами ты и сынъ твой, и сынъ сына твоего, ибо ты спасъ насъ изъ руки мадіанитянъ». Гедеонъ сказалъ имъ: «Ни я не буду владѣть вами, ни мои сыны не будутъ владѣть вами; Іегова пусть владѣетъ вами». Сынъ Гедеона, Авимелехъ составилъ себѣ дружину изъ всякаго сброда, перебилъ почти всѣхъ своихъ братьевъ и образовалъ себѣ маленькое царство въ Сихемѣ; но онъ былъ убитъ при осадѣ одного города. Въ другомъ вождѣ-защитникѣ, Іевфаѣ, «Книга Судей» указываетъ намъ также вождя сбродной дружины. Эти извѣстія, сохранившіяся въ историческихъ книгахъ евреевъ, драгоцѣнны для насъ: они объясняютъ бытъ древнихъ народовъ, находившихся, подобно евреямъ описываемаго времени, въ переходномъ состояніи, указываютъ на извѣстный повсюду способъ образованія дружинъ, вожди которыхъ своими подвигами, защитою мирныхъ жителей отъ враговъ, пріобрѣтали власть. Іевфай былъ сынъ наложницы; братья, родившіеся отъ законной жены отца его, прогнали Іевфая, сказавши ему: «ты не наслѣдникъ въ домѣ отца нашего, потому что ты сынъ другой женщины». Іевфай убѣжалъ отъ братьевъ своихъ, и жилъ въ землѣ Товъ; и собрались къ Іевфаю праздные люди и ходили съ нимъ. Спустя нѣсколько времени, аммонитяне пошли войною на Израиля. Пришли старѣйши-

ны галаадскіе къ Іевфаю и сказали: «Для того мы теперь собрались къ тебѣ, чтобы ты пошелъ съ нами, и сразился съ аммонитянами, и былъ у насъ начальникомъ. И сказалъ Іевфай старѣйшинамъ галаадскимъ: если вы опять возьмете меня, чтобъ сразиться съ аммонитянами, и Господь предастъ мнѣ ихъ, то останусь ли я у васъ начальникомъ? Старѣйшины галаадскіе сказали Іевфаю: Господь да будетъ свидѣтелемъ между нами, что мы сдѣлаемъ по слову твоему! Іевфай пошелъ съ старѣйшинами галаадскими, и народъ поставилъ его надъ собою начальникомъ и вождемъ».

Ни одинъ изъ этихъ вождей-защитниковъ, пользовавшихся въ мирное время значеніемъ начальниковъ народныхъ или судей (суффетовъ), не достигъ царскаго достоинства, не передалъ своего значенія дѣтямъ. Передъ концомъ этого переходнаго времени въ исторіи евреевъ мы видимъ любопытное явленіе, какое видѣли въ началѣ: какъ прежде женщина, пророчица Дебора была судьею, такъ теперь судьею становится человѣкъ божій или пророкъ Самуилъ, успѣвшій одними нравственными средствами поднять народъ послѣ тяжкихъ пораженій отъ внѣшнихъ враговъ: «И была рука Господня на филистимлянахъ во всѣ дни Самуила. И былъ Самуилъ судьею Израиля во всѣ дни жизни своей. Изъ года въ годъ онъ ходилъ и обходилъ Веѳиль, и Галгалъ, и Масаѳу; и судилъ Израиля во всѣхъ сихъ мѣстахъ; потомъ возвращался въ Раму, ибо тамъ былъ домъ его, и тамъ судилъ онъ Израиля». Уже приготовлялась наслѣдственность судейскаго званія: состарѣвшись, Самуилъ поставилъ сыновей своихъ судьями надъ народомъ. Но Самуилъ создалъ свое значеніе единственно нравственными средствами; сыновья его могли удержать это значеніе въ своемъ домѣ только нравственными же средствами; наоборотъ, «сыновья его не ходили путями его, а уклонились въ корысть, брали подарки и судили превратно. И собрались всѣ старѣйшины Израиля, и пришли къ Самуилу въ Раму, и сказали ему: вотъ ты состарѣлся, а сыновья твои не ходятъ путями твоими; итакъ, поставь надъ нами царя, чтобы онъ судилъ насъ, какъ у прочихъ народовъ, и мы будемъ какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить передъ нами, и вести войны наши».

Евреи получили царя; цари ходили предъ ними и вели ихъ войны; но успѣхъ этихъ войнъ зависѣлъ отъ внутреннихъ нравственныхъ причинъ, смотря потому, царь былъ ли привержень къ отрезвляющей религіи предковъ, или зараженъ разслабляющею религіею окрестныхъ народовъ, пропаганда которой по прежнему велась сильная, обычнымъ путемъ, черезъ женщинъ.

И по прежнему противъ царей, преданныхъ финикійскому идолослуженію, ратуютъ пророки.

Самымъ блестящимъ временемъ въ исторіи евреевъ было царствованіе второго царя, Давида, вначалѣ знаменитаго героя, вождя дружины, изгнанника и предводителя изгнанниковъ и недовольныхъ, добывшаго царство съ бою. Всегда вѣрный Іеговѣ и въ этомъ отношеніи не нуждавшійся въ увѣщаніяхъ пророковъ, Давидъ иногда поддавался искушеніямъ власти и тогда пророкъ являлся передъ нимъ съ напоминаніемъ о преступленіи и наказаніи. Сынъ Давида, премудрый Соломонъ, не можетъ противустоять женской пропагандѣ и строитъ храмы чуждымъ божествамъ. Послѣ его смерти политическое единство еврейскаго народа рушится; среди него является два царства и одно изъ нихъ, Израильское, подвергается, преимущественно, заразѣ идолопоклонства, почему въ немъ и видимъ самую сильную борьбу между царями-отступниками и пророками. Борьба кончилась не побѣдою пророковъ, и оба еврейскія царства были поглощены тигро-евфратскими монархіями. Плѣнъ на чужой сторонѣ, плѣнъ вавилонскій, какъ прежде тяжкое положеніе въ Египтѣ, подняли еврейскую народность и ея основу, религію Единаго; по возвращеніи изъ плѣна евреи не служатъ чужимъ богамъ; пророковъ нѣтъ; но евреи ждутъ съ нетерпѣніемъ исполненія старыхъ пророчествъ, ждутъ Избавителя. Избавитель явился: Онъ былъ потомокъ Авраама; но Аврааму было обѣщано, что о сѣмени его благословятся всѣ народы земные; и ученики Іисуса Назорейскаго несутъ вѣсть избавленія ко всѣмъ народамъ. Исторія евреевъ становится священною исторіею народовъ.

Много было говорено о причинахъ успѣха христіанской проповѣди, причинахъ сверхъестественныхъ и естественныхъ. Говорить о первыхъ не входитъ въ кругъ нашей спеціальности; а много распространяться о вторыхъ не считаемъ нужнымъ. Для правильности и точности нашихъ наблюденій мы должны смотрѣть на христіанство, какъ на религію, и наблюдать во сколько оно удовлетворяетъ религіозному чувству. Доказывать превосходство христіанскаго нравственнаго ученія нѣтъ надобности: оно очевидно. Возраженія противъ христіанства имѣли вовсе не здѣсь свой источникъ. Если бы христіанство было только нравственное философское ученіе, то оно не встрѣтило бы никакихъ возраженій со стороны такъ-называемыхъ философовъ, людей, пишущихъ философію исторіи. Но христіанство есть религія, и борьба противъ христіанства есть борьба противъ религіи вообще. Религія обнимаетъ отношенія человѣка къ Богу, отношеніе двухъ міровъ, видимаго и невидимаго, слѣдовательно, необходимо услов-

ливаетъ такую сторону, которая не прилаживается къ обычнымъ человѣческимъ отношеніямъ, человѣческимъ средствамъ, по различію природы двухъ міровъ, двухъ существъ, которые приходятъ здѣсь въ соотношеніе. Религіозный человѣкъ требуетъ непосредственнаго вліянія Высшаго Существа на опредѣленіе отношеній между нимъ и собою, и потому необходимо подчиняется условію принимать такія явленія, которыя для него непостижимы или исходятъ совершенно изъ другого міра, отъ существа другой природы; и мало того, что религіозный человѣкъ подчиняется этому условію, онъ его требуетъ, какъ доказательство правильности и прочности своихъ отношеній къ Божеству, какъ доказательство, что дѣйствительно само Высшее Существо опредѣлило эти отношенія: отсюда необходимость положительной религіи. Религіозное чувство утверждается на невѣріи, — на невѣріи въ средства человѣка, въ средства его разума, невѣріи, основанномъ на ежедневномъ и вѣковомъ, вѣчномъ опытѣ; религіозный человѣкъ есть человѣкъ положительный, который не можетъ стоять на колеблющейся, измѣняющейся почвѣ, который не можетъ успокоиться на вѣрѣ въ безконечный прогрессъ, т.-е. на вѣрѣ въ безконечное несовершенство, безконечныя ошибки, необходимо предполагаемыя безконечнымъ прогрессомъ, не можетъ успокоиться на этой вѣрѣ, уже и потому, что въ основаніи ея видитъ одно предположеніе постоянно выгодныхъ условій для явленія, предположеніе произвольное, не утвержденное на точныхъ наблюденіяхъ. Человѣкъ не религіозный не вѣритъ въ такъ-называемыя сверхъестественныя явленія, необходимыя для положительной религіи, требующей непосредственнаго участія Божества въ ея установленіи; онъ вѣритъ въ средства человѣка, въ его разумъ; человѣкъ религіозный принимаетъ сверхъестественныя явленія, требуетъ ихъ именно потому, что не вѣритъ въ человѣческія средства, въ средства разума человѣческаго. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ двумя вѣрами и двумя невѣріями.

Христіанство при своемъ появленіи подѣйствовало быстро на религіозныхъ людей: они стали обращаться къ нему толпами, покидая старыя положительныя религіи, другіе, подготовленные скептицизмомъ какъ относительно существующихъ религіозныхъ вѣрованій, такъ и относительно человѣческихъ средствъ достигнуть религіозной истины. Христіанство обратилось къ самымъ чистымъ, самымъ высокимъ побужденіямъ человѣческой природы, къ самому могущественному чувству, связующему людей, къ чувству любви. Вмѣсто божества физическаго, совершенно чуждаго, природою своею не могущаго внушить сочувствія, вмѣсто божества человѣкообразнаго, униженнаго до всѣхъ слабостей человѣческихъ и потому оскорблявшаго нравственное

чувство, христіанство проповѣдывало существо совершеннѣйшее и требовавшее нравственнаго усовершенствованія отъ человѣка, существо отдѣльное и независимое отъ творенія, но близкое къ человѣку, связанное съ нимъ любовью, опредѣляемое, какъ любовь; но это опредѣленіе не есть простое слово: установленіе религіознаго отношенія есть актъ любви, въ которомъ высказалось существо Бога. Религіозное отношеніе устанавливается, высокое ученіе проповѣдуется не посредствомъ простого человѣка: Слово Божіе, посредство религіознаго союза не въ книгѣ, не въ устахъ простого человѣка, это Сынъ Божій, воплотившійся, пострадавшій, умершій для спасенія людей. Люди религіозные находятъ наконецъ себѣ настоящаго Бога, котораго могутъ любить «всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслію», ибо этотъ Богъ есть любовь, высказавшій свое существо въ дѣлѣ искупленія. Человѣкъ сознаетъ различіе между добромъ и зломъ: «язычники являютъ дѣло законное, написанное въ сердцахъ своихъ»; дѣло религіи очистить, направить, заставить сознаніе принести плодъ, родить дѣло, заставить человѣка принести жертву Богу; а жертва безъ огня не приносится, и доброе дѣло безъ побужденія не дѣлается; побужденіе же должно быть чистое и святое, такое побужденіе есть любовь. Отличительная черта религіознаго человѣка есть сознаніе своей слабости, грѣховности, паденія, невозможности нравственнаго очищенія собственными средствами, и христіанство вполнѣ удовлетворяетъ ему ученіемъ объ искупленіи. Христіанство вполнѣ успокоиваетъ религіознаго человѣка, потому что ставитъ наивысшее основаніе нравственности — любовь, основаніе незыблемое, вѣчное при всевозможныхъ измѣненіяхъ отношеній между людьми, при всевозможныхъ измѣненіяхъ политическихъ формъ, на всевозможныхъ ступеняхъ цивилизаціи; христіанство ставитъ общество, члены котораго любятъ другъ друга, какъ каждый изъ нихъ любитъ самъ себя. Религія можетъ измѣниться, когда человѣчество переростетъ этотъ идеалъ, потребуетъ идеала высшаго, но такъ какъ это немыслимо, то для религіознаго человѣка христіанство есть религія вѣчная; обращаясь же къ его началу, онъ успокоивается тѣмъ, что оно находится въ самой тѣсной связи съ религіей народа, который одинъ изъ всѣхъ народовъ исповѣдовалъ единобожіе, главное явленіе въ исторіи котораго есть борьба внутренняя и внѣшняя за поддержаніе единобожія противъ господствующаго во всемъ мірѣ многобожія; этому-то народу, котораго исторія есть необходимо исторія религіозная, священная, былъ обѣщанъ Тотъ, котораго христіане признаютъ своимъ Богомъ искупителемъ, и такимъ образомъ оба откровенія, оба завѣта находятся въ необходимой связи.

Для объясненія успѣховъ христіанства говорятъ о приготовленіи къ нему человѣчества посредствомъ философіи, которая подкопала многобожіе, проповѣдала единобожіе и нѣкоторыя другія истины, вошедшія въ кругъ христіанскаго ученія. Но историкъ обязанъ прежде всего различать эти двѣ сферы—философскую и религіозную; истина философская достигается холоднымъ умственнымъ процессомъ; истина религіозная усвоивается горячею воспріемлемостью чувства. Философское ученіе, по природѣ своей, есть достояніе немногихъ. Если нѣкоторые изъ этихъ немногихъ приняли христіанство и защищали его своими средствами, то другіе ихъ собраты явились злыми врагами христіанства. Явленіе обращенія философовъ въ христіанство показывало только, что умственная развитость, соединенная съ обширными познаніями не исключаетъ религіознаго чувства; тогда какъ люди нерелигіозные, безусловные поклонники разума человѣческаго, вѣровавшіе единственно въ его средства, относясь презрительно и враждебно ко всякой религіи, отнеслись точно также и къ христіанству. Такимъ образомъ, еслибы философія и могла приготовить къ христіанству, то — ничтожное число людей религіозныхъ и вмѣстѣ знакомыхъ съ философскими ученіями; но мы знаемъ, что христіанство явилось среди народа, знаменитаго своею религіозностью, но нисколько не знаменитаго развитіемъ философіи, науки вообще, народа, который «знаменія просилъ, а не премудрости искалъ», и въ этомъ-то народѣ христіанство проповѣдывалось и принималось среди людей самыхъ простыхъ, у которыхъ уже никакъ нельзя предположить философскаго приготовленія. По выходѣ христіанства изъ еврейскаго народа во всѣ концы вселенной мы видимъ то же самое явленіе: къ нему обращаются толпами люди простые, въ которыхъ также нельзя заподозрить философскаго приготовленія; наконецъ, къ нему обращались цѣлые народы грубые, варварскіе, и это обращеніе всего лучше показываетъ, что для успѣховъ христіанства вовсе ненужно было философскаго приготовленія. Сами проповѣдники христіанства вполнѣ сознавали, что проповѣдуемое ими ученіе не можетъ ничѣмъ польстить эллина, ищущаго премудрости, что ихъ ученіе есть для него безуміе; они знали, что и среди евреевъ, просящихъ знаменія, для многихъ распятый Христосъ будетъ соблазномъ; но они знали, что ученіе о Богѣ, страдающемъ и умирающемъ за человѣчество, потрясетъ религіозныя души среди того и другого народа и явится для нихъ ученіемъ о Божіей силѣ и Божіей премудрости. Сила ученія высказывалась въ его проповѣдникахъ: пророки съ пламенными, жгучими рѣчами, нѣкогда являвшіеся среди одного народа израильскаго, теперь являются всюду и мучени-

чествомъ запечатлѣваютъ свою любовь къ Богу и людямъ, свои убѣжденія въ истинѣ проповѣдуемаго ученія.

Странно толковать о томъ, какія нравственныя явленія произвело христіанство, какія безнравственныя явленія заставило исчезнуть: по своей сущности, любви, христіанство облегчало, возвышало и очищало всякое человѣческое отношеніе безъ исключенія; давало нравственную подготовку къ уничтоженію всякаго безнравственнаго явленія, и во время его существованія ослабляло его дѣйствія. Писатели, недостаточно внимательные къ послѣдовательности христіанскихъ отношеній, вытекающихъ изъ сущности христіанства, обыкновенно распространяются о томъ, что христіанство, отвлекая вниманіе своихъ послѣдователей отъ интересовъ здѣшней, земной жизни къ интересамъ жизни загробной, ослабляло въ нихъ патріотизмъ, сознаніе обязанности защищать отечество, сражаться за него; религія мира и любви, говорятъ, должна была отвращать отъ войны и не очень уважительно смотрѣть на воинскую доблесть. Но что предписываетъ христіанство своимъ послѣдователямъ? любовь къ ближнему не на словахъ, а на дѣлѣ, увѣнчаніе этой любви пожертвованіемъ жизнію своею. На ближняго нападаютъ—обязанность христіанина защищать его до послѣдней капли крови; другое требованіе христіанства—исполнять свято всякую порученную обязанность, служить вѣрно и усердно предержащей власти: совокупность этихъ требованій необходимо дѣлаетъ изъ христіанина самаго доблестнаго воина. Доказательство на лицо: народы, начавшіе новую, *христіанскую* исторію Европы, развѣ отличались недостаткомъ воинской доблести? Скажутъ: это качество лежало въ ихъ природѣ; но въ такомъ случаѣ нечего говорить о вліяніи христіанства, если оно не могло противодѣйствовать этой природѣ. Доказательство на лицо, когда въ числѣ святыхъ, особенно чтимыхъ нами, монаховъ, священниковъ и людей, исполнявшихъ разныя гражданскія должности, находятся воины (Георгій, два Θеодора, Іоаннъ, Димитрій и др.). Доказательство на лицо, когда у христіанскихъ народовъ вкоренено вѣрованіе, что воины, падшіе на полѣ битвы, вѣнчались вѣнцами мученическими. Уклоняясь отъ кидающагося въ глаза доказательства отъ воинской доблести новыхъ христіанскихъ народовъ, обращаются ко временамъ паденія римской имперіи, указываютъ здѣсь на отсутствіе патріотизма, воинской доблести и приписываютъ эти явленія вліянію христіанства, которое будто бы влекло своихъ послѣдователей въ пустыню, къ жизни отшельнической. Но слово: патріотизмъ, когда говорится о временахъ паденія Рима, вызываетъ улыбку: какой патріотизмъ могъ быть среди этой кучи народовъ,

насильственно подчиненныхъ одному городу? Какое чувство преданности могло питать народонаселеніе отдаленныхъ провинцій къ этому городу, отъ котораго, кромѣ угнетеній, нечего было ждать провинціаламъ? Какимъ римскимъ патріотизмомъ могли быть наполнены разноплеменные жители провинцій, когда этого патріотизма давно уже не было въ самомъ Римѣ, ибо давно не было болѣе тѣхъ отношеній, которыя заставляли древнихъ, истыхъ римлянъ такъ храбро защищать свое орлиное гнѣздо, хотя уходъ плебеевъ на священную гору показываетъ, что всему бываетъ своя мѣра и предѣлъ, даже и хваленому римскому патріотизму.

Причины паденія римской имперіи были всѣ на лицо при самомъ ея началѣ, когда Римъ утратилъ свои прежнія правительственныя формы, слѣдовательно задолго до объявленія христіанства господствующею религіею въ имперіи. Но почему же, скажутъ, христіанство, распространившись, не возбудило новаго гражданскаго духа, патріотизма въ народонаселеніи имперіи? Повторяемъ, что нечего было возбуждать, ибо римскаго патріотизма не могло быть у разноплеменныхъ народовъ, входившихъ въ составъ имперіи, Римъ не былъ отечествомъ для галла, испанца, нумидійца, грека, пафлагонянина и т. д. Страны и народы приготовлялись жить своею особою, слѣдовательно, независимою жизнью, каждый народъ готовился пріобрѣсть отечество и питать къ нему извѣстное чувство, которое мы называемъ патріотизмомъ, и которое христіанство готово было освятить; желѣзо же римской власти, вязавшее народы, давно перержавѣло. Съ другой стороны, кто же предполагаетъ, что съ того времени, какъ христіанство было объявлено господствующею религіею имперіи, всѣ подданные имперіи сдѣлались вдругъ истинными христіанами? Люди, согнившіе отъ нравственныхъ язвъ имперіи, продолжали оставаться въ этомъ печальномъ состояніи, не могли вдругъ подвергнуться благотворному вліянію христіанства, ибо приняли его чисто внѣшнимъ образомъ; людей же, принявшихъ его по убѣжденію и готовыхъ приводить въ исполненіе его правила, было немного, и хотя бы они всѣ стали воинами, не могли удержать отъ паденія гнилого, разваливающагося подъ тяжелыми ударами свѣжихъ, сильныхъ народовъ зданія имперіи.

Вотъ то немногое, что мы должны сказать вообще о христіанствѣ; но такъ какъ мы теперь приступаемъ къ наблюденіямъ надъ историческою жизнію христіанскихъ народовъ, то понятно, что мы постоянно должны будемъ обращаться къ подробностямъ вліянія христіанства на эту жизнь.

С. Соловьевъ.

ВЫСШАЯ РЕАЛЬНАЯ ШКОЛА

ВЪ

ГЕРМАНІИ.

«Die Schule dient dem Leben und achtet auf seine Anforderungen, das beweis't die Existens gerade der Realschulen und die Einrichtung ihres Lehrplans: aber sie hat es mit der Jugend zu thun und kann bei ihr zu der Bildung, welche die einzelnen Berufsarten erfordern, nur den allgemeinen und dauernden Grund legen wollen. Alle Berufsbildung muss sich auf freie menschliche Bildung des Geistes und des Gemüth grunden».

Unterrichts-Ordnung, 1859. Стр. 42.

VII *).

Высшая реальная школа въ Германіи, послѣ того какъ последній ея уставъ, 6-го октября 1859 г., окончательно наложилъ на нее «общеобразовательный» характеръ, «наравнѣ съ классическими гимназіями», — весьма естественно, должна была желать того, чтобы вмѣненная ей въ обязанность чисто-научная подготовка воспитанниковъ имѣла свое завершеніе въ высшемъ факультетскомъ образованіи. Съ 1859-го года сдѣлалось непонятнымъ, почему государство, признавъ однажды, что высшая реальная школа ничѣмъ не отличается отъ классической гимназіи; что «она, какъ и гимназія, имѣетъ дѣло съ общеобразовательными

*) См. выше: окт. 583 стр.

средствами и основными познаніями»; что «между гимназіею и реальною школою нѣтъ никакой существенной противоположности»; что, однимъ словомъ, реальная школа, какъ и гимназія, не преслѣдуетъ никакихъ прикладныхъ цѣлей, и отличается отъ гимназіи одними средствами[1]) къ достиженію того же самаго развитія духовныхъ силъ, съ такою же цѣлью «дать учащемуся юношеству религіозное и нравственное воспитаніе и сообщить основы научнаго образованія», — почему, спрашивается, питомецъ реальной школы, несмотря на свое религіозное и нравственное воспитаніе, несмотря на пріобрѣтенныя имъ основы *научнаго* образованія, не можетъ довершить этого научнаго образованія въ факультетѣ, какъ то предоставлено питомцамъ классическихъ гимназій? Къ педагогической сторонѣ этого вопроса не могъ не присоединиться и экономическій интересъ: реальныя школы получаютъ отъ правительства ничтожную субсидію и стоятъ обществу громадной суммы и пожертвованій; а потому исключительныя права воспитанниковъ гимназій на высшее факультетское образованіе, при признаніи государствомъ общеобразовательнаго и научнаго характера за высшими реальными школами, являлись въ глазахъ жертвователей простымъ протекціонизмомъ, имѣющимъ для себя искусственное основаніе.

Отсюда понятенъ самъ собою и предметъ новой борьбы германскихъ педагоговъ, равно какъ понятно и горячее участіе въ этой борьбѣ самого общества. О необходимости общеобразовательнаго и научнаго характера для реальныхъ школъ спора уже не могло быть: уставъ 1859-го года рѣшилъ этотъ вопросъ безповоротно и установилъ общеобразовательность реальныхъ школъ, какъ необходимый принципъ. Педагоги нѣмецкіе раздѣлились теперь относительно другого вопроса: могутъ ли воспитанники реальныхъ школъ, поставленныхъ рядомъ съ гимназіями (coordinirte Stellung), поступать въ университеты наравнѣ съ воспитанниками гимназій? 7-е декабря 1870-го года раздѣлило эту борьбу двухъ противоположныхъ мнѣній на два періода; министерскимъ распоряженіемъ въ этотъ день воспитанники реальныхъ школъ получили наконецъ это право, но съ ограниченіемъ какъ относительно факультетовъ, такъ и относительно правъ на государственную службу. Такое ограниченіе вызвало новую критику послѣдняго министерскаго распоряженія и новую борьбу, которая заключилась въ іюнѣ нынѣшняго года протестомъ на конференціи всѣхъ директоровъ не только высшихъ реальныхъ школъ, но и

---

[1]) Классическая гимназія сосредоточиваетъ свои силы на изученіи древней культуры, а реальная школа—на изученіи новой культуры.

гимназій вестфальскаго округа; на этотъ разъ, слѣдовательно, и сами классики протестовали противъ служебныхъ ограниченій воспитанниковъ реальныхъ школъ, такъ какъ такія ограниченія должны (мы увидимъ ниже, почему) невыгодно отразиться и на самыхъ гимназіяхъ.

Какъ прежнее абсолютное недопущеніе воспитанниковъ реальныхъ школъ въ университеты, такъ и послѣднія ограниченія такого допущенія, казались совершенно непонятными сравнительно съ тѣмъ взглядомъ на значеніе реальныхъ школъ, который, какъ мы видѣли, само правительство высказало въ объяснительной запискѣ къ уставу реальныхъ школъ 1859-го года: «Особое *преимущество*, котораго достигаетъ реальная школа, состоитъ въ томъ, что она, по словамъ этой записки, въ своихъ воспитанникахъ образуетъ и изощряетъ чувства къ правильному наблюденію и воспріятію вещественнаго міра и къ признанію въ его разнообразіи общихъ законовъ, и что *реальная школа, потому, въ математическихъ и естественныхъ наукахъ и въ рисованіи достигаетъ высшихъ результатовъ, нежели какіе предполагаются въ гимназіи*, *а также сообщаетъ болѣе близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ культуры*. Но все это будетъ истиннымъ преимуществомъ реальной школы, если она, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудитъ въ своихъ питомцахъ научный смыслъ, и если *пріобрѣтеніе ими высшихъ познаній* будетъ сопровождаться уваженіемъ къ наукѣ и признаніемъ того, что носитъ и содержитъ въ себѣ всю жизнь»[1]). Между тѣмъ, путь къ «пріобрѣтенію ими высшихъ познаній» въ факультетахъ былъ сначала совсѣмъ прегражденъ, а съ нынѣшняго года хотя и разрѣшенъ, но съ вышеупомянутыми ограниченіями.

Но какъ бы то ни было, борьба за право реальныхъ школъ на университетъ и за расширеніе этого права, отличалась уже существенно отъ той борьбы, которая велась до 1859-го года за признаніе равенства реальныхъ школъ, въ смыслѣ общеобразовательныхъ заведеній, съ классическими гимназіями. Послѣ

[1]) Объяснительная записка къ Unterrichts-Ordnung, v. 6 Oct. 1859: «Der eigenthümliche Vorzug, den die Realschule erstrebt, besteht darin, dass sie bei ihren Zöglingen den Sinn bildet und schärft, die Dinge der Anschauung richtig zu beobachten und aufzufassen, und in der Mannichfaltigkeit derselben das Gesetz zu erkennen, dass sie daher namentlich in den mathematischen und Naturwissenschaften und im Zeichnen mehr erreicht, als den Gymnasien vorgesetzt ist, auch mit den gegenwärtigen Culturzuständen eine nähere Bekanntschaft vermittelt. Dies wird aber nur dann ein wahrhafter Vorzug sein, wenn bei den Zöglingen der Realschulen zugleich ein wissenschaftlicher Sinn geweckt und ihre Kenntniss des Stoffs begleitet ist von Achtung vor der Wissenschaft und von der Erkenntniss dessen, was alles Leben trägt und zusammenhält».

1859-го года никто уже не сомнѣвался въ томъ, что реальныя школы, подобно гимназіямъ, должны имѣть дѣло съ одними общеобразовательными средствами и основными познаніями, а потому съ 1859-го года измѣнился и самый характеръ борьбы нѣмецкихъ реалистовъ съ классиками: прежній фанатизмъ, съ которымъ преслѣдовали противники другъ друга, исчезъ и замѣнился болѣе спокойнымъ обсужденіемъ дѣла на учительскихъ съѣздахъ, въ городскихъ совѣтахъ, и наконецъ въ парламентѣ и въ университетахъ. Этотъ новый споръ представилъ еще ту особенность, что на этотъ разъ коснулись и устройства самихъ классическихъ гимназій: изслѣдованіе недостатка организаціи реальныхъ школъ повело къ изслѣдованію организаціи классическихъ гимназій, причемъ сами факультеты университетовъ указали и на важные недостатки послѣднихъ.

Изъ сказаннаго нами ясно, въ чемъ состоитъ нынѣ различіе между противниками реальнаго образованія въ Германіи и у насъ. Тамъ никто и не сомнѣвается въ томъ, что реальныя школы суть такія же общеобразовательныя заведенія, какъ и гимназіи, и никому не приходитъ въ голову, какъ нашимъ классикамъ, что онѣ служатъ только экспериментомъ, и притомъ неудавшимся, какою-то уступкою правительства общественному мнѣнію, которое само не знаетъ чего хочетъ; агитація, поднятая у насъ въ пользу профессіональности реальной школы средняго образованія и отразившаяся на характерѣ извѣстнаго проекта реальныхъ училищъ, возмутитъ въ Германіи не только реалистовъ, но и самихъ классиковъ, такъ какъ въ современной Германіи вообще не допускаютъ и мысли о томъ, чтобы die höhere Schulen, т.-е. среднеучебныя заведенія могли имѣть профессіональный или вообще какой-нибудь прикладной характеръ. Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ реальныхъ школъ, извѣстный педагогъ и директоръ классической гимназіи въ Кёльнѣ, Оскаръ Егеръ, говоритъ: «Противникъ реальной школы не можетъ быть разумный человѣкъ, такъ какъ потребность въ среднеучебныхъ школахъ для тѣхъ, которые не поступаютъ въ университетъ, неопровержима» [1]). Это—голосъ нѣмецкаго классика, который выше призналъ, что реальныя школы въ Пруссіи, послѣ устава ихъ 6-го октября 1859-го года, «будучи покровительствуемы

[1]) Gegner der Realschule kann kein vernünftiger Mensh sein, denn das Bedürfnis nach höheren Schulen für solche, die nicht studieren wollen, ist unleugbar.—*Osc. Eger*, Gymnasium und Realschule I. Ordn. Mainz, 1871. Стр. 40. — Эти слова, сказанныя классикомъ, особенно важны у насъ, гдѣ не предполагается давать правъ на университетъ реальнымъ училищамъ: тѣмъ болѣе, слѣдовательно, они должны имѣть общеобразовательный, а не профессіональный характеръ.

теченіемъ времени, поддерживаемы духомъ новизны, стали рядомъ съ сѣдовласою гимназіею и даже заявили притязаніе доставлять **общее образованіе** не только наравнѣ съ нею, но отчасти больше, чѣмъ она, и притомъ, общее образованіе, покоящееся на другихъ, быть можетъ, лучшихъ, но уже во всякомъ случаѣ не худшихъ основаніяхъ»[1]). Съ другой стороны, Гейненъ, защитникъ реальнаго образованія, на учительскомъ съѣздѣ прирейнскихъ учителей въ Дюссельдорфѣ, въ своей привѣтственной рѣчи сравнилъ реальныя школы и гимназіи съ родными сестрами, «которыя полюбовно раздѣлили между собою неизмѣримое наслѣдство знанія, сдѣлавшееся слишкомъ великимъ для владѣнія имъ одной изъ нихъ, а теперь (т.-е. послѣ устава 1859-го года) онѣ, примирившись, и безъ зависти, гуляютъ въ воскресное утро, въ близкомъ сосѣдствѣ, по смежнымъ, но ясно раздѣленнымъ полямъ, привѣтствуя другъ друга взаимными благословеніями».

Таковъ въ самомъ дѣлѣ характеръ отношеній реальнаго образованія къ классическому въ современной Германіи, гдѣ нѣтъ уже болѣе вопроса объ общеобразовательности ихъ характера. Только пріемы нашихъ классиковъ могли породить ошибочное убѣжденіе въ томъ, что наша полемика есть только отраженіе того, что дѣлалось и дѣлается въ Германіи, что устройство реальныхъ школъ въ Пруссіи есть только ошибка ея правительства, и реализмъ поддерживается изъ корыстныхъ видовъ содержателями и учителями реальныхъ школъ, что вокругъ реальныхъ школъ «сгруппировались разные мелкіе интересы»; «весьма естественно, говорятъ тѣ же наши доморощенные классики, что служившіе въ нихъ (въ реальныхъ школахъ) педагоги агитировали и придумывали разные проекты, чтобы придать этимъ училищамъ значеніе.... Весьма естественно, что эти училища стали почвой для педагогическихъ экспериментовъ, на которой возникали разныя прихотливыя(?) и праздномыслящія(?) теоріи» и т. д. до безконечности. Сравните такія размышленія нашихъ классиковъ и ихъ воззрѣнія на реальныя школы со взглядами на тотъ же предметъ нѣмецкихъ просвѣщенныхъ классиковъ, и вы невольно скажете первымъ устами послѣднихъ: Gegner der Realschule kann kein vernünftiger Mensch sein!

---

[1]) Begünstigt von den Strömungen der Zeit, empfehlen durch den Reiz des Neuen, haben sie (die Realschulen) sich dem altersgrauen Gymnasium zur Seite gestellt, und haben neben diesem, zum Theil gegen dieses, den Anspruch erhoben, eine auf anderen, vielleicht besseren Grundlagen ruhende, jedenfalls ebenbürtige, wo nicht überlegene allgemeine Bildung zu vermitteln.—*Ibid.* 4.

Итакъ, вопросъ современной борьбы реализма съ классицизмомъ состоитъ вовсе не въ томъ, могутъ ли быть реальныя школы общеобразовательными, или нѣтъ; на ихъ общеобразовательномъ характерѣ настаиваютъ сами классики, одобряющіе уставъ 1859-го года; но именно въ силу этого устава цѣлью реальной школы поставлено хотя «доставить общее научное образованіе», но притомъ такое, «которое не требуетъ университетскаго курса». Вотъ тѣ слова устава, около которыхъ завязался споръ реалистовъ съ классиками, начиная съ 1859-го года. Можетъ ли высшая школа *при организаціи, данной ей въ 1859-мъ году*, приготовлять къ университету? Классики отвѣчали отрицательно и указывали при этомъ на опустѣніе *примы* (выпускного класса въ реальныхъ школахъ), какъ на доказательство того, что общество остается равнодушнымъ къ научному значенію реальныхъ школъ. Реалисты отвѣчали утвердительно, и объясняли такое опустѣніе примы именно тѣмъ, что реальныя школы лишены права на университетъ, а потому и юношество оставляетъ школу въ предпослѣднемъ классѣ, такъ какъ и этотъ классъ даетъ уже достаточное общее образованіе, чтобы вступить въ практическую жизнь.

До 1868-го года споръ ограничивался педагогическою литературою, и только въ этомъ году онъ выступилъ въ первый разъ на общественную арену. Магистратъ и городскіе гласные въ Познани обратились, еще въ 1867-мъ году, сначала въ провинціальный училищный совѣтъ, а потомъ и къ самому министру народнаго просвѣщенія съ просьбою допустить въ университетъ, на равныхъ правахъ съ гимназистами, воспитанниковъ высшей реальной школы на юридическій и медицинскій факультетъ. Когда, 28-го сентября 1868-го года, министръ отвѣчалъ отказомъ, тогда они, не найдя убѣдительнымъ отказъ министра, обратились, 1-го ноября, съ петиціею въ палату депутатовъ, настаивая на томъ же. Примѣру Познани послѣдовали еще восемь городовъ (Эрфуртъ, Франкфуртъ-на-О., Фрауштадтъ, Грюнбергъ, Липпштадтъ, Мюльгеймъ-на-Р., Рурортъ и Торнъ). Палата депутатовъ назначила коммиссію для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ петицій, а докладчикомъ былъ избранъ депутатъ Шмидтъ (Штеттинъ). Въ докладѣ говорилось, между прочимъ, что девятилѣтній опытъ реальныхъ школъ образовалъ хорошую генерацію, что хорошее изученіе новыхъ языковъ, математики, естественныхъ наукъ, нѣмецкой литературы, исторіи, содержитъ въ себѣ не меньшій матеріалъ для развитія духа и способностей, и что потому воспитанники ихъ могутъ быть допускаемы въ университетъ, кромѣ отдѣла классической филологіи и богословія.

Въ заключеніе, докладъ привелъ мнѣніе министра юстиціи ф. Камптца (1831), требовавшаго, чтобы университетъ былъ доступенъ всѣмъ, а экзамену должны подвергаться только тѣ, которые желаютъ вступить въ государственную службу. Далѣе, говорилъ докладъ, и покойный Яковъ Гриммъ въ своихъ мелкихъ сочиненіяхъ (о школѣ, университетѣ, академіи) выражался: «Какъ церковь и театръ открыты каждому, такъ и врата университета должны открываться каждому молодому человѣку, и уже ему нужно предоставить понести всѣ неудобства, если онъ явится туда невооруженнымъ». Относительно же нѣмецкихъ гимназій онъ сказалъ: «Наши гимназіи, если мнѣ дозволено будетъ такое сравненіе, представляютъ прекрасную, великолѣпную лозу, но эта лоза приноситъ не столько плодовъ, сколько она могла бы принести». Коммиссія указала на философскій факультетъ и медицинскій, какъ полезные для реальныхъ школъ.

Правительственный коммиссаръ, возражая на этотъ докладъ, замѣтилъ, что воспитанники реальныхъ школъ давно уже допускаются къ слушанію лекцій въ университетъ [1]); что это дѣлается, правда, подъ извѣстными условіями, но всегда безъ особыхъ затрудненій; что даже не мало молодыхъ людей изъ реальныхъ школъ достигли экзамена pro facultate docendi, для полученія права обучать новѣйшимъ языкамъ [2]). Но за этимъ онъ не допускалъ дальнѣйшаго распространенія правъ реальныхъ школъ, такъ какъ это могло бы понизить уровень университетовъ съ одной стороны, а съ другой, видоизмѣнить и поколебать планъ обученія въ самихъ реальныхъ школахъ, которымъ правительство оказываетъ особенное вниманіе и поощреніе (eine aufmerksame Pflege, Anerkennung und Förderung), что́ видно при сравненіи ихъ прошедшаго съ современнымъ положеніемъ реальной школы послѣ 1859 года. «Я не могу выразить надежды—заключилъ коммиссаръ,—что правительство согласится на петицію изъ Познани».

Но дѣло до правительства и не дошло: парламентская сессія пришла къ концу, и петиціи были возвращены съ объявленіемъ, что не оказалось времени для обсужденія ихъ in pleno.

Вотъ почему въ 1869-мъ г. петиціи возобновились, и на этотъ разъ явилось около 15-ти городовъ, которые подали прошеніе въ палату о томъ же предметѣ. Снова была составлена въ палатѣ коммиссія, и докладчикомъ избрали депутата д-ра Вереншфеннига.

---

[1]) См. нашу первую статью, въ октябр. книгѣ, стр. 607.

[2]) Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Германіи, благодаря реальнымъ школамъ, рѣдко выписываютъ учителей новѣйшихъ языковъ изъ-за границы, а приготовляютъ дома въ этихъ же реальныхъ школахъ.

Чтобы познакомить читателей съ сущностью содержанія городскихъ петицій, мы приведемъ для образца одну изъ нихъ, а именно петицію магистрата и попечительства высшей реальной школы Липпштадта (въ пров. Вестфаліи; жит. 5,950; учен. около 300), представленную въ палату депутатовъ 22-го ноября 1868-го года и повторенную 25-го октября 1869-го года.

«Мы—говорится въ петиціи—позволяемъ себѣ обратиться къ высокой палатѣ депутатовъ съ просьбой разсмотрѣть положеніе высшихъ реальныхъ школъ и возвысить ихъ чрезъ расширеніе ихъ правъ.

«Когда, 6-го октября 1859-го года, были изданы *Правила о преподаваніи и испытаніи* въ реальныхъ школахъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія (Бетманъ ф. Гольвегъ) обнадежилъ, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ заведеній положеніе ихъ будетъ возвышено, права расширены, и указывалъ именно на то, что кончившіе курсъ въ высшихъ реальныхъ школахъ будутъ допущены въ университетъ [1]).

«Эта надежда была встрѣчена съ радостью и повела къ тому, что съ одной стороны *городскія общины стали отпускать болѣе значительныя суммы на свои реальныя школы*, съ другой—и сами школы ревностно задались исполненіемъ своей высокой задачи.

«Теперь, казалось бы, наступило время осуществить эту надежду. Реальныя школы ушли впередъ въ своемъ развитіи; ихъ учебныя программы установились, внѣшняя сторона преподаванія улучшилась; курсъ ученія въ высшихъ реальныхъ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нашей провинціи, также продолжителенъ, какъ и въ гимназіяхъ. Задача, поставленная реальнымъ школамъ вышеупомянутымъ уставомъ, почти также трудна, какъ и та, которая обусловливается требованіями выпускного экзамена въ гимназіяхъ. Поэтому, насколько опытъ позволяетъ намъ судить, ученики самостоятельныхъ, высшихъ реальныхъ школъ отнюдь не ниже по своему умственному развитію, чѣмъ ученики соотвѣтствующихъ классовъ гимназій, хотя ихъ развитіе обусловливается частью другими основаніями.

«Но внѣшнее положеніе высшихъ реальныхъ школъ вовсе не соотвѣтствуетъ результатамъ ихъ дѣятельности. Доступъ въ университетъ, по существующимъ законамъ, закрытъ для окончившихъ въ нихъ курсъ. Поэтому первый (высшій) классъ, подготовляющій, собственно, согласно учебной программѣ, къ свободнымъ научнымъ занятіямъ, не имѣетъ подъ собой почвы:

---

[1]) См. слова Бетмана ф. Гольвега выше, въ первой статьѣ, окт., 605 стр.

учениковъ въ немъ всегда мало, и рвенie ихъ охлаждается сознанiемъ, что ихъ ставятъ ниже тѣхъ, которымъ они чувствуютъ себя равными.

«Естественно, что такое состоянiе перваго класса отражается и на другихъ классахъ школы. Талантливые ученики, желающiе посвятить себя научнымъ занятiямъ, часто съ сожалѣнiемъ покидаютъ преждевременно заведенie, которое открываетъ имъ лишь ограниченное поприще.

«Если, несмотря на такiя неблагопрiятныя обстоятельства, высшiя реальныя школы, даже въ маленькихъ городкахъ, достигли цвѣтущаго состоянiя и дали притомъ самые прекрасные результаты, то это доказываетъ ихъ жизненность и дѣльность ихъ оснований. Эти самые результаты достаточно оправдываютъ ихъ притязанiя.

«И прежде всего притязанie—на безусловное допущенie въ философскiй факультетъ университета. Извѣстно, съ какими трудностями приходится бороться реальнымъ школамъ, вслѣдствie того обстоятельства, что почти всѣ ихъ учителя получили только классическое образованie. Годы проходятъ, пока эти учителя постигнутъ сущность реальной школы и освоятся съ ней; многie до конца остаются ей чуждыми.

«Далѣе, хорошихъ учителей новѣйшихъ языковъ очень мало [1]). Только тогда можно будетъ устранить эту помѣху успѣхамъ многихъ изъ молодыхъ людей, равно какъ и развитiю народнаго благосостоянiя, когда для окончившихъ курсъ въ высшихъ реальныхъ школахъ будетъ открытъ доступъ въ университетъ. По нашему мнѣнiю эти-то школы и будутъ, главнымъ образомъ, разсадникомъ такихъ учителей. Мы не хотимъ сказать, что признаемъ безполезнымъ для нихъ изученie древнихъ языковъ и особенно греческаго, но мы полагаемъ, что знанie этого языка можетъ быть прiобрѣтено впослѣдствiи легче, чѣмъ знанie новѣйшихъ языковъ, если въ молодости въ нихъ не упражнялись и что съ тѣхъ поръ, какъ эти языки обработаны научно и методически, гораздо естественнѣе переходить отъ новѣйшихъ языковъ къ древнимъ, чѣмъ наоборотъ.

«Учители же естественныхъ наукъ и врачи находятъ безспорно болѣе цѣлесообразную подготовку въ высшихъ реальныхъ школахъ, чѣмъ въ гимназiяхъ. Мы не отрицаемъ значенie гре-

---

[1]) У насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, и мы, какъ уже замѣчено выше, остаемся вѣрными прежней системѣ выписыванiя готовыхъ учителей изъ-за границы. Не мудрено, что въ такомъ случаѣ преподаванie у насъ новѣйшихъ языковъ не имѣетъ никакого образовательнаго значенiя и ограничивается плохою техникой.

ческаго языка и для этихъ спеціалистовъ, такъ какъ множество техническихъ терминовъ, которые должны быть имъ извѣстны, взяты изъ этого языка; но гораздо важнѣе для врачей и для учителей естественныхъ наукъ съ молодости пріучиться точно наблюдать природу и ея явленія; безъ этой привычки,—которая, какъ извѣстно, не можетъ быть пріобрѣтена въ гимназіи и которую лишь немногіе даровитые люди въ состояніи усвоить въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, да и то лишь при усиленномъ прилежаніи,—безъ этой привычки учитель естественныхъ наукъ никогда не можетъ имѣть истинно-образовательнаго вліянія на своихъ питомцевъ, а врачъ часто будетъ дѣлать промахи, во вредъ здоровью и даже самой жизни его паціентовъ.

«Мы считаемъ также образованіе, даваемое высшими реальными школами, по меньшей мѣрѣ столь же цѣлесообразнымъ, какъ и классическое, для юриста и администратора: если последнее и разовьетъ въ немъ скорѣе способность толковать смыслъ какого-нибудь темнаго закона или мѣста въ договорѣ, за то первое лучше подготовитъ его къ практической жизни, въ которой ему придется дѣйствовать, къ сложнымъ условіямъ промышленности и торговли, къ отношеніямъ народовъ между собой. Тѣ же филологическія знанія, а именно по части латинскаго языка, какія необходимы для юристовъ и администраторовъ, могутъ быть уже теперь пріобрѣтены въ высшихъ реальныхъ школахъ, и размѣръ этихъ знаній еще болѣе увеличится, когда дѣятельность этихъ заведеній получитъ, вмѣстѣ съ надлежащими правами, естественное развитіе. Уже и теперь кончившіе курсъ въ высшихъ реальныхъ школахъ, какъ показалъ опытъ, въ состояніи послѣ полуторагодовыхъ занятій хорошо сдать гимназическій экзаменъ.

«Выражая эти мнѣнія, мы вовсе не желаемъ унизить образовательное значеніе усиленнаго изученія древнихъ языковъ. Для даровитыхъ натуръ безспорно всего лучше пройти и классическій и реальный курсъ наукъ. Но обыкновенные умы могутъ, не насилуя себя, образоваться лишь въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, и нѣтъ сомнѣнія, что для государства выгодно предоставлять своимъ будущимъ дѣятелямъ развиваться сообразно ихъ талантамъ и склонностямъ, и на ряду съ такими администраторами, врачами, учителями, общее образованіе которыхъ носитъ, главнымъ образомъ, философскій характеръ, имѣть и такихъ, въ которыхъ съ раннихъ поръ развита была способность къ пониманію явленій и законовъ природы, а также и промышленной жизни.

«Мы вовсе не требуемъ привилегій для реальныхъ школъ и реальныхъ учениковъ, ни въ какой отрасли государственной

службы. Мы желаемъ только равноправности съ гимназіями и ихъ питомцами, на которую результаты дѣятельности высшихъ реальныхъ школъ даютъ имъ право, и безъ которой вся дѣятельность этихъ заведеній и ихъ учениковъ мало-по-малу ослабѣетъ. Если же она будетъ дана, то это поведетъ — далеко не во вредъ государству — къ борьбѣ соревнованія, полезной какъ для гимназій, такъ и для реальныхъ школъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, только эта равноправность можетъ гарантировать государству дѣйствительно дѣльное образованіе для его слугъ и спасетъ безчисленное множество мальчиковъ и юношей отъ неправильной траты наилучшихъ, для развитія, годовъ жизни. При всемъ уваженіи къ греческому языку, всякій опытный педагогъ долженъ сознаться, что вліяніе его изученія на множество гимназистовъ очень ничтожно, что пятьдесятъ процентовъ всѣхъ кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, несмотря на убитыя время и силы, не могутъ овладѣть имъ и что болѣе, чѣмъ девяносто процентовъ, по выходѣ изъ гимназіи, если только они не занимаются филологіей или богословіемъ, никогда больше не притрогиваются ни къ одной греческой книгѣ.

«Вотъ они-то самые, будь только ихъ учебныя занятія болѣе согласны съ ихъ талантомъ и наклонностями, произвели бы что-нибудь дѣльное въ другой, болѣе согласной съ ихъ призваніемъ спеціальности.

«Поэтому желательна возможно бо́льшая свобода преподаванія или, точнѣе сказать, расчищеніе пути, который можетъ привести къ единственному, необходимому для слугъ государства общему образованію. Для достиженія же этой цѣли, къ которой, какъ намъ кажется, наше время неудержимо стремится, важной мѣрой было бы сравненіе въ правахъ высшихъ реальныхъ школъ съ гимназіями.

«Но послѣдняя мѣра имѣла бы также и другое значеніе, очень важное для общественнаго благосостоянія.

«Когда образованіе чиновниковъ съ раннихъ поръ отличается отъ образованія бюргеровъ, какъ это случается въ нашемъ отечествѣ, то этимъ наносится большой ущербъ высшимъ благамъ націи; отъ этого страдаетъ даже общее развитіе государства. Этому злу слѣдуетъ противодѣйствовать, если не хотятъ, чтобы чиновники и бюргеры все болѣе и болѣе отчуждались другъ отъ друга, все менѣе и менѣе понимали и уважали бы другъ друга, чтобы требованія государства и потребности жизни все болѣе и болѣе расходились. Только реформа въ бытѣ всѣхъ среднихъ школъ можетъ служить сильнымъ противодѣйствіемъ всему этому. Старинное единство образованія, существовавшее

для всѣхъ высоко-образованныхъ людей и опиравшееся на латыни, утрачено невозвратно: всякія попытки возвратить этому языку его прежнее значеніе и положеніе будутъ тщетными, потому что идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ нашего времени; остается, слѣдовательно, искать новаго единства, причемъ, по нашему мнѣнію, единственнымъ исходомъ можетъ служить только то, когда все юношество, которое должно возвышаться надъ уровнемъ общаго народнаго образованія, будетъ изощрять свои логическія и мыслительныя способности не на латинскомъ, а на какомъ-нибудь новѣйшемъ иностранномъ языкѣ, причемъ пріобрѣтается гибкость ума и, въ силу контраста, болѣе ясное сознаніе сущности и достоинства собственной національности и родного языка — и слѣдовательно, умственно разовьется и усвоитъ себѣ какъ начала необходимыхъ въ наше время для каждаго гражданина познаній, такъ и дальнѣйшее образованіе, смотря по призванію и склонности. Но время для подобной реформы еще не пришло, а подготовительной и важной мѣрой для достиженія желаемаго единства въ образованіи чиновниковъ и бюргеровъ, или по крайней мѣрѣ къ прекращенію дальнѣйшаго разъединенія, было бы во всякомъ случаѣ то, чтобы они получали приготовительное образованіе вмѣстѣ съ будущими поземельными собственниками, фабрикантами и купцами въ высшихъ реальныхъ школахъ.

«Поэтому мы просимъ высокую палату депутатовъ, по изслѣдованіи сущности отношеній среднихъ школъ нашего государства, дать надлежащій ходъ заявленіямъ, представленнымъ изъ различныхъ мѣстъ, чтобы кончившимъ курсъ въ высшихъ реальныхъ школахъ, также какъ и гимназистамъ, предоставлено было право имматрикуляціи въ университетъ, за исключеніемъ богословскаго факультета, и слѣдовательно, открытъ былъ доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ и званіямъ, за исключеніемъ церковныхъ».

Содержаніе другихъ петицій не отличается существенно отъ липштадтской, и всѣ онѣ направлены къ одной и той же цѣли: открыть воспитанникамъ реальныхъ школъ дорогу въ университетъ на равныхъ условіяхъ съ воспитанниками гимназій, не ограничиваясь однимъ дозволеніемъ слушать лекціи въ университетѣ для усовершенствованія своихъ познаній по тому или другому предмету, чѣмъ реальные воспитанники пользовались, какъ мы видѣли, уже давно. Новый докладчикъ, изложивъ сущность петицій, присоединилъ также и свое мнѣніе, которое, на этотъ разъ, оказалось враждебнымъ реальнымъ школамъ и проникнуто было господствующимъ духомъ клерикальнаго министерства. Г. Ве-

ренпфеннигъ, отрицая доводы петицій, предлагавшихъ дополнительные экзамены изъ греческаго языка для принятія ихъ воспитанниковъ въ университетъ, еслибы греческій языкъ былъ объявленъ препятствіемъ, поставилъ вопросъ:

«Не будетъ ли лучше, вмѣсто введенія неудовлетворительной системы дополнительныхъ экзаменовъ, рекомендовать имѣющимъ въ виду университетъ поступать въ такую школу, которая избавила бы ихъ отъ позднихъ дополнительныхъ экзаменовъ, мѣшающихъ университетскимъ занятіямъ?» Смыслъ вопроса понятенъ: если гимназіи пользуются правомъ на университетъ, то зачѣмъ такое право давать еще реальнымъ школамъ, воспитанники которыхъ будутъ нуждаться въ дополнительныхъ экзаменахъ? Легко понять, какой ожидается на это отвѣтъ.

Но мы уже имѣли случай говорить, что классическія гимназіи въ этомъ отношеніи не представляютъ преимущества предъ реальными школами, и если послѣднія нуждаются въ дополнительныхъ экзаменахъ изъ греческаго языка, то первымъ нуженъ такой же экзаменъ изъ физическихъ наукъ, который въ Пруссіи и существуетъ на дѣлѣ, подъ именемъ *tentamen physicum*. Итакъ, даже превосходныя прусскія гимназіи не оказываются удовлетворительными для поступленія на *всѣ* факультеты безъ дополнительнаго экзамена. Мы уже указывали на это обстоятельство въ первой нашей статьѣ и вызвали тѣмъ непонятное для насъ сомнѣніе относительно вѣрности самого факта и его значенія. Потому приведемъ мнѣніе нѣмецкаго педагога, отвѣчавшаго на вышеприведенный вопросъ г. Веренпфеннига.

«Мы отвѣтили бы тотчасъ на этотъ вопросъ утвердительнымъ образомъ, еслибы намъ назвали школу, въ которой будущіе студенты были бы подготовляемы такъ, чтобы они не нуждались послѣ въ дополнительномъ экзаменѣ. Мы согласны, что гимназія приготовляетъ совершенно достаточно для классической филологіи и богословія, но не для медицины, не для естественныхъ наукъ и не для новыхъ языковъ. Чтó такое *tentamen physicum* у медиковъ, какъ не дополнительное испытаніе? Еслибы гимназіи приготовляли вполнѣ удовлетворительно изъ естествовѣдѣнія, физики и химіи, то къ чему же было бы студенту послѣ терять золотое время на повтореніе пройденнаго, на дополненіе пропущеннаго, и все-таки плохо выдержать дополнительный экзаменъ?... Кромѣ того, въ реальной школѣ способности ученика съ раннихъ лѣтъ были бы направлены къ умѣнью наблюдать, чтó такъ важно для врача. Въ 6, 7 лѣтъ онъ пріобрѣлъ бы познанія изъ естественныхъ наукъ, которыя бы облегчили ему изученіе физіологіи и анатоміи, и этимъ

нельзя пренебрегать, такъ какъ само министерство вынуждено жаловаться, что «при государственномъ экзаменѣ испытуемый врачъ не обнаруживаетъ слѣдовъ знакомства съ спеціальными названіями травъ, и ему бываютъ неизвѣстны даже такія простыя растенія, какъ Kamillen (ромашка), Schierling (болиголовъ), Bilsenkraut (бѣлена), Fingerhut, и многія тому подобныя».... Все это даетъ право утверждать, что *tentamen physicum*, это дополнительное испытаніе для гимназистовъ, могло бы быть устранено, еслибы желающіе пойти на медицинскій факультетъ поступали не въ гимназію, а въ реальную школу» [1]....

Но при всей неблагопріятности отзыва докладчика, палата депутатовъ, въ виду важности вопроса для всей будущности страны, нашла необходимымъ дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью и опредѣлила передать всѣ петиціи правительству съ тѣмъ, чтобы оно опять передало ихъ на обсужденіе университетамъ, а мнѣнія ихъ, по вопросу: могутъ ли быть допускаемы воспитанники высшихъ реальныхъ школъ въ университетъ—сообщило палатѣ депутатовъ.

VIII.

9-го ноября 1869-го года, министръ народнаго просвѣщенія разослалъ всѣмъ университетамъ петиціи городовъ при циркулярѣ, объяснявшемъ цѣль самой разсылки; къ концу того же года былъ полученъ отвсюду отвѣтъ. Берлинскій университетъ высказалъ свое мнѣніе отъ имени ректора и сената; затѣмъ слѣдовали мнѣнія католическо-теологическихъ факультетовъ Бреславля и Бонна, и евангелическо-теологическихъ, юридическихъ, медицинскихъ и философскихъ факультетовъ университета въ Кёнигсбергѣ, Берлинѣ, Грейфсвальдѣ, Бреславлѣ, Галле, Гёттингенѣ, Марбургѣ и Боннѣ. Всего 39 мнѣній.

Вотъ результатъ, къ которому пришли факультеты и который приводится д—ромъ Лотомъ въ его брошюрѣ «Die Realschul-Frage»:

«Богословскіе факультеты (а евангелическо-богословскіе факультеты, надобно замѣтить, въ наше время мало уступаютъ католическо-богословскимъ въ своихъ клерикальныхъ тенденціяхъ, и потому всѣ они одинаково вооружены противъ реальнаго образованія) всѣ безъ исключенія оказались враждебны реальнымъ школамъ, и этому никто не удивится, если вспомнить, въ ка-

[1]) D-r Loth, Beiträge zur Unterrichtsfrage. IV. Koeln.-Zeit. 1871. № 206.

кой степени современная теологія вообще враждебна современнымъ стремленіямъ.

«Юридическіе факультеты въ большинствѣ оказались также неблагопріятны реальнымъ школамъ, и причина того заключается въ томъ, что они мало цѣнятъ ихъ значеніе (Unterschätzung der Leistungen der Realschulen). Но что философскіе и медицинскіе факультеты подали въ БОЛЬШИНСТВѢ свой голосъ ЗА допущеніе воспитанниковъ реальныхъ школъ къ факультетскому преподаванію, и тѣмъ поставили ихъ на равную ногу съ воспитанниками гимназій, — это обстоятельство должно имѣть большое значеніе для вопроса реальныхъ школъ» (dass über die philosophischen und medizinischen Facultäten in ihrer Majorität für die Zulassung der Realschul-Abiturienten zu Facultätsstudien ihr Votum abgegeben und sie hierdurch mit den Gymnasial-Abiturienten in gleichen Rang gestellt haben, muss für die Lösung der Realschulfrage von grosser Bedeutung sein) [1]).»

Относительно значенія такого обстоятельства, авторъ нисколько не ошибся, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, ф. Мюллеръ, сдѣлалъ, 7-го декабря (н. с.) 1870-го г., распоряженіе о допущеніи воспитанниковъ высшихъ реальныхъ школъ въ университетъ «вслѣдствіе желаній, высказываемыхъ со всѣхъ сторонъ, а также принимая въ соображеніе одобрительные отзывы по тому же дѣлу университетскихъ факультетовъ». Впрочемъ объ этомъ послѣ.

Каковы бы ни были «akademische Gutachten», мнѣнія университетскихъ совѣтовъ, по заданному имъ вопросу, но прежде всего нужно отдать справедливость прусскому министерству народнаго просвѣщенія, которое употребило такую осторожность и не взяло на себя отвѣтственности рѣшить будущую судьбу

1) Ibid. стр. 36.—Если наши читатели будутъ удивлены тѣмъ, что въ такомъ простомъ ариѳметическомъ вопросѣ мы нашли нужнымъ приводить показаніе другого лица, то мы можемъ въ свое оправданіе представить тѣ обвиненія, съ которыми обращались къ намъ, говоря, что мы считали голоса университетовъ невѣрно, и слѣдов. невѣрно утверждали, что большинство было на сторонѣ реальныхъ школъ. Вотъ почему мы привели показаніе посторонняго лица, неуличаемаго нѣмецкою печатью въ ложномъ исчисленіи. Пожалуй, принимая за университетъ богословскіе факультеты, наши противники могли бы утверждать, что домогательство реальныхъ школъ было единогласно отвергнуто; но въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на голоса тѣхъ факультетовъ, допущеніе въ которые и составляло вопросъ; а въ такомъ случаѣ мы были правы, утверждая, что большинство университетовъ было за реальныя школы; такъ это понялъ и министръ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, мотивируя свое согласіе на допущеніе воспитанниковъ реальныхъ школъ въ университетъ «одобрительными отзывами университетовъ».

страны. Можно, конечно, упрекать, и дѣйствительно многіе упрекали нѣкоторые изъ факультетовъ, особенно богословскіе, въ томъ, что они дали слишкомъ поспѣшные отвѣты; такъ богословскій факультетъ въ Гёттингенѣ получилъ предложеніе министра 13-го ноября, а 18-го пошелъ уже отвѣтъ; богословскій факультетъ въ Галле ограничился также 5-ю днями, а юридическій факультетъ въ Грейфсвальдѣ — 7-ю днями. Но за то многіе изъ факультетовъ дали, по поводу спеціально предложеннаго имъ вопроса, весьма важные отзывы вообще о среднемъ учебномъ дѣлѣ въ Германіи и коснулись недостатковъ не только реальныхъ школъ, но и классическихъ гимназій. Въ нашей печати извѣстная партія въ Москвѣ обратила преимущественное вниманіе на мнѣніе берлинскаго университета, между тѣмъ какъ именно это мнѣніе, превзошедшее мѣстами даже богословскіе факультеты своею безусловною оппозиціею реальнымъ школамъ, вызвало и въ самой Германіи справедливыя осужденія, и не со стороны однихъ приверженцовъ реальнаго образованія, но также и со стороны классиковъ. Между послѣдними, наприм., Оскаръ Егеръ въ своемъ общемъ отзывѣ о мнѣніяхъ университетовъ, указывая на хорошую ихъ сторону, прибавляетъ, что «конечно, реальнымъ школамъ сдѣланы были при этомъ также и въ высшей степени несправедливые упреки» [1]). Наши партизаны классицизма не доходили до такихъ тонкостей, чтобъ отличать справедливые упреки реальнымъ школамъ отъ «въ высшей степени несправедливыхъ», и выносили все, что попадало имъ подъ-руку, утверждая постоянно, что реальныя школы въ Германіи представляютъ неудавшійся экспериментъ, а гимназіи — учрежденіе окончательно сложившееся и нетребующее ни перемѣнъ, ни улучшеній. Истина состоитъ въ томъ, что и реальныя школы, и гимназіи одинаково нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ учебныхъ плановъ и ихъ переработкѣ, по указаніямъ опыта. Мы выразили это въ нашей первой статьѣ, говоря, что «вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ классическія гимназіи тронулись съ того мѣста, на которомъ онѣ сидѣли неподвижно, начиная со времени реформаціи; а слѣдовательно, дѣло настоящей минуты собственно состоитъ въ томъ, чтобъ классическія гимназіи продолжали начатое ими прогрессивное движеніе: сравнительно съ тѣмъ, что онѣ были сто лѣтъ тому назадъ, онѣ сдѣлали значительный шагъ къ сближенію съ новою жизнью и съ новыми

---

[1]) Ib. 12 стр.: «Es ist in denselben (Akademischen Gutachten) manches treffende gesagt, freilich auch den Realschulen mancher höchst ungerechte Vorwurf gemacht worden».

потребностями, но и впереди осталось не мало для дальнѣйшаго ихъ усовершенствованія въ томъ же смыслѣ сближенія съ жизнью». И эти наши слова вызвали цѣлую бурю со стороны нашихъ партизановъ классицизма и его неизмѣняемости; между тѣмъ какъ въ Германіи истинные классики ясно видятъ, согласно съ нами, что современной гимназіи многого недостаетъ, и споръ состоитъ только въ томъ, чего именно недостаетъ, и какъ недостающее восполнить [1]).

Мнѣнія нѣмецкихъ университетовъ выражались въ этомъ отношеніи весьма недвусмысленно. Такъ, медицинскій факультетъ въ Боннѣ заявилъ «настоятельное желаніе, чтобы современемъ обученіе математики и естествовѣдѣнію въ гимназіяхъ не было пренебрегаемо такимъ постыднымъ образомъ, какъ то бываетъ нынѣ, и особенно со времени уничтоженія окончательнаго испытанія изъ физики. Необходимо указать на то поистинѣ печальное положеніе, что во многихъ университетахъ сдѣлалось невозможнымъ читать спеціальныя научныя лекціи по физіологіи органовъ чувства, такъ какъ всякая математическая формула приводитъ въ ужасъ, и нѣтъ основательныхъ познаній въ геометріи, тригонометріи и аналитической геометріи». Это же самое подтверждается и въ мнѣніи философскаго факультета въ Грейфсвальдѣ; тамъ именно говорится, «что *гимназическое обученіе въ своемъ современномъ составѣ не служитъ одинаково приготовительною школою для всѣхъ факультетовъ* (der Gymnasial-Unterricht in seines jetzigen Verfassung eine gleichmässige Vorbildung für alle Universitätsstudien nicht gewährt), и неудовлетворительно (nicht genügend) приготовляетъ будущихъ студентовъ къ математикѣ и естествовѣдѣнію... Единственнымъ средствомъ къ уничтоженію такого вреда было бы увеличеніе въ гимназіи часовъ преподаванія этихъ предметовъ насчетъ латинскаго языка». Философскій факультетъ въ Бреславлѣ, давшій отвѣтъ неблагопріятный для реальныхъ школъ (9 голосовъ противъ 8-ми), тѣмъ не менѣе поставилъ министерству на видъ: «Почти единогласно мы держимся того мнѣнія, что въ гимназіяхъ слѣдуетъ придать гораздо высшее значеніе естественнымъ наукамъ, нежели какъ то принято. Всѣ стремленія времени несомнѣнно указываютъ на то, и никто не можетъ считаться образованнымъ человѣкомъ, если онъ не имѣетъ по крайней мѣрѣ общихъ свѣдѣній о естественномъ мірѣ». А медицинскій факультетъ въ Килѣ говоритъ и о другомъ злѣ: «Поразительно, какъ студенты нашего времени

[1]) Ib. 8: Der bessernden Hand sind sie (Gymnasien) ohne Zweifel bedürftig, wie Alles was lebensfähig bleiben will.—Это говорятъ Егеръ, вообще защитникъ классицизма.

плохо владѣютъ роднымъ языкомъ, и какъ часто писанное ими по-нѣмецки отличается дѣтскимъ характеромъ и въ отношеніи стиля, и въ отношеніи логики». Это послѣднее заявленіе совпадаетъ съ мѣрами историко-филологическаго факультета кіевскаго университета, которыя были имъ предприняты въ нынѣшнемъ году противъ малограмотности студентовъ, поступающихъ изъ гимназій. Пусть читатели сами судятъ, насколько возможно исправить грамотность въ русскомъ языкѣ усиленными уроками въ греческомъ и латинскомъ и возложеніемъ преподаванія въ гимназіи русскаго языка на учителей языка латинскаго, которые, притомъ, выписываются иногда изъ-за границы, или берутся изъ духовныхъ заведеній, что́, въ извѣстномъ смыслѣ, можно назвать также изъ-за границы.

Но обратимся къ тому, что было высказано въ мнѣніяхъ нѣмецкихъ университетовъ по поводу вопроса о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ школъ въ университеты и на чемъ основывались отрицательные отзывы, высказанные единодушно богословскими факультетами, въ большинствѣ—юридическими, и въ меньшинствѣ—философскими и медицинскими.

IX.

При всей многочисленности и кажущемся разнообразіи «мнѣній», неблагопріятныхъ увеличенію правъ реальныхъ школъ, ихъ можно легко группировать на два класса по тѣмъ побужденіямъ, которыми, очевидно, руководились высказывавшіяся стороны. Были побужденія научнаго свойства, но были и побужденія, не имѣющія никакого отношенія къ наукѣ; безъ сомнѣнія, къ этимъ послѣднимъ и относится вышеприведенное указаніе Егера на «höchst ungerechte Vorwurf», въ высшей степени несправедливый упрекъ, дѣлаемый реальнымъ школамъ. Эти-то послѣднія побужденія, не имѣющія никакого отношенія къ наукѣ, но прикрываемыя громкими фразами, находили болѣе всего отголоска у нашихъ классиковъ, и потому они съ особеннымъ удовольствіемъ переводили намъ и комментировали мнѣніе ректора и сената берлинскаго университета, опередившаго, какъ мы видѣли, даже богословскіе факультеты. «Истинная опасность (восклицаютъ въ этомъ мнѣніи, указывая на реальныя школы), опасность, угрожающая культурѣ, это — погруженіе ея въ матеріальные интересы, новое варварство поколѣній, живущихъ только заработкомъ и наслажденіями на этотъ день, для которыхъ наука имѣетъ какое-нибудь значеніе не болѣе какъ настолько, на-

сколько она можетъ быть полезною, и содѣйствуетъ къ замѣнѣ искусства роскошью. Кто желаетъ открыть настежь ворота такому духу времени, тому нужно только расширить кругъ гимназическаго аттестата» (testimonium maturitatis). Другими словами, реальныя школы проникнуты растлѣвающимъ и изнѣженнымъ духомъ времени, а потому отъ распространенія на нихъ правъ гимназій можно ожидать только свѣтопреставленія. Все это могло бы быть справедливо въ извѣстномъ смыслѣ до 1859-го года, когда положенъ былъ окончательный предѣлъ утилитарнымъ цѣлямъ реальныхъ школъ, который онѣ унаслѣдовали отъ прошедшаго столѣтія—времени своего зарожденія. Потому-то въ нѣмецкой печати ограничились, въ отвѣтъ на вышеприведенныя опасенія, простымъ указаніемъ на уставъ 1859-го года, гдѣ въ объяснительной запискѣ сказано, какъ мы видѣли, весьма опредѣленно, а именно, что «реальныя и высшія гражданскія школы имѣютъ своею задачею давать предварительное *научное* образованіе для высшихъ родовъ призванія, которые не требуютъ для себя факультетскаго развитія. *Но не должно думать, что потому самому ихъ устройство опредѣляется ближайшими потребностями практической жизни*; напротивъ того, цѣль этихъ школъ состоитъ въ томъ, чтобъ довести духовныя способности ввѣреннаго имъ юношества до такого развитія, которое съ необходимостью предполагало бы въ молодыхъ людяхъ свободное и самостоятельное отношеніе къ позднѣйшему призванію жизни». А такое «свободное и самостоятельное отношеніе» къ практической жизни невозможно пріобрѣсти въ профессіональной школѣ, преслѣдующей утилитарныя цѣли.

Ректоръ и сенатъ берлинскаго университета вмѣстѣ съ богословскими факультетами сдѣлали анахронизмъ и повторяли противъ реальныхъ школъ доводы изъ стараго времени страстной борьбы, когда обѣ стороны не щадили крѣпкихъ выраженій и, по замѣчанію одного изъ нѣмецкихъ педагоговъ, Гольцапфеля, «старая школа называла новую бѣдствіемъ нашего времени, а новая усматривала въ старой глупость нашего времени». «Представители старой школы—говоритъ тотъ же авторъ,—думали тогда, что все наше образованіе, покоющееся на классической древности, подвергается теперь опасности, его мѣсто займетъ грубое варварство (почти слово въ слово говоритъ то же и берлинскій университетъ); что сохраненіе всей нашей культуры обусловлено греками и римлянами, все спасеніе церкви и государства, искусства и науки только въ грекахъ и римлянахъ, и что потому доступъ къ государственной службѣ, судейскому креслу, учительской каѳедрѣ, постели больного, постройкѣ дома,

долженъ быть открытъ однимъ грекамъ и римлянамъ. И это не все. Они видѣли въ новыхъ школахъ нѣчто пагубное и требовали ея уничтоженія: она-молъ очагъ матеріализма, и потому, учрежденіе враждебное и опасное для христіанства и всякаго истиннаго просвѣщенія». Тою же монетою платили противники классицизма «ученымъ» школамъ, т.-е. гимназіямъ; «но, замѣчаетъ вполнѣ безпристрастный судья въ этомъ дѣлѣ, Гольцапфель, борьба имѣла свою хорошую сторону: латинская школа, гимназія, сдѣлалась доступною мысли, что жизнь имѣетъ свои права, что школа служитъ обществу.... Гимназія расширила кругъ предметовъ своего обученія и измѣнила методу. Она дала мѣсто у себя нѣмецкому языку и литературѣ, и даже французскому; она допустила систематическое преподаваніе математики, даже естествовѣдѣнія и рядомъ съ чистописаніемъ появилось рисованіе... Съ другой стороны, реальная школа поняла, что ея задача вовсе не въ томъ, чтобъ сдѣлаться суммою общеполезныхъ свѣдѣній, быть всѣмъ для всѣхъ, или давать одностороннее образованіе, пригодное тому или другому состоянію, сообщать спеціальныя свѣдѣнія для техника, для фабриканта, сельскаго хозяина и т. д. Ея задачею можетъ быть только одно, а именно—положить основы общему образованію, цѣнящему и постигающему дѣйствительныя нужды современности, причемъ усвоеніе познаній должно быть разсматриваемо какъ средство къ развитію: реальная школа должна имѣть въ виду не профессію, а человѣка (sie soll nicht den Stand, sondern den Menschen ins Auge fassen); она должна дать распуститься всѣмъ зародышамъ духовной жизни, развить всѣ душевныя силы, укрѣпить и возвысить умъ и нравственность, возбудить способность, навыкъ и охоту къ труду; она должна вызвать и выработать полнаго внутренняго человѣка, съ тѣмъ чтобы отдѣльный человѣкъ, вступающій въ жизнь, при выборѣ призванія, соотвѣтственнаго своимъ наклонностямъ, характеру и способностямъ, свободно и легко могъ постигнуть спеціальность своего призванія, не погибая въ этой спеціальности; руководимый высшею нравственною идею, исполненный идеальныхъ воззрѣній, такой человѣкъ, напротивъ, высоко поставитъ общечеловѣческое надъ интересомъ спеціальнаго и не промѣняетъ высшаго блага жизни на злобу дня. Такая высокая задача реальной школы въ своей сущности совпадаетъ съ задачею гимназіи. Обѣ школы теперь отбросили свою односторонность: гимназія, бывшая непрактическою, сдѣлалась практическою и научилась уважать интересы дня; реальная школа, впадавшая въ мелочное и матеріалисти-

ческое, сдѣлалась идеалистическою и научилась уважать идеальныя потребности жизни» [1]).

Вотъ картина современнаго отношенія реальной школы къ классической, начертанная рукою одного изъ самыхъ безпристрастныхъ нѣмецкихъ педагоговъ. Впрочемъ, эта картина есть не что иное, какъ буквальное осуществленіе идеала реальной школы, поставленнаго ей прусскимъ законодательствомъ уже давно. Мы поставили во главѣ нашей статьи именно отрывокъ изъ устава реальныхъ школъ, который вполнѣ характеризуетъ взглядъ прусскаго законодательства въ этомъ отношеніи: «Школа служитъ жизни и прислушивается къ ея требованіямъ; доказательствомъ тому служитъ именно самое существованіе реальныхъ школъ и устройство ихъ учебнаго плана: но она имѣетъ дѣло съ юношествомъ и потому должна образованію, требуемому спеціальными призваніями, полагать общія и прочныя начала. Всякое призваніе должно основываться на свободномъ человѣческомъ образованіи духа и характера» [2]).

Мнѣніе, высказанное ректоромъ и сенатомъ берлинскаго университета не оправдывается такимъ образомъ ни прусскимъ законодательствомъ, требующимъ общеобразовательнаго и научнаго характера отъ реальной школы, ни идеями педагоговъ, стоящихъ во главѣ ея управленія. Ихъ сѣтованіе и боязнь за будущее человѣчества лишены, слѣдовательно, всякой основы.

X.

Болѣе заслуживаютъ вниманіе другія возраженія, высказанныя съ научной точки зрѣнія. Одни изъ нихъ ограничиваются формальною стороною вопроса, другія касаются его по существу. Формальнымъ препятствіемъ выставляютъ слова самого устава 1859-го года, гдѣ была прямо высказана та мысль, что реальныя школы, хотя подобно гимназіямъ, общеобразовательныя школы, и сообщаютъ *научное* образованіе, но только для высшихъ родовъ призванія, «которые не требуютъ для себя факультетскаго развитія», т.-е. университетскаго курса (für welche Universitätsstudien *nicht erförderlich* sind).

На этотъ формальный доводъ въ Германіи отвѣчали указаніемъ на то, что «если цѣль реальной школы въ 1859-мъ году была опредѣлена въ такомъ смыслѣ, то изъ этого не слѣдуетъ,

[1]) Стр. 12—15.
[2]) Unterrichts-Ordnung 1859 стр. 42.

что подобная цѣль не можетъ быть измѣнена послѣ 1870-го года, и что выпускаемые изъ реальныхъ школъ должны быть допускаемы только къ изученію строительной, горной и лѣсной части, но не къ образованію себя въ факультетахъ. Если лѣстница первоначально была сдѣлана для того, чтобы подниматься на грушу, то изъ этого не слѣдуетъ, что по ней нельзя всходить на яблоню. Разъясненія къ закону о реальныхъ школахъ говорятъ ясно, что реальныя школы вовсе не спеціальныя школы, что онѣ, подобно гимназіямъ, имѣютъ дѣло съ общеобразовательными средствами и основными познаніями» [1]. Положимъ, вышеприведенное сравненіе не есть доказательство; но несомнѣнно одно, что въ вопросѣ о допущеніи и недопущеніи воспитанниковъ реальныхъ школъ важно не то, допускалъ то или недопускалъ прежній законъ, такъ какъ при введеніи новаго порядка вещей всегда дѣло идетъ объ отмѣнѣ стараго закона, и потому нельзя въ существованіи стараго закона видѣть препятствіе къ возможности иного порядка; но несравненно важнѣе то, даютъ ли реальныя школы общее и научное образованіе, или они преслѣдуютъ утилитарныя цѣли, неимѣющія ничего общаго съ факультетскою наукою. Уставъ о реальныхъ школахъ не только утвердительно отвѣчаетъ на такой вопросъ, но и ставитъ какъ общее и научное образованіе, такъ и нравственное интеллектуальное развитіе духовныхъ силъ человѣка, непремѣнною цѣлью реальной школы. Послѣ такого точнаго и опредѣленнаго выраженія мысли законодателя, противники реальнаго образованія могли бы держаться единственно на почвѣ факта, а именно, имъ предстояло бы доказать, что, несмотря на опредѣленія закона, планъ обученія реальныхъ школъ въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ поставленной имъ цѣли, и вообще настоящее ихъ состояніе не таково, чтобы онѣ могли признаваться общеобразовательными заведеніями, наравнѣ съ гимназіями. Такова, въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя группа возраженій противниковъ реальной школы, болѣе раціональная.

Въ мнѣніи ректора и сената берлинскаго университета высказывается именно взглядъ, что реальныя школы, сравнительно съ гимназіями, представили слишкомъ «удобную дорогу» (bequeme Weg) къ университету, а съ другой стороны, университеты должны были бы понизить свой уровень, чтобы сдѣлать свои лекціи болѣе доступными для воспитанниковъ реальныхъ школъ, предоставляющихъ своимъ питомцамъ низшую степень умственнаго развитія и познаній. На это возраженіе въ Герма-

[1] *D-r Loth.* Die Realschulfrage. Leipz. 1870, стр. 39.

нія отвѣчали весьма справедливо вопросомъ: «Нужно ли профессорамъ новыхъ языковъ въ университетѣ, при чтеніи, напримѣръ, Шекспира, понижать свой уровень и начинать съ обученія начаткамъ англійской грамматики, чтобы снизойти до уровня своихъ слушателей, поступившихъ изъ гимназій (гдѣ вовсе не обучаютъ англійскому языку)? Профессора университетскіе вовсе не призваны толковать основныя понятія наукъ, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, они вынуждены у насъ дѣлать это въ отношеніи естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ»[1]).

«Но главное—продолжаютъ противники реальной школы—состоитъ въ томъ, что реальной школѣ *недостаетъ центра* (dass es den Realschulen an einem Centrum fehlt); отсюда колебаніе въ ея учебномъ планѣ. Онъ обнимаетъ сумму различныхъ спеціальностей, изъ которыхъ большая часть не можетъ излагаться въ сферѣ школы съ надлежащею основательностью; однимъ словомъ, реальная школа не могла найти себѣ равносильнаго центра преподаванія, какимъ служатъ въ гимназіи древніе языки».

Вотъ доводъ, который, благодаря своей фигуральности, — а слѣдовательно и туманности, съ которою всегда бываетъ сопряжена фигуральность,—особенно увлекъ за собою нашихъ классиковъ и породилъ массу сужденій о концентрированіи учебныхъ предметовъ въ классическихъ гимназіяхъ, котораго никогда не достигнуть-молъ реальныя школы. Но если вышеупомянутую фигуру привести къ простому выраженію, то будетъ трудно выяснить себѣ, почему учебный планъ долженъ обладать непремѣнно качествами круга или шара, а не квадрата или куба; всѣ эти формы одинаково математическія и одинаково правильныя, и отчего *кругъ* въ составленіи учебнаго плана удобнѣе *квадрата*; не напоминаетъ ли это блаженной памяти схоластику, когда могли разсуждать такъ: «кругъ есть совершеннѣйшая форма; потому и совершеннѣйшее образованіе должно выражаться въ формѣ круга, и подобно кругу имѣть центръ». Еще менѣе можно растолковать, напримѣръ, математику, что есть такіе центры, т.-е. точки, въ которыхъ можно помѣстить *два* предмета, какъ помѣщаются въ центрѣ два древніе языка. Забывъ, что вся исторія съ *центромъ* есть только риторическая фигура, наши классики приняли ее за дѣйствительное качество гимназіи, и спрашивали у реальной школы, можетъ ли она изобразить свой учебный планъ въ формѣ круга?

Останавливаясь на этомъ «Hauptsache» въ возраженіи бер-

[1]) Ibid. стр. 63.

линскаго университета, г. Лотъ [1]) анализируетъ его слѣдующимъ образомъ: «Понятіе центра заимствуется у круга или шара; а слѣдовательно гимназическое обученіе приравнивается къ кругу или къ шару, въ центрѣ которыхъ помѣщаются классическіе языки, между тѣмъ какъ прочіе предметы преподаванія расположены на поверхности непремѣнно въ равномъ разстояніи отъ центра. Впрочемъ, можетъ быть, эта картина заимствована у системы вселенной; въ такомъ случаѣ, классическіе языки — солнце, а прочіе языки — планеты, притягиваемыя солнцемъ и вращающіяся около него. Посмотримъ же, каковъ учебный планъ гимназій. Въ секстѣ (младшій классъ) 10 часовъ латинскаго языка; итакъ, вотъ центръ; двухчасовой урокъ нѣмецкаго языка можетъ очень свободно быть принятъ за одинъ урокъ, признающій латинскій языкъ своимъ центромъ; но въ какомъ отношеніи стоитъ къ латинскому языку преподаваніе религіи? Да и можетъ ли законоучитель-богословъ вообще согласиться на то, что христіанская религія, и именно библейская исторія, преподаваемая въ секстѣ и квинтѣ, имѣетъ своимъ центромъ классическіе языки? Могутъ ли два часа географіи усматривать свой центръ въ латинскомъ языкѣ? или, четыре часа ариѳметики? или два часа естественной исторіи (да и то, когда ей учатъ)? или два часа рисованія?, или наконецъ, три часа чистописанія? Итакъ, на дѣлѣ выходитъ, что въ центрѣ круга преподаванія, въ секстѣ, стоятъ 10 уроковъ, 2 урока вращаются, дѣйствительно, въ видѣ планетъ, и цѣлыхъ 16 уроковъ оставляютъ центръ въ сторонѣ и идутъ себѣ своею дорогою. Та же исторія въ квинтѣ; тутъ только появляется около классическаго центральнаго солнца новая планета въ видѣ трехъ уроковъ французскаго языка—а потому изъ 30-ти недѣльныхъ уроковъ квинты, 10 составляютъ центръ, 5 уроковъ (франц. и нѣм.) движутся около этого центра, а 15 уроковъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ воображаемому центру.... Если защитники гимназическаго плана во что бы то ни стало желаютъ имѣть у себя центръ, то пусть они это и творятъ; а мы, преподаватели реальныхъ школъ, весьма даже довольны, что у насъ нѣтъ *такого* центра; за то мы имѣемъ другой центръ, именно, гармоническое научное образованіе, равномѣрное укрѣпленіе духа посредствомъ всесторонняго упражненія духовныхъ силъ надъ изученіемъ нравственно-интеллектуальныхъ интерессовъ человѣчества; вотъ центръ, къ которому устремлены усилія учителей и учениковъ, и около котораго группируются части учебнаго плана реальной школы.

[1]) Ibid. стр. 50.

Мы не отрицаемъ, что гимназіи преслѣдуютъ ту же самую цѣль; онѣ даже употребляютъ для достиженія этой цѣли тѣ же самыя средства, какъ и реальныя школы: религію, языкознаніе, исторію и географію, математику, естествовѣдѣніе и развитіе техническихъ способностей (чистописаніе, рисованіе, пѣніе и гимнастика); различіе между ними состоитъ только въ томъ, что гимназія ставитъ на первый планъ культуру древности, а реальная школа—культуру новаго времени».

XI.

Пренія по вопросу о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ школъ въ университетъ заключились распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, отъ 7-го декабря (н. с.) 1870-го года, въ противность мнѣнію ректора и сената берлинскаго университета, вмѣстѣ съ богословскими факультетами. Вотъ самый текстъ распоряженія:

«Вслѣдствіе желаній, высказываемыхъ со всѣхъ сторонъ, а также принимая въ соображеніе *одобрительные* отзывы по тому же дѣлу университетскихъ факультетовъ, я—говоритъ министръ народнаго просвѣщенія ф. Мюлеръ — желаю уничтожить прежнія ограниченія (правъ высшихъ реальныхъ школъ), и отнынѣ *высшія реальныя школы пользуются правомъ выпуска въ университетъ своихъ воспитанниковъ, которые установленнымъ порядкомъ выдержали выпускной экзаменъ, и аттестаты такихъ реальныхъ школъ имѣютъ для поступленія въ философскій факультетъ* [1]) *такую же силу, какъ и аттестаты гимназій.* Но поступленіе въ прочіе факультеты (богословскій и юридическій) для воспитанниковъ реальныхъ не допускается по прежнему.

«Относительно же послѣдующихъ государственныхъ экзаменовъ (Staatsprüfungen), съ нынѣшняго времени, кандидаты на учительскую должность будутъ допускаемы, безъ предварительнаго особаго разрѣшенія, къ экзамену pro facultate docendi по математикѣ, естествовѣдѣнію и новымъ языкамъ, если они посѣщали высшую реальную школу и по пріобрѣтеніи въ ней свидѣтельства о зрѣлости (аттестата) прошли университетское трехлѣтіе, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что имъ будутъ открыты мѣста только въ реальныхъ и высшихъ гражданскихъ школахъ. При замѣщеніи вакансіи учителей новыхъ языковъ, даже

[1]) У насъ нѣмецкому философскому факультету соотвѣтствуютъ два его отдѣленія: историческо-филологическій и математическій съ естественными науками.

въ реальныхъ и высшихъ гражданскихъ школахъ, королевскій провинціальный училищный совѣтъ имѣетъ обратить вниманіе на то, что обширное познаніе языка и основательное грамматическое образованіе, доставляемое въ гимназіяхъ, даютъ преимущество бывшимъ воспитанникамъ гимназіи».

Итакъ, министерское распоряженіе нашло возможнымъ парализовать, до нѣкоторой степени, первую половину самого себя, не только закрывъ для воспитанниковъ реальныхъ школъ богословскій и юридическій факультеты, но и ограничивъ въ будущемъ ихъ служебныя права учительскими должностями по новымъ языкамъ, математикѣ и естествовѣдѣнію въ однѣхъ реальныхъ школахъ, съ тою особенностью, что по новымъ языкамъ даже и въ реальныхъ школахъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе бывшимъ воспитанникамъ гимназій.

Такой способъ рѣшенія дѣла не могъ не вызвать новыхъ преній со стороны реальныхъ школъ, и на этотъ разъ ихъ требованія были тѣмъ основательнѣе, что въ распоряженіи министра оказался пунктъ, изобличившій излишнюю поспѣшность въ самой редакціи, и рѣшительную невозможность привести его въ исполненіе. Въ Пруссіи почти всѣ реальныя школы содержатся насчетъ городскихъ обществъ, и назначеніе учителей зависитъ отъ кураторіи учреждаемой городомъ, а не отъ королевскаго училищнаго совѣта. Какимъ же образомъ послѣдній исполнитъ предписаніе министра—назначать въ реальныя школы учителей новыхъ языковъ изъ бывшихъ гимназистовъ? На это обстоятельство указалъ министерству недавно одинъ изъ директоровъ реальной школы Остендорфъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ о реальномъ образованіи въ «Kölnische Zeitung» [1]). Но и помимо того, какъ понять такое распоряженіе, въ силу котораго слѣдуетъ предпочесть не лучшаго преподавателя худшему, а получившаго воспитаніе въ гимназіи—тому, кто получилъ его въ реальной школѣ, хотя бы тотъ лично былъ и менѣе достоинъ?

Нападенія посыпались со всѣхъ сторонъ на всѣ эти слабыя стороны министерскаго распоряженія, и лѣтомъ нынѣшняго года противъ него возстали не только защитники реальныхъ школъ, но и партизаны гимназій. Въ іюнѣ, составилась въ гор. Сёстѣ конференція изъ директоровъ гимназій и реальныхъ школъ вмѣстѣ. Гимназіи поняли, что это распоряженіе вредно и имъ самимъ, не менѣе какъ и реальнымъ школамъ. Кругъ выбора учителей математики и естественныхъ наукъ для нихъ былъ ограниченъ, и онѣ не могли воспользоваться именно лучшими, которые въ

[1]) Die Realschule erster Ordnung und die Philosophische Facultät. 1.

реальныхъ школахъ получили такую подготовку, какой не могутъ дать гимназіи.

Вслѣдствіе того, всѣ директоры гимназій и реальныхъ школъ въ Вестфаліи, вмѣстѣ съ обоими совѣтниками королевскаго провинціальнаго училищнаго совѣта въ Мюнстерѣ, постановили ходатайствовать о разрѣшеніи бывшимъ воспитанникамъ реальныхъ школъ занимать мѣста учителей новыхъ языковъ и математики также и въ гимназіяхъ.

Такое согласное постановленіе директоровъ въ Сёстѣ служитъ, конечно, яснымъ доказательствомъ, что въ Германіи борьба реальнаго образованія съ классическимъ приблизилась къ своему окончанію: горячій споръ о томъ, можетъ ли какое-нибудь среднеучебное заведеніе, а слѣдовательно и реальная школа, быть не общеобразовательнымъ и имѣть профессіональный характеръ— рѣшенъ окончательно въ пользу общеобразовательности, и къ этому вопросу теперь не возвращается никто; сами классики въ Германіи, какъ мы видѣли, выражаются не лестно о противникахъ реальнаго образованія въ прежнемъ смыслѣ: «Gegner der Realschulen ist kein vernünftiger Mensch»! Въ послѣднемъ вопросѣ о правахъ на университетъ сдѣланъ первый шагъ къ разрѣшенію въ пользу реальныхъ школъ; дальнѣйшій ходъ дѣла будетъ зависѣть отъ успѣха въ убѣжденіяхъ прусскаго правительства относительно пользы, которую оно можетъ само извлечь изъ новой массы воспитанниковъ реальныхъ школъ; а прусское правительство доказало не разъ, что оно никогда не откажется отъ своей пользы ради фантазіи какой-нибудь партіи или лица.

Впрочемъ, практическая сторона вопроса о реальныхъ школахъ не представляетъ никакого сомнѣнія, и смыслъ ея для всѣхъ правительствъ одинъ и тотъ же. Въ Пруссіи правительство выражаетъ свое намѣреніе пользоваться школою въ томъ, что оно допускаетъ или не допускаетъ къ «служебному экзамену» (Staats-Examen); у насъ такое же отношеніе выражено въ дарованіи права учебному заведенію соединять съ его аттестатомъ или ученымъ дипломомъ извѣстный чинъ и служебныя права, такъ что у насъ научный экзаменъ самихъ учебныхъ заведеній есть вмѣстѣ и Staats-Examen. Такой порядокъ вещей можетъ съ теченіемъ времени привести къ печальному результату и для государства и для общества. Правительство, поддерживая исключительно классицизмъ, окажется не въ состояніи поддерживать всѣхъ классиковъ, т.-е. снабжать ихъ мѣстами и притомъ такими мѣстами, которыми всѣ были бы довольны. Почти всѣ классики будутъ стремиться на государственную службу, а служебныя мѣста ограничены потребностью государства въ служебныхъ силахъ; и тогда неизбѣжно произой

детъ слѣдующее явленіе: или явится масса рукъ безъ дѣлъ, такъ какъ на службѣ нѣтъ мѣстъ, а для частной дѣятельности школа не дала научнаго образованія, построеннаго на изученіи современной культуры; или государство обременитъ себя содержаніемъ ненужныхъ ему рукъ. У насъ случилось и то, и другое: мы имѣемъ теперь обширный, къ сожалѣнію, чиновническій пролетаріатъ съ высшимъ и среднимъ научнымъ образованіемъ, и въ то же время правительство обременено содержаніемъ служащихъ сверхъ своихъ дѣйствительныхъ потребностей. Что у насъ есть чиновническій пролетаріатъ, не считающій себя счастливымъ, а слѣдовательно и мало довольный, — въ этомъ не нужно никого убѣждать. Что же касается до стоимости чиновничества правительству, то объ этомъ даетъ намъ понятіе цифра пенсій и пенсіонеровъ: въ 1828-мъ году у насъ было 26,092 пенсіонера, стоившіе 2.865,536 рублей; въ 40 лѣтъ, т.-е. въ 1868-мъ г., эти цифры возросли до колоссальныхъ размѣровъ: 151,768 пенсіонеровъ, стоившихъ 17.370,302 рубля. Къ 1-му іюня 1871-го г. и эта цифра нашла возможность подняться до «поражающихъ» размѣровъ: 190,238 пенсіонеровъ на сумму 19.811,161 р. 69 коп. «Если взять во вниманіе,—говоритъ газета [1]), сообщающая всѣ эти данныя,—что въ теченіе только одного года, съ 1-го іюля 1870-го года по 1-е іюля 1871-го г., вновь прибыло 15,469 пенсіонеровъ, то смѣло можно сказать, что къ 1-му января 1872-го г. на плечахъ нашего государства будетъ находиться 200,000 армія пенсіонеровъ». Не менѣе замѣчательно, что при такомъ колоссальномъ расходѣ государства, средній пенсіонеръ бѣдствуетъ, такъ какъ средняя пенсія не много выше 100 рублей!!

Вотъ гдѣ открывается нравственно-политическая сторона вопроса о важности реальнаго образованія для правительства, совершенно независимо отъ тѣхъ или другихъ публицистическихъ воззрѣній и заднихъ мыслей какой-нибудь партіи. Раціонально ли устроить среднее образованіе по классическому типу, въ видахъ потребности одной службы государству и церкви, когда воспитанники такого типа училищъ превысятъ числомъ запросъ на нихъ и образуютъ современемъ «умственный пролетаріатъ», съ отличнымъ теоретическимъ образованіемъ, но подъ вліяніемъ научнаго изученія древней культуры и съ полнымъ пренебреженіемъ къ новѣйшей, до безграмотности въ отечественномъ языкѣ включительно? Раціонально ли и для потребностей службы государству ограничиться однимъ типомъ классическихъ школъ, когда государство есть вмѣстѣ и хозяинъ, а слѣдовательно нуждается

[1]) «Русскій міръ» № 66.

для веденія своего хозяйства въ лицахъ реальнаго образованія? Пруссія отвѣтила благоразумно на эти вопросы: сначала она обязала реальныя школы быть общеобразовательными, а потомъ открыла имъ служебную карьеру въ отрасляхъ своего хозяйства, какъ почта, горное вѣдомство и т. д. Благодаря реальному образованію и мудрости прусскаго правительства, человѣкъ, оставляющій службу или не нашедшій въ ней мѣста, легко отыщетъ мѣсто въ частной службѣ, и своими познаніями увеличитъ итогъ народнаго богатства; слѣдовательно, и накопленіе чиновническаго пролетаріата въ Пруссіи не можетъ принимать ужасающаго характера.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ исторіи прусской школы и въ ея современномъ положеніи нѣтъ недостатковъ; но прусская школа поставлена на правильную дорогу — вотъ въ чемъ ея сила и основаніе надеждъ въ будущемъ. Ни реализмъ, ни классицизмъ въ Пруссіи не составляютъ сами по себѣ источника ея могущества и развитія. Секретъ вовсе не въ томъ: каковы бы ни были взгляды на внѣшнюю и внутреннюю политику этого государства, всѣ согласятся въ одномъ, а именно, что въ Пруссіи развито болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, начало, называемое *Schulfreiheit*, — свобода школы. Мы знаемъ, что у насъ могутъ нѣкоторые органы печати придти въ ужасъ отъ одного этого слова и увѣрить всѣхъ, что Schulfreiheit въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: распущенная школа, и что мы, рекомендуя такой ужасъ, стараемся пособить «Интернаціоналу». Но всякій успокоится, припомнивъ, что едва ли въ Пруссіи возможно что-нибудь «распущенное»: въ Пруссіи «свобода школы» составляетъ даже главное условіе ея порядка, а слѣдовательно и процвѣтанія. Свобода школы есть довѣріе къ обществу, которому предоставлено заботиться самому о дѣлѣ образованія; правительство при этомъ является пособникомъ общества и не считаетъ своею задачею мѣшать ему, ради опасенія, что то или другое лицо злоупотребитъ свободою школы.

Вотъ что̀ такое свобода школы и вотъ въ чемъ состоитъ секретъ тѣхъ успѣховъ умственныхъ и нравственныхъ, которые сдѣлала прусская школа въ короткое время. Даже докладъ г. Веренпфеннига, упомянутый нами выше и неблагопріятный для реальныхъ школъ, даже и этотъ докладъ заключался настояніемъ на необходимости поддерживать въ Пруссіи принципъ о «Lernfreiheit», свободѣ ученія: «Развѣ государство, говоритъ докладъ, нуждается вообще контролировать своихъ будущихъ служащихъ на самомъ первомъ поприщѣ ихъ образованія? Не достаточно ли для государства того, что оно убѣждается на

служебномъ экзаменѣ въ ихъ научной подготовкѣ, и затѣмъ все равно, въ какомъ именно учебномъ (т.-е. въ реальномъ или въ классическомъ) заведеніи пріобрѣтена такая научная подготовка»[1]). Этотъ докладъ въ Германіи считается чуть не реакціонернымъ, но у насъ человѣкъ, рискующій повторить даже то, что говоритъ прусскій реакціонеръ, можетъ легко попасть въ ярые радикалы и быть записанъ въ члены «Интернаціонала». И это фактъ! Попробуйте сказать, что слова г. Веренпфеннига, справедливыя для Пруссіи, должны быть справедливы вездѣ, и извѣстные органы поднимутъ на васъ цѣлую бурю.

XII.

Мы заключаемъ свой очеркъ тѣмъ же, чѣмъ начали его въ первой статьѣ. Мы говорили тогда о томъ, какъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Пруссія, благодаря своей учебной реформѣ 1859-го года, обратила на себя всеобщее вниманіе, и между прочимъ,—Франціи и Россіи. Мы видѣли, что правительство второй имперіи коммандировало въ Германію агентомъ г. Миннсена, сосредоточившаго все вниманіе на классическихъ нѣмецкихъ гимназіяхъ и мимоходомъ упомянувшаго о реальныхъ школахъ, донося небрежно, что это нѣчто подобное французскому enseignement spécial. Мы, русскіе, ближе познакомились тогда съ реальными школами, и уставъ 1864-го года носитъ на себѣ явные слѣды такого знакомства.

Прошло десять лѣтъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Пруссія обратила на себя еще больше вниманія, и опять мы встрѣчаемъ усилія къ ознакомленію съ ея общественными школами. На этотъ разъ являются въ Германію не чиновники второй имперіи, докладывающіе только то, что понравится лицу, пославшему ихъ, и угождающіе его вкусамъ. Потому мы и встрѣчаемъ теперь другіе взгляды и другія идеи. Сравнивая рапортъ Миннсена, напримѣръ, съ статьею французскаго путешественника, помѣщенною недавно въ одной изъ серьезныхъ парижскихъ газетъ «Temps»[2]), по поводу циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія Ж. Симона,—мы находимъ различіе поразительное! Эта

---

[1]) «Hat der Staat überhaupt ein Interesse seine künftigen Diener schon in der Vorstadien ihrer Ausbildung zu controliren? Kann es ihm nicht genügen, wenn sie ihm in dem Staatsexamen ihre wissenchaftliche Befähigung nachweisen, gleichgültig, auf welcher Anstalt sie dieselbe erworben haben?».

[2]) Supplement au journal le Temps du 9 nov. 1871.

статья замѣчательна и назидательна въ такой степени, что мы приведемъ ее почти цѣликомъ:

«Два циркуляра министра народнаго просвѣщенія, повидимому, служатъ приготовленіемъ къ реформамъ, обѣщаннымъ давно и ожидаемымъ публикою съ нетерпѣніемъ. По поводу этихъ циркуляровъ подняли большой шумъ; но такъ какъ многіе поспѣшили усмотрѣть тутъ высшую премудрость, продиктовавшую ихъ, то и мы, съ своей стороны, поспѣшимъ заявить, что эти два оффиціальные документа горько обманули истинныхъ друзей народнаго просвѣщенія. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ! намъ подносятъ два витіеватыхъ циркуляра, когда намъ нужны готовыя программы къ немедленному осуществленію, и въ нихъ мы встрѣчаемъ одни робкія приглашенія начальникамъ округовъ (recteurs) попытаться ввести преподаваніе новыхъ языковъ, или, сказать вѣрнѣе, только подумать о путяхъ и средствахъ къ введенію ихъ, а потомъ черезъ двѣ недѣли доставить по этому вопросу отвѣтъ.

«Укажемъ также на учрежденіе «одного класса, спеціально предназначеннаго для географіи», сверхъ обыкновеннаго времени для обученія, т.-е. четыре часа уроковъ изъ географіи въ мѣсяцъ! Что же касается новыхъ языковъ, то ихъ допускаютъ рядомъ съ латинскимъ и греческимъ, но чтобы снискать имъ право гражданства, при этомъ скромно намекается, въ пользу слишкомъ упорныхъ инспекторовъ училищъ (proviseurs recalcitrants), что «обученіе новѣйшимъ языкамъ удивительнымъ образомъ облегчаетъ изученіе древнихъ языковъ». Министръ боится затрудненій, онъ знаетъ, что ему придется столкнуться съ дурно скрываемою злонамѣренностью (приверженцевъ классицизма), да и личный составъ окажется недостаточнымъ....

«Замѣтьте, что я указываю на какой-нибудь одинъ изъ тысячи вопросовъ, какіе поднимаются теперь вслѣдствіе непонятнаго бездѣйствія министерства; а въ тѣхъ двухъ циркулярахъ говорится только о лицеяхъ (гимназіяхъ), этихъ креатурахъ первой имперіи, въ которыхъ ничего не преобразовано съ того времени: ни внѣшнее устройство, ни методы преподаванія; впрочемъ, я ошибаюсь: въ 1848-мъ году гимназическую фуражку замѣнили кепи! Лицеи сохранили почти безъ измѣненія тотъ старый и солидный курсъ наукъ, который установленъ іезуитами и отцами ораторіи, и который былъ удовлетворителенъ въ 1770-мъ году, но мало намъ кажется пригоднымъ въ 1870-мъ. Говоря такъ, мы не хотимъ оскорблять корпорацію французскихъ преподавателей... Но администрація! администрація!

«Наконецъ, положимъ на минуту, что французскій лицей—

идеалъ въ своемъ родѣ, что наше среднее образованіе не оставляетъ ничего желать—развѣ только по географіи и новѣйшимъ языкамъ;—но рядомъ съ этимъ «великимъ классическимъ воспитаніемъ», которое, худо ли хорошо (bon an mal an), дастъ намъ небольшое число отличныхъ людей и цѣлую толпу баккалавровъ, — не слѣдуетъ ли заняться другимъ обученіемъ? почему не устроить заведеній, гдѣ люди, нежелающіе достигать высшей учености, нашли бы образованіе солидное, твердое, новѣйшее?

«Со временъ Дюрюи, дѣлали къ тому нѣкоторые опыты, хотѣли ввести въ лицеи «l'enseignement spécial», что не имѣетъ никакого смысла и ничего не произвело (ce qui ne voulait rien dire et ce qui n'a rien produit); пошли ощупью, и все ограничилось устройствомъ нѣсколькихъ классовъ, послужившихъ убѣжищемъ высушенныхъ плодовъ латыни, дурно вообще содержимыхъ, и учителя которыхъ, весьма несправедливымъ, по моему мнѣнію, образомъ, держались въ черномъ тѣлѣ сравнительно съ другими [1]). Такимъ образомъ, все предстоитъ сдѣлать заново, и какъ министерство, такъ и общество, должно обратить все вниманіе на *не-классическое* образованіе...

«Англія не колебалась и, ничего не щадя, назвала къ себѣ нѣмецкихъ учителей для устройства новаго образованія рядомъ съ классическимъ. Германія, Швейцарія, Соединенные Штаты имѣютъ у себя это новое образованіе, сообщаемое въ училищахъ, извѣстныхъ подъ именемъ real schule (т.-е. Realschule), real schools... Министерство имѣетъ о нихъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и у насъ найдется не одинъ докладъ à la Stoffel [2]), составленный агентами въ Германіи и Швейцаріи, людьми проницательными и добросовѣстными. Но эти доклады спятъ вѣчнымъ сномъ праведныхъ въ какомъ-нибудь зеленомъ картонѣ. Можетъ быть, ихъ читали, можетъ быть автора повысили мѣстомъ, но о созданіи новой школы не было и рѣчи; прибавимъ, объ этомъ нѣтъ рѣчи и теперь!

«Мы только-что воротились изъ Германіи, куда имѣли гражданское мужество отправиться съ цѣлью взглянуть на одну

[1]) Это же самое было ошибкою нашего прежняго гимназическаго устава 1864-го года и въ особенности его примѣненій на практикѣ. Наши реальныя гимназіи явились на свѣтъ чѣмъ-то недодѣланнымъ, сравнительно съ прусскою реальною школою, а дальнѣйшая ихъ судьба напоминала тощихъ кравъ Фараона, съ тѣмъ только отличіемъ, что онѣ никогда не думали поглотить кого-нибудь, и сами едва спасались отъ поглощенія.

[2]) Извѣстный французскій военный агентъ, доклады котораго не были и распечатаны.

изъ причинъ нашего бѣдствія. Мы посѣтили тамъ тѣ школы, которыя раздѣляютъ честь съ гимназіями воспитывать молодыхъ людей XIX-го вѣка, и говоримъ теперь съ убѣжденіемъ патріота, а не съ энтузіазмомъ нѣмцефила: мы возвратились, посѣтивъ эти Realschule, исполненные удивленія, но съ горечью въ сердцѣ...»

Мы не приводимъ послѣдующаго затѣмъ очерка реальной школы въ Германіи, какъ онъ былъ понятъ авторомъ; при томъ авторъ часто смѣшиваетъ нѣмецкія реальныя и промышленныя школы; но все же видно, что важность реальнаго образованія понята имъ, что Франція послѣ разгрома иначе смотритъ на многое, нежели какъ смотрѣла при второй имперіи, и авторъ въ заключеніе своей статьи дѣлаетъ предложеніе, о которомъ еще недавно не было возможности и заикнуться во Франціи, не поднявъ бури въ станѣ указанныхъ авторомъ proviseurs recalcitrants, которыхъ вынужденъ щадить и самъ Ж. Симонъ: «Рѣшимся, говоритъ онъ, дать каждому ученику, окончившему курсъ въ Realschule, одинаковыя права съ баккалавромъ, кончившимъ курсъ въ лицеѣ; мы увидимъ скоро, какое изъ двухъ заведеній пойдетъ лучше.»

На прусскую реальную школу обратили вниманіе и у насъ, какъ мы то узнали недавно изъ оффиціальнаго сообщенія со стороны министерства народнаго просвѣщенія, но это вниманіе было обращено по совершенно случайному обстоятельству. Проектъ реальныхъ училищъ былъ у насъ готовъ еще весною и, какъ мы говорили, поступилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта; но за недостаткомъ времени проектъ не былъ разсмотрѣнъ, и потому, какъ сообщается теперь, министерство и воспользовалось отсрочкою, послѣдовавшею за недостаткомъ времени, въ дѣлѣ разсмотрѣнія внесеннаго имъ проекта устава реальныхъ училищъ, «дабы еще разъ провѣрить оный сужденіемъ знатоковъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею; въ этихъ видахъ, оно, во-первыхъ, напечатало свой проектъ въ своемъ журналѣ (за май 1871 г.), а во-вторыхъ, командировало за-границу г. Георгіевскаго какъ для изученія вновь на мѣстѣ вопроса о реальныхъ училищахъ и ихъ осмотра, такъ и для ознакомленія иностранныхъ ученыхъ и спеціалистовъ съ составленнымъ въ министерствѣ проектомъ устава реальныхъ училищъ въ Россіи». Однимъ словомъ, еслибы не «недостатокъ времени» въ государственномъ совѣтѣ, то командировка заграницу могла бы и не состояться. Что касается до нашихъ спеціалистовъ различнаго образа мыслей относительно реальнаго образованія, то всѣ они высказались еще въ мартѣ и ап-

рѣлѣ и представили свои взгляды на значеніе министерскаго проекта по тексту, который послѣ былъ въ рукахъ у всѣхъ, желавшихъ имѣть его, а потому повтореніе этого текста въ майской книгѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія вышедшей притомъ въ половинѣ іюня, не возбудило уже новыхъ преній въ нашей педагогической литературѣ. Какъ на косвенную критику этого проекта и основъ его мы можемъ указать на весьма обстоятельную и дѣльную статью проф. Лѣтникова [1]), изъ которой видно, какъ мало походитъ нашъ проектъ реальныхъ училищъ на то, что понимаютъ подъ реальною школою въ Германіи, этимъ новымъ типомъ общеобразовательнаго и научнаго заведенія, неимѣющаго ничего общаго съ профессіонализмомъ.

Что же касается до коммандировки нашего чиновника для «изученія вновь на мѣстѣ вопроса о реальныхъ училищахъ и ихъ осмотра», то по поводу этого обстоятельства были получены отъ иностранныхъ ученыхъ и спеціалистовъ [2]) «21» письменный отзывъ; изъ нихъ три разошлись съ нѣкоторыми главными положеніями; «остальные же 18, предлагая тѣ или другія частныя измѣненія и улучшенія, нисколько не противорѣчащія *общимъ* началамъ проекта, вполнѣ одобряютъ сіи последнія». Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что вообще только $^1/_7$ иностранныхъ ученыхъ и спеціалистовъ за-границею противъ проекта, а цѣлыхъ $^6/_7$ въ пользу его; да и вообще мы думаемъ, что примѣненіе извѣстнаго suffrage universel въ такихъ вопросахъ едвали имѣетъ силу; притомъ тутъ есть всегда опасность обмануться, такъ какъ выборъ лицъ, къ которымъ мы обращаемся, зависитъ отъ насъ. Но помимо всего этого, намъ кажется, что г. Георгіевскій сдѣлалъ въ этомъ случаѣ ту же ошибку, какую сдѣлалъ лѣтъ 15 тому извѣстный намъ французъ г. Миннсенъ. Вопросъ объ общеобразовательномъ характерѣ прусской высшей реальной школы въ настоящее время не представляетъ никакихъ сомнѣній, спорятъ еще о дальнѣйшемъ расширеніи ея правъ, но объ общеобразовательности ея спорить теперь никто не будетъ. Въ такомъ случаѣ г-ну Георгіевскому было бы проще запастись тѣмъ «Unterrichts-Ordnung», на основаніи котораго дѣйствуетъ высшая реальная школа въ Германіи съ 1859-го года; тогда онъ зналъ бы, какую можно придать цѣну тому, что 18 отзывовъ «вполнѣ одобряютъ *общія начала* проекта».

---

[1]) Помѣщена въ «Отчетѣ и рѣчахъ», произнесенныхъ въ торж. собраніи имп. моск. техническаго училища 8 сент. 1871 года. 1—125 стр.

[2]) Имена ихъ остаются неизвѣстными.

Каковы въ самомъ дѣлѣ эти общія начала въ проектѣ? Вотъ они. Въ объяснительной запискѣ къ этому проекту (стр. 12) сказано, что курсъ проектируемыхъ реальныхъ училищъ «*никоимъ образомъ не можетъ почитаться курсомъ общеобразовательнымъ*». Далѣе (стр. 13), объясняется, что «въ отсутствіи какого бы то ни было приноровленія курса нынѣшнихъ реальныхъ гимназій къ спеціальнымъ потребностямъ какихъ бы то ни было отраслей промышленности заключается, можетъ быть, наибольшій недостатокъ нынѣ дѣйствующихъ по этому узаконеній»; изъ этого прямо слѣдуетъ, что достоинство проектируемаго узаконенія составляетъ обратное начало, а именно, что будущія наши реальныя училища будутъ приноровлены къ спеціальнымъ потребностямъ различныхъ отраслей промышленности. И дѣйствительно, мы читаемъ на стр. 16, что у насъ желаютъ устроить реальныя училища съ «различными учебными курсами», и мы будемъ имѣть: 1) агрономическо-реальныя; 2) коммерческо-реальныя; 3) технико-механико-реальныя; 4) технико-химико-реальныя; 5) горнозаводско-реальныя, и 6) технолого-агрономическо-реальныя училища. И это еще не все: на стр. 17, предполагается, чтобы такія училища служили непремѣнно образцами, если мѣстное населеніе или земство, даже и безъ пособія отъ казны, захотѣло устроить свое реальное училище.

Вотъ общія начала нашего проекта. Сравните ихъ теперь съ уставомъ реальныхъ школъ въ Пруссіи, который намъ теперь уже знакомъ, и поставьте рядомъ первое начало нашего проекта, въ силу котораго курсъ реальныхъ училищъ «никоимъ образомъ не можетъ почитаться курсомъ общеобразовательнымъ», съ тѣмъ что, мы видѣли, говорится на каждой страницѣ нѣмецкаго «Unterrichts-Ordnung», который настаиваетъ только на одномъ, что курсъ реальныхъ училищъ во всякомъ случаѣ долженъ быть непремѣнно общеобразовательнымъ; всякая попытка ввести профессіонализмъ въ программу реальнаго училища осуждается; о раздѣленіи реальныхъ школъ на вышеприведенные шесть разрядовъ въ Германіи не имѣютъ и понятія; наконецъ, предписаніе всѣмъ частнымъ заведеніямъ слѣдовать министерскому образцу стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ прусской Lernfreiheit, и повлечетъ за собою неохоту общества—жертвовать своими средствами на народное образованіе. Тотъ, кто знаетъ нѣмецкую реальную школу, ея цѣль и характеръ, тотъ не дастъ себѣ отчета, какимъ образомъ въ Германіи нашлось и 18 педагоговъ, вполнѣ одобрившихъ «общія начала» проекта реальныхъ училищъ нашего министерства народнаго просвѣщенія, а между этими

началами начало общеобразовательности, рѣзко отвергаемое проектомъ, безспорно занимаетъ первое и господствующее мѣсто.

Но какъ бы то ни было, мы не теряемъ надежды на то, что чѣмъ болѣе у насъ распространится знакомство съ основными началами средняго образованія въ Германіи, тѣмъ болѣе будетъ разсѣяваться туманъ, распространенный по вопросу о реальномъ образованіи его противниками. Превосходное положеніе классическихъ гимназій въ Пруссіи не дѣлаетъ тамъ излишними высшія реальныя школы; неужели же намъ не нужны реальныя школы потому, что у насъ классическія находятся въ неудовлетворительномъ положеніи, какъ о томъ не разъ свидѣтельствовало само министерство? Справедливо во всей оппозиціи реальнымъ школамъ одно, а именно, что онѣ могутъ процвѣтать только при дѣятельномъ участіи самого общества, какъ то мы видимъ въ Германіи; дѣятельное же участіе общества въ такомъ дѣлѣ вызывается только такою системою народнаго образованія, которая, подобно прусской, заботится объ утвержденіи того, что нѣмцы называютъ Lernfreiheit. Вотъ потому справедливо могутъ намъ возразить, что хорошее въ Пруссіи можетъ не вездѣ быть хорошимъ, а слѣдов. не вездѣ можно ожидать хорошихъ результатовъ реальнаго образованія. Мы не будемъ опровергать такого возраженія, но замѣтимъ, что гдѣ по такой причинѣ не могутъ развиваться реальныя школы, тамъ и классическое образованіе не принесетъ тѣхъ богатыхъ плодовъ, которые оно приноситъ въ Германіи: не слѣдуетъ пересаживать растенія, если нѣтъ возможности перенести вмѣстѣ и климатъ. Это—правда.

М. Стасюлевичъ.

ПРУССКІЕ РЕГУЛЯТИВЫ 1854-го ГОДА

И

НАРОДНАЯ ШКОЛА.

Es ist keinem was zu entziehen, und auch in die reinste Volksschule darf kein hemmendes Princip kommen.... SCHLEIERMACHER.

Wer wissentlich die Jugendbildung hemmt, versündigt sich schwer und verdient unschädlich auf dem Gebiete der Volksbildung gemacht zu werden; der verdient, dass der Genius der Menschheit ihn auf immer brandmarkt.

LÜBEN.

Знакомство съ оффиціальной прусской педагогикой послѣднихъ лѣтъ для насъ, русскихъ, теперь необходимо, такъ какъ при реформахъ нашихъ училищъ безпрестанно ссылаются на Пруссію, не отдѣляя того, что̀ вызвано тамъ дѣйствительно педагогическими требованіями отъ такихъ явленій, основаніе которыхъ нужно искать вовсе не въ педагогикѣ, а въ личныхъ политическихъ и религіозныхъ соображеніяхъ прусскаго правительства. Вотъ почему, при изученіи школьнаго устройства въ Пруссіи, необходимо отличать тѣ его стороны, которыя примѣнимы какъ у насъ въ Россіи, такъ и вездѣ, отъ отрицательной стороны вопроса, отъ тѣхъ идей, которыя не слѣдуетъ заимствовать у Пруссіи. Все это получаетъ особенный интересъ въ настоящую минуту, когда у насъ готовятся къ важному преобразованію народныхъ школъ (включая сюда и предположенныя у насъ городскія училища) и учительскихъ семинарій; это, именно, область, въ которой яснѣе всего

высказываются педагогическія идеи какъ самихъ педагоговъ, такъ и правительственныхъ лицъ. Среднія учебныя заведенія, представляющія уже высшую ступень образованія, не такъ легко поддаются педагогическому обсужденію, такъ какъ въ нихъ педагогическіе вопросы сталкиваются со многими другими. Если недавній споръ между защитниками классицизма и реализма въ Россіи и былъ вовсе не такъ производителенъ, какъ того можно было желать, то именно потому, что у насъ вовсе нѣтъ еще правильнаго устройства народнаго образованія, и всѣ разсужденія о гимназіяхъ и реальныхъ школахъ являлись, такъ сказать, оторванными отъ почвы, т.-е. говорилось больше о томъ, какимъ *долженъ* быть молодой человѣкъ въ концѣ своего школьнаго обученія, а мало разсуждали о томъ, какимъ *можно* его сдѣлать при существующихъ у насъ нынѣ школьныхъ порядкахъ. Когда въ Германіи говорятъ о дѣтяхъ, поступающихъ въ гимназіи, то говорятъ о предметѣ очень опредѣленномъ, такъ какъ хорошо извѣстно, въ какихъ школахъ эти дѣти получаютъ подготовку, какіе учителя ихъ учатъ, даже какъ учены сами учителя; у насъ же въ Россіи дѣти, поступающія въ среднія учебныя заведенія, имѣютъ между собою, по развитію своему, мало общаго; какъ они учены — почти всегда неизвѣстно, и все обученіе ихъ вначалѣ ведется ощупью, причемъ является, безъ сомнѣнія много, много жертвъ. Вотъ почему и кажутся намъ такъ многознаменательны слова, сказанныя на одномъ изъ съѣздовъ нѣмецкихъ учителей въ 1848-мъ году: „Wer hat die Schule, hat die Zukunft“—принимая при этомъ слово „Schule“ въ томъ значеніи, какъ его понимаютъ нѣмцы, т.-е., подразумѣвая здѣсь народную школу въ обширномъ смыслѣ этого слова, именно всякую школу *общеобразовательную*, не-спеціальную и ведущую дѣтей отъ начала обученія до полнаго развитія въ нихъ общечеловѣческихъ свойствъ. Тѣ, которые примутъ въ свои руки русскую народную школу, дѣйствительно будутъ создавать будущность нашему отечеству, и всякая ошибка въ этой области гораздо важнѣе ошибокъ въ устройствѣ гимназій, такъ какъ при нормальномъ развитіи государства, общее благосостояніе его гораздо болѣе зависитъ отъ образованія массы гражданъ, чѣмъ отъ образованія тѣхъ немногихъ, которые кончаютъ курсъ въ гимназіяхъ. Нѣмцы это очень хорошо поняли уже давно, и число различныхъ законоположеній и министерскихъ распоряженій о народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ у нихъ значительно превышаетъ число подобныхъ оффиціальныхъ заявленій относительно гимназій. У насъ еще пока наоборотъ.

Пруссія, о школьныхъ порядкахъ которой мы теперь хотимъ подробнѣе поговорить, уже давно славится хорошими школами. Начало благосостоянія прусскихъ народныхъ школъ должно приписать министру Штейну, за которымъ слѣдовалъ въ управленіи народнымъ

просвѣщеніемъ Альтенштейнъ, управлявшій прусскими школами отъ 1818-го до 1840-го года. Онъ и ближайшіе его помощники Николовіусъ и Сювернъ поняли значеніе того переворота, который былъ произведенъ Песталоцци въ педагогическомъ мірѣ. Нѣсколько прусскихъ учителей были посланы къ Песталоцци въ Ивердюнъ и, возвратясь оттуда, положили основаніе правильному веденію школьнаго дѣла въ Пруссіи. Съ этого времени школьное дѣло стало быстро развиваться въ Пруссіи: семинаріи для учителей устраивались въ большомъ количествѣ, новые методы преподаванія, новые учебники, педагогическіе журналы стали появляться въ Пруссіи, и всѣ другія нѣмецкія страны искали тамъ образцовъ и учителей для своихъ школъ. Въ это цвѣтущее время прусскаго школьнаго устройства дѣйствовали на педагогическомъ поприщѣ: Тюрнъ, Динтеръ, Церренеръ, Хр. Шольцъ, Гарнишъ, Нимейеръ, Дистервегъ и многіе другіе педагоги, извѣстные своими сочиненіями или практическою дѣятельностью въ различнаго рода школахъ. Начало всѣхъ серьезныхъ работъ по педагогикѣ и методикѣ учебныхъ предметовъ положено прусскими педагогами въ этотъ періодъ времени, и теперь еще, изучая школьное дѣло, приходится главнымъ образомъ пользоваться ихъ трудами. По теоріи и исторіи педагогики явились, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія, труды Раумера и Нимеймера, которые оба жили въ Пруссіи; кёнигсбергскій профессоръ Гербартъ и Бенеке, жившій въ Берлинѣ, положили начало той разработки психологіи, которою пользуются до сихъ поръ недагоги. По общей дидактикѣ мы до сихъ поръ еще руководимся статьями Дистервега въ его „Wegweiser fur Deutsche Lehrer“ и другими сочиненіями того же автора. Уже одно изданіе Wegweiser'а, подъ редакціей Дистервега, составляетъ такую заслугу прусскихъ педагоговъ, которую всегда будутъ цѣнить люди, занимающіеся школьнымъ дѣломъ. Фребель, родомъ изъ Тюрингіи, но значительную часть своей жизни прожившій въ Берлинѣ, основалъ серьезное изученіе психологическихъ особенностей дѣтскаго возраста, и положилъ начало дѣтскимъ садамъ и множеству полезныхъ занятій для дѣтей. Для изученія родного языка много сдѣлали: Дистервегъ, Грассманъ, Отто Шульцъ, Любенъ, сочиненія которыхъ касаются и методики предмета и научной разработки его для школъ. Наиболѣе распространенные въ Германіи учебники по математикѣ принадлежатъ также пруссакамъ, именно: Гентшелю, учителю вейсенфельской семинаріи, Шольцу, учителю въ бреславльской семинаріи, Штубба, преподавателю семинаріи въ Бунцлау, и наконецъ Грубе, который положилъ начало раціональному изученію счисленія въ элементарныхъ классахъ. Элементарная геометрія Дистервега до сихъ поръ еще считается однимъ изъ лучшихъ учебниковъ для такихъ школъ, гдѣ геометрія не можетъ быть проходима вполнѣ научно. По естественной исторіи мы все еще слѣдуемъ ме-

тодѣ Любена, ученика и впослѣдствіи учителя вейсенфельской семинаріи. Учебники географіи Даніеля и Пютца и географическіе очерки Грубера явились также въ Пруссіи. Педагогическое значеніе гимнастики положено пруссакомъ Яномъ; учитель музыки въ берлинской семинаріи, Эрнъ, первый издалъ нѣмецкія народныя пѣсни для школъ. Семинарія въ Берлинѣ, подъ руководствомъ Дистервега, пользовалась такою извѣстностью, что ее посѣщали почти ежедневно иностранцы и нѣмцы изъ другихъ странъ. Семинаріи въ Вейсенфельсѣ, въ Бреславлѣ, въ Бунцлау, въ Мерсѣ и т. д. составляли также педагогическіе центры, изъ которыхъ ежегодно выходило нѣсколько хорошихъ учителей. Замѣчательнѣе всего въ тогдашнихъ прусскихъ школахъ было то воодушевленіе, съ которымъ педагоги занимались своимъ дѣломъ; учителя съ восторгомъ вспоминали о томъ времени, когда они учились у извѣстныхъ педагоговъ въ семинаріи, глубоко вѣрили въ святость и пользу своего дѣла, и несмотря на крайне ограниченное содержаніе (въ деревняхъ среднимъ числомъ около 120 талеровъ, а въ городахъ 300 талеровъ), рѣдко жаловались на свою судьбу. Хорошее настроеніе прусскихъ учителей очень хорошо видно изъ желаній ихъ, высказанныхъ въ 1848-мъ году, когда они свободно собирались и подавали петиціи правительству. Примѣръ показали берлинскіе учителя, которые, въ числѣ 600 человѣкъ, собрались въ „Тиволи" около Берлина и составили петицію, служившую основаніемъ для всѣхъ другихъ учительскихъ съѣздовъ. Петиція заключаетъ въ себѣ 22 пункта, изъ которыхъ только четыре относятся къ положенію учителей и ихъ содержанію, причемъ требованія ихъ очень скромны (жалованье отъ 200 до 400 талеровъ).

Главные же пункты петиціи состоятъ въ освобожденіи школы отъ церкви (такъ какъ ректорами школъ до сихъ поръ въ Пруссіи считаются мѣстные пасторы), въ устройствѣ учительскихъ съѣздовъ и въ значительномъ повышеніи курса въ семинаріяхъ для приготовленія учителей [1]). Что же сдѣлало прусское министерство, чтобы вызвать и поддерживать такую плодотворную педагогическую дѣятельность между учащимъ сословіемъ Пруссіи. Замѣчательно то, что оффиціальная дѣятельность министерства Альтенштейна (отъ 1818 до 1840-го года) была совершенно незначительна. Въ оффиціальномъ собраніи законоположеній, относящихся къ народному образованію въ Пруссіи [2]), законоположенія и министерскія распоряженія Альтенштейна, изъ 285-ти стра-

---

[1]) Geschichte der Reformbestrebungen auf dem Gebiete der deutschen Volksschule, seit den Tagen des März 1848.—Paedagogischer Jahresbericht. IV-er Jahrgang—1849. Стр. 3 и слѣдующія.

[2]) Die Gesetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen vom Jahre 1817 bis 1868. Berlin 1869.

ницъ, занимаютъ всего 13 страницъ! Правда, въ 1817-мъ году былъ выработанъ очень обстоятельный и подробный проектъ законовъ о школахъ, но Альтенштейнъ тогда еще министромъ не былъ. Итакъ, дѣятельность министра не состояла въ активныхъ распоряженіяхъ, между тѣмъ всѣ педагоги согласны въ томъ, что Альтенштейнъ сдѣлалъ очень много для народнаго образованія въ Пруссіи. Успѣхъ его слѣдуетъ приписать очень простому обстоятельству: именно тому, что прусское министерство въ своихъ распоряженіяхъ старалось основываться только на однихъ педагогическихъ принципахъ, устраняя по возможности всѣ остальные. Примѣръ Песталоцци показалъ, что педагогическое дѣло есть спеціальность, требующая подробнаго изученія и особеннаго искусства, которое дается не безъ труда. Людей, серьезно подготовленныхъ къ учительству стали цѣнить, умѣли отличать тѣхъ учителей, которые стояли выше другихъ въ педагогическомъ отношеніи, готовы были выслушать всѣхъ спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ учительскаго дѣла, однимъ словомъ, въ учителяхъ искали прежде всего *педагоговъ*, и всѣ другія требованія подчиняли этому главному требованію. Понятно, что при такомъ настроеніи правительства дѣла шли успѣшно и даже не стоили большихъ хлопотъ министерству. Выбравъ себѣ помощниковъ, спеціалистовъ въ педагогическомъ дѣлѣ, обращая вниманіе на мнѣнія другихъ педагоговъ, умѣвшихъ поставить себя авторитетно въ средѣ учителей, министръ могъ спокойно наблюдать за ходомъ народнаго образованія въ ввѣренномъ ему государствѣ. Дѣятельность его однако была вовсе не пассивная: онъ помогалъ тому, что дѣйствительно стоило поддержки, устранялъ то, что мѣшало развитію школы, собиралъ частные опыты педагоговъ и обращалъ въ законъ тѣ правила, пригодность которыхъ была доказана на практикѣ. Политическая реакція, господствовавшая во всѣхъ европейскихъ государствахъ въ это время, долго не касалась школы; вліяніе ея однако достигло и до школы еще во время управленія Альтенштейна. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, отличавшійся сентиментальнымъ и піетистическимъ направленіемъ, вѣроятно довольно часто заявлялъ своему министру опасенія насчетъ слишкомъ большого развитія низшихъ классовъ народа посредствомъ школъ. Въ своихъ „Selbstbekentnisse“ [1]) король говоритъ: „Въ отношеніи къ вопросу о народномъ образованіи посредствомъ улучшенія школъ, чего требуетъ все настоятельнѣе и настоятельнѣе духъ времени, я нахожусь въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи (in einer fatalen Lage), которое меня очень оза-

---

[1]) «Selbstbekentnisse» König Fridrich Wilhelm's III. Charakterzüge aus dem Leben Fr. W. III, von J. Eylert. Magdeburg. Томъ I, стр. 191.

бечиваетъ". Далѣе, авторъ „Selbstbekentnisse" соглашается съ тѣмъ, что народъ слѣдуетъ образовывать, и говоритъ, что его очень радуютъ успѣхи прусскихъ школъ, „но есть ли граница образованія народа", спрашиваетъ самъ себя король, „или нѣтъ"? Наивно разсказавши о томъ, что ему очень было непріятно слышать разнорѣчивыя мнѣнія профессоровъ, духовныхъ лицъ и учителей объ этомъ вопросѣ, король самъ для себя рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: „Человѣкъ имѣетъ здѣсь на землѣ два назначенія: одно для будущей жизни, другое для земной жизни. Все, что относится къ развитію средствъ для достиженія будущей загробной жизни, полезно и не должно быть ограничиваемо. Напротивъ, всѣ свѣдѣнія, которыя относятся къ его земной жизни, должны быть сообщаемы только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они нужны для его будущей практической дѣятельности. Человѣкъ, которому назначено судьбою быть купцомъ, сельскимъ хозяиномъ, слугою или рабочимъ, долженъ хорошенько изучить только то, что ему пригодится для его ремесла"... „Духъ безпокойства и возбужденія", продолжаетъ король, „очевидно господствуетъ надъ нынѣшнимъ поколѣніемъ. Одно сословіе хочетъ сравниться и даже опередить другое, и каждый стремится выйдти изъ границъ своихъ". Мысли эти очень замѣчательны потому, что ими, безъ сомнѣнія, воспользовались государственные люди въ Пруссіи, для того, чтобы измѣнить направленіе оффиціальной дѣятельности прусскаго правительства въ дѣлѣ народнаго образованія. Какъ мы увидимъ далѣе, многія распоряженія слѣдующихъ министровъ и сами регулятивы для народныхъ школъ проникнуты тѣмъ же направленіемъ. Тило въ своей „Исторіи прусской народной школы" (Preussisches Volksschulwesen, von W. Thilo. 1867) приводитъ эти слова короля Фридриха Вильгельма III, какъ доказательство благородства его стремленій; но мы увидимъ, что оно имѣло для Пруссіи очень печальные результаты.

Во всякомъ случаѣ, вышеприведенныя мнѣнія короля свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ самъ вовсе не участвовалъ въ развитіи педагогическаго дѣла въ Пруссіи, а напротивъ того, заставлялъ своего министра иногда отступать отъ принятой имъ программы. Такимъ образомъ, въ 1822-мъ году Альтенштейнъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ онъ предостерегаетъ начальство народныхъ школъ отъ распространенія въ *простомъ народѣ полузнаній*, вредныхъ для его практической дѣятельности. Въ основаніи циркуляра очевидно лежитъ вышеизложенная мысль короля, который въ своемъ рескриптѣ къ министру выражается гораздо рѣзче, именно: „Въ семинаріяхъ преподаваніе не должно выходить изъ границъ того, что учителю необходимо знать для преподаванія въ народныхъ школахъ, чтобы они (т.-е. учителя) не распространяли полузнаній и невѣрныхъ свѣдѣній и не давали бы

образованію народа неправильное направленіе". Въ министерскомъ циркулярѣ эта мысль значительно смягчена [1]).

Въ 1840-мъ году вступилъ на престолъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался Эйхгорнъ. Главными совѣтниками его въ министерствѣ можно считать сначала Эйлерса, а потомъ Штиля, который сохранилъ свое вліятельное положеніе въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія до сихъ поръ. Тило въ своей „Исторіи прусской народной школы" [2]), говоря о министерствѣ Эйхгорна, дѣлаетъ очень интересную замѣтку: „Если въ періодъ министерства Альтенштейна въ Пруссіи несомнѣнно господствовало русское и австрійское вліяніе, имѣвшія можетъ быть вліяніе и на училищное начальство, то съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV снова водворился въ правительствѣ чисто прусскій духъ!" Въ чемъ же состояло вліяніе Россіи и Австріи, и что̀ называетъ Тило прусскимъ духомъ? Мы видѣли, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилось прусское народное образованіе при Альтенштейнѣ. Процвѣтаніе это нельзя подвергнуть сомнѣнію, такъ какъ оно доказывается оффиціальными цифрами числа школъ и числа учащихся, и еще болѣе тою массою плодотворнаго педагогическаго матеріала, который былъ выработанъ прусскими учителями въ видѣ учебниковъ, журналовъ, методическихъ статей и другихъ сочиненій, еще нынѣ пользующихся извѣстностью. Если Тило называетъ это русскимъ и австрійскимъ вліяніемъ, то онъ дѣлаетъ намъ, русскимъ, между прочимъ, большую честь. Но онъ имѣлъ въ виду другое. Ниже онъ говоритъ: „Для того, чтобы снова возстановить старо-прусскій духъ, слѣдовало противодѣйствовать всему *не-христіанскому* и *не-церковному*, и покровительствовать не тому, что имѣло лишь видъ безхарактернаго формальнаго образованія, но тому, что наполняло сердца народа прочною жизненною силою. Таковы были намѣренія короля Фридриха-Вильгельма IV-го, относительно образованія своего народа". Какимъ же образомъ исполнилъ Эйхгорнъ желанія своего короля? Въ 1845-мъ году онъ уничтожилъ одну изъ лучшихъ семинарій въ Пруссіи, именно бреславльскую, и въ 1847-мъ году отставилъ отъ должности директора берлинской семинаріи Дистервега. Бреславльская семинарія, основанная въ 1812-мъ году Гарнишемъ, имѣла постоянно очень хорошихъ учителей и большое число слушателей (болѣе 150). Пользу ея для провинціи и для всей Пруссіи не отрицають и противники ея; Тило, писавшій исторію прусскихъ школъ совершенно въ министерскомъ духѣ, и самъ бывшій учителемъ въ

---

[1]) Aktenstücken zur Geschichte und zum Verständniss der drei preussischen Regulativen, von Stiehl. Berlin. 1855. стр. 45.

[2]) Preussisches Volkschulwesen nach Geschichte und Statistik, von W. Thilo, Seminar-Director in Berlin. Gotha. 1867, стр. 236.

Бреславлѣ, говоритъ, что въ этой семинаріи господствовало *формалистическое шульмейстерство* (formalistisches Schulmeisterthum, терминъ мало понятный и неудобопереводимый), и „семинарія не была чужда *нѣмецко-католическаго и радикальнаго направленія тогдашняго бреславльскаго общества*" [1]). Поводы, какъ видно, не совсѣмъ ясные и недостаточные для закрытія заведенія, пользовавшагося большою популярностью въ педагогическомъ отношеніи. Мы имѣемъ свидѣтельства того, что никакихъ значительныхъ уклоненій отъ религіозныхъ и педагогическихъ принциповъ въ этой семинаріи не было. Пасторъ Лешке (Löschke), котораго Дистервегъ называетъ *почтеннымъ и богобоязненнымъ человѣкомъ*, въ особой брошюрѣ [2]) съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ доказываетъ, что нападки министерства на бреславльскую семинарію, касательно нерелигіозности, были лишены всякаго основанія, и что направленіе, какъ учащихъ, такъ и учащихся было вполнѣ согласно съ ученіемъ христіанской, евангелической церкви. Дистервегъ, на засѣданіи прусской палаты 5-го февраля 1862-го года, произнесъ прекрасную, полную воодушевленія рѣчь, въ которой онъ подробно разбираетъ нападки на бреславльскую семинарію и доказываетъ правильность педагогическихъ воззрѣній учителей этого заведенія [3]). Главнаго учителя бреславльской семинаріи, Іогана Шольца, такъ уважали въ городѣ, что въ 1861-мъ году, на 50-тилѣтнемъ юбилеѣ его педагогической дѣятельности, когда онъ уже былъ не на службѣ, граждане Бреславля ему устроили 4-хдневный праздникъ, въ которомъ участвовали ученики всѣхъ школъ. Все это доказываетъ, что бреславльская семинарія дѣйствительно была заведеніемъ недюжиннымъ, и что министерство, ради водворенія какого-то старо-прусскаго духа, принесло большой вредъ странѣ.

Отставка Дистервега была еще большею ошибкою. Чтобы представить себѣ вліяніе этого педагога на своихъ слушателей, слѣдуетъ послушать, съ какимъ восторгомъ говорятъ о немъ бывшіе ученики его. Они разсказываютъ, что наибольшимъ наказаніемъ въ берлинской семинаріи считалось то, что Дистервегъ въ продолженіи нѣсколькихъ уроковъ не обращался къ кому-нибудь изъ учениковъ своихъ съ вопросами. Старые люди, при воспоминаніи о своемъ знакомствѣ съ Дистервегомъ, не могутъ удержаться отъ восторженныхъ выраженій. Смерть его оплакивала вся Германія, какъ смерть одного изъ лучшихъ людей своего времени [4]). И такого человѣка министерство уво-

---

[1]) Preussisches Volksschulwesen. Thilo, стр. 242.

[2]) Das Streben des ehemaligen Schullehrerseminar zu Breslau. Breslau. Ziegler. 1861.

[3]) Paedagogisches Jahrbuch, von Adolph Diesterweg, für 1863, стр. 100.

[4]) Смотри: «Учитель» за 1866 годъ. Празднество въ память Дистервега въ Берлинѣ. Паульсонъ, стр. 737; и Allgemeine Lehrer-Zeitung за 1866 годъ.

лило по поводу какихъ-то непріятностей съ однимъ изъ чиновниковъ мин. народнаго просвѣщенія! Съ отставкою Дистервега берлинская учительская семинарія, составлявшая центръ всей серьезной педагогической дѣятельности въ Пруссіи, потеряла всякое значеніе. Директорство было передано Тило, и въ нѣсколько лѣтъ новый директоръ довелъ это нѣкогда знаменитое заведеніе до состоянія самой дюжинной посредственности. Это мы можемъ засвидѣтельствовать личнымъ опытомъ при посѣщеніи берлинской семинаріи въ 1861 и 1863-мъ году; то же подтвердятъ безъ сомнѣнія и многіе русскіе, бывшіе въ этомъ заведеніи.

На самомъ дѣлѣ, и закрытіе бреславльской семинаріи и отставка Дистервега были слѣдствіемъ піетистическаго и реакціоннаго направленія въ министерствѣ. Боялись, чтобы люди, такъ сильно и благотворно дѣйствующіе на народъ, приготовляя ему учителей, не забрали бы слишкомъ много силы и не внушили бы народу стремленіе къ серьезному общему образованію. Итакъ, вышеупомянутый *старопрусскій* духъ состоялъ просто въ томъ, чтобы народъ многому не учился, не тянулся бы за высшими сословіями, въ высшія школы, и предоставлялъ бы веденіе дѣлъ Landesvater'у и избраннымъ лицамъ.

1848-ой годъ, принесшій много заботъ прусскому правительству, имѣлъ и на прусскія школы также дурное вліяніе. Многіе изъ прусскихъ учителей участвовали въ политическихъ демонстраціяхъ вмѣстѣ съ массою народа, мечта о всеобщемъ, свободномъ нѣмецкомъ отечествѣ увлекала, само собою разумѣется, и педагоговъ. Они громко заявляли свои требованія, и сводъ этихъ стремленій нѣмецкихъ учителей въ „Paedagogisches Jahresbericht“ за 1849-й годъ занимаетъ около 300 страницъ и составляетъ очень интересный документъ, о которомъ бы стоило поговорить подробнѣе. Перечитывая желанія нѣмецкихъ учителей, мы замѣчаемъ, во-1-хъ) что почти всѣ были согласны въ своихъ стремленіяхъ; во-2-хъ) что главныя требованія относились къ освобожденію школъ отъ ректората пасторовъ, въ освобожденіи учителей отъ кюстерскихъ обязанностей, въ расширеніи курса, какъ народныхъ школъ, такъ и учительскихъ семинарій; въ-3-хъ) въ умѣренности политическихъ мнѣній учителей; въ-4-хъ) въ религіозномъ направленіи ихъ. Несмотря на то, что въ 1848-мъ году правительство не имѣло никакой возможности, при всеобщихъ смутахъ, стѣснять свободу преній на учительскихъ собраніяхъ, нѣмецкіе педагоги ни на одномъ изъ своихъ многочисленныхъ съѣздовъ не заявили мнѣній крайнихъ, не требовали полнаго уничтоженія всего существующаго, не отрицали права правительства регулировать ходъ дѣла въ школахъ, нигдѣ не позволили себѣ высказать какихъ-нибудь мыслей противъ религіи или короля, даже во многихъ петиціяхъ просили сохранить школы конфессіональныя, т.-е. не допускать католиковъ въ

евангелическія школы. Однимъ словомъ, повторяемъ, несмотря на полную свободу слова, нѣмецкіе педагоги показали себя очень умѣренными въ своихъ требованіяхъ, и всякій безпристрастный человѣкъ долженъ признать, что общее направленіе нѣмецкихъ учителей ни въ какомъ случаѣ нельзя было считать опаснымъ. Когда прусское правительство силою штыковъ водворило порядокъ въ Германіи, то многіе изъ нѣмецкихъ учителей поплатились за свое участіе въ политическихъ демонстраціяхъ въ пользу объединенія Германіи, и прусское министерство народнаго просвѣщенія стало еще строже придерживаться прежнихъ своихъ воззрѣній. Прусская конституція, объявленная еще до реакціи, 5-го декабря 1848-го года, содержитъ въ себѣ параграфы, очень важные для школьнаго дѣла [1]), напримѣръ, въ § 17-мъ: „Наука и преподаваніе ея свободны. § 19-й. Преподавать и основывать школы можетъ всякій, кто докажетъ подлежащему правительственному учрежденію свою способность къ этому дѣлу въ нравственномъ, научномъ и техническомъ отношеніи. § 21. Управленіе внѣшними дѣлами школы и выборъ учителей предоставленъ общинамъ. § 26. Для регулированія всѣхъ школьныхъ дѣлъ долженъ быть изданъ особый законъ". Эта конституція, какъ извѣстно, осталась въ Пруссіи, во многихъ отношеніяхъ, мертвой буквой. Въ 1850-мъ году, когда прусское правительство уже чувствовало снова свою силу, нѣкоторые параграфы конституціи, относящіеся къ школамъ, были измѣнены слѣдующимъ образомъ: выборъ учителей предоставленъ правительству; введено раздѣленіе школъ по вѣроисповѣданіямъ и издано особое прибавленіе къ конституціи, гласящее, что *до изданія полнаго школьнаго закона всѣ прежнія узаконенія сохраняютъ свою силу* [2]). Послѣднее замѣчаніе, уничтожавшее на неопредѣленное время всѣ другія постановленія конституціи, послужило поводомъ тому, что Пруссія до сихъ поръ еще не имѣетъ полныхъ школьныхъ законовъ. Одинъ министръ за другимъ отклоняютъ отъ себя составленіе закона, находя болѣе удобнымъ пользоваться свободой дѣйствія, предоставленной имъ вышеупомянутымъ прибавленіемъ къ конституціи. Министръ Ладенбергъ, на основаніи заявленій учителей, въ 1849-мъ году составилъ очень полный и либеральный сводъ училищныхъ законовъ, въ которомъ нѣтъ никакихъ ограниченій, и школѣ предоставлена возможность развиваться [3]); но въ 1850-мъ году онъ оставилъ министерство, и Раумеръ, принявшій отъ него министерство, отказался поддержи-

---

[1]) Die Gesetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen von 1817 bis 1868., стр. 184.

[2]) Vie Verfassung und Verwaltung des Preussischen Staates. Das Unterrichtswesen —von Ludvig von Rönne. Berlin 1855, стр. 283.

[3]) Die Gesetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen, стр. 162.

вать законъ этотъ передъ палатами. Бетманъ-Гольвегъ, побуждаемый много разъ интерпеляціями палаты, наконецъ, въ 1861-мъ году, снова внесъ проектъ устройства школъ, но очень ловко обошелъ въ немъ всѣ хорошіе принципы, гарантированные конституціей. Вмѣсто полной свободы при устройствѣ школъ, явилось требованіе, ставящее открытіе школъ въ зависимость отъ позволенія уѣзднаго начальства. Консисторіямъ и епископамъ дается право обсудить проектъ закона, наблюденіе за школами передается мѣстному пастору, курсъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій ограниченъ значительно, выборъ учителя зависитъ отъ правительства.

Отказываясь отъ изданія школьнаго закона, прусское министерство народнаго просвѣщенія однако не оставляло школъ безъ всякихъ узаконеній, а напротивъ того, старалось опредѣлить очень точно объемъ курса народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій. Уже многими заявленіями своими министерство показывало, что ему не нравится слишкомъ широкій курсъ наукъ, преподаваемый въ учительскихъ семинаріяхъ, и что оно также недовольно ходомъ преподаванія въ народныхъ школахъ, но вполнѣ откровенно оно, однако, не высказывалось, боясь, вѣроятно, общественнаго мнѣнія. Наконецъ 1-го, 2-го и 3-го октября 1854-го года, прусскій министръ Раумеръ издалъ свои регулятивы, опредѣляющіе объемъ и даже методъ преподаванія народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и такъ-называемаго Preparanden-Unterricht, т.-е. приготовленія молодыхъ людей къ поступленію въ учительскую семинарію [1]). Авторомъ этихъ регулятивовъ былъ совѣтникъ министерства Штиль, который, кромѣ того, издалъ нѣсколько брошюръ, разъясняющихъ и пополняющихъ эти регулятивы [2]). Первый регулятивъ опредѣляетъ объемъ курса учительскихъ семинарій, которыя должны быть непремѣнно закрытыми заведеніями.

Въ началѣ этого акта говорится о томъ, что министерство находитъ нужнымъ установить норму для всѣхъ семинарій государства и что эта норма должна служить для семинарій границей, которую эти заведенія *не имѣютъ права переступать* безъ особаго разрѣшенія министра.

Главною цѣлью семинаріи ставится: „довести учениковъ до возможности преподавать народу законъ Божій, чтеніе на родномъ языкѣ, писаніе, счисленіе, пѣніе, отечествовѣдѣніе и естествознаніе, при-

[1]) Die drei preussische Regulative von 1, 2, und 3 October 1854 von Stiehl. Berlin. Bessersche Buchhandlung.

[2]) Aktenstücke zur Geschichte und zum Verständniss der Regulative, von Stiehl.

Die Weiterentwickelung der drei preussischen Regulative, mit einem Vorwort von Stiehl.

Рѣчь Штиля и министра Бетмана-Гольвега въ пользу регулятивовъ. Centralblatt für das Unterrichts Verwaltung in Preussen. 1859. Maiheft, стр. 277—298.

чемъ объемъ этихъ предметовъ въ курсѣ семинаріи не долженъ переступать тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщаются въ самой народной школѣ. Семинарія не должна пробовать давать этому учебному матеріалу *научную обработку*, которая вовсе не соотвѣтствуетъ ближайшей цѣли этихъ заведеній. Желаніе нѣкоторыхъ семинарій дать ученикамъ многостороннее общее образованіе, также противорѣчитъ цѣли семинаріи. Главнѣйшая цѣль семинаріи состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы семинаристы учились, но въ томъ, чтобы они приготовились быть учителями въ евангелической христіанской школѣ, которая имѣетъ цѣлью воспитывать юношество въ христіанскомъ и патріотическомъ настроеніи и развивать въ немъ домашнія добродѣтели [1]). Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ семинаріи должно происходить почти въ томъ же объемѣ и отчасти даже въ той формѣ, какъ и въ народной школѣ". Далѣе говорится о преподаваніи *отдѣльныхъ предметовъ*. „Все то, что̀ до сихъ поръ проходилось въ семинаріяхъ подъ названіемъ педагогики, методики, катехетики, антропологіи и психологіи, должно быть уничтожено и замѣнено такъ - называемымъ *училищевѣдѣніемъ* (Schulkunde)". Курсъ училищевѣдѣнія не долженъ заключать въ себѣ никакихъ отвлеченій, а касаться только практической стороны дѣла. Въ этомъ курсѣ слѣдуетъ разъяснить значеніе школы для государства, церкви и общества съ историческимъ обзоромъ происхожденія народныхъ школъ, сдѣлать характеристику хорошаго учителя съ христіанской и нравственной точки зрѣнія, показать ему, какъ слѣдуетъ вести хорошо школу, причемъ можно сказать о преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ, ихъ значеніи и т. д., и въ концѣ курса слѣдуетъ указать учителю на его обязанности какъ слуги правительства и церкви (ein Diener des Staats und der Kirche). Преподаваніе методики, какъ указываетъ опытъ, мало помогало учителямъ хорошо учить въ школахъ, усвоеніе методовъ должно быть главнымъ образомъ практическимъ. Что касается вообще воспитанія, то слѣдуетъ довольствоваться тѣми истинами, которыя можно найти въ Святомъ Писаніи". Въ видѣ указанія рекомендуются сочиненія педагоговъ Пальтера, Грубе, Гольтша, Кельнера и педагогическіе журналы: „Branderburger Schulblatt" и „Süddeutscher Schulbote". Вотъ до какой страшной крайности могло довести прусское министерство желаніе уничтожить въ семинаріяхъ научное образованіе! Изъ богатой педагогической литературы по всѣмъ отраслямъ педагогики, выбраны только нѣсколько сочиненій педагоговъ-богослововъ и два журнала, которыхъ до тѣхъ

---

[1]) Das in Seminarien mehrfach zur Geltung gekommene Streben... eine vielseitige allgemeine Bildung anzubahnen, widerspricht dem Zwecke der Seminarbildung. Der letzte Zweck der Seminarbildung ist nicht dass der Zögling lerne.... *Die drei regulative von Stiele*, стр. 8.

поръ никто не читалъ! Сочиненія Песталоцци, Дистервега, Бенеке, Дресслера, Карла Шмидта, Любена и десятка другихъ значительныхъ людей считаются лишними для тѣхъ молодыхъ людей, которые посвятили себя дѣлу народнаго образованія! Намъ дѣйствительно случилось на опытѣ убѣдиться въ томъ, что мысли регулятивовъ, относительно педагогики, въ строгости исполняются. Семинаристы берлинской семинаріи, въ разговорѣ съ нами, въ 1862-мъ году, прямо заявили, что не имѣютъ понятія о Wegweiser'ѣ Дистервега, такъ какъ „*это вредная и опасная книга*". И это говорилось въ стѣнахъ той семинаріи, гдѣ самъ Дистервегъ въ продолженіи многихъ лѣтъ руководилъ занятіями молодыхъ учителей и создалъ цѣлую литературу педагогическихъ и методическихъ сочиненій [1])! О преподаваніи закона Божія регулятивъ говоритъ очень подробно, опредѣляя курсъ семинарій катехизисомъ Лютера (der in den Gedächniss eingeprägt wird), краткой библейской исторіей, чтеніемъ Библіи, и заучиваніемъ текстовъ изъ священнаго писанія (Bibelsprüche) и церковныхъ гимновъ (Kirchenlieder). О преподаваніи нѣмецкаго языка также говорится подробно, причемъ замѣчено, что этотъ предметъ долженъ проходиться въ объемѣ большемъ, чѣмъ въ народныхъ школахъ, въ которыхъ не полагается вовсе преподаванія грамматики. Отъ семинаристовъ требуется: „умѣніе учить читать и писать по хорошей методѣ, элементарныя понятія изъ нѣмецкой грамматики, и умѣніе читать и разбирать вполнѣ всѣ статьи извѣстной книги для чтенія. (Для семинарій выбранъ Lesebuch von Wackernagel.) „Семинаристовъ не слѣдуетъ занимать критическимъ обзоромъ разныхъ методовъ, а главнымъ образомъ упражнять въ преподаваніи родного языка по извѣстной методѣ, чтобы они, выходя изъ семинаріи, могли тотчасъ же начать преподавать успѣшно. Изученіе грамматики родного языка должно идти не далѣе *умѣнія анализировать отдѣльныя фразы книги для чтенія* по частямъ предложенія и частямъ рѣчи, причемъ слѣдуетъ объяснить будущимъ учителямъ, что этотъ разборъ самъ по себѣ не можетъ служить цѣлью, а нуженъ лишь для лучшаго уразумѣнія текста". Относительно чтенія, регулятивъ требуетъ подробнаго изученія извѣстнаго Lesebuch'а, съ объясненіемъ всѣхъ статей его для того, „чтобы молодой учитель могъ примѣнять непосредственно въ школѣ эти объясненія". „Изъ домашняго чтенія регулятива", продолжаетъ регулятивъ, „должна быть вовсе исключена *такъ-называемая классическая литера-*

---

[1]) Очень скоро послѣ изданія регулятивовъ явилось и практическое выполненіе вышеприведенныхъ мыслей въ видѣ книги Бормана: Schulkunde für evangelische Volksschullehrer, von K. Bormann provincial Schulrath in Berlin. Эта жалкая книга содержитъ въ себѣ все, что требуютъ регулятивы, и читая ее удивляешься возможности написать такое безсодержательное и пустое сочиненіе въ странѣ, въ которой такъ много написано хорошаго по части педагогики.

тура (die sogenannte classische Litteratur), такъ какъ чтеніе семинаристовъ должно состоять изъ сочиненій, содержаніе и тенденціи которыхъ возбуждаютъ къ патріотизму и истинно христіанской жизни въ церковномъ смыслѣ этого слова, и это направленіе будущіе учители должны проводить въ народѣ". Далѣе слѣдуетъ перечень книгъ, которыя рекомендуются для чтенія семинаристовъ. Между ними нѣтъ ни одного сочиненія Шиллера, Гёте, Уланда, Кернера, Жанъ-Поль Рихтера и другихъ извѣстныхъ писателей; изъ болѣе извѣстныхъ именъ упомянуты только братья Гриммъ и Гебель, а остальныя сочиненія мало извѣстны, напр., Evangelische Jahrbuch von Piper, Beiblatt zu den fliegenden Blätter des rauhen Haus, Preussens Ehrenspiegel, von Müller и т. под. Преподаваніе исторіи также ограничено регулятивомъ: всеобщая исторія вовсе исключена изъ курса, который долженъ состоять почти исключительно изъ исторіи Германіи и преимущественно Пруссіи. Курсъ географіи опредѣленъ также небольшой: физическій обзоръ частей свѣта и болѣе подробное описаніе Европы и Германіи. Для уроковъ естественной исторіи дано по два часа въ недѣлю во время перваго и второго года. Зоологія ограничена описаніемъ отдѣльныхъ животныхъ, безъ классификаціи; по ботаникѣ требуется умѣнье опредѣлить дикорастущія растенія, по минералогіи описаніе болѣе важныхъ минераловъ и горныхъ породъ. Для опредѣленія курса физики указанъ небольшой, но впрочемъ очень хорошій учебникъ Крюгера. Изъ ариѳметики въ семинаріяхъ должны проходиться только дѣйствія надъ простыми числами и простыми дробями, причемъ числа отъ 1 до 100 слѣдуетъ проработать такъ, какъ учителю придется ихъ проработывать въ народной школѣ. По геометріи должно ограничиться только описаніемъ геометрическихъ фигуръ и тѣлъ „*безъ научнаго изслѣдованія*", а практически, для пріобрѣтенія навыка въ измѣреніи тѣлъ и поверхностей. „Если семинарія желаетъ расширить курсъ математики десятичными дробями, пропорціями и извлеченіемъ корней, то на это слѣдуетъ испрашивать особое разрѣшеніе провинціальнаго начальства". Преподаванію пѣнія и музыки данъ въ регулятивахъ совершенно церковный характеръ, чтобы пріучить семинаристовъ къ должности органистовъ и канторовъ при церквахъ. Въ концѣ регулятива сказано слѣдующее:

„Когда вышеприведенные принципы будутъ примѣнены къ дѣлу, то можно смѣло ожидать, что семинаріи для народныхъ учителей будутъ все болѣе и болѣе исполнять свое назначеніе. Непрактическія разсужденія (unpraktische Reflexion) и субъективное стремленіе къ производству опытовъ (subjectives Experimentiren), неимѣющее значенія при простомъ и здоровомъ народномъ образованіи, должны быть изъ семинарій вовсе исключены. Придерживаясь христіанскихъ основаній въ жизни и дисциплинѣ своей, эти заведенія будутъ прибли-

жаться къ тому, чѣмъ они и должны быть, т.-е. разсадниками благочестивыхъ, вѣрныхъ и толковыхъ учителей, близко стоящихъ къ народу и посвящающихъ себя образованію возрастающаго поколѣнія изъ самопожертвованія и для того, чтобы сдѣлать угодное Господу Богу".

Второй регулятивъ, отъ 2-го октября 1854-го года, содержитъ въ себѣ правило приготовленія молодыхъ людей къ вступленію въ семинарію (Praeparanden-Vorbildung). Особенныхъ школъ для этого приготовленія почти нигдѣ въ Пруссіи нѣтъ, а молодые люди, которые желаютъ поступить въ семинаріи, готовятся къ пріемному экзамену у учителей и пасторовъ. Регулятивъ опредѣляетъ объемъ преподаванія различныхъ учебныхъ предметовъ для этихъ кандидатовъ, причемъ невольно поражаютъ два обстоятельства: во-первыхъ, что до вступленія въ семинарію проходятся учебные предметы почти въ томъ же объемѣ, какъ и въ самой семинаріи, такъ что въ семинаріи приходится, главнымъ образомъ, повторять старое; во-вторыхъ, поражаетъ большое количество учебнаго матеріала по закону Божію, который долженъ быть выученъ кандидатами наизусть. При поступленіи въ семинарію требуется именно: гейдельбергскій катехизисъ, твердо заученный (fest memorirt), собраніе текстовъ изъ библіи (Bibelsprüche, около 180-ти текстовъ, по позднѣйшему опредѣленію министерства), распредѣленіе евангелія по днямъ, пророчества о Спаситель изъ Ветхаго Завѣта, 18 псалмовъ и 50 церковныхъ гимновъ. Матеріалъ этотъ такъ великъ, что большая часть времени приготовленія кандидатовъ къ экзамену, безъ сомнѣнія, должна быть занята усвоеніемъ его.

Третій регулятивъ, отъ 3-го октября, касается народныхъ школъ. Въ предисловіи къ нему есть нѣсколько странныхъ мыслей, бросающихъ яркій свѣтъ на взглядъ прусскаго правительства на народное образованіе: „Въ новѣйшее время наступилъ очень важный поворотъ во внутренней, духовной жизни школы. Элементарная школа до сихъ поръ слѣдовала за вѣкомъ, но такъ какъ вся современная жизнь дошла до границы, требующей непремѣнно крутого поворота, который впрочемъ и наступилъ, то и школа должна внести въ свою жизнь этотъ новый элементъ. Мысль объ общечеловѣческомъ развитіи душевныхъ способностей, основываясь на отвлеченномъ матеріалѣ, оказалась, на практикѣ, недѣйствительною и вредною. Жизнь народа требуетъ обновленія, основаннаго на издревле ему данныхъ и вѣчныхъ реальныхъ принципахъ (Realitäten), построенныхъ на христіанствѣ, которое должно проникать, поддерживать и образовывать семью, практическую дѣятельность каждаго человѣка (Berufskreis), общину и все государство"... „Поэтому въ элементарной школѣ должна преобладать не отвлеченная система или какія-нибудь научныя мысли, а подготовка къ практической жизни въ церкви, семьѣ, извѣстномъ занятіи, общи-

нѣ и государствѣ. Цѣль школы есть усвоеніе и уразумѣніе свѣдѣній, необходимыхъ для вышеозначенной жизни; метода преподаванія есть только средство къ достиженію этой цѣли. Различіе душевныхъ способностей (formale Bildung) является само собою при усвоеніи учебнаго матеріала, о которомъ говорилось выше; если взять матеріалъ другой или вовсе не обращать на него вниманія, то развитіе умственныхъ способностей дѣлается вреднымъ. На этомъ основаніи для школы не такъ важна проработка учебныхъ предметовъ и выработка новыхъ методовъ, какъ точное ограниченіе и выборъ учебнаго матеріала и самое устройство школы". Сообразно съ этими основными мыслями, регулятивъ опредѣляетъ очень небольшой учебный матеріалъ для народной школы, которую, слѣдуетъ замѣтить, дѣти обязаны посѣщать отъ 6-ти-лѣтняго до 14-ти-лѣтняго возраста. Для преподаванія закона Божія дано шесть уроковъ въ недѣлю, „причемъ курсъ назначенъ слѣдующій: священная исторія ветхаго и новаго завѣта, катехизисъ, необходимыя молитвы, 30 церковныхъ гимновъ и достаточное число текстовъ (Bibelsprüche). Катехизисъ долженъ быть выученъ наизусть, и такъ-называемая катехизація отдѣльныхъ догматовъ и текстовъ вовсе не должна быть допускаема въ элементарной школѣ" [1]). Чтеніе и письмо должны преподаваться такъ, чтобы ученикъ могъ свободно читать писанное и печатное, хорошо разсказывать и орѳографически вѣрно и красиво писать. Грамматика не проходится. Особаго нагляднаго обученія и упражненій въ мышленіи (Denk und Sprechübungen) не полагается. На чтеніе и письмо назначено 12 уроковъ въ недѣлю. Преподаванію ариѳметики дано совершенно практическое направленіе; оно ограничено только цѣлыми числами и дробями; геометріи не проходится вовсе. На ариѳметику положено 5 часовъ въ недѣлю да на пѣніе еще 3 часа, такъ что всего выходитъ 26 часовъ уроковъ въ недѣлю. „Впрочемъ, прибавляетъ регулятивъ, если окажется возможнымъ прибавить еще нѣсколько часовъ, то можно со старшими учениками заниматься еще отечествовѣдѣніемъ и естествовѣдѣніемъ и одинъ часъ въ недѣлю рисованіемъ. Въ большинствѣ же случаевъ по географіи, исторіи и естествовѣдѣнію слѣдуетъ ограничиться объясненіемъ статей, заключающихся въ книгѣ чтенія". Опредѣливъ програму народной школы, регулятивъ напоминаетъ учителямъ, что при исполненіи его слѣдуетъ имѣть въ виду два принципа: во-первыхъ, совершенно отказавшись отъ отвлеченнаго развитія душевныхъ способностей учениковъ, дать имъ достаточный и хорошій учебный матеріалъ, тѣсно связанный съ великими образо-

---

[1]) So genannte Katechisationen über einzelne Lehrpunkte oder Lehrstücke, oder Bibelsprüche, sind von dem Unterrichte des Elementarschule ausgeschlossen. Die drei Preussische Regulative, von Stiehl, стр. 68.

вательными факторами (Bildungsfactoren), именно, церковью, семьею, общиною и отечествомъ. Во-вторыхъ, довести учениковъ до дѣйствительнаго знанія и умѣнія практически пользоваться своими познаніями". Для школъ, въ которыхъ нѣсколько учителей и классовъ, учебный матеріалъ не увеличивается.

Въ самихъ регулятивахъ, какъ видно, заключаются только главныя мысли объ объемѣ курса и распредѣленіи учебнаго матеріала въ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Если кое-гдѣ и приведены причины, заставившія министерство издать эти регулятивы и принципы, на которыхъ оно основывалось, то эти мысли высказаны сжато, скорѣе въ видѣ афоризмовъ и аксіомъ, безъ большихъ поясненій. Но въ другихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ полуоффиціальный характеръ, мы находимъ болѣе подробностей относительно причинъ, побудившихъ прусское министерство сдѣлать такой крутой поворотъ въ школьномъ дѣлѣ. Откровеннѣе другихъ высказываются Тило въ своей исторіи прусской народной школы и Штольценбургъ въ сочиненіи „Beiträge zur Geschichte der Regulative". Тило, отличающійся чрезвычайно фразистымъ и неудобопонятнымъ слогомъ, говоритъ, что совѣтникъ министерства Штиль, еще бывши учителемъ въ семинаріи, понялъ *„пустоту направленія учебной методы послѣдователей Песталоцци"* (die Inhaltsleere des pestalozisirende Lehrtendenz). Эти послѣдователи Песталоцци, по мнѣнію Тило, развивали только умъ ребенка, оставляя въ сторонѣ сердце и фантазію. Въ школахъ не развивали истиннаго христіанскаго духа и любви къ родинѣ. Въ методахъ преподаванія царствовало большее разнообразіе: въ одной провинціи господствовало направленіе Динтера, въ другой Гарниша, въ третьей — Дистервега [1]) и министерство находило такой безпорядокъ немыслимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Штольценбургъ говоритъ, что школа Песталоцци вела къ заблужденіямъ разнаго рода.

„Самъ Песталоцци, по его мнѣнію, больше обращалъ вниманіе на развитіе разсудка у дѣтей, чѣмъ на воспитательное вліяніе; его послѣдователи преувеличивали еще болѣе развитіе разсудка. Въ прусскихъ школахъ, устроенныхъ по методѣ Песталоцци, проходилось слишкомъ много предметовъ, причемъ мало обращалось вниманія на практическія надобности народа. Прусскіе педагоги стали писать слишкомъ много учебниковъ, между которыми было много дурныхъ. Песталоцци самъ былъ, по мнѣнію Штольценбурга, нехорошимъ христіаниномъ и былъ зараженъ энциклопедистами. Послѣдователи его въ Пруссіи распространяли раціонализмъ и разсуждали съ дѣтьми о предметахъ религіи, недостаточно знакомя ихъ съ Откровеніемъ [2])".

---

[1]) Preussisches Volksschulwesen, von Thilo, стр. 245—250.

[2]) Beiträge zur Geschichte der Regulative, von Stolzenburg, стр. 7—15.

Интересно то, что, отзываясь такъ легко о Песталоцци, Штольценбургъ опирается все-таки на него, доказывая необходимость ограничить учебный матеріалъ въ школахъ: онъ говоритъ, что Песталоцци, своими школами для бѣдныхъ дѣтей въ Нейгофѣ, Станцѣ и Бургдорфѣ, доказалъ необходимость воспитывать дѣтей народа въ средѣ самого народа, не стараясь поднимать слишкомъ высоко ихъ умственное развитіе. Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію этихъ нападокъ на послѣдователей Песталоцци въ Германіи, слѣдуетъ тотчасъ же указать на нѣкоторыя несообразности въ упрекахъ Тило и Штольценбурга. Во-первыхъ, Тило, говоря о томъ, что въ одной провинціи Пруссіи слѣдовали идеямъ Дистервега, въ другой — Гарниша, въ третьей — Динтера, высказываетъ, самъ можетъ быть того не подозрѣвая, лучшую похвалу какъ прусскимъ учителямъ, такъ и вышеупомянутымъ педагогамъ. Въ школьномъ дѣлѣ, кромѣ научной стороны, есть и сторона искусства, которое, точно такъ какъ и другія искусства, передается отъ лица другому лицу и не можетъ быть замѣнено ничѣмъ другимъ. Точно такъ, какъ въ музыкѣ существуетъ вліяніе Палестрины, Баха и другихъ, въ живописи—школы итальянская, фламандская и т. п., точно такъ и въ педагогикѣ мы замѣчаемъ неотразимое вліяніе искуснаго учителя на тѣхъ людей, которые у него учатся. Великій музыкантъ и великій живописецъ не только учатъ своихъ учениковъ, но воодушевляютъ ихъ къ своему дѣлу, даютъ имъ силу и бодрость духа, необходимую для плодотворнаго труда, однимъ словомъ, дѣйствуютъ не только на умъ, но на всѣ стороны человѣка, дѣлая изъ него художника. Хорошій педагогъ дѣйствуетъ подобнымъ же образомъ, уча своихъ учениковъ, воодушевляя будущихъ учителей къ трудному дѣлу учительства и передавая имъ особенности своей методы. Сила учительскихъ семинарій зависитъ въ значительной степени отъ личностей учителей или директоровъ, которые имѣютъ вліяніе на семинаристовъ. Легко убѣдиться въ томъ, что семинарія тогда только хороша, когда въ ней есть одна или нѣсколько энергическихъ личностей, преданныхъ дѣлу обученія и основательно знающихъ свою спеціальность. Если такого педагога, въ полномъ смыслѣ слова, въ семинаріи нѣтъ, то несмотря ни на какіе уставы и программы, семинарія всегда выпускаетъ молодыхъ людей, мало приготовленныхъ къ педагогическому дѣлу. Иногда имъ извѣстны пріемы преподаванія, они знаютъ необходимое, но все-таки они не педагоги, такъ какъ нѣтъ въ нихъ того возбуждающаго благороднаго стимула, который отличаетъ художника отъ ремесленника. Итакъ, вліяніе Дистервега, Динтера, Гарниша на своихъ слушателей доказываетъ только то, что они были дѣйствительно значительными людьми. Стараясь выравнять различіе этихъ школъ, прусское министерство уничтожало ту сторону педагогическаго дѣла, которою больше всего

нужно дорожить, именно личное вліяніе значительнаго человѣка на бѣднаго сельскаго учителя, забитаго тяжелой обстановкой и трудными обязанностями, и для котораго это вліяніе, вынесенное изъ хорошей семинаріи, составляло одну изъ самыхъ сильныхъ поддержекъ для добросовѣстнаго отношенія къ работѣ.

Штольценбургъ, говоря, что Песталоцци былъ дурнымъ христіаниномъ, показываетъ, что онъ самъ не понимаетъ великихъ основъ христіанства. Можно ли назвать не христіаниномъ того человѣка, который всю жизнь свою провелъ въ христіанскихъ дѣлахъ милосердія, который среди войны, голода и мора собиралъ сиротъ, былъ имъ и учителемъ и слугою, продавалъ серебряныя пряжки своихъ башмаковъ для того, чтобы доставить дѣтямъ необходимое, и четыре раза начиналъ устраивать пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, несмотря на постоянныя неудачи? Въ сочиненіяхъ Песталоцци мы, напротивъ того, находимъ такъ много истинно христіанскихъ мыслей, что эти сочиненія могутъ имѣть значеніе религіознаго чтенія, помимо ихъ педагогическаго интереса. Изъ этого упрека Штольценбурга мы только видимъ одно: именно, что въ прусскомъ министерствѣ, во время изданія регулятивовъ, господствовало догматическое лютеранское направленіе, полное нетерпимости и негуманности, появившееся въ сѣверной Германіи еще во время царствованія Фридриха-Вильгельма III-го. Этимъ направленіемъ проникнуты и сами регулятивы, въ которыхъ чаще упоминается о церкви и согласіи съ церковными уставами, чѣмъ о христіанствѣ и самомъ Спасителѣ.

Наконецъ, доказывая свою задушевную мысль, именно что народъ многому учить незачѣмъ, Штольценбургъ совершенно напрасно ссылается на Песталоцци, который дѣйствительно въ Станцѣ, Нейгофѣ и Бургдорфѣ не училъ многому дѣтей, но онъ дѣлалъ это вовсе не съ тою заднею мыслью о сохраненіи сословій, которую ему приписываетъ Штольценбургъ. Основанія Песталоцци были чисто психологическія, онъ оставался здѣсь вѣрнымъ своему основному правилу: при выборѣ учебнаго матеріала и способа его проработки не имѣть никакихъ другихъ соображеній, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ изученія душевныхъ свойствъ самихъ дѣтей. Онъ училъ бѣдныхъ дѣтей немногому, потому что они были мало развиты, и учить ихъ многому было бы невозможно; еслибы дѣти у него оставались долго и развились бы, то Песталоцци, несмотря ни на какія соображенія о состояніи, сталъ бы ихъ учить тому, чего требовала природа учениковъ. Разъясняя этотъ упрекъ Песталоцци, мы опять касаемся одной изъ основныхъ идей самихъ регулятивовъ. Учебные курсы народной школы и учительскихъ семинарій, по регулятивамъ, очень ограничены, и во многихъ мѣстахъ, какъ можно было видѣть изъ выписокъ, нами приведенныхъ, высказывается положеніе, что народъ учить многому не слѣдуетъ, отвлеченно

его развивать не нужно, а слѣдуетъ приготовлять къ практической жизни. Мысль эта, высказанная уже Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ въ его запискахъ, еще донынѣ имѣетъ много сторонниковъ въ Пруссіи, да и у насъ еще недавно высказывалась. Существуетъ нѣсколько видоизмѣненій этого положенія: нѣкоторые даютъ религіозный оттѣнокъ ограниченію образованія, говоря, что человѣкъ долженъ заботиться о будущей жизни, а во время земной жизни довольствоваться тѣмъ, что̀ назначено ему Господомъ. Другіе основываютъ это положеніе на политическихъ данныхъ, утверждая, что учившійся пролетаріатъ опасенъ для спокойствія государства. Третьи основываютъ ограниченіе учебнаго курса и утилитарное направленіе школъ на экономическихъ началахъ, говоря, что учившееся юношество отрывается отъ среды, и въ странѣ окажется мало рабочихъ рукъ. Отвѣчая сторонникамъ перваго, т.-е. религіознаго направленія, мы бы сказали: по точному смыслу христіанскаго ученія, земная жизнь есть приготовленіе къ жизни загробной, и потому, стѣсняя какимъ-либо способомъ жизнь земную, вы берете на себя тяжелую отвѣтственность. Не Богъ, а вы сами дѣлите людей на такихъ, которые должны учиться многому, и тѣхъ, которые должны учиться немногому, и такимъ образомъ предрѣшаете то, что человѣку нельзя рѣшать, именно путь, который назначенъ Господомъ Богомъ во время земной жизни каждаго изъ людей, для того чтобы довести его до вѣчнаго блаженства. Тѣмъ, которые утверждаютъ, что учившійся пролетаріатъ составляетъ причину смутъ въ государствѣ, мы скажемъ, что искать причинъ политическихъ смутъ въ чтеніи, или очень недальновидно или безсовѣстно, такъ какъ причины эти очевидно не такъ просты, какъ ихъ стараются показать. Исторія напротивъ учитъ насъ тому, что, вмѣстѣ съ образованіемъ въ странѣ, является и лучшее пониманіе своихъ обязанностей. Въ Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи, напримѣръ, никогда учащаяся молодежь не производила смутъ, а между тѣмъ эти страны болѣе всѣхъ другихъ въ Европѣ свободны отъ стѣсненія курса народныхъ школъ и техническаго направленія преподаванія. На экономическія причины при стѣсненіи школьнаго дѣла также ссылаться не резонно, такъ какъ экономическое благосостояніе страны, по статистическимъ даннымъ, въ значительной степени зависитъ отъ образованія, и умственное развитіе, пріобрѣтаемое ученіемъ, есть также экономическая сила, которая далеко не ничтожна. Техническое направленіе курса не можетъ быть оправдано съ экономической точки зрѣнія, потому что, по опытамъ, произведеннымъ уже во многихъ странахъ, такое техническое направленіе въ общеобразовательномъ курсѣ не даетъ никакихъ результатовъ.

Наконецъ, становясь на психологическую и педагогическую точку зрѣнія, мы видимъ, что всякая мысль объ ограниченіи курса и тех-

ническомъ направленіи преподаванія не раціональна. Единственнымъ критеріемъ для рѣшенія вопросовъ о предметахъ обученія и объема ихъ долженъ быть самъ обучающійся ребенокъ. Изслѣдованіе его душевныхъ способностей даетъ намъ указанія, чему учить его и какъ учить. Очевидно, что съ этой точки зрѣнія всѣ дѣти, къ какимъ бы они сословіямъ ни принадлежали, равны передъ педагогомъ. Онъ останавливаетъ обученіе ребенка только тогда, когда какія-нибудь побочныя обстоятельства его къ этому принуждаютъ. Эти побочныя обстоятельства, т.-е. недостатокъ родителей, разныя житейскія причины и т. п., никогда не могутъ быть, такъ сказать, узаконены навсегда педагогикой. При всякомъ удобномъ случаѣ педагогъ устраняетъ эти обстоятельства и продолжаетъ, посредствомъ обученія, развивать ребенка, чтобъ довести его какъ можно ближе къ идеалу образованнаго человѣка. Техническое направленіе учебнаго общеобразовательнаго курса также не можетъ быть оправдано педагогомъ, такъ какъ время, потерянное на пріобрѣтеніе техническихъ знаній, могло бы быть съ большею пользою употреблено для общаго развитія ребенка. Всякія же прикладныя знанія вводятся въ курсъ вовсе не съ цѣлью развитія, а съ цѣлью постороннею, не педагогическою, между тѣмъ общее развитіе составляетъ самое лучшее ручательство въ успѣхѣ практической дѣятельности, такъ какъ оно вездѣ и всегда найдетъ себѣ примѣненіе. Шлейермахеръ, пользующійся такимъ уваженіемъ между нѣмцами и особенно между пруссаками, вѣроятно предвидѣлъ направленіе, которое выразилось впослѣдствіи въ регулятивахъ и высказываетъ слѣдующія мысли, которыми рѣзко осуждается ограниченіе образованія народа. „Никого нельзя лишать чего-нибудь безнаказанно", говоритъ онъ, „и въ простѣйшей народной школѣ не должно существовать ограничающаго начала, признающаго такую душевную дѣятельность, которую можно развивать только у класса общества, призваннаго къ управленію страной. Никогда не слѣдуетъ предполагать, что въ школѣ нѣтъ ни одного изъ призванныхъ къ управленію". Должно всегда обратить вниманіе на конецъ воспитанія и спросить себя „въ чемъ выказывается въ каждомъ человѣкѣ принадлежность къ руководителямъ, и какъ воспитаніе можетъ приготовить его къ такой дѣятельности? Воспитаніе дѣйствуетъ на разсудокъ и на волю, которые должны быть всегда развиваемы вмѣстѣ. Все то, что возможно сдѣлать въ школѣ для полнаго развитія этихъ двухъ способностей, должно быть предложено каждому человѣку. Народная школа обязана, такимъ образомъ, развивать разсудокъ и волю своихъ учениковъ, чтобъ ихъ приготовить какъ для практической дѣятельности, такъ и для поступленія въ такія заведенія, гдѣ получается высшее образованіе"... „Существуетъ филантропическое видоизмѣненіе той же мысли: говорятъ, что развивая силы, непримѣнимыя въ практической жизни, дѣлаютъ людей несчаст-

ными и напрасно теряютъ время. Это очень выходитъ красиво на словахъ, но разсмотримъ это разсужденіе поближе. Всматриваясь внимательнѣе, мы замѣчаемъ, что нѣтъ такихъ силъ, которыя бы не могли найти примѣненія въ какомъ угодно состояніи. Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ есть рабы, платятъ дороже за такихъ рабовъ, которыхъ умственныя силы болѣе развиты. Если же слышится такъ много жалобъ на то, что люди не находятъ себѣ подходящей дѣятельности, то это происходитъ не отъ излишка развитія, а скорѣе отъ недостатка его или дурного направленія развитія душевныхъ силъ [1])". Современный педагогъ Любенъ, опредѣляя курсъ народныхъ школъ и доказывая, что всѣ предметы тамъ необходимы, прибавляетъ: „Тѣ, которые уничтожаютъ хоть малѣйшую часть этого учебнаго матеріала, приносятъ вредъ развитію юношества, и тѣмъ самымъ останавливаютъ развитіе народа и развитіе всего человѣчества. Кто это дѣлаетъ съ умысломъ, беретъ на себя тяжелый грѣхъ; его по справедливости слѣдуетъ отстранить отъ возможности вредить народному образованію и онъ заслуживаетъ, чтобы человѣчество заклеймило его позорнымъ клеймомъ!"

Слѣдуетъ, впрочемъ, сознаться, что нѣкоторые упреки дорегулятивнымъ школамъ въ Пруссіи имѣли нѣкоторое основаніе. При всеобщемъ одушевленіи къ педагогическому дѣлу и развитію юношества посредствомъ ученія, послѣдователи Песталоцци увлеклись и иногда недостаточно обдумывали свои пріемы и програмы. Вѣроятно, нѣкоторые плохіе учителя занимались безсодержательною катехизаціею, не заботясь о пріобрѣтеніи положительныхъ свѣдѣній учениками народныхъ школъ: въ семинаріяхъ дѣйствительно преподавали будущимъ ученикамъ слишкомъ много предметовъ и поднимали курсъ выше пониманія семинаристовъ. Можетъ быть въ иныхъ мѣстахъ и либеральничали некстати. Но все это не оправдываетъ изданія регулятивовъ, такъ какъ была возможность гораздо проще и разумнѣе опредѣлить границы курсовъ. Слѣдовало сдѣлать экзамены серьезнѣе, требовать отъ семинаристовъ положительныхъ знаній, послать по школамъ знающихъ педагоговъ для ревизіи и указанія учителямъ на замѣченные недостатки въ свѣдѣніяхъ. Можно бы было даже сократить програму тѣхъ семинарій, въ которыхъ учебный матеріалъ недостаточно хорошо проработывался. На такія частныя ограниченія, основанныя на фактахъ, никто не смѣлъ бы жаловаться. Издавая же общее распоряженіе для всѣхъ учебныхъ заведеній, министерство приравнивало всѣхъ подъ одну мѣрку и, конечно, не могло опереться на факты, такъ какъ недостатки отдѣльныхъ школъ не имѣютъ значенія для

---

[1]) Zur Reform der Lehrerseminare und der Volksschule, von D-r Karl Schmidt. Cöthen. 1863. Стр. 38, примѣчаніе.

другихъ учебныхъ заведеній. Направить дѣло въ отдѣльной школѣ можно, но исправить направленіе всего образованія въ странѣ, основываясь на отвлеченныхъ принципахъ—дѣло всегда очень рискованное, такъ какъ общія мысли трудно привести въ исполненіе, опираясь только на оффиціальныхъ исполнителяхъ.

Прусское министерство очень энергично стало вводить регулятивы въ семинаріи и народныя школы. Многихъ директоровъ и учителей, несогласныхъ съ министерскимъ взглядомъ на народное образованіе, удалили и мѣста ихъ были розданы людямъ, которые раздѣляли точку зрѣнія регулятивовъ. На мѣста директоровъ семинарій выбирались большею частію духовныя лица, въ педагогикѣ ничѣмъ себя не заявившіе. Нѣкоторые педагоги также пристали къ министерству и получили повышеніе. Изъ нихъ болѣе извѣстны: Тило, директоръ берлинской семинаріи, Борманъ, написавшій „Schulkunde", о которой говорилось выше, Бокъ, составившій „Руководство для народныхъ учителей евангелическаго вѣроисповѣданія" [1]), которое должно было замѣнить „Wegweiser" Дистервега, признанный вреднымъ со стороны министерства. Бокъ былъ еще лучшимъ изъ регулятивныхъ педагоговъ; онъ былъ сдѣланъ директоромъ семинаріи въ Мюнстербергѣ, въ Силезіи, и эта семинарія считалась образцовою въ регулятивномъ смыслѣ. Основывая свой выборъ учителей не на общепедагогическихъ соображеніяхъ, а на согласіи съ регулятивами, прусское министерство впало въ ошибку, которая постоянно повторяется въ подобныхъ случаяхъ. Многія незначительныя личности, ничѣмъ серьезнымъ себя не заявившія, но считающіяся педагогами, стали громко заявлять одобреніе дѣйствіямъ министерства и такимъ образомъ попали въ милость. При Альтенштейнѣ этого не могло бы случиться, потому что министерство тогда прислушивалось къ общественному мнѣнію педагоговъ, цѣнило всякій серьезный трудъ по педагогикѣ и основывало свой выборъ на рекомендаціи спеціалистовъ. Но когда дѣло пошло иначе, то ни общее неодобреніе педагогическихъ журналовъ, ни полное отсутствіе педагогическихъ трудовъ не могли препятствовать человѣку сдѣлаться педагогомъ въ глазахъ прусскаго министерства. Такимъ образомъ, въ кругъ прусскихъ педагоговъ попало много людей безнравственныхъ, т.-е. измѣнившихъ свои убѣжденія ради выгоды; воодушевленія къ педагогическому дѣлу у нихъ быть не могло; они даже плохо понимали виды министерства и знали только одно правило: „слѣдуй регулятивамъ, хвали ихъ и будешь возвышенъ!"

Одно это обстоятельство уже составляетъ большое зло въ томъ случаѣ, когда министерство идетъ наперекоръ общественному мнѣнію.

---

[1]) **Wegweiser für evangelische Volksschullehrer, von Eduard Bock. Breslau, 1859.**

Никто не имѣетъ права винить правительство, если оно выбираетъ тѣхъ педагоговъ, которые болѣе подходятъ подъ виды министерства или даетъ преимущество одной школѣ педагоговъ передъ другою; но если министерство само сочиняетъ педагогическую школу, ничѣмъ себя не заявившую въ литературѣ, не основанную ни на одномъ педагогическомъ сочиненіи, то оно неизбѣжно подвергается злу, о которомъ говорилось выше. Тогда правительство не можетъ быть увѣрено въ добросовѣстности своихъ служащихъ, а въ педагогическомъ дѣлѣ убѣжденія учителей имѣютъ громадное значеніе. Такимъ образомъ, регулятивы имѣли пагубное вліяніе на развитіе педагогическаго дѣла въ Пруссіи: многіе изъ прусскихъ педагоговъ выѣхали изъ своей родины и получили мѣста въ странахъ, гдѣ регулятивовъ не было (напр., Любенъ въ Бременъ, Вихардъ Ланге въ Гамбургъ и т. д.); педагогическихъ сочиненій, журналовъ и учебниковъ стало въ Пруссіи издаваться меньше, семинаріи ея, прежде столь извѣстныя, стали быстро падать. Въ 1861 и 1863-мъ году, мнѣ дана была возможность посѣтить многія заграничныя учебныя заведенія, и я долженъ былъ сознаться, что тѣ четыре прусскія семинаріи, съ которыми я познакомился, были вовсе не въ блестящемъ положеніи. Нѣкоторыя изъ нихъ, напр., семинарія въ Бунцлау, поддерживались еще двумя хорошими учителями: Штубба и Пранге, а въ другихъ ученіе шло крайне плохо, и педагогическое дѣло въ нихъ было очень запущено. Познакомясь потомъ съ семинаріями, гдѣ директора были педагогами, въ полномъ смыслѣ этого слова, напр., съ бременской семинаріей Любена, бернской семинаріей Рюегга, цюрихской семинаріей Фриса и другими, я увидѣлъ огромную разницу школъ, въ которыхъ дѣйствуютъ спеціалисты, отъ такихъ школъ, гдѣ работаютъ учителя-ремесленники,—а въ прусскихъ школахъ такихъ учителей-ремесленниковъ было много. Чтобы подтвердить это мнѣніе фактами, сравнимъ Pädagogisches Jahresbericht 1849-го года, съ тѣмъ же изданіемъ 1863-го года. Въ Pädagogisches Jahresbericht упоминается обо всѣхъ сочиненіяхъ, учебникахъ и изданіяхъ педагогическаго содержанія, появившихся въ Германіи въ извѣстномъ году. Изъ 554-хъ педагогическихъ книгъ, упомянутыхъ въ Jahresbericht 1849-го года, было 272 сочиненія, написанныхъ пруссаками или изданныхъ въ Пруссіи, остальные 282 были изданы въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. По предметамъ, эти сочиненія распредѣлялись такъ:

	Въ Пруссіи:	Внѣ Пруссіи:	Всего:
Законъ Божій .	22	43	65
Нѣмецкій языкъ .	90	79	169
Математика . .	22	28	50
Географія . . .	32	30	62

Исторія	26	20	46
Педагогика [1]) . .	80	82	162
Итого. . .	272	282	554

Общее число педагогическихъ книгъ, изданныхъ въ Пруссіи въ 1849-мъ году, составляетъ около 50% числа всѣхъ педагогическихъ сочиненій, изданныхъ въ Германіи!

Въ 1863-мъ году отношеніе это значительно измѣняется, что видно изъ нижеслѣдующей таблички:

	Издано въ Пруссіи:	Внѣ Пруссіи:	Всего:
Законъ Божій .	14	64	78
Нѣмецкій языкъ .	53	97	150
Математика . .	8	24	32
Географія . . .	17	53	70
Исторія	26	37	63
Естеств. исторія .	5	39	44
Педагогика. . .	8	36	44
Итого . .	131	350	481

т.-е. въ Пруссіи всего издано около 27% общаго числа педагогическихъ нѣмецкихъ книгъ, причемъ бѣдность прусской литературы по нѣкоторымъ предметамъ изумительна. Школьный календарь, издаваемый въ Берлинѣ [2]), даетъ намъ возможность повѣрить педагогическія силы Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ странъ инымъ способомъ. Въ этомъ календарѣ перечислены всѣ нѣмецкія учительскія семинаріи и названы ихъ директоры. Въ календарѣ 1862-го г. перечислено 58 прусскихъ семинарій; имена директоровъ ихъ бо́льшею частью совершенно неизвѣстны въ педагогической литературѣ. Между ними встрѣчаются только Тило, написавшій исторію прусскихъ народныхъ школъ; Бокъ, о которомъ мы говорили выше; Мергетъ, извѣстный нѣкоторыми статьями по отчизновѣдѣнію, и Крюгеръ, авторъ хорошихъ учебниковъ по физикѣ. Просматривая имена директоровъ семинарій въ другихъ нѣмецкихъ странахъ, мы находимъ гораздо болѣе извѣстныхъ именъ. Напримѣръ: въ Будисинѣ (въ Саксоніи)—Дреслеръ, авторъ отличныхъ психологическихъ книгъ по системѣ Бенеке; Кюнъ въ Дрезденѣ—издатель дѣтскихъ книгъ; Эйзенлоръ въ Нюртингенѣ (въ Вюртембергѣ), составитель отличнаго руководства для разбора статей изъ книгъ для чтенія; Куртманъ въ Фридбергѣ (въ Дармштадтѣ), извѣстный своимъ руководствомъ

[1]) Въ число книгъ по педагогикѣ вошло большое количество брошюръ объ устройствѣ школъ, появившихся въ этомъ году.

[2]) Schul-Kalender, von Dr. Eduard Muchake.

въ педагогикѣ; Керейнъ въ Монтаборѣ (Нассау), написавшій хорошую книгу о стилистическихъ упражненіяхъ; Диттесъ и Карлъ Шмидтъ въ Готѣ, авторы отличныхъ педагогическихъ книгъ по теоріи и исторіи педагогики; Келлеръ, директоръ женской семинаріи въ Готѣ—одинъ изъ лучшихъ толкователей методы Фребеля; Стой, директоръ университетской семинаріи въ Іенѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, профессоръ іенскаго университета; Любенъ въ Бременѣ, педагогическія сочиненія котораго извѣстны всякому педагогу. Въ Швейцаріи также много извѣстныхъ именъ: Фрисъ, директоръ семинарій въ Кюснахтѣ; Рюеггъ, директоръ семинаріи въ Мюнхенбухзе около Берна; Фрелихъ—въ Бернѣ; Кеттигеръ — въ Веттингенѣ, стали извѣстны даже у насъ въ Россіи по статьямъ К. Д. Ушинскаго, подробно познакомившимъ съ учебными заведеніями этихъ педагоговъ.

Оппозиція противъ прусскихъ регулятивовъ явилась очень скоро послѣ ихъ изданія и высказалась различными способами. Въ литературѣ большинство независимыхъ педагогическихъ журналовъ, напр.: Paedagogisches Jahrbuch Дистервега, Rheinishe Blätter für Erziehung und Unterricht — Дистервега, Paedagogisches Jahresbericht, Наке и Любена, Allgemeine Lehrer-Zeitung и многія другія стали, болѣе или менѣе, рѣзко порицать идеи регулятивовъ. Особеннымъ одушевленіемъ отличались статьи старика Дистервега въ Paedagogisches Jahrbuch и Rheinische Blätter, въ которыхъ ежегодно, до самой смерти почтеннаго педагога, являлись горячія и остроумныя филиппики противъ прусскаго министерства [1]). Кромѣ того, нѣмецкіе учителя высказали свои мнѣнія о регулятивахъ на всеобщихъ съѣздахъ своихъ (Allgemeine deutsche Lehrerversammlung), которые съ 1848-го года почти ежегодно происходили въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ. Прусское правительство не дозволяло никакихъ педагогическихъ съѣздовъ у себя, и заявило неодобреніе тѣмъ изъ прусскихъ учителей, которые бывали на этихъ съѣздахъ. Поэтому, до 1870-го года, когда дозволенъ былъ учительскій съѣздъ въ Берлинѣ, пруссаки почти не посѣщали этихъ собраній. Мнѣ самому случилось три раза быть на этихъ съѣздахъ: въ 1861-мъ году—въ Кетенѣ, въ 1863-мъ году—въ Мангеймѣ и въ 1865-мъ году—въ Лейпцигѣ, такъ что общее направленіе педагогическихъ мнѣній большинства нѣмецкихъ учителей мнѣ извѣстно. Освобожденіе школъ отъ церковнаго надзора и всякихъ стѣснительныхъ регулятивовъ, возвышеніе уровня образованія учителей, возможная полнота общеобразовательнаго курса, безъ всякаго техническаго направленія, были всегда главными руководящими мыслями этихъ собраній. Люди, сочувствовавшіе этимъ идеямъ и читавшіе рефераты, въ которыхъ эти идеи

---

[1]) Дистервегъ издалъ, кромѣ того, отдѣльную брошюру о регулятивахъ: Die drei preussischen Regulative. 1854. Berlin.

были развиты, всегда были выслушиваемы съ восторгомъ. Вся жизнь съѣздовъ была основана на этихъ педагогическихъ стремленіяхъ и гдѣ бы ни собирался съѣздъ, какіе бы учителя въ немъ ни участвовали, вездѣ одни и тѣ же принципы свободы школы и нормальнаго развитія ея находили полное сочувствіе. Между тѣмъ съѣзды собирались въ Кетенѣ, въ Касселѣ, въ Герѣ, въ Мангеймѣ, во Франкфуртѣ, въ Лейпцигѣ, въ Гильдесгеймѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, и масса участвовавшихъ была всегда съ той мѣстности, гдѣ происходилъ съѣздъ. Несмотря на это общее направленіе основныхъ педагогическихъ принциповъ собранія были вездѣ одинаковы. Не слѣдуетъ думать, что на эти съѣзды собиралась молодежь полиберальничать; напротивъ того, главными дѣятелями собранія были почтенные старики, напр.: председатель съѣзда Теодоръ Гофманнъ, Любенъ, Шольцъ, Бертельтъ, Стой, Рике, Мейеръ, Тидеманнъ и другіе, изъ которыхъ многимъ было около 70-ти лѣтъ. На съѣздѣ въ Кетенѣ, Любенъ прочелъ отличный рефератъ о томъ, что въ семинаріяхъ не слѣдуетъ ограничивать преподаванія словесности, а Тидеманнъ изъ Гамбурга требовалъ серьезнаго преподованія исторіи въ этихъ заведеніяхъ. Въ Мангеймѣ тотъ же Любенъ говорилъ о расширеніи курса естествовѣдѣнія въ семинаріяхъ, Рике прочелъ рефератъ: Ob Denkschule oder Gedächtnisschule?—направленный противъ большого количества учебнаго матеріала, изучаемаго наизусть въ прусскихъ школахъ. Въ Лейпцигѣ читался рефератъ Вихарда Ланге: Die Bedeutung der allgemeinen deutscher Lehrer-Versammlung, въ которомъ прямо указывается на значеніе съѣздовъ для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ всѣхъ ограничивающихъ регулятивовъ. Еще болѣе значенія имѣетъ рефератъ Гофманна, также читанный въ Лейпцигѣ: Prinzipien der Schulgesetzgebung der Jetztzeit, который мы самымъ усерднымъ образомъ рекомендуемъ тѣмъ изъ педагоговъ, которымъ приходится въ настоящее время въ Россіи заниматься составленіемъ школьныхъ законовъ. Въ этой статьѣ [1]) высказываются, между прочимъ, два положенія, прямо противурѣчащія идеямъ регулятивовъ, именно: 1) Кромѣ специально педагогической подготовки, всѣ учителя должны имѣть и полное количество свѣдѣній, которое считается необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка, причемъ особеннаго вниманія заслуживаютъ свѣдѣнія по реальнымъ наукамъ и знаніе новѣйшихъ языковъ; 2) объемъ преподаванія въ народныхъ школахъ можетъ быть только ограниченъ матеріальными средствами родителей и степенью развитія душевныхъ способностей дѣтей. Гофманнъ продолжалъ свой рефератъ въ 1869-мъ году на общемъ съѣздѣ въ Берлинѣ, избравъ себѣ темою разъясненіе

---

[1]) Рефератъ напечатанъ въ Allgemeine deutsche Lehrerzeitung за 1865-й годъ.

того параграфа прусской конституціи, въ которомъ говорится: Die Wissenschaft und ihre Lehre ist frei.

Въ своей рѣчи Гофманнъ не побоялся сказать пруссакамъ въ глаза (министръ народнаго просвѣщенія и Штиль при этомъ присутствовали), что прусскіе регулятивы вредны, и выставилъ, между прочимъ, слѣдующіе тезисы: 1) всякое ограниченіе учебнаго курса въ семинаріяхъ для народныхъ учителей—вредно; 2) всякое выравниваніе методовъ преподаванія въ школахъ всего государства—вредно; 3) правительство должно установить только minimum познаній, требуемыхъ отъ школы и не должно ни въ какомъ случаѣ препятствовать расширенію курса [1]. Собраніе одобрило тезисы Гофманна, и прусскіе оффиціальные педагоги не посмѣли передъ собраніемъ учителей защищать свои регулятивы.

Въ нѣмецкой литературѣ стали появляться и отдѣльныя сочиненія и брошюры, разъясняющія вопросъ объ объемѣ преподаванія учебныхъ предметовъ въ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ 1863-мъ году явилась брошюра Карла Шмидта, автора извѣстной исторіи педагогики: Zur Reform der Lehrerseminare und der Volksschule, въ которой курсъ семинарій значительно усиленъ. Для поступленія въ семинарію, Шмидтъ требуетъ окончанія курса въ реальной школѣ (реальной гимназіи) и требуетъ въ самой семинаріи очень серьезной научной проработки учебнаго матеріала. Карлъ Шмидтъ основалъ семинарію по своему плану въ Готѣ, но смерть помѣшала ему выполнить свою программу. Любенъ, въ 1861-мъ году, издалъ учебный планъ для народныхъ школъ бременскаго округа [2], который по своей полнотѣ и истинно педагогической точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ 1867-мъ году Любеномъ изданъ планъ бременской учительской семинаріи [3], также замѣчательный по здравымъ педагогическимъ началамъ, на которыхъ онъ построенъ. Во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ объ ограниченіи курса народныхъ школъ и семинарій нѣтъ и помину; напротивъ, авторы стараются какъ можно болѣе расширить курсъ въ предѣлахъ возможнаго.

Во многихъ нѣмецкихъ странахъ изданы были въ новѣйшее время школьные законы, въ которыхъ не существуетъ вовсе ограничивающихъ началъ, составляющихъ сущность прусскихъ регулятивовъ. Къ такимъ законамъ относятся: баденскій школьный законъ 8-го марта 1868-го года, законъ для герцогства Гота отъ 1-го іюля 1863-го года,

---

[1] Allgemeine Deutsche Lehrerzeitung, 1869, стр. 227.

[2] Lehrplan für die Landschulen des Bremischen Gebiets. Leipzig, 1861.

[3] Lehrplan für das Seminar zu Bremen. 1867. Bremen.

цюрихскій школьный законъ 23-го декабря 1863-го года, бернскій — 24-го іюля 1856-го года, и законъ для герцогствъ Ангальтъ, отъ 22-го апрѣля 1850-го года [1]).

Регулятивы возбудили оппозицію и въ прусской палатѣ депутатовъ, почти тотчасъ послѣ появленія. Въ концѣ 1854-го года были поданы двѣ петиціи объ уничтоженіи регулятивовъ въ прусскую палату: депутата Гаркорта съ 18-ю другими членами палаты и 116-ю жителями Дортмунда. Петиціи были отданы на разсмотрѣніе въ коммиссію, но министерство съумѣло ихъ замять такъ, что онѣ и не попали на общее обсужденіе. Четыре года спустя, въ началѣ 1859-го года, явились снова двѣ петиціи въ палату, въ которыхъ жаловались на большое количество разныхъ стиховъ, текстовъ и т. д. заучиваемыхъ наизусть въ школахъ, и на то, что программа по закону Божьему такъ велика по регулятивамъ, что не остается времени на изученіе общеобразовательныхъ предметовъ. Министръ Бетманъ-Гольвегъ и совѣтникъ Штиль отвѣчали на эти нападки, но все-таки палата потребовала отъ министра народнаго просвѣщенія просмотра регулятивовъ и уменьшенія учебнаго матеріала, заучиваемаго наизусть. Вслѣдствіе этого 13-го ноября 1859-го года, министръ Бетманъ-Гольвегъ издалъ циркуляръ, въ которомъ онъ дѣлаетъ нѣкоторыя уступки требованіямъ общественнаго мнѣнія, именно: число церковныхъ гимновъ, заучиваемыхъ наизусть, не должно превышать 30-ти; ученики обязаны знать чтенія изъ Евангелія каждаго воскресенья, но не чтенія изъ посланій Апостоловъ; число уроковъ ариѳметики въ старшихъ классахъ семинаріи увеличено и десятичныя дроби дозволено проходить во всѣхъ семинаріяхъ. Впрочемъ, главныя основанія регулятивовъ въ этомъ циркулярѣ подтверждены и ими велѣно строго руководствоваться [2]).

Въ слѣдующую сессію палатъ снова поступило много петицій за и противъ регулятивовъ. Нѣкоторыя петиціи требовали уничтоженія регулятивовъ, говоря, что они противорѣчатъ конституціи. Палата пришла, по этому вопросу, къ слѣдующему рѣшенію: 1) Регулятивы не нарушаютъ конституціи; 2) министра народнаго просвѣщенія просятъ обратить вниманіе на количество учебнаго матеріала заучиваемаго наизусть; 3) желательно бы было, чтобы правительство представило палатѣ, въ слѣдующую же сессію, проектъ полнаго закона о школахъ, причемъ особое вниманіе должно быть обращено на усиленіе курса семинарій. На основаніи этого, министръ потребовалъ циркуляромъ (3 сент. 1860) отъ всѣхъ окружныхъ школьныхъ правленій мнѣній о томъ, слѣдуетъ ли измѣнять регулятивы, причемъ въ самомъ циркулярѣ говорится, что самъ министръ находитъ регуля-

[1]) См.: Die Schulgesetzgebung der Gegenwart, von Backhaus. Osnabrück. 1869.
[2]) Die Weiterentwickelung der drei preussische Regulative. Berlin, 1861. Стр. 5.

тивы удовлетворительными [1]). Отзывы окружныхъ правленій конечно оказались въ пользу министра, такъ какъ изъ этихъ правленій уже предварительно были удалены всѣ противники регулятивовъ. Кромѣ того, министръ самъ съѣздилъ осмотрѣть нѣкоторыя семинаріи. Собравъ эти данныя, министръ издалъ подробную записку [2]), въ которой снова выставляются всякіе недостатки прусскихъ дорегулятивныхъ школъ (повтореніе прежнихъ нападокъ) и восхваляются теперешнія школы и семинаріи, причемъ приведены большія выписки изъ мнѣній лицъ, сочувствовавшихъ регулятивамъ. Въ концѣ концовъ однако число заучиваемыхъ псалмовъ, нужныхъ для поступленія въ семинарію, еще немного уменьшено. 16-го февраля 1861-го года Дистервегъ, какъ членъ палаты депутатовъ, обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ требованіемъ, указать подробно источники, откуда взяты имъ нападки на дорегулятивныя школы. Пользуясь этимъ случаемъ, Дистервегъ произнесъ въ палатѣ прекрасную, полную воодушевленія рѣчь въ защиту прежнихъ школъ, доказывая, что теперь школы въ Пруссіи упали [3]). Палата господъ съ своей стороны, еще въ 1859-мъ году, одобрила мысль о регулятивѣ и апплодировала рѣчи тайнаго совѣтника Сталя, который восхвалялъ принципы регулятивовъ. Чтобы дать понятіе объ этой рѣчи, стóитъ привести одно разсужденіе ея. Оправдывая отсутствіе психологіи и педагогики въ прусскихъ семинаріяхъ, Сталь говоритъ: „Точно такъ было бы неумѣстно учить полковыхъ музыкантовъ — генералъ-басу и унтеръ-офицеровъ тактикѣ и стратегіи; они все-таки ничего толковаго не произвели бы." Прусскіе юнкера, засѣдающіе въ палатѣ господъ, отлично поняли значеніе регулятивовъ для дворянства, такъ какъ ограничивающіе принципы регулятивовъ давали имъ возможность сдѣлаться господствующимъ сословіемъ въ странѣ.

Уступая поневолѣ общественному мнѣнію, министръ Бетманъ-Гольвегъ, циркуляромъ отъ 16-го февр. 1861-го года, еще болѣе уменьшилъ количество духовныхъ стиховъ, заучиваніе которыхъ требовалось для поступленія въ семинарію, увеличилъ число уроковъ рисованія, математики, географіи и естественной исторіи въ семинаріяхъ и дозволилъ семинаристамъ читать нѣкоторыя сочиненія Шиллера и Гёте, напр., „Вильгельмъ Тель" и „Германъ и Доротея". 24-го марта 1863-го года, въ палатѣ депутатовъ снова былъ поднятъ вопросъ о школьномъ законѣ, отъ котораго правительство отклонялось. Палата при этомъ заявила, между прочимъ, слѣдующіе принципы, которыми правительство должно руководиться при составленіи закона о школахъ: 1) при

---

[1]) Weiterentwickelung der drei preussische Regulative. 1861, стр. 18.

[2]) Denkschrift etc. Centralblatt für die gesammte Unterrichtsverwaltung in Preussen. 1861, стр. 143—179.

[3]) Paedagogisches Jahrbuch за 1863, стр. 97.

пріемѣ въ семинарію слѣдуетъ требовать болѣе серьезнаго экзамена; 2) курсъ семинарій и народныхъ школъ не слѣдуетъ стѣснять никакими регулятивами; 3) семинаріи не должны быть непремѣнно интернатами и нѣтъ необходимости ихъ помѣщать только въ маленькихъ городахъ; 4) народнымъ учителямъ должна быть дана возможность держать экзаменъ для полученія мѣстъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ; 5) надзоръ за школами не долженъ быть непремѣнно поручаемъ духовнымъ лицамъ [1]). Правительство нашло невозможнымъ исполнить эти требованія, и школьнаго закона, до сихъ поръ, въ Пруссіи нѣтъ.

Подробно разсмотрѣвъ исторію прусскаго министерства народнаго просвѣщенія за послѣдніе годы, мы видимъ, что особенно восхищаться прусскими народными школами и учительскими семинаріями нельзя. Трудно не согласиться съ тѣмъ, что прусскіе регулятивы 1854-го года значительно остановили дѣло народнаго образованія въ Пруссіи, между тѣмъ какъ школьное дѣло въ другихъ нѣмецкихъ странахъ сильно подвинулось впередъ. Высказывая это положеніе, невольно думаешь объ одномъ недоумѣніи, которое можетъ возникнуть у людей, мало знакомыхъ съ педагогическимъ дѣломъ. Намъ могутъ возразить: отчего же Пруссія заняла такое блестящее положеніе съ 1866-го года? отчего же армія ея оказалась наилучшею въ Европѣ? развѣ состояніе народныхъ школъ не имѣло вліянія на возрастающее могущество этой страны? Это возраженіе очень серьезно и категорически опровергнуть его теперь нѣтъ возможности, такъ какъ только современемъ можно будетъ безпристрастно обсудить великія событія, совершившіяся въ Европѣ съ 1866-го года. Одно только можно сказать съ полною увѣренностью, именно, что ретроградное направленіе регулятивовъ нисколько не способствовало могуществу Пруссіи. Для того, чтобы привлечь къ себѣ умы въ Германіи, Пруссія выставила на видъ не тѣ странныя мысли о невозможности прогресса и необходимости ретрограднаго движенія, которыя высказаны въ регулятивахъ, а мысли о соединеніи всѣхъ нѣмцевъ въ одно цѣлое, объ общемъ прогрессѣ всей Германіи, однимъ словомъ такія мысли, которыя не имѣютъ ничего общаго съ основными идеями регулятивовъ. Если съ 1866-го года оппозиція противъ регулятивовъ стала не такъ замѣтна, то это произошло отъ двухъ причинъ: во-1-хъ) некогда было этимъ заниматься, во-2-хъ) прусское министерство сдѣлало, какъ мы видѣли, нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію, и нѣмцы надѣются на то, что уступки эти будутъ еще значительнѣе. Пруссаки оказались отличными солдатами, но и другіе

[1]) Die Gesetzgesung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen. Berlin 1869, стр. 276.

нѣмцы вели себя въ послѣднюю войну не хуже пруссаковъ, такъ что изъ успѣховъ нѣмецкой арміи можно вывести только общее заключеніе о развитости нѣмцевъ, а не превосходство регулятивныхъ школъ. То обстоятельство, что саксонцы, ганноверцы и другіе нѣмцы были побѣждены въ 1866-мъ году пруссаками, теперь нельзя объяснить вліяніемъ регулятивовъ, такъ какъ въ Саксоніи и Ганноверѣ приняли также въ руководство прусскіе школьные регулятивы, и у нихъ школы были не лучше прусскихъ. Мы не смѣемъ впрочемъ и утверждать, что прусскія народныя школы совершенно плохи, такъ какъ значительные успѣхи ихъ отъ начала нашего столѣтія до 50-хъ годовъ не могли уничтожиться и продолжаютъ имѣть вліяніе на нихъ; мы только твердо увѣрены въ томъ, что прусское министерство своими регулятивами остановило дѣло народнаго образованія въ странѣ и что прусскія школы были бы еще лучше, если бы дѣйствія министерства всегда основывались на строго педагогическихъ началахъ.

Какія же полезныя данныя относительно устройства русскихъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій можно вывести изъ исторіи прусскихъ регулятивовъ? Къ счастью нашему, многія темныя стороны этихъ регулятивовъ для насъ интересны только исторически, и къ русскимъ школамъ примѣнены никогда не будутъ. Тяжелое вліяніе лютеранской церкви на нѣмецкія народныя школы не можетъ повториться въ Россіи, гдѣ православное духовенство, къ чести своей, признаетъ школьное дѣло дѣломъ спеціальнымъ, не исключительно церковнымъ, и само вводитъ педагогическія начала въ духовныя училища.

Въ проектѣ положенія о городскихъ училищахъ и учительскихъ семинарій, представляемымъ нынѣ на утвержденіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, вліяніе регулятивовъ высказалось только отчасти. Въ объяснительной запискѣ очень правильно выставлены преимущества прусскаго школьнаго устройства, и общія основанія курса и метода преподаванія нашихъ будущихъ городскихъ училищъ основаны на педагогическихъ началахъ. Точно также хорошъ въ главныхъ основаніяхъ и проектъ учительскихъ институтовъ, но все-таки въ обоихъ проектахъ есть нѣсколько положеній, напоминающихъ намъ прусскіе регулятивы. Въ проектѣ городскихъ училищъ поражаетъ желаніе дать профессіональный характеръ высшему курсу этихъ училищъ [1]), доходящее до обученія мастерствамъ. Это направленіе въ нашемъ проектѣ еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ прусскихъ регулятивахъ и даже противорѣчитъ заявленіямъ, высказаннымъ въ той же запискѣ, гдѣ на стр. 35-й сказано, что *„преподаваніе различныхъ дополнительныхъ промышленныхъ курсовъ въ бюргерскихъ училищахъ въ Германіи*

[1]) См. Объяснительныя записки къ проектамъ, стр. 40, 46, 47.

оказалось совершенно безполезнымъ". Для чего же его вводить у насъ? Правда, особыхъ прикладныхъ курсовъ у насъ не полагается, а, какъ сказано на стр. 46-й записки, „*преподаваніе геометріи, ариөметики и естествовѣдѣнія принимаетъ профессіональный характеръ*", причемъ приведены и примѣры, какъ-то, составленіе плановъ, веденіе приходо-расходныхъ книгъ, знакомство съ полезными и вредными животными и растеніями и т. д. Никто не можетъ отрицать пользы этихъ свѣдѣній и даже возможности ввести въ общеобразовательный курсъ нѣкоторыя изъ этихъ практическихъ познаній. Всякій разумный учитель разъяснитъ ученикамъ, насколько возможно, тѣ производства или тѣ естественныя произведенія, которыя знакомы дѣтямъ изъ практической жизни, такъ какъ одно изъ первыхъ основаній обученія въ элементарныхъ школахъ есть наглядность, а что́ же можетъ быть разъяснено нагляднѣе, какъ, напримѣръ, производство льна въ Псковской губерніи, или строеніе мѣстныхъ рыбъ на Волгѣ? Черченіе плановъ и т. п. практическія примѣненія геометріи могутъ, безъ всякаго сомнѣнія, служить отличнымъ умственнымъ упражненіемъ по прохожденіи самого курса. Но слѣдуетъ рѣзко отличать полезную, педагогическую сторону этихъ прикладныхъ свѣдѣній отъ профессіональной стороны ихъ. Основываясь на психологическихъ началахъ, дидактика ищетъ во всѣхъ свѣдѣніяхъ только одного, именно общаго развитія душевныхъ силъ ребенка и пользуется прикладными знаніями, если они могутъ образовать въ душѣ ученика болѣе прочныя разумныя ассоціаціи. Профессіональное направленіе предполагаетъ совершенно другое, именно образованіе *навыковъ*, которые могутъ образоваться только отъ частаго повторенія извѣстнаго дѣйствія. Поэтому, въ хорошо устроенной школѣ учитель объяснитъ дѣтямъ какъ снимать планы и даже задастъ имъ такую съемку въ видѣ упражненія; онъ укажетъ имъ на полезныя и вредныя животныя и растенія, но онъ не будетъ добиваться того, чтобы дѣти дѣйствительно могли хорошо чертить планъ, или узнавали всякое полезное или вредное растеніе, потому что для этого необходимы многочисленныя упражненія, развивающія не умъ ребенка и извѣстные нервы его. Итакъ, въ сущности, прикладныхъ свѣдѣній изъ хорошихъ школъ дѣти вынесутъ не мало, такъ какъ они будутъ толково понимать многое изъ окружающей природы и изъ мѣстныхъ производствъ, но „привычекъ", относящихся къ этимъ свѣдѣніямъ, они не вынесутъ; ихъ должна дать сама жизнь, которая требуетъ этихъ привычекъ для практическаго исполненія какого-нибудь дѣла. Столяръ, принимающій подмастерья, болѣе дорожитъ его навыкомъ къ употребленію инструментовъ, чѣмъ познаніями въ начертательной геометріи, и эти познанія могутъ получить только тогда примѣненіе, когда подмастерье пріобрѣтетъ и навыки, относящіеся къ ремеслу. Школа можетъ много помочь относительно пріобрѣтенія свѣдѣ-

ній; но она совершенно безсильна для передачи навыковъ, и связывать со школою обученіе мастерствамъ есть дѣло пустое, нестоющее трудовъ. Намъ кажется, по общему тону проекта и записки, что министерство понимаетъ, такъ какъ слѣдуетъ, вопросъ о прикладныхъ свѣдѣніяхъ и упоминаетъ о нихъ, не придавая имъ смысла ограничивающаго начала. Такъ понимаютъ этотъ вопросъ и всѣ разумные педагоги, и ни въ одной хорошей школѣ въ Германіи нѣтъ чисто практическаго курса; даже въ Пруссіи, несмотря на регулятивы, практическое направленіе не привилось: никакихъ учебниковъ, сколько-нибудь сносныхъ, съ такимъ направленіемъ нѣтъ, ни одинъ педагогъ не писалъ програмъ съ прикладными цѣлями. Желательно, чтобы въ проектѣ разъяснили это недоразумѣніе и не такъ напирали на профессіональный характеръ, тѣмъ болѣе, что это останется только пустымъ словомъ; и дѣйствительно, профессіональный характеръ школы наши не могутъ получить по недостатку учителей, къ этому дѣлу приготовленныхъ, и по невозможности приготовить ихъ для подобнаго преподаванія.

Въ положеніи объ учительскихъ институтахъ насъ радуетъ широкая программа курса, далеко превышающая программу прусскихъ семинарій, и серьезныя требованія отъ поступающихъ въ семинарія. О вступительномъ экзаменѣ сказано, правда, глухо, но такъ какъ только окончившіе курсъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ освобождаются отъ экзамена, то слѣдуетъ предположить, что для поступленія въ семинарію потребуютъ серьезныхъ свѣдѣній. Не рѣшаемся здѣсь наскоро, въ концѣ статьи, высказать тѣ замѣчанія, которыя можно сдѣлать относительно проекта учительскихъ институтовъ, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ большую важность и можетъ составить предметъ особой статьи, въ которой мы постараемся ознакомить читателей съ главными педагогическими основаніями, которыми слѣдуетъ руководствоваться при устройствѣ разсадниковъ будущихъ учителей. Мы твердо надѣемся, что наше министерство народнаго просвѣщенія, при рѣшеніи вопроса о городскихъ училищахъ и учительскихъ институтахъ, отрѣшится отъ всѣхъ соображеній, не имѣющихъ педагогическаго характера и не будетъ стараться возобновить у насъ, въ Россіи, отжившіе прусскіе регулятивы.

К. Сентъ-Илеръ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря, 1871-го г.

Конецъ года и десятилѣтія. — Эпидемія слуховъ и ея источники. — Современные политическіе типы и идеалы. — Общеобязательная воинская повинность и русскіе евреи. — Примѣръ другихъ государствъ и служебное положеніе магометанъ. — Труды коммиссіи по вопросу о личномъ наймѣ: проектъ устава и его главные пробѣлы.

Нынѣшнимъ годомъ заключается десятилѣтіе той эпохи, которая навсегда останется памятною въ нашей исторіи, какъ рядъ реформъ, полагавшихъ, одна за другою, новыя основы русскому общественному и государственному быту. На долю современнаго поколѣнія досталось быть сѣятелемъ, а свидѣтелемъ — удастся ему быть развѣ всходовъ посѣяннаго; вотъ почему и въ данную минуту насъ можетъ интересовать одинъ вопросъ: достаточно ли въ общественномъ воздухѣ тепла, и возвращаются ли къ намъ холода въ видѣ однихъ утренниковъ, говорящихъ только о близости недавно покинутой зимы, или мы совсѣмъ ошиблись во времени года? На всѣ эти метафорическіе вопросы въ обществѣ ходили и ходятъ самые разнообразные отвѣты, начиная отъ крайне пессимистическихъ и кончая оптимистическими. Между тѣмъ, правильное пониманіе характера своей эпохи имѣетъ несомнѣнную важность для успѣховъ самой общественной жизни, или поддерживая энергію, предпріимчивость, или на оборотъ, порождая апатію, колебля довѣріе къ собственнымъ силамъ, и притомъ именно въ такую эпоху, когда обществу нужна вся его энергія, когда довѣріе къ себѣ составляетъ само половину сдѣланнаго дѣла. Вотъ почему, при вступленіи въ новое десятилѣтіе реформъ, необходимо изслѣдовать, насколько основателенъ скептицизмъ нашего общества, который въ нынѣшнемъ году какъ нарочно началъ проявляться съ особенною силою и одерживалъ явно перевѣсъ надъ оптимизмомъ недавняго времени. Не должны ли мы отказаться отъ такого скептицизма, если, поднявшись надъ отрывочными впечатлѣніями послѣдняго дня, послѣдней минуты, на высоту цѣлаго прожитаго нами періода, мы

сравнимъ отношеніе настоящаго момента къ тому моменту, который мы переживали въ 1856-мъ году, окончивъ борьбу съ внѣшнимъ врагомъ и напавъ съ ожесточеніемъ на его союзниковъ — наше собственное невѣжество, неустройство. То былъ одинъ изъ рѣшительныхъ моментовъ, которые въ жизни народовъ служатъ поворотными пунктами, когда существенное измѣненіе прежней системы представляется необходимымъ, хотя бы такая необходимость вовсе и не была предъявляема въ видѣ ясно формулированныхъ требованій съ какой-либо стороны. Бываютъ же такіе моменты тогда, когда потребность измѣненій въ прежней системѣ возстаетъ внезапно въ общемъ сознаніи и правительства и общества, съ силою тѣмъ болѣе неотразимою, что это есть сила самихъ обстоятельствъ, такихъ обстоятельствъ, въ смыслѣ которыхъ сомнѣваться нельзя, и притомъ обстоятельствъ неожиданныхъ, которыя вдругъ ставятъ государство въ тяжелое положеніе и ярко освѣщаютъ предъ лицомъ его полную несостоятельность той системы, какой держались до того времени. Впродолженіи долгаго періода всѣ силы государства были направлены къ одной какой-нибудь главной цѣли, всѣ функціи его внутренней жизни были приноровляемы къ достиженію этой цѣли, и вдругъ оказывается самымъ несомнѣннымъ образомъ, что не только все, пожертвованное доселѣ этой одной цѣли прежнею системой, истощило государство, привело въ запущеніе самые источники его силъ, но даже и самая цѣль, которая главнымъ образомъ имѣлась въ виду, — прежнимъ путемъ, при сохраненіи прежней системы, достигнута быть не можетъ; однимъ словомъ, обнаруживается полная несостоятельность прежней системы; безсиліе ея къ достиженію даже собственныхъ ея цѣлей доказываетъ самымъ неоспоримымъ образомъ, что долѣе слѣдовать ей нельзя, что она не ведетъ никуда, даже и туда, куда разсчитывала привести государство, что она въ дѣйствительности безплодна и безцѣльна.

Послѣ такихъ моментовъ, кризисовъ, и происходитъ спасительный поворотъ, если только въ государствѣ есть крѣпкая власть, и притомъ способная измѣнить прежнюю систему, или лучше сказать, способная освободиться отъ прежняго преданія. Бываетъ это не всегда. Бурбоны, во второй разъ возвращенные во Францію, послѣ двукратнаго крушенія, вновь возстановляютъ неизмѣнную свою традицію и вызываютъ третій кризисъ. Папа Пій IX, лишась части своихъ областей вслѣдствіе упорства въ традиціи, провозглашаетъ принципомъ невозможность измѣненій: non possumus! Но исторія представляетъ и иные примѣры. Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III послѣ наполеоновскаго погрома, убѣдясь, что причиною безсилія Пруссіи было именно коснѣніе въ традиціи, обращается къ реформамъ, которыя глубоко захватили всю жизнь государства, обновили его и стали источникомъ невѣдомаго дотолѣ могущества. Нельзя не признать, что

и австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ съумѣлъ освободиться отъ прежнихъ традицій вслѣдствіе катастрофы 1866-го года.

Съ этими примѣрами намъ утѣшительно сравнить свой примѣръ, примѣръ Россіи. Утѣшительно—говоримъ мы—потому что Россія уроками 1853—1856 годовъ съумѣла воспользоваться, пожалуй, даже въ бо́льшей степени, чѣмъ Пруссія 1807-го и Австрія 1859-го года воспользовались своими уроками. Въ самомъ дѣлѣ, наше пораженіе не было уже такъ велико, какъ были ихъ пораженія, а между тѣмъ, у насъ произошла такая перемѣна системы, которую слѣдуетъ признать переходомъ отъ полнаго застоя къ измѣненію не только формъ администраціи, но и самыхъ условій общественнаго быта, не только политическаго направленія, но и экономической и гражданской жизни страны. Такой переходъ и былъ возможенъ только потому, конечно, что сама правительственная мысль уже носила въ себѣ первоначально, и независимо отъ претерпѣннаго нами пораженія, убѣжденіе въ необходимости измѣнить систему, обратиться отъ застоя къ обширнымъ реформамъ. Объясняя себѣ происхожденіе у насъ реформъ такимъ образомъ—а иначе и объяснять нельзя—мы тѣмъ болѣе вправѣ считать ихъ поставленными твердо и безповоротно. Если реформы наши истекли изъ внутренняго убѣжденія, даже независимо отъ нашей военной неудачи, то тѣмъ тверже поставленнымъ слѣдуетъ считать у насъ дѣло реформъ, тѣмъ менѣе мыслимо у насъ въ отношеніи ихъ то, что называютъ «реакціею». Фактъ же печальнаго исхода прежней системы, фактъ нашего пораженія въ Крыму остается въ нашей памяти не какъ необходимое ручательство противъ реакціи въ реформахъ, а только какъ напоминаніе о томъ, куда, въ какое безвыходное и безплодное положеніе вела бы насъ вновь подобная реакція, если бы она когда-либо была у насъ возможна.

Все это — скажутъ намъ — такъ, но откуда же тогда вся эта эпидемія тревожныхъ слуховъ, недоумѣній, а порою и опасеній? Житель столицы, пожалуй, не ограничится такимъ указаніемъ на слухи и приведетъ имена въ отвѣтъ на юридическую формулу—cui prodest. Нѣтъ никакой возможности отрицать самое существованіе слуховъ, какъ говорится, о «предстоящей реакціи»; иногда они какъ бы замираютъ на нѣкоторое время, но при малѣйшемъ случаѣ, не скажемъ даже благопріятномъ, а только удобномъ — тотчасъ распространяются во всевозможныхъ видахъ, съ нѣкоторою заразительностью и, къ немалому испугу людей, въ которыхъ времена старыя, ими прожитыя, не только оставили достаточное о себѣ воспоминаніе, но и развили нѣкоторую нервность, неувѣренность въ прочность земныхъ благъ.

Что подобные слухи періодически распространяются въ Петербургѣ и, притомъ, иногда весьма настойчиво указываютъ на одно и то же— это фактъ несомнѣнный, хотя по свойству своему какъ-бы неуловимый.

Прошлый мѣсяцъ, напримѣръ, симптомы этой самой эпидеміи обнаружились съ особенною силою и притомъ въ формѣ слуховъ о разныхъ предстоящихъ, будто бы, перемѣнахъ въ одной изъ драгоцѣннѣйшихъ нашихъ реформъ, а именно, въ устройствѣ судебной части. Безполезно было бы записывать сюда всѣ эти слухи, тѣмъ болѣе, что мы не придаемъ имъ буквальнаго значенія, а видимъ въ нихъ именно только симптомъ. Но, для характеристики, можно привести одинъ примѣръ; такъ толковали, между прочимъ, будто «предполагается» нанести независимости суда сильный ударъ совершеннымъ уничтоженіемъ независимости сословія присяжныхъ повѣренныхъ; что присяжные повѣренные будутъ обращены въ обыкновенныхъ коронныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ администраціею. Если бы мы видѣли долю правдоподобности въ этомъ слухѣ. то, конечно, сочли бы долгомъ доказывать всю невѣроятность мысли о такомъ судебномъ устройствѣ, въ которомъ частныя лица, для защиты передъ судомъ, могли бы обращаться только къ правительственнымъ агентамъ. По этому одному примѣру можно судить, до чего способны доходить иногда тѣ опасливые толки, которые занимаютъ наше общество. Нѣкоторые подобные слухи относительно нашихъ судебныхъ учрежденій проникли и въ печать; одна газета признала необходимымъ защищать ихъ неприкосновенность противъ предполагаемыхъ намѣреній исказить ихъ; другая газета сообщила даже, будто нынѣшній министръ юстиціи выходитъ въ отставку, такъ что уже не только петербургскимъ, но и провинціальнымъ жителямъ могло придти въ мысль, что, должно быть, все-таки „что-то неладно".

Вообще, надо замѣтить, что пессимистскіе слухи всего чаще касаются именно реформы судебной; здѣсь они настойчиво возобновляются даже и безъ всякаго удобнаго случая. Такъ, напримѣръ, по поводу политическаго процесса нынѣшнимъ лѣтомъ, распрόстранился-было даже такой слухъ, что всѣхъ адвокатовъ вышлютъ административнымъ порядкомъ. Теперь, когда дѣло уже сдано въ архивъ, и адвокаты, разумѣется, не высланы, тотъ слухъ и самимъ пессимистамъ представляется нелѣпымъ. Правда, подобные слухи въ оправданіе своей нелѣпости всегда имѣютъ привычку ссылаться на то, что еще существуетъ порядокъ административной высылки, и никто не въ правѣ безусловно утверждать, что этотъ порядокъ непримѣнимъ къ нему. Но вѣдь есть же во всемъ modus in rebus, и едва ли возможно видѣть въ административной высылкѣ какъ-бы неизбѣжный коррективъ всякой реформы и ожидать, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ судебной реформы будетъ высылка адвокатовъ, единственнымъ послѣдствіемъ свободы печати будетъ высылка писателей, а неминуемымъ результатомъ всеобщей воинской повинности высылка всѣхъ людей первыхъ годичныхъ контингентовъ въ отдаленнѣйшіе военные округа.

Такой взглядъ ведетъ прямо къ абсурду, совершенно даромъ тревожитъ общество, и безъ того склонное къ апатіи, и парализируетъ его силы; вотъ почему на печати лежитъ обязанность бороться съ такими слухами и указывать на ихъ сомнительный источникъ.

Понятно впрочемъ, почему пессимистскіе толки обращаются преимущественно именно противъ судебной реформы. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ реформъ эта одна создала у насъ власть самостоятельную по отношенію къ администраціи. Правда, перемѣщеніе судей на высшія должности и ходатайство о дарованіи имъ почетныхъ наградъ зависать-таки отъ администраціи. Но все же суды не то, что земскія собранія, которыя постановляютъ рѣшенія подъ контролемъ губернаторовъ, и не то, что печать, которая никакихъ рѣшеній не постановляетъ, и легко призывается къ осторожности извѣстнымъ средствомъ, которое такъ и называется предостереженіемъ. Судъ самъ рѣшаетъ свои вопросы, между прочимъ и вопросъ объ осторожности; онъ самъ опредѣляетъ ея мѣру и рѣшаетъ все по совѣсти своей; даже, поступая въ духѣ „Наказа" Екатерины, судъ оставляетъ иногда хотя бы совсѣмъ безъ кары само преступленіе, если оно ничѣмъ не доказано передъ закономъ,—а для суда нѣтъ подозрѣній. Понятно, говоримъ мы, что пессимисты, въ которыхъ еще преобладаетъ прежнее преданіе, которые забываютъ, что прежде чѣмъ дана была реформа, было устранено, осуждено это прежнее преданіе, всего чаще обрушиваются со своими опасеніями именно на судебную реформу. Она-то и есть тотъ устой, тотъ ледорѣзъ, о который должны разбиться преданія бюрократическаго произвола, остатки, обломки того льда, который сокрушенъ державной волею. Она-то и есть тотъ пробный камень, который покажетъ, что такое всѣ наши реформы — серебро или посеребренная мѣдь. Мы вѣримъ, что устоитъ ледорѣзъ, а разобьются льдины, такъ какъ мы вѣримъ, что исторія развитія народовъ не есть безвыходный непреложный круговоротъ временъ года. Въ исторіи весна уже не смѣняется вновь зимою, хотя ходъ ея и задерживается порою заморозками. Но эти задержки только губятъ иные новые ростки, а уже не могутъ возвратить зиму, съ ея мертвенной тишиною, съ ея спокойнымъ оцѣпенѣніемъ.

Реакція! Съ какой стати у насъ произошла бы реакція въ дѣлѣ реформъ? Развѣ онѣ были навязаны кѣмъ-либо правительству, развѣ оно было принуждено дать ихъ противъ своей воли? Понятна реакція тамъ, гдѣ было именно такъ и гдѣ правительство, пользуясь удобнымъ моментомъ, возвратившимъ ему силу, беретъ назадъ вынужденныя уступки и тѣмъ наноситъ пораженіе своимъ противникамъ. И то не приводитъ къ добру, но имѣетъ по крайней мѣрѣ смыслъ. А у насъ, какой же смыслъ имѣла бы систематическая реакція, кому нанесла бы она пораженіе? Вѣдь нельзя же предполагать, чтобы правительство

желало одержать побѣду надъ собственными своими мыслями. Мы предвидимъ, что въ умѣ иного читателя можетъ, при обсужденіи этихъ нашихъ словъ, возникнуть воспоминаніе о какой-либо строгой мѣрѣ, принятой въ теченіи минувшаго десятилѣтія, и что въ этой строгой мѣрѣ онъ, пожалуй, усмотритъ противорѣчіе нашимъ словамъ и насъ самихъ заподозритъ въ оптимизмѣ. Мы и не намѣрены отрицать, что среди совершавшихся реформъ иногда принималась какая-либо отдѣльная мѣра, которая казалась неожиданно-строгою. Но мы отрицаемъ, чтобы въ которой-либо изъ этихъ мѣръ, или хотя въ совокупности ихъ можно было усмотрѣть *реакцію въ дѣлѣ реформъ*. Неожиданно строгія мѣры можно указать не только въ теченіи какихъ-либо четырехъ-пяти послѣднихъ лѣтъ, но съ самаго же 1861-го года, то-есть съ самаго начала эры реформъ. А между тѣмъ, реформы продолжались: въ 1862-мъ году были обнародованы главныя начала судебной реформы; въ 1863-мъ году отмѣнены тѣлесныя наказанія; въ 1864-мъ году изданы положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и судебные уставы, и положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ и новый уставъ гимназій; въ 1865-мъ году освобождена отъ предварительной цензуры печать; въ 1866-мъ году судебныя учрежденія были приведены въ дѣйствіе, а крестьянская реформа получила новыя обширныя примѣненія; въ 1867-мъ году были введены начала судебной реформы въ военное и морское вѣдомства и сдѣлано нѣсколько преобразованій по военному вѣдомству; въ 1868-мъ году былъ изданъ новый таможенный тарифъ и военные судебные уставы; въ 1869-мъ году отмѣнена наслѣдственность духовнаго и замкнутость казачьяго сословія; въ 1870-мъ году издано новое городовое положеніе.

Съ котораго же года началась, послѣ этого, у насъ реакція въ дѣлѣ реформъ, если она началась? Нѣтъ основанія сказать, что вотъ до такого-то года продолжались реформы, а съ такого-то года началась по отношенію къ нимъ реакція. Не трудно, конечно, указать на какую-нибудь мѣру строгости, хотя бы въ 1870-мъ или 1869-мъ году; но почему же слѣдуетъ останавливаться на нихъ, а не идти далѣе, къ 1866-му году, или еще къ 1862-му году, а припомнивъ хорошенько— еще и къ самому 1861-му году, въ которомъ также не трудно найти какую-либо мѣру строгости. Но въ такомъ случаѣ, когда же была собственно наша эра реформъ? Колебанія, дѣйствительно, были, но мы видимъ, что реформы продолжались во всѣ послѣдующіе года и не видимъ рѣшительно никакого повода думать, что правительство могло доселѣ или желаетъ впредь отказаться отъ продолженія дѣла реформъ.

А въ этомъ и все дѣло, потому что реакція означаетъ именно перемѣну *намѣренія*. Приведенный непрерывный рядъ реформъ доказываетъ, что намѣреніе правительства доселѣ не измѣнялось. Намъ

могутъ возразить, что одной изъ первыхъ реформъ, предпринятыхъ правительствомъ, было дарованіе отдѣльнаго законодательнаго учрежденія царству польскому, и предоставленіе польскому краю автономіи въ управленіи; а потомъ эта мысль была оставлена. Но извѣстно, что здѣсь правительство, встрѣтивъ возстаніе, признало свой опытъ неудавшимся и должно было перемѣнить намѣреніе. Что здѣсь перемѣна намѣреній правительства зависѣла именно отъ возстанія, а не отъ перемѣны въ общихъ убѣжденіяхъ правительства, доказывается уже тѣмъ, что въ томъ же 1863-мъ году, когда польское возстаніе еще продолжалось, былъ впервые созванъ сеймъ финляндскій, который не созывался передъ тѣмъ ни разу съ самаго присоединенія Финляндіи къ Россіи. И въ настоящее время, финляндскій сеймъ созванъ во второй разъ, а именно на 20-е января будущаго года. Но если польское возстаніе не помѣшало даже созванію сейма на другой окраинѣ же, то почему же оно могло бы положить конецъ реформамъ въ Россіи? Въ дѣйствительности оно этого и не сдѣлало, и всѣ наши главнѣйшія реформы, кромѣ крестьянской, мы и получили уже послѣ польскаго возстанія, каково бы ни было впечатлѣніе, произведенное этимъ возстаніемъ на наше правительство и въ особенности на наше общество.

Изъ этого взгляда на пройденное нами поприще явствуетъ одинъ несомнѣнный выводъ, именно, что минутныя колебанія, возможныя вообще при переходной системѣ, и отдѣльныя мѣры, въ которыхъ проявлялась строгость неожиданная, вызванная иногда быть можетъ и излишнею опасливостью — одно дѣло; а реакція сознательная и систематическая въ смыслѣ искаженія реформъ, преграждения имъ дальнѣйшаго пути или возвращенія къ чему-либо похожему на прежніе порядки, то-есть, именно то, о чемъ толкуютъ пессимисты — дѣло совсѣмъ иное. Но напрасно какіе-нибудь реакціонеры по профессіи стали бы толковать, что коснуться судебной реформы значитъ только не болѣе какъ предпринять одну отдѣльную мѣру строгости, въ дополненіе прежде въ разное время принятыхъ. Это было бы самое коварное, намѣренное смѣшеніе понятій, это былъ бы обманъ, который правительство съумѣло бы проникнуть лучше чѣмъ кто-либо, потому что ему лучше всѣхъ извѣстенъ смыслъ его собственныхъ намѣреній. Лучше чѣмъ кто-либо оно само знаетъ, какая есть разница между отдѣльною мѣрой строгости и намѣреніемъ исказить, сломать имъ сдѣланное, коснуться той задачи, какую правительство себѣ избрало въ русской исторіи, поднять руку на ту славу, которая окружаетъ дѣло реформы — бывшей *его дѣломъ*.

Да, дѣло реформы въ Россіи это и есть его дѣло, повторимъ мы, и отбросимъ всякія опасенія за прочность, неприкосновенность имъ сдѣланнаго. Тѣмъ не менѣе самый фактъ, что порою распространяются зловѣщіе слухи, все-таки остается. Какъ же объяснить себѣ такой

фактъ? Что подобные слухи находятъ еще нѣкоторую вѣру въ обществѣ, это объясняется тою исторически-сложившеюся у насъ неувѣренностью въ „прочности благъ земныхъ", о которой уже сказано выше. Но какъ объяснить себѣ, что такіе слухи *возникаютъ*? Эти слухи возникаютъ конечно тамъ же, гдѣ возникаютъ вообще всѣ наши слухи; они не возникаютъ ни въ правительствѣ, которое считаетъ себя справедливо творцомъ реформъ, ни въ обществѣ, въ пользу котораго онѣ сдѣланы; настоящимъ мѣстомъ рожденія ихъ надобно считать наше многочисленное административное сословіе. Конечно, по смыслу нашихъ законовъ, въ Россіи существуютъ только правительство и подданные, состоящіе въ непосредственномъ отношеніи другъ къ другу; кромѣ этихъ двухъ факторовъ не существуетъ третьяго фактора, и административное сословіе является только органомъ власти, неимѣющемъ собственной жизни, своихъ особыхъ интересовъ и своихъ отдѣльныхъ убѣжденій. Но на самомъ дѣлѣ, такое прямое отношеніе между правительствомъ и подданными не можетъ практиковаться у насъ, и все огромное разстояніе, отдѣляющее простого подданнаго отъ верховной власти наполняется многочисленнымъ административнымъ сословіемъ, которое не по закону конечно, но силою вещей, получаетъ значеніе какъ-бы фактора въ государствѣ, по силѣ вещей становится организмомъ, выработывающимъ извѣстныя особыя отправленія, считающимъ одно выгоднымъ, другое невыгоднымъ для себя [1]).

Но этотъ организмъ волею-неволею имѣетъ свои корни въ обществѣ, власть же свою заимствуетъ отъ правительства, потому въ немъ и можетъ проявляться жизнь искусственная, несолидарная съ общею дѣйствительною жизнью государства и двумя ея факторами. Говоря такъ, мы не хотимъ сдѣлать какой-либо упрекъ всей совокупности административнаго сословія. Это было бы невозможно уже по самой разнохарактерности административнаго сословія вообще и нашего въ особенности. Самое осуществленіе нашихъ реформъ показываетъ, что въ этомъ сословіи есть много людей, стоящихъ вполнѣ независимо отъ преданій своего сословія, ибо если намѣреніе совершить реформы

---

[1]) Доказательствомъ тому служитъ обращеніе на-дняхъ «Московскихъ Вѣдомостей» къ министерству народнаго просвѣщенія съ указаніемъ необходимости вызвать предостереженіе журналамъ, доказывающимъ пользу реальнаго образованія во вредъ классицизму, составляющему предметъ заботъ министерства. Очевидно, «Московскія Вѣд.» считаютъ классицизмъ какимъ-то личнымъ дѣломъ министерства, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это не можетъ быть, и съ точки зрѣнія выгодъ правительственныхъ и общественныхъ обсужденіе вопроса, и притомъ педагогическаго, не только не предосудительно, но даже желательно. Но въ безпримѣрномъ совѣтѣ, поданномъ «Моск. Вѣд.», высказывается, очевидно, убѣжденіе, что администрація можетъ имѣть свои цѣли: свободное обсужденіе дѣла полезно правительству и обществу, но въ немъ вовсе-молъ не нуждается администрація. «Моск. Вѣд.» ошибаются въ такой теоріи.

составляетъ великую славу верховной власти, то приведеніе этого намѣренія въ исполненіе составляло заслугу многихъ административныхъ дѣятелей. Вѣдь мы же видимъ что сдѣлано многое: освобождены крестьяне, приведены въ дѣйствіе земскія и новыя судебныя учрежденія, преобразовано все военное устройство, допущенъ нѣкоторый просторъ печати, приложены старанія о приведеніи въ нѣкоторый порядокъ нашихъ финансовыхъ дѣлъ и т. д. Подъ каждымъ изъ этихъ улучшеній можно поставить нѣсколько именъ, которыя нераздѣльно связаны съ ихъ исполненіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ дѣятелей уже сошли въ могилу, какъ тотъ, который такъ много содѣйствовалъ выработкѣ крестьянской реформы, и тотъ, который впервые ввелъ въ наше государственное хозяйство точную отчетность. Другіе теперь не у дѣлъ, какъ, напримѣръ, тотъ, который впервые поставилъ крестьянское дѣло въ царствѣ польскомъ. Но большинство этихъ дѣятелей продолжаютъ и теперь свою полезную работу на всѣхъ ступеняхъ административной іерархіи. Изъ нихъ на высшей же ступени ея мы и теперь видимъ того, кто загладилъ наше пораженіе въ крымской войнѣ, подписавъ трактатъ, открывшій намъ вновь свободу на Черномъ морѣ. Чтобы привесть еще примѣры, напомнимъ, что преобразованія по военному управленію, финансамъ и государственнымъ имуществамъ остаются въ тѣхъ же рукахъ, которыми реформы приводились въ исполненіе.

Въ особомъ положеніи къ печати находится министерство внутреннихъ дѣлъ, къ которому относится „управленіе дѣлами печати". Но и здѣсь, несмотря на строгость примѣненія закона о печати, справедливость требуетъ сказать, что за послѣднее время по крайней мѣрѣ уменьшилось заподозриванье печати и отношеніе къ ней стало хоть не слабѣе, но спокойнѣе, какъ мы то замѣтили еще годъ тому назадъ по поводу назначенія сенаторомъ М. Н. Похвиснева, увольненіе котораго было встрѣчено въ свое время въ обществѣ не безъ сожалѣнія. Однимъ словомъ, за исключеніемъ министерства юстиціи и министерства народнаго просвѣщенія, мы видимъ вездѣ тѣ же лица, которыми начиналось исполненіе реформъ.

Мы взяли въ примѣръ только высшихъ государственныхъ дѣятелей; но вѣдь и они не сами же все дѣлали, и кто скажетъ, сколько почтенныхъ людей на должностяхъ всякихъ ранговъ трудились вмѣстѣ съ ними на общую пользу. Все это мы твердо помнимъ и отъ насъ далека мысль дѣлать упрекъ не только всей совокупности, но даже большинству административнаго сословія. Но разнохарактерность состава сословія столь многочисленнаго есть также фактъ, неподлежащій сомнѣнію, а очевидность, что изъ административной же среды порой исходятъ слухи о предстоящей будто бы реакціи, заставляетъ допустить, что въ составѣ этого сословія могутъ быть и дѣя-

ствительные, сознательные реакціонеры. Мы ихъ не знаемъ, да и не нужно знать; не знаемъ, на какихъ ступеняхъ стоятъ они, и пользуются ли они вліяніемъ. Но самая настойчивость, съ какою повторяются по временамъ слухи, что такая или иная, и чаще всѣхъ именно судебная реформа, должны подвергнуться искаженію и ломкѣ, даетъ намъ основательный поводъ предполагать, что есть же и такіе администраторы, которымъ реакція была не по сердцу. Какіе же это могутъ быть люди? Отвѣчая на такой вопросъ, мы можемъ только путемъ логическихъ догадокъ возсоздать, такъ сказать, типъ возможныхъ нашихъ „реакціонеровъ" и попробовать уяснить себѣ, какова могла бы быть ихъ идея.

Намъ скажутъ, пожалуй, что такое гипотетическое изслѣдованіе безполезно, такъ какъ у насъ была газета „Вѣсть", которая служила нѣкогда живымъ органомъ реакціи, и такъ какъ въ настоящее время есть новая газета „Русскій Міръ", которая заявляетъ, хотя и неумѣло, поползновеніе продолжать такую дѣятельность, ожидая новаго пособника въ имѣющемъ родиться „Гражданинѣ", о которомъ мы знаемъ пока только то, что онъ появится „съ Божіею помощью"[1]). Наконецъ, гг. Катковъ и Леонтьевъ въ Москвѣ, посредствомъ классицизма, такъ-сказать женились на реакціи и своими пріемами достаточно иллюстрируютъ ея сущность. Все это такъ, и по ливреѣ можно узнать, кому принадлежатъ служители; но по одной ливреѣ служителей нельзя все-таки нарисовать портрета господъ, а намъ это и надо, чтобы знать съ кѣмъ, въ дѣйствительности, мы имѣемъ дѣло. Главныя сѣтованія, скорбь и плачъ и запугиванья нашихъ реакціонеровъ мы оставимъ въ сторонѣ; не то важно, что́ они говорятъ; говорятъ они то, что́ говорили реакціонеры всѣхъ странъ. Важно то, кто они могутъ быть у насъ въ Россіи и чего они у насъ хотятъ.

Чтобы опредѣлить это съ нѣкоторой вѣроятностью, достаточно вспомнить, которымъ именно изъ условій стараго порядка вещей у насъ нынѣшнія реформы нанесли наиболѣе чувствительный ущербъ. Реформы въ дѣйствительности уравняли сословныя права. Естественно поэтому предположить, что реакціонеры скорѣе всего могли явиться въ наиболѣе привилегированномъ, до того времени, сословіи, и что въ своемъ непріязненномъ отношеніи къ „мѣщанскому и мужицкому" періоду исторіи, они возвели въ принципъ то именно, что исчезало въ практикѣ, или, по выраженію Шиллера, возвели въ пѣснь то, что погибало въ жизни. Такимъ образомъ, какъ бы взамѣнъ отживавшей изъ дѣйствительности дворянской привилегіи, придумали въ утѣшеніе себѣ

---

[1]) Не заключайте о благочестіи будущихъ публицистовъ; у насъ это почти въ нравахъ: были примѣры, что ставили даже свѣчки, идя на какое-нибудь вовсе не богоугодное дѣло.

нѣчто несуществовавшее у насъ доселѣ, а именно „принципъ дворянскій“ и „боярскую партію“. Извѣстно, что наша печать главнымъ образомъ боролась съ „Вѣстью“ именно изъ-за этого призрачнаго принципа и противъ этого зародышнаго кружка, который провозглашалъ выше всего интересы „крупныхъ землевладѣльцовъ“. Но эта черта не можетъ быть существеннѣйшая черта нашихъ реакціонеровъ, потому именно, что „дворянская идея“ у насъ весьма слаба и ею ничего не докажешь ни обществу, ни правительству. Вотъ почему, между прочимъ, „Московскія Вѣдомости“ не стали заодно съ „Вѣстью“; они сознавали, что ея средства пустыя и что „дворянская идея“ сама по себѣ у насъ слишкомъ слаба для проведенія реакціи. „Московскія Вѣдомости“ поспѣшили даже отречься отъ бывшаго сотрудника г. Каткова, г. Скарятина, и старались какъ бы обновить давно потертый глянецъ либерализма прежняго „Русскаго Вѣстника“, посредствомъ легкой полемики противъ наивной „Вѣсти“, выступавшей въ пользу реакціи съ такимъ слабымъ оружіемъ, какъ „дворянская идея“. Они приберегали свое реакціонерное оружіе для болѣе удобнаго времени, и разсчитывали на обстановку болѣе солидную.

Тѣмъ не менѣе, повторимъ, что реакціонеры все-таки скорѣе всего могли выйти именно изъ среды, въ которой „Вѣсть“ предполагала существованіе боярской партіи, и вотъ одна ихъ черта уже опредѣлена, но еще далеко не самая существенная. Затѣмъ, кромѣ сословной привилегіи, какому еще изъ условій стараго порядка реформы нанесли наиболѣе существенный ущербъ? Реформы поставили рядомъ съ бюрократіею нѣсколько выборныхъ всесословныхъ учрежденій и одну совершенно-самостоятельную власть — власть судебную, и допустили нѣкоторый просторъ для печати, то-есть для гласнаго заявленія о томъ, что негласно дѣлается. Все это нисколько не только не стѣснило власти законодательной, но напротивъ облегчило успѣшное ея дѣйствіе, облегчило ея отвѣтственность передъ самой собою, облегчило ей и контроль надъ исполненіемъ ея же предначертанія, такъ что законодательная власть, какъ мы видимъ изъ непрерывнаго рода ея дѣйствій и заинтересована именно въ продолженіи дѣла начатыхъ ею реформъ. Но нельзя сказать того же о всѣхъ безъ исключенія членахъ бюрократіи. Понятно, что дѣйствія нѣкоторыхъ отраслей управленія стѣснились реформами въ томъ смыслѣ, что имъ уже приходится считаться съ учрежденіями нисколько отъ нихъ независимыми. На низшей ступени управленія возьмемъ въ примѣръ хоть околоточнаго полицейскаго надзирателя. То ли онъ, что прежній полномочный и безотчетный квартальный? Онъ имѣетъ дѣло съ мировыми судьями, которые иногда оправдываютъ тѣхъ, кого онъ обвиняетъ; маленькія газетки слѣдятъ за каждымъ его шагомъ; самъ становой и тотъ знаетъ, что волостной судъ есть учрежденіе, и что нельзя наѣхать и пересѣчь волостной судъ, или

если и можно, то развѣ только въ Пермской губерніи, и то потому опять, что она—дореформенная. Онъ знаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо дѣйствовать неиначе, какъ обходя это и тому подобныя учрежденія, придумывая для того тонкія манеры. Не естественно ли предположить, что есть становые, у которыхъ отъ этого кипитъ злоба въ душѣ.

А если мы вспомнимъ, что рядомъ съ учрежденіями, которыхъ дѣйствія гласны, рядомъ съ судебною властью, которая стоитъ за букву закона, и рядомъ съ тѣми отраслями администраціи, которыхъ дѣятели заняты именно осуществленіемъ реформъ, существуютъ еще и остатки совсѣмъ иного, стараго порядка, то станетъ вполнѣ ясно, что именно въ средѣ бюрократическаго сословія и могутъ *практически* возникать тѣ пожеланія реакціи, которыя въ теоріи формулировались воздыхателями объ учрежденіи боярской партіи, то-есть нѣкоторой олигархіи родовитыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Если дѣло стоитъ такимъ образомъ, то ясно, что настоящіе, серьезные, то-есть практическіе реакціонеры будутъ выставлять впередъ уже не столько свои дворянскіе, сколько именно свои бюрократическіе интересы, и притомъ чѣмъ менѣе ихъ дѣятельность солидарна съ обществомъ, а также чѣмъ труднѣе она, по самому роду ихъ занятій, уживается съ гласностью, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ враждебность къ реформамъ. Они будутъ молчать о тѣхъ принципахъ, которые такъ наивно проповѣдывала „Вѣсть“, они будутъ таить ихъ, а выставлять будутъ только свои бюрократическіе интересы, выставлять ихъ именно какъ интересы самого правительства. Они поищутъ болѣе вѣрныхъ путей, и будутъ стараться доказать, что безъ нихъ все-таки не обойдутся, что въ нихъ именно и есть спасеніе. Само собою разумѣется, что такими реакціонерами могутъ быть только люди, лишенные политическаго образованія, которое они замѣняютъ знакомствомъ съ одними названіями вещей на европейскихъ языкахъ. Не менѣе понятно и то, что отличительною ихъ чертой должно быть глубокое презрѣніе къ русскому обществу. Ихъ взглядъ таковъ, что съ уваженіемъ къ обществу онъ не уживается. Такіе реакціонеры, по узкости своихъ понятій, способны полагать, что всѣмъ народомъ, цѣлымъ государствомъ можно управлять съ тою же простотою, какъ можно управлять полиціею; что для благоденствія и силы государства достаточны одни ярлыки вещей, подобно тому, какъ для благоденствія города придумывались въ прежнее время новыя названія его улицамъ. Люди, которые не уважаютъ общества, это именно тѣ люди, которые его не знаютъ, люди, которымъ ни почемъ искаженіе законовъ; это именно тѣ люди, которые не знаютъ законовъ, потому ли, что не имѣли случая съ ними ознакомиться или считали выше государственнаго закона какой-то „государственный резонъ.“ Не уважая общества, они должны думать,

что въ ихъ власти сдѣлать и съ умомъ народа что имъ угодно, и конечно должны думать, что лучше всего въ умѣ народа насадить рознь искусственнымъ воспитаніемъ, а надъ этою рознью насадить современемъ нѣкій „классическій романтизмъ", съ рыцарями вмѣсто мировыхъ судей, и съ великими вассалами вмѣсто гласныхъ учрежденій, сообщающихъ верховную власть прямо съ народомъ.

Но можетъ быть такихъ людей вовсе нѣтъ, и этотъ типъ реакціонеровъ выработанъ одною московскою газетою? Но откуда же исходятъ безпрестанно повторяющіеся толки о реакціи въ дѣлѣ реформъ? И притомъ развѣ всякому изъ насъ не приходилось слышать отголоски того искусственнаго клича, который пущенъ по русской землѣ: „нѣтъ возможности управлять; новые суды оправдываютъ преступниковъ; армія распущена вслѣдствіе преобразованій, въ ней ослабѣла дисциплина; освобожденіе крестьянъ ведетъ Россію къ банкротству; земство не помогаетъ, а мѣшаетъ правильному ходу народнаго образованія; каждый независимый писатель есть агентъ „интернаціоналки", особенно если онъ касается педагогіи; въ высшихъ сферахъ Петербурга существуетъ ржондъ, въ составѣ высшей администраціи есть радикалы; куда мы идемъ? пора, пора повернуть назадъ, ибо мы уже на краю бездны, на днѣ которой сидятъ вмѣстѣ тѣ судьи, которые преклоняются передъ преступниками, тѣ адвокаты, которые проповѣдуютъ революцію, тѣ реформаторы, которые генераловъ заставили идти къ мировому судьѣ, а мужика посадили на одну скамью съ дворяниномъ въ юнкерскомъ училищѣ, тѣ писатели, которые защищаютъ реализмъ, и вмѣстѣ съ ними, и во главѣ всѣхъ ихъ—сама „интернаціоналка"."

Мотивы эти знакомы читателю. Безъ сомнѣнія, онъ ихъ слышалъ не разъ, и спрашивалъ себя: кто же тѣ композиторы и поэты, которые сочиняютъ эти легенды и передаютъ ихъ московскимъ и петербургскимъ трубадурамъ? Мы постарались изслѣдовать, что такое могутъ быть нынѣшніе русскіе „реакціонеры". Намъ остается сказать, что мы не считаемъ ихъ успѣхъ вѣроятнымъ. Правда, любимый пріемъ реакціонеровъ вообще — ссылаться на свою привилегію „благонадежности": наша благонадежность-молъ не подлежитъ сомнѣнію, наши интересы солидарны съ интересами власти, мы ея наслѣдственныя опоры. Но вѣдь то же самое говорили великіе вассалы средневѣковымъ королямъ, а между тѣмъ короли не усмотрѣли въ нихъ наиболѣе надежныхъ опоръ, а старались опираться на единственную незыблемую основу — на самую землю, то-есть на народъ. Благонадежность же людей, которые, бывъ избраны для осуществленія реформъ, стали служителями личной мысли верховной власти, едва ли менѣе вѣрна, чѣмъ могла бы быть попечительная преданность тѣхъ, которые имѣли бы притязаніе „спасти" государство отъ реформъ. Если бы, по какому-

либо недоразумѣнію, могло произойти, что подобные ревнители оказались бы и въ сферахъ не только низшихъ, но и вліятельныхъ, то безсиліе ихъ обезпечивалось бы тѣмъ фактомъ, что у нихъ не можетъ быть никакой программы дѣйствія. Вся программа такихъ людей можетъ быть только чисто-отрицательная; это будутъ своего рода нигилисты, которые, желая разрушенія дѣла реформъ, могутъ поставить на ихъ мѣсто nihil; всѣ ихъ убѣжденія—не что иное, какъ рекриминаціи, а вѣдь нельзя дѣйствовать посредствомъ рекриминацій. Притомъ, реакція въ дѣлѣ реформъ не имѣла бы иного исхода, какъ полное возстановленіе прежней системы, той самой системы, которой окончательная несостоятельность и послужила поводомъ къ реформамъ.

Мы готовы допустить, что слухи о реакціи въ дѣлѣ реформъ находятъ у насъ и въ обществѣ почву болѣе воспріимчивую, чѣмъ гдѣ-либо; въ немъ самомъ еще такъ свѣжо воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда не только личность гражданина, но и твердость закона не были нисколько обезпечены даже и передъ минутными теченіями и настроеніями въ нѣкоторыхъ административныхъ средахъ. Легкость, съ какою общество поддается реакціонернымъ слухамъ, представляетъ обидное для самолюбія доказательство, что во всѣхъ насъ еще силенъ духъ безотчетной робости, страхъ безъ вины, опасеніе, что вотъ ни за что, ни про что, придется лечь на расправу,—разсужденія à la Селифанъ. Но истина требуетъ признанія, что главнымъ источникомъ слуховъ о возможности систематической реакціи служитъ все-таки разнородность самого административнаго сословія, въ самыхъ сферахъ управленія. Мы видимъ тамъ и тѣхъ, которые вели и ведутъ дѣло реформы, служа исполнителями и органами не кастовыхъ интересовъ, а личной мысли верховной власти, отъ которой исходятъ реформы. Ясно, что ихъ дѣятельности могли бы мѣшать только представители идей касты, то-есть той „боярской“ партіи, о которой мечтала „Вѣсть“, или той самостоятельной, одну себя признающей бюрократіи, которая лично заинтересована въ искаженіи реформъ. Представителей такихъ кастъ, въ Россіи, мы сами не знаемъ; но если допустить ихъ существованіе, то ясно, что въ нихъ бы и крылась причина нашихъ колебаній, а быть можетъ и неуспѣха нѣкоторыхъ начинаній.

Принципъ уравненія правъ сословныхъ и мѣстныхъ, однимъ словомъ, принципъ юридическаго объединенія всей массы подданныхъ въ государствѣ встрѣчалъ до сихъ поръ одно ограниченіе, на которое намъ уже не разъ случалось указывать, именно въ вопросѣ объ уравненіи евреевъ. Для евреевъ продолжаютъ еще существовать и сословная, и мѣстная отчужденность въ томъ самомъ фактѣ, что государство еще отчуждаетъ отъ нѣкоторыхъ общихъ правъ евреевъ какъ сословіе, и притомъ замыкаетъ ихъ въ опредѣленныя мѣстности. Край западный

и южный продолжаетъ еще быть нашимъ Гетто, между тѣмъ какъ въ самомъ Римѣ Гетто уже перестало существовать, въ смыслѣ заточенія евреевъ въ одной мѣстности. Въ настоящее время, когда вырабатывается проектъ преобразованія воинской повинности, возникаетъ вопросъ, будутъ ли предоставлены евреямъ, при отбываніи ея, равныя права съ остальными гражданами, или же принципъ безправности будетъ примѣненъ къ евреямъ въ томъ самомъ дѣлѣ, котораго основною мыслью есть равенство всѣхъ гражданъ по отношенію къ государственнымъ тягостямъ? Короче: съ распространеніемъ воинской повинности на всѣ классы еврейскаго населенія, наравнѣ съ прочими сословіями, будутъ ли предоставлены евреямъ и общія права къ производству въ унтеръ-офицерское званіе и офицерскіе чины, или же этого права евреи будутъ лишены, вовсе или отчасти?

Извѣстно, что доселѣ офицеровъ изъ евреевъ не бывало, хотя евреи податныхъ сословій съ прошлаго царствованія привлечены къ наборамъ. Въ сводѣ военныхъ постановленій есть статья, которая разрѣшаетъ производство евреевъ въ унтеръ-офицерское званіе неиначе, какъ за отличіе въ дѣлахъ противъ непріятеля, и то только съ высочайшаго разрѣшенія. Если евреи не могутъ быть унтеръ-офицерами, то само собою разумѣется, что они не имѣютъ доступа и къ производству въ офицеры. И въ дѣйствительности, офицеровъ изъ евреевъ до сихъ поръ у насъ не бывало, хотя евреи крещеные къ производству въ офицеры допускались, а самый фактъ еврейскаго происхожденія не препятствовалъ у насъ даже къ достиженію высшихъ военныхъ чиновъ. Итакъ, еврей въ военной службѣ получалъ общія права только въ такомъ случаѣ если крестился, то-есть, если переставалъ быть евреемъ.

Такой порядокъ, существовавшій доселѣ, хотя и не соотвѣтствовалъ идеалу справедливости, но по крайней мѣрѣ могъ быть объясненъ самымъ принципомъ воинской повинности, какъ она понималась доселѣ: основнымъ ея принципомъ было неравенство сословій предъ государствомъ. Одни сословія (привилегированныя) имѣли *преимущественныя права*, другія (податныя) несли *преимущественныя обязанности* (повинности). Понятіе о правахъ не только не существовало нераздѣльно съ понятіемъ объ обязанностяхъ, но напротивъ оба эти понятія отчасти взаимно себя исключали: одно было достояніемъ однихъ классовъ, другое было удѣломъ другихъ. При такой системѣ, привлеченіе евреевъ къ отбыванію рекрутской повинности, безъ всякаго права надѣяться производства въ офицеры, не противорѣчило духу общаго порядка.

Но вопросъ представляется совсѣмъ въ иномъ видѣ теперь, когда проводится и въ военномъ устройствѣ принципъ прямо противоположный: тотъ принципъ, что всѣ граждане обязаны нести лично воинскую

повинность, и что правъ, въ смыслѣ изъятія отъ обязанности, быть не должно. Спрашивается, какой же смыслъ имѣло бы теперь допущеніе обязанностей съ устраненіемъ отъ связанныхъ съ ними правъ? Ясно, что это было бы вопіющимъ противорѣчіемъ самому смыслу военной реформы, коренному принципу уравненія всѣхъ гражданъ въ виду защиты государства цѣною собственнаго здоровья и собственной жизни. Если при проведеніи военнаго преобразованія у насъ будетъ оставлено въ силѣ запрещеніе производства евреевъ въ офицеры, или будетъ постановлено какое-либо ограниченіе въ томъ смыслѣ, что они не должны быть производимы выше такого-то чина, то это значило бы, что въ отношеніи однихъ евреевъ мы хотимъ сохранить принципъ обязанностей безъ правъ, и создаемъ у себя нѣчто, нигдѣ уже въ Европѣ несуществующее, то-есть нѣкую отверженную касту, отъ которой можно всего требовать, ничего ей не давая.

Защитники застоя и въ этомъ вопросѣ успѣли придумать нѣсколько „спеціозныхъ" аргументовъ, которые будто бы требуютъ, чтобы въ отношеніи евреевъ изъ общаго принципа было сдѣлано исключеніе. Если прислушаться къ ихъ толкамъ, то не трудно замѣтить, что въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда они проповѣдуютъ застой и неравноправность, главнаго-то, истиннаго своего побужденія они именно не высказываютъ, и прячутся за спеціозные аргументы, которыми и убѣждаютъ другъ друга тѣмъ легче, что каждый изъ этихъ мыслителей отлично понимаетъ мотивъ умалчиваемый, и съ нимъ-то и соглашается. Въ настоящемъ случаѣ мотивъ этотъ очевидно таковъ: какъ допустить, чтобы офицеромъ, пожалуй и генераломъ, могъ быть *жидъ*? Жидъ унизитъ благородное званіе офицера. Вотъ истинный мотивъ. Мотивъ этотъ—чисто-кастическій; мотивъ это дикій, варварскій, и вотъ почему онъ умалчивается. Тѣмъ не менѣе, онъ именно подразумѣвается, и онъ-то одинъ и дѣйствуетъ. Это оказывается уже изъ того факта, что всѣ остальные, гласные „спеціозные" аргументы, которые приводятся въ этомъ случаѣ противъ уравненія евреевъ, такъ слабы, такъ несостоятельны, что очевидно и сами ораторы, на нихъ ссылающіеся, *ими одними* убѣдиться бы не могли. Еврей, говорятъ, неспособенъ къ военной службѣ; онъ не имѣетъ ни достаточно храбрости, ни особыхъ военныхъ талантовъ. Прекрасно; но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вообще брать еврея въ военную службу? Если еврея берутъ въ военную службу вездѣ, и въ Россіи уже втеченіи сорока лѣтъ, то стало быть онъ къ военной службѣ способенъ. Вѣдь была же достаточная возможность провѣрить его способность или неспособность опытомъ всѣхъ странъ. Нашимъ генераламъ должно быть извѣстно, бѣжали ли евреи съ полей битвъ на Кавказѣ, въ венгерскую и польскія войны, и въ восточную войну. На севастопольскихъ поляхъ, по крайней мѣрѣ, они поло-

жительно остались, такъ какъ тамъ погребено не мало евреевъ. Еврей Феликсъ Дуэ, французскій дивизіонный генералъ, оставленный безъ помощи при Вёртѣ, тоже не бѣжалъ, а напротивъ, отпустивъ остатки своего отряда, пошелъ одинъ на непріятельскую линію, желая смерти, которую вскорѣ и получилъ. Да и у насъ извѣстны имена нѣсколькихъ храбрыхъ офицеровъ, даже генераловъ еврейскаго происхожденія. Правда, они были крещеные; но полагаютъ ли, что фактъ обращенія, самъ по себѣ, сообщаетъ храбрость и воинскій талантъ? Христіанская религія достигаетъ совсѣмъ другихъ цѣлей.

Говорятъ еще, что еврей по природѣ — купецъ, а не воинъ, что призваніе его именно торговля и что въ иныхъ отрасляхъ дѣятельности онъ будетъ слабъ, потому что будетъ слѣдовать не своему призванію. Но вѣдь эта игра въ слова. Почему евреи устремились въ торговлю? Потому что всѣ иные пути гражданской дѣятельности были для нихъ закрыты. Государственная и общественная дѣятельность была закрыта для еврея; ученымъ и художникомъ онъ хотя и могъ дѣлаться, но вѣдь извѣстно, что въ прежнія времена и ученый, и художникъ могли существовать только въ такомъ случаѣ, если государство обезпечивало ихъ должностями, которыя евреямъ и оставались недоступны. У насъ евреямъ открытъ доступъ только въ ремесленники, купцы, врачи, адвокаты и къ ученію въ университетѣ. И вотъ въ каждой изъ этихъ отраслей у насъ евреи и дѣйствуютъ съ успѣхомъ; а въ остальныхъ не дѣйствуютъ, не потому что неспособны, но потому что не допускаются. Въ нашихъ университетахъ не мало евреевъ въ числѣ учащихся; почему же нѣтъ евреевъ на профессорскихъ каѳедрахъ? Потому ли что евреи неспособны къ наукамъ? Конечно не потому, а почему — о томъ извѣстно нашему министерству народнаго просвѣщенія. Множество каѳедръ остается незанятыми, но лучше пусть вовсе не будетъ профессора, чѣмъ если профессоромъ будетъ еврей. Не странно ли закрывать евреямъ доступъ и въ офицерское званіе и въ тоже время утверждать, что они къ нему неспособны? Другое дѣло, если еврей обращается; тогда онъ способности пріобрѣтаетъ ipso facto.

Говорятъ еще, что еврей проникнутъ духомъ кагала, что еврей держится за еврея, и что евреи имѣютъ склонность захватывать въ свои руки всякую сферу, въ которую бываютъ допущены, и что будто бы, если ихъ допустить къ производству въ высшіе чины арміи, то они будутъ давать ходъ только евреямъ. Но вѣдь это опять одна игра словъ; понятно, что среда отверженная замыкается въ самое себя, и что члены ея держатся другъ за друга. Но уравненіе евреевъ въ правахъ и есть единственное средство уничтожить эту замкнутость и кагальность ихъ сословія. Развѣ во Франціи и Америкѣ, гдѣ евреи безусловно равноправны съ христіанами, замѣчается такая замкнутость евреевъ? Развѣ въ французской арміи, гдѣ евреи служатъ гене-

ралами, они наполняютъ сословіе подчиненныхъ имъ офицеровъ евреями; слышна ли была хоть когда-либо жалоба въ этомъ родѣ?

Всѣ эти возраженія совершенно несостоятельны и никто въ дѣйствительности ими и не убѣждается. Позади всѣхъ ихъ, въ сущности, дѣйствуетъ на людей неразвитыхъ, конечно, именно тотъ доводъ, который приверженцами застоя умалчивается, и который есть не что иное, какъ безсмысленное презрѣніе къ цѣлой расѣ, остатокъ средневѣкового, кастическаго предразсудка. Но мы вправѣ ожидать отъ коммиссіи, занятой выработкою новаго акта военнаго законодательства, что она стоитъ выше такого умственнаго уровня. Мы думаемъ, что она обратитъ вниманіе на необходимость предоставленія евреямъ равныхъ правъ въ военной службѣ при производствѣ въ офицеры. Необходимость этого уравненія, повторимъ, вытекаетъ изъ самаго принципа всенародной, всеобщей повинности, изъ принципа общаго уравненія гражданъ въ дѣлѣ защиты государства. Если съ дворянъ снимается при этомъ *привилегія*, то почему же съ евреевъ не снимется при этомъ *безправность*?

Того требуетъ интересъ общегосударственный и даже интересъ чисто-военный, который не допускаетъ, чтобы въ числѣ солдатъ были люди неравные товарищамъ, люди заклейменные безправіемъ, не допускаетъ, чтобы солдатъ могъ быть всею душею преданъ своему дѣлу, когда онъ лишенъ всякой надежды на награду, на производство. Самый законъ, запрещавшій производство евреевъ въ унтеръ-офицеры, устарѣлъ и потерялъ всякое оправданіе въ виду перемѣнъ, происшедшихъ въ свойствахъ самого еврейскаго населенія. Законъ тотъ былъ изданъ въ 1833-мъ году, то-есть въ то время, когда и наше общество въ евреѣ видѣло именно „жида,“ и самъ еврей стоялъ въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи гораздо ниже, чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ, и взглядъ общества измѣнился, измѣнилось во многомъ и само гражданское законодательство относительно евреевъ. Нынѣшній еврей уже не соотвѣтствуетъ старому типу загнаннаго, вѣчно дрожащаго за свои гроши человѣка, того парія, котораго мельчайшій администраторъ могъ оскорблять по произволу. Почему же еврею не быть и офицеромъ? Развѣ единственно потому, что онъ—не христіанинъ, то-есть потому, что у насъ все еще не существуетъ свободы совѣсти, и государство считаетъ пропаганду господствующей вѣры все еще своимъ дѣломъ, не отказавшись окончательно отъ той задачи, которую исполнить успѣшно можетъ только сама церковь? Не говоря уже о несовременности такого взгляда, онъ даже и непримѣнимъ къ настоящему случаю, ибо у насъ допускается же производство въ офицеры магометанъ; офицеры изъ мусульманъ есть у насъ и въ арміи, и въ гвардіи; есть даже флигель-адъютанты—мусульмане.

Въ разныхъ государствахъ, въ разныя времена бывало допущено въ соотношеніи между гражданской равноправностью и правами воен-

ной службы такое различіе, что въ военную службу принимались и непользующіеся полноправностью гражданскою; но кто допускался въ военную службу солдатомъ, тотъ уже могъ быть въ ней и офицеромъ. Такъ, мусульманское населеніе въ Алжиріи не имѣетъ политическихъ правъ французскаго гражданства, не участвуетъ въ выборахъ и плебисцитахъ. Между тѣмъ, мусульманамъ, какъ и евреямъ во французской арміи предоставлено право производства въ офицеры наравнѣ съ полноправными гражданами. Такъ было отчасти и у насъ встарину: иноземцы принимались въ военную службу и получали команду, между тѣмъ какъ въ гражданскій приказъ они допускаемы не были. Теперь же у насъ относительно евреевъ существуетъ нѣчто такое, чему въ Европѣ нѣтъ подобія: къ военной службѣ евреи привлекаются, но безъ всякаго права на производство. Между тѣмъ въ настоящее время даже въ Турціи есть генералы не-мусульмане.

Чѣмъ возможно будетъ извинять такую несправедливость, если она будетъ удержана на будущее время и получитъ еще болѣе оскорбительное для двухмилліоннаго еврейскаго населенія значеніе, при системѣ всеобщей воинской повинности? Представимъ себѣ минуту битвы: предстоитъ какое-нибудь трудное, опасное дѣло, которое можно совершить только при самоотверженіи и увлеченіи, напримѣръ, взять приступомъ позицію, защищенную непріятельскими батареями. Начальники обращаются къ солдатамъ съ напоминаніемъ, что храбрыхъ ждетъ награда, что служба не пропадаетъ. Какой смыслъ будутъ имѣть эти слова для солдатъ-евреевъ?

А вѣдь отъ нихъ потребуется то же самое, что и отъ христіанъ и отъ татаръ, то же самое самоотверженіе, та же кровь. Сошлемся ли мы на чужой примѣръ? Но уже сказано, что въ французской арміи евреи полноправны. Но и въ самой прусской арміи, у которой мы перенимаемъ нынѣшнюю реформу, и тамъ нѣтъ закона, который бы лишалъ еврея права на производство въ офицеры. И въ дѣйствительности въ германской арміи есть много офицеровъ - евреевъ, и изъ числа ихъ многіе украшены орденомъ за храбрость, оказанную въ минувшую войну. Генераловъ-евреевъ въ прусской арміи, правда, нѣтъ, но не потому, чтобы тому препятствовалъ законъ, а потому, что вообще въ прусскомъ генералитетѣ мало не-дворянъ.

Когда въ нашей военной службѣ будетъ уже не одинъ десятокъ тысячъ солдатъ-евреевъ (въ 1869 году нижнихъ чиновъ еврейскаго закона числилось 7,825 человѣкъ и нѣсколько десятковъ тысячъ на дѣйствительной службѣ и въ спискахъ запасныхъ войскъ), когда всѣ поголовно молодые евреи будутъ подлежать очереди или жребію—то нынѣшняя несправедливость станетъ еще гораздо болѣе замѣтною, хотя въ сущности своей несправедливость все равно не слѣдуетъ допускать, какъ бы невелико ни было число людей систематически ей обреченныхъ. На 11,037 нижнихъ чиновъ магометанъ въ 1869-мъ году, числи-

лось магометанъ штабъ и оберъ-офицеровъ 254, а на 7,825 нижнихъ чиновъ-евреевъ не было ни одного офицера. Магометане служатъ офицерами даже въ гвардіи, и производятся даже въ генералы. Въ составѣ нашего генералитета магометане составляютъ нѣсколько менѣе полупроцента, именно 0,41. Еврей же не можетъ быть даже и прапорщикомъ, какъ бы онъ образованъ ни былъ, а нѣтъ сомнѣнія, что евреи въ общности гораздо образованнѣе магометанъ. Неужели же такая несообразность будетъ сохранена въ томъ военномъ преобразованіи, которое основывается на принципѣ равной обязанности, передъ защитою общаго отечества?

Въ заключеніе нынѣшней хроники поговоримъ еще объ одной проектируемой реформѣ, а именно о результатѣ работъ коммиссіи, учрежденной въ прошломъ году изъ представителей различныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Игнатьева, для пересмотра законовъ о личномъ наймѣ. Коммиссія эта окончила свои работы и составила полный проектъ „Устава о личномъ наймѣ"; притомъ коммиссія эта послѣдовала примѣру всѣхъ тѣхъ коммиссій, которыя сознавали, что они дѣлаютъ дѣло не идущее наперекоръ потребностямъ и стремленіямъ общества, то-есть придала трудамъ своимъ гласность, какъ то, безъ сомнѣнія, сдѣлаютъ современемъ и коммиссіи по преобразованію воинской повинности.

Вопросъ о личномъ наймѣ имѣетъ двѣ стороны, именно: обезпеченіе условій найма въ равной степени для нанимателей и нанимаемыхъ, и опредѣленіе необходимыхъ гарантій съ точки зрѣнія уже не частнаго договора, а государственныхъ соображеній благоустройства. Первая сторона и включаетъ непосредственную цѣль устава о наймѣ. Устава о наймѣ рабочихъ и слугъ у насъ доселѣ не было, и постановленія сюда относящіяся, разбросанныя по разнымъ отдѣламъ законодательства, не имѣли полноты, не достигали цѣли потому именно, что не опредѣляли и не обезпечивали надлежащимъ образомъ правильнаго составленія и твердаго исполненія договоровъ по найму, а также и средства ко взысканію по неисполненію такихъ договоровъ. Правда въ 1863-мъ году были изданы временныя правила по этому предмету, которыя, между прочимъ, ввели въ употребленіе рабочія книжки и разсчетные листы, но эти правила были слишкомъ неполны. Въ виду неопредѣленности условій, до сихъ поръ весьма часто представлялись случаи, что рабочіе не имѣли возможности искать на нанимателѣ даже и неуплаты имъ денегъ, по отсутствію „законныхъ доказательствъ". Съ другой стороны, наниматели, для огражденія себя, прибѣгали къ нѣкоторымъ совершенно произвольнымъ мѣрамъ обезпеченія, какъ-то къ удержанію паспорта, къ обязыванію подчиняться особой фабричной юстиціи, то-есть самоуправству и т. п. Самыя судебныя власти при разборѣ дѣлъ, безпрестанно возникающихъ по взаимнымъ претензіямъ

нанимателей и нанимаемыхъ, становились нерѣдко въ затруднительное положеніе и должны были отказывать въ претензіяхъ повидимому справедливыхъ, по отсутствію опредѣленности въ самихъ договорахъ.

Проектъ устава, выработанный коммиссіею, удовлетворительно соединяетъ въ себѣ и полноту, и практичность предлагаемыхъ положеній. Мы считаемъ лишнимъ дѣлать обзоръ его содержанія и ограничимъ изложеніе только самыми крупными его чертами, указывая на тѣ измѣненія и дополненія, которыя намъ представляются необходимыми.

Проектъ устава заимствуетъ изъ временныхъ правилъ рабочія книжки и разсчетную тетрадь, какъ наиболѣе практическій способъ удостовѣренія договора и разсчета по его исполненію. За несвоевременную уплату нанимателя предположено подвергать уплатѣ двойной поденной платы, а рабочаго за прогульные дни штрафу не выше того же размѣра, т.-е. двойной поденной платы. Это представляетъ условія равныя для обѣихъ сторонъ, а потому и справедливыя. Но мы не можемъ сказать того же о допускаемой въ проектѣ выдачѣ нанимателемъ одобрительныхъ свидѣтельствъ нанимаемому; это уже нарушаетъ равенство обѣихъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, если хозяинъ можетъ выдавать рабочему или слугѣ одобрительный аттестатъ, то разумѣется онъ можетъ и отказать нанимаемому въ выдачѣ такого удостовѣренія, а это уже ставитъ и будущее положеніе слуги или рабочаго въ зависимость отъ доброй воли, то-есть отъ произвола того хозяина, котораго онъ оставляетъ. Новый уставъ узаконяетъ и нынѣ, внѣ закона, существующій обычай храненія нанимателемъ паспорта нанимаемаго, и противъ этого нельзя сказать ничего, такъ какъ паспортъ и представляетъ единственный залогъ со стороны рабочаго, и такъ какъ уставъ требуетъ, чтобы вслучаѣ несоблюденія рабочими договора и поступленія дѣла на судебное разбирательство, хозяинъ передавалъ паспорты мировому судьѣ. Впрочемъ, относительно маловажныхъ дѣлъ между хозяевами и слугами или рабочими въ столицахъ и Одессѣ, уставъ допускаетъ полицейское разбирательство, съ правомъ обжалованія въ судъ каждою изъ сторонъ. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ уже высказаннымъ въ печати, что такая полицейская инстанція по меньшей мѣрѣ совершенно — излишня. Мы должны присоединиться еще и къ тому замѣчанію, тоже предъявленному въ печати, что въ числѣ спеціальныхъ постановленій устава о нѣкоторыхъ особыхъ видахъ найма, какъ-то сельскихъ рабочихъ, фабричныхъ и т. д., напрасно не включено особыхъ правилъ по найму рабочихъ на желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ.

Возвращаясь къ паспортамъ, замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи коммиссія по составленію устава о наймѣ обнаружила вновь общее несовершенство всѣхъ административныхъ коммиссій, наряженныхъ для рѣшенія отдѣльнаго вопроса: такъ, нынѣшняя коммиссія не могла

коснуться сущности самаго вопроса о паспортахъ, а между тѣмъ, это вопросъ въ высшей степени важный для нашихъ податныхъ сословій, къ которымъ принадлежитъ большинство нанимаемыхъ; и едва ли, даже и независимо отъ ожидаемой податной реформы, нельзя было придумать существенныя упрощенія и облегченія въ нынѣшней системѣ выдачи паспортовъ. Почему, напр., было не допустить, что паспортъ служитъ не на опредѣленное въ немъ время, а до тѣхъ поръ пока общество не потребуетъ своего члена на родину? Это устранило бы періодическія хлопоты по возобновленію видовъ и тотъ неизбѣжный періодъ „просрочности", которому подвергается каждый рабочій, даже при исправномъ внесеніи податей, вслѣдствіе одной лѣности или небрежности волостного писаря. Если рабочій не уплатилъ къ сроку подати, общество можетъ потребовать его на родину, и это для него будетъ хуже несвоевременной присылки ему паспорта. Но если онъ послалъ деньги въ свое время, то почему же онъ не можетъ жить и съ прежнимъ паспортомъ, который удостовѣряетъ его личность? Во всякомъ случаѣ, такой порядокъ обусловливалъ бы для рабочаго во всякое время положеніе вполнѣ опредѣленное: или онъ живетъ себѣ спокойно съ постояннымъ видомъ, зная, что деньги имъ уплачены; или же онъ требуется на родину, стало быть не имѣетъ никакой отговорки, чтобы оставаться на мѣстѣ найма. Возраженіе можетъ быть одно, фискальное: уменьшится гербовый сборъ. Но если принять во вниманіе хлопоты безпрестаннаго возобновленія и отсрочекъ паспортовъ годовыхъ, 6-ти и 3-хъ мѣсячныхъ, съ обмѣномъ ихъ еще на адресные билеты въ Петербургѣ, то хлопоты эти очевидно тяжеле для рабочаго, чѣмъ тотъ рубль или два рубля, которые онъ уплачиваетъ при этомъ въ гербовой сборъ, а стало-быть, проще было бы установить выдачу видовъ отъ общества на простой бумагѣ, съ тѣмъ, чтобы податныя лица сами покупали въ городахъ особыя марки или штемпеля, въ размѣрѣ слѣдующаго съ нихъ сбора и прикладывали ихъ къ своимъ видамъ, или же, чтобы они, посылая податныя деньги, придали къ нимъ, какъ это дѣлается и теперь, цѣну бумаги, но уже не для полученія новаго паспорта, а просто въ видѣ дополненія къ подати. Это или тому подобное облегченіе крайне необходимо допустить теперь же, не дожидая податной реформы.

Замѣчанія свои на ту сторону проекта, которая направлена собственно къ точному опредѣленію и упроченію условій личнаго найма, мы заключимъ слѣдующимъ: maximum срока договора по найму опредѣляется въ 5 лѣтъ, и притомъ уставомъ допускается заключеніе словесныхъ, т.-е. ничѣмъ неудостовѣренныхъ договоровъ. Такъ какъ эти договоры иногда неизбѣжны, но представляютъ важное неудобство, дѣлая по большей части почти невозможнымъ судебное разбирательство вслучаѣ спора, то не было ли бы раціонально постараться уменьшить ихъ число постановленіемъ, что словесный договоръ

можетъ быть заключаемъ неиначе, какъ на нормальныхъ, опредѣленныхъ въ уставѣ условіяхъ, причемъ разсчетъ, вслучаѣ спора, производится по справочной цѣнѣ, которая можетъ быть потребована судьею изъ мѣстнаго городского или волостного управленія?

Обратимся теперь къ другой сторонѣ устава о личномъ займѣ, сторонѣ не менѣе важной, какъ и самая опредѣленность и твердость его условій, а именно къ той, которая включаетъ въ себѣ обезпеченія для рабочихъ съ точки зрѣнія государственнаго благоустройства, то-есть соблюденіе здоровья, силъ, нравственной и физической цѣлости нанимаемаго. Уставу, выработанному коммисіей, надо отдать ту справедливость, что онъ проникнутъ гуманною идеею и заключаетъ въ себѣ довольно полный сводъ мѣръ, направленныхъ къ сохраненію здоровья и нравственныхъ интересовъ нанимаемыхъ людей. Намъ предстоитъ въ этомъ отношеніи указать только на нѣкоторыя дополненія, которыя были бы еще желательны и на одно исключеніе. Уставъ ограничиваетъ часы ежедневной работы только для несовершеннолѣтнихъ; но почему бы ему не установить maximum 10-ти-часовой работы для взрослыхъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, то-есть прямо осуществить у насъ то облегченіе, котораго домогаются повсемѣстно рабочіе на Западѣ? Намъ слѣдуетъ пользоваться чужими примѣрами, не ожидая, чтобы у насъ тѣ же требованія явились тѣмъ же путемъ, т.-е. путемъ стачекъ. Намъ могутъ возразить, что русскій фабричный и ремесленникъ и безъ того работаетъ слишкомъ мало времени. Это совершенно справедливо, но только не въ отношеніи числа рабочихъ часовъ въ день, а въ отношеніи числа рабочихъ дней въ году. Русскій рабочій, какъ человѣкъ неразвитой и неразсчетливый, или работаетъ до изнуренія или ничего не дѣлаетъ; и то, и другое вредно, потому именно, что „ничего недѣланіе" въ сильной степени соединено съ пьянствомъ. Вотъ почему намъ кажется желательнымъ, чтобы въ нынѣшній проектъ устава были включены одновременно: 1) установленіе максимума часовъ ежедневной работы, и 2) признаніе законности договоровъ о работѣ въ праздничные дни, съ отмѣною всякихъ полицейскихъ, въ этомъ отношеніи, ограниченій. Большинство нашихъ ремесленниковъ не работаютъ почти *половину дней* въ году. Число праздничныхъ дней, упомянутыхъ въ нашемъ полицейскомъ законѣ, съ воспрещеніемъ производить по нимъ „публичныя" работы, доходитъ вмѣстѣ съ воскресеньями до 92-хъ дней въ году. Если къ этому числу дней присоединить мѣстные праздники, имянины, и въ особенности дни слѣдующіе за праздничными попойками, то несомнѣнно выйдетъ половина дней года, не говоря уже о болѣзняхъ или прогулахъ запоемъ, столь естественнымъ послѣ цѣлой недѣли праздниковъ. Теперь представляется случай коснуться этого зла—прогула, имѣющаго характеръ истиннаго бѣдствія, и необходимо случаемъ этимъ воспользоваться.

Въ высшей степени заслуживаютъ сочувствія тѣ постановленія

проекта, которыя допускаютъ расторженіе договоровъ по найму или на обученіе, до срока, не только за жестокое обращеніе съ нанимаемымъ или ученикомъ, но и за самое допущеніе „наказанія тѣлесно или голодомъ". До сихъ поръ, въ этомъ отношеніи существовалъ совершенно уродливый порядокъ: если ученику и удавалось говорить передъ судомъ, что мастеръ или подмастерье „злоупотребляютъ дозволенными закономъ мѣрами домашняго исправленія учениковъ своихъ", и мастеръ подвергаемъ былъ штрафу, то все-таки ученикъ отсылался *къ нему же*, то-есть подвергался новому истязанію, на томъ только основаніи, что судья не видѣлъ себя вправѣ прекратить до срока дѣйствіе договора, который такимъ образомъ обращался въ настоящую кабалу. Въ силу новаго устава, и самая та статья нынѣшняго закона, которая только-что приведена, должна утратить свое дѣйствіе, и это весьма отрадно, ибо она, подъ предлогомъ отвращенія злоупотребленій силы, прямо узаконяла ихъ, оговаривая мастеру неопредѣленное право „мѣръ домашняго исправленія", то-есть расправы кулакомъ и палкой. Въ этомъ отношеніи законъ у насъ можетъ сдѣлать весьма много къ смягченію нравовъ. Мы убѣждены даже, что еслибы издать законъ, формально отрицающій у мужей право тѣлеснаго наказанія женъ, съ правомъ для женъ жаловаться мировымъ судьямъ и обнародовать этотъ законъ чтеніемъ въ церквахъ, то и это оказало бы огромное вліяніе на смягченіе участи того несчастнѣйшаго изъ всѣхъ на свѣтѣ существъ, которое называется русскою бабой. Вспомните, на чемъ основывалъ нашъ простолюдинъ свои первыя возраженія противъ полицейскихъ и „благородныхъ" тумаковъ, въ самомъ началѣ нынѣшняго царствованія? На томъ, „что ныньче драться не велѣно".

Такъ какъ мы коснулись плачевной и достойной всякаго вниманія законодателя участи женщинъ нашего простонародья, которыя несутъ на себѣ наравнѣ съ мужчинами всѣ ихъ тягости, и *сверхъ того* еще и свои особые труды, и наконецъ всѣ горькія послѣдствія пьянства мужчины, — то укажемъ еще на необходимость исключить изъ устава о личномъ наймѣ то постановленіе, которымъ требуется согласіе мужа для законности договора, въ который вступила его жена. Несомнѣнно, что допущеніе такого условія, совершенно ненужнаго при согласіи супруговъ, поведетъ лишь къ эксплуатаціи развратными и лѣнивыми мужьями личнаго труда, которыми жены, вступая въ условія найма, содержатъ себя, а иногда и дѣтей, оставленныхъ мужьями на ихъ же прокормленіе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го декабря, 1871.

Мекленбургскій вопросъ передъ германскимъ сеймомъ. — Трейчке и Бебель. — Феодальный остатокъ въ Германіи. — Открытіе прусскаго сейма. — Графъ Андраши и новое министерство въ Австріи. — Обзоръ фактовъ въ другихъ странахъ западной Европы.

Первый годъ существованія германской имперіи отходитъ въ область исторіи. Но дѣло внутренняго преобразованія въ Германіи далеко не слѣдуетъ почитать оконченнымъ съ достиженіемъ внѣшняго единства. Что въ нынѣшней имперской организаціи парламентское начало слишкомъ слабо, этого нѣтъ нужды доказывать; что при отсутствіи имперскаго министерства, отвѣтственнаго передъ сеймомъ, теченіе дѣлъ въ Германіи слишкомъ изъято отъ общественнаго вліянія и притомъ слишкомъ исключительно зависитъ отъ воли именно прусскихъ государственныхъ людей, это очевидно. Очевидно также и то, что установленіе подобнаго порядка среди народа, котораго сознанію давно присущи совсѣмъ иные идеалы, вполнѣ объясняется самымъ происхожденіемъ германской имперіи. Исходною точкою ея краткой доселѣ исторіи была побѣда прусскаго правительства надъ народнымъ представительствомъ Пруссіи; средствами къ осуществленію національнаго единства, воплощеннаго въ имперіи, было усвоеніе прусскимъ правительствомъ завѣтной мечты народа, соединеніе его подъ прусскія военныя знамена и побѣда надъ внѣшнимъ врагомъ. Естественно, что это фактическое положеніе дѣлъ должно было выразиться и въ писанномъ „положеніи", т.-е. въ конституціи германской имперіи, какъ мы и видимъ нынѣ. Но тѣмъ не менѣе существуетъ все-таки и тотъ фактъ, на который мы указали выше, а именно, что нынѣшній порядокъ установился среди такого народа, котораго сознанію давно уже присущи совсѣмъ иные идеалы. Не можетъ быть сомнѣнія, что внутренняя исторія германской имперіи обратится въ борьбу между приведенными фактами, между консервативнымъ авторитетомъ прави-

тельства, создавшаго національное единство, и прогрессивными стремленіями націи. Когда начнется эта борьба — предсказать нельзя. Мы видимъ только, что она еще не началась, и это довольно естественно. Еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе объ иной борьбѣ, борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, соединившей націю съ правительствомъ, сперва въ общемъ чувствѣ опасенія, потомъ въ общемъ чувствѣ радости, торжества и неизбѣжнаго самодовольствія. Сверхъ того, захватъ Эльзаса и Лотарингіи будетъ оставаться препятствіемъ для свободы внутренняго развитія Германіи до тѣхъ поръ, пока она не увѣрится наконецъ, что чувства присоединенныхъ населеній перестали быть ей враждебными. Очень вѣроятно, что, присоединяя эти земли къ Германіи, Бисмаркъ имѣлъ въ виду не одни стратегическія соображенія, на случай новой войны съ Франціею, что онъ хотѣлъ дать всей Германіи такую добычу, за сохраненіе которой она должна будетъ нѣкоторое время опасаться, и тѣмъ исключительнѣе устремлять свои мысли на вѣроятность новой войны съ Франціею, откладывая до времени заботы объ измѣненіи отношеній самой націи къ своей собственной, союзной власти.

Какъ бы то ни было, въ ожиданіи парламентскихъ успѣховъ въ кругѣ учрежденій имперскихъ, въ истекшемъ мѣсяцѣ мы были свидѣтелями, какъ принципъ парламентскаго правленія заявилъ себя въ примѣненіи къ учрежденіямъ мѣстнымъ. Мы говоримъ о преніяхъ въ имперскомъ сеймѣ по вопросу о введеніи въ Мекленбургѣ конституціи. Въ ожиданіи, говоримъ мы, подобной же инціативы къ преобразованію учрежденій самой имперіи, утѣшительно видѣть на примѣрѣ этого мекленбургскаго вопроса, что желаніе такой инціативы сильно въ германскомъ народѣ; затѣмъ болѣе широкое ея проявленіе будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, какими обставитъ ее исторія ближайшихъ лѣтъ.

Что́ такое мекленбургскій вопросъ? Мекленбургскій вопросъ состоитъ въ томъ, что́ въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ не имѣется ничего похожаго на конституцію, въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово въ настоящее время, и что тамъ вполнѣ процвѣтаютъ и понынѣ феодальные порядки, вошедшіе въ пословицу. Такое положеніе Мекленбурга, во-первыхъ, противорѣчитъ устройству всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи, а во-вторыхъ, оно крайне вредно дѣйствуетъ на бытъ населенія въ самомъ Мекленбургѣ. Вотъ это и есть мекленбургскій вопросъ. Поставленъ же онъ былъ въ настоящее время такимъ образомъ, что депутатъ Бюзингъ внесъ въ имперскій сеймъ проектъ слѣдующаго дополненія къ ст. 3-й союзнаго уложенія: „въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ должно существовать исходящее изъ выборовъ представительство, котораго согласіе требуется для изданія каждаго закона, и также для опредѣленія бюджета.

(Haushalt)". Какъ видно изъ этого текста, предложеніе Бюзинга было составлено въ самыхъ общихъ выраженіяхъ и собственно о Мекленбургѣ въ немъ не упоминалось ни словомъ. Но такъ какъ изъ всѣхъ союзныхъ государствъ только мекленбургскія великія герцогства конституціи, въ смыслѣ выборныхъ представительныхъ учрежденій, не имѣютъ, то предложеніе Бюзинга и примѣнялось собственно къ нимъ. Достоинство этого предложенія можно отчасти усмотрѣть въ самой общности его выраженій: благодаря ей, законъ не только требовалъ бы введенія конституціи въ Мекленбургѣ, но и провозгласилъ бы навсегда общій принципъ, что всѣ государства въ союзѣ должны имѣть выборныя представительства, то-есть объявлялъ бы впередъ незаконными всякія отдѣльныя попытки гдѣ-либо отмѣнить уже существующія представительства. Положимъ, что подобныя попытки въ настоящее время уже мало вѣроятны, хотя недалѣе какъ 21 - 22 года тому назадъ, онѣ были явленіемъ преобладавшимъ въ исторіи того времени. Но все-таки невозможными такихъ попытокъ и теперь вполнѣ признать еще нельзя. Къ тому же, провозглашеніе союзнымъ уложеніемъ общаго принципа, предложеннаго Бюзингомъ, имѣло за себя и историческое основаніе: въ уложеніи прежняго германскаго союза, покоившагося на вѣнскихъ трактатахъ, была такая статья, знаменитая статья 13-я, постановлявшая, что всѣ государи, члены германскаго союза, дадутъ конституціи своимъ подданнымъ. Правда, исторія этой статьи— плачевная; она иллюстрирована возмутительными нарушеніями этого союзнаго закона при помощи союзной же власти, какъ было въ Гессенъ-Касселѣ. Но тѣмъ не менѣе нѣмцы, впродолженіи полувѣка, привыкли видѣть въ той 13-й статьѣ единственное обѣщаніе и ручательство своей свободы, и патріоты издавна, въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ, придали ей значеніе нѣкоторой святыни. Вотъ этотъ-то палладіумъ конституціонной свободы и предлагалось перенести въ уложеніе новаго германскаго союза, т.-е. германской имперіи, и притомъ въ формѣ, хотя и неопредѣленной, но всетаки болѣе положительной, чѣмъ какую онъ имѣлъ въ конституціи стараго германскаго союза, такъ какъ въ предложенномъ Бюзингомъ законѣ говорится уже не о Verfassung только, но именно о выборномъ представительствѣ (eine aus Wahlen der Bevölkerung hervorgehende Vertretung). Впрочемъ, текстъ закона предложеннаго Бюзингомъ все-таки еще такъ неопредѣлителенъ, что противъ него могли возражать именно на основаніи его неопредѣлительности, чтó и было. Но безполезнымъ его и въ такомъ видѣ признать никакъ нельзя. Уже одно то, что сеймъ новой имперіи, включая такой общій принципъ въ конституцію союза, тѣмъ самымъ провозглашаетъ, что будущность свою германскій народъ видитъ въ конституціонномъ, избирательно-парламентскомъ развитіи — очень важно.

Обратимся теперь къ Мекленбургу и посмотримъ, насколько про-

возглашеніе такого принципа въ союзѣ, и забота союза о введеніи конституціонныхъ учрежденій во всѣхъ частяхъ его, обѣщаютъ пользу самому Мекленбургу. Въ обоихъ герцогствахъ считается около 650 т. душъ (1865 г., Kolb), а именно, въ Шверинѣ 552 т., въ Стрелицѣ (и Ратцебургѣ) 99 т. душъ. «Мекленбургъ — говоритъ Кольбъ — единственное государство въ Германіи, въ которомъ французская революція не произвела почти никакихъ измѣненій общественнаго быта. Владѣльцы дворянскихъ вотчинъ пользуются истинно-верховными правами; только самая небольшая часть населенія подчинена непосредственно власти государственной. Долѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Германіи, а именно до 1820-го года, здѣсь существовало крѣпостное право, которому подлежало большинство населенія. Но и впослѣдствіи это положеніе не много измѣнилось къ лучшему». На своей землѣ живутъ изъ 368-ми т. земледѣльцевъ всего 15½ т., да и тѣ не полноправные владѣльцы земли. Настоящихъ же свободныхъ землевладѣльцевъ среди крестьянъ всего 630! Въ этой странѣ существуетъ величайшее стѣсненіе промысловъ, въ огражденіе господскаго хозяйства; въ деревняхъ нельзя заниматься никакимъ ремесломъ иначе, какъ для потребностей господской экономіи; такимъ образомъ, въ Мекленбургѣ, на 183 сельскихъ жителей приходится только 1 ремесленникъ. На продажу водки и пива существуетъ вотчинная привилегія; даже музыканты для танцевъ въ деревняхъ могутъ быть приглашены только тѣ, которыхъ допускаетъ экономія. Фабрикъ въ Мекленбургѣ не существуетъ вовсе, такъ какъ фабрики отнимали бы людей отъ вотчинной работы, и сверхъ того, фабрики, какъ извѣстно, неблагонадежны для «патріархальныхъ» порядковъ. Извѣстно, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ дворовые люди и мызные работники въ Мекленбургѣ подчинялись тѣлесному наказанію.

Мекленбургскіе порядки не что иное, какъ остатокъ общихъ порядковъ (das gemeine deutsche Recht), какіе существовали въ Германіи до той поры, какъ наполеоновскія завоеванія пронесли надъ этимъ феодальнымъ зданіемъ волну французской революціи; другой остатокъ этихъ порядковъ мы видимъ у себя въ остзейскомъ краѣ, который, какъ и Мекленбургъ, избѣгнулъ вліянія французской революціи.

Уродливые политическіе и экономическіе порядки въ Мекленбургѣ отражаются на населеніи въ самыхъ плачевныхъ фактахъ: на 1000 человѣкъ рекрутъ только 322 умѣли хорошо читать печатное, а письмо всего 171 (цифры 1858—61 годовъ, Блокъ); 101 же совсѣмъ не умѣли читать письма, а три даже печати, несмотря на то, что здѣсь, какъ во всѣхъ протестантскихъ земляхъ, знаніе грамоты обязательно для конфирмаціи. Извѣстно, какъ сильно возрастаетъ населеніе во всей Германіи; въ Мекленбургѣ же оно не только не возрастаетъ, но даже нѣсколько уменьшается; въ особенности замѣтно уменьшеніе именно

на дворянскихъ (рыцарскихъ) земляхъ. Выселеніе изъ Мекленбурга весьма значительно; изъ полумилліоннаго населенія ежегодно выселяется болѣе 1 т. чел., а въ нѣкоторые года свыше 5-ти т. чел. (цѣлый процентъ въ одинъ годъ!). Трейчке, во время преній, сказалъ, что въ послѣднія 10 лѣтъ изъ полумилліоннаго населенія Мекленбурга выселилось около 60-ти тысячъ.

Одновременно съ увеличеніемъ выселенія идетъ здѣсь уменьшеніе числа браковъ, а за этимъ фактомъ — слѣдствіемъ является возрастаніе числа незаконнорожденныхъ по отношенію къ числу дѣтей, рождаемыхъ въ бракѣ. «Въ 1851-мъ году, — говоритъ Блокъ — въ 260-ти округахъ цѣлая треть рожденій состояла изъ незаконныхъ рожденій, въ 209-ти округахъ — даже половина, а въ 79-мъ округахъ даже не было иныхъ рожденій, кромѣ незаконныхъ».

Нынѣшнее матеріальное и нравственное паденіе Франціи и безумія парижской коммуны передъ массою общества почти заслонили собою значеніе великой французской революціи. Полезно, однако, иногда припомнить себѣ, каковы были въ сущности тѣ феодальные порядки, отъ которыхъ эта революція освободила не только Францію, но и Германію. Все необыкновенное развитіе Германіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, развитіе не только политическихъ идей, но и всякаго рода: ремесленное, мануфактурное, финансовое, распространеніе не грамотности только, но образованности въ массахъ, наконецъ, устройство ассоціацій было немыслимо безъ той революціи, которая произошла во Франціи. Какимъ образомъ могла бы возникнуть промышленность и народная образованность въ Мекленбургѣ, пока тамъ не отмѣнены феодальные порядки, которые держатъ въ узахъ всякое частное начинаніе, не говоря уже объ инціативѣ общественной?

Правда, въ эти порядки однажды уже была проложена брешь, а именно, въ 1848-мъ и 1849-мъ годахъ, опять-таки, за новымъ революціоннымъ движеніемъ во Франціи, которое отразилось на большинствѣ германскихъ государствъ. Въ Мекленбургѣ были провозглашены новые основные законы (Staatsgrundgesetz, 10-го октября 1842-го года). Феодальные порядки были отмѣнены, но въ 1852-мъ году, когда вторая имперія установилась во Франціи и повлекла за собою реакцію во всей Европѣ, феодальная система во всей своей силѣ была возстановлена въ Мекленбургѣ, на точномъ основаніи Erbvergleich'а 1755-го г., и возстановлена, притомъ, по рѣшенію именно союзнаго сейма.

Въ нынѣшнихъ преніяхъ, мекленбургскій министръ фонъ-Бюловъ утверждалъ, правда, что въ Мекленбургѣ давно существуетъ конституція, то-есть, „государственные чины" (Stände), существуетъ съ такого времени, когда въ остальной Германіи „о такихъ конституціяхъ говорилось еще мало (nicht viel die Rede gewesen mag)". Но называть конституціею феодальное „соглашеніе съ чинами", въ силу котораго

держатся именно привилегіи дворянства и больше ничего, без борнаго представительства, безъ гласности самого бюджета — зна играть словами. То, что мы называемъ конституціею, въ наше не имѣетъ ничего общаго съ феодальными „пактами." Мекленбур министръ, возставая противъ предложенія Бюзинга, объявилъ что самъ великій герцогъ мекленбургъ-шверинскій уже готовъ измѣненіе въ нынѣшній порядокъ, и что мекленбургскіе чи (оба мекленбургскія великія герцогства имѣютъ одно общее собр чиновъ — Landstände, съ чисто-феодальнымъ характеромъ), кот должны были собраться на другой день послѣ самаго засѣданія перскаго сейма, въ которомъ объявлялъ это г. Бюловъ (2 ноября вѣроятно, будутъ сдѣланы сообщенія по этому предмету. И дѣйс тельно: вслѣдствіе прошеній отъ 16-ти мекленбургскихъ городовъ, кій герцогъ мекленбургъ-шверинскій, въ рескриптѣ 9-го октября, ляль готовность къ реформамъ. Но, тѣмъ не менѣе, очень что имперскій сеймъ не удовольствовался такими обѣщаніями наго правительства. Несмотря на тайну, которою покрывается въ ленбургъ-Шверинѣ денежное хозяйство, Кольбъ приводитъ, однако кой фактъ, что тамъ издержки придворнаго управленія превыш весь расходъ на гражданское управленіе страны, а именно: рас гражданскаго управленія не достигаютъ полумилліона талеровъ, тѣмъ, какъ расходы придворнаго управленія превосходятъ цифру милліона талеровъ. Намъ достаточно знать этотъ фактъ, чтобы не дать со стороны мекленбургскаго правительства добровольнаго у къ введенію представительнаго правленія, котораго первымъ услові и должно быть контролированіе финансовъ и опредѣленіе бюдже

Переходя къ преніямъ имперскаго сейма по мекленбургскому просу, мы остановимся на рѣчахъ депутатовъ Бюзинга, Трейчке и Г дорфа (при второмъ чтеніи, 2-го ноября) и на рѣчи депутата Бе (при третьемъ чтеніи предложенія Бюзинга, 8-го ноября). Бюз поддерживая свое предложеніе, доказывалъ, что невозможно д оставлять Мекленбургъ подъ ярмомъ феодализма и полнымъ от ствіемъ общественнаго контроля; онъ напомнилъ, въ видѣ прим фактъ, что часть французской контрибуціи, которая дана будетъ ленбургу, будетъ употреблена его правительствами совершенно извольно, безъ всякаго даже отчета. Капитальнѣйшая рѣчь именно рѣчь Трейчке. Опровергая доводы мекленбургскаго минис Трейчке хотя и соглашался, что герцоги мекленбургскіе сами мог быть одушевлены наилучшими намѣреніями, но признавалъ необ димымъ поддержать предполагаемыя имъ добрыя намѣренія прот неуступчиваго рыцарства. Онъ требовалъ уравненія со всею Гер Мекленбурга „отечества Блюхера и Мольтке". Здѣсь кстати замѣ что несмотря на такой призывъ оратора къ славѣ его имени,

Мольтке при голосованіи подалъ свой голосъ противъ этого уравненія Мекленбурга, съ Германіей. „Германская имперія достаточно сильна, чтобы допустить существованіе въ своей средѣ даже республики", сказалъ между прочимъ Трейчке; „но извѣстный минимумъ свободы, какъ существованіе конституціи и представительныхъ учрежденій, необходимо долженъ быть установленъ". „Напрасно думаютъ, продолжалъ Трейчке, что въ Мекленбургѣ и теперь есть все-таки конституція, только похуже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; это грубая ошибка. То, что́ тамъ называется конституціей, это тотъ сословный, олигархическій порядокъ, который за четверть-тысячелѣтія тому назадъ существовалъ во всѣхъ земляхъ остзейскаго прибрежья и вездѣ исчезъ, будучи смѣненъ прежде всего именно прусскимъ государственнымъ устройствомъ." Изложивъ сущность плачевнаго положенія Мекленбурга, Трейчке сказалъ: „не разъ мнѣ случалось говорить съ иностранцами о цезаризмѣ, милитаризмѣ и другихъ „измахъ", которые они на насъ взводятъ, и со всѣми ихъ аргументами я могъ справиться; но когда мнѣ указывали на Мекленбургъ, я долженъ былъ молчать." Въ заключеніе своей рѣчи, Трейчке прекрасно выяснилъ нравственное значеніе, какое будетъ имѣть рѣшеніе имперскаго сейма въ духѣ прежней 13-й статьи уложенія германскаго союза. „Я знаю, господа", сказалъ онъ, „что рѣшеніе, какое можетъ послѣдовать по этому вопросу въ союзномъ совѣтѣ, еще сомнительно; но мы здѣсь имѣемъ за собой все общественное мнѣніе, и не преминемъ возвращаться съ нашимъ требованіемъ, пока наконецъ не достигнемъ нашей цѣли. Вступая въ первый разъ въ эти залы (то-есть въ новое помѣщеніе сейма), мы увидѣли изображеніе такихъ людей, на чьихъ плечахъ воздвиглось новое время. Но этотъ Дальманъ, эти Арндты — всѣ они боролись вѣдь не только за мысль о единствѣ Германіи, нынѣ осуществленную предъ нами, они боролись за конституціонныя основныя права германскаго народа!" Если даже такой человѣкъ, какъ Трейчке, который изъ торжества Пруссіи сдѣлалъ родъ философіи или религіи, считаетъ, однако, нужнымъ дѣлать подобныя напоминанія, не считаетъ дѣло германскаго народа завершеннымъ однимъ этимъ торжествомъ, то есть достаточное основаніе полагать, что великое это дѣло и въ дѣйствительности не остановится на одномъ только военномъ торжествѣ Пруссіи и Германіи вообще.

Консервативный ораторъ Гелльдорфъ оспаривалъ пользу принятія предложенія Бюзинга, собственно по его неопредѣленности. Что́ значитъ выборное представительство? спрашивалъ онъ и находилъ, что, дабы ввесть въ странѣ конституціонныя гарантіи, соотвѣтствующія цѣли, необходимо точно опредѣлить самыя черты предполагаемыхъ учрежденій, напримѣръ цензъ и образъ избирательства, а это было бы уже вторженіе въ область внутренняго законодательства отдѣльныхъ

земель. Замѣчательно, что клерикалъ Рейхеншпергеръ говорилъ въ пользу предложенія Бюзинга. Въ засѣданіи 8-го ноября, при третьемъ чтеніи этого проекта, говорилъ радикалъ Бебель и говорилъ *противъ* предложенія Бюзинга, главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, что ему (Бебелю) совершенно все равно, будутъ ли впредь маленькія государства въ Германіи не только имѣть правильныя или неправильныя конституціи, но будутъ ли они даже и существовать. „Намъ это все равно", сказалъ Бебель, „потому, что теперь эти маленькія правительства просто полицейская палка въ рукахъ прусскаго правительства. Если г. Бисмаркъ завтра же положитъ ихъ въ карманъ, то мы не станемъ ни помогать ему въ этомъ, ни противиться; по крайней мѣрѣ тогда будетъ то хорошо, что всѣ силы устремятся на одного, главнаго противника." Бебель осыпалъ насмѣшками весь парламентаризмъ даже и въ самой имперіи, объявляя, что правительство *слишкомъ переросло* этотъ парламентаризмъ, такъ что онъ теперь уже не смѣетъ добиваться новыхъ правъ, а только держится въ оборонительномъ положеніи. „Правительство должно быть только исполнительною властью народа", сказалъ Бебель; „а здѣсь *оно* — воля, а наша доля слушаться. Когда наше представительство не хотѣло слушаться, оно получало парламентскіе пинки (parlamentarische Fusstritte). Канцлеръ сказалъ здѣсь однажды, что правительство, послѣ каждой новой войны, дѣлалось конституціоннѣе. Но разгадка въ томъ, что либеральная партія, послѣ каждой новой войны, становилась „реакціонернѣе".

Мы не будемъ долѣе останавливаться на рѣчи Бебеля, въ которой есть доля правды, но совершенно невѣрна исходная точка. Дѣло въ томъ, что парламентарное правленіе въ Германіи въ дѣйствительности находится еще im Werden; дѣло въ томъ, чтобы осуществить въ дѣйствительности то, что существуетъ пока еще не вполнѣ. А Бебель примѣняетъ къ существующему требованія идеальныя, и отрицаетъ пользу медленной работы развитія. Важно все-таки то, что въ германскомъ сеймѣ говорятся и такія вещи; чѣмъ требовательнѣе и строже критика, тѣмъ успѣшнѣе можетъ идти исправленіе, хотя до идеала, конечно, оно все-таки дойти вдругъ не можетъ. Вотъ почему нельзя не пожалѣть о томъ, какъ къ Бебелю отнеслось и большинство собранія, и президентъ. Большинство покрывало его слова хохотомъ (schallendes Gelächter), котораго искренность позволено заподозрить, такъ какъ смѣшного въ рѣчи Бебеля ничего не было. Президентъ же, съ согласія собранія, отнялъ у Бебеля слово, когда тотъ сказалъ, что германская конституція не стóитъ того клочка бумаги, на которомъ она написана. Такое крайнее мнѣніе очевидно нелѣпо; но слѣдовало бы избѣгать всего, чтó напоминаетъ отношеніе большинства законодательнаго корпуса и его президентовъ, при второй имперіи во Франціи, къ ораторамъ династической оппозиціи. „Я вамъ не дозволю

касаться конституціи имперіи", — фраза слишкомъ памятная, и едвали удобно напоминать ее. Предложеніе Бюзинга, въ томъ же засѣданіи, было принято значительнымъ большинствомъ.

По предложенію баварскаго правительства, союзнымъ совѣтомъ внесенъ былъ въ имперскій сеймъ проектъ закона объ установленіи наказаній за злоупотребленіе духовными лицами проповѣдью; законъ этотъ направленъ противъ политической агитаціи католическаго духовенства. Имперскій сеймъ утвердилъ его большинствомъ 179-ти голосовъ противъ 108-ми. Сеймъ утвердилъ также проектъ закона о монетной реформѣ, и закрылъ свои засѣданія. За окончаніемъ имперской сессіи тотчасъ послѣдовало открытіе прусскаго сейма (27-го ноября н. с.). Въ тронной рѣчи по этому поводу объявлено, между прочимъ, что въ прусскій сеймъ будутъ внесены проекты законовъ о гражданскомъ бракѣ и объ училищной реформѣ.

Для другихъ подробностей политической жизни Германіи, мы обращаемъ вниманіе читателя на нашу корреспонденцію изъ Берлина, помѣщенную ниже.

Со времени паденія министерства Гогенварта, которое сдѣлало попытку соглашенія съ чехами и пало подъ соединенными ударами нѣмцевъ и мадьяровъ, во внутренней политикѣ Австрійской монархіи произошла такая, повидимому, безъисходная путаница, которую съ величайшею пользою для себя могутъ штудировать фанатики „національнаго принципа", видящіе въ немъ разрѣшеніе всѣхъ политическихъ вопросовъ, альфу и омегу политической мудрости. Примѣръ Австріи какъ нельзя лучше показываетъ, что „національный принципъ", какъ принципъ, неспособенъ разрѣшать никакого вопроса, а напротивъ создаетъ безконечный рядъ вопросовъ и споровъ, которые логически вытекаютъ одинъ изъ другого; показываетъ, что національный принципъ годится только тамъ, гдѣ его лозунгомъ своимъ избираетъ сила, которая и безъ него рѣшила бы вопросъ посвоему. Тамъ же, гдѣ узелъ не можетъ быть разрубленъ мечомъ, какъ именно во внутреннихъ отношеніяхъ государства, тамъ національный принципъ не только неспособенъ развязать спорный узелъ къ общему удовольствію, но наоборотъ—навязываетъ узелъ на узелъ такъ что наконецъ теряется всякая надежда когда-либо распутать нить внутренней политики. Въ Австріи нѣтъ такихъ теоретическихъ партій, какъ во Франціи; но сами австрійскія народности съ успѣхомъ принимаютъ на себя роль тѣхъ партій, ставящихъ собственную свою програму выше даже спасенія самого государства. L'Etat c'est moi — говорилъ французскій король-солнце (le Roi-Soleil, Людовикъ XIV). Этого ужъ конечно не можетъ теперь сказать императоръ Францъ-Іосифъ, который поочередно ведетъ переговоры со своими подданными разныхъ народностей, и не-

успѣвая передъ одними, обращается къ другимъ, все еще не теряя надежды. Но за то каждая изъ народностей, населяющихъ его государство, усвоиваетъ себѣ взглядъ Людовика XIV-го, и готова провозгласить: „австрійская имперія, это—я". Нѣтъ кажется необходимости доказывать, что такое національное самообожаніе можетъ повести государство къ паденію еще вѣрнѣе, чѣмъ слѣпая самоувѣренность французскихъ партій. Всего болѣе въ этой борьбѣ рискуютъ именно чехи, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ распаденія Австріи, Богемія отойдетъ къ Пруссіи, еслибы Галиція отошла къ Россіи. Тогда „непрерывная законность" чешскаго „государственнаго устройства" прервется уже не на 200-ти лѣтъ, какъ было доселѣ, а сверхъ того исчезнетъ и самая національная жизнь Чехіи. Галиційскіе поляки въ этой борьбѣ рискуютъ то же немало, но за то они ведутъ себя осторожнѣе чеховъ. Отсюда и происходитъ усиленное негодованіе чешской національной партіи противъ поляковъ.

Негодованіе это проявилось, когда узнали, что галиційскій министръ, Грохольскій, не вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ Гогенвартомъ и чехами, а вмѣстѣ съ нѣмцомъ—Гольцгетаномъ, остался подъ крыломъ канцлера Бейста. Чешскій органъ, „Народные Листы", смѣется надъ поляками, какъ надъ легкомысленными людьми, которые довольствуются игрушками, и будутъ поддерживать всякое нѣмецкое министерство, если только оно дастъ имъ игрушку — отдѣльнаго министра галиційскихъ дѣлъ, который ничего не дѣлаетъ и ничего не значитъ. Это отчасти и справедливо, и если поляки, въ самомъ дѣлѣ, чувствуютъ себя счастливыми оттого только, что у нихъ въ Вѣнѣ есть особый министръ, то это можно пожалуй назвать ребячествомъ. Но что поляки предпочитаютъ подчиняться какому бы то ни было нѣмецкому министерству, чѣмъ подвергать опасности разложенія саму австрійскую имперію, это съ ихъ точки зрѣнія нисколько не ребячество, а напротивъ благоразуміе, которому и чехамъ не мѣшало бы подражать, потому именно, что съ разложеніемъ Австріи можетъ исчезнуть сама чешская народность; она втеченіи нѣкотораго періода исчезнетъ въ Пруссіи еще скорѣе, чѣмъ польская народность исчезаетъ въ Познани, потому что въ Богеміи уже и теперь треть населенія нѣмцы. Польская же національность и въ случаѣ присоединенія Галиціи къ Россіи навѣрное пережила бы чешскую, уже потому, что обрусеніе не идетъ, да и не можетъ идти такъ быстро, какъ германизація, потому что для него нѣтъ главной силы, именно избытка населенія, какъ въ Германіи, который бы направился на окраины и ассимилировалъ бы ихъ.

Объ отношеніяхъ чеховъ къ полякамъ приходится говорить потому, что за неудачею „соглашенія съ чехами" теперь выступаетъ впередъ въ Австріи „соглашеніе съ поляками". Само собою разумѣется,

› окончательнаго, прочнаго соглашенія въ Австріи и съ поляками
гъ не можетъ, всеравно какъ и съ чехами, до тѣхъ поръ, пока
іяки будутъ ставить свой національный принципъ выше всего, пока
і будутъ смотрѣть на соглашеніе съ Австріею какъ на временный
ипромиссъ и будутъ полагать себя живущими въ Австріи какъ бы
partibus infidelium. Фанатизмъ національнаго принципа, повторя-
ъ, устраняетъ всякую возможность прочнаго соглашенія и мира.
ки приписываютъ графу Андраши выраженіе, что „Цислейтаніею
жно править только посредствомъ абсолютизма", и горячо нападаютъ
него за такія слова, а когда онъ опровергнулъ ихъ, не повѣрили
юверженію, и все еще возвращаются къ нимъ. Но если въ самомъ
ıѣ предположить, что прочная, здоровая конституціонная жизнь,
›ми признанная, можетъ установиться въ Австріи неиначе какъ по
лашенію имперскихъ учрежденій съ „историческимъ правомъ" и
ıмобытной государственной законностью" словенцевъ и лужичанъ,
нельзя не отчаяться въ успѣхѣ всего этого дѣла, и въ такомъ от-
шеніи легко можетъ придти на мысль именно то мнѣніе, за которое
ки такъ вознегодовали на графа Андраши.

Графъ Андраши, дѣйствительно, а не Бейстъ, произнесъ приговоръ
дъ программою Гогенварта, хотя вызвалъ паденіе Гогенварта не
драши. Пользуясь своимъ качествомъ венгерскаго министра, не
изваннаго вмѣшиваться въ цислейтанскія дѣла, развѣ по прямому
иглашенію императора, Андраши оставался въ сторонѣ, предостав-
я канцлеру Бейсту иниціативу въ низложеніи Гогенварта. Прочи-
въ записку Бейста, доказывавшую невозможность согласиться на
ловія, какія графъ Гогенвартъ положилъ въ основаніе отвѣтнаго
скрипта чешскому сейму, императоръ вызвалъ Андраши и спросилъ
› мнѣнія. Андраши тогда объявилъ, что предложенія чеховъ идутъ
разрѣзъ съ венгерскою законностью. Императоръ рѣшился отка-
ться отъ программы Гогенварта, и отставка его послѣдовала сама
бою. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ сознавалъ, что онъ отказался
ь программы, которой общіе принципы были имъ самимъ одобрены
ежде, и естественно почувствовалъ крайнее неудовольствіе противъ
нцлера Бейста, который не высказался противъ соглашенія съ че-
ми въ то еще время, когда велись о немъ, частнымъ образомъ, пе-
говоры, а возсталъ противъ этого соглашенія во всеоружіи своихъ
водовъ тогда, когда дѣло было уже поставлено оффиціальнымъ об-
зомъ, съ предварительнаго согласія самого Франца-Іосифа.

Немудрено, что такимъ образомъ, нанеся слишкомъ поздно ударъ
ограммѣ Гогенварта, Бейстъ исчерпалъ этимъ несвоевременнымъ
илiемъ и собственный свой кредитъ. Кромѣ трехъ министерствъ, во-
угъ императора есть еще интимный придворный кружокъ, военнаго
става и клерикальнаго направленія. Представителемъ его считаютъ ге-

нерала-адъютанта Белльгарда. Этому кружку Бейстъ никогда не былъ милъ: чужеземецъ, лютеранинъ, совѣтникъ конституціонныхъ соглашеній и расторженія конкордата, Бейстъ не только не имѣлъ корней въ высшей сферѣ Вѣны, но былъ ей прямо нелюбезенъ; она видѣла въ немъ нѣкоего intrus сомнительныхъ и неблагонадежныхъ качествъ.

Вотъ почему, когда Андраши произнесъ свой приговоръ надъ программою Гогенварта, то первымъ послѣдствіемъ была отставка кабинета „соглашенія съ чехами", а вторымъ — увольненіе самого канцлера Бейста, который управлялъ иностранными дѣлами Австріи и давалъ общее направленіе внутренней политикѣ втеченіи пяти лѣтъ, именно съ 1866-го г. Въ оффиціальной газетѣ появился 10-го ноября (н. с.), благодарственный рескриптъ, увольнявшій графа Бейста отъ должностей его, съ назначеніемъ пожизненнымъ членомъ верхней палаты. Впослѣдствіи, онъ назначенъ посломъ въ Лондонъ. Президентомъ имперскаго министерства, министромъ иностранныхъ дѣлъ и двора назначенъ затѣмъ графъ Андраши; званіе канцлера ему не присвоено. Между тѣмъ, послѣ паденія Гогенварта, было поручено въ самомъ началѣ ноября (н. с.) барону Келлерспергу образовать новое цислейтанское министерство. Баронъ Келлерспергъ — рѣшительный приверженецъ нѣмецкой національной партіи, хотѣлъ стать въ Цислейтаніи снова на точку 1861 г. (программа Шмерлинга), т.-е. опереться на принципъ нѣмецко-централистскій, разумѣется, неиначе какъ въ согласіи съ осуществленными уже, на основаніи дуализма, отношеніями къ Венгріи. Онъ не хотѣлъ болѣе никакихъ уступокъ, ни чехамъ, ни полякамъ, и полагалъ даже упразднить должность галиційскаго министра, сохранивъ Грохольскаго въ своемъ кабинетѣ, но уже въ качествѣ министра не Галиціи, а — „земледѣлія". На этомъ вопросѣ онъ и разошелся съ новымъ главою имперскаго правительства, съ Андраши который находитъ, что полезно поляковъ привлечь къ тѣсному союзу съ правительствомъ, такъ какъ для нихъ достаточно будетъ уступокъ небольшихъ, непохожихъ на тѣ, какихъ добиваются чехи.

Въ половинѣ ноября (н. с.) Келлерспергъ отказался отъ составленія цислейтанскаго кабинета, а въ концѣ ноября (26 н. с.) появились въ оффиціальной газетѣ декреты о назначеніи президентомъ цислейтанскаго кабинета князя Адольфа Ауэрсперга, а членами этого кабинета: Лассера, Глазера, Штремайра, Банханса и Унгера. При этомъ Грохольскій уволенъ, такъ какъ предполагается новое соглашеніе съ поляками, за которымъ уже и будетъ рѣшено, останется ли должность галиційскаго министра въ Вѣнѣ, или будетъ замѣнена болѣе важными уступками автономіи Галиціи, или же будетъ сохранена, при такихъ уступкахъ, но замѣщена человѣкомъ болѣе популярнымъ въ Галиціи, чѣмъ Грохольскій. Переговоры были уже начаты съ Водзицкимъ, но не привели ни къ чему. Каково будетъ вліяніе графа Андраши на на-

правленіе австрійской иностранной политики, предвидѣть трудно. Бейстъ, въ своихъ прощальныхъ рѣчахъ говорилъ, и самъ Андраши, въ разосланномъ имъ, при вступленіи въ должность, циркулярѣ, объявилъ, что политика Австріи останется безъ всякаго измѣненія. Чешскія же и вообще славянскія газеты увѣряютъ, что политика Андраши поведетъ къ столкновенію съ Россіею въ восточномъ вопросѣ. Но очень можетъ быть, что этого и не случится: какъ велико ни было бы въ Вѣнѣ нравственное вліяніе венгровъ и ихъ представителя — Андраши, не надо забывать, что не менѣе значительно тамъ, въ силу обстоятельствъ, вліяніе совсѣмъ иное, а именно вліяніе канцлера *германской* имперіи.

Венгерскимъ министромъ президентомъ вмѣсто Андраши назначенъ графъ Лоньяй (Lonyay), бывшій доселѣ имперскимъ министромъ финансовъ. Отвѣтъ императора на адресъ чешскаго сейма указывалъ чехамъ на конституцію 1867-го г., и приглашалъ ихъ прислать депутатовъ въ рейхсратъ. Этотъ рескриптъ былъ прочтенъ въ засѣданіи чешскаго сейма 4-го ноября, (н. с.), а въ засѣданіи 8-го ноября, сеймъ единогласно принялъ постановленіе, депутатовъ въ рейхсратъ не посылать, и затѣмъ сессія сейма была закрыта. Андраши рѣшился прибѣгнуть къ производству въ Чехіи выборовъ въ рейхсратъ мимо мѣстнаго сейма, то-есть путемъ прямыхъ выборовъ, что конституціею 1867-го г. допускается въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Объявленіе о производствѣ такихъ выборовъ 16 ноября было прибито на улицахъ Праги. Кромѣ того, патентомъ отъ 25-го ноября, распущены сеймы Верхней Австріи, Карніоліи, Буковины, Моравіи, Форальрберга, и повелѣно произвесть въ этихъ областяхъ новые выборы въ областные сеймы, которые и созваны на 18-ое декабря.

Помѣщая въ нынѣшней книгѣ журнала корреспонденцію, посвященную обзору политическаго положенія Франціи, наканунѣ возобновленія засѣданій національнаго собранія (4 декабря), мы ограничимся, въ заключеніе нашего иностраннаго обозрѣнія за 1871-й годъ, краткимъ указаніемъ на одни главные факты, какими ознаменовалась исторія европейская къ концу истекающаго года за предѣлами германскаго міра и его внутренней политики. Начнемъ съ Италіи и кончимъ Англіею.

Въ Италіи совершилось наконецъ вполнѣ утвержденіе столицы королевства въ Римѣ, такъ какъ 21-го ноября туда прибылъ король, а 27-го ноября онъ лично открылъ первую въ Римѣ сессію итальянскаго парламента. Въ тронной рѣчи сообщается о внесеніи проектовъ законовъ въ смыслѣ децентрализаціи и завершеніи судебной реформы; не менѣе замѣчательны также тѣ слова тронной рѣчи, гдѣ правительство указываетъ на необходимость усилить заботы о распространеніи въ Ита-

ліи, въ этой классической странѣ по преимуществу, реальнаго образованія, въ смыслѣ научнаго и профессіональнаго.

Въ Испаніи распря сагастистовъ съ соррильистами вызвала новый министерскій кризисъ; радикалы внесли въ палату предложеніе о заявленіи недовѣрія министерству Малькампо, а уніонисты вмѣстѣ съ карлистами составили, вопреки желанію министерства, большинство въ пользу разсмотрѣнія вопроса объ отмѣнѣ закона, уничтожившаго юридическое существованіе духовныхъ корпорацій. Министерство Малькампо подало въ отставку, но король, по совѣщанію съ президентами палатъ, отсрочилъ сессію палатъ и удержалъ нынѣшнихъ министровъ. Выходъ изъ этого положенія одинъ: распущеніе кортесовъ. Но спрашивается еще, рѣшится ли на эту мѣру министерство Малькампо, такъ какъ новые выборы, по всей вѣроятности, дали бы результатъ благопріятный не Малькампо, а Руису Сориллѣ.

Въ Бельгіи произошли, вскорѣ послѣ открытія палатъ (14 ноября), безпорядки на улицахъ Брюсселя, то-есть, демонстраціи противъ клерикальнаго министерства. Дѣло было въ томъ, что министерство назначило губернаторомъ Лимбурга г. Де-Декера (бывшаго нѣкогда министромъ), человѣка участвовавшаго въ коммерческихъ спекуляціяхъ клерикальнаго кружка, а именно компаніи Лангранъ-Дюмонсо, окончившихся расхищеніемъ ввѣренныхъ имъ денегъ. Депутатъ Бара́ сдѣлалъ запросъ по поводу значенія Де-Декера и при этомъ представилъ нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствованныя изъ бумагъ компаніи, опечатанныхъ въ Парижѣ во время осады. Вслѣдъ за этимъ произошли анти-клерикальныя и анти-министерскія демонстраціи. Де-Декеръ подалъ въ отставку и уволенъ.

Въ Англіи, возобновленіе парламентской сессіи предстоитъ еще только въ февралѣ; Гладстонъ, чтобы усилить кабинетъ, предложилъ опять мѣсто Брайту, который впрочемъ, вѣроятно, откажется.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) Ноября 1871 г.

Осенніе труды рейхстага, и берлинская биржа.

Осеннія засѣданія нашего рейхстага начались еще 4 (16) октября, и теперь подходятъ уже къ концу. Тронная рѣчь перечислила всѣ вопросы, которыми предстояло заняться рейхстагу: бюджетъ, законъ о монетной реформѣ, законъ относительно субсидіи на сооруженіе сенъ-готардской желѣзной дороги, такъ-называемый законъ о районѣ крѣпостей, т.-е

законъ, касающійся вознагражденія за отчужденіе частной поземельной собственности, имѣющей отойти подъ новыя укрѣпленія или на расширенія старыхъ, и наконецъ законъ объ имперскихъ чиновникахъ. Какъ ни скудно было это законодательное *menu*, парламентская сессія дала еще менѣе, чѣмъ обѣщала.

Самымъ важнымъ вопросомъ считался бюджетъ, и главнымъ образомъ потому, что въ послѣднихъ числахъ декабря настоящаго года истекаетъ срокъ, въ теченіи котораго, согласно конституціи сѣверогерманскаго союза, парламентъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ подробности военнаго хозяйства. Военный министръ получалъ въ полное свое распоряженіе по 225-ти талеровъ на каждаго солдата. Но численность арміи полагалась въ мирное время въ размѣрѣ одного процента съ населенія, по переписи 1867-го года.

Это въ высшей степени странное распоряженіе было съ радостью принято всѣми, во избѣжаніе затрудненій, которыя возникли бы непремѣнно, если бы военный бюджетъ обсуждался ежегодно. Военный министръ сказалъ въ то время: армія, въ своемъ настоящемъ составѣ, вмѣстѣ съ артиллеріей, крѣпостями, словомъ, со всѣмъ, что къ ней относится, стóитъ столько-то и столько-то. Среднимъ числомъ на каждаго солдата приходится столько-то, и эта сумма покроетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ остальные расходы.

Это крайнее средство оправдывалось въ глазахъ парламента воспоминаніемъ о послѣднемъ внутреннемъ кризисѣ, такъ какъ было ясно, что при неустройствѣ отношеній въ сѣверо-германскомъ союзѣ, вопросъ объ арміи долженъ былъ оставаться въ сторонѣ, и война съ Франціей показала, насколько было разумно развязать, въ этомъ отношеніи, руки правительству. Оно не обмануло оказаннаго ему довѣрія и довело состояніе арміи до совершенства.

Совсѣмъ тѣмъ такой порядокъ вещей могъ быть лишь временнымъ. Если бы парламентъ отказался навсегда отъ права вмѣшательства въ вопросы объ арміи, то пришлось бы распрощаться съ конституціоннымъ порядкомъ, и это такъ ясно, что правительство не дѣлало даже попытки продлить такой порядокъ дѣлъ; но принимая во вниманіе короткій промежутокъ, который прошелъ со времени заключенія мира и въ который ему пришлось столь многое организовать заново, понятно, что оно не могло представить подробнаго бюджета и рѣшилось продлить еще на годъ выдачу круглой суммы по 225-ти талеровъ на каждаго солдата, на что и получило согласіе рейхстага.

Тѣмъ не менѣе, можно заранѣе сказать, что такое рѣшеніе вопроса есть не что иное, какъ простое перемиріе, и что борьба съ новой силой должна разгорѣться въ слѣдующемъ году: не только крайняя лѣвая (демократическая партія), но и болѣе умѣренные люди желаютъ сократить расходы по арміи. Между тѣмъ военный министръ сознался,

что теперешней суммы ему далеко недостаточно. Если въ настоящую минуту еще не заявляется требованія объ ея увеличеніи, то это только потому, что множество расходовъ все еще ставится на счетъ войны— чтó, само собой разумѣется, ведется особо—между тѣмъ какъ при нормальномъ ходѣ дѣлъ эти расходы должны быть внесены въ военный бюджетъ мирнаго времени. Кромѣ того, войска, находящіяся во Франціи, содержатся на счетъ послѣдней, и черезъ это получается значительная экономія, покрывающая другія издержки.

Недовольные военнымъ хозяйствомъ утверждаютъ, что по возстановленіи обыкновенныхъ, нормальныхъ условій, расходы по арміи превысятъ 100 милліоновъ, и что такая значительная сумма не можетъ, въ концѣ концовъ, не отразиться на благосостояніи страны, а потому они требуютъ сокращенія срока службы, какъ наилучшаго средства помочь бѣдѣ. Но извѣстно, что это самое требованіе вызвало внутренній кризисъ въ Пруссіи, и нельзя поручиться, чтобы въ будущемъ оно не послужило источникомъ новаго столкновенія. Нѣмецкій народъ не зараженъ шовинизмомъ, и война нисколько не развиваетъ въ немъ воинственныхъ инстинктовъ. Требованіе сокращенія арміи всегда встрѣчало и будетъ встрѣчать сочувствіе. Еслибы желанія народа были исполнены, то войско давно бы уже преобразилось въ милицію, и срокъ службы былъ бы сокращенъ дó-нельзя. Это миролюбивое настроеніе встрѣчаетъ противовѣсъ въ монархическихъ традиціяхъ прусскаго королевскаго дома, который проявляется болѣе или менѣе ощутительно, и смотря по его силѣ или слабости различные періоды прусской исторіи бываютъ или славны или нѣтъ. Летаргическимъ состояніемъ народа объясняется періодъ глубокаго упадка, наступившій вслѣдъ за блестящимъ царствованіемъ Фридриха Великаго, и жалкая роль, которую Пруссія играла послѣ войны за освобожденіе. Вовсе не политическая безтактность довела Пруссію въ 1850-мъ году до Ольмюца, но сознаніе своей военной слабости, и даже въ 1859-мъ, несмотря на то, что военныя условія ея нѣсколько улучшились, они все еще не были настолько благопріятны, чтобы дозволить ей, какъ того требовала политика, энергически вмѣшаться въ войну между Австріей, Франціей и Италіей. Незавидная роль, какую играла Пруссія, вызывала всеобщія жалобы, но когда правительство указало на средства измѣнить ее, поднялась всеобщая оппозиція.

Не объясняйте моихъ словъ такъ, что нѣмцы чувствуютъ отвращеніе къ войнѣ, какъ то можно иногда сказать о народахъ изнѣженныхъ. Но не будь иниціативы со стороны королей, военная организація, безъ сомнѣнія, скоро бы пришла въ упадокъ. Я не думаю, чтобы можно было созвать въ Германіи такой *парламентъ*, который по своей собственной инціативѣ задался бы военной политикой.

Содержаніе флота не входитъ въ бюджетъ арміи; для него суще-

ствуетъ особый бюджетъ, который и обсуждался въ послѣдніе дни. При этомъ ясно высказалось неодобреніе, вызванное бездѣйствіемъ флота во время послѣдней войны. Разумѣется, всякому было извѣстно, что маленькій нѣмецкій флотъ отнюдь не можетъ соперничать съ французскимъ, и можно было заранѣе предвидѣть, когда началась война, что ему не придется пожинать лавры. Но когда на сушѣ дѣла приняли такой успѣшный оборотъ, тогда послышались жалобы на бездѣйствіе флота, и это обстоятельство вызвало много толковъ, которые не привели, однако, ни къ какимъ результатамъ. Компетентные военные судьи заявили, что флотъ исполнилъ свое назначеніе, и дѣйствительно его не за чтó упрекать. Но бывшее страстное отношеніе къ флоту очевидно улеглось. Испытать то представился случай, когда одинъ изъ депутатовъ внесъ предложеніе содѣйствовать къ приведенію въ исполненіе плана, составленнаго въ 1867-мъ году, для образованія флота. Противъ этого возражали, будто опытъ доказалъ, что въ войнахъ между великими державами флотъ не играетъ значительной роли, и конечно это замѣчаніе справедливо, что касается послѣдней войны, однако оно не можетъ быть признано за общее правило. Но предложеніе не прошло, и во время преній ясно высказалось, что палата депутатовъ ни мало не заражена честолюбіемъ создать флотъ, который могъ бы соперничать съ флотомъ какой-либо изъ великихъ державъ.

Законы о районѣ крѣпостей и объ имперскихъ чиновникахъ точно также, какъ и бюджетъ арміи, не были рѣшены, хотя послѣдній изъ нихъ особенно нуждается въ рѣшеніи, потому что число имперскихъ чиновниковъ ростетъ съ каждымъ днемъ, и совершенно необходимо установить общія правила для замѣщенія, увольненія, подчиненія и т. д. (до сихъ поръ относительно имперскихъ чиновниковъ держались тѣхъ правилъ, какія существуютъ въ государствахъ, къ которымъ служащіе принадлежатъ).

Самымъ важнымъ дѣломъ рейхстага въ настоящую сессію былъ законъ о монетной реформѣ, рѣшеніе котораго въ главныхъ чертахъ можно считать обезпеченнымъ. Нѣмецкіе политики и финансисты давно уже требовали установленія общей монетной системы, такъ какъ въ Германіи по настоящее время существуетъ совмѣстно нѣсколько различныхъ денежныхъ единицъ. Кромѣ того, финансисты настаивали на томъ, чтобы перейти отъ счета на серебро къ счету на золото. Изъ того, чтó было написано только за послѣдніе годы объ этомъ предметѣ, можно составить цѣлую библіотеку. Несмотря на то, пренія по этому вопросу не привели ни къ какому результату: каждый упорно отстаивалъ *свою* систему и надежда примирить ихъ оказалась химерической. Такимъ образомъ, правительству ничего не осталось, какъ взять починъ въ этомъ дѣлѣ и предложить законъ, составленный помимо вліяній какой-нибудь отдѣльной партіи или школы. Въ резуль-

татѣ оказалось то, что въ первую минуту *каждый* заохалъ, потому что законъ представлялъ такія стороны, которыя ему лично не нравились и считалъ своимъ долгомъ съ увѣренностью утверждать, что такой законъ никогда не пройдетъ. Но это настроеніе длилось не болѣе сутокъ. Затѣмъ *каждый* спохватился, что законъ, въ этой формѣ, оказывается наилучшимъ исходомъ, какого только можно было ожидать при существующихъ условіяхъ; съ этой минуты принятіе закона было обезпечено.

Важнѣйшія статьи закона о монетной реформѣ слѣдующія: имперская золотая монета будетъ чеканиться по $139^{1}/_{2}$ штукъ изъ одного фунта чистаго золота. Десятая часть этой золотой монеты будетъ называться *маркой* и будетъ принята за монетную единицу. Кромѣ десятимарковой золотой монеты будетъ чеканиться двадцатимарковая золотая монета, которая, соотвѣтствуя 6-ти талерамъ 20-ти зильбергрошамъ, будетъ весьма близка по своей цѣнности къ англійской гинеѣ и французской 25-ти франковой монетѣ *in spe*. На имперскихъ монетахъ на одной сторонѣ будетъ изображенъ имперскій орелъ съ надписью „Германская имперская монета" и съ обозначеніемъ цѣнности въ франкахъ, а на другой будетъ изображеніе монарха или герба вольнаго города, смотря по тому, гдѣ монета чеканилась. На ребрѣ будетъ вырѣзана надпись: „Gott mit uns!" (сначала предполагалось вырѣзать: „Einigkeit macht stark!"). Чеканка золотой монеты будетъ производиться пока на счетъ имперіи. Имперскій канцлеръ опредѣляетъ, съ согласія союзнаго совѣта, количество золотой монеты, которое должно быть отчеканено, число штукъ различной цѣнности и распредѣленіе ихъ чеканки между монетными дворами. Имперія наблюдаетъ за чеканкой для достиженія полнѣйшей точности относительно состава и вѣса монеты.

Платежи, которые могли бы или должны бы быть по закону производимы серебряной монетой, талерами, южногерманской единицей, любекской и гамбургской единицей или бременскими золотыми талерами (бременскій золотой талеръ = 1 серебряному талеру и $2^{1}/_{2}$ зильбергрошамъ), могутъ впредь производиться имперской золотой монетой, причемъ 10-ти-марковая монета будетъ = $3^{1}/_{3}$ талерамъ.

Эта послѣдняя статья самая затруднительная и самая полезная во всемъ законѣ, потому что устанавливаетъ взаимное отношеніе цѣнности золота и серебра, а именно какъ 1: 15,5. Такое установленіе въ высшей степени необходимо, потому что безъ того не можетъ быть обезпечено введеніе золотой монеты. Сила инерціи поставила бы ей непреодолимую преграду. Самые горячіе приверженцы золотой монеты даже были того мнѣнія, что слѣдуетъ запретить чеканку новой серебряной монеты.

Что касается политико-финансоваго значенія этого закона, то не-

обходимость золотой единицы оспаривается немногими. Нѣкоторые утверждають, что черезъ это бѣднѣйшіе классы потеряютъ часть своего имущества, но мнѣ доказательства ихъ кажутся прямыми софизмами. Приверженцы же золотой единицы говорятъ, что введеніе этой послѣдней естественно вызывается усилившимся обращеніемъ и паденіемъ денежнаго курса. Тридцать и сорокъ серебряныхъ талеровъ имѣть при себѣ крайне затруднительно, а потому понятно, что пришлось прибѣгнуть къ бумажнымъ деньгамъ. Вытѣснить же эти послѣднія изъ обращенія и замѣнить ихъ благороднымъ металломъ является главной цѣлью для политико-эконома. Взаимное отношеніе цѣнности золота и серебра, какъ 1: 15,5, хотя и не можетъ быть совсѣмъ постояннымъ, но, несмотря на большой приливъ золота, это взаимное отношеніе цѣнности оставалось приблизительно неизмѣннымъ въ теченіи цѣлаго ряда десятилѣтій.

Второй вопросъ, который могъ вызвать большія затрудненія, заключается въ томъ: слѣдуетъ ли для монетной системы принять за образецъ какую-нибудь изъ существующихъ. Въ проектѣ закона этотъ вопросъ рѣшенъ *отрицательно*; онъ требуетъ *національной* монетной системы и не встрѣтилъ особенно сильной оппозиціи, между тѣмъ какъ еще недавно существовало всеобщее стремленіе къ *международной* монетной системѣ, особенно съ той поры, какъ въ 1865-мъ г. страны, гдѣ существуетъ счетъ на *франки* (Франція, Бельгія, Италія и Швейцарія), заключили между собой такъ-называемую латинскую монетную конвенцію, представляющую большія удобства какъ для путешественника, такъ и для купца. Въ 1867-мъ г. представители всѣхъ цивилизованныхъ націй вели переговоры въ Парижѣ о введеніи международной золотой монеты и вначалѣ, какъ казалось, съ успѣхомъ, но вскорѣ сила существующихъ отношеній оказалась болѣе вѣскою, чѣмъ стремленія къ международной монетѣ; французы потребовали, чтобы выборъ палъ на *ихъ* систему, а англичане желали, чтобы принята была ихъ система. Парижскіе переговоры остались безъ результата.

Кто долго пробылъ въ вышеупомянутыхъ странахъ *латинской конвенціи*, тотъ знаетъ какъ удобенъ тамошній счетъ. Нельзя изобрѣсть болѣе удобной монетной системы, какъ система *франковъ*, и поэтому на первый взглядъ можно было бы подумать, что только крайне тупой патріотизмъ можетъ препятствовать ея введенію; но это не такъ, и имена такихъ людей, какъ Дельбрюкъ и Бамбергеръ, настаивавшихъ на національной монетѣ, доказываютъ, что узкій патріотизмъ тутъ не причемъ. По крайней мѣрѣ Дельбрюкъ для меня убѣдителенъ. Съ монетой, по его словамъ, не то, что съ мѣрой и вѣсомъ; послѣдніе безъ ущерба могутъ быть общими для всего свѣта. Это оттого, что мѣра и вѣсъ не что болѣе какъ мѣра и вѣсъ, между тѣмъ какъ монета, кромѣ мѣры, представляетъ собой въ то же время *извѣстную цѣнность*.

За правительствомъ признана обязанность наблюдать за правильностью монеты, находящейся въ обращеніи; въ другихъ же государствахъ на правительствахъ не лежитъ этой обязанности и потому, примкнуть къ одной изъ существующихъ системъ, значило бы пожертвовать этимъ важнымъ основнымъ положеніемъ.

Какъ я уже замѣтилъ, монетный вопросъ былъ быстро порѣшенъ. Небольшое разногласіе произошло только вслѣдствіе того, что союзный совѣтъ желалъ, чтобы союзнымъ государямъ дозволено было вытѣснять на золотыхъ монетахъ свои изображенія, между тѣмъ какъ національная партія желала видѣть на всѣхъ монетахъ изображеніе *императора*; но и въ этомъ случаѣ собраніе было настолько благоразумно, что не стало дѣлать безполезныхъ затрудненій, хотя безъ вмѣшательства Бисмарка дѣло не обошлось.

Учрежденіе имперскаго военнаго фонда въ размѣрѣ 40-ка милліоновъ было также принято, но не прежде, какъ устранилось опасеніе, что правительство, несмотря на учрежденіе германскаго военнаго фонда, удержитъ также и прусскій фондъ. Въ проектѣ закона, правительство ничего не упомянуло объ уничтоженіи прусскаго фонда, но словесно дало увѣреніе, что этотъ фондъ будетъ уничтоженъ. Въ рейхстагѣ оказались однако недовѣрчивые люди, которые заявили, что такого намѣренія правительства недостаточно, потому что прусская палата господъ имѣетъ слабость предоставлять въ руки правительства какъ можно больше денегъ, съ цѣлью сдѣлать его независимымъ отъ парламента и легко можетъ и на этотъ разъ доставить себѣ удовольствіе, отклонить уничтоженіе прусскаго фонда, по утвержденіи рейхстагомъ имперскаго. Потому, при началѣ обсужденія закона, появилось знаменательное «*если*». *Если* прусскій фондъ будетъ уничтоженъ, то имперскій военный фондъ считать утвержденнымъ.

Дважды рейхстагъ выходилъ изъ границъ, указанныхъ ему конституціей (при самомъ строгомъ толкованіи ея, правильность котораго никогда не была признана самимъ рейхстагомъ). Въ первый разъ случилось это вслѣдствіе предложенія Ласкера о расширеніи власти рейхстага на все *гражданское право*, между тѣмъ какъ, согласно 4-му пункту конституціи, власть его распространяется только на облигаціонное право, уголовное право, коммерческое и вексельное право и на судопроизводство. Въ самомъ рейхстагѣ предложеніе это нашло сочувствіе большинства, но до сихъ поръ нельзя предсказать, какъ отнесется къ нему союзный совѣтъ. Второе подобное предложеніе было сдѣлано мекленбургскимъ депутатомъ Бюзингомъ, и гласило о томъ, чтобы въ каждомъ союзномъ государствѣ было учреждено выборное народное представительство. Хотя это предложеніе и было сдѣлано въ общемъ смыслѣ, но конечно касалось только одного Мекленбурга, гдѣ, какъ извѣстно, послѣ уничтоженія конституціи 10-го октября 1849-го

года, 14-го сентября 1850-го было возстановлено старое патримоніально-сословное государство съ раздѣленіемъ на верховную власть, рыцарство и города, съ пестрой смѣсью разнообразнѣйшихъ правъ, съ древними формами, затрудняющими всякій прогрессъ и ставящими въ нѣкоторыхъ случаяхъ непреодолимыя препятствія для его распространенія. 700 «риттеровъ» и «бюргеры» 38-ми городовъ страны пользуются исключительно всѣми политическими правами, а все остальное населеніе не имѣетъ политическихъ правъ; это тѣмъ болѣе является анахронизмомъ въ германской имперіи, что право голоса принадлежитъ всякому, безъ различія сословій. Всякій крестьянинъ, присланный сюда какъ депутатъ, пользуется такимъ же голосомъ, какъ любой изъ 700 рыцарей. Князь Бисмаркъ, надо полагать, признаетъ, что такое положеніе дѣлъ невыносимо, но онъ не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла какого бы то ни было нѣмецкаго государства, а тѣмъ болѣе Мекленбурга, государь котораго былъ постоянно вѣрнымъ союзникомъ Пруссіи.

Чтобы довершить парламентскую хронику, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ предложеніи, которое на прошлой недѣлѣ было внесено въ союзный совѣтъ, а оттуда поступило въ рейхстагъ, предложеніи, по которому опредѣляется внести въ сводъ уголовныхъ законовъ новый параграфъ, въ силу котораго духовныя лица, признанныя виновными въ томъ, что они въ мѣстахъ, предназначенныхъ для богослуженія, дѣйствіями или словами нарушили общественное спокойствіе, подлежатъ тюремному заключенію не свыше двухъ лѣтъ.

Предложеніе это было сдѣлано баварскимъ уполномоченнымъ министромъ и главнымъ образомъ имѣло въ виду Баварію, потому что тамъ ультрамонтанское духовенство пользовалось своимъ саномъ и каѳедрою весьма неумѣренно, чтобы побивать своихъ противниковъ, къ которымъ въ послѣдніе годы принадлежали обыкновенно министры, пользующіеся довѣріемъ короля и во всякомъ случаѣ не ультрамонтаны. Настоящее министерство рѣшило при первомъ удобномъ случаѣ распустить палату, въ которой ультрамонтаны составляютъ большинство, и обратиться къ странѣ. Это возбудитъ во всей Баваріи ожесточенную избирательную борьбу и министры желаютъ немного постращать духовенство. Я думаю, что этотъ разсчетъ не вѣренъ. Безсемейное католическое духовенство не испугается даже гораздо болѣе серьезныхъ угрозъ. Патеры даже могутъ извлечь нѣкоторую выгоду изъ такого положенія дѣлъ. Каждый изъ нихъ, который будетъ призванъ къ суду, можетъ разсчитывать на то, что его оправдаютъ. Если же процессъ и кончится обвиненіемъ, то подсудимый, приговоренный, положимъ, къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, можетъ дешевымъ способомъ разыграть красивую роль мученика. Всего же важнѣе здѣсь то, что духовенство пойметъ, что преслѣдованіе его *en masse* невозможно для пра-

вительства, что кара закона можетъ постигнуть одного или двухъ изъ его членовъ, и это только придастъ имъ самоувѣренности. Многіе изъ баварскихъ депутатовъ, засѣдающіе въ рейхтагѣ, очень хорошо это понимаютъ, но не желаютъ противодѣйствовать своему министру, а потому очень возможно, что законъ будетъ принятъ. Остается только желать, чтобы онъ былъ мертвой буквой и нигдѣ не приводился въ исполненіе.

Считаю необходимымъ, хотя бы мимоходомъ, коснуться внѣшней политики. Имперскій канцлеръ, устами своихъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органовъ, заявляетъ, что паденіе графа Бейста ни мало не отразится на отношеніяхъ Австріи къ Германіи. Я вполнѣ этому вѣрю, тѣмъ болѣе, что пріязнь между Бисмаркомъ и Бейстомъ, даже въ минуту своего разгара, при свиданіи въ Зальцбургѣ, была не изъ особенно горячихъ. Не надо забывать, что Бейстъ до самаго Седана не покидалъ мысли о вмѣшательствѣ въ войну между Франціей и Германіей, слѣдовательно обращеніе его совершилось весьма недавно. Кромѣ того, настоящее положеніе дѣлъ въ Австріи не можетъ не быть пріятно Бисмарку, потому что оно ясно показываетъ, что въ Австріи въ настоящее время не существуетъ ни одной партіи настолько сильной, чтобы получить перевѣсъ надъ всѣми остальными, а также не выдается ни одного государственнаго человѣка съ такими великими способностями и вліяніемъ, чтобы вести наступательную политику.

Сообщивъ новости внутренней и внѣшней политики, я невольно спрашиваю себя, сосредоточивается ли на нихъ самый животрепещущій интересъ націи и выражаютъ ли они собою *signatura temporis*,—я долженъ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Интересъ, возбуждаемый засѣданіями рейхстага вовсе не великъ, и хоть труды его и почтенны, но они совсѣмъ не такого свойства, чтобы заинтересовать массу. Вотъ настоящій центръ, около котораго вращаются самые близкіе интересы націи. Это — биржа.

Со времени заключенія мира, курсы постоянно повышаются въ небывалыхъ размѣрахъ. Государственныя бумаги, акціи желѣзныхъ дорогъ, банковые билеты, бумаги иностранныхъ фондовъ, акціи промышленныхъ компаній непрерывно растутъ въ цѣнѣ. Съ того же самого времени господствуетъ такъ-называемая *лихорадочная предпріимчивость* и почти каждый день появляются на свѣтъ двѣ или три новыхъ акціонерныя компаніи. Привожу нѣсколько курсовъ нынѣшняго года изъ газетъ, которыя имѣются у меня въ настоящую минуту подъ руками, параллельно съ новыми курсами:

стояли:	4-го марта.	22-го ноября.
Бумаги государственнаго займа	82	89½
4½% консолидированный заемъ	95	100¼
Англо-русскій 5% заемъ	84½	89½
Торговое общество	180⅝	154
Учетный банкъ	145	224
Прусскій банкъ	141	290
Берлинъ-Ангальтская ж. д.	190⅞	250
Бреславль-Фрейбургская ж. д.	107½	131
Кёльнъ-Минденская ж. д.	184½	168⅞
Рейнская ж. д.	119½	159
Русскія жел. дороги	85½—88	88—94
Желѣзно-дорожн. принадлежностей	144	260
Берлинская желѣзно-конная дорога	110	164
Гюттенверкскія	110	243

Приведенныя цифры показываютъ, что всѣ бумаги, безъ исключенія, страшно поднялись въ цѣнѣ. Моралисты, вѣрные своей привычкѣ произносить поспѣшные приговоры, утверждаютъ, что вышеуказанное явленіе объясняется просто биржевой игрой, и грозятъ катастрофой. Но если бы даже такая катастрофа и наступила, то отъ нея пострадаютъ весьма немногія отдѣльныя личности, запутавшіяся въ спекуляціяхъ; она не уничтожитъ и десятой доли того, что будетъ добыто въ этотъ длинный періодъ неслыханной дѣятельности по всѣмъ отраслямъ промышленности и на биржѣ.

Поэтому необходимо разсмотрѣть это явленіе въ его общей сложности.

Съ окончаніемъ революціи 1848-го и по 1866-ой годъ, Германія наслаждалась внутреннимъ миромъ. За этотъ періодъ была построена та сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая даетъ такой сильный толчекъ развитію народнаго богатства; тогда же произошло значительное развитіе промышленности. Война 1866-го года пронеслась такъ быстро, какъ буря, и уже въ слѣдующемъ году трудно было открыть ея слѣды. Затѣмъ снова, вплоть до іюля мѣсяца 1870-го года господствовалъ миръ, и развитіе промышленности шло быстрымъ ходомъ. Несмотря на эти кажущіяся благопріятныя обстоятельства, духъ предпріимчивости вовсе не былъ такъ великъ, какъ этого можно было ожидать. Ольмюцъ рельефно показалъ всѣмъ слабость прусскаго государства, и всякому стало очевидно, что Пруссія въ каждую свою войну борется за существованіе. Такое положеніе отнюдь не благопріятно для развитія предпріимчивости. Могущество и мудрость Пруссіи, проявившіяся въ 1864-мъ и 1866-мъ году не въ силахъ были побѣдить недовѣріе, потому что ей предстояла еще въ будущемъ самая тяжелая и самая опасная война съ вѣковымъ врагомъ, Франціей, и никто не сомнѣвался, что въ случаѣ побѣды послѣдней она не преминетъ распорядиться дѣлами Германіи по своему усмотрѣнію и что при этомъ всѣ старые и новые противники Пруссіи возстанутъ на нее. По окончаніи войны съ Франціей, недо-

вѣріе, мѣшавшее развитію предпріимчивости, было устранено, капиталы, которые до того времени скрывались, были пущены въ обороты, и привлеченные на биржу легкостью наживой, они произвели повышеніе бумагъ. Само собой разумѣется, что этому повышенію курса много содѣйствовало то обстоятельство, что значительная часть военной контрибуціи, уплаченной Франціею, различными путями проникла въ народъ, и что въ будущемъ можно ожидать еще бо́льшихъ суммъ. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя вызвали явленіе, которое будетъ совершенно ясно и понятно только тогда, когда оно пройдетъ, а именно пониженіе процента. На государственныхъ бумагахъ это всего яснѣе видно. Государственныя 5% бумаги только потому не стояли выше своей номинальной цѣны, что постоянно ожидалось ихъ погашеніе, и слѣдовательно изъятіе изъ обращенія. 4% бумаги уже превысили свою номинальную стоимость, и тотъ, кто желаетъ найти вѣрное помѣщеніе для своего капитала, будетъ покупать эти бумаги, пока они не спустятся до своей номинальной цѣны. Пониженіе процента на этомъ не остановится. Продолжительный миръ, постоянный приливъ денегъ могутъ повести къ тому, что въ Германіи, подобно Англіи, 3% государственныя бумаги будутъ держаться номинальной цѣны, или близко ея, потому что хотя англійскія консолидированныя бумаги и приносятъ номинально 3%, но на нихъ падаетъ подоходный налогъ въ ½%. Пониженіе процента на государственныя бумаги заставляетъ искать иного помѣщенія для капиталовъ: прежде всего подъ залогъ имущества. Долгіе годы Германія жаловалась на недостатокъ капиталовъ подъ ипотеки. Поземельнымъ собственникамъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, несмотря на многочисленныя кредитныя учрежденія, очень трудно было сдѣлать ипотечный заемъ иначе, какъ на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Понятно, что когда вѣрныя мѣстныя государственныя бумаги приносятъ 5—5½%, акціи же нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ 8—10%, то подъ ипотеку нельзя получить денегъ меньше, чѣмъ за 5—6%, а платить 6% весьма невыгодно поземельному собственнику.

Финансисты утверждаютъ, что капиталъ, помѣщенный въ самое солидное желѣзнодорожное предпріятіе, долженъ приносить не менѣе 7½—8%, вслѣдствіе существующаго риска. И дѣйствительно въ Германіи всегда получалось столько, или даже больше. Ни въ одной странѣ желѣзныя дороги не давали такихъ дивидендовъ, какъ въ Германіи. Главнѣйшія изъ нихъ даютъ отъ 10—20% дивиденда тѣмъ, которые купили акціи по номинальной или пониженной цѣнѣ (такъ какъ и эти желѣзныя дороги переживали худыя времена и большіе кризисы); тѣ же кто покупаетъ ихъ въ настоящую минуту, когда курсъ ихъ страшно поднялся, получаютъ не болѣе 5—6%; а такъ какъ курсъ все растетъ, то въ скоромъ времени капиталъ, помѣщенный въ этихъ акціяхъ, будетъ приносить едва 5%.

Перейдемъ къ банкамъ и промышленнымъ обществамъ, на кото-ые спекуляція набросилась теперь съ особеннымъ азартомъ. Въ по-лѣдніе мѣсяцы не проходитъ дня, въ которые-бы не основывалось ъ полдюжины банковъ или промышленныхъ акціонерныхъ обществъ, бумаги первыхъ, послѣ взноса первыхъ 10%, зачастую продаются ъ огромнымъ лажемъ. Но уже бывали такія времена, когда банки ыростали какъ грибы. Гораздо характеристичнѣе способы основанія ромышленныхъ акціонерныхъ обществъ. Положимъ, существуетъ до-ольно значительная фабрика, учредитель или учредители общества ходятъ въ сношеніе съ владѣльцемъ и покупаютъ у него фабрику, ри чемъ обыкновенно ставится условіемъ, чтобы владѣтель руко-одилъ дальше предпріятіемъ и уплата за фабрику могла быть про-зводена сполна вновь выпускаемыми акціями общества, или-же ча-тью гипотекой. Если эта сдѣлка удалась, то приглашаютъ банки-овъ принять участіе въ предпріятіи, съ уплатой имъ 10% коммиссіи. Банкиры обязуются доставить извѣстную опредѣленную сумму. Когда редпріятіе такимъ образомъ обезпечено, тогда открывается подписка а акціи по номинальной цѣнѣ. Если подписка покроетъ акціонерный апиталъ, тогда банкиры кладутъ, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, свою оммиссію въ карманъ; напротивъ того, если подписка не покроетъ апитала, тогда банкиры должны взять условленное число акцій и атѣмъ мало по малу распространить ихъ въ публикѣ. Этотъ пріемъ тлично удается, чему конечно способствуетъ то обстоятельство, что ублика принимаетъ живое участіе въ биржевыхъ дѣлахъ, а также и биліе свободныхъ капиталовъ. Темной стороной въ этомъ дѣлѣ яв-яется то, что учредители въ началѣ получаютъ громадные барыши, скользающіе отъ контроля, и увеличиваютъ основной капиталъ на четъ доходовъ. За то такія промышленныя акціонерныя компаніи редставляютъ ту выгоду, что, обладая большими средствами, дѣй-твуютъ смѣлѣе частныхъ предпринимателей, такъ какъ послѣднимъ риходится платиться только своимъ карманомъ за всякую неудачу, между тѣмъ какъ въ акціонерномъ обществѣ потеря распредѣляется между многими. Кромѣ того, чѣмъ больше фабрика, тѣмъ лучше ея роизведенія, и небольшія фабрики должны будутъ мало по малу за-рыться.

Обнимемъ теперь въ общей сложности тотъ процессъ, который я ытался изобразить. Суть его заключается въ упадкѣ курса денегъ и пониженіи процента. На биржѣ повышеніе курса производитъ тоже, то увеличеніе въ государствѣ содержанія всѣмъ чиновникамъ, и его работники достигаютъ стачкою, чего достигаетъ всякій ремес-енникъ, надбавляя цѣну за свой трудъ, всякій купецъ, увеличивая цѣну на свой товаръ. Въ концѣ концовъ — какъ полагаютъ многіе — се остается по прежнему. Кто заработаетъ 2 талера вмѣсто преж-

наго 1, получитъ за нихъ не болѣе того, что получалъ за 1. Но это вѣрно, лишь съ слѣдующими двумя ограниченіями: для международныхъ сношеній весьма важно, стоитъ-ли въ странѣ курсъ денегъ высоко или низко, потому что тѣ, которые въ странѣ съ *низкимъ* курсомъ сберегутъ денегъ нѣкоторую сумму, могутъ съ выгодой реализировать ее въ странѣ съ высокимъ курсомъ. Англичанинъ, сѣверо-американецъ удивляются дешевизнѣ жизни въ Германіи, нѣмецъ, наоборотъ, пріѣхавъ въ Англію или Америку съ капиталомъ, теряетъ сейчасъ-же на курсѣ значительную часть.

Но гораздо важнѣе *второе* обстоятельство. Общее перемѣщеніе цѣнъ всегда сопровождалось большой наживой для извѣстнаго числа людей, принадлежащихъ къ богатому классу, но еще большее, гораздо большее число людей, не воспользовавшихся этой наживой, окажется въ концѣ концевъ бѣднѣе прежняго. Короче сказать: послѣдствіемъ колоссальнаго переворота будетъ то, что *богатые* станутъ *богаче*, а *бѣдные бѣднѣе*, и такимъ образомъ опасность, грозящая современному обществу со стороны *соціализма*, надвинется ближе. Приверженцы Бастіа и Шульца-Делича утверждаютъ, что современное положеніе рабочихъ несравненно лучше, чѣмъ было 100 или 50 лѣтъ тому назадъ, и что они пользуются бо́льшими благами жизни, чѣмъ прежде. Это конечно справедливо, но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились потребности и требованія рабочихъ, которыя и будутъ все рости съ развитіемъ богатства. Возьмите, напримѣръ, развитіе крупной промышленности. Если справедливо, что производство въ большемъ размѣрѣ гораздо выгоднѣе, — что́ повидимому несомнѣнно, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ отраслямъ производства,—то небольшія фабрики будутъ убиты, и тогда ни одинъ предпріимчивый молодой человѣкъ не долженъ и смѣть помышлять завести свою собственную фабрику. Онъ можетъ только занимать выгодное и почетное, положимъ, мѣсто, какъ служащій въ промышленномъ обществѣ, но самостоятельнымъ предпринимателемъ не будетъ. Такъ, мало по малу сглаживается среднее сословіе, и пропасть между богатыми и бѣдными все расширяется.

Темное сознаніе этой опасности живетъ почти въ каждомъ изъ насъ, и время отъ времени проявляется наружу; но, за исключеніемъ собственно соціалистическихъ системъ и безсистемной самопомощи Бастіа и Шульце-Делича, еще не было сдѣлано ни одного положительнаго предложенія. Забавнѣе всего отношеніе консервативной партіи, которая сваливаетъ на либерализмъ вину во всемъ томъ, что ей не нравится, и желала-бы вернуть доброе старое время съ его патріархальными и феодальными учрежденіями. Но исторія показываетъ, что возвратъ къ отжившей системѣ невозможенъ. Прогрессивное движеніе человѣчества часто замедлялось, но никогда не дѣлало

шага назадъ. Стремленіе возстановить отжившую систему повело-бы немедленно къ величайшимъ нелѣпостямъ. Все новѣйшее законодательство, всѣ учрежденія современнаго общества должны бы были быть отброшены одно за другимъ, и намъ пришлось-бы, шагъ за шагомъ, вернуться къ среднимъ вѣкамъ, когда бюргеръ, съ высоты вала своего городка, сторожилъ нападеніе рыцарей-разбойниковъ, а послѣднему акціонерному обществу пришлось-бы образоваться съ одною цѣлью—возстановить многочисленные замки, развалины которыхъ придаютъ такой живописный видъ берегамъ нѣмецкихъ рѣкъ; конечно, они служатъ любимымъ сюжетомъ для романтической поэзіи, но въ дѣйствительности являются лишь свидѣтелями мрачнаго прошлаго и справедливой кары: вѣдь они были разрушены государями, желавшими возстановить порядокъ въ государствѣ, или-же возмутившимися вассалами и крѣпостными, не хотѣвшими нести долѣе нестерпимаго ига. Для удовлетворенія новыхъ потребностей общества нужны и новыя формы, и немыслимъ возвратъ къ прошлому, которое можетъ намъ служить хорошимъ поученіемъ, но не можетъ быть вызвано къ жизни никакимъ волшебнымъ жезломъ.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24 (12) ноября, 1871.

Внутреннія партіи и внѣшнія отношенія Франціи *).

Каникулы національнаго собранія подходятъ къ концу, и черезъ нѣсколько дней оно вернется къ своимъ занятіямъ. Судя по всѣмъ признакамъ, въ эту сессію должны рѣшиться судьбы Франціи. Если республика переживетъ собраніе, то можно будетъ съ нѣкоторымъ правомъ считать, что она основана. Тогда для Франція наступитъ періодъ «возмездія»: установленіе прочнаго республиканскаго порядка въ ней не можетъ не повліять на центральную Европу; она во всякомъ случаѣ не допуститъ германизаціи Эльзаса. Но сознаюсь: я мало въ это вѣрю. Симптомы неблагопріятны. Республиканская партія слишкомъ безразсудна; политическое воспитаніе народа хромаетъ

*) Печатаемая нынѣ корреспонденція принадлежитъ тому же перу, которымъ мы постоянно пользовались до самаго начала войны Франціи съ Пруссіей въ половинѣ прошедшаго года. Послѣдняя корреспонденція, писанная почти наканунѣ разрыва, подъ названіемъ: «Политическая неурядица во Франціи», была помѣщена въ іюльской книгѣ 1870 года.

сильнѣе, чѣмъ это можно было бы думать, а партіи, враждебныя республикѣ: приверженцы старой монархіи съ одной стороны, и бонапартисты съ другой — далеко не отказались отъ своихъ притязаній. Въ настоящую минуту, графъ Шамборъ созвалъ родъ конгресса въ Люцернѣ, на который съѣхались легитимисты и орлеанисты въ надеждѣ произвести сліяніе двухъ отраслей Бурбонскаго дома—надеждѣ столько уже разъ обманутой. Если бы еще попытка ихъ увѣнчалась успѣхомъ, то съ этимъ можно было бы кое-какъ примириться, потому что болѣе или менѣе конституціонная монархія все же лучше, чѣмъ реставрація имперіи, но отъ этой попытки можно ждать только одного: она смутитъ національное собраніе, однихъ собьетъ съ толку, другихъ раздражитъ. Хотя обѣ вѣтви Бурбонскаго дома, какъ старшая, такъ и младшая, гораздо честнѣе Наполеонидовъ и одушевлены наилучшими намѣреніями, тѣмъ не менѣе они дѣлаютъ много зла Франціи, и настоящая демонстрація ихъ совсѣмъ неумѣстна. Сколько мнѣ помнится, еще не было составлено подробнаго отчета объ образѣ дѣйствія людей, стремившихся произвести сліяніе между старшей и младшей отраслью, со времени паденія имперіи. Послѣ первыхъ военныхъ неудачъ, орлеанскіе принцы, движимые искреннимъ патріотизмомъ, просили позволенія у императора стать въ ряды защитниковъ отечества. Когда пала имперія, они возобновили свою просьбу, и нѣкоторые изъ нихъ даже рискнули явиться во Францію. Несомнѣнно, что республиканское правительство могло бы въ этотъ моментъ наложить на нихъ какія угодно обязательства, и принцы согласились-бы, за право явиться защитниками родины, отречься отъ всѣхъ другихъ правъ. Но Гамбеттá не воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, отнесся къ нимъ какъ къ претендентамъ и грубо прогналъ ихъ. По заключеніи перемирія, они вернулись во Францію, и двое изъ нихъ были выбраны депутатами въ національное собраніе. Они не заявляли никакихъ претензій, но ни отъ чего не отказывались и давали понять, что предоставляютъ себя въ распоряженіе страны и готовы принять все, что она имъ ни предложитъ: роль президента республики или конституціоннаго монарха, не отрекаясь въ тоже самое время отъ титула возможныхъ наслѣдниковъ Генриха V, то есть легитимной монархіи.

Большинство въ національномъ собраніи состояло изъ монархистовъ; но оно составилось случайно, и какъ показали послѣдующіе выборы, страна не раздѣляла его симпатій. Между тѣмъ, поставивъ Тьера во главѣ управленія, національное собраніе вручило ему судьбы Франціи только потому, что, считая его въ данную минуту наиболѣе способнымъ государственнымъ человѣкомъ, которому можно было бы предоставить заключить миръ и принять самыя необходимыя мѣры для спасенія Франціи, — оно вмѣстѣ съ тѣмъ ожидало найти въ немъ родъ

новаго парламентскаго Монка, который расчистивъ путь, не замедлитъ возстановить монархію. То было большое заблужденіе. Тьеръ давно уже примирился съ мыслью о республикѣ, хотя этому вообще и не вѣрили; кромѣ того, онъ сохранилъ самое непріятное воспоминаніе объ Іюльской монархіи и о своей министерской борьбѣ съ личною волей короля Луи-Филиппа.

— Я знаю королей, часто говаривалъ онъ въ послѣдніе годы, имъ нужны только лакеи, а я не хочу больше быть лакеемъ.'

Оппозиція его противъ допущенія въ собраніе принцевъ, избранныхъ депутатами, убѣдила послѣднее, что оно въ немъ ошиблось, и послѣдствіемъ этого былъ одинъ очень важный кризисъ, случившійся еще въ то время, когда собраніе засѣдало въ Бордо и не получившій огласки. Вожаки легитимистской и орлеанистской партій согласились произвести сліяніе двухъ вѣтвей, не спросивъ совѣта повидимому не только графа Шамбора, но и орлеанскихъ принцевъ. Слѣдующее предложеніе, которое совсѣмъ не было напечатано, должно было быть внесено въ собраніе:

— «Статья I. Въ силу народнаго самодержавія, герцогъ Бордосскій, внукъ короля Карла X, приглашается взойти на престолъ и царствовать подъ именемъ Генриха V.

— «Статья II. Въ силу народнаго самодержавія, графъ Парижскій, внукъ короля Луи-Филиппа, назначается наслѣдникомъ короля Генриха V.

— «Статья III. Герцогъ Омальскій назначается намѣстникомъ королевства, чтобы привести въ исполненіе настоящій декретъ.»

Это предложеніе было довольно ловко составлено: оно примиряло права обѣихъ вѣтвей Бурбонской фамиліи и, провозглашая самодержавіе народа, преклонялось также и передъ божественнымъ правомъ, ободряя возстановленіе монархіи на выборномъ началѣ. Этотъ искусный заговоръ былъ разрушенъ ловкой рѣчью Тьера, настаивавшею на необходимости отложить конституціонный вопросъ до тѣхъ поръ, пока страна не будетъ реорганизована, а территорія очищена отъ непріятеля. Я часто слыхалъ, какъ монархисты выражали свое сожалѣніе о неудачѣ, постигшей ихъ предложеніе, которое тогда не было заявлено, но по-моему они ошибаются. Достаточно вспомнить, что такое была коммуна и какую силу получило возмущеніе, лишенное всякаго предлога, чтобы понять какую бурю вызвало бы не только въ Парижѣ, но и въ департаментахъ, возстановленіе монархіи при вышеприведенныхъ условіяхъ. Врядъ ли монархія, учрежденная при такихъ обстоятельствахъ, могла бы разсчитывать на прочное существованіе.

Затѣмъ въ Версали и въ коммунальную эпоху не разъ заходила рѣчь, то о замѣщеніи Тьера герцогомъ Омальскимъ, то о призваніи

на престолъ Генриха V, но всѣ эти планы оставались безъ всякихъ послѣдствій, главнымъ образомъ, отъ взаимнаго недовѣрія, успѣвшаго со времени Бордо поселиться въ приверженцахъ обѣихъ монархическихъ партій. Приверженцы графа Шамбора дипломатично и двусмысленно умалчивали объ уступкахъ, которыя согласился бы сдѣлать современному обществу графъ Шамборъ, а орлеанскіе принцы, въ свою очередь, молчали о своемъ отношеніи къ легитимному претенденту.

Еслибъ не это обстоятельство, нѣтъ сомнѣнія, что монархическая Франція воспользовалось бы пораженіемъ коммуны и взятіемъ Парижа, чтобы покончить съ республикой. Случай представлялся гораздо болѣе удобный, чѣмъ въ Бордо, но она не съумѣла имъ воспользоваться и успѣла только въ одномъ: запугать Тьера и принудить его отмѣнить законъ, по которому обѣ вѣтви Бурбонской фамиліи осуждались на изгнаніе. Но побѣда не дала имъ счастливыхъ результатовъ. Графъ Шамборъ появился во Франціи лишь затѣмъ, чтобы по собственной инициативѣ, не спросясь совѣта своихъ друзей и къ великому ихъ смущенію, обнародовать знаменитый и злополучный манифестъ въ пользу бѣлаго знамени. Этотъ манифестъ окончательно убьетъ легитимный принципъ, если его авторъ не отречется отъ него: революціонный предразсудокъ Франціи противъ бѣлаго знамени непобѣдимъ и гораздо сильнѣе и распространеннѣе, чѣмъ ужасъ, внушаемый краснымъ знаменемъ. Что касается орлеанскихъ принцевъ, то обстоятельства столько же, сколько честность, осуждали ихъ послѣ этого на чисто пассивную роль. Они слишкомъ добросовѣстны, чтобы составлять заговоры, на манеръ Бонапартовъ, и недостаточно популярны, чтобы увлечь общественное мнѣніе. Нѣкоторые изъ ихъ друзей, наиболѣе замѣшанныхъ въ интриги по сліянію, вообразили, что графъ Шамборъ пойметъ, что водрузивъ бѣлое знамя, онъ утратитъ всѣ шансы на успѣхъ, и откажется отъ своихъ правъ въ пользу графа Парижскаго. Вотъ мысль, которая привела иныхъ орлеанистовъ въ Люцернъ, но они упустили изъ виду, что графъ Шамборъ неумолимъ, когда дѣло коснется его правъ, и объявилъ, какъ уже извѣстно, что никогда отъ нихъ не отречется. Выборъ издателя и главнаго редактора «Figaro», Вильмесана, въ послы, которому поручено было возвѣстить Франціи объ этой резолюціи—столько же характеристиченъ, сколько и неудаченъ, не смотря на то, что этотъ господинъ давно уже выдаетъ себя за легитимиста.

Когда проектъ отреченія неудался, тогда конгрессъ, собравшійся въ Люцернѣ, снова занялся дѣломъ сліянія. Можно заранѣе предвидѣть, что оно не увѣнчается успѣхомъ. Графъ Шамборъ, человѣкъ очень мягкій въ общежитіи, становится совсѣмъ несговорчивымъ, когда коснуться его принциповъ, и королева Марія-Амелія, мать Орлеанскихъ принцевъ, не даромъ говаривала: „онъ хочетъ загнать насъ въ Кав-

динское ущелье". Какъ бы то ни было, а возобновленіе этихъ попытокъ смутитъ многихъ депутатовъ правой, и можетъ только ослабить положеніе Тьера, не принеся никакой выгоды для монархіи. Я полагаю, можно сказать съ увѣренностью, что Бурбоны надолго утратили всѣ шансы на успѣхъ. Безумный манифестъ графа Шамбора съ одной стороны, а съ другой — характеръ, неоспоримо-республиканскій, лѣтнихъ и осеннихъ выборовъ, смутили монархическій лагерь: значительное большинство рѣшилось, даже искренно пристать къ Тьеру и содѣйствовать серьезной попыткѣ учредить республику. Возможно, что легитимистская демонстрація въ Люцернѣ заставитъ нѣкоторыхъ изъ этихъ неофитовъ вернуться къ принципу монархической вѣрности, но многіе изъ нихъ зашли слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность отступить. Вступленіе Казимира Перье въ министерство — ясный и многозначительный признакъ этого движенія. Казимиръ Перье былъ однимъ изъ главныхъ вождей орлеанской партіи. Онъ не порвалъ своихъ связей съ орлеанскими принцами, но говоритъ во всеуслышаніе, и даже самимъ принцамъ, что отнынѣ всего вѣрнѣе и лучше попытаться учредить республику. Итакъ, все даетъ право думать, что идея и программа Тьера найдутъ поддержку въ значительномъ парламентскомъ большинствѣ. Первый пунктъ этой программы — перенесеніе собранія въ Парижъ,—пройдетъ надо думать, безпрепятственно, какъ въ силу политическихъ причинъ, такъ и вслѣдствіе неудобства пребыванія зимою для депутатовъ въ Версали. Это будетъ великое благо, потому что пребываніе правительства внѣ Парижа придаетъ неправильный и какъ-бы временный характеръ всему настоящему порядку. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе рѣшится, по всей вѣроятности, положить первыя основанія республиканской конституціи. Идея о замѣнѣ общихъ выборовъ частными, которые будутъ обновлять собраніе ежегодно на половину, на треть или на четверть, находитъ много приверженцевъ и имѣетъ несомнѣнно свои хорошія стороны. Этимъ устраняется вздорный вопросъ о томъ: можно-ли считать настоящее собраніе учредительнымъ или нѣтъ? и во всякомъ случаѣ устранится необходимость созванія собранія спеціально-учредительнаго, которое на самый хорошій конецъ повлечетъ лишь потерю времени, и дастъ въ результатѣ какое-нибудь безсвязное и неудобопримѣнимое произведеніе, какъ конституція 1848-го года. Если собраніе, какъ того повидимому желаетъ правительство, объявитъ себя постояннымъ, посредствомъ частнаго и періодическаго обновленія, и раздѣлится на двѣ палаты (оно достаточно для того многочисленно), то этимъ сразу создастся если не вполнѣ развитый конституціонный организмъ, то зачатки его, которымъ ничто не помѣшаетъ развиваться. Эта метода, какъ видите, не во вкусѣ обыкновенныхъ французскихъ методъ. Мы любимъ фабриковать совсѣмъ готовыя конституціи, хотя до сихъ поръ это не при-

водило насъ къ добру; но на этотъ разъ всѣ смѣлыя предпріятія казались до такой степени рискованными, что весьма здравая сама по себѣ идея, предоставить республиканскому организму развиваться мало по малу и естественнымъ путемъ, восторжествовала во многихъ умахъ надъ свойственнымъ намъ стремленіемъ создавать всегда нѣчто систематическое. Но это еще не значитъ, чтобы успѣхъ былъ обезпеченъ. Надо ждать сильной бури въ случаѣ, если собраніе одобритъ этотъ планъ, и республиканцы, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, будутъ кричать громче всѣхъ. Со времени учрежденія собранія много спорили о томъ, въ чемъ собственно заключается его миссія и для какихъ цѣлей оно было созвано. Ригористы и формалисты утверждаютъ, что оно было созвано затѣмъ только, чтобы рѣшить самые настоятельные вопросы минуты, то-есть вотировать миръ, и что вслѣдъ затѣмъ оно должно уступить мѣсто настоящему учредительному собранію. Они забываютъ, что всякіе новые выборы, — въ виду того, что французская территорія не вполнѣ очищена отъ пруссаковъ, а нація утомлена безпрестанными выборами, — поведутъ только къ безполезнымъ волненіямъ.

По странному противорѣчію, хотя оно болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, на необходимости выборовъ особенно настаиваетъ теперь та самая партія, которая во время войны не допустила до нихъ Францію. Но тогда революція поставила ее во главѣ правленія, теперь-же большинство оказывается не на ея сторонѣ — и вотъ причина этого противорѣчія. Эта партія величаетъ себя, неизвѣстно почему, „радикально-демократической“, а въ демократіи не существуетъ ничего радикальнѣе всеобщей подачи голосовъ. У нея нѣтъ никакой программы, кромѣ громкихъ революціонныхъ фразъ, повторяемыхъ ею безъ толку и безъ всякаго опредѣленнаго смысла. Въ собраніи она малочисленна, но внѣ его сильна, потому что къ ней примыкаютъ всѣ писаки, всѣ адвокаты, всѣ клубные и трактирные политики и цѣлая толпа простофиль, которыхъ она увѣрила, что настоящее собраніе воплощаетъ собою контръ-революцію. Если собраніе, вмѣсто того, чтобы разойтись, заявитъ о своемъ желаніи упрочиться посредствомъ частнаго и періодическаго обновленія, то весь этотъ людъ непремѣнно станетъ вопить о захватѣ власти, и хотя желательно, но далеко не достовѣрно, чтобы собраніе смогло выдержать эту бурю. Обидно, что подобные вопросы такъ сильно занимаютъ умы въ то время, когда еще шесть департаментовъ заняты чужеземными войсками, а громадная контрибуція не уплачена сполна. Если-бы партіи были одушевлены истиннымъ патріотизмомъ, то дружно держались-бы за первоначальную программу, выработанную въ Бордо въ такомъ направленіи:

„Заключимъ перемиріе между партіями, направимъ всѣ наши усилія къ достиженію той цѣли, которая всѣмъ намъ равно близка, а именно:

въ освобожденію страны, и когда Франція будетъ свободна, тогда посмотримъ, какая форма правленія для нея всего пригоднѣе: монархія, умѣренная республика или республика радикальная".

По правдѣ говоря, никто не былъ вѣренъ этому мудрому договору: монархисты не разъ пытались отъ него отступиться, Тьеръ, быть можетъ въ отместку, самъ нарушилъ свою програму, заставивъ поднести себѣ титулъ президента республики. Въ настоящее время, когда собраніе рѣшилось сдѣлать шагъ впередъ въ развитіи республиканскаго правленія, близорукіе и нетерпѣливые республиканцы сильнѣе чѣмъ когда-либо возстаютъ противъ него. Удивительное заблужденіе со стороны этой неисправимой партіи, которой суждено, повидимому, вѣчно противодѣйствовать самой себѣ и своимъ надеждамъ. Тѣмъ временемъ бонапартисты не дремлютъ и успѣшно ведутъ свои подкопы.

Какъ?! скажете вы, послѣ всѣхъ неслыханныхъ бѣдствій, навлеченныхъ имперіей на Францію, послѣ единодушнаго почти приговора, произнесеннаго собраніемъ противъ династіи Наполеонидовъ, еще существуетъ бонапартистская партія? Да, это такъ, эта партія существуетъ, она выступила впередъ; въ ней кроется не послѣдняя изъ грозящихъ намъ опасностей и не послѣдній нашъ позоръ. Она съ рѣдкимъ нахальствомъ эксплуатируетъ бѣдственное положеніе, въ какое сама-же имперія поставила страну. Этому никто-бы не повѣрилъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Въ самые тягостные моменты войны и по окончаніи ея, когда Франція вынуждена была принять жестокія условія побѣдителя, всякій охотно повторялъ, въ видѣ утѣшенія: по крайней мѣрѣ мы избавились отъ имперіи, по крайней мѣрѣ она пала такъ низко, что утратила всѣ шансы на возстановленіе. Увы! то было заблужденіе: имперія сохранила или вновь пріобрѣла эти шансы. Нельзя сказать, чтобы у нея было много открытыхъ приверженцевъ, и тѣ изъ нихъ, которые пытали свое счастье на выборахъ, потерпѣли пораженіе, но они располагаютъ въ настоящее время въ Парижѣ нѣсколькими газетами и дѣйствуютъ съ замѣчательной ловкостью. Тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они не столько превозносятъ имперію, сколько охуждаютъ все, что за ней слѣдовало.

Прежде всего они пускаютъ въ ходъ слѣдующій софизмъ: признаютъ имперію отвѣтственной лишь за тѣ событія, какія происходили до 4-го сентября, и приписываютъ временному правительству и республикѣ все, что случилось позже: конституцію Метца, уступку двухъ провинцій и пять милліардовъ контрибуціи. Къ несчастью, крайняя безтактность остальныхъ партій служитъ въ пользу бонапартистовъ: ярые нападки легитимистовъ и орлеанистовъ на революцію 4-го сентября и борьба радикаловъ съ собраніемъ вліяютъ въ этомъ смыслѣ. Само правительство далеко не безупречно и во многихъ случаяхъ даетъ бонапартистамъ оружіе противъ себя. Тьеръ не соединяетъ въ

себѣ всѣхъ качествъ, какія были бы желательны для человѣка, поставленнаго въ его положеніе. Онъ слишкомъ самоувѣренъ, убаюкиваетъ себя иллюзіями, воображаетъ, что существованіе республики обезпечено потому, что онъ за нея ручается, и недостаточно сознаетъ важность нѣкоторыхъ вещей. Такъ напримѣръ, правительство поставило себя въ самое ложное положеніе, относительно лицъ захваченныхъ, послѣ подавленія инсуррекціи, число которыхъ доходитъ до 40,000; правильный судъ, которому оно непремѣнно хотѣло подвергнуть ихъ, не желая повторять ссылки *en masse*, имѣвшей мѣсто въ іюнѣ 1848 г. и въ декабрѣ 1851 г., только затянулъ рѣшеніе ихъ участи. Мало того: приговоры къ смертной казни, произнесенные судомъ надъ нѣкоторыми лицами, не были приведены въ немедленное исполненіе; правительство учредило коммиссію помилованія, но она недавно лишь вступила въ отправленіе своихъ обязанностей, а между тѣмъ времени протекло такъ много, что въ настоящую минуту какъ строгость, такъ и милость равно утратили свое значеніе. Амнистія для всей массы подсудимыхъ и даже для вождей возстанія громко требуется радикальными и бонапартистскими органами и быть можетъ правительство вынуждено будетъ ее дать. Но когда амнистія исходитъ не отъ самаго правительства, а такъ сказать навязывается ему общественнымъ мнѣніемъ или необходимостью, она скорѣе ослабляетъ, чѣмъ укрѣпляетъ правительство. Бонапартисты отлично пользуются такимъ положеніемъ дѣлъ. Въ однихъ своихъ органахъ они поддакиваютъ радикаламъ; въ другихъ-же напротивъ клеймятъ слабость правительства, пугаютъ буржуа и напоминаютъ имъ о безопасности, какою они пользовались *при* имперіи.

Армія представляетъ также благопріятное поле для ихъ маневровъ, и здѣсь также нельзя сказать, чтобы правительство и собраніе были изъяты отъ упрековъ. Они поступили весьма неловко и весьма нерѣшительно. Война произвела большую путаницу въ чинахъ. Появились генералы и офицеры самаго различнаго происхожденія: однихъ произвелъ генералъ Трошю въ Парижѣ, другихъ — Гамбетта въ провинціи, третьихъ — маршалъ Базенъ, будучи главнокомандующимъ въ Метцѣ. Въ числѣ этихъ производствъ были неправильныя и незаслуженныя. Назначена была ревизія, продолжающаяся и по сіе время: она справедлива, необходима быть можетъ, но естественно возбуждаетъ много неудовольствія. Многіе изъ офицеровъ неохотно примиряются съ мыслью потерять чинъ, который считаютъ заслуженнымъ. Между тѣмъ недовольные офицеры весьма легко превращаются въ агентовъ возмущенія и быть можетъ инымъ изъ генераловъ не достаетъ только смѣлости, чтобы попытаться свергнуть правительство. И дѣло не ограничивается личнымъ неудовольствіемъ, вся армія раздѣлена на два лагеря, глубоко враждебные другъ къ другу, хотя и

перетасованные вслѣдствіе переформированія полковъ. Эти два враждебныхъ элемента суть: съ одной стороны, старая императорская армія, вернувшаяся изъ нѣмецкаго плѣна, съ другой — корпуса, сформированные республиканскимъ правительствомъ во время войны. Въ старой арміи всего враждебнѣе настроена такъ-называемая императорская гвардія, весьма избалованная при имперіи какъ жалованіемъ, такъ и комфортомъ обстановки. Для того-ли, чтобы изолировать солдатъ отъ народа, или закалить ихъ суровымъ режимомъ, президентъ республики размѣстилъ большую часть парижскаго войска по лагерямъ вокругъ столицы, и надо сознаться, что при наступленіи зимы, обѣщающей быть очень суровой, жизнь въ лагеряхъ не представляетъ особенныхъ удобствъ. Офицеры, привыкшіе къ комфорту и развлеченіямъ Парижа или Версаля, сильно скучаютъ и пускаются въ разнаго рода размышленія, далеко неблагопріятныя для Тьера.

Правительству слѣдовало бы за одно съ собраніемъ немедленно по заключеніи мира приступить къ полнѣйшему преобразованію нашихъ военныхъ учрежденій. Всѣ признаютъ необходимость такого преобразованія, и личныя неудовольствія сгладились бы въ общей перемѣнѣ. Но препятствіемъ къ этой мѣрѣ послужило разногласіе въ мнѣніяхъ: собраніе стояло за общую и обязательную военную повинность, Тьеръ же желалъ, напротивъ того, усилить армію, оставляя въ основаніи ея устройства старую систему. Въ настоящую сессію, если только собраніе не будетъ распущено до тѣхъ поръ, вслѣдствіе какого-нибудь переворота, оно вѣроятно займется этимъ вопросомъ, потому что Тьеръ, говорятъ, уступилъ.

Кромѣ злобы, вызванной пораженіемъ коммуны, и неудовольствіемъ военныхъ для бонапартистовъ, есть и другіе рессурсы. Дѣла идутъ плохо, какъ оно и естественно, торговля и промышленность находятся въ застоѣ, и все это сваливается на республику. Денежный кризисъ, вызванный частью уплатой военной контрибуціи, частью вовсе непатріотическими спекуляціями, весьма усложняетъ положеніе. Въ послѣднее время пришлось прибѣгнуть къ выпуску небольшихъ ассигнацій въ пять и даже въ два франка — фактъ, не повторявшійся во Франціи со времени первой революціи. Хотя эти ассигнаціи вполнѣ гарантированы, но публика съ недовѣріемъ относится къ нимъ. Она считаетъ ихъ признакомъ отчаяннаго состоянія финансовъ и винитъ въ немъ правительство. Если мы избѣгнемъ новыхъ переворотовъ — на что трудно положиться, имѣя дѣло съ населеніемъ, всегда готовымъ закусить удила, — то скоро оправимся отъ денежнаго кризиса, неизбѣжнаго въ данныхъ обстоятельствахъ. Благопріятнымъ симптомомъ, среди столькихъ плохихъ, является то, что налоги уплачиваются безъ затрудненія, а косвенные оказались производительнѣе, чѣмъ смѣли надѣяться.

Теперь попытаюсь очертить передъ вами нашу иностранную политику и пересказать то, что я знаю или предвижу о нашихъ сношеніяхъ съ Европою. Собственно говоря, Франціи слѣдовало бы на время совершенно отказаться отъ иностранной политики, но страна никогда не можетъ вполнѣ изолироваться: всегда будутъ существовать вопросы, которыхъ нельзя устранить, и другіе отъ которыхъ наше правительство не захочетъ отказаться добровольно. Съ Пруссіей у насъ есть еще много точекъ столкновенія, и на очереди стоитъ важный вопросъ преждевременнаго освобожденія территоріи, къ которому, если я не ошибаюсь, Тьеръ считаетъ возможнымъ приступить въ началѣ будущаго года. Отношенія между двумя правительствами довольно сносныя. Бисмаркъ забралъ такъ много, что можетъ позволить себѣ быть любезнымъ, а Тьеръ въ свою очередь очень чувствителенъ къ комплиментамъ, а потому его весьма тронули лестныя слова, высказанныя на его счетъ недавно могущественнымъ германскимъ канцлеромъ въ берлинскомъ парламентѣ. Но вы конечно понимаете, что между Берлиномъ и Версалью можетъ существовать только поверхностная дружба и что желаніе возмездія до нѣкоторой степени „manet alta mente repostum." Тьеръ большой патріотъ, но худой стороной въ его патріотизмѣ служитъ то, что онъ закрываетъ глаза на глубоко коренящіяся причины нашихъ прошлогоднихъ бѣдствій. Кромѣ того онъ убѣжденъ, что всѣ европейскія правительства чрезвычайно расположены къ Франціи и въ особенности лично къ нему, Тьеру. Короче сказать: въ минуты оптимизма онъ не отчаявается, не смотря на свои преклонныя лѣта, дожить до эпохи „возмездія", и кто знаетъ? быть можетъ, руководить военными операціями. Совсѣмъ тѣмъ у него слишкомъ много здраваго смысла, чтобы не понимать, что прежде всего слѣдуетъ выполнить всѣ обязательства и разрѣшить всѣ задачи мира, но онъ не теряетъ надежды быстро кончить это великое дѣло. Вы понимаете, что союзъ съ Россіей фигурируетъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ возмездія. Всѣ считаютъ, быть можетъ слишкомъ поспѣшно, что союзъ съ Россіей—дѣло рѣшеное, и правду сказать, въ отношеніи союзовъ, это почти единственная наша надежда. Вотъ почему быть можетъ такъ торопливо разсчитываютъ на него. Борьба между Германіей и Россіей, между нѣмцами и славянами, дѣйствительно, какъ кажется, является родовой, исторической необходимостью, и я знаю, что у васъ также она занимаетъ многіе умы.

Замѣчу по этому поводу, что здѣсь съ большимъ интересомъ прочитали въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux mondes*, очень хорошо составленное *résumé* изъ различныхъ русскихъ сочиненій, касающихся этого вопроса и преимущественно изъ сочиненій генерала Фадѣева *). Но

---

*) Французскіе публицисты неисправимы, какъ то видно изъ сообщаемаго нами

роковыя историческія столкновенія могутъ отдаляться на неопредѣленное время, а иногда вовсе устранятьея людской предусмотрительностью и я далеко не раздѣляю убѣжденія моихъ соотечественниковъ, что то, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, произойдетъ какъ разъ въ удобный для насъ моментъ. Въ настоящую минуту Франція гораздо лучше думать только о самой себѣ и о своемъ возрожденіи *). Наивѣрнѣйшее средство добиться возмездія—это совершенно откинуть мысль о немъ до тѣхъ поръ, пока внутреннія дѣла наши не устроятся наилучшимъ образомъ. Свиданія въ Зальцбургѣ и Гастейнѣ, чешскія дѣла и отставка Бейста возбудили здѣсь живѣйшій интересъ, потому что съ этими фактами связанъ, не безъ нѣкотораго вѣроятія, великій вопросъ объ отношеніяхъ между Германіей и Россіей, о которыхъ такъ охотно разсуждаютъ въ настоящее время. Глубокое невѣжество большинства нашихъ журналовъ въ дѣлѣ иностранной политики придаетъ странный видъ этимъ разсужденіямъ. Въ послѣдніе дни, напримѣръ, различныя газеты возвѣщали о томъ, что Россія потребовала отъ Германіи, путемъ *ultimatum*'а, исполненія статьи 5-ой Пражскаго трактата, касающагося герцогства Шлезвигъ-Гольштинскаго, и нѣкоторыя изъ нихъ немедленно вообразили, что Бисмаркъ почтетъ себя счастливымъ купить нашъ нейтралитетъ цѣной уступки остальной части военной контрибуціи (три милліарда) и присоединенныхъ къ Германіи провинцій.

Другая держава, съ которой намъ трудно будетъ установить искреннія, дружескія сношенія, хотя она въ нѣкоторомъ родѣ наше созданіе—это Италія. Римскій вопросъ долго еще будетъ питать недовѣріе къ намъ итальянцевъ. Безтактная и нескромная книга, обнародованная Жюлемъ Фавромъ, объ отношеніяхъ Франціи къ папскому престолу, возбудила бурю въ итальянской печати. Если же папа вздумаетъ, какъ онъ на это намекалъ, искать убѣжища во Франціи, то итальянцы найдутъ въ этомъ новую причину къ неудовольствію, потому что они все-таки желаютъ, чтобы папа пребывалъ между ними,

---

корреспондентомъ, и что имъ хочется, то имъ и снится. При второй имперіи, они собирали все пріятное себѣ, чтобы доказать, что необходима война съ Пруссіею, и цитировали усердно выдержки изъ австрійскихъ и южно-германскихъ газетъ въ доказательство, что Франція найдетъ себѣ союзниковъ вѣрныхъ и могущественныхъ. Точно также и теперь пользуются ихъ благосклонностью наши гг. Фадѣевы, и по нимъ они гадаютъ, какъ римскіе жрецы предсказывали все, что угодно, по внутренностямъ жертвы. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе нашего корреспондента вѣрно; но оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что у насъ есть дѣйствительно публицисты, напоминающіе своихъ собратовъ второй имперіи, раздувавшихъ національныя ненависти и думавшихъ, что достаточно ненавидѣть, чтобы побѣдить. Пусть люди умѣютъ разумно любить отечество, а отъ ненависти къ сосѣдямъ смѣло можно уволить себя, какъ отъ чувства вовсе непроизводительнаго.—*Ред.*

*) Совѣтъ—пригодный не для одной Франціи.—*Ред.*

и опасаются вліянія его пребыванія на католическую партію во Франціи, столь еще могущественную.

Къ тому-же личность Тьера не такова, чтобы разсѣять недовѣріе итальянцевъ. Противъ него говорятъ его антецеденты по римскому вопросу, въ которомъ онъ всегда отдѣлялся отъ оппозиціи и поддерживалъ императорскую политику, да и въ настоящее время принужденъ щадить клерикаловъ, какъ впрочемъ и всякое французское правительство, потому что католицизмъ гораздо могущественнѣе, чѣмъ то воображаютъ крайніе радикалы. Прибавьте къ этому, что итальянцы далеко не рыцарскій народъ и нимало не затруднятся удивить, въ свою очередь, міръ неблагодарностью. Они еще не потеряли надежды вернуть Ниццу и Савойю и даже мечтаютъ присоединить къ нимъ со временемъ и Корсику, а для этого естественно расчитываютъ на новую войну между Германіей и Франціей, въ которой они будутъ союзниками Бисмарка. Но этотъ послѣдній, если вѣрить слуху, распространенному въ дипломатическихъ сферахъ, готовится съиграть съ ними одну изъ обычныхъ своихъ штукъ. Говорятъ, что престолъ недавно воцарившейся въ Испаніи Савойской династіи, уже очень шатокъ; въ случаѣ его паденія, снова всплыветъ Гогенцоллернская кандидатура, и въ настоящемъ своемъ положеніи Франція должна будетъ ее допустить. Италія, само собою разумѣется, не станетъ воевать для поддержанія въ Испаніи младшаго сына Виктора Эммануила, но ей не можетъ быть пріятно замѣщеніе его прусскимъ принцемъ.

Мы вступили въ переговоры съ Англіей, съ цѣлью добиться измѣненія торговаго договора, и возможно, что они будутъ облегчены или совсѣмъ устранены, если справедливо, что Тьеръ рѣшился не навязывать собранію своей торговой политики. Надо отдать при этомъ справедливость президенту республики: очень односторонній по природѣ и не терпящій противорѣчій, онъ тѣмъ не менѣе понялъ необходимость уступокъ. Я не говорю о его сочувствіи къ республикѣ, которое удивляетъ только тѣхъ, кто его не знаетъ; это сочувствіе не можетъ быть названо уступкой, потому что онъ искренно убѣжденъ, что республика представляетъ наилучшій для насъ исходъ; но онъ не признаетъ и политики свободной торговли, а между тѣмъ считаетъ необходимымъ ее щадить; точно также онъ не признаетъ общей военной повинности, а между тѣмъ, какъ говорятъ, соглашается на нее, потому что понимаетъ, что это желаніе страны; наконецъ, онъ не признаетъ обязательнаго первоначальнаго образованія, но точно также соглашается на него, потому что того требуетъ общественное мнѣніе. Проектъ закона, касательно этой великой реформы, будетъ внесенъ правительствомъ однимъ изъ первыхъ. Къ несчастью, я опасаюсь, что его легче вотировать, чѣмъ провести въ жизни. Придется преодолѣвать громадныя трудности. Недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ будетъ ощу-

тителей въ теченіи первыхъ лѣтъ, половина школъ, по крайней мѣрѣ, останется, въ силу вещей, въ рукахъ духовенства и къ довершенію всего обязательное образованіе съ трудомъ привьется къ нравамъ. Къ тому же грамотность еще не есть образованіе; мало умѣть читать надо развить свой умъ, чтобы стать человѣкомъ и гражданиномъ. Между тѣмъ у насъ нѣтъ, и долго еще не будетъ, хорошихъ книгъ для народа. У насъ совсѣмъ не существуетъ чего нибудь похожаго на дешевые газеты и журналы, какіе изобилуютъ въ Англіи и Германіи, и доставляютъ массѣ столько общеобразовательныхъ и полезныхъ свѣденій. Народъ французскій долженъ довольствоваться: съ одной стороны, книжками, издаваемыми духовенствомъ и отупляющими его, съ другой стороны, дешевыми періодическими изданіями, дающими только романы самаго низкаго разбора, извращающіе умъ и воображеніе; впрочемъ и классъ буржуазіи не лучше обставленъ въ этомъ отношеніи. Трудно себѣ представить что нибудь ничтожнѣе, бездарнѣе, отвратительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, какъ иные изъ нашихъ журналовъ, пользующихся особой благосклонностью публики. Другіе стараются реагировать противъ этого, но безъ большаго успѣха. Большинству приходится подражать *Figaro*, который далеко не изъ лучшихъ. Словомъ, не отъ прессы, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, приходится ожидать возрожденія Франціи. Что касается театра, то онъ поспѣшилъ вернуться къ шутовству, прославившему его во времена имперіи. Послѣдняя новинка въ этомъ родѣ, которою быть моможетъ угостятъ васъ и въ Петербургѣ, называется *Шотландскій престолъ*, и дается на театрѣ «Variétés». Въ ней повѣствуется про *commis-voyageur* торговаго дома винъ, котораго шотландцы принимаютъ за потомка Роберта Брюса и провозглашаютъ королемъ, подъ именемъ Роберта XX (*Vingt*—двадцать и *vins*—вина: постигаете каламбуръ). Нѣсколько серьезна небольшая пьеса въ одномъ дѣйствіи: *Свадебный визитъ*, которую Александръ Дюма поставилъ на театрѣ *Gymnase*. Въ ней много таланта, но еще больше цинизма, и успѣхъ ея можно отчасти назвать успѣхомъ скандала. „Французскій театръ" почетно существуетъ своимъ старымъ репертуаромъ. Въ остальныхъ театрахъ до сихъ поръ давались все піесы, вполнѣ заслуживавшія свой неуспѣхъ.

Литература поражаетъ своимъ безплодіемъ. За исключеніемъ особой категоріи книгъ, о которой я буду говорить ниже, книжные магазины почти ничего не публикуютъ. „Revue des deux mondes" никакъ не можетъ замѣнить Жоржа Санда, оставившаго этотъ журналъ, послѣ такого долголѣтняго сотрудничества. Онъ вынужденъ печатать переводы небольшихъ нѣмецкихъ повѣстей Мориса Гартмана, написанныя лѣтъ двадцать тому назадъ. Объявлено о новомъ томѣ стихотвореній Виктора Гюго въ апокалипсическомъ и революціонномъ

родѣ, который особенно излюбилъ поэтъ въ послѣднія лѣтъ десять. Книга будетъ озаглавлена: *Бѣдственный годъ*, и будетъ содержать много ругательствъ на пруссаковъ и нѣкоторыя похвалы коммунѣ. Вѣроятно, въ слѣдующей корреспонденціи, я буду имѣть возможность поговорить о ней. Въ настоящее время, я могу указать только на одно философское сочиненіе, озаглавленное, не безъ претензіи: La révolution philosophique au XIX-me siècle. Это посмертное произведеніе весьма почтеннаго писателя, Гюэ, бывшаго наставникомъ теперешняго сербскаго государя. Книга его не содержитъ въ себѣ ровно ничего революціоннаго, не взирая на заглавіе, и даже ничего особенно новаго. Это не что иное какъ обрывки нѣмецкой и, по преимуществу, гегелевой философіи, недостаточно продуманные и обработанные на французскій ладъ. Словомъ: произведеніе честное, но второстепеннаго достоинства, и не надѣлающее шума въ свѣтѣ.

Вниманіе публики съ нѣкоторыхъ поръ исключительно привлекается мемуарами, исповѣдями, апологіями и полемикой тѣхъ лицъ, которые играли видную роль, въ качествѣ дипломатовъ и военачальниковъ въ послѣдней трагедіи, кончившейся для насъ такъ ужасно. Они всѣ, одинъ за другимъ, выступаютъ передъ публикой и издатель Генри Плонъ, который всѣхъ ихъ забралъ въ свои руки, на дорогѣ составить большое состояніе своими изданіями. Генералъ Дюкро́, командовавшій въ теченіи нѣсколькихъ часовъ въ Седанѣ, и генералъ Вимпфенъ, замѣнившій его и подписавшій капитуляцію, обмѣнялись двумя томами, въ которыхъ взаимно укоряютъ другъ друга въ катастрофѣ. Они оба не правы. Седанская армія, уступавшая нѣмецкой и по количеству и по качеству, не могла бы одержать побѣды ни съ какимъ генераломъ. Генералъ Дюкро́ готовитъ второй томъ, въ которомъ вѣроятно будетъ говорить объ осадѣ Парижа, во время которой игралъ самую видную роль послѣ генерала Трошю. Шанзи разсказалъ, въ очень компактной и ловко составленной книгѣ, исторію той Луарской арміи,—созданіи Гамбетты—которая, не одерживая побѣдъ и постоянно отступая, тѣмъ не менѣе оказывала большую услугу въ томъ отношеніи, что отвлекала вниманіе Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго. Генералъ д'Орель-де-Паладинъ, отставленный Гамбеттой послѣ сдачи Орлеана, также готовится издать свои мемуары. Графъ Паликао, послѣдній военный министръ имперіи, также счелъ своей обязанностью оправдаться въ административной и даже военной бездарности, въ какой его обвиняло общественное мнѣніе. Но это ему не совсѣмъ удалось, и несомнѣнно, что на него сообща съ регентшей должна пасть отвѣтственность за роковой приказъ, уславшій армію Макъ-Магона на погибель въ Седанъ, вмѣсто того, чтобы призвать ее къ Парижу.

Осада Метца создала уже цѣлую библіотеку книгъ и брошюръ,

весьма враждебныхъ большею частію маршалу Базену. Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ сочиненій большая книга, озаглавленная: *Метцъ. Битвы и переговоры.* Она написана однимъ полковникомъ генеральнаго-штаба, который изъ уваженія къ военному регламенту не желалъ выставить своего имени на книгѣ. Она хорошо написана, изобилуетъ интересными подробностями и весьма сильно компрометируетъ главнокомандующаго Рейнской арміи. Маршалъ Базенъ не измѣнялъ въ буквальномъ смыслѣ; онъ не продавалъ Метца, но несомнѣнно, что не извлекъ изъ своей арміи всѣхъ выгодъ; онъ щадилъ ее, оставлялъ въ бездѣйствіи, съ намѣреніемъ употребить для личныхъ цѣлей, чтобы достичь, напримѣръ, регентства при Наполеонѣ IV.

Онъ допустилъ пруссаковъ водить себя за носъ, и они занимали его мнимыми переговорами, пока наконецъ бѣдная армія не съѣла своей послѣдней лошади. Вотъ, я полагаю, исторія Метца въ истинномъ свѣтѣ. Маршалъ Базенъ призванъ въ настоящее время къ суду, какъ и всѣ генералы и главнокомандующіе, которые подписывали капитуляціи, но я полагаю, что съ нимъ будутъ обращаться весьма бережно. Тьеръ настроенъ въ его пользу и питаетъ такое почтеніе къ высшей военной іерархіи, что ни зачто не повѣритъ, чтобы маршалъ Франціи могъ быть нечестнымъ человѣкомъ. Я уже упоминалъ выше вскользь о книгѣ Жюля Фавра по римскому вопросу. Эта книга произвела нѣкотораго рода скандалъ, не только вслѣдствіе непостижимыхъ ошибокъ, вкравшихся въ нее, но и потому, что со стороны министра иностранныхъ дѣлъ является новизной, и какъ-бы сказать ересью, разоблаченіе передъ публикой государственныхъ документовъ. Это нововведеніе тѣмъ сильнѣе шокировало общественное мнѣніе, что у насъ суевѣрное почтеніе къ государственнымъ документамъ простирается до такой степени, что весьма почтенные писатели не всегда получаютъ разрѣшеніе пользоваться архивами, относящимися до весьма отдаленныхъ эпохъ. Это конечно злоупотребленіе рутиной, но съ другой стороны, поступокъ Жюля-Фавра довольно безцеремонный. Этотъ болѣе несчастный, чѣмъ виновный министръ, хотя весьма непопулярный, лучше-бы сдѣлалъ, если-бы совершенно стушевался и пересталъ занимать собою общественное мнѣніе. Возмутительный процессъ, затѣянный съ нимъ по личной враждѣ, вынудилъ его обнаружить нѣкоторыя обстоятельства своей частной жизни, которыхъ нельзя конечно поставить ему въ упрекъ, но которыя лишаютъ его возможности отнынѣ играть общественную роль.

Но всего болѣе шуму, безъ сомнѣнія, надѣлала книга нашего бывшаго берлинскаго посланника Бенедетти. Она послужила до нѣкоторой степени въ пользу своему автору, возстановивъ его репутацію умнаго человѣка въ глазахъ публики, которая на основаніи событій кончила-было тѣмъ, что сочла его за совершеннѣйшаго глупца. Въ

пользу Бенедетти говоритъ то, что онъ очень хорошо понималъ и умѣлъ анализировать политику Бисмарка и часто давалъ хорошіе совѣты императорскому правительству, такъ напримѣръ послѣ Садовой. Но съ другой стороны, онъ очень скомпрометировалъ себя, утаивъ истину, касательно переговоровъ, которые велъ императоръ французовъ по вопросу о вознагражденіи Франціи. Касательно этого пункта можно сказать, что Бисмаркъ убилъ его разоблаченіями, которыя онъ имѣлъ возможность почерпнуть въ документахъ, найденныхъ пруссаками, во время войны, въ замкѣ Руэра. Увѣряютъ однако, что Бенедетти не считаетъ себя побѣжденнымъ и готовитъ возраженіе. Но главнѣйшій интересъ этой книги заключается въ томъ, что она показываетъ подчиненную роль нашей оффиціальной дипломатіи при имперіи. Императоръ, считавшій себя къ несчастью геніемъ имѣлъ претензію обработывать всѣ дѣла самъ лично, и велъ переговоры, помимо своихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ и своихъ посланниковъ. Видно, что Бенедетти чаще всего не имѣлъ даже понятія о томъ, что происходило, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ переговоровъ между Пруссіей и Италіей до Садовой: нашъ посланникъ, съ комическимъ, поистинѣ, стараніемъ, пытается проникнуть тайну переговоровъ, которые велись между тѣмъ подъ непосредственнымъ руководствомъ его августѣйшаго повелителя.

Серія разоблаченій еще не кончена. Возвѣщаютъ появленіе книги герцога де Грамона, послѣдняго министра иностранныхъ дѣлъ при имперіи и одного изъ главнѣйшихъ и тупоумнѣйшихъ виновниковъ войны.

P. S. Полученныя мною свѣдѣнія, въ тотъ самый моментъ, когда я думалъ заключить эту корреспонденцію, подтверждаютъ общій характеръ впечатлѣній, который я старался вамъ передать. Попытка къ сліянію, повторенная въ Люцернѣ, окончательно рушилась, какъ и всѣ предъидущія, вслѣдствіе неподатливости графа Шамбора. Обѣ вѣтви нашей старинной династіи остаются слѣдовательно на прежнемъ положеніи и своимъ противодѣйствіемъ другъ другу сами себя уничтожаютъ. Тѣмъ лучше для республики, если республика можетъ существовать; но тѣмъ хуже для Франція, если опасенія мои оправдаются и республика падетъ, потому что тогда не останется иного исхода, какъ реставрація цезаризма.

Какъ бы то нибыло, но неудачный исходъ попытки произвести сліяніе упрочиваетъ положеніе Тьера, какъ я это уже выше замѣтилъ. Волей неволей большинство собранія должно будетъ сдѣлать шагъ впередъ въ республиканскомъ направленіи. Къ несчастью, Тьеръ внесъ въ свою программу мысль, по моему мнѣнію, весьма неудачную: онъ

намѣренъ, говорятъ, требовать своего назначенія въ пожизненные президенты. При его преклонныхъ лѣтахъ, казалось бы это неважно, но тѣмъ не менѣе это большое противорѣчіе со стороны человѣка, стремящагося основать республику: между временнымъ и пожизненнымъ президентомъ существуетъ цѣлая бездна. Первый есть республиканское должностное лицо, второй — какой-то ублюдокъ республики и монархіи.

Бонапартисты, нѣсколько присмирѣвшіе въ виду запрещенія двухъ своихъ органовъ, менѣе громко заявляютъ себя въ печати, но не прекращаютъ своихъ маневровъ. Въ настоящую минуту они организуютъ въ большомъ размѣрѣ петицію о воззваніи къ народу, то-есть желаютъ предложить высказаться непосредственно за республику, монархію бурбоновъ или имперію. Эта петиція не что иное какъ военная хитрость: они знаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ шансовъ предложить этотъ вопросъ народу; собраніе, вотировавшее единодушно упраздненіе бонапартовъ, не можетъ удовлетворить ихъ желанію, и кромѣ того бонапартисты знаютъ, что вопросъ, предложенный народу въ этой формѣ, почти навѣрное не будетъ рѣшенъ въ ихъ пользу. Единственный ихъ шансъ — это военный переворотъ, который къ несчастію не невозможенъ. Еслибы такой переворотъ случился, то они предложили бы вопросъ на свой ладъ, какъ они это сдѣлали 2-го декабря, предоставляя повидимому выборъ избирателямъ между различными правленіями, но предложили только свое, что̀ сдѣлало выборъ невозможнымъ и результатъ несомнѣннымъ.

Коммиссія помилованія, въ ту самую минуту какъ я пишу, готовится произнести приговоръ надъ нѣкоторыми осужденными, участь которыхъ была передана ей военнымъ судомъ. Говорятъ, что она склоняется къ строгости. Но каково бы ни было ея рѣшеніе, извѣстная часть общественнаго мнѣнія будетъ противъ него.

Одинъ изъ осужденныхъ, напримѣръ, — Россель виновенъ въ важномъ преступленіи: онъ дезертировалъ, чтобы стать во главѣ коммуны; но онъ сдѣлалъ это вслѣдствіе патріотическаго возбужденія, изъ ненависти къ миру, котораго онъ не одобрялъ. Онъ очень храбрый и способный офицеръ; во время войны, онъ отличился въ Метцѣ. Военная дисциплина требуетъ его казни, а общественная симпатія протестуетъ. Всякое рѣшеніе возбудитъ неудовольствіе. Армія будетъ осуждать помилованіе, а буржуазія — казнь.

Вчера, наконецъ, на одномъ изъ нашихъ большихъ театровъ, въ *Одеонѣ*, давалось настоящее литературное представленіе, заслужившее почетный успѣхъ; *Баронесса*, драма въ четырехъ актахъ, гг. Шарля Эдмона и Фуссіе встрѣтила самый лестный и заслуженный пріемъ. Сюжетъ ея новъ и интересенъ; онъ касается одного изъ вопросовъ судебной медицины, возбуждавшаго въ послѣдніе годы ожесточенные

споры во Франціи. Наши законы объ умалишенныхъ недостаточно гарантируютъ личную свободу, и можно привести много случаевъ, когда семьямъ удавалось изъ личныхъ выгодъ, запирать, въ дома умалишенныхъ, людей никогда не сходившихъ съ ума. Вотъ этотъ-то вопросъ авторы перенесли на сцену и дали ему столь же остроумную, какъ страшную и неожиданную развязку. Женщинѣ, желающей отдѣлаться отъ мужа, удается выдать его за сумашедшаго. Мужа не слушаютъ, сажаютъ его въ домъ умалишенныхъ; онъ изъ него убѣгаетъ и мститъ женѣ тѣмъ, что убиваетъ ее, какъ бы въ припадкѣ умопомѣшательства. Вотъ въ двухъ словахъ содержаніе пьесы; оно очень просто, какъ видите, но по самой сущности трагично, такъ какъ наказаніе вытекаетъ непосредственно изъ преступленія и такъ сказать порождается имъ самимъ. Авторы удачно воспользовались сюжетомъ. Одинъ изъ нихъ, Шарль Эдмонъ — полякъ по происхожденію, натурализованный во Франціи. Его польское имя — Хоецкій.

N.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наши предки.

Сборникъ Русскаго историческаго общества.— Томъ осьмой. — Спб. 1871.

Всѣ интересующіеся русскою исторіей съ нетерпѣніемъ ожидали появленія протоколовъ засѣданій Екатерининской коммиссіи, начатыхъ печатаніемъ въ 1868-мъ году и возбудившихъ общій интересъ. Но у Историческаго Общества были вѣроятно причины серьезныя къ тому, чтобы положить нѣсколько лѣтъ между появленіемъ начала «Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской Коммиссіи» и ихъ продолженіемъ. Въ настоящее время причины эти исчезли, и мы снова встрѣчаемся съ этимъ страннымъ явленіемъ въ русской жизни XVIII-го вѣка, о которомъ немного пошумѣла европейская печать того времени, а потомъ, втеченіи ста лѣтъ, русское общество постепенно забывало о немъ, протоколы же засѣданій хранились, какъ въ сказкахъ говорится, за семью печатями.

Въ самомъ дѣлѣ, Екатерининская коммиссія и была явленіемъ сказочнымъ, хотя имѣвшимъ свой корень въ древнихъ земскихъ соборахъ; но объ этомъ корнѣ едва ли много знала Екатерина и во всякомъ случаѣ не имъ руководилась, собирая вокругъ себя депутатовъ отъ обширной имперіи. Молодая женщина, только-что вступившая на престолъ, зна-

комая со всѣмъ тѣмъ, что было самаго выдающагося въ литературѣ XVIII-го вѣка, садится за свой рабочій столъ, окружаетъ себя политическими и философическими сочиненіями и пишетъ «Наказъ» будущей коммиссіи депутатовъ, которыхъ она рѣшилась собрать. Разумѣется, не одобреніе ея европейскихъ друзей-писателей руководитъ ея дѣйствіями, хотя въ Парижѣ, въ литературныхъ салонахъ, подробно знаютъ о ходѣ работы, почти о всякой новой страницѣ, написанной русской государыней. Она пишетъ по-французски; передъ ея глазами французскія книжки; она перефразируетъ и списываетъ, только отличая существенное отъ неважнаго. Никто не знаетъ ея тайныхъ мыслей, но люди близкіе настолько изучили ее, что понимаютъ необходимость и этого «Наказа» и созванія депутатовъ. «Наказъ» нуженъ не Россіи, которая едва ли пойметъ его, а Европѣ, которая прокричитъ о немъ и возвеличитъ царицу Сѣвера, новую Семирамиду, и въ блескѣ ея славы исчезнутъ сплетни ненавистниковъ, любящихъ копаться въ мелочахъ ежедневной жизни. Депутаты нужны для Россіи, но еще болѣе нужны они для этой даровитой женщины, которая взошла на ступени престола черезъ великія трудности, не имѣя на него никакихъ наслѣдственныхъ правъ. Русскіе, конечно, народъ невѣжественный, полудикій, но они, однакоже, способны отличить хорошее отъ дурного. Управленіе шло до сихъ поръ изъ рукъ вонъ плохо; она сама имѣла случай видѣть, что благосостояніе далеко не распространено въ Россіи; она видѣла дворскія интриги, изучила пріемы борьбы и знала, какъ все непрочно на этихъ высотахъ; она вступила на престолъ не какъ всѣ ея предшественники, по праву наслѣдія; совсѣмъ напротивъ, она нуждалась при этомъ въ содѣйствіи извѣстной партіи. Партія эта, конечно, употребитъ всѣ силы, чтобы держать царицу подъ своимъ вліяніемъ; она не пощадитъ никакихъ средствъ на борьбу, какъ не щадили ихъ подобныя партіи въ предшествовавшія царствованія; но неужели цѣлую жизнь находиться въ большей или меньшей зависимости отъ этой партіи, неужели не попробовать прямо получить опору въ народѣ? Экстраординарное вступленіе на престолъ не легко забывается: надобны особенныя заслуги, особенный блескъ, экстраординарное средство для того, чтобы обратить на себя изумленные и благодарные взоры современниковъ. Средство это она нашла въ «Наказѣ» и собраніи депутатовъ. Такимъ образомъ, эти первые акты царствованія замѣчательной женщины, могутъ быть разсматриваемы какъ ловкій политическій пріемъ, какъ средство прочно возсѣсть на престолѣ и противопоставить придворнымъ партіямъ народныхъ представителей, а въ случаѣ нужды послѣдними запугать первыхъ. Опаснаго для себя самой она ничего не могла предвидѣть: невѣжественный и полудикій народъ не былъ искушенъ въ политической борьбѣ, а лучшіе, наиболѣе просвѣщенные представители его станутъ на ея сторону уже потому, что она довѣр-

чиво обратилась къ нимъ въ важномъ законодательномъ дѣлѣ. Но еслибъ и случилось что́ въ этой коммиссіи противное ея воззрѣніямъ и опасное для нея, какъ для независимой царицы, она могла распустить эту коммиссію и предупредить мнимую или дѣйствительную опасность какъ разъ во-время, потому что открытая борьба, открытое высказываніе своихъ мнѣній несравненно менѣе опасны, чѣмъ тайныя интриги, въ ловкомъ веденіи которыхъ со стороны придворныхъ она не разъ могла убѣдиться. Конечно, она дѣлала шагъ рѣшительный и смѣлый, но она вѣрно разсчитала, что ничѣмъ не рискуетъ. Своимъ «Наказомъ» она поставила себя выше всѣхъ своихъ русскихъ современниковъ; это произведеніе, если могло найти критиковъ, то развѣ критиковъ-консерваторовъ, которые увидѣли въ немъ слишкомъ неожиданный и быстрый шагъ впередъ, которые могли думать, что общество, къ которому «Наказъ» обращался, недоросло до проповѣдуемыхъ въ немъ идей и не въ состояніи ни усвоить ихъ, ни даже понять какъ слѣдуетъ. «Наказъ» былъ открытою проповѣдью либерализма, раздавшеюся съ трона на крайнемъ Востокѣ, въ то время какъ на крайнемъ Западѣ, во Франціи, либерализмъ преслѣдовали и сжигали публично тѣ самыя книги, изъ которыхъ восточная царица черпала свою мудрость; въ теченіи какихъ-нибудь трехъ-четырехъ первыхъ лѣтъ своего царствованія, Екатерина въ третій разъ дѣлала смѣлый шагъ и заставляла о себѣ говорить: во-первыхъ, ея неожиданное вступленіе на престолъ, во-вторыхъ, знаменитое обращеніе ея къ народу съ рѣзкою критикою личности и правленія Петра III, и въ-третьихъ, этотъ «Наказъ». Все это было отважно, особенно въ женщинѣ, и если первые два смѣлые шага находили хулителей, то третій могъ найти только одобреніе. «Наказъ» ничего не предписывалъ, ничего не предрѣшалъ, но плавалъ въ сферѣ общихъ воззрѣній и опредѣленій, много обѣщая, какъ яркая заря передъ восходящимъ солнцемъ. Поставивъ себя такимъ образомъ съ разу передъ лицомъ народа, она могла спокойно ожидать послѣдствій; она затронула всѣ области народной жизни и затронула ихъ настолько либерально, что въ русскомъ обществѣ того времени не могло найтись людей, которые бы пошли дальше. Затѣмъ, она выигрывала чрезвычайно много, изъ устъ самого народа узнавъ о его нуждахъ и о степени его развитія; никакое другое средство не могло такъ наглядно показать ей народъ, какъ именно это; еслибъ депутаты оказались ниже своего призванія, еслибъ они стали поражать своимъ невѣжествомъ и полнѣйшею неспособностью къ законодательной работѣ, Екатерина ничего бы не потеряла: слава ея отъ этого нимало не потерпѣла бы, а степень великодушія возрасла бы, ибо всѣмъ стало бы ясно, что русскій народъ находился въ той порѣ развитія, когда ему необходимы были чиновники и руководители на всѣхъ путяхъ жизни. Царица сдѣлала свое дѣло, она поступила

великодушно и благородно, но народъ оказался жалкимъ, неразвитымъ стадомъ, которое нуждается въ томъ, чтобы ему предписывали законы, а не въ томъ, чтобъ обсуждать и постановлять самому себѣ законы.

Такъ могло быть, могли ожидать такого конца комедіи, въ которой авторъ оказалъ великія способности, но которую актеры не поняли и разыграли невыносимо дурно, но не совсѣмъ такъ случилось. Съ народами дѣлаются иногда удивительныя превращенія; давно ли хотѣли устроить подобную же коммиссію (при Петрѣ II), и депутатовъ не отыскивали, ихъ вызывали, они не являлись. Казалось бы, что время Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны не могло подвинуть впередъ общество, а оно несомнѣнно подвинулось, оно избрало дѣльныхъ депутатовъ, изъ которыхъ многіе оказались на высотѣ своего призванія и высказали царицѣ такія нужды, такія свѣдѣнія объ обширномъ государствѣ, которыхъ она никакимъ другимъ путемъ собрать не могла бы. Они поставили ее въ возможность издать цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, болѣе или менѣе отвѣчавшихъ степени развитія и настоятельнымъ нуждамъ государства. Читая теперь мнѣнія депутатовъ, этихъ первыхъ народныхъ представителей новой, послѣпетровской Руси, проникаешься ко многимъ изъ нихъ невольнымъ уваженіемъ, хотя встрѣчаешь въ ихъ „голосахъ" много дикаго, односторонняго, себялюбиваго. Большая часть изъ нихъ тщательно изучили „Наказъ", даже прониклись его содержаніемъ, и постоянно дѣлаютъ изъ него цитаты; они не возвышались до критики его, но уже и то говоритъ въ пользу тогдашнихъ русскихъ, что они могли усвоить себѣ либеральныя рѣчи государыни, которая черпала ихъ изъ лучшихъ представителей европейской мысли XVIII-го вѣка. Этотъ фактъ изъ русской исторіи служитъ новымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія Маколея, что народы всегда зрѣлы для либеральныхъ учрежденій.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, настоящій томъ „Сборника" заключаетъ въ себѣ пренія, вызванныя законами о купечествѣ. Сколько можно судить по напечатаннымъ матеріаламъ, въ коммиссіи мало было словесныхъ преній; ораторское искусство не могло выработаться на русской почвѣ, и это, быть можетъ, служило не въ пользу тѣхъ законовъ, которые обсуждались, но мы, потомство, выигрываемъ отъ этого обстоятельства, потому что депутаты письменно излагали свои мнѣнія и эти рукописанія дошли до насъ, какъ вѣрный стенографическій отчетъ. Мы поставлены въ полную возможность смотрѣть на эти документы, какъ на несомнѣнно вѣрные, передающіе во всей цѣлости мысль русскаго народа. Съ этой стороны эти мнѣнія остаются драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для характеристики тогдашняго общества которое является въ трехъ главныхъ своихъ представителяхъ, дворянствѣ, купечествѣ и крестьянствѣ, къ которому примыкаютъ инородцы и казаки. Надо, впрочемъ, замѣтить, что борьба велась преимущественно между

купечествомъ и крестьянствомъ, дворяне отходили на заднiй планъ и принимали участiе въ пренiяхъ лишь тогда, когда слишкомъ близко затрогивались ихъ интересы. Выдающимся борцомъ явился русскiй купецѣ, представитель „разсыпанной храмины", какъ называлъ купечество Петръ Великiй. Но „разсыпанная храмина" дружно отстаивала свои интересы, ясно показывая, что она достаточно сплотилась и сплотилась въ узкую, себялюбивую среду, которая ни о чемъ знать не хотѣла, кромѣ своихъ барышей и которая требовала для себя всевозможныхъ и даже невозможныхъ огражденiй. Купцы требовали, чтобъ крестьянамъ не дозволялось развозить свои произведенiя по сосѣднимъ деревнямъ и доставлять ихъ въ ближайшiе города на ярмарки, для розничной продажи. Они выражали желанiе, чтобъ всѣ предметы, производимые крестьянами, начиная отъ съѣстныхъ припасовъ и кончая деревенскими издѣлiями, привозимы были къ нимъ въ мѣста ихъ жительства и продавались непосредственно имъ оптомъ. Подобное же запрещенiе они предлагали распространить и на покупателей изъ крестьянъ, и требовали, чтобъ послѣднiе не имѣли права купить какой бы то ни было вещи для своего домашняго обихода иначе, какъ у купцовъ. Не признаетъ ли собранiе за лучшее, говоритъ одинъ депутатъ, предписать закономъ, чтобъ не только въ городахъ, но и въ уѣздѣ закупку разнаго хлѣба крестьянамъ запретить, равнымъ образомъ и прiѣзжающимъ въ городъ изъ другихъ городовъ покупать хлѣбъ запретить же, а дозволить его покупать въ уѣздахъ. Тогда крестьяне, не надѣясь получить хлѣбъ перекупомъ у другого, будутъ прилежать къ земледѣлiю и оттого въ Россiи послѣдуетъ народная польза! И съ подобнымъ мнѣнiемъ соглашаются больше двадцати депутатовъ отъ купечества! Но и этого мало казалось нѣкоторымъ депутатамъ, которые требовали, чтобы всякое заводское и фабричное производство оставалось въ ихъ же рукахъ, и чтобы право владѣнiя фабриками и заводами отнято было у дворянъ. Вмѣстѣ съ этимъ они доказывали, что имъ, купцамъ, необходимо имѣть у себя крѣпостныхъ людей, какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ, ссылаясь на то, что наемные люди, получивъ плату впередъ, уходили отъ своихъ хозяевъ. Огражденная такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, „разсыпанная храмина" захватила бы въ свои руки всѣ производительныя силы Россiи и вознесла бы сiю послѣднюю на высшую степень могущества и славы. Такъ обѣщали депутаты отъ купечества, предлагая самые радикальные, самые деспотическiе законы въ огражденiе своихъ правъ. Самодуръ - купецъ тогда уже народился и протягивалъ руки къ привилегiямъ и покровительственной системѣ, хлопоча въ то же самое время и о томъ, чтобы ему дозволено было „въ городахъ имѣть лавки, анбары, погреба, харчевни, постоялые дворы, огороды, домовыя бани, безъ платежа за оныя повинностей". Онъ хотѣлъ, чтобъ государство все для него сдѣ-

вало, но самъ онъ крѣпко держался за мошну, не желая ее развязывать и для государственныхъ потребностей...

Дворяне выступили на защиту своихъ правъ и на защиту своихъ крѣпостныхъ. Наиболѣе отличался своимъ краснорѣчіемъ ярославскій депутатъ князь Михаилъ Щербатовъ, какъ отличался онъ во время преній о дворянскихъ правахъ, отстаивая преимущества родовитаго боярства передъ новымъ, созданнымъ Петромъ Великимъ. Онъ говорилъ, что говорилось у насъ недавно, что говорится еще и теперь, „что государство тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые не могли бы снести тяжести обширнаго зданія, еслибъ были слабы, не взирая на свою многочисленность". Онъ приводилъ въ примѣръ, что „величіе французскаго и испанскаго государствъ основано на знатныхъ родахъ": непрочное величіе, разлетѣвшееся въ дребезги отъ прикосновенія времени, но у насъ все еще мечтаютъ о немъ. Говорилъ онъ противъ притязаній купцовъ, твердо держась дворянскихъ привилегій; „заведенныя дворянами въ своихъ деревняхъ фабрики держатъ крестьянъ въ постоянномъ трудолюбіи. Сіи же послѣдніе получаютъ отъ господъ своихъ достаточную плату и свое собственное благосостояніе находятъ въ прибыли господъ". Тутъ говоритъ односторонній помѣщикъ, но рѣчь его дышетъ правдою и не потеряла своего значенія доселѣ, когда онъ обращается къ купечеству. Онъ указываетъ на его работниковъ, находящихся на худомъ содержаніи, на его „мастеровъ, которые, для того, чтобъ они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники". Онъ указываетъ на важность внѣшней торговли, которою купечество совсѣмъ не занимается, вспоминаетъ договоръ Петра Великаго, заключенный съ англійскими и голландскими банкирами для доставленія кредита русскимъ купцамъ за границею. „Но отвѣчали ли русскіе купцы такимъ попеченіямъ? спрашиваетъ онъ; учредили ли они конторы въ другихъ государствахъ; имѣютъ ли корреспондентовъ для узнанія, какіе куда потребны товары и въ какомъ количествѣ; посылали ли они своихъ дѣтей учиться торговлѣ? Нѣтъ! Они ничего этого не сдѣлали!" Указавъ затѣмъ пути для внѣшней торговли на востокѣ, на югѣ, черезъ Черное море, онъ восклицаетъ: „И не стыдно ли намъ, здѣсь собраннымъ россіянамъ, слышать, что гамбургцы и голландцы, будучи отдаленнѣе отъ Ледовитаго моря, чѣмъ мы отъ Колы, на 15 или на 18 градусовъ по прямой линіи, кромѣ обхода Норвегіи, приходятъ бить китовъ и получать прибыль почти у нашихъ береговъ, несмотря на то, что вооруженіе судовъ и договоры съ матросами обходятся имъ весьма дорого. У нихъ платятъ чиновнымъ людямъ корабля по 137-ми руб. въ мѣсяцъ; матросамъ, которыхъ бываетъ иногда до двадцати человѣкъ на кораблѣ, отъ 6-ти до 10-ти руб. въ мѣсяцъ каждому; подарковъ, какъ

у нихъ такое обыкновеніе, чиновнымъ людямъ по 140 р. А такъ какъ путешествіе сихъ кораблей, для ловли рыбы, продолжается иногда до пяти мѣсяцевъ, то на одно жалованье и подарки служащимъ на кораблѣ выходитъ до 1,600 рублей, кромѣ того, что за каждую убитую рыбу платится еще по 10 руб.“

Все это очень любопытно и, что всего страннѣе, все это отличается современностью, словно князь Щербатовъ только вчера говорилъ это въ какой-нибудь коммиссіи. Огромное большинство нашего купечества доселѣ отличается безграмотностью, доселѣ плохо воспитываетъ своихъ дѣтей, доселѣ ведетъ торговлю рутиннымъ образомъ, доселѣ скрываетъ своихъ мастеровъ отъ любопытныхъ глазъ и хранитъ рисунки рисовальщиковъ, какъ великій секретъ. Больше ста лѣтъ прошло, число купечества увеличилось съ 400 тысячъ, какъ было во времена екатерининской коммиссіи, до нѣсколькихъ милліоновъ, а тѣ же явленія, какія были тогда господствующими, остаются господствующими и теперь. И теперь указываютъ на сѣверъ, но указываютъ плачась на то, что тамъ «дозволяютъ» торговать и ловить рыбу иностранцамъ; русское купечество желаетъ побѣждать не конкурренціей, а запретительными тарифами, указами, привилегіями, что сводится на закрѣпощеніе ему соотечественниковъ; оно не дѣлаетъ шагу для того, чтобъ вступить въ соперничество, или дѣлаетъ шагъ несмѣлый и боязливый: ему больше знакомо обиваніе пороговъ у сильныхъ міра сего и просьбы о покровительствѣ отечественной торговлѣ, которая гибнетъ якобы отъ иностранцевъ, чѣмъ самодѣятельность и энергія, для которыхъ прежде всего необходимо образованіе и гуманное отношеніе къ рабочимъ. Тѣ жалобы на погибель торговли отъ вмѣшательства въ нее крестьянъ, разночинцевъ и дворянъ, которыя слышались въ екатерининской коммиссіи, слышатся и теперь по поводу иностранцевъ и въ печати, и въ разныхъ коммиссіяхъ, гдѣ купечество сохраняетъ право представительства и гдѣ голосъ его охотно выслушивается. Все обвиняется имъ, исключая самихъ себя; ни одно сословіе столь горько не сѣтуетъ на свое положеніе, какъ купечество, хотя оно гораздо свободнѣе отъ всякихъ налоговъ, чѣмъ всѣ остальныя сословія. Ни одно сословіе не принимаетъ столь малаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, какъ купеческое, если въ этихъ дѣлахъ прямо не замѣшанъ его интересъ. Оно устраняется совершенно отъ земства и принимаетъ относительно всесословныхъ тягостей привилегированное положеніе; оно начинаетъ бить въ набатъ, когда говорятъ о необходимости налога на процентныя бумаги; оно одно почти, со включеніемъ тѣхъ остатковъ родовитаго боярства, которые мечтаютъ еще о «величіи французскаго и испанскаго государствъ», протестуетъ противъ всесословнаго обложенія, какъ то было въ земскихъ собраніяхъ, сзываемыхъ въ нынѣшнемъ году для обсужденія податной реформы. Оно

одно приглашается въ разныя правительственныя коммиссіи для подачи своего голоса по торговымъ и финансовымъ вопросамъ; оно же одно наиболѣе было недовольно всесословной воинской повинностью и составляло рѣзкій диссонансъ въ единодушномъ одобреніи тѣхъ *принциповъ*, которые легли въ основу этой ожидаемой реформы; оно одно желаетъ запретительныхъ тарифовъ и выработало себѣ особую систему, весьма немудреную, впрочемъ, для того, чтобъ отстаивать statu quo въ промышленномъ и торговомъ дѣлѣ: въ печати оно говоритъ, что принципы свободной торговли убьютъ-молъ русскую производительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ рабочихъ заработка, причемъ выставляются мнимыя благодѣянія, будто бы разсыпаемыя фабрикантами рабочимъ; на практикѣ оно держится старыхъ традицій и въ значительной степени сохраняетъ крѣпостное право относительно рабочихъ, оно заинтересовываетъ въ своемъ дѣлѣ вліятельныя лица и между ними находитъ сильныхъ покровителей того самого порядка, котораго сущность сохранилась доселѣ отъ незапамятныхъ временъ. Въ екатерининскомъ «Наказѣ» было сказано: «Торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненія, и водворяется тамъ, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ». Депутаты тогдашняго времени отъ купечества понимали эти слова исключительно въ свою пользу; депутаты отъ купечества нынѣшняго времени, въ другой формѣ, повторяютъ ихъ и понимаютъ также; между тѣмъ, слова эти должны быть понимаемы шире, въ смыслѣ свободнаго отправленія торговли для всѣхъ. Въ екатерининской коммиссіи купечество просило о «пожалованіи русскому купечеству чести», разумѣя подъ этой честью шпаги; въ настоящее время оно остается вѣрнымъ погонѣ за крестами и титулами и благотворитъ, когда видитъ издали ленточку или медаль. Въ екатерининской коммиссіи даже одинъ изъ купеческихъ депутатовъ заявилъ, что русское купечество не ведетъ «порядочныхъ домовыхъ торговыхъ книгъ», что между купцами есть такіе, «которые отъ *мотовства* и тому подобнаго, а всего болѣе умышленно, забираютъ значительныя суммы подъ предлогомъ коммерческихъ дѣлъ и думаютъ, что имъ за то одинъ разъ придется содержаться подъ карауломъ», что развелись «умышленные банкроты» и проч. Все это и старо и вмѣстѣ съ тѣмъ современно...

Прочтите весь томъ «Сборника», наполненный купеческими притязаніями, и вы сами поразитесь удивительнымъ тождествомъ тогдашняго купца съ нынѣшнимъ: его точно не тронуло время, и по своей сущности и притязаніямъ онъ остался тѣмъ же. Дворянинъ, если и отстаивалъ свои помѣщичьи права, если заступался за крестьянъ въ собственномъ же своемъ интересѣ, то у него были и нѣкоторыя здравыя экономическія понятія, онъ понималъ потребности государственной экономіи, хотя и узко, онъ заявлялъ даже о томъ, что «крестья-

нинъ такое же созданіе, какъ и дворянинъ», и что необходимо воспретить продажу крестьянъ поодиночкѣ. Онъ говорилъ не безъ чувства: «Какое сердце не тронется, глядя на истекающія слезы несчастнаго проданнаго, оставляющаго и мѣсто своего жилища, и тѣхъ, кѣмъ рожденъ, и кѣмъ воспитанъ, и съ кѣмъ привыкъ всегда жить, и еще находящагося въ неизвѣстности о будущемъ своемъ состояніи! Кто не сжалится на вопль, на слезы и на сожалѣнія остающихся! Отъ одного этого изображенія вся кровь во мнѣ волнуется, и я конечно не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли». А между тѣмъ, купечество требовало себѣ именно этого права покупать людей поодиночкѣ, какъ скотину... Всякій, кто прочтетъ эти пренія депутатовъ, придетъ къ тому же убѣжденію, какъ и мы, а именно, что въ этой борьбѣ сословій купечество показало себя съ самой невыгодной стороны и обнаружило полнѣйшее незнакомство съ государственною экономіей. Между разными дикими доводами въ пользу тѣхъ монополій, которыя отстаивало купечество, оно приводило даже слова апостола Павла: «Никто же бо, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ». Мы не говоримъ, что дворянство въ своей борьбѣ за права торговли вполнѣ заслуживаетъ сочувствія: эти два сословія, въ сущности, отстаивали свои личные интересы, и если одно возвышалось надъ другимъ, то потому, что другое выходило изъ ряда всякаго благоразумія, заявляя непомѣрныя требованія. Дворянство, конечно, могло бы полемизировать противъ купеческихъ притязаній сильнѣе, но оно чувствовало, что у него самого «пушокъ на рыльцѣ есть»— крѣпостное право. Оно боялось, чтобъ не тронули этого больного мѣста, чтобъ купечество, раздраженное рѣзкими нападками, не отвѣчало тѣмъ же. И купечество дѣйствительно не оставило этой стороны безъ вниманія: не трогая принципа, оно, однако, заявляло о бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ у помѣщиковъ, особенно у тѣхъ, которые употребляли своихъ рабовъ на работы въ фабрикахъ и заводахъ.

Какъ же вели себя тѣ, объ одеждѣ которыхъ метали жребій сильные представители земли русской? Понятно, что крѣпостные не посылали своихъ представителей въ этотъ всероссійскій сеймъ; но тамъ были представители отъ черносошныхъ крестьянъ, отъ казаковъ и инородцевъ. Эти депутаты не были заинтересованы въ дворянскихъ и купеческихъ привилегіяхъ и являлись истинными представителями народныхъ интересовъ. Нельзя сказать, чтобъ они вели борьбу противъ этихъ привилегій послѣдовательно и упорно, но они не оставались пассивными зрителями этого дѣлежа русской земли между дворянствомъ и купечествомъ. Они представляли, съ своей стороны, полновѣсные доводы, дышащіе здравомысліемъ; ихъ доводы были взяты изъ практики, изъ отношеній къ купечеству, которое развивало и тогда

существующее до настоящаго времени кулачество и не упускало случая эксплуатировать крестьянство. Самымъ ловкимъ оппонентомъ купечества явился депутатъ отъ сибирскихъ казаковъ, Ѳедоръ Анцыферовъ. Его собственноручное мнѣніе, прочитанное въ коммиссіи, замѣчательно по своей энергіи, сжатости и бьющей ироніи. Онъ говоритъ въ поданномъ имъ мнѣніи, что не станетъ разбирать законовъ о купечествѣ; „равнымъ образомъ, продолжаетъ онъ, я не стану доказывать, что есть и такія монаршія милости и многіе указы, которые распространяютъ дозволеніе производить торговлю не одной только, называемой господами депутатами отъ купечества, разсыпанной купеческой храминѣ. Не стану также утверждать, что будто бы государи и ихъ высокія правительства имѣли попеченія только объ ихъ сословіи, а на дворянское, воинское и крестьянское сословія не хотѣли милостиво совсѣмъ воззрѣть, какъ на ненадобные въ государствѣ. Это я, при случаѣ, не оставлю пространнѣе объяснить. Но теперь осмѣлюсь покорнѣйше предложить господамъ депутатамъ отъ городовъ, не соизволитъ ли само степенное купечество, торгующее внутри государства всякими, какъ купеческими, такъ и крестьянскими товарами, рукодѣліями и промыслами прочихъ разночинцевъ, и въ томъ числѣ и ткаными изъ нихъ рогожами, безпошлинно, платя только однѣ свои подати, не соизволитъ ли, говорю, оно *сперва согласиться* съ обремененныхъ разными казенными трудами и подводами крестьянъ, которые болѣе всѣхъ достойны сожалѣнія, *снять платимыя ими подушныя деньги и переложить ихъ на купечество;* также, не согласится ли оно, изъ получаемой имъ отъ безпошлиннаго торга прибыли, сдѣлать прибавку къ жалованью маложалованнымъ служилымъ людямъ, которые расположены по границамъ Россіи и, прежде всѣхъ обывателей, готовы идти съ воинскими людьми на пролитіе своей крови противъ непріятеля. И тогда уже пусть купечество требуетъ, чтобы все, въ этомъ мірѣ сотворенное отъ Бога для человѣка, никому, кромѣ купцовъ, не было продаваемо, исключая самонужнѣйшихъ хлѣбныхъ и харчевыхъ припасовъ. Тогда всякій крестьянинъ и служилый человѣкъ тѣмъ господамъ купцамъ, какъ своимъ благодѣтелямъ, охотно уступитъ и ни въ какіе купеческіе промыслы входить и мѣшаться не станетъ“.

Разумѣется, это мнѣніе лишено экономическаго значенія, а потому и нашло себѣ сочувствіе только въ депутатахъ отъ казаковъ, служилыхъ мурзъ, ясачныхъ татаръ, однодворцевъ, новокрещенной мордвы, приписныхъ къ желѣзнымъ заводамъ крестьянъ, и т. п., но въ немъ, въ этомъ мнѣніи, сказывалось то здравомысленное чутье русскаго человѣка, которому надоѣло пространное и безсмысленное переливаніе изъ пустого въ порожнее и который рѣзко ставитъ вопросъ о преимуществахъ, говоря своей ироніей, что тотъ, кто много получаетъ,

тотъ и долженъ больше жертвовать на государственныя потребности. Не знаемъ, иронія или наивность говоритъ устами депутата отъ дворянства кинешемскаго, Степана Скрыпицына: онъ заявилъ, что по указу 1747-го г. велѣно съ купечества брать подушныхъ съ каждой души по 1 р. 20 к. въ годъ; а съ крестьянъ дворовыхъ и черносошныхъ прежде положено было по 1 р. 10 к. съ души, да потомъ прибавлено по 60 к., итого по 1 р. 70 к. съ души черносошныхъ и дворцовыхъ, а съ души экономическихъ крестьянъ взимается по 2 р. 20 к. „Но такъ какъ, говоритъ депутатъ, купечество превосходнѣе и почтеннѣе земледѣльцевъ, въ отношеніи же платежа подушныхъ оно не только сравнено съ дворцовыми, черносошными и экономическими, а еще платитъ менѣе, то чрезъ сіе уменьшеніе и оказывается, что будто купечество ниже земледѣльцевъ; а это наноситъ купечеству не мало стыда. Вслѣдствіе чего представляю почтенному собранію господъ депутатовъ мое мнѣніе, чтобы купечество, по его преимуществу и въ отличіе отъ земледѣльцевъ, обложить превосходнѣйшею суммою въ платежѣ подушныхъ денегъ".... Крестьянскія возраженія противъ купеческихъ притязаній, весьма нерѣдко рисуютъ намъ печальную картину состоянія государственныхъ крестьянъ: и „безъ такихъ притѣсненій", т.-е. проектируемыхъ купечествомъ, черносошные крестьяне, по выраженію одного крестьянскаго депутата, „несутъ крайнее разореніе," именно ихъ заставляютъ работать при заводахъ, въ лѣтнее время, съ платою по *пяти коп.* въ день, а въ зимнее по *четыре коп.*, между тѣмъ какъ вольная цѣна за эту работу — 10 коп.; они должны въ апрѣлѣ мѣсяцѣ рубить дрова для заводовъ съ платою по 25-ти коп. за сажень, а кто самъ не отработаетъ заданной работы, тотъ долженъ нанять за себя вольныхъ людей, платя имъ изъ своихъ денегъ по 50-ти и 60-ти коп. за сажень; въ іюлѣ крестьяне высылаются для складки дровъ въ двадцатисаженныя кучи, въ сентябрѣ они должны жечь эти кучи, доставлять на заводы смолу и деготь, и проч. и проч. Въ сущности, тутъ примѣнялось крѣпостное право правительствомъ, какъ помѣщикомъ, и приводило крестьянъ въ „крайнее изнеможеніе, такъ что они приходятъ не въ состояніе платить и подушныхъ денегъ".

Въ разныхъ другихъ мнѣніяхъ, отрывками и намеками, рисуется то же безотрадное положеніе крестьянъ; само дворянство не умалчиваетъ о немъ и проговаривается. Въ этомъ отношеніи къ замѣчательному эпизоду преній послужило мнѣніе депутата отъ перемышльскаго и воротинскаго дворянства, Льва Нарышкина, имѣющее и до настоящаго времени свое значеніе: „Нерѣдко съ крайнею жалостію взиралъ я на русскій народъ низшей степени и чувствовалъ содроганіе сердца, видя его въ непрестанныхъ болѣзняхъ въ младенчествѣ, въ недугахъ въ совершенномъ возрастѣ и въ престарѣлыхъ лѣтахъ, оставленнаго безъ всякаго попеченія, какъ въ естественныхъ, такъ и въ прилипчивыхъ.

Какое жестокое сердце не тронется, какая не взволнуется кровь, видя женщинъ, рожающихъ безъ всякой помощи и даже неимѣющихъ никого, кто бы этимъ, коснѣющимъ въ невѣжествѣ людямъ, захотѣлъ взять на себя трудъ объяснить всю опасность, какой онѣ, часто безъ нужды и только отъ невоздержанія своего, подвергаютъ и себя и невинный плодъ свой! Посмотримъ на ихъ младенцевъ, подающихъ надежду государству, и мы увидимъ ихъ въ обыкновенныхъ нхъ болѣзняхъ: въ оспѣ, въ жару и прочихъ, безъ всякаго присмотра, подверженныхъ суровости времени и пищи. Удивительно ли послѣ сего, что сія надежда государственная, прежде назначеннаго судьбою времени, косою смерти посѣкается?"

„Посмотримъ на ихъ младенцевъ!" можемъ воскликнуть и мы въ настоящее время, имѣя передъ собою данныя о чрезвычайной смертности дѣтей въ народѣ. И мы восклицаемъ уже давно; мы уже не ограничиваемся „преподаніемъ совѣтовъ крестьянству", чѣмъ почти ограничивался Нарышкинъ, мы строимъ кое-гдѣ больницы, немножко покровительствуемъ женщинамъ, ищущимъ правъ повивальныхъ бабокъ, но все это дѣлаемъ какъ бы нехотя, понемножку, въ медицинскихъ дозахъ. И теперь есть еще люди, которые находятъ это излишнимъ, у которыхъ „жестокое сердце" не содрогается, какъ были они и тогда. Представителемъ людей подобнаго рода явился депутатъ отъ медицинской коллегіи, баронъ Георгій Ашъ. Его мнѣніе чрезвычайно характерно, какъ откликъ самодовольнаго чиновничества, какъ прототипъ бюрократическаго оптимизма. Онъ обиженъ предложеніемъ Нарышкина снабдить народъ повивальными бабками и медицинскою помощью; онъ видитъ въ этомъ предложеніи нѣчто въ родѣ поруганія медицинской коллегіи, которая „не преминула оказать дѣйствительное попеченіе" народу. „Помянутый господинъ депутатъ не сталъ бы требовать, восклицаетъ онъ, чтобъ беременнымъ и рождающимъ женщинамъ давать наставленія, какъ имъ, находясь въ такомъ состояніи, поступать надлежитъ, еслибъ ему было извѣстно, что здѣсь, въ Москвѣ, еще въ 1762 г. издана въ свѣтъ и имѣется въ продажѣ книга на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Наставленіе какъ каждому человѣку вообще въ разсужденіи діэты и особливо женщинамъ въ беременности, въ родахъ и послѣ родовъ себя содержать надлежитъ". Кромѣ того, изданъ еще „Домашній Лечебникъ", — чего же еще болѣе? По мнѣнію барона Аша, правительство всѣ свои обязательства, по отношенію къ врачебной помощи народу, исполнило. Да и зачѣмъ преувеличивать вредъ, будто бы принесенный народу его невѣжествомъ и отсутствіемъ медицинской помощи? Народъ вовсе не нуждается въ медикаментахъ, какъ и дѣти его, и баронъ Ашъ распространяется о воспитаніи дѣтей знатныхъ родителей, и о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей, и находитъ, что послѣдніе передъ первыми пользуются значительными преимуществами. Да и сами

деревенскіе жители во сколько разъ счастливѣе богатыхъ! „Привыкши къ простой пищѣ и укрѣпившись работою, деревенскій житель, безъ всякаго лекарства, меньше подверженъ припадкамъ разныхъ болѣзней, нежели городской житель при всемъ своемъ изобиліи. Работа даетъ первому хорошій аппетитъ, а потомъ производитъ вареніе пищи въ желудкѣ гораздо лучше, нежели какъ всѣ привозимые изъ другихъ краевъ коренья, отъ которыхъ причиняются людямъ знатнаго состоянія столь многія немощи. Какъ счастливъ деревенскій житель, которому неизвѣстны всѣ эти приправныя яства и напитки, а потому неизвѣстны и самыя названія происходящихъ отъ того многихъ болѣзней.» Ашъ рѣшительно воспѣваетъ здоровье крестьянства и считаетъ вреднымъ „предпринимать какую-либо отмѣну въ воспитаніи крестьянскихъ дѣтей", ссылаясь на примѣръ римлянъ: „Храбрые римляне, говоритъ онъ, побѣждали всегда, пока они жили въ простотѣ, укрѣпляя тѣло свое работою и трудомъ." Храбрые римляне барону Ашу служили вѣрно, какъ служатъ они въ наши дни баронамъ Ашамъ-классикамъ. Распространился баронъ о вредоносномъ дѣйствіи сифилиса, извѣстнаго тогда подъ именемъ американской болѣзни, и значительно распространенномъ и тогда въ Россіи, особенно въ войскахъ. Какое же средство находитъ онъ для пресѣченія сей болѣзни? „Римляне, говоритъ онъ, давали рабамъ своимъ до-пьяна напиваться и показывали ихъ дѣтямъ своимъ, дабы чрезъ то вселить въ нихъ отвращеніе къ пьянству. Приближающееся къ мужественнымъ лѣтамъ юношество не получило ли бы отвращенія и къ иному пороку, и не поступало ли бы осторожнѣе, когда бы ему живо изображены были ужасныя дѣйствія необузданнаго сластолюбія, отъ котораго бѣдные, страждущіе американскою болѣзнію, изуродованные люди отъ несноснаго мученія и жизнь свою ненавидятъ."

Депутатъ Нарышкинъ, какъ видно, удовольствовался отвѣтомъ барона Аша и не поднялъ брошенной имъ римской перчатки отъ имени медицинской коллегіи. За то поднялъ ее депутатъ отъ казаковъ Оренбургской линіи, Харитонъ Самсоновъ. Желающимъ убѣдиться въ силѣ здравомыслія и логикѣ русскаго простого народа, рекомендуемъ прочесть цѣликомъ по-истинѣ превосходное мнѣніе этого казака. Онъ разбиваетъ барона Аша на всѣхъ пунктахъ, онъ замѣтилъ всѣ противорѣчія въ его мнѣніи и ярко ихъ выставлялъ, онъ опровергъ всю его высоко-ученую чиновничью болтовню и отдѣлилъ отъ нея крупицы здравомыслія. Такъ онъ согласился съ барономъ, что прививаніе оспы, «по надлежащемъ изслѣдованіи», должно привести въ дѣйствіе; «что же принадлежитъ до другой болѣзни, продолжалъ онъ, неизвѣстной счастливымъ римлянамъ (сіе счастіе можетъ быть и отъ того, что они прежде насъ жили, а нынѣшніе итальянцы имѣютъ равную со всѣми въ оной участь), то господинъ депутатъ отъ медицинской коллегіи

преподаетъ нравоучительное правило, чтобы для предохраненія нашего юношества отъ сей болѣзни, представлять ему ужасныя дѣйствія, отъ нея происходящія, по примѣру упоминаемыхъ имъ римлянъ, которые, для отвращенія дѣтей своихъ отъ пьянства, представляли предъ ними пьяныхъ невольниковъ. Но я опасаюсь, чтобы этотъ способъ не произвелъ противнаго, нежели у римлянъ, слѣдствія, и чтобы познаніе дѣйствія не привлекло къ причинѣ онаго». Заключилъ онъ такъ: «Наконецъ я долженъ припомнить, что вѣдь все это г. перемышльскій депутатъ (Нарышкинъ) отдавалъ на разсмотрѣніе медицинской коллегіи, нисколько не думая сдѣлаться всеобщимъ докторомъ; но онъ хотѣлъ показать имъ рану, требующую ихъ призрѣнія, и если ошибся въ представленныхъ имъ способахъ, то долженъ быть извиненъ въ намѣреніи, которое произвели въ немъ жалость, человѣколюбіе и состраданіе человѣческой бѣдности.» Такъ говорили наши предки, такъ защищалъ депутатъ отъ простыхъ казаковъ депутата отъ дворянства противъ легкомысленнаго и себялюбиваго набѣга медицинскаго чиновника.

Депутаты открывали правительству «раны, требовавшія призрѣнія», какъ сказалъ Харитонъ Самсоновъ, и въ этомъ великое значеніе екатерининской коммиссіи. Царствованіе этой царицы не имѣло бы, по всей вѣроятности, большого значенія въ законодательномъ отношеніи, еслибы депутаты отъ русской земли не внесли въ правительственныя сферы свою разумную, практическую мысль и свой многоцѣнный совѣтъ. Упомянемъ еще объ одномъ казакѣ, Андреѣ Алейниковѣ, депутатѣ отъ казаковъ Хоперской крѣпости. Онъ возсталъ противъ представленій депутатовъ отъ нѣжинскаго и батуринскаго повѣтовъ, и предложилъ освобожденіе части крѣпостныхъ въ Малороссіи, именно: „чтобы у купцовъ и у приказныхъ служителей, какъ неимѣющихъ у себя помѣстныхъ земель, равнымъ образомъ у донскихъ казаковъ, у всего малороссійскаго народа, а также въ слободскихъ полкахъ и во всѣхъ казачьихъ войскахъ и полкахъ у войсковыхъ атамановъ, полковниковъ и старшинъ и у рядовыхъ казаковъ, великороссійскихъ крестьянъ и дворовыхъ людей и подданныхъ вольныхъ малороссіянъ отписать на ея императорское величество, чтобы лица вышеписанныхъ званій крѣпостныхъ дворовыхъ людей и деревень никто за собою не имѣлъ». Отстаивая и развивая свое пространное и вѣское мнѣніе, Алейниковъ, между прочимъ, сказалъ: «хотя помянутые господа депутаты и представляютъ, что казачьимъ войсковымъ атаманамъ и полковымъ командирамъ безъ крестьянъ быть предосудительно; но это они показываютъ напрасно, ибо мы видимъ цѣлую Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ (?). И не большее ли будетъ предосужденіе всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству передъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей

высокославной коммисеіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какіе и мы сами?»

Послѣ того немногого, что извлекли мы изъ почтеннаго тома „Сборника", надѣемся, читателямъ ясно будетъ, какое важное значеніе имѣла Коммиссія въ нашей исторіи XVIII-го вѣка и какую неисчислимую пользу принесла бы она народу, еслибъ Екатерина утвердилась въ своемъ намѣреніи созывать ее отъ времени до времени; ясно также, почему всѣ эти „мнѣнія" и „представленія" первыхъ народныхъ представителей новой, по-петровской Россіи такъ тщательно хранились за семью замками въ теченіи болѣе сотни лѣтъ. Наши предки подняли почти всѣ вопросы, которые волнуютъ насъ и въ настоящее время, не исключая остзейскаго, въ которомъ они показали большую зрѣлость, требуя для этихъ провинцій такихъ же законовъ, какіе существуютъ для остальной Россіи. Если нѣкоторыя мнѣнія предковъ нашихъ оскорбляютъ насъ теперь, то не забудемъ, что насъ отдѣляетъ отъ нихъ цѣлое столѣтіе и что среди насъ живутъ еще такія мнѣнія и недостаточно прячутся отъ свѣта и гласности. Мы выросли, но сидимъ еще на тѣхъ самыхъ вопросахъ, которые подняты были коммиссіей, которые потомъ были забыты или искусственно припрятаны, и которые, разными изворотами и хитростями, снова воскрешала печать втеченіи настоящаго столѣтія и приводила къ общественному сознанію. Отъ Екатерины зависѣло показать всей Европѣ не свой „Наказъ" только, списанный съ мудрецовъ того времени, но богатырски расправляющій свои умственныя силы и здравомыслие русскій народъ; отъ Екатерины зависѣло представить Европѣ величавое зрѣлище народа, который воспитывается и зрѣетъ надъ непрерывно-законодательною работою, въ живомъ, взаимномъ обмѣнѣ знаній, опыта и мысли. Но нашлись причины не дѣлать этого и даже забыть свой собственный „Наказъ".

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Некрологъ.

29-го октября (10-го ноября) нынѣшняго года скончался въ своей виллѣ Вербуà (Vert-Bois — или: „Зеленая Роща", какъ называлъ ее покойникъ), возлѣ Буживаля въ окрестностяхъ Парижа, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ—и прибавимъ смѣло, какъ бы отвѣчая передъ нелицемѣрнымъ судомъ потомства — одинъ изъ благороднѣйшихъ русскихъ людей, Николай Ивановичъ Тургеневъ.

Мы не намѣрены входить теперь въ подробную оцѣнку покойнаго, какъ политическаго дѣятеля, ученаго и публициста: превосходныя статьи г. Пыпина, въ которыхъ онъ столь часто опирается на свидѣтельство Николая Ивановича и цитируетъ его, снова обратили въ послѣднее время вниманіе мыслящей части публики на этого изгнанника особаго рода, который, проведя почти пол-столѣтія въ отдаленіи отъ родины, жилъ, можно сказать, только Россіей и для Россіи. Конечно, ни одинъ будущій русскій историкъ, когда ему придется излагать постепенные фазисы нашего общественнаго развитія въ XIX-мъ столѣтіи, не обойдетъ молчаніемъ Н. И. Тургенева; онъ укажетъ на него, какъ на одного изъ самыхъ типическихъ представителей той знаменательной эпохи, которой присвоено названіе Александровской, и въ теченіи которой были заложены или возбуждены зачатки преобразованій, совершившихся при другомъ Александрѣ.

Мы ограничимся сообщеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ, библіографическихъ данныхъ и посильнымъ воспроизведеніемъ личнаго характера и образа человѣка, къ которому чувство глубокаго сердечнаго уваженія привязывало насъ болѣе, чѣмъ узы отдаленнаго родства.

Николай Ивановичъ родился не въ 1787-мъ и не 1790-мъ году, какъ было ошибочно показано въ нѣсколькихъ біографіяхъ — а 11-го (22-го) октября 1789-го года — отъ Ивана Петровича Тургенева и Катерины Александровны, урожденной Качаловой. Родился онъ въ Симбирскѣ, гдѣ и провелъ первое свое дѣтство, но воспитывался въ Москвѣ, на Маросейкѣ, въ домѣ принадлежавшемъ его семейству (нынѣ этотъ домъ — собственность гг. Боткиныхъ). У него было три старшихъ брата: Иванъ, умершій въ дѣтствѣ, Андрей, скончавшійся въ 1803-мъ, Александръ, скончавшійся въ 1845-мъ, и одинъ младшій,

Сергѣй, скончавшійся въ 1827-мъ году. Отецъ, Иванъ Петровичъ, не долго пережилъ своего любимца, Андрея, друга Жуковскаго; мать скончалась гораздо позже. Значеніе всего этого семейства Тургеневыхъ достаточно извѣстно: оно не разъ служило предметомъ литературныхъ и критическихъ изысканій. Можно безъ преувеличенія сказать, что они сами принадлежали къ числу лучшихъ людей и тѣсно соприкасались съ другими лучшими людьми того времени. Ихъ дѣятельность оставила замѣтный, и не безполезный, не безславный слѣдъ. Николай Ивановичъ, по примѣру брата своего Александра, учившагося въ гёттингенскомъ университетѣ — также въ 1810-мъ и 1811-мъ году слушалъ въ томъ же университетѣ лекціи у тогдашнихъ знаменитыхъ профессоровъ — Шлецера, Геерена, Гöде и другихъ; онъ занимался преимущественно политической экономіей, финансовыми и камеральными науками. Посѣтивъ въ 1811-мъ году Парижъ, гдѣ онъ видѣлъ Наполеона на вершинѣ своей славы, но уже предчувствовалъ его паденіе, 12-й годъ онъ провелъ въ Россіи, а въ 13-мъ году былъ, какъ извѣстно, прикомандированъ къ знаменитому Штейну, память котораго онъ до старости чтилъ какъ святыню; — самъ Штейнъ питалъ чувство дружелюбія и уваженія къ молодому своему помощнику: имя Николая Тургенева, по его словамъ, было „равносильно съ именами честности и чести." Николай Ивановичъ сопровождалъ, въ качествѣ коммиссара отъ правительства, нашу армію въ кампаніи 14-го и 15-го годовъ, и въ началѣ 1816-го года вернулся въ Россію, несмотря на убѣжденія Штейна, который хотѣлъ удержать его при себѣ. Скоро потомъ онъ издалъ свой „Опытъ теоріи налоговъ". Въ этомъ сочиненіи, доставившемъ ему немедленно почетную извѣстность, онъ, говоря его собственными словами, пользовался всякой представлявшейся ему возможностью для нападенія, съ государственной и финансовой точки зрѣнія, на крѣпостное право или безправіе, на этого врага, съ которымъ онъ боролся цѣлую жизнь—боролся дольше всѣхъ и, быть можетъ, раньше всѣхъ своихъ современниковъ. Назначенный статсъ-секретаремъ при государственномъ совѣтѣ, Николай Ивановичъ въ 1819 г. представилъ императору Александру, чрезъ графа Милорадовича, записку, озаглавленную: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Мысль, проведенная имъ въ этой запискѣ, состояла въ томъ, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе, что оно одно можетъ избавить Россію отъ подобнаго позора. Мысль эта поразила императора, и онъ сказалъ графу, что возьметъ лучшее изъ этой записки, благородная откровенность которой не прибѣгала ни къ какимъ уловкамъ и оттѣнкамъ—и „непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ". Исторіи вѣдомы причины, почему это обѣщаніе осталось безъ исполненія... Мы не станемъ вдаваться въ нихъ. Н. И. Тургеневъ занималъ долж-

ность статсъ-секретаря до 1824 года. Выѣхавъ изъ Россіи, для поправленія своего здоровья, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, онъ увидѣлъ ее только въ 1857 году — уже старцемъ. Извѣстны также причины, превратившія человѣка, которому, казалось, все сулило блестящую карьеру, котораго ожидалъ министерскій портфель, о которомъ самъ императоръ Александръ неоднажды выражался, что онъ одинъ можетъ замѣнить ему Сперанскаго — превратившія, говоримъ мы, этого человѣка въ государственнаго преступника, осужденнаго на смертную казнь. Извѣстна также та настойчивость, съ которою Н. Тургеневъ, опровергая доводы Доклада слѣдственной коммисіи, утверждалъ свою невинность въ дѣлѣ 14-го декабря. Его неявка на вызовъ изъ-за границы рѣшила его судьбу, хотя въ нашихъ законахъ, въ то время, за неявку не существовало опредѣленнаго наказанія. Несчастье Н. Тургенева было велико, силенъ былъ ударъ, обрушившійся на него; но и въ самомъ своемъ несчастьи онъ могъ утѣшиться тѣмъ, что Штейнъ, другъ и наставникъ его молодости, рѣшительно и постоянно отказывался допускать легальность его осужденія... То же думалъ и также высказался Гумбольдтъ. Мнѣніе Штейна и Гумбольдта, впослѣдствіи, было раздѣлено даже нѣкоторыми изъ осудившихъ Н. Тургенева!

Подтвердить справедливость этихъ послѣднихъ словъ могутъ, кромѣ книги: „La Russie et les Russes"—письма Александра Тургенева къ брату Николаю, собранныя покойникомъ и уже почти оконченныя печатаньемъ въ Лейпцигѣ (укажемъ между прочимъ на тѣ письма, гдѣ А. И. Тургеневъ приводитъ слова князя Козловскаго). Семейство Н. И. Тургенева почитаетъ своей обязанностью исполнить его намѣреніе, и эти письма скоро появятся въ свѣтъ. Корректурный экземпляръ находился въ нашихъ рукахъ, и мы можемъ свидѣтельствовать объ ихъ занимательности и важности для изученія эпохи, послѣдовавшей за 1825-мъ годомъ. Письма эти являютъ въ весьма привлекательномъ свѣтѣ самого А. И. Тургенева, человѣка, который, сколько мы можемъ судить, не вполнѣ вѣрно оцѣненъ нашимъ поколѣніемъ.

Николай Тургеневъ, лишившись за границей нѣжно-любимаго имъ брата Сергѣя (глубокая привязанность всѣхъ членовъ Тургеневскаго семейства другъ къ другу составляетъ какъ бы отличительную черту), удалился сперва въ Англію, потомъ въ Швейцарію, гдѣ онъ познакомился съ будущей своей супругой, Кларой, дочерью сардинца, маркиза Віарисъ, храбраго офицера наполеоновскихъ войскъ, которому товарищи на полѣ сраженія при Прейссишъ-Эйлау единогласно присудили предоставленный ихъ дивизіи титулъ барона имперіи. Н. Тургеневъ женился на дѣвицѣ Віарисъ въ Женевѣ, въ 1833-мъ г., и прижилъ съ нею двухъ сыновей и дочь. Въ 1857-мъ году онъ въ первый разъ, въ 1859-мъ году во второй разъ посѣтилъ Россію—а въ 1864-мъ

увидѣлъ ее снова съ чувствомъ Симеона, взывающаго: „Нынѣ отпущаеши!..“ Ненавистное рабство наконецъ прекратилось! Благополучно царствующій Государь возвратилъ ему чины и дворянское достоинство, но если сердце старца было преисполнено чувствомъ благодарной любви къ Монарху, то конечно не столько за эту милость, которая въ глазахъ Тургенева была не что иное какъ актъ правосудія, сколько за совершеніе, силой царскаго самодержавія, всѣхъ завѣтныхъ его надеждъ и мечтаній! Впрочемъ, вотъ собственныя его слова [1]):

„Если.... я былъ такъ преданъ Александру Первому за одно его желаніе освободить крестьянъ, то каковы должны быть мои чувства къ Тому, кто совершилъ это освобожденіе и совершилъ столь мудрымъ образомъ? Ни одинъ изъ освобожденныхъ не питаетъ въ душѣ болѣе любви и преданности къ освободителю, нежели сколько я питаю, видя наконецъ низвергнутымъ то зло, которое мучило меня въ продолженіе всей моей жизни!“

Въ 1871-мъ году Н. Тургеневъ скончался тихо, почти внезапно, безъ предварительной болѣзни. Два дня передъ тѣмъ онъ еще, несмотря на свои 82 года, дѣлалъ прогулку верхомъ.

Н. И. Тургеневъ безустанно, со всѣмъ жаромъ юноши, со всѣмъ постоянствомъ мужа, слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ Россіи, хорошаго и дурного, радостнаго и печальнаго, — и отзывался, живымъ словомъ и печатной рѣчью, на всѣ жизненные вопросы нашего быта. Вотъ по возможности полный перечень изданныхъ имъ книгъ и брошюръ:

а) Опытъ Теоріи Налоговъ.—1818.
б) La Russie et les Russes (3 части). 1847.
в) La Russie en présence de la crise Européenne 1848. [2])
г) Пора! 1858.
д) О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20-го ноября 1859.
е) Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ. 1859.
ж) О судѣ крестьянъ и о судебной полиціи въ Россіи. 1860.
з) Un dernier mot sur l'émancipation des serfs. 1860.
и) О новомъ устройствѣ крестьянъ. 1861.
і) Взглядъ на дѣла Россіи. 1862. [3]).
к) О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ. 1866.
л) Отвѣтъ Е. Ковалевскому и на статью въ „Инвалидѣ“. 1867.

---

[1]) «Чего желать для Россіи?» Предисловіе, стр. XXVI—VII.

[2]) А не въ 1869-мъ году, какъ сказано въ некрологической статьѣ, помѣщенной въ «Голосѣ». Въ этой брошюрѣ находится замѣчательное предсказаніе Крымской войны.

[3]) Тутъ помѣщена, между прочимъ, и Записка 1819-го года.

м) Чего желать для Россіи? 1868.

н) О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ. 1869.

Сверхъ того, въ „Колоколѣ“ было помѣщено письмо Н. Тургенева къ А. И. Герцену. Онъ былъ также однимъ изъ основателей (въ 1854-мъ году) въ Парижѣ ассоціаціи подъ названіемъ: Всеобщій христіанскій союзъ (Alliance chrétienne universelle). Николай Ивановичъ, какъ и все его семейство, былъ проникнутъ глубоко-религіознымъ чувствомъ, не исключительно-фанатическимъ, но свободнымъ и широкимъ *).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о немъ самомъ, объ его характерѣ. Есть отличное англійское выраженіе: „a single-minded man, singleness of mind“,—которое какъ нельзя лучше опредѣляетъ самую сущность Н. И. Тургенева. Въ устахъ англичанъ эти выраженія звучатъ особой похвалой: они обозначаютъ ими не одну лишь неизмѣняемость, „*одинаковость*“ убѣжденій, но и правдивость и искренность ихъ. Самъ Н. Тургеневъ говоритъ о себѣ—и съ полнымъ на тó правомъ: „Я остался вѣренъ моимъ убѣжденіямъ. Мнѣнія мои никогда не перемѣнялись“ (Русскій Загран. Сборникъ. Часть V-я, предисловіе). Существуетъ французское изрѣченіе:

„L'homme absurde est celui qui ne change jamais“...

но Н. Тургеневъ не страшился быть этимъ „homme absurde“. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ онъ оставался глухъ и слѣпъ передъ истиной; не отступая ни на шагъ отъ своихъ принциповъ, онъ готовъ былъ допустить различность способовъ къ ихъ примѣненію. Онъ слишкомъ былъ добросовѣстенъ, въ немъ слишкомъ было мало личнаго эгоизма и самомнѣнія, чтобъ не признать превосходства способа чужого передъ придуманнымъ имъ самимъ, когда это превосходство было ему доказано. Это случилось съ нимъ, напр., въ дѣлѣ крестьянскаго выкупа.

Не зная еще, какимъ образомъ разрѣшитъ его правительство, онъ предлагалъ уступить крестьянамъ безвозмездно одну треть всей земли, и на этомъ основаніи устроилъ въ 1859-мъ году, въ полученномъ имъ по наслѣдству имѣніи, добровольный раздѣлъ съ крестьянами. Они остались довольными—но это не помѣшало, однако, Николаю Ивановичу впослѣдствіи признать превосходство системы, введенной правительствомъ.

---

*) Къ списку сочиненій Н. И. Тургенева слѣдуетъ присоединить: «La Russie et les Jésuites de 1772 à 1820, d'après des documents la plupart inédits», par *Henri Lutteroth* (псевдонимъ покойнаго). Paris. 1845. — *Ред.*

Эта „одинаковость“ и всецѣлость убѣжденій придавала, конечно, Николаю Ивановичу нѣкоторую если не исключительность, то односторонность... Но всѣ почти дѣльные умы—односторонни. Беллетристика и художество его интересовали мало: онъ былъ человѣкъ по преимуществу политическій, государственный, въ высокой степени одаренный чувствомъ равновѣсія и мѣры. Графъ Каподистріа, хорошій судья, отзывался о немъ, что онъ былъ бы государственнымъ человѣкомъ даже въ Англіи. Вмѣстѣ съ твердостью и неизмѣняемостью убѣжденій, въ душѣ Николая Ивановича жила несокрушимая любовь къ правосудію, къ справедливости, къ разумной свободѣ—и такая же ненависть къ угнетенію и кривосудію. Человѣкъ съ сердцемъ мягкимъ и нѣжнымъ—онъ презиралъ слабость, дряблость, страхъ передъ отвѣтственностью. Грубость, неуваженіе человѣческой личности, жестокость возмущали его несказанно. „Je hais cruellement la cruauté“—могъ онъ сказать вмѣстѣ съ Монтѣньемъ. Состраданіе ко всякому несчастью было тоже выдающеюся чертою его характера, и не пассивное состраданіе, а дѣятельное, почти ретивое; не было человѣка, который бы давалъ охотнѣе, щедрѣе и скорѣе. Онъ дѣйствительно, въ точномъ смыслѣ слова, приносилъ жертвы съ радостью, почти съ благодарностью, тому, кто доставлялъ ему случай приносить эти жертвы. На все великое, великодушное сердце его откликалось съ той силой чувства, съ тѣмъ порывомъ и пыломъ, которыхъ въ нашу эпоху какъ-то уже не встрѣчаешь! Подобно многимъ своимъ сверстникамъ, этотъ старикъ остался юноша душою, и трогательна и изумительна для всѣхъ насъ, столь рано устающихъ и столь слабо увлекающихся—была свѣжесть и яркость впечатлѣній этого неутомимаго борца! Мы уже упомянули выше, говоря о чувствахъ его къ Государю, какъ горячо умѣлъ онъ любить тѣхъ, въ комъ видѣлъ благодѣтелей своей родины... Мы можемъ прибавить, что намъ рѣдко случалось видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоявшаго съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за Государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19-го февраля; рѣдко случалось слышать нѣчто болѣе искренне вырвавшееся изъ глубины растроганной души, какъ его восклицаніе: „Я не думалъ, чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого-нибудь такъ, какъ я полюбилъ Николая Милютина!“

„Le trait caractéristique de la vie vraiment excellent à qui nous rendons les derniers devoirs“—справедливо сказалъ, на похоронахъ Н. Тургенева, г-нъ М. П., другъ сорокалѣтній его семейства — „ce fut sa persévérante et inébranlable fidélité, son ardent et infatigable dévouement à toutes les causes justes et humaines. Toutes, et partout lui tenaient à coeur.... Ce qu'un apôtre disait jadis: „Où souffre-t-on

que je ne souffre, où se réjouit-on que je ne me réjouisse?" N. Tourguéneff le pouvait dire aussi. Qui ne l'a surpris, et souvent, pleurant d'indignation au récit d'une iniquité, ou pleurant de joie, comme d'un bonheur personnel, au spectacle d'une délivrance?"

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о немъ.

Несмотря на многолѣтнее пребываніе за границей, Н. И. Тургеневъ остался русскимъ человѣкомъ съ ногъ до головы—и не только русскимъ, московскимъ человѣкомъ. Эта коренная русская суть выражалась во всемъ: въ пріемѣ, во всѣхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ, въ самомъ выговорѣ французскаго языка — о русскомъ языкѣ уже и упоминать нечего. Бывало, находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола — (онъ жилъ на большую ногу — извѣстно, что братъ его Александръ Ивановичъ сохранилъ ему все его состояніе)—слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, ты невольно удивлялся, что почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостинной старозавѣтнаго московскаго дома, гдѣ-нибудь на Арбатѣ, или на Пречистенкѣ, или на той же Маросейкѣ, гдѣ Н. Тургеневъ провелъ свою первую молодость?—Онъ говорилъ охотно; но всѣ мысли его до того были обращены на современное или на будущее, что о прошедшемъ онъ распространялся мало; а о своемъ собственномъ прошедшемъ—уже вовсе никогда. Никогда изъ устъ его не исходили жалобы; отсутствіе личной озабоченности, личной требовательности привлекало къ нему сердца домашнихъ, друзей, самихъ слугъ. Вотъ ужъ про него нельзя было сказать, что онъ „хвалитель старины"—laudator temporis acti. Всякое извѣстіе съ родины подхватывалось имъ на лету: онъ слушалъ разсказы о ней съ жадностью, съ страстнымъ увлеченіемъ; онъ вѣрилъ въ нее, въ нашъ народъ, въ наши силы, въ наше будущее, въ наши дарованія. „Какъ теперь стали писать!" говаривалъ онъ бывало, указывая иногда на довольно обыкновенную, но благонамѣренную—и главное—независимую журнальную статью! За то, ничто такъ не возмущало его, какъ извѣстіе о несправедливости, совершенной въ нашемъ пространномъ отечествѣ. Она казалась ему анахронизмомъ въ царствованіе Александра Второго. Онъ не допускалъ ея, онъ волновался, онъ горячился, онъ гнѣвался „праведнымъ гнѣвомъ" — his righteous anger — какъ выразилась про него одна знакомая англичанка; онъ негодовалъ, быть можетъ, даже болѣе чѣмъ тѣ, которыхъ эта несправедливость самихъ постигла. — Изгнанникъ, постоянный житель Франціи, онъ былъ па-

тріотомъ по преимуществу.... Въ польскомъ вопросѣ, въ вопросѣ объ остзейскомъ краѣ патріотизмъ этотъ выказывался, быть можетъ, даже съ излишней рѣзкостью....[1])

И такому-то, вполнѣ русскому человѣку суждено было и жить и умереть за границей!

Но не будемъ слишкомъ жалѣть о немъ.... воодушевимся скорѣй его примѣромъ! Примѣръ человѣка, неуклонно преданнаго тому, что̀ онъ призналъ за правду, полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ русскимъ!— Изъ возможныхъ благъ, доступныхъ людямъ, многіе достались на его долю: онъ вкусилъ вполнѣ счастье семейной жизни, преданной дружбы; онъ узрѣлъ во очью совершенномъ, онъ осязалъ исполненіе своихъ завѣтнѣйшихъ думъ.... Будемъ надѣяться, что и для тѣхъ изъ нихъ, которыя еще не исполнились и которымъ онъ посвятилъ свой послѣдній трудъ — современемъ также настанетъ чередъ, и что свершеніе ихъ обрадуетъ его хотя въ могилѣ новою зарею счастья, которое оно принесетъ столь любимому имъ русскому народу!

Память его останется навсегда драгоцѣнной для всѣхъ, кто зналъ его; но и Россія не забудетъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ!

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
17/29 ноября, 1871.

---

[1]) За часъ до смерти онъ читалъ 3-й томъ «Окраинъ Россіи» г. Самарина.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Четырнадцатое засѣданіе комитета 16-го августа 1871-го года.

Отпущено 50 руб. на погребеніе вдовы одного писателя.—Выдано 75 руб. писательницѣ, находящейся въ стѣсненномъ положеніи и потерявшей недавно мужа.—Выдано 100 руб. писательницѣ, лишенной, вслѣдствіе долговременной болѣзни, средствъ существованія.—По ходатайству одного писателя, сдѣлано сношеніе съ редакціей газеты, въ которой проситель помѣщалъ свои статьи, о высылкѣ причитающейся ему суммы.—Объявлена благодарность Общества А. Н. Аѳанасьеву за труды его по собранію свѣдѣній о положеніи одной просительницы.— Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель, по своимъ литературнымъ трудамъ, не имѣетъ права на частую помощь со стороны Общества. — Отпущено 150 руб. на воспитаніе пасынка одного писателя.

Отчетъ казначея за августъ 1871 года.

Къ 1-му августа *состояло* въ кассѣ 54,472 р. 26 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами—52,140 р., на текущемъ счету—2,100 р., деньгами—232 руб. 26 коп.—Въ теченіе мѣсяца *поступило* 161 р., въ томъ числѣ: 1) взносъ члена общества В. И. Дементьева за 1871 годъ 10 р.; 2) единовременно пожертвовано неизвѣстнымъ 1 р.; 3) возвратъ ссуды 150 руб.—Въ теченіе мѣсяца *израсходовано* 744 р., въ томъ числѣ: 1) пенсіи одному семейству 100 руб.; 2) на воспитаніе 3-хъ лицъ 259 р.; 3) единовременныя пособія 6-ти лицамъ 385 р. — Къ 1-му сентября *состоитъ* въ кассѣ 53,880 р. 26 к., въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами 52,140 р.; 2) на текущемъ счету 1,500 р.; наличными деньгами 249 р. 26 коп.

Пятнадцатое засѣданіе комитета 1-го сентября 1871 года.

1) Выдано 30 руб. въ пособіе одному писателю, находящемуся въ крайней нуждѣ, вслѣдствіе банкротства его родственника; онъ весь обносился, ходитъ почти въ рубищѣ, и не имѣетъ настоящаго мѣста жительства.—2) Выдано 50 руб. вдовѣ писателя. Она занимаетъ двѣ небольшія комнаты, платя за нихъ 11 рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ 5 руб. уплачиваетъ ей сестра ея. Всѣ средства существованія ея заключаются въ небольшомъ пенсіонѣ (15 руб. въ мѣсяцъ); кромѣ того, она занимается шитьемъ, но въ послѣднее время усиленная работа довела ее до того, что у нея началъ страдать спинной хребетъ и одно ребро нашло на другое. По совѣту доктора, она должна прекратить работу мѣсяца на два. Сынъ ея, хотя и занимается преподаваніемъ уроковъ, но такъ мало выручаетъ, что не можетъ помогать ей. Дочь, больная, живетъ въ одномъ семействѣ. — 3) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, потому что просители не имѣютъ права, по своимъ трудамъ, на частую помощь Общества.

Шестнадцатое засѣданіе комитета, 13-го сентября 1871 г.

1) Назначено отпускать ежемѣсячно, въ теченіе года, по 15 руб. на воспитаніе сына покойнаго ученаго.

2) Докладъ М. Е. Салтыкова, что проситель, котораго ему было поручено навѣстить, находится болѣе, нежели въ стѣсненномъ положеніи. Онъ занимаетъ маленькую комнату въ 4-мъ этажѣ, по задней лѣстницѣ, и живетъ въ ней вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, съ которымъ имѣетъ и одну общую одежду. Работаетъ, повидимому, усердно, но работа оплачивается скудно и притомъ не вполнѣ исправно. За расказъ въ 350 строкъ ему заплачено лишь 7 руб. Въ виду такого положенія, М. Е. Салтыковъ выдалъ просителю 25 р. Опредѣлено: утвердить это распоряженіе.

3) Выдано 50 р. пожилой и больной дочери писателя. Изъ получаемаго ею пенсіона (7 р. 50 к. въ мѣсяцъ) она платитъ 5 руб. въ мѣсяцъ за комнату и затѣмъ у нея остается только 2 руб. 50 к. на пищу и другія надобности.

4) Выдано 50 руб. писателю, неимѣющему постоянной квартиры, нуждающемуся въ платьѣ и обремененному мелочными долгами.

5) Выдано 150 р. писателю, находящемуся временно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

6) Выдано 25 р. писателю, бѣдственность положенія котораго удостовѣрена секретаремъ Общества.

7) Выдано 75 р. писателю, такъ какъ онъ, по удостовѣренію предсѣдателя, находится въ крайней нуждѣ.

8) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ условіямъ 5 § устава Общества.

9) Отклонено ходатайство одной просительницы о пособіи, такъ какъ ни сама она, ни мужъ ея не имѣютъ правъ на частую помощь Общества.

Семнадцатое засѣданіе комитета, 27 сентября 1871 г.

1) Выслано 100 р. въ единовременное пособіе писателю, находящемуся въ весьма бѣдномъ положеніи и въ болѣзненномъ состояніи, требующемъ постоянныхъ расходовъ.

2) Назначена пенсія, по 240 р. въ годъ, дочери извѣстнаго писателя, лишенной постоянныхъ средствъ къ жизни и возможности воспитывать своего ребенка.

3) Отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ § 5 устава Общества.

4) Положено отпускать на воспитаніе сына покойнаго писателя, неимѣющаго никакихъ средствъ къ жизни, по 120 р. въ годъ.

5) Выдано 25 р. въ пособіе писателю, находящемуся временно въ бѣдственномъ положеніи.

6) Выдано 50 руб. вдовѣ писателя на уплату долговъ.

7) Отклонено ходатайство двухъ просительницъ о пособіи, такъ какъ покойный отецъ ихъ былъ собственно издатель чужихъ произведеній.

8) Выдано 150 р. въ пособіе семейству недавно умершаго писателя, находящемуся, вслѣдствіе неназначенія еще пенсіи за службу покойнаго, въ весьма затруднительномъ положеніи.

9) Выслано 100 р. писателю, лишенному средствъ къ жизни, впредь до изданія предпринятаго имъ сочиненія.

10) Объявлена благодарность Общества доктору медицины, Адольфу Григорьевичу Биршенкеру, за предложеніе его пользовать без-

платно, по рекомендаціямъ комитета, бѣдныхъ больныхъ въ его водолечебномъ и гимнастическомъ заведеніи.

Отчетъ казначея за сентябрь 1871 г.

Къ 1-му сентября состояло въ кассѣ 53,889 руб. 25 к., въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами—52,140 р.; 2) на текущемъ счету — 1,500 р.; 3) деньгами — 249 р. 26 к. Въ теченіе мѣсяца поступило— 1,333 р. 66 к.; въ томъ числѣ: 1) взносы 8-ми членовъ Общества — 365 р.; 2) единовременныя пожертвованія 2-хъ неизвѣстныхъ — 3 р.; 3) полугодовые проценты съ капитала по купонамъ 20-го августа, 1-го сентября и 19-го сентября—915 р. 66 к.; 4) возвращено пособіе за смертью лица, которому оно было назначено—50 р.—Въ теченіе мѣсяца израсходовано — 1,680 р. 94 к.; въ томъ числѣ: 1) пенсіи 6-ти семействамъ—492 р.; 2) на воспитаніе 5-ти дѣтей — 253 р. 34 к.; 3) единовременныя пособія 15-ти лицамъ — 935 руб.; 4) государственному банку за храненіе билетовъ — 60 к.—Къ 1-му октября состоитъ въ кассѣ 53,541 р. 98 к.; въ томъ числѣ: 1) процентными бумагами— 52,140 р.; 2) на текущемъ счету—1,000 р.; 3) наличными деньгами— 401 р. 98 к.

Именной списокъ членамъ Общества, сдѣлавшимъ взносы въ теченіе сентября: а) пожизненные: графиня А. Н. Корніани, В. И. Сазиковъ и П. Е. Сазикова — 100 руб. б) годовые, за 1871 годъ, М. А. Варшавскій—25 р. П. А. Измайловъ, Г. Михно, И. А. Петровъ и В. Я. Стоюнинъ — по 10 руб.

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей. Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы въ Петербургъ, на имя предсѣдателя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Якова Карловича Грота (Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ № 50). Всѣ денежныя выдачи, по опредѣленію комитета, производятся казначеемъ общества, Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (Литейной части, Малая Итальянская, домъ № 14, квартира № 17). Онъ же принимаетъ деньги, поступающія въ кассу литературнаго фонда и выдаетъ квитанціи; на имя казначея, равнымъ образомъ, должны быть присылаемы росписки въ полученіи пенсій и пособій высылаемыхъ иногороднымъ. Независимо отъ того, годовые платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію, и въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, слѣдуетъ записывать вносимыя деньги въ особую заведенную для того въ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, книгу.

М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

въ 1871 году.

Въ 1871-мъ году, экземпляры Вѣстника Европы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Абобьернеборгская губ. (310,111 жит.)	экз.
Або	1
	1

Акмолинская обл. (226,788 жит.)	
Акмолинскъ	3
Петропавловскъ	3
Омскъ	20
	26

Амурская обл. (22,297 жит.)	
Благовѣщенскъ	5
Албазинъ	2
	7

Архангельская губ. (275,779 жит.)	
Архангельскъ	17
Шенкурскъ	2
Сороцкая	1
Онега	1
Кемь	1
Холмогоры	1
	23

Астраханская губ. (573,954 жит.)	экз.
Астрахань	20
Черный-Яръ	2
Царево	1
	23

Бакинская губ. (486,229 жит.)	
Баку	18
Ленкоранъ	2
Шемаха	3
Куба	3
	26

Бессарабская обл. (1.952,013 жит.)	экз.
Кишиневъ	49
Сороки	3
Атаки	2
Бричаны	3
Секурянская	1
Банежская	2
Оргѣевъ	3
Скуляны	5
Бѣльцы	9
Новоселица	1
Глинная	3
Купчинская	3
Липканы	3
Хотинъ	7
Аккерманъ	3
Бендеры	3
Байрамчевская	1
Кайратъ	1
	102

Варшавская губ. (925,639 жит.)	
Варшава	48
Гроецъ	1
Гура-Кальварія	1
Ново-Дворъ	3
Минскъ	3
Скерневице	2
Кутно	2
Александровъ погран.	1
Влоцлавскъ	4
Ловичъ	3
Островы	1
Новогеоргіевская кр.	3
	72

Виленская губ. (973,574 жит.)	
Вильно	40
Свенціаны	2
Жосли	1
Дисна	1
Троки	2
Ораны	1
Рудзишки	1

	экз.
Щучинъ	1
Лида	2
Ошмяны	1
Молодечно	1
	53

Витебская губ.
(833,046 жит.)

Витебскъ	9
Усвятъ	1
Севьковская	1
Долысы	1
Зарѣчье	1
Рѣжица	3
Динабургъ	9
Креславль	1
Лепель	2
Полоцкъ	9
Велижъ	1
Суражъ	1
	39

Владимирская губ.
(1.239,051 жит.)

Владимиръ	18
Сима ст.	1
Гавриловъ посадъ	3
Судогда	3
Суздаль	2
Юрьевъ-польскій	2
Вознесенскій посадъ	9
Борисоглѣбская	1
Муромъ	4
Вязники	4
Ковровъ	1
Нехайковская	1
Покровъ	2
Александровъ	4
Гороховецъ	3
Орѣховская	1
Шуя	2
	61

Вологодская губ.
(974,585 жит.)

Вологда	22
Григорьевская ст.	1
Грязовецъ	1
Сольвычегодскъ	2
Усть-Сысольскъ	2
Великій-Устюгъ	2
Кадниковъ	1
Тотьма	2
	33

Волынская губ.
(1.643,261 жит.)

	экз.
Житомиръ	19
Владиміръ-Волынскій	5
Ковель	2
Дубно	1
Кременецъ	5
Радзивиловъ	2
Млыновская	1
Луцкъ	4
Новгородъ-Волынскъ	3
Волочискъ	2
Старо-Константиновъ	1
Заславъ	1
Острогъ	8
Ровно	4
Любарская	5
Овручъ	1
	64

Воронежская губ.
(2.068,998 жит.)

Воронежъ	50
Бестужевская	1
Задонскъ	3
Нижнедѣвицкъ	2
Бутурлиновка	3
Песковская	5
Новохоперскъ	5
Тагайская	1
Быковская	1
Павловскъ	7
Бирючъ	7
Богучаръ	5
Валуйки	7
Землянскъ	10
Коротоякъ	1
Острогожскъ	14
Бобровъ	10
Калачъ	2
	134

Выборгская губ.
(262,577 жит.)

Выборгъ	5
Сальмисъ	1
	6

Вятская губ.
(2.347,796 жит.)

Вятка	10
Орловъ	1
Яранскъ	2
Котельничъ	1
Слободской	2
Глазовъ	1
Елабуга	4
Ижевскій заводъ	1
Сарапуль	4
Нолинскъ	1
Сюмсиможгинская	1
Уржумъ	2
Малмыжъ	3
	33

Гродненская губ.
(958,852 жит.)

	экз.
Гродно	15
Соколка	1
Чемелы	1
Слонимъ	3
Пружаны	1
Дрогичинъ г.	1
Бѣльскъ	3
Бѣлостокъ	3
Березна	1
Дрогичинъ ст.	2
Кобринъ	3
Брестъ-Литовскій	10
	44

Дагестанская обл.
(449,096 жит.)

Гунибъ	4
Дашлагарская	2
Дербентъ	4
Темиръ-Ханъ-Шура	16
Петровское укр.	7
Чиръ-Юртская	2
	35

Екатеринославская губ.
(1,281,482 жит.)

Екатеринославъ	30
Базалуцкая	1
Никополь	3
Александровскъ	11
Верхнеднѣпровскъ	15
Кандерополь	2
Топильная	4
Петропавловка	2
Павлоградъ	11
Новомосковскъ	10
Перещепино	4
Азовъ	2
Нахичевань	1
Ростовъ на Дону	30
Таганрогъ	28
Благодатная	6
Ивановская	4
Луганскій заводъ	7
Маріуполь	6
Марченская	3
Михайловская	3
Славяносербскъ	1
Чернухинская	3
Бахмутъ	6
Корсунь ст.	1
Надеждино	1
Константиновка	2
Гавриловка	3
	200

Елизаветпольская губ.
(503,282 жит.)

Елизаветполь	4
Шуша	6
	10

Енисейская губ.
(350,848 жит.)

Красноярскъ	7
Енисейскъ	4
Каргино	1

	экз.
Рыбинская	2
Абаканская	1
Минусинскъ	3
	18

Забайкальская обл.
(419,843 жит.)

Чита	4
Нерчинскъ	7
Нерчинскій заводъ	1
Кайдаловская	1
Стрѣтинскъ	4
Укырская	2
Верхнеудинскъ	3
Петровскій заводъ	1
Селенгинскъ	2
	25

Земля войска Донскаго.
(1.010,135 жит.)

Новочеркасскъ	37
Новониколаевская	2
Есауловская	1
Амвросіевка	3
Харцызская	3
Успенская	1
Калачевскій хуторъ	1
Усть-Медвѣдицкая	2
Урюпинская	2
Аксайская	1
Константиновская	4
Нижнечирская	1
Боковская	2
Цымлянская	4
Шалаевская	5
Ольховый-Рогъ	1
Русская	1
Грушевская	2
Каменская	6
	79

Иркутская губ.
(372,833 жит.)

Иркутскъ	46
Киренскъ	2
Верхоленская	1
Витимскъ	1
Жигаловская	1
Кяхта форпостъ	11
Нохтуйская	4
Усть-Кутская	1
Тельминская	2
	69

Казанская губ.
(1.670,337 жит.)

Казань	77
Воробьевка	1
Чебоксары	2
Свіяжскъ	1
Алексѣевка	1
Лаишевъ	1
Чистополь	6

	экз.
Мамадыжъ	2
Метески	1
Спасскъ	4
Тетюши	3
Царевококшайскъ	1
	100

Калишская губ.
(601,029 жит.)

Калишъ	8
Конинъ	1
Слупца	2
Турекъ	1
Серадзъ	1
Клодава	1
Ленчица	1
Домбе	1
	16

Калужская губ.
(984,255 жит.)

Калуга	20
Александровск. хуторъ	4
Перемышль	2
Брынь	1
Жиздра	8
Козельскъ	2
Лихвинъ	1
Мещевскъ	1
Мосальскъ	3
Роговичская	1
Серпейскъ	1
Михѣевская	2
Мало-Ярославецъ	1
Полотняный заводъ	1
Медынь	3
Боровскъ	2
Таруса	4
	57

Кіевская губ.
(2.144,276 жит.)

Кіевъ	132
Бердичевъ	7
Самгородокъ	2
Умань	14
Черкасы	4
Смѣла	8
Тальное	6
Чигиринъ	5
Шпола	6
Звенигородка	6
Богуславъ	3
Таращa	3
Бѣлая Церковь	7
Жарнище	1
Липовецъ	5
Ружинъ	2
Сквира	6
Васильковъ	1
Каневъ	3
Коростышевская	1
Радомысль	5

	экз.
Фасово	1
Казатинъ	2
Попельня	1
	231

Ковенская губ.
(1.181,248 жит.)

Ковно	16
Поневѣжъ	1
Кейданы	3
Россіены	3
Таурогенъ	3
Шавли	3
Вилкомиръ	1
Ново-Александровскъ	2
	32

Костромская губ.
(1.101,099 жит.)

Кострома	22
Галичъ	3
Вичуга	4
Лухъ	2
Плесъ-Посадъ	2
Кинешма	7
Александровское	1
Малоугорская	1
Макарьевъ	2
Судиславль	1
Буй	2
Кологривъ	1
Парфентьевъ	1
Солигаличъ	1
Чухлома	2
Нерехта	5
Варнавинъ	1
Ветлуга	3
Юрьевецъ-Поволгскій	2
	63

Кубанская обл.
(599,969 жит.)

Екатеринодаръ	13
Щербиновка	1
Ейскъ	9
Уманская	2
Крымское укр.	1
Новороссійскъ	6
Славянская	2
Темрюкъ	3
Челбашская	1
Прочный Окопъ	3
Усть-Лабинская стан.	2
	43

Куопійская губ.
(215,019 жит.)

Куопіо	1
	1

Курляндская губ.
(597,288 жит.)

Митава	5
Либава	2
	7

Курская губ. (1.868,859 жит.)

	экз.
Курскъ	29
Короча	2
Обоянь	5
Грайворонъ	3
Медвѣнка	1
Мирополье	1
Новый-Осколъ	8
Старый-Осколъ	6
Тимъ	5
Фатежъ	9
Щигры	12
Борисовка	2
Бѣлгородъ	13
Поныры	1
Никольская	1
Дмитріевъ	7
Коренево	3
Льговъ	6
Путивль	3
Рыльскъ	11
Суджа	7
	135

Кутаисская губ. (653,894 жит.)

Кутаисъ	20
Озургеты	1
Орпирская	1
Поти	5
Ахалцыхъ	4
	31

Кѣлецкая губ. (470,300 жит.)

Кѣльцы	5
Пилица	1
Мѣховъ	1
Андреевъ	1
Влощова	1
Пинчевъ	3
Прошовице	1
Стопница	1
	14

Лифляндская губ. (990,784 жит.)

Рига	12
Дерптъ	3
Феллинъ	1
Перновъ	1
Венденъ	1
Икскиль	1
Штокмансгофъ	1
	20

Ломжинская губ. (456,429 жит.)

Ломжа	10
Остроленка	1
Граевъ	1
Щучинъ	2
Шепотова	1
Пултускъ	2
	17

Люблинская губ. (659,483 жит.)

	экз.
Люблинъ	10
Ивангородъ	3
Грубешовъ	2
Томашевъ-Замосцкій	3
Замосцъ крѣпость	1
Красноставъ	1
Новая-Александрія	2
Хелмъ	3
Яновъ (Замосцкій)	1
	26

Минская губ. (1.185,588 жит.)

Минскъ	20
Борисовъ	2
Игуменъ	1
Мозырь	1
Слуцкъ	6
Рѣчица	1
Якимовичи	1
Бобруйскъ	8
Пинскъ	2
Несвижъ	4
Новогрудокъ	6
	52

Могилевская губ. (908,858 жит.)

Могилевъ	18
Климовичи	4
Кричевъ	1
Гомель	6
Рогачевъ	1
Быховъ	1
Обидовичи	1
Пропойскъ	1
Сидоровичи	1
Чаусы	1
Чериковъ	4
Чечерскъ	3
Горы-горки	2
Дубровна	1
Копысь	1
Локуто	1
Мстиславль	2
Сѣнно	2
Орша	1
Дворецъ	1
	53

Московская губ. (1.678,784 жит.)

Москва:	
1) Газетная экспед.	106
2) Книж. магазинъ Соловьева	337
3) Книж. магазинъ Жихарева	15
	458
Волоколамскъ	4
Клинъ	3
Воскресенскъ	3
Звенигородъ	2

	экз.
Руза	4
Завидовская	1
Подсолнечная	1
Сергіевъ-посадъ	8
Пушкинская	1
Валуевская	1
Можайскъ	3
Верея	3
Дмитровъ	3
Подольскъ	3
Лопасня	3
Серпуховъ	6
Царицыно	1
Коломна	3
Богородскъ	3
	514

Нижегородская губ. (1.262,913 жит.)

Нижній-Новгородъ	45
Горбатовъ	1
Павлово	2
Починки	6
Лукояновъ	1
Арзамасъ	6
Мѣдниково	1
Балахна	1
Василь	3
Воскресенское	1
Семеновъ	1
Ардатовъ	1
Богоявленье	1
Княгининъ	2
Лысково	1
Сергачъ	3
Мангушевская	2
	78

Новгородская губ. (1.016,414 жит.)

Новгородъ	25
Бѣлозерскъ	2
Череповецъ	6
Кириловъ	7
Устюжна	7
Еремино	1
Меглецы	2
Боровичи	8
Валдай	2
Крестцы	2
Медвѣдь	3
Демьянскъ	1
Старая-Русса	4
Избоищенская	1
Сомино пристань	1
Тихвинъ	1
Подберезье	2
Спасская Полисть	5
Чудово	1
Бологое	3
Боровенская	1
Зарѣчье	1
Торбино	2
	88

Нюландская губ.
(172,504 жит.)

	экз.
Гельсингфорсъ	6
Свеаборгъ	2
	8

Олонецкая губ.
(302,490 жит.)

Петрозаводскъ	12
Повенецъ	1
Каргополь	1
Вытегра	3
Олонецъ	1
Вознесенская пристань	1
Лодейное-Поле	1
	20

Оренбургская губ.
(840,704 жит.)

Оренбургъ	31
Коельская	2
Звѣриноголовская	1
Троицкъ	4
Челябинскъ	5
Тунгатарово	1
Верхнеуральскъ	2
Орская	3
Илецкая Защита	1
Шарлакскій-Ямъ	1
Калмыковская	1
Нижнеуральскъ	7
Мухрановскій форпос.	1
	60

Орловская губ.
(1.578,013 жит.)

Орелъ	34
Трубчевскъ	1
Брянскъ	6
Карачевъ	5
Хотынецъ	2
Дмитровскъ	6
Котомки	8
Кромы	4
Толстодубово	1
Сѣвскъ	2
Ливны	14
Елецъ	20
Болховъ	7
Мценскъ	5
Дросково	4
Мало-Архангельскъ	8
Александровка	1
Отрада	2
Становой колодезь	2
Золотарево	1
	128

Пензенская губ.
(1.197,893 жит.)

	экз.
Пенза	32
Керенскъ	4
Новорчатъ	1
Нижній-Ломовъ	4
Чембаръ	3
Садовская	1
Каменка	2
Инсаръ	4
Исса	3
Царевщинская	2
Саранскъ	8
Краснослободскъ	1
Мокшаны	3
	68

Пермская губ.
(2.178,501 жит.)

Пермь	27
Оса	4
Оханскъ	2
Богословскій заводъ	2
Верхотурье	2
Ирбитъ	3
Долматовъ	1
Каменскій заводъ	1
Кушвинскій заводъ	7
Невьянскій заводъ	2
Нижнетагильскій зав.	3
Шадринскъ	2
Екатеринбургъ	24
Сугатская	1
Камышловъ	1
Ачитская	2
Кунгуръ	3
Билимбаевскій заводъ	1
Веретія	2
Красноуфимскъ	2
Соликамскъ	1
Чердынь	1
	94

Петроковская губ.
(635,473 жит.)

Петроковъ	4
Згержъ	1
Пабіанице	1
Лодзь	2
Радомскъ	1
Ченстохова	4
Домброва	3
Сосновицы	1
	17

Плоцкая губ.
(442,626 жит.)

Плоцкъ	5
Цѣхановъ	1
Млава	1
Липно	1
Серпецъ	1
	9

Подольская губ.
(1.946,760 жит.)

	экз.
Каменецъ-Подольскъ	23
Ямполь	4
Могилевъ	5
Ушица (Нов. Ушица)	2
Баръ	3
Ярмолинцы	4
Летичевъ	2
Литинъ	2
Меджибожъ	1
Проскуровъ	3
Немировъ	2
Винница	6
Гайсинъ	4
Ольгополь	5
Тульчинъ	7
Брацлавъ	1
Рохны-Лѣсовская	1
Калиновка	1
Кодыма	1
Попелюхи	1
Жмеринка	1
Балта	9
Кривое-озеро	2
	90

Полтавская губ.
(2.002,118 жит.)

Полтава	38
Борисполь	1
Переяславъ	10
Золотоноша	9
Опошня	3
Зеньковъ	4
Градижскъ	3
Семеновская	3
Хороль	11
Гадячъ	6
Лохвица	2
Миргородъ	5
Ромны	13
Яготинская	3
Пирятинъ	7
Лубны	12
Прилуки	18
Бѣлоцерковка	2
Кобеляки	11
Кременчугъ	30
Ѳедоровка	1
Гановка	2
Голещина	1
Искровка	1
Бутенковская гребля	1
Карловка	2
Константиноградъ	9
	208

Приморская губ.
(43,320 жит.)

Николаевъ	6
Владивостокъ	2
Хабарово	2
	10

Псковская губ.
(717,816 жит.)

Псковъ	22

	экз.
Боровичи	1
Сольцы посадъ	1
Порховъ	7
Бѣжаницы	1
Великія-Луки	5
Опочка	2
Торопецъ	8
Крюково	1
Новоржевъ	5
Святыя-горы	1
Холмъ	1
Островъ	5
Тяполовская	1
	61

Радомская губ.
(498,852 жит.)

Радомъ	7
Козеницы	2
Илжа	1
	10

Рязанская губ.
(1.438,292 жит.)

Рязань	23
Зарайскъ	3
Сапожокъ	4
Ряжскъ	2
Ижевское	3
Касимовъ	5
Михайловъ	3
Спасскъ	3
Пронскъ	3
Скопинъ	7
Горки	2
Данковъ	7
Дивово	1
Егорьевскъ	3
Злобино	1
Луховицы	1
Никотинская	1
Окулово	3
Раненбургъ	3
	78

Самарская губ.
(1.743,422 жит.)

Самара	27
Балаково	1
Бугульма	1
Зимникова	1
Сорочинская	1
Бузулукъ	3
Бугурусланъ	1
Марьевская	3
Николаевскъ	2
Новый-Узень	2
Павловская	2
Сергіевскія мин. воды	2
Красноярская	1
Мелекесъ	4
Ставрополь	2
Черданлинская	2
	55

С.-Петербургская губ.
(1.160,930 жит.) экз.

С.-Петербургъ:

1) по город. почтѣ	882
2) чрезъ кн. магаз. Базунова	753
3) чрезъ кн. магаз. Исакова	63
4) въ редакціи	40
	1738
Гдовъ	2
Нарва	4
Черковицы	1
Ямбургъ	2
Тупичино	1
Бѣлая	1
Гатчино	4
Луга	4
Елисаветина	1
Любань	1
Павловскъ	2
Царское-Село	14
Петергофъ	3
Ораніенбаумъ	3
Красное-Село	4
Кронштадтъ	19
Доможирово	1
Новая-Ладога	4
Петрушкино	1
	1810

Саратовская губ.
(1.725,478 жит.)

Саратовъ	45
Царицынъ	8
Коленская	3
Балашевъ	8
Аткарскъ	7
Камышинъ	8
Дубовскій-посадъ	1
Никольская	1
Таловка	1
Каменка	1
Камишкеръ	3
Петровскъ	3
Кондалъ	3
Кузнецкъ	3
Сердобскъ	5
Ключи	2
Вольскъ	10
Хвалынскъ	3
	120

Семипалатинская обл.
(208,994 жит.)

Семипалатинскъ	2
Усть-Каменогорскъ	1
	3

Семирѣченская обл.
(221,924 жит.)

Вѣрное	3
Токмакъ	2
Сергіополь	1

	экз.
Копалъ	1
Бухтарма	1
	8

Симбирская губ.
(1,192,510 жит.)

Симбирскъ	27
Юрловка	2
Красносенская	2
Алатырь	3
Андреевская	1
Ардатовъ	7
Тагай	2
Уренско-Карлинская	2
Корсунь	5
Курмышъ	2
Промзино	1
Талызино	1
Буйскъ	3
Сингилей	1
Сызрань	11
Теренгульская	2
Шумовская	1
	73

Смоленская губ.
(1.163,594 жит.)

Смоленскъ	18
Коски	1
Разрытое	1
Знаменское	3
Рославль	4
Ельня	2
Дорогобужъ	9
Духовщина	3
Порѣчье	4
Бѣлый	5
Красный	2
Ивановская ст.	1
Починокъ	4
Рябцово	2
Полуево	1
Вязьма	11
Сычовка	3
Гжатскъ	4
Каменская	1
Ярцево	1
	80

Ставропольская губ.
(371,422 жит.)

Ставрополь	26
Медвѣжье	2
Средне-Егорлыкская	3
Прасковея	1
Пятигорскъ	11
Лабинская	3
Майковъ укр.	2
Тифлисская	3
	51

Сувалкская губ.
(511,170 жит.)

Сувалки	8

	экз.
Прени	1
Вилковишки	1
Выштинецъ	1
Маріамполь	1
Кибарты	2
Мавруци	1
Августово	1
Филиповъ	1
Сейны	1
	18

Сѣдлецкая губ.
(504,606 жит.)

Сѣдльце	8
Радинъ	1
Бяло	3
	12

Сыръ-Дарьинская обл.
(865,461 жит.)

Ташкентъ	17
Казалинскъ	1
Туркестанъ	2
Чимкентъ	1
Ходжентъ	2
Самаркандъ	7
	30

Тавастгустская губ.
(161,175 жит.)

Тавастгустъ	1
Ойсъ	1
	2

Таврическая губ.
(658,549 жит.)

Симферополь	27
Карасубазаръ	4
Ялта	9
Керчь	19
Ѳеодосія	9
Балаклава	1
Севастополь	10
Алушта	1
Евпаторія	3
Судакъ	1
Перекопъ	1
Алешки	3
Каховка	1
Сирогозская	2
Мелитополь	6
Гольбштадтъ	1
Орѣховъ	12
Бердянскъ	8
	118

Тамбовская губ.
(2.055,778 жит.)

	экз.
Тамбовъ	45
Толстиковская	1
Елатьма	1
Кадомъ-посадъ	1
Новочеркутино	3
Козловъ	13
Преснополянская	1
Спасскъ	2
Шацкъ	4
Моршанскъ	10
Богоявленская	1
Грязи	1
Каргашино	5
Кулики	2
Лебедянь	7
Липецкъ	8
Муравьевская	2
Никольская	1
Усмань	7
Чириково	1
Мордово	1
Токаревка	1
Хомутово	1
Кирсановъ	15
Борисоглѣбскъ	21
Окры	1
Разсказово	3
Уметская	1
Ртищево	1
Екатериновка	1
Сосновская	1
	163

Тверская губ.
(1.521,577 жит.)

Тверь	25
Осташковъ	2
Вышній-Волочекъ	3
Останковская	3
Спировская	2
Торжокъ	10
Неганово	1
Весьегонскъ	1
Кашинъ	7
Кесьма	1
Красный-Холмъ	4
Колоденская	1
Старица	10
Бѣжецкъ	10
Зубцовъ	5
Калязинъ	5
Кимры	2
Корчево	3
Медвѣдицкая	1
Ржевъ	10
Максатиха	1
Мстинская	1
Брусовская	1
	109

Терская обл.
(447,307 жит.)

	экз.
Владикавказъ	23
Грозная крѣпость	13
Хасавъ-Юртъ	4
Шелкозаводская	1
Моздокъ	2
Кизляръ	2
Нальчикъ укр.	2
Слѣпцовская	1
Георгіевская кр.	4
	52

Тифлисская губ.
(596,784 жит.)

Тифлисъ	93
Джульфа	1
Сурамская	2
Гори	2
Сухумъ-Кале	4
Ахалкалаки	1
Делижанъ	1
Закаталы	2
Караклинская	1
Телавъ	1
Царскіе-Колодцы	5
Душетъ	1
	114

Тобольская губ.
(1.105,855 жит.)

Тобольскъ	7
Ишимъ	2
Тара	2
Курганъ	4
Ялуторовскъ	2
Туринскъ	1
Тюмень	5
Еланская	1
	24

Томская губ.
(784,268 жит.)

Томскъ	18
Змѣиногорскій руд.	4
Маріинскъ	1
Бійскъ	1
Кузнецкъ	1
Барнаулъ	11
Берское село	1
Булатовская	1
	38

Тульская губ.
(1.154,292 жит.)

Тула	40
Бѣлевъ	4
Веневъ	6
Ефремовъ	8
Кашира	3
Лопатково	1
Марьино	1
Епифань	6
Богородицкъ	5
Лукояновская	2
Алексинъ	4
Доробино	3
Одоевъ	11
Сергіевское	3
Кадное	1
Войновскіе-Выселки	1

	экз.
овосиль	3
ернь	10
ваново	1
рапивна	1
азарево	1
ергіевское	3
ернская	1
сенки	1
	120

Уфимская губ. (1.297,577 жит.)

фа	18
Гензелинскъ	1
ирскъ	3
латоустовскій зав.	6
терлитомакъ	5
одлубовская	1
аткинскій зав.	2
елебей	1
прыкъ	1
	38

Харьковская губ. (1.681,486 жит.)

арьковъ	90
ебединъ	7
хтырка	6
оромля	1
умы	12
ѣлополье	2
орожба	3
оломакъ	1
алки	7
ѣловодская	7
таробѣльскъ	12
ово-Екатеринославъ	3
лавянскъ	7
зюмъ	7
олохоярская	1
угуевъ	7
уплискъ	7
упьевахская	1
огодуховъ	4
олчанскъ	15
міевъ	1
тавроково	3
лавянская	2
лексѣевка	1
орки	1
	208

Херсонская губ. (1.497,995 жит.)

	экз.
ерсонъ	26
Новомиргородъ	7
Николаевъ	20
Шараево	1
Одесса	106
Дубоссары	2
Липецкая	2
Яновская	3
Марьяновская	2
Ананьевъ	6
Водяная	1
Максимовская	4
Бобринецъ	4
Елизаветградъ	28
Колинцово	2
Вознесенскъ	5
Константиновская	1
Ольвіополь	6
Тирасполь	6
Новая-Прага	5
Березовка	1
Песчаный-Бродъ	2
Новогеоргіевскъ	1
Александрія	11
Бирзула	1
Жеребково	3
Ивановка	1
Ново-Украинка	5
Раздѣльная	1
Чубовка	1
Знаменка	1
Мигаево	1
Бериславль	5
Нововоронцовская	6
	277

Черниговская губ. (1.560,378 жит.)

Черниговъ	17
Седневская	1
Городня	3
Клинцы	2
Почепъ	4
Суражъ	3
Мглинъ	4
Авдѣевка	1
Новгородъ-Сѣверскъ	8
Климовъ-посадъ	2
Новозыбковъ	2
Погаръ	2
Стародубъ	4
Сосница	6
Остеръ	1
Козелецъ	3
Березна	2
Шостенская	1
Семиполѣская	1
Батуринъ	1
Конотопъ	9
Рѣпки	3
Глуховъ	8
Алтыновская	1
Кролевецъ	6
Нѣжинъ	9
Борзна	4
Красное	1
Плиски	1
Бобровицы	2
	112

Эриванская губ. (435,658 жит.)

Эривань	8
Нахичевань	3
Александрополь	4
	15

Эстляндская губ. (322,668 жит.)

Ревель	6
Везенбергъ	1
	7

Якутская обл. (228,363 жит.)

Якутскъ	2
	2

Ярославская губ. (999,383 жит.)

Ярославль	33
Даниловъ	1
Молога	4
Рыбинскъ	11
Любимъ	2
Пошехонье	5
Романовъ-Борисоглѣбскъ	2
Угличъ	1
Ростовъ	4
	63

За границею:

Германія	37
Италія	12
Швейцарія	6
Англія	3
Франція	7
Бельгія	2
Молдавія	1
Турція	2
Греція	2
Данія	1
	73

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ:

		экз.
1.	Херсонская. .	277
2.	Кіевская . . .	231
3.	Полтавская .	208
4.	Харьковская .	208
5.	Екатеринослав.	200
6.	Тамбовская .	163
7.	Курская . . .	135
8.	Воронежская .	134
9.	Орловская . .	128
10.	Саратовская .	120
11.	Тульская . .	120
12.	Таврическая .	118
13.	Тифлисская .	114
14.	Черниговская.	112
15.	Тверская . . .	109
16.	Бессарабс. обл.	102
17.	Казанская . .	100
18.	Пермская . .	94
19.	Подольская .	90
20.	Новгородская.	88
21.	Смоленская .	80
22.	З. В. Донскаго.	79
23.	Нижегородская	78
24.	Рязанская . .	78
25.	Симбирская .	73
26.	Варшавская .	72
27.	С.-Петербургс.	72
28.	Иркутская . .	69
29.	Пензенская . .	68
30.	Волынская . . .	64
31.	Костромская . .	63
32.	Ярославская . .	63
33.	Владимирская .	61
34.	Псковская . . .	61
35.	Оренбургская .	60
36.	Калужская . .	57
37.	Московская . .	56
38.	Самарская . . .	55
39.	Виленская . . .	53
40.	Могилевская . .	53
41.	Минская	52
42.	Терская	52
43.	Ставропольская	51
44.	Гродненская . .	44
45.	Кубанская . . .	43
46.	Витебская . . .	39
47.	Томская	38
48.	Уфимская . . .	38
49.	Дагестанск. обл.	35
50.	Вологодская . .	33
51.	Вятская	33
52.	Ковенская . . .	32
53.	Кутаиская . . .	31
54.	Сыръ-Дарьинск. область . . .	30
55.	Акмолинская .	26
56.	Бакинская . . .	26
57.	Люблинская . .	26
58.	Забайкальская .	25
59.	Тобольская . .	24
60.	Архангельская .	23
61.	Астраханская .	23
62.	Лифляндская .	20
63.	Олонецкая . . .	20
64.	Енисейская . .	18
65.	Сувалкская . .	18
66.	Ломжинская . .	17
67.	Петроковская .	17
68.	Калишская . .	16
69.	Эриванская . .	15
70.	Кѣлецкая . . .	14
71.	Сѣдлецкая . . .	12
72.	Елизаветпольс.	10
73.	Приморск. обл.	10
74.	Радомская . . .	10
75.	Плоцкая	9
76.	Нюландская . .	8
77.	Семирѣчен. обл.	8
78.	Эстляндская . .	7
79.	Курляндская .	7
80.	Амурская обл.	7
81.	Выборгская . .	6
82.	Семипалат. обл.	3
83.	Тавастгустская.	3
84.	Якутская . . .	2
85.	Абобьернеборгс.	1
86.	Куопійская . .	1
		5148

II. Въ С.-Петербургѣ 1738

III. Въ Москвѣ 458

IV. За границею 73

Всего: экз. 7417

А. Хомиховскій
Экспедиторъ редакціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»,

ЗА 1871 ГОДЪ.

Обозрѣнія.

ь: Взятіе Парижа Версальцами. — Побѣж-
іе и побѣдители. — Тьеръ въ собраніи. —
кфуртскій трактатъ и измѣненія въ перво-
ьныхъ условіяхъ мира. — Трактатъ между
ею и Соединенными Штатами.—Положеніе
іета Гладстона. — Бюджетъ Лоу и его ис-
.—Новые налоги.—Борьба по поводу бюд-
(862 стр.).—Іюль: Циркуляръ Жюля Фав-
Политическая исповѣдь Тьера.—Положеніе
цузскихъ финансовъ.—Заемъ двухъ милліар-
— Предполагаемая финансовая система. —
днительные выборы.—Разсказъ Трошю о за-
Парижа.—Безпорядки въ колняхъ прусской
іи.—Избирательный билль въ Англіи.—Пій
его юбилей.—Перенесеніе столицы Италіи
имъ. — Французское недоброжелательство
стр.).—Августъ: Годъ тому назадъ. —
юская рѣчь Гамбетты наканунѣ іюльскихъ
ювъ. — Отношеніе Гамбетты къ правитель-
Тьера и коммунѣ. — Новыя идеи «прави-
гвенной» оппозиціи во Франціи. — Взглядъ
этты на причины бѣдствій Франціи и его
ическая программа. — Ея cercle vicieux. —
кіе выборы.—Ихъ результатъ въ провинціи
Парижѣ, сравнительно съ февральскими вы-
и.—Муниципальные выборы въ Парижѣ.—
осъ эльзасскій и клерикальный въ Герма-
-Результаты парламентскихъ работъ въ Ан-
Австріи, Бельгіи и Италіи.—Новыя стрем-
въ Турціи къ объединенію (847 стр.). —
тябрь: Занятія французскаго національ-
собранія. — Законъ о децентрализаціи. —
ктъ военнаго преобразованія. — Вопросъ о
щеніи національной гвардіи. — Вопросъ о
еніи власти Тьера. — Предложенія Ряве и
.—Докладъ, коммиссіи.—Положеніе, приня-
Ьеромъ.—Свиданіе въ Вельсѣ и переговоры въ
еннѣ.—Баварское министерство.—Лига ми-
-Австрійскія дѣла (437 стр.).—Октябрь:
ціи въ Версали.—Процессъ парижской ком-
• — Дѣло Росселя и Рошфора. — Трошю и
юръ.—Положеніе дѣлъ въ Германіи.—Дви-
› «старыхъ» католиковъ и ихъ конгрессы.—
титуціонная борьба въ Австріи и выборы.—
ъ чешскаго королевства. — Альпійскій тун-
— Смерть двухъ визирей и назначеніе но-
(897 стр.).—Ноябрь: Идея федерализма
Австріи. — Чешскій адрессъ и «основныя
и».—Демонстраціи вѣнскихъ студентовъ.—
ь въ Военной-Границѣ. — Паденіе мини-
тва Гогенварта.—Открытіе германскаго сей-
ма. — Монетная реформа. — Новыя сообщенія Бенедетти и Бисмарка.—Новыя конвенціи между Германіею и Франціею.—Департаментскіе выборы во Франціи.—Пожаръ въ Чикаго (400 стр.). — Декабрь: Мекленбургскій вопросъ передъ германскимъ сеймомъ.—Трейчке и Бебель.—Феодальный остатокъ въ Германіи.—Открытіе прусскаго сейма. — Графъ Андраши и новое министерство въ Австріи.—Обзоръ главныхъ фактовъ въ другихъ странахъ западной Европы (855 стр.).

III. Новѣйшая литература. — Январь: Народная бельлетристика. *Народныя южнорусскія сказки, П. Рудченко* (441 стр.). — Февраль: Роль воображенія въ наукахъ точныхъ. *On the scientific use of the imagination, by J. Tyndall. Ю. Ж.* (903 стр.).—Мартъ: Библіографическая судьба Пушкина. *Полное собраніе сочиненій Ал. Пушкина, изданное подъ ред. Геннади* (445 стр.). —Апрѣль: Русскій офицеръ у нѣмцевъ. *Война 1870 г. М. Анненкова* (897 стр.).—Май: Бельлетристика добрыхъ намѣреній. *Русскіе демократы, Н. Витнякова. Свѣтловъ, его взгляды, характеръ, и дѣятельность, Омулевскаго* (465 стр.).—Іюнь: Державинская эпоха, ея люди и нравы. *Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. VI.* (896 стр.).—Іюль: Новый трудъ о XVII вѣкѣ. *Царствованіе Өедора Алексѣевича, соч. Замысловскаго* (450 стр.).—Августъ: Незагадочный писатель. *Лѣсковъ - Стебницкій, Загадочный человѣкъ* (897 стр.).—Сентябрь: *Архивъ князя Воронцова. Книга вторая. Бумаги Елисаветинскаго времени* (491 стр.). — Декабрь: Наши предки.— *Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ осьмой* (898 стр.).

IV Новыя книги. — Январь: Археологическая топографія Таманскаго полуострова, Герца (455 стр.).—Февраль: Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, П. Пекарскаго. Т. I.—Русскія дѣтскія сказки, А. Н. Аѳанасьева (920 стр.).—Мартъ: Въ захолустьи и въ столицѣ, Скалдина.—Причины упадка сельскаго хозяйства. Лейпцигское изданіе (463 стр.). — Апрѣль: Свой хлѣбъ, О. Рѣшетникова.—Путевыя замѣтки за-границею и по Россіи въ 1870 г., А. Клеванова. — Сельское духовенство во Франціи, Беллюстина (907 стр.).—Май: Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы, Г. О. Тэна, пер. п. р. А. Рябинина и М. Головина.—Отчетъ о помѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Гер-

манія, Лотарингія и Эльзасѣ въ 1870 г., Ак. Н. И. Пирогова. — Исторія XVIII и XIX столѣтія до паденія французской имперіи, Ф. К. Шлоссера, съ предисл. М. А. Антоновича (478 стр.). — Іюнь: Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности.—Путешествіе по Америкѣ въ 1869—1870 гг., Эдуарда Циммермана (912 стр.). —Іюль: Францискъ Сарсэ, Осада Парижа 1870 —1871 гг. — Повѣсти, романы и драматическія сочиненія Н. А. Лейкина.—Повѣсти и деревенскіе разсказы Бертольда Ауэрбаха. — Эркманъ Шатріанъ, исторія школьнаго учителя, съ приложеніемъ драмы въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Польскій Жидъ» и критической статьи Жюля Кларети (459 стр.): — Августъ: Московскія смуты въ правленіе Софіи Алексѣевны, Н. Арнстова. — Жизнь заключенныхъ, В. И. Никитина. — Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ Россія, И. К. Гейлера (902 стр.).

V. Библіографическій листокъ.—Январь: 1. Сновы, стихи и проза Я. П. Полонскаго. — 2. Математическій анализъ, П. З. Воскресенскаго. —3. Общеславянская азбука, А. Гильфердинга.— Февраль: 1. Судебное слѣдствіе, К. К. Арсеньева.—2. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, Л. Костенко. — 3. Австралія. Пер. съ нѣмецк. Изд. Е. Лихачевой и А. Сувориной.—4. Американки XVIII вѣка, М. Цебриковой.—Мартъ: 1. Война 1870 года. Замѣтки и впечатлѣнія русскаго офицера, М. Анненкова. — 2. Исторія политической литературы XIX столѣтія, Ю. Г. Жуковскаго. — 3. Изслѣдованіе промышленности ножовой, замочной и другихъ металлическихъ издѣлій въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, инж. техн. Лабзина. — 4. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ, Вебера.— Апрѣль: 1. Россія и Европа, Н. Я. Данилевскаго.—1. Руководство къ изученію французскаго языка для всѣхъ учебныхъ заведеній, В. А. Сильмана. — 3. Элементарный курсъ французскаго языка для I и II классовъ сред. учебн. завед., В. А. Сильмана. — 4. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы, Г. О. Тэна. Пер. подъ ред. А. Рябинина и М. Головина.—Май: 1. Эмиль XIX вѣка. Альфонса Эскироса. Пер. М. Цебриковой.—2. Сборникъ историческаго русскаго общества. Т. VI.—3. Обозрѣніе японскаго архипелага въ современномъ его состояніи, М. Вен[...]кова. — 4. Журналъ гражданскаго и торго[...] права, А. Киприна и Н. Тура.—Іюнь: 1. Ис[...]торія царствованія императора Александра I [...] Россія въ его время, соч. автора исторіи оте[...]ственной войны 1812 г. Т. V и VI.—2. Фин[...]совое управленіе и финансы Пруссіи, А. Забл[...]каго-Десятовскаго. — 3. Практическое изуче[...] французскаго языка по методѣ Олендорфа, [...] Герцберга.—4. Военно-статистическій сборни[...] выпускъ IV. — Іюль: 1. Московскія смуты [...]правленіе царевны Софіи Алексѣевны, Н. Ар[...]това.—2. Разсказы о русской старинѣ съ пр[...]мѣчаніями С. Шубинскаго.—3. Нашъ другъ, [...] Н. А. Корфа. —4. Военная библіотека. Т. I.— Августъ: 1. Происхожденіе человѣка и по[...]вой подборъ, Чарльса Дарвина, пер. подъ р[...] Г. Е. Благосвѣтлова.—2. О самоуправленіи, [...] А. Васильчикова, т. III.—3. Еврейская библіоте[...] изд. А. Е. Ландау. — Сентябрь: 1. Сравн[...]тельная грамматика славянскихъ и другихъ р[...]ственныхъ языковъ, В. И. Шерцля.—2. Ста[...]лавъ Зноемскій и Янъ Гусъ, Алекс. Дюверну[...] Наши дни, Б. Ауэрбаха.—Октябрь: 1. Опи[...]ніе обороны города Севастополя, сост. подъ р[...] генер. Тотлебена. — 2. Война за утверж[...] прусской гегемоніи въ Европѣ и отношеніе Р[...]сіи къ ней, В. Андреева. — 3. Какъ добыв[...] шелкъ, В. Е. Иверсена.—4. Товарные склад[...] варранты, Н. Х. Бунге.—5. Дарвинъ, происх[...]деніе человѣка и половой подборъ, изд. редак[...] журн. Знаніе.—Ноябрь: 1. Сборникъ русск[...] историческаго общества. Т. VIII. — 2. Прих[...]скій священникъ Александръ Васильевичъ Гу[...]левскій, подробный біографическій очеркъ, сос[...] С—овъ. — 3. Замѣтки въ поѣздку во Франці[...] Италію, Бельгію и Голландію, Н. И. Тарасен[...] Отрѣшкова.—Декабрь: 1. Исторія Россіи с[...] древнѣйшихъ временъ. Т. XXI. Царствованіе и[...]ператрицы Елисаветы Петровны. Т. I. Соч. С. Соловьева.—2. Русская исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I.—3. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Соч. П. Полевого.

VI. Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (апр. 912; май 391; іюнь. 932; іюль, 466; авг. 916; окт. 958; дек. 921).—Второй Археологическій съѣздъ въ С.-Петербургѣ (стр. 923).—Возобновленіе подписки на памятникъ Пушкину (май, 494).

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1871.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

62

Книга двѣнадцатая. — Декабрь.

Конецъ шестого года.

я Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XI. Царствованіе императрицы Елисаветы етровны. Т. I. Соч. *Сергья Соловьева.* осква. 1871. Стр. 379. Ц. 2 р.

овую главу новаго выпуска нашъ историкъ аетъ обзору придворныхъ смутъ и ин- въ кратковременную эпоху господства веигской фамиліи, въ формѣ регентства и правленія Анны Леопольдовны. Послѣд- главы описываютъ внутреннія и внѣшнія трехъ первыхъ лѣтъ царствованія Ели- (1741—1744). Нашъ историкъ остается къ своему методу наблюденія надъ эпоха- излагая съ полнымъ безпристрастіемъ и ою факты, предоставляетъ выводы тому, иступитъ къ изученію его въ высшей сте- бросовѣстнаго труда. Вступленіе на прес- имп. Елисаветы является обыкновенно тор- мъ національной партіи надъ партіею анцевъ; но перемѣна собственно состояла ъ, что интриги иностранцевъ замѣнились интригами боярской партіи, и враждеб- ношенія Бестужева къ Трубецкому были дотворнѣе для государства прежняго со- ества нѣмцевъ съ русскими. Этимъ об- ьствомъ нашъ историкъ справедливо оправ- ъ имп. Елисавету въ упрекахъ, которые ей современники, такъ какъ «національная» нисколько не уменьшила «трудность рѣ- дѣлъ при разнорѣчіи мнѣній, при спокой- ровномъ отношеніи къ людямъ, высказы- ъ разнорѣчивыя мнѣнія».

я исторія. *К. Бестужева-Рюмина.* Томъ рвый. Спб. 1872. Стр. 246 и 480. Ц. за ѣ три тома 5 руб.

ый трудъ К. Бестужева-Рюмина безъ сом- братитъ самое серьезное вниманіе нашихъ овъ и знатоковъ отечественной исторіи, ря на скромное заявленіе автора, объ- щаго, что «цѣль этой книги — представить таты, добытые русскою историческою нау- полтораста лѣтъ ея развитія, указать на которыми добывались и добываются эти ре- ты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ ис- овъ, доступныхъ въ настоящее время ученой вности». Первому, нынѣ вышедшему тому сылается обширное введеніе объ источни- русской исторіи и о ея современной науч- работкѣ. Самое изложеніе русской исто- нимаетъ собою всю древнюю исторію до основанія московскаго царства. События описываются вездѣ весьма коротко; за то авторъ останавливается главнымъ образомъ на фактахъ государственнаго и общественнаго быта, вѣрованій и умственнаго развитія эпохи, и каждый съ перваго взгляда убѣдится, что трудъ пр. Бестужева, Рюмина, какъ руководительство въ лабиринтѣ мнѣній и взглядовъ, высказанныхъ до него, оказываетъ важную услугу всѣмъ, приступающимъ къ самостоятельному изученію исторіи, и «не желающимъ, по словамъ автора, jurare in verba magistri.»

Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ (862—1852). Соч. *П. Полеваго.* Спб. 1872. Стр. 675. Ц. 4 руб.

Настоящій трудъ автора есть собственно соединеніе христоматіи, и притомъ иллюстрированной, съ учебникомъ исторіи русской литературы, а потому, въ противность мнѣнію самого автора, мы полагаемъ, что его трудъ можетъ быть скорѣе пособіемъ при изученіи русской литературы, нежели книгою для такъ-называемаго «чтенія», на чемъ настаиваетъ авторъ, утверждая, что его книга не должна имѣть «ничего общаго съ учебникомъ или учебнымъ пособіемъ». Въ подобнаго рода изданіяхъ размѣръ составляетъ одно изъ важныхъ условій, и намъ кажется, что авторъ погрѣшилъ въ этомъ отношеніи, удѣливъ болѣе трети книги на древній періодъ до Петра Великаго. Наша классическая эпоха, отъ Карамзина до Бѣлинскаго, занимаетъ у него мѣста не болѣе, какъ и древняя эпоха. Такой размѣръ частей дѣлается важною ошибкою въ книгѣ, предназначаемой, по словамъ автора, служить «всей массѣ образованнаго большинства». Желательно было бы, при новомъ изданіи книги, видѣть именно нашъ классическій періодъ болѣе развитымъ, особенно если авторъ отказывается имѣть въ виду цѣли учебника. Нельзя же тому, кто желаетъ содѣйствовать обществу въ «его стремленіи къ подробному и многостороннему изученію своего прошлаго», ограничиваться, напримѣръ, въ эпохѣ «отъ Пушкина до новѣйшаго времени», слѣдов., въ эпохѣ самаго недавняго прошлаго, семью именами, включая сюда и Н. А. Полеваго. Желательно было бы также въ новомъ изданіи не видѣть иллюстраціи, такъ какъ это, можетъ быть, дастъ автору возможность приводить тексты писателей, наприм., фонъ-Визина, безъ старинной памяти точекъ. Если мы не ошибаемся, то даже въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій ф.-Визина, выходившихъ подъ цензурой, такихъ точекъ не было.

ИЗДАНІЕ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

въ 1872-мъ году

на тѣхъ же условіяхъ:

1.—*ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—**15 руб.**; 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—**15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.** въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) **Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ**, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ.—Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) **Городскіе подписчики въ Москвѣ**, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе же получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) **Иногородные подписчики** обращаются: 1) *по почтѣ* — исключительно въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) **Иностранные подписчики**: 1) *по почтѣ* — прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., — въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ, — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2.—*ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные—въ городскіе 50 коп.

3.—*ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе.—Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.